

Министерство образования и науки РФ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
УНИВЕРСИТЕТ НИЦДЫ «СОФИЯ АНТИПОЛИС»
BELGOROD NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
INSTITUTE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION AND INTERNATIONAL RELATIONSHIPS
THE INSTITUTE OF LINGUISTICS, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES UNIVERSITY OF NICE
SOPHIA ANTIPOLIS

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ, МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ**

Материалы II Международной научной конференции
(20–21 апреля 2016 года, Белгород, Россия)

**ACTUAL PROBLEMS OF LINGUISTICS, LITERATURE
STUDIES, INTERCULTURAL COMMUNICATION AND
LINGUODIDACTICS**

Proceedings of the 2nd International scientific conference
(April 20–21, 2016, Belgorod, Russia)

Белгород 2016

УДК 81/82
ББК 81+83.0
С 56

Ответственный редактор:

член-корреспондент РАН, д.ф.н., проф. *Виноградов В.А.*

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН, д.ф.н., проф. *Виноградов В.А.*;

директор ИМКиМО, д.ф.н., проф. *Прохорова О.Н.*;

зав. кафедрой университета Софии Антиполис в Ницце

д.ф.н., проф. *Лёжестре Пернель Б.Ф.Д.*;

зам. директора ИМКиМО по научной работе, д.ф.н., проф. *Багана Ж.*

С 56 **Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики** : Материалы II Международной научной конференции, 20–21 апреля 2016 года, Белгород, Россия / отв. ред.: член-корреспондент РАН, д.ф.н., проф. В.А. Виноградов. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – 530 с.

ISBN 978-5-9571-2090-2

Издание адресовано специалистам в области языкознания, филологии и методики преподавания иностранных языков, научным работникам, докторантам, аспирантам, магистрантам, преподавателям, учителям.

Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 81/82
ББК 81+83.0

ISBN 978-5-9571-2090-2

© Институт межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ», 2016

© НИУ «БелГУ», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Алефиренко Н.Ф. (<i>Россия, Белгород</i>) Концептуально-фреймовый субстрат фразеологического значения	11
Rieu Josiane (<i>Франция, Ницца</i>) L'histoire des mentalités en littérature: l'imaginaire de la création au XVI ^e siècle	16
Pernelle Beatrix (<i>Франция, Ницца</i>) Is Ahab, Ahab? Ahab and terrorism in <i>Moby-Dick</i>	23
Fuchs Nadia (<i>Франция, Ницца</i>) The transcultural magic of Woodini: Russia in Allen's films	25
Gannier Odile (<i>Франция, Ницца</i>) Imagologie: du voyage à l'étude des images réciproques	27
Харченко В.К. (<i>Россия, Белгород</i>) Обрядовый хронотоп и современный хроноцид	31

ВЕЧЕРНЕЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Василенко А.П. (<i>Россия, Брянск</i>) Французско-русский фразеологический эквивалент: от симметрии к асимметрии знака	35
Гришаева Л.И. (<i>Россия, Воронеж</i>) Дидактические аспекты лингвистической проблематики при подготовке германистов	40
Чекулай И.В., Прохорова О.Н. (<i>Россия, Белгород</i>) Проверсия и реверсия как основные механизмы структурирования языковых знаний о словосложении в разных языках	47
Нагорный И.А. (<i>Россия, Белгород</i>) Функциональная семантика русских предположительных частиц	51
Багана Ж. (<i>Россия, Белгород</i>) Интернациональные англо-американизмы в территориальном варианте французского языка Африки	56

Секция 1

«ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ, СОЦИОЛИНГВИСТИКИ, СЕМИОТИКИ, СИНТАГМАТИКИ»

Abieva N.A. (<i>Russia, Saint Petersburg</i>) Human Mind and Semiotic Capacity Co-Evolution	61
Абрамова Е.С., Кравченко О.Н. (<i>Россия, Белгород</i>) Концепт как объект исследования в современной лингвистике	66
Агафонова О.И., Белкина И.В., Белозерова М.С. (<i>Россия, Белгород</i>) Актуализация сложной метафоры «POLITICS IS ANIMAL WORLD» в британских и американских средствах массовой коммуникации	71

Афанасьева О.В., Заика Т.В. (<i>Россия, Алексеевка</i>) К вопросу об актуализации морбиальной метафоры в англоязычном социальном дискурсе	76
Бавыкина Е.В. (<i>Россия, Воронеж</i>) Особенности лексической объективации категории движения в текстах научной фантастики	81
Белоусова Т.А. (<i>Россия, Белгород</i>) К вопросу о логико-семантических типах генитивных отношений	84
Бондаренко Е.В., Загайнова Е.А. (<i>Россия, Белгород</i>) Роль социолингвистической мотивации при определении языковой ситуации на территории Канады	88
Берзина Г.П. (<i>Россия, Новосибирск</i>) Категория уступительности и её интерпретирующий потенциал в антропоцентрических координатах современной лингвистики	91
Виноградова Е.А., Кислицына Е.В. (<i>Россия, Белгород</i>) Семантические особенности и функционирование фразеологических единиц современного английского языка с концептовыражающим значением «финансовая несостоятельность»	96
Воробьева К.С., Мережко А.А. (<i>Россия, Белгород</i>) Концепт «одиночество» в лексикографических источниках	102
Данилова Е.С., Перуцкая Т.В. (<i>Россия, Белгород</i>) Критерии отнесения глаголов к семантической группе «Обработка материалов»	106
Дрыгина Ю.А., Купцова Ю.А. (<i>Россия, Белгород</i>) Анализ прототипического репрезентанта концепта «власть» в английском языке	110
Зуева Е.А., Нерубенко Н.В. (<i>Россия, Белгород</i>) Реализация интеллектуальной эмоции «сомнения» средствами современного немецкого языка	114
Козырева М.К. (<i>Россия, Белгород</i>) Репрезентация отношения к исламскому миру в англоязычном интернет-пространстве	117
Костина Д.М., Костина Н.И., Карнаухова Н.А. (<i>Россия, Белгород</i>) Языковая репрезентация этноконцепта «Индивидуализм» в британском лингвокультурном пространстве (на материале современной политической публицистики)	121
Кузьмичева В. А., Доборович А.Н. (<i>Россия, Белгород</i>) Семантика фреймов в исследовании английских глаголов со значением «социальная деятельность по достижению цели»	125
Куприева И.А., Смирнова С.Б. (<i>Россия, Белгород</i>), Болсуновская Л.М. (<i>Россия, Томск</i>) О когнитивных структурах знания в лингвистических исследованиях	129
Ломоносова Ю.Е., Соболева Т.Е. (<i>Россия, Белгород</i>) Полевая организация концептуального пространства	134
Мамонова Н.В., Юхмина Е.А. (<i>Россия, Челябинск</i>) Концепт «Russia» в ассоциативном поле носителей английского языка	138
Мангова О.Б. (<i>Россия, Москва</i>) Зоонимы в нейминге: прагматический и когнитивный аспекты	142

Миронова Г.В., Островская О.В., Торопова Т.В. (Россия, Белгород) Особенности передачи женских имен при переводе (на примере произведений Дж. Роулинг)	147
Мирошниченко Н.С. (Россия, Белгород) Теоретические основания выделения и описания фрейма «Восстановление»	151
Морель Морель Д.А. (Россия, Белгород) Динамика концептов «обжитого пространства», выявляемая по результатам ассоциативного эксперимента	155
Павлова А.В. (Россия, Оренбург) Концепт STATE и концептуально-тематические области его определения	160
Пересыпкин А.П., Цурикова Л.В., Ермакова Л.Р. (Россия, Белгород) Лингвистическая куратория как панкатегория синергетики	163
Пристинская Т.М. (Россия, Белгород) Типы аппроксиматоров в номинациях со значением приблизительности (на материале немецкого языка)	170
Пупынина Е.В. (Россия, Белгород) Неологизмы как экспликатеры ассоциативного слоя в семантике пространства	175
Рейнхардт И.А. (Россия, Санкт-Петербург) Коллигации, коллокации и конструкции с пространственно-временными предлогами в англоязычных новостных текстах	181
Середина Е.В. (Россия, Белгород) Символы в политической карикатуре	186
Шеховцева Т.М., Раздабарина Ю.А. (Россия, Белгород) Оценочные характеристики концепта СИЛА (на материале современного английского языка)	190

Секция 2

«ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ, ФРАЗЕОЛОГИИ, ЛЕКСИКОГРАФИИ»

Гарькавая Л.Н. (Россия, Белгород) Глаголы с отделяемыми приставками как феномен немецкого языка	195
Гудзь О.В. (Россия, Белгород) Аббревиации и их роль в процессе словообразования английского языка интернет-коммуникации в социальной сети Твиттер	199
Дрога М.А., Фуникова С.В. (Россия, Белгород) Имя собственное в современных СМИ (на материале составных наименований русского языка)	204
Калинина Н.А., Команова А.Ю., Ширлина Е.Н. (Россия, Белгород) Роль модификации фразеологических единиц в языке англоязычной и немецкоязычной прессы	209
Конопелько И.П. (Россия, Воронеж) К вопросу о разработке русско-французского контрастивного дифференциального словаря	213
Копытина Н.Н. (Россия, Белгород) Оценочные заимствования в современном французском аргю	218

Лютова О.В., Кулешова Р.В., Свойкина Л.Ф. (Россия, Белгород) Эмотивная лексика в текстах масс-медиа	222
Макаревич И.И. (Беларусь, Минск) Специфика организации терминосистемы государственного управления в специализированном словаре-справочнике	226
Маркова Е.И., Платошина В.В., Сагалаева И.В. (Россия, Белгород) Анализ системы сокращений в средневековой французской рукописи «трактат о сохранении здоровья»	230
Машкова Е.В. (Россия, Белгород) Неологизмы, обозначающие виды спорта и игры	234
Рядинская О.П., Григоренко С.Е., Маркова Е.И. (Россия, Белгород) Союз как часть полипредикативного паратактического предложения с фразеологическими единицами	238
Синельников Ю.Г., Андросова С.А., Синельникова И.И. (Россия, Белгород) Образная составляющая французских арготических фразеологизмов, служащих для передачи интеллектуально-психических отклонений человека	243
Синельникова И.И., Синельников Ю.Г., Андросова С.А. (Россия, Белгород) Эмотивные фразеологизмы французского языка в структуре фразеосемантического поля "Грусть / Печаль / Горе"	248
Слепцова С.В., Свищев Г.В. (Россия, Белгород) Французские пословицы в коммуникативном аспекте	253
Сурова В.А., Андросова С.А., Синельников Ю.Г. (Россия, Белгород) Национальная специфика французских мелиоративных компаративных фразеологизмов, характеризующих внешность человека	257
Тамразова И.Г. (Россия, Красногорск) Ядерные словообразовательные модели делокутивов в русском и французском языках	261
Таранова Е.Н., Бубырева Ж.А., Таранов А.О. (Россия, Белгород) Антонимы в специальной терминологии	265
Тимралиева Ю.Г. (Россия, Санкт-Петербург) Словосложение как способ обогащения поэтического словаря в немецком литературном экспрессионизме	270
Толстолицкая Е.В., Кузьмина О.В., Шерстюкова Е.В. (Россия, Белгород) Использование сложных слов в текстах современных французских печатных СМИ	275
Хаза М.А.М., Михайлова Е.Н. (Россия, Белгород) Именные части речи в грамматике Жана Массе (1606)	279
Шайхутдинова Х.А. (Россия, Самара) Значимость синхронно-диахронного анализа в исследовании семантики неологизмов	284
Шейфель Н.А. (Россия, Белгород) Понятие блендинга и его отличие от других смежных способов словообразования в лингвистике	290

Секция 3

«ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ»

- Беценко Т.П.** (*Украина, Сумы*) Лингвофольклористика как новое интегративное направление филологической науки 295
- Стручалина Г.В.** (*Россия, Белгород*) Познавательные интенции в процессе формирования художественного образа (на материале стихотворения И. Бродского «Памяти Клиффорда Брауна») 300
- Топорова В.М.** (*Россия, Воронеж*) Семантико-когнитивное структурирование художественного сознания 305
- Якимова Е.М.** (*Россия, Белгород*) Интертекстуальные включения в жанре семейных родословных 310
- Ярцева О.А.** (*Россия, Воронеж*) Лингвокультурологический анализ тематической группы «русская кухня» на примере художественной литературы 313

Секция 4

«ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА, СТИЛИСТИКА, ПРАГМАТИКА»

- Болсуновская Л.М.** (*Россия, Томск*) Инженерия в полевой системе интердискурсивного взаимодействия 319
- Воробьева А.Е.** (*Россия, Белгород*) Речевое манипулирование в англоязычных текстах сетевого делового дискурса 323
- Гайдукова Н.И., Калюжная Е.В., Камышанченко Е.А.** (*Россия, Белгород*) Особенности синтаксического, семантического, коммуникативно-прагматического формирования рекламного высказывания (на примере немецкого языка) 326
- Донец С.М., Нешко С.И.** (*Украина, Харьков*) Импликация как механизм порождения и развития образа 331
- Кислякова Е.Ю.** (*Россия, Волгоград*) Модальный аспект категории *инакости* в повседневной коммуникации детей (на материале русского и немецкого языков) 336
- Кушнерук С.Л.** (*Россия, Челябинск*) Текстовые миры как формы ментального контроля: репрезентация рекламной «власти» 340
- Куксова Е.Л.** (*Россия, Белгород*) Порядок составления письма-рекламации на французском и русском языках 345
- Пугач В.С.** (*Россия, Белгород*) Характеристика типов реагирующих высказываний по способам используемого в них уклонения 348
- Сиротенко А.Д.** (*Россия, Белгород*) Трактат Абея Матье о языке: история одного текста 353
- Сопова И.В., Шатова О.А., Колесникова К.А.** (*Россия, Белгород*) Институциональный дискурс и политический социолект 358
- Терентьева Е.Б.** (*Россия, Волгоград*) Лингвокультурные и лингвостилистические особенности текстов англоязычных сайтов ресторанов 362

Секция 5

«ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ, ПЕРЕВОДА, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ»

- Белова Л.В.** (*Россия, Белгород*) Оценка поведения лингвокультурного типажа «Британская Королева» в коллективном языковом сознании представителей политической элиты британского общества 366
- Бондаренко Е.В., Радович М.А.** (*Россия, Белгород*) Специфика употребления Берлинского диалекта после объединения Восточной и Западной Германии 371
- Дзенс Н.И.** (*Россия, Белгород*) Средства экспликации семантического субъекта конструкции *man + verbum finitum* при переводе на русский язык 375
- Каменская И.Б., Каменский А.И.** (*Россия, Евпатория*) Изофункциональность лексической синонимии в оригинальном и переводном текстах романа Стефани Мейер «Сумерки» 380
- Корнева Е.В.** (*Россия, Воронеж*) Немецкие жестовые идиомы в переводческом аспекте 384
- Ляшенко И.В., Федюнина И.Э.** (*Россия, Белгород*) Прагматическая маркированность прозвищ чернокожих в языке американской субкультуры 389
- Милованова М.В., Шамне Н.Л.** (*Россия, Волгоград*) Межкультурная коммуникация в аспекте полиэтничности 394
- Перевышина И.Р.** (*Россия, Белгород*) Эквивалентность и адекватность в свете лингвистических и переводоведческих моделей 399
- Профатилова С.М.** (*Россия, Белгород*) Системно-диахронный анализ семантического развития немецкой номинации *Mantel* 404
- Свинкина М.Ю.** (*Россия, Волгоград*) Стратегия субъективизации чужого и тактики речевого воздействия (на примере новостных источников российских и немецких СМИ) 409
- Шевченко Е.М.** (*Россия, Белгород*) Лингвокультурологический аспект русской и английской категории рода в диахронии. 414

Секция 6

«КОНТАКТНЫЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

- Ли Бин** (*Россия, Белгород*) Лингвистические и экстралингвистические основания процесса глобализации 419
- Ли Бин** (*Россия, Белгород*) Причины и специфика лексических заимствований в современном китайском языке 422
- Блажевич Ю.С., Бойчук И.В., Гусакова Н.Л.** (*Россия, Белгород*) Иноязычный акцент как проявление интерференции в речи русскоязычных эмигрантов в Португалии 426
- Браташова Э.В., Луханина А.Н.** (*Россия, Белгород*) Чэньюй и идиомы – один из видов фразеологии в китайском и английском языках 429

Коч К.И. (<i>Россия, Белгород</i>) Языковая политика в Демократической Республике Конго	433
Петрова Л.Г., Мартиросян А.Г. (<i>Россия, Белгород</i>) Определения, выраженные причастием в русском, английском, французском языках. Лингвометодический анализ	435
Pechy I.N. (<i>Russia, Belgorod</i>) Language Situation in the Countries of French-speaking Africa	439
Печий И.Н. (<i>Россия, Белгород</i>) Двужычие и диглоссия как результат влияния французского языка на языковую картину Габона	443
Ромашина О.Ю. (<i>Россия, Белгород</i>) Лингвистическая реификация эмоций и чувств в английском и русском языках	446
Тренина В.С. (<i>Россия, Белгород</i>) Англоязычный и японоязычный компьютерный дискурс. Сходства, различия и особенности	450
Гэ Цзиншэнь (<i>Россия, Белгород</i>) Семантические особенности фразеологизмов-соматизмов с компонентом «hair/волосы» в современном английском языке	456
Яковлева Е.С. (<i>Россия, Белгород</i>) Сравнительная характеристика коннотативных особенностей лексемы «овца/баран» в русском, английском и китайском языках	460

Секция 7

«МЕТОДИЧЕСКИЕ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ»

Белашапкова Т.В. (<i>Россия, Москва</i>) Русский язык как неродной: языковая картина мира и особенности преподавания учения о членах предложения в полиэтнических классах	464
Бойчук И.В., Калюжная Е.В., Купина Н.И. (<i>Россия, Белгород</i>) Об использовании аутентичной литературы при обучении английскому языку студентов неязыковых специальностей	468
Гринева М.С. (<i>Россия, Калуга</i>) Фатическая составляющая терапевтического общения	472
Кулешова Р.В., Свойкина Л.Ф. (<i>Россия, Белгород</i>) Использование игр в обучении профессиональному общению иностранных студентов-экономистов	477
Макаревич Т.И. (<i>Республика Беларусь, Минск</i>) Развитие иноязычных компетенций в профессиональном становлении управленческих кадров в сфере информационно-коммуникационных технологий	481
Bahram Moghaddas (<i>Iran, Mahmoodabad</i>), Dekhnich O.V. (<i>Russia, Belgorod</i>) Language Games: A Chance to Iranian EFL Language Teachers and Learners in English Classes	485
Попова Д.А. (<i>Россия, Воронеж</i>) Способы репрезентации факта возникновения, существования продуктов интеллектуальной деятельности человека в английском языке: методический аспект	495

Секция 8

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

- Крупская С.Ю.** (*Россия, Белгород*) Ревизия Версальской системы международных отношений и формирование национал-социалистического образа врага: вторая половина 1930 - х гг. 500
- Малай В.В.** (*Россия, Белгород*) Международные аспекты Гражданской войны в Испании (1936-1939): британский ракурс 505
- Орехова М.С.** (*Россия, Белгород*) Проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества российских регионов в современных геополитических условиях 510
- Тимошкова О.А.** (*Россия, Белгород*) К вопросу о формировании британской внешнеполитической стратегии в отношении Германии: испанский «вектор» (1936 – май 1937 г.) 514
- Урывский А.П.** (*Россия, Белгород*) Итало-эфиопский конфликт и англо-германские колониальные противоречия в 1935-1936 гг. 520
- Фомичев Н.Н.** (*Россия, Белгород*) Внешнеполитические аспекты Гражданской войны в Испании (1936-1939) в восприятии британских лейбористов (по материалам газеты *Daily Herald*) 525

ДНЕВНОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Алефиренко Н.Ф.

д.ф.н., проф., НИУ «БелГУ», Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ФРЕЙМОВЫЙ СУБСТРАТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Рассматриваются пути и способы фреймового моделирования фразеологического значения. Продуктивность использование понятия фрейма во фразеологии состоит в поисках ответа, пожалуй, на самый сложный вопрос фразеологической когнитивистики: как соотносится семантика устойчивых выражений с нашими знаниями о тех коммуникативных событиях, которые объективируются идиоматизирующимися сочетаниями.

Ключевые слова: фразема, фрейм, фразеологическое значение, логоэпистема, концепт, пропозиция.

Alefirenko N.F.

Belgorod National Research University, Russia

CONCEPTUAL-FRAME SUBSTRATUM OF PHRASEOLOGICAL MEANING

Ways and means of frame modeling of a phraseological meaning are considered. Productivity of using the notion of frame in phraseology consists in seeking for an answer to the most difficult question of phraseological cognitivistics, that is how the semantics of idioms correlates with our knowledge of the communicative events which are objectivized by idiomatizing collocations.

Key words: phaseme, frame, phraseological meaning, logoevisteme, concept, proposition.

Возможность фреймового моделирования фразеологического значения в контексте разрабатываемой нами теории когнитивной фразеологии [см.: 1] обуславливается тем, что фраземы, как и паремии, представляют собой микротекст (свертку, логоэпистему), лежащую на линии сопряжения лингвистики и когнитивистики. Продуктивность использование понятия фрейма во фразеологии состоит в поисках ответа, пожалуй, на самый сложный вопрос фразеологической когнитивистики: как соотносится семантика устойчивых выражений с нашими знаниями о тех коммуникативных событиях, которые объективируются идиоматизирующимися сочетаниями.

Мы исходим из убеждения в том, понятие фрейма в когнитивную фразеологию «вписывается» достаточно органично как:

♦ иерархически организованная структура данных, которая представляет собой в семантике фраземы знания о какой-то стереотипной ситуации типа *хлебом не корми* кого – ‘ничего не надо кому-л. – только бы смочь получить желаемое’;

♦ когнитивная структура, представляющая во фраземе знания **в их динамике**, и содержащая как общие, постоянные данные о релевантной ситуации или классе ситуаций, так и данные в а р и а т и в н ы е: *класть голову (жизнь, живот)* – ‘погибать, умирать; жертвовать собой’; *нести (городить) околесицу (чепуху, чушь)* (грубо-прост.); *нести (пороть) ахинею (дичь, вздор, ерунду, галиматью, чушь)* (грубо-прост.) – ‘говорить, писать глупости, чепуху’.

Концептуально-фреймовое структурирование фразеологического значения осуществляется, исходя из онтологических свойств базовых категорий когнитивной фразеологии: а) природы самого фразеологического значения и б) и сущности его когнитивного субстрата. Природа фразеологического значения рассматривается нами в русле лингвокультурологической семасиологии [см.: 2]. Использование концептуально-фреймового бинорма опирается на понимание фрейма как способа организации различных фраземообразующих концептов, отличающихся по уровням сложности. Поэтому сам фрейм, в свою очередь, может включать в себя несколько уровней составляющих его единиц [3: 16]. Так, В.Н. Телия, например, отмечает, что «концепт – это всегда знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» [4: 94].

Концепт и фрейм соотносятся друг с другом как когнитивные механизмы фразеологической деривации. Как показывают наблюдения, неологизмы являются вербальными аналогами фреймов, имеющих форму пропозиции или набора пропозиций. Как известно, структура фрейма состоит из сети узлов и терминалов, которые обычно располагаются в двух уровнях. Верхние уровни фрейм-структуры содержат концептуальную информацию интенционального характера, нижние (терминалы) – вариативную, привязанную к той или иной коммуникативно-прагматической ситуации. Узлы, или слоты, как облигаторные компоненты характеризуются речевой (ситуативной) зависимостью и поэтому могут быть выражены в языке разными способами. Ср. слоты и терминалы фрейма «Обман». В его структуре можно выделить три слота: а) **источник** – указание на причину обмана, б) **событие** – указание на сам процесс и характеристики обмана (способ проявления, интенсивность, экстенционал) и в) **следствие** – указание на то, как отразился обман на окружающих и на того, кого обманывают. Выделенные слоты – обязательные компоненты фрейма «обманывать». В конкретной коммуникативно-прагматической ситуации они выступают в разных модификациях, получая, как правило, разную фразеологическую репрезентацию: *знать мулю* – (1-е значение) ‘обманывать’, *забить мулю* – ‘обмануть’, *забить телегу* – ‘рассказать небылицу’, *загонять мулю* – ‘обманывать’; *запудрить мозги* – обмануть, *кинуть на бабки* – обманом завладеть деньгами, *знать пургу* – (2-е значение) ‘обманывать’; *ездить по ушам* – ‘обманывать’ и др. Как видим, при активизации фрейма приоритет получают разные сетевые связи актуализированных слотов, что, естественно, вызывает каждый раз иные образные ассоциации.

Содержание фразеологического фрейма композиционно: оно складывается из знания периферийных смыслов фраземообразующих компонентов, репрезентирующих соответствующие субконцепты в структуре данного фрейма. В силу своего композиционного характера в процессе мыслительных операций фразеологический фрейм предстаёт как цельное единство – гештальт. Вместе с тем, в процессе самой операции ассоциативного объединения нескольких ментальных структур он изначально членим. Особенно ярко это проявляется при сопоставлении фразеологических единств и их свободносинтаксических генотипов. Ср.: *садиться не в свои сани* – а) в прямом смысле и б) ‘браться не за своё дело’; *связывать руки* кому – а) в прямом смысле и б) ‘лишать способности свободно действовать’, *заметь следы* – а) в прямом смысле (*лиса замечает свои следы*) и б) ‘уничтожать, устранять то, что может служить уликой в чём-либо’. Такое ассоциативное объединение, если следовать концепции Ж. Фоконье и М. Тернера, можно назвать *концептуальной интеграцией*. Под концептуальной интеграцией (conceptual blending) Ж. Фоконье и М. Тернер понимают слияние двух ментальных пространств, при котором возникает новое пространство. В процессе фраземопорождения возникает новое, интегрированное ментальное пространство, в ассоциативно-образном созидании которого участвуют два исходных ментальных пространств, имеющих долговременный характер: а) базовая когнитивная структура (внутренняя форма), имеющая оперативный характер, и б) интегрированное когнитивное пространство фразеологического прототипа.

Фреймы, в отличие от концептов, обладают достаточно строгой внутренней структурой. Её образует весьма сложная конфигурация слотов (терминалов). Слоты с точки зрения содержащейся в них информации бывают простыми и сложными, то есть в них кодируется стереотипная информация различной сложности. Простые слоты содержат, как правило, один из признаков отражённого в сознании объекта; сложные – разветвлённые фоновые знания: обыденные, языковые и даже энциклопедические. Так, фраза *аника-воин* (ирон.) не только выражает значение ‘задира, хвостун, храбрый лишь на словах’. За ней стоит целая фрейм-структура. Отдельные её слоты выражаются: (1) синонимами *шапками закидаем* кого! (разг.), *много думать (мнить, воображать, мечтать, полагать) о себе* (разг., ирон.); (б) антонимами *идти / пойти в огонь и <в> воду* за кого, за что; за кем (разг.) – ‘быть в состоянии совершить любой смелый поступок, предпринять любые самоотверженные действия, не раздумывая, жертвуя всем’; *не <из> робкого (трусливого) десятка* (разг.) – ‘смелый, храбрый, небоязливый (о человеке)’. Ср.: 1) *Откуда такая твердая уверенность? Объяснение простое: во-первых, наша войсковая часть вот уже без малого семьдесят лет держит марку образцовой, а это о чем-нибудь, да говорит; во-вторых, события последнего месяца из жизни в/ч изгоняют всяческие мысли о существовании в электростальских армейских рядах хотя бы одного Аники-воина* (Н. Юрьева. Аты-баты); 2) *В староверских деревнях, что издревна платили двойной налог «за веру» – платили по всякому, а чаще своей кровью – ратниками, сохранились*

тетрадки о «вечных». Наряду с такими известными, как Вечный Жид (в этих местах и его встречали), веровали и в Вечного Скомороха (у соседей с новгородчины он загостился до того, что в родню влез), а также и собственного **Анику-Воина** (А. Грог. Аника-Воин); 3) **Фандорин развел руками**: – Ну вот, сударь. Полна площадь свидетелей, в том числе военного сословия. Или бейтесь, или из гвардии вон. Так гласит дуэльный статут. Задумчиво глядя ему в лицо, преображенец негромко произнес: – Что ж, старичок, будь по-твоему. Это я сгоряча, на радостях, тебе убираться велел. А отпускать тебя, пожалуй, нельзя. Начирикал, поди, тебе воробьишка, о чём не следовало... – Нет! – крикнул Митя. – Я ни слова! – А всё же так, шишки моченые, верней выйдет. Пойдем, **Аника-воин**, пыряться. Где шпагу возьмешь? – Одолжу у господина партионного начальника (Б. Акунин. Турецкий гамбит).

Фрейм «Хвастовство» состоит из нескольких достаточно сложных слотов: **Первый слот** достаточно простой – содержит один признак ‘непобедимый’ (он в той или иной степени присутствует в каждом из трёх предложений): имя Аника взято из византийской повести о герое Дигенисе, прозванном *anikitos* – непобедимый. Этот эпитет со временем стал собственным именем. **Второй слот** – ‘бахвальство’ (см. 1-е предложение): в старинной народной сказке рассказывается про Анику, который, победив своего противника, стал бахвалиться, что теперь ему всё нипочём, что никто ему уже не страшен, даже сама Смерть. Услыхала Смерть эти слова и предстала перед хвастуном. Куда только девалась показная смелость Аники! Пришлось ему униженно вымаливать прощение у Смерти за свою дерзость. **Третий слот** – ‘кукольный персонаж’ (2-е предложение): Аника – любимый некогда простолюдинами персонаж ярмарочных балаганных спектаклей и кукольных представлений, весь сюжет которых сводился к тому, что Аника без конца хвастается храбростью, а в финале, увидев смерть, страшно пугается, несмотря на то, что ему помогает Петрушка, палкой прогоняя смерть.

Обычно фреймы изолированно не существуют. В силу того, что отображаемые ими реальные или воображаемые ситуации тесно взаимодействуют между собой, они, чаще всего, обладают общими слотами, пересекаются, образуя в сознании сетевидную конфигурацию интерпретируемого фрагмента действительности. Причём, как показывает анализ, фреймовые структуры организованы иерархически. Это присуще и отдельным фреймам, и межфреймовым сетям. В первом случае в каждом фрейме можно выстроить некую иерархию с фиксированной вершиной и конкретизирующими её смыслами; во втором – доминантные (вышестоящие) и подчинённые (нижестоящие) фреймы.

«Фразеологическое видение» ситуации во многом определяется усвоенным с детства этнокультурным кодом. Его внимание может останавливаться на разных частях фрейма. В одной и той же лингвокультуре каждый «стоп-кадр» представляется или отдельной фраземой, её вариантом, синонимом или фразеосемантической группой. Если внимание привлечено к жёстко связанным слотам фрейма, они реализуются вариантными фраземами. Так обстоит дело при косвенно-производной вербализации фрейма «Лишение»: *оставлять*

(оставаться) с носом, оставлять (оставаться) на бобах, оставлять (оставаться) ни с чем, оставаться (оказываться) при пиковом интересе. Выделение не жёстко связанных слотов вербализуется фразеологическими синонимами: а) *оставлять (оставаться) на бобах, оставаться (оказываться) при пиковом интересе*; б) *вверх дном, шиворот-навыворот*. Если же внимание расщеплено по разным, не имеющим прямых смысловых связей, слотам фрейма, такие модификации фрейма выражаются разными фраземами, которые, однако, являются членами одной фразеосемантической группы. Именно так представлен в русской фраземике фрейм «Беспорядок» и его субфрейм «Путаница»: *концов не найти, расхлёбывать кашу, дым коромыслом (столбом), вверх дном, без толку*. Если в центре внимания оказываются противоположные фреймы, то их косвенно-производная номинация порождает фразеологические антонимы. Ср. фрейм «Порядок» (*в <полном> порядке, чин чином*) и фрейм «Беспорядок» (*вверх дном, вверх тормашками*).

Представители разных лингвокультур в одном и том же фрейме могут наполнять некоторые слоты хотя и родственным, но всё же разным смысловым содержанием. Это нередко приводит к членению фрейма на субфреймы. Ср.: рус. *во всю ивановскую* – 1) очень громко (кричать, храпеть и т.п.); 2. очень быстро, со всей силой и т.п.; болг., если внимание сосредоточено на слоте «кричать, орать», – (*викам, крещя*) *колкото ми глас държи, с цяло (то си) гърло*; если в центре внимания оказывается слот «играть, шуметь» – (*свирия*) *много високо; (свирия, шумя, вдигам шум), та и умрелите ще събудя*; если внимание привлёк слот «храпеть» – (*хъркам*) *като заклан, като гатер, като мотор*. Как видим, когнитивным субстратом семантической структуры фраземы выступает фрейм, который отражает определённый **прототип**, сформированный на основе прошлого опыта и соотносимый с хранящимся в памяти обобщённым представлением о стереотипной ситуации или запечатлённым в памяти идеальным образом некоторого предмета (явления). В связи с этим при кодировании и декодировании содержащейся в фраземе информации (в процессе соотнесения её с денотативной ситуацией) происходит оязыковление этой информации в соответствии с прототипом вербализуемого фрейма.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: Монография. – Белгород, 2008. 151 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение в свете теории языкового сознания // *Phraseologische Studien. Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie*. Red. Dana Balakova und Harry Walter. – Greiswald, 2010. S. 29-36.
3. Dijk T. A. van *Text and Context Explorations in the semantics and pragmatics of discourse*. – Longman, 1997. 159 p.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996. 288 с.

RIEU Josiane

Université Nice – Sophia Antipolis, CTEL, France

L’HISTOIRE DES MENTALITES EN LITTERATURE : L’IMAGINAIRE DE LA CREATION AU XVIIE SIECLE

This study presents a reflection on the critical approach of the literature from the history of the mentalities. To understand the works of the XVIth century it is advisable to make an effort of epistemological disorientation, to find as far as possible the processes exégétiques which livened up the authors and the readers of studied period, to read texts according to *their* criteria of reading, and *their* own conception of poetic creation. The study of the historic, philosophic, artistic, theological context, has to allow to draw the lines of a mental landscape, and to seize the coherence of their intellectual and imaginary universe. The modern reader discovers then a literature which sets seriously, more than he would have thought, the efficiency of the word and the wealth of his spiritual echos. The works of the Pleiad for example organize a significant polyphony, from a multiplicity of sources, to offer them to the purification and to the regeneration. The link of the humanist authors with texts must be dreaded in its complexity: he supposes a dynamics of transformation of texts in a cultural continuum where takes place the redemption of the world history.

Key words : Literary critic, history of the mentalities, literature of the XVIth century, renaissance, conception of the literature, antiquity and Christianity

Introduction

De nombreuses écoles critiques (comme le formalisme, les approches psychologiques, sociologiques, etc.), ont fait peser un soupçon sur les notions mêmes d’auteur et de sens dans l’œuvre littéraire. Ce soupçon, qui correspond à une crise de la pensée au XXe siècle, permet de mesurer combien il est anachronique d’aborder les textes des siècles passés avec un regard moderne. On peut ainsi aboutir à des interprétations totalement opposées d’une même œuvre. Les romans de Rabelais, par exemple, ont été étudiés à la lumière de son « athéisme » (A. Lefranc¹) ; ou de son engagement évangéliste (L. Fèvre², M. Screech³, V-L. Saulnier⁴) ; ou à la lumière d’un combat social qui montrerait le triomphe du carnaval populaire contre la culture dominante (M. Bakhtine⁵), pour en arriver être le symbole d’une écriture ludique, jouissant du non-sens et de la contestation permanente des savoirs (M. Beaujour⁶). Ces contradictions proviennent de la différence de positionnement du sujet critique : si sa démarche d’analyse demeure ancrée dans son propre temps, il est normal que son discours en reflète d’abord la pensée et les problématiques, au lieu d’éclairer les textes prétendument analysés. Pour comprendre les textes du XVIe siècle, en effet, il convient de faire un effort de dépaysement épistémologique, pour retrouver autant que possible les processus exégétiques qui ont animé les auteurs et les lecteurs de

¹ Lefranc, Abel, *Rabelais, Etudes sur Gargantua, Pantagruel et le Tiers Livre*, Albin Michel, 1953.

² Febvre, Lucien (postface Denis Crozet), *Le Problème de l’incroyance au XVIe siècle : La religion de Rabelais*, Paris, Albin Michel, coll. Bibliothèque de l’Évolution de l’Humanité, 2003 (1er éd. 1947).

³ Screech, Michael, *Rabelais*, Paris, Gallimard, coll. Tel, 1992.

⁴ Saulnier, Louis-Verdun, *Le Dessein de Rabelais*, Paris, Sedes, 1957.

⁵ Bakhtine, Mikhaïl (trad. Andrée Robel), *L’Œuvre de François Rabelais et la culture populaire au Moyen Âge et sous la Renaissance*, Paris, Gallimard, coll. Tel (n° 70), 1982 (1er éd. 1970).

⁶ Beaujour, Michel, *Le Jeu de Rabelais, Essais et philosophie*, Paris, Éditions de l’Herne, 1969.

l'époque étudiée⁷. Les démarches d'interprétations sont soumises à l'évolution des différentes *épistémè* au cours des siècles. Elles font partie d'un ensemble cohérent de représentations du monde, de l'homme, du sens (ou de la négation du sens pour les périodes modernes), c'est-à-dire d'un univers mental, que le critique doit tenter de cerner et de reconstituer, afin de lire les textes selon *leurs* critères de lecture.

De même qu'il existe un courant d'études des mentalités dans les disciplines historiques, il s'agit d'affiner une méthode de critique littéraire qui s'appuie sur l'analyse préalable des mentalités esthétiques, pour cerner les conditions de création des œuvres, leur système exégétique et la représentation que l'on se faisait de la valeur des œuvres et de leur fonction.

Nous voudrions proposer ici, après quelques remarques de méthode, des pistes pour mieux appréhender l'imaginaire de la création littéraire au XVIe siècle.

I. Remarques sur l'histoire des mentalités en littérature

Les « mentalités » sont les systèmes de représentations qui, à une époque donnée, régissent les structures de l'imaginaire, des concepts et des représentations, ainsi que la manière dont on donne du sens, dont on conduit les chemins d'interprétation – ceux qui guident à la fois la création et la réception, dans un univers mental cohérent. Le critique doit d'abord identifier les sources de confusion entre son propre système de pensée et celui de la période étudiée de façon à analyser les textes avec les outils exégétiques et culturels qui étaient les leurs. Pour cela, il convient de réexaminer systématiquement les définitions de termes, de notions, les relations entre les concepts et les images, sans rien considérer comme « allant de soi ». Par exemple au XVIe siècle, les mots français sont très proches de leur sens étymologique, et en même temps la relation au langage reste créative puisque la langue elle-même est en pleine croissance et le chantier littéraire est ouvert à toutes les investigations. Le programme d'illustration des Lettres françaises de la Pléiade (Du Bellay, *La Défense et illustration de la langue française*, 1549), encourage l'innovation par l'imitation des Anciens, le travail sur une langue, qu'il faut corriger et « faire fructifier ».

De plus, les notions, les images sont organisées selon un système de valeur spécifique. L'analyse des éléments notionnels et imaginaires se complète par celle de l'architecture générale des représentations. De même que dans le langage le vocabulaire se comprend par rapport à la syntaxe, qui organise un sens, dans les « mentalités » les éléments (thèmes, notions, etc.) s'articulent entre eux selon une hiérarchie des valeurs et une axiologie spécifique, qui met au premier plan certaines lignes de force et renvoie d'autres massifs dans l'ombre. Les études de thèmes sont donc incomplètes si elles ne tiennent pas compte des différentes mentalités qui leur donnent une nouvelle place et un nouveau sens. C'est ce paysage général, dans toutes ses dimensions, qui permet de lire et d'expliquer les œuvres dans leur contexte et selon leurs principes herméneutiques.

L'explication littéraire s'appuie ainsi sur une pluridisciplinarité qui met en relation l'ensemble des créations artistiques, littéraires, philosophiques et religieuses, et les conditions historiques, de façon à comprendre ce qui anime le geste de l'artiste, quel est son dessein, quels sont les enjeux de son œuvre. Il est révélateur d'étudier le

⁷ Demerson, Guy, *L'esthétique de Rabelais*, Paris, Sedes-Nathan, coll. Esthétique, 1996.

travail de l'écriture poétique à partir des textes de réflexions sur la langue, et des débats idéologiques et spirituels, dont on trouve la trace dans les préfaces, les productions théoriques et culturelles contemporaines. Peu à peu se dessinent de nouveaux systèmes d'oppositions, de rapprochements, de renvois, ainsi que des questionnements sous-jacents, alors brûlants d'actualité, et invisibles pour un regard moderne.

Cette méthode se fonde d'abord sur l'analyse comparée et précise de textes contemporains. Christophe Bourgeois, dans son ouvrage *Théologies poétiques de l'âge baroque, La muse chrétienne (1570-1630)*, 2006, a conduit une analyse croisée des poèmes et des pratiques de la parole religieuse (traités de dévotion, ouvrages mystiques, catéchétiques, commentaires et paraphrases). Il a pu repérer des types de discours « qui s'offrent au poète comme un matériau disponible pour sa propre composition ». Selon lui, les modèles de la méditation ou du sermon, les mécanismes herméneutiques déployés par tel ou tel commentaire, importent davantage « que les modèles symboliques censés être communs à tous ces textes. D'une certaine manière ils nous font entrer dans l'atelier de la Muse chrétienne, si l'on veut bien être attentif aux mécanismes complexes qui régissent la transposition en vers d'un motif issu d'un traité, d'une méditation patristique ou d'un commentaire homilétique »⁸. De la même façon, Guy Demerson⁹ montre à propos de Rabelais que la pratique franciscaine des sermons parodiques, de l'ironie et l'autodérision, exercée au sein de la vie fraternelle ecclésiale, dans une visée purificatrice et spirituelle, explique la fonction mystérieuse du « rire » et du jeu dans l'œuvre rabelaisienne, et d'une certaine façon permet de dépasser les contradictions de la critique que nous avons soulignées en introduction.

Quelles sont les notions déterminantes et complémentaires pour commencer à dessiner une « mentalité » ? On peut en distinguer deux particulièrement révélatrices : la conception de l'homme (dans son rapport au monde, à Dieu, dans la définition qu'il donne de lui-même) et sa conception des relations entre le signe et le sens. Or, les textes littéraires sont précisément les lieux d'exploration privilégiés de ces problématiques, et offrent à déchiffrer un système herméneutique en acte.

Il nous faut donc commencer par poser les jalons d'un imaginaire de l'écriture littéraire.

2. L'imaginaire de l'écriture

Le XVIe siècle en France est une époque de renouvellement de la pensée mais aussi de crise (A. Chastel)¹⁰. Les Réformés apportent un nouveau modèle anthropologique et sémiotique qui fait débat. Pour eux, il y a rupture entre le signe et le sens, entre l'homme et Dieu, alors que les catholiques valorisent la continuité mystérieuse qui les réunit. La critique calviniste de l'art, qui distrairait l'homme de sa piété, oblige toujours plus les poètes des deux confessions à justifier leurs choix d'écriture et à en analyser les enjeux théologiques. Si, pour certains auteurs, les sources religieuses ont été largement étudiées (Marguerite de Navarre, Rabelais, M. Scève, Marot), pour d'autres, notamment les auteurs de la Pléiade, elles ont été

⁸ Bourgeois, Christophe, *Théologies poétiques de l'âge baroque, La muse chrétienne (1570-1630)*, Paris, Champion, 2006, p. 27.

⁹ Demerson, Guy, *Op. cit.*

¹⁰ Chastel, André, *Mythe et crise de la Renaissance*, Genève, Skira, 1989.

souvent négligées, la critique ayant plutôt favorisé la recherche des sources antiques ; or, les sources scripturaires et patristiques permettent d'éclairer considérablement leur création.

Les références aux textes antiques sont à déchiffrer par rapport à la conception de l'histoire humaine universelle : elles sont transformées et réorientées en fonction de perspectives spirituelles, éthiques et métaphysiques. Car l'univers mental du XVIe siècle, comme celui du Moyen Age, est beaucoup plus cohérent que le nôtre. Tout a un sens, tout est plein de signes et de symboles. Les humanistes cherchent à trouver les clefs de lecture qui permettraient d'articuler et de lier l'Antiquité et la modernité, le profane et le sacré.

Si les protestants critiquaient les références antiques, c'était dans une entreprise de transformation de la parole littéraire par la substitution de tous les modèles anciens par les seules sources bibliques, et non parce qu'ils auraient cru que les catholiques étaient devenus païens au sens propre. Ils valorisaient un modèle littéraire substitutif, au nom de la vraie foi ; tandis que les catholiques valorisaient un modèle littéraire d'unification et de transformation des sources antiques. Marc Fumaroli montre que la fin du Concile de Trente ouvre un véritable « atelier » de rhétorique, qui s'appuie à la fois sur les auteurs antiques et sur Saint Augustin et les Pères de l'Eglise. Le cardinal Charles Borromée réunit à Rome une Académie des Nuits Vaticanes pour chercher une voie de conciliation où l'éloquence profane soit au service de la foi, une rhétorique dont l'unité soit fondée sur l'inspiration intérieure. Les jésuites à la fin du XVIe siècle font une place encore plus large aux modèles antiques et à la culture universelle. Ainsi, « paradoxalement, le recul du « cicéronianisme », le rejet d'un culte « païen » et exclusif de la forme, s'accompagnent d'un véritable triomphe de l'éloquence, élevée à la dignité d'office sacerdotal et apostolique. Préparée par la pédagogie rhétorique des collèges et des séminaires, répandue sur un immense public par une armée de prédicateurs, cette Eloquence sacrée est par principe la rivale sinon l'ennemie des Belles Lettres profanes et modernes. Mais elle doit s'appuyer, pour plaire autant qu'instruire, sur le modèle des Belles lettres profanes de l'Antiquité, elle associe la théologie et le « bien dire » en langue vulgaire... »¹¹.

La poésie, quant à elle, est particulièrement apte à devenir ce creuset de conciliation mystérieuse. Or ce point a été source de confusion pour des générations de lecteurs modernes, croyant que le recours à l'Antiquité païenne signifiait un reniement ou une opposition à la culture chrétienne. Ronsard a été apprécié pour ce qu'on imaginait être une liberté d'esprit, parce que ses ouvrages sont imprégnés de mythologie. Paul Laumonier a (toujours au début d'un XXe siècle qui se plaisait à renier la religion chrétienne), relevé soigneusement, dans les notes de son édition des œuvres de Ronsard, les références aux auteurs antiques, et érudé celles qui renvoient aux textes bibliques, liturgiques et patristiques. Or, la dimension religieuse, l'autre grand pan de la culture humaniste (aussi important que le modèle classique), permet de résoudre bien des ambiguïtés ou contradictions apparentes, car les ressources de la pensée antique étaient utilisées dans une perspective d'évolution des civilisations, et mises au service de problématiques nouvelles.

¹¹ Fumaroli, Marc, *L'âge de l'éloquence*, Genève, Droz, 1980, p. 140-141.

La « Renaissance » des Lettres antiques s'est faite d'abord dans la perspective exégétique « typologique » héritée de la Tradition patristique, avec une tentative synthétique d'unification des savoirs à la lumière de la révélation chrétienne (c'est l'entreprise, entre autres, d'un Marsile Ficin), et d'une réintégration des sagesses antiques dans un vaste courant de « *reductio ad sacram scripturam* », qui accomplit une sorte de « rédemption » de toutes les cultures humaines, dans la mesure où elles avaient à leur manière et avec leurs limites, progressivement pressenti les prémices de la Vérité, et préparé les hommes à la recevoir. Loin d'être le signe d'un retour au paganisme, la résurgence de l'antiquité est canalisée et orientée. Guillaume Budé, montre comment, dans le *transitus* ou le *passage* d'une civilisation à une autre, s'opère une sorte de purification baptismale (*De transitu hellenismi ad Christianismum*, 1535). Le dessein humaniste est celui d'une thérapie de la mémoire où les fils de l'histoire seraient renoués dans une même aventure humaine.

L'originalité dans la création telle que la conçoivent les modernes, c'est-à-dire l'inédit, ce qui rompt avec la tradition, n'est pas intéressant au XVIe siècle. Le texte à la Renaissance est conçu comme tissé d'autres textes, dont il se nourrit, qu'il transforme et avec lesquels il dialogue, comme en témoignent la poétique de la Pléiade, les discours construits autour de citations, les « farcissures » de Montaigne¹². C'est la visibilité de cette trame textuelle qui donne sa beauté et sa profondeur au texte, et c'est dans cette profondeur que le poète travaille, à la face des peuples et de l'histoire universelle. Inventer quelque chose d'inédit ne peut se faire qu'à partir de ce travail subtil d'orchestration de résonances complexes.

L'un des paradoxes de cette littérature du XVIe siècle peut être résumé dans la formule saisissante de Du Bellay : « Et puis je me vante d'avoir inventé ce que j'ay mot à mot traduit des aultres » (Préface de l'*Olive*, 1550)¹³. L'inspiration, selon Du Bellay et la Pléiade, provient à la fois de la fureur et du travail, les deux étant en échange permanent. Dorat formait ses élèves à une lecture « généalogique » des textes, en montrant comment les auteurs latins s'étaient approprié les textes grecs, et, par-delà, ceux des civilisations précédentes. On se plaisait à l'idée que le flambeau de la civilisation, selon la *translatio studii*, venue de la renaissance italienne, suivît un schéma historique ascensionnel, chaque civilisation (successivement l'Égypte, la Grèce, Rome, l'Italie, la France...) vivant une étape de gloire, puis de décadence, après laquelle la suivante en reprenait les acquis et les portait à un degré supérieur... Les jeunes poètes voulaient participer au renouveau de la société, aux côtés du Prince, contre les risques de régression à la barbarie, dans une mission de sauvegarde la civilisation et de l'humanité tout entière. Écrire signifiait pour eux entrer dans l'immense concert polyphonique des paroles humaines au cours des siècles¹⁴.

¹² Rieu, Josiane, « L'écriture sur l'écriture dans la poésie du XVIe siècle : création et contemplation », *Classico/Moderno, Percorsi di creazione e di formazione*, a cura di Maria Teresa Giaveri Luigi Marfè, Vincenzo Salerno, Messina, Mesogea, 2011, p. 41-54.

¹³ *L'Olive*, éd. E. Caldarini, in Joachim du Bellay, *La deffence et illustration de la langue françoysse et l'Olive*, TLF, Droz, Genève, 2007, p. 235.

¹⁴ Du Bellay, Joachim, *La Deffense et illustration de la langue françoysse*, éd. H. Chamard, Paris, Marcel Didier, S.T.F.M., 1961, p. 195-197 : « La donq', François, marchez couraigeusement vers cette superbe cité Romaine; et des serves depouilles d'elle (comme vous avez fait plus d'une fois) ornez voz temples et autelz ».

Nous devons mesurer l'impact de cet imaginaire. La notion d'imitation ou d'« innutrition » suppose qu'une transformation s'opère dans la personne même du poète pour donner naissance à un texte organique et « vivant », qui à son tour produise de la vie chez le lecteur. Les métaphores sont révélatrices : les Romains, dit Du Bellay, « Immitant les meilleurs aucteurs Grecz, se transformant en eux, les devorant, et après les avoir bien digérez, les convertissant en sang et nourriture », en reprenaient les plus beaux traits et les vertus, « et icelles comme grephes, entoient [greffaient] et apliquoient à leur Langue »¹⁵. L'imprégnation des plus beaux textes fait partie d'une véritable initiation du poète, et son travail devient une ascèse¹⁶. L'œuvre est perçue de façon quasi biologique : le poète a pour mission de soigner, de cultiver la langue comme un jardinier. Ainsi qu'Adam, placé dans le Jardin pour le cultiver, le poète humaniste doit collaborer à l'œuvre divine de transformation du monde et de lui-même¹⁷. Or, l'étude des lettres, selon Guillaume Budé est le moyen privilégié pour l'homme d'« accomplir » son humanité : sans elles, dit-il, les Romains « estimaient en effet que ...les hommes n'étaient guère capables d'accomplir et de conserver leur humanité »¹⁸. Les *studia humaniores* permettent de devenir « davantage » homme. Car, « On ne naît pas homme, on le devient » selon la formule d'Erasme¹⁹. L'image de la greffe du travail poétique rejoint celle de l'inspiration, puisque l'homme est directement relié à la source divine qui lui donne l'Être en permanence.

Entre le Verbe de Dieu et la poésie, il existe une connexion mystérieuse qui donne une efficacité indirecte à la parole poétique, et oblige l'homme à en user pour l'harmonie et la paix. Ronsard rappelle la dimension métaphysique et spirituelle de la poésie, *Prisca theologia*, -dans un passage repris par tous les arts poétiques jusqu'à la fin du siècle- : « la Poésie n'estoit au premier aage qu'une Theologie allegoricque »²⁰, donnée à l'homme de façon à devenir compréhensible, au travers d'un processus d'enrichissement de la parole. Les premiers poètes « divins » ont développé les messages succincts des oracles, prophètes, etc., pour habituer l'imaginaire à la révélation de Dieu : « ce que les oracles disoyent en peu de motz, [ils] l'emplifioyent, coloroyent, et augmentoyent ». Puis, vinrent les poètes « humains » (Virgile, Horace...), qui ont transmis les « fables » en prenant au sens propre ce qu'il fallait interpréter en sens allégorique,... C'est l'origine du paganisme : « Les Muses, Apollon, Mercure, Pallas et autres telles déitez ne nous représentent autre chose que les puissances de Dieu, auquel les premiers hommes avoyent donné plusieurs noms pour les divers effectz de son incomprehensible majesté ». Pour Ronsard, le poète peut recevoir l'inspiration par contiguïté, au travers des textes inspirés, car il peut désormais sous les déviations païennes dont ils ont été l'objet, en lire le message profond (cf son Hymne de l'Hercule chrestien). Il existe selon lui une véritable

¹⁵ *Deffence*, éd. cit, I, chap.VII, p. 42.

¹⁶ Voir *Deffence*, éd. cit, II, chap. III, p.106.

¹⁷ Rieu, Josiane, *L'Esthétique de Du Bellay*, Paris, Sedes-Nathan, coll. Esthétique, 1995.

¹⁸ Budé Guillaume, *De Studio litterarum...*, 1532, *L'Etude des lettres*, éd. M. -M. de la Garanderie, Paris, Belles Lettres, 1988, p. 38-39.

¹⁹ Erasme, Didier, *De pueris*, 493b, 1539 (édité à partir de 1508).

²⁰ Ronsard, Pierre de, *Art poétique françois* (1560), éd. P. Laumonier, S.T.F.M. Nizet, 1949, t. XIV, p. 4-6.

contagion de l'Inspiration – et de la révélation-, du poète au lecteur, grâce à la puissance sacrée qui émane encore du texte, comme par une chaîne aimantée. L'image vient de Platon²¹. L'intertextualité est ainsi l'équivalent, dans le domaine de la poésie, de la *ruminatio* des textes sacrés que saint Augustin conseillait aux moines comme préparation spirituelle. L'écriture a bien pour enjeu une transmutation et une *métanoïa*. Sans cette dimension, ne restent que des « versificateurs », selon les termes méprisants de Ronsard et Du Bellay. Les poètes de la Pléiade veulent créer une parole « mythique », c'est-à-dire qui laisse entendre le déploiement des significations dans l'architecture des strates textuelles, jusqu'à l'infini.

Le but recherché est toujours une révélation intérieure chez le lecteur, dont on sait qu'elle excèdera le seul dessein du poète, car le texte n'appartient à personne, et demeure un outil au service de la croissance personnelle de chacun. Les formes sont d'une importance relative par rapport à ce dessein heuristique supérieur (les genres ne sont pas encore fixés, les règles ne seront élaborées qu'au XVIIe siècle). La figure de la « pointe » est souvent utilisée dans le sonnet pour provoquer un choc, une surprise, qui oblige à relire l'ensemble avec un autre regard. La lecture permet l'apprentissage infini de points de vue et de la clarification des chemins de vérité. Loin de l'illusion de la *mimesis* de la première renaissance, qui prétendait donner accès au réel, comme par une fenêtre ouverte, l'homme du XVIe siècle pense qu'il ne peut atteindre la vérité que de biais, c'est-à-dire par la prise en compte des déformations subjectives qui garantissent aussi l'authenticité de la révélation au cœur de l'homme.

Le maniérisme et le baroque organisent partout une dramatique de l'interprétation. Ces esthétiques, si souvent décriées pour leur goût de l'artifice, disposent une réfraction des textes entre eux (maniérisme) ou une dynamique puissante (baroque) pour engager et soutenir le lecteur dans une quête du sens au-delà de toutes les illusions. Une des difficultés pour le lecteur moderne est de comprendre combien les hommes de ce temps prenaient au sérieux le pouvoir de la parole, et la quête du sens, que notre époque a si facilement évacué.

Conclusion

Ainsi, les textes du XVIe siècle doivent être analysés à partir de leur propre conception de la création poétique. L'histoire des mentalités esthétiques permet de lier des domaines jusqu'ici séparés, et de comprendre la cohérence de ce qui semble contradictoire au premier abord. La notion d'auteur permet de replacer le texte dans un ensemble de représentations humaines, subjectives, et de reconstituer les réseaux sémantiques d'une société. Le lecteur moderne découvre alors une littérature qui prend au sérieux, plus qu'il ne l'aurait pensé, l'efficacité de la parole et la richesse de ses résonances spirituelles. Les œuvres de la Pléiade par exemple organisent une polyphonie signifiante, à partir d'une multiplicité de sources, pour les offrir à la purification et à la régénération. Les auteurs donnent un sens à cette histoire universelle. Pour eux, les cultures sont appelées à se rejoindre, comme les paroles poétiques, dans un dialogue infini, une mise en harmonie d'échos intertextuels, qui dessinent un chemin de sens et d'unité, et contribuent au dévoilement de la vérité en chaque lecteur.

²¹ Platon, *Ion* (traduit en français en 1546).

PERNELLE Beatrix

Universiry of Nice – Sophia Antipolis, France

IS AHAB, AHAB ? AHAB AND TERRORISM IN *MOBY-DICK*

Following orientalist philosopher Edward Said 's famous comparison George W. Bush and his obsessive war against Bin Laden to "*Captain Ahab in pursuit of Moby Dick*" in *The Observer* (16 September 2001) the question of strong individual and national identities emerge as a major issue , both in the American mid XIXth and early XXI globalized context. The yoking of the two completely different though prominent "protagonists" of American life and culture sheds a new light on a deeper level of Melville's masterpiece :

The famous whale-hunt, whose fatal issue already seems to adumbrate more contemporary philosophical and political issues all stemming from the crucial question of alterity, and more particularly on the difficult relationship between the same and the Other. Following the theories of E. Levinas and J. Derrida, the aim of this paper is to study one aspect of this issue, more particularly focusing on Ahab and his positioning towards the " absolute Other" embodied by Moby Dick, while attempting to state his own identity. This questions lies at the core of Melville's masterpiece, starting with the much commented "*Call me Ishmael*", and Ahab's process of self-identification provides an interesting example of an "I" versus "other " confrontation and conflict. But the violence of the final encounter with the Other which ends in terror and death only conveys the intrinsic violence of alterity , whether it be immanent (that of the Same) or transcendent (that of the Other). Ahab appears as a self-identifying subject, necessarily on the side of the Same, and his demonization of the whale turns out to be a demonization of the same, of himself then, tragically but logically ending after an auto-immune type of reaction which leads Ahab to produce his own destruction, and that of the whole crew at the same time.

The paper will start analysis the fiction and the impact of what philosopher Emmaneul Levinas called "imperialism" of the same", I.E the concept of totality which dominates Western philosophy and culture. However, the necessity of separation (hypostasis) is a crucial moment in the identification process as it allows the opening to the radical alterity of the other , but it also involves an inevitable violence. The famous tautological articulation of Ahab's identity, eventually culminating in the statement "Ahab is Ahab" in the penultimate chapter seems to re-state A's identity, achieved through a reflexive movement which tends to reaffirm the totality of the Same,

Failing to recognize the absolute Other in himself , the monomaniac captain fails to establish a relation to the other, and to enter an ethical relation based on the Levinasian concept of responsibility. Ahab's vision of the Other as Abbsolute exteriority, leads us to broach the larger subject of western thought and cuture as they appear in *Moby-Dick*. Western thought has always equated the Good with self-identity, Evil with otherness and exteriority

Turning to Jacques Derrida's concepts of autoimmunity and hospitality, the study will focus on these two notions to analyse the process at work in the text and its metaphorical meanings. It is commonly agreed that it is the Ship of America that sails under the command of Ahab, a multi-ethnic, multi-cultural community which goes East, as if to call into question the very notion of Manifest Destiny. The *Pequod* sails towards the "Other" of Western world and culture, against the hegemonic prescription of the American state and generally accepted ideology. Using Derrida's concept of hospitality and Democracy to come, the paradox of democracy and its aporetic dimension will be studied in the context of Melville's fiction. Yet Ahab's demonization of the whale is already part of a traditional Western discourse of identity based on an "other" which is neither "I" nor "us", which pits an "elect nation" over and against a therefore evil alien or Other.

Deconstruction, emblemized by the Derridean concepts used in this paper entails that openness to the other who stands beyond Me/ the I is necessary, to reach this unconditional hospitality that Derrida himself also characterized as a political aporia, since the possible implementation of the "conditional" hospitality needs (and contradicts) the notion of "unconditional"/ impossible hospitality. Awareness and relation to the Other is essential, and calls for an ethical communication between the self and the other, even if there is no perfect symmetry between them. Recognizing an other who is not absolutely other, not absolutely immanent nor transcendent. The Other may not be the alien, which needs to be de-alienated to avoid the excessive and disastrous demonization epitomized by Ahab. The process rests on the recognition of oneself as other, and the other as a partially other self. Refusing to treat the whale as the absolutely Other or exterior, Ahab would probably have avoided the autoimmune production of "the agent or principle" of his own destruction, dragging down with him the whole ship, whatever the *Pequod* and her crew may stand for. 150 years before 9/11 and the terrible barbaric event -since made into a concept by J. Derrida-, Melville's protagonist seems to undermine the National myth of the American Nation, subtly warning the American readers of the tragic outcome of "the imperialism of the Same."

References

1. Derrida, Jacques. "Deconstructing Terrorism", in Giovanna Borradori, *Philosophy In a Time of Terror- Dialogues with Jürgen Habermas and Jacques Derrida*, Chicago and London, University of Chicago Press, 2003.
2. Derrida, Jacques. *Of Hospitality*, Trans by Rachel Bowlby, Stanford (Ca.), Stanford University Press, 2000.
3. Gasché, Rodolphe. *The Tain of the Mirror. Derrida and the Philosophy of Reflection*. Cambridge (MA), London, Harvard University Press, 1986.
4. Kearney, Richard. "Strangers and Others : From Deconstruction to Hermeneutics", *Critical Horizons*, 3:1 , 2002, pp. 7-36.
5. Levinas, Emmanuel. *Otherwise than Being- Or Beyond Essence* (1978) transl by Alphonso Lingis, Duquesne University Press, Pittsburgh, Pennsylvania, 2011.
6. Levinas, Emmanuel. *Totality and Infinity, An Essay on Exteriority* (1961), transl by Alphonso Lingis, Duquesne University Press, Pittsburgh, Pennsylvania, 2011.
7. Levinas, Emmanuel., "Philosophy and the Idea of Infinity" in *Collected Philosophical Papers*, The Hague: Martinus Nijhoff, 1977.

8. Melville, Herman. *Moby-Dick*, Harrison Hayford & Hershel Parker Ed., Norton Critical Edition, New York, London, 1967.
9. Reynolds, Jack (2001). The Other Of Derridean Deconstruction: Levinas, Phenomenology, And The Question Of Responsibility. *Minerva* 5:31-62.
10. Sachs Viola. "Le mythe de l'Amérique et *Moby Dick* de Melville." In: *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. N° 6, 1970. pp. 1547-1565.
11. Said, Edward. "Islam and the West are inadequate banners", *The Observer*, Sunday 16 September 2001. www.theguardian.com/world/2001/sep/16/september11.terrorism3

FUCHS Nadia

UFR LASH, Université de Nice – Sophia Antipolis, France

THE TRANSCULTURAL MAGIC OF WOODINI : RUSSIA IN ALLEN'S FILMS

The *cliché* about Woody Allen's films in France is generally that they are about himself and the now mythological self-constructed persona of the Jewish New York anti-hero who lives in an upper-middle class world of Jazz, Manhattan intellectuals. This received idea has changed in the last ten years, since he started making films whose diegesis takes place in European capitals: from the three London-based *Match Point* (2005), *Scoop* (2006) and *Cassandra's Dream* (2007) to *Vicky, Cristina, Barcelona* (2008), *Midnight in Paris* (2011), *To Rome with Love* (2012) and quite recently. *Magic in the Moonlight* (2014) which uses the capital of the French Riviera as its setting.

If asked about the relation between his films and Russia, people might remember small details such as several of his characters meeting at the "Russian Tea Room" in New York, or *Match Point's* hero reading *Crime and Punishment*.

In this paper, I want to show that in fact Woody Allen's notably intertextual and transcultural work draws extensively upon Russian culture and literature, and more specifically on Russian/Soviet Formalism and Modernism. This translates not only in the choice of his subject matters, but also in his narrative strategies which can be seen as perfectly illustrating Victor Shklovsky's concept of *defamiliarisation* (*остранение*) later developed by Bertolt Brecht in his *Verfremdungseffekt*, and also that of Mikhail Bakhtin's *dialogism* (*диалогизм*).

These concepts run through all forty-seven films of this prolific director, but I will focus on two of them to develop my argument.

Let's first look at a film which pays a straightforward tribute to Russian literature: *Love and Death* (1975) which loosely uses the diegesis of Leo Tolstoy's *War and Peace*. Woody Allen plays the part of Boris Grushenko who is sent to war in the Russian Army against Napoleon after the invasion of Austria, comes back as an involuntary hero, marries his cousin Sonia and plots with her to kill the French emperor. As is very common in Allen's films which are situated in a foreign culture/country, he pays homage to this culture by also quoting, pastiching and parodying their great literary authors and film directors. Here we find sequences using

Sergeï Bondarchuk's *War and Peace* (1967), for example in the opening shots: in the Soviet film, we hear an off-voice accompanying tracking shots going through clouds in the sky, then giving a bird-eye's view of a typical great Russian landscape with a river flowing for miles across a green plain. In the American film, we hear Boris's off-voice explaining that he is to be executed the next day, with the same shots of clouds and a river. Other sequences use Eisenstein's *Battleship Potemkin* (1925), and the general soundtrack of the film is composed of several pieces by Prokofiev. The story focuses on the character of Boris, the Chaplin-Groucho Marx-Woody Allen persona which brings together all the *clichés* (in both senses of the word) and stereotypes a Western audience might have of Russian literature and Russia as a whole, and deflates them one by one, precisely by defamiliarising them.

One of Shklovsky's points is that our perceptions in daily life are so habitual that they become automatic. As he says: "Habitualization devours work, clothes, furniture, one's wife, and the fear of war. And art exists that one may recover the sensation of life; it exists to make one feel things, to make the stone stony. The purpose of art is to impart the sensation of things as they are perceived and not as they are known. The technique of art is to make objects "unfamiliar," to make forms difficult, to increase the difficulty and length of perception because the process of perception is an aesthetic end in itself and must be prolonged. Art is a way of experiencing the artfulness of an object: the object is not important..".

Some of the battle sequences are a good instance of this. The first one illustrates Tolstoy's description of the battles between the French and the Russian armies, with all the officers in immaculate uniforms watching on their horses from a distant hill the soldiers being massacred below. We find other adaptations of these scenes in previous filmic versions of the novel such as that of King Vidor or Bondarchuk, so that they have themselves become a compulsory *cliché*. Allen's sequence begins in the same way, with an alternation of shots of the officers and of the troupes rushing towards one another. But suddenly the groups of soldiers become two flocks of sheep, and after the following shot on the officers, Boris appears in modern-day clothes selling pop-corn, emphasizing the fact that the battle field is a big spectacle just like a boxing ring or a baseball match. The metaphor of soldiers and sheep defamiliarises also a well-known Chaplin shot in *Modern Times* (1936) where crowds of workers leaving the factory become a crowded flock of sheep in his famous criticism of working conditions during the Great Depression.

Hence Woody Allen achieves this transcultural blend of Russian/Soviet and US cultures.

Another case in point is to be found in his 1985 *The Purple Rose of Cairo*. Cecilia, a young waitress living in the United States during the Depression and married to an unemployed violent man, find refuges in a cinema and watches several times *The Purple Rose of Cairo*. It is an adventure film about an American explorer who goes to Egypt and finds a mysterious jewel there. After Cecilia has watched the film five times in a row, the explorer character comes off the screen to talk to her, and starts living with her in the "real" diegetic world of the early 1930s. He has difficulties adapting to it, because he thinks everything functions in the same way as in a movie (fake money, cars which seem to drive themselves...). The other

characters in the movie cannot go on with the story as the lead role has deserted them, so that in the end the actor playing the explorer is called to try and convince his character to go back on screen.

This plot is a typical example of defamiliarisation and Brecht's distancing, since the diegetic audience of the film mirrors the position of the real audience of Woody Allen's film, thereby reflecting on the status of actors, characters and cinema as a whole (and of course providing pleasurable moments of comedy where the "real" spectators can laugh at the filmic counterparts).

Furthermore, as we know one of the recurrent themes of Woody Allen's work is nostalgia, not for any past but especially for the modernist period in the US, Europe and Russia/the Soviet Union. This is again true here since the intrigue recalls that of a script written in 1918 by Vladimir Mayakovsky *Shackled by the Film* (*Закованная фильмой*) and shot by N. Turkin. In the same way, the story describes a writer who tries to cure his boredom by going to the cinema. The main character of the film is a female dancer (played by Lili Brik) who comes off the screen when the writer starts talking to her, but does not want to follow him home. He takes a poster of the film home and when he unrolls it, she comes off the poster into the "real" diegetic world. After a few days she gets bored and misses the screen, and she is attracted to all white and shiny surfaces (even that of a samovar).

Once again, by making this intertextual use of Mayakovsky's work and adapting it to the United States of the 1930s and by paying tribute to Russia, Woody Allen is one of the great culture-brokers of his time.

GANNIER Odile

Université Nice – Sophia Antipolis, CTEL, France

IMAGOLOGIE : DU VOYAGE À L'ÉTUDE DES IMAGES RÉCIPROQUES

La représentation que l'on se fait des « autres », de l'« étranger » peut naître de plusieurs façons : essentiellement par les représentations purement imaginaires ou fantasmatiques suscitées par le oui-dire et les légendes ; par les récits, la littérature ou les objets exotiques ; par le contact effectif (voyage, accueil, ...). Récits et voyages alternent dans le temps : ils peuvent mutuellement se suivre ou se précéder.

La littérature de voyage offre un champ privilégié pour l'étude des représentations (appelée aussi « imagologie »). En effet toute relation est révélatrice d'une certaine vision du monde, parce qu'elle n'existe qu'en fonction d'un point de vue, et s'écrit en fonction de certains critères souvent implicites voire inconscients. Les voyageurs qui arrivent dans un lieu inconnu sont toujours frappés par ce qui diffère de leurs habitudes, sur fond de reconnaissance d'éléments familiers. Cette observation concerne évidemment le paysage, les abords, les ressources – réaction normale pour des marins, surtout lorsqu'ils atterrissaient dans des lieux inconnus, non ou peu décrits ou cartographiés, ou comme les voyageurs qui se réjouissent de visiter des lieux peu décrits où ils peuvent s'imaginer être des « voyageurs » et non

des « touristes ». Mais ils sont tributaires de tellement de biais possibles qu'il est difficile de considérer que l'image qu'ils renvoient – devenue un kaléidoscope – correspond à une réalité exacte. Les critiques refusent d'ailleurs de considérer cette question de l'adéquation au réel – peut-être parce que ce ne serait pas une activité proprement littéraire.

De fait, la lecture de ces récits a été faite dans leur société d'origine, d'abord. Parfois, ensuite, elle a été lue, et parfois « récupérée » dans la société qui avait été décrite : ce miroir tendu est évidemment un miroir déformé et déformant, dans lequel il peut être tentant de se complaire. L'étude du genre humain telle que la conçoit Rousseau ne relève pas de l'universalisme. En fait, écrit-il dans l'*Essai sur l'origine des langues*,

Quand on veut étudier les hommes il faut regarder près de soi ; mais pour étudier l'homme il faut apprendre à porter sa vue au loin ; il faut d'abord observer les différences pour découvrir les propriétés²².

Par cette remarque il ne fonde rien de moins que l'anthropologie, ou « science de l'homme », sans utiliser ce vocable : en effet il établit les concepts quoiqu'il ne les nomme pas.

Sans avoir donc la prétention de rajouter des banalités à la multitude des images qui circulent, je voudrais m'intéresser à la manière dont ces images se sont construites, les filtres qui ont coloré cette appréhension, et la manière dont les voyageurs et les écrivains ont géré ces images en les élaborant, en les reproduisant telles quelles ou au contraire en les modifiant.

I. Qu'est-ce que l'imagologie ?

Le 1er article qui cherche vraiment à le définir est celui de Daniel-Henri Pageaux, dans le *Précis de littérature comparée* dirigée par Brunel et Chevrel en 1989. Le terme n'est peut-être pas très heureux, mais il désigne, depuis les années 50, l'étude des images de l'étranger. La définition donnée par Pageaux la plus simple est « l'étude des images de l'étranger dans une œuvre »²³ ;

toute image procède d'une prise de conscience, si minime soit-elle, d'un Je par rapport à l'Autre, d'un Ici par rapport à un Ailleurs. L'image est donc l'expression, littéraire ou non, d'un écart significatif entre deux ordres de réalité culturelle. Ou encore : l'image est la représentation d'une réalité culturelle au travers de laquelle l'individu ou le groupe qui l'ont élaborée (ou qui la partagent ou qui la propagent) révèlent et traduisent l'espace culturel et idéologique dans lequel ils se situent²⁴.

« Jean-Marie Carré qui, sans utiliser le terme, la définit comme "interprétation réciproque des peuples, des voyages et des mirages"(1951) » explique J.-M. Moura²⁵.

L'imagologie se propose d'étudier « les relations entre les écrivains et les pays étrangers telles qu'elles se traduisent dans les œuvres littéraires. Pour élaborer une image de l'étranger, l'auteur n'a pas copié le réel, il a sélectionné un certain nombre de traits jugés pertinents pour sa représentation de l'altérité. L'imagologie décrit ces

²² *Essai sur l'origine des langues*, [1761-1781], éd. J. Starobinski, Gallimard, 1990, coll. Folio, pp. 89-90.

²³ « De l'imagerie culturelle à l'imaginaire », in Pierre Brunel, Yves Chevrel (dir.), *Précis de littérature comparée*, Paris, P.U.F., 1989, pp. 133-162, ici p. 133.

²⁴ *Ibid.*, p. 135.

²⁵ Jean-Marc Moura, http://www.flsh.unilim.fr/ditl/Fahey/IMAGOLOGIESocialimages_n.html

éléments, les rapproche des cadres historiques, sociaux et culturels qui en forment le contexte, et détermine ce qui appartient en propre à la création de l'écrivain.²⁶ ».

Selon J.-M. Moura, l'image s'est en quelque sorte spécialisée de côté de l'imaginaire : La question du référent (« adéquation plus ou moins forte de l'image à la réalité ») serait plus ou moins évacuée au profit d'une étude de « la logique de l'image "en soi" ». Reprenant Pageaux (1989) :

Le texte imagologique sert à quelque chose dans et pour la société dont il est l'expression fugitive et parcellaire. C'est que l'image de l'Autre sert à écrire, à penser, à rêver autrement. En d'autres termes : à l'intérieur d'une société et d'une culture envisagées comme champs systématiques, l'écrivain écrit, choisit son discours sur l'Autre, parfois en contradiction totale avec la réalité politique du moment : la rêverie sur l'Autre devient un travail d'investissement symbolique continu. Si, au plan individuel, écrire sur l'Autre peut aboutir à s'autodéfinir, au plan collectif, dire l'Autre peut aussi servir les défoulements ou les compensations, justifier les mirages ou les fantasmes d'une société.

Cet imaginaire tendrait donc d'une certaine façon plus éloignée de la réalité à l'origine du discours que de l'imaginaire de la société qui la produit ou permet à un écrivain de la produire.

Pour Moura enfin, l'imagologie « doit en conséquence être étudiée dans sa dimension esthétique mais aussi dans sa dimension sociale (sources ou prolongements historiques et sociologiques de la représentation)²⁷ ». Il convient d'en étudier le contexte, certes, mais aussi les prolongements tant dans la société qui produit les images que dans la société qui suscite les images. Cette réciprocité est relativement peu étudiée.

II. L'observation du voyageur

Il semble acquis qu'étudier le degré de fidélité d'une image au réel est un « faux problème » (Pageaux, 136) : mais il reste à se demander vraiment pourquoi.

D'autant plus qu'en l'occurrence l'image est instrument de pouvoir. Venue de l'extérieur (d'un « sujet »), elle prend l'ascendant sur ce qu'elle décrit (son « objet »).

Plusieurs périodes grossièrement historiques peuvent illustrer ce rapport au réel, cette évolution et cette manipulation éventuelle :

1/ élaboration de l'image

2/ « consensualisation » de cette image, qui a tendance à se cristalliser, à se figer

3/ interrogations : qui conduit à la reprise immédiate, ou à la reprise distanciée ou ironique, ou encore à la rétorsion, pour tenter de déjouer l'emprise de stéréotypes erronés.

Ainsi la 1ère période est celle des observations sur place et de la relation : le plus souvent la surprise fait remarquer des différences, des traits saillants (plutôt que des banalités communes à tous les peuples). L'image change selon le métier du voyageur, son idéologie, son expérience, l'époque. S'exprimeront différemment le simple voyageur, le savant, le missionnaire, le linguiste, l'observateur tenté par l'ethnologie, qui évalue mœurs, religion, etc.

La 2e période est celle de l'interprétation des textes et de la production de textes secondaires. Ces textes deviennent des guides de voyage, des ouvrages de

²⁶ *Ibid.*

²⁷ *Ibid.*

géographie, des ouvrages d'ethnographie... Cette 2e période est passionnante dans le sens où les voyageurs sont conscients des biais et tentent de les réduire au maximum à des fins scientifiques.

Le 3e temps est celui de la confirmation – ou de l'infirmité – des idées reçues : le point de vue subjectif peut venir du désir de faire connaître (c'est le cas des correspondants de journaux, des reporters). Par jeu, par facilité ou par commodité, peut s'effectuer alors la reprise des pires stéréotypes.

III. Installation des stéréotypes : images et expressions

Dans certains cas, cette reprise des clichés répond à une attente du lectorat, presque une commande : celle de l'exotisme ! « *Les mots, en effet, ne seraient-ils pas les données premières de la rêverie géographique? Entendons par là les mots sucrés, les mots exotiques, les mots-valises du voyage. Il y en a des milliers. Ils se combinent entre eux et se pensent en nous.* »²⁸ La fascination pour les îles relève aussi de la magie des « *noms de lieux, avec leurs consonances bizarres, leurs onomatopées, leurs poèmes sous-jacents [...] qui dira, dans une sociologie de la parole, tout le pouvoir qu'exercent sur nous les Machu Picchu, les Tumuc-Humac, les Tombouctou, les Bélize, les Istanbul et les Zanzibar? Mots exotiques, mots magiques. Mots ancrés en nous depuis la petite enfance. Combien d'aventuriers, de globe-trotters, de routards et d'ethnologues sont-ils partis vérifier sur place le contenu affectif de ces petits rébus intimes: fier-Annapûrnâ, sensuelle-Amazonie ou austère-Labrador? Marco Polo et Christophe Colomb n'avaient-ils pas eux aussi leurs comptines secrètes? Cipango... Cathay... Cibola...* »

Les récits se combinent avec le roman, qui imagine et fait imaginer : même s'ils prennent des distances avec le réel, ils gardent un réel pouvoir de création de représentations qui équivalent, dans l'esprit du plus grand nombre, à la réalité elle-même. Combien de lecteurs s'imaginent les steppes russes grâce au roman de Jules Verne *Michel Strogoff* ! Nous distinguerons cependant le roman à visée « ethnographique » et le roman de pure fantaisie.

L'image peut aussi accompagner le texte : que ce soit la gravure, la peinture, ou la photographie.

Nous étudierons enfin la place du vocabulaire étranger dans les récits : d'abord conçu comme radicalement étrange, le vocabulaire venu d'ailleurs peut s'acclimater avec la familiarité des gens ou des objets.

²⁸ Jacques Meunier, *le Monocle de Joseph Conrad*, Paris, Payot, 1993, coll. Petite Bibliothèque Payot, p.11.

Харченко В.К.
д.ф.н., проф., НИУ «БелГУ», Россия

ОБРЯДОВЫЙ ХРОНОТОП И СОВРЕМЕННЫЙ ХРОНОЦИД

Рассматриваются особенности обрядового хронотопа: продолжительность времени обряда, основательная подготовка пространства, трудозатратность, или предшествующая событию аскеза. Соблюдение хронотопа обеспечивает целый ряд позитивных последствий: скрепление семьи, гармонию праздников и будней, аутосуггестивный эффект для участников обряда. Современное клиповое мышление, медиа-культура, подмена реальности веером возможного оборачивается хроноцидом. Подобное «уничтожение времени» для личности и социума чревато серьёзными последствиями.

Ключевые слова: национальная культура, обряд, праздник, свадьба, похороны, хронотоп, клиповое мышление, «общество возможностей».

Kharchenko V.K.
Belgorod National Research University, Russia

THE CEREMONIAL CHRONOTOPE AND CONTEMPORARY CHRONOCIDE

The article deals with specific characteristics of the ceremonial chronotope: the duration of the rite, significant preparation of the site, labour input or preceding askesis. Following the chronotope ensures positive consequences: family bonds, harmonious combination of working days and holidays, autosuggestive effect for rite participants. Modern clip way of thinking, media culture, replacing reality with the spectrum of the possible cause chronocide. This way of time destruction can result in grave consequences for the individual and society.

Key words: national culture, rite, ritual, ceremony, holiday, wedding, funeral, chronotope, clip thinking, opportunity society

Теория обряда: праздничного, свадебного, крестильного, похоронно-поминального – в отечественном гуманитарном знании сохраняет достаточно мощный импульс развития и разработки, однако при этом наметилась и некоторая асимметрия в предметах исследования. Назовём три аттрактора, притягивающих внимание культурологов и фольклористов. Это, во-первых, обрядовая предметность; во-вторых, последовательность обрядовых и ритуальных действий; в-третьих, язык того или иного обряда: паремии, фразеологизмы, лексика свадебных песен, причитаний. В таком направлении охарактеризован погребальный обряд, например, в работе Т.И. Гавриловой [1]. О недостатках в организации современного праздника, в частности о зрелищности, подменяющей действия участников церемонии, пишут специалисты по эртологи (науки о праздниках), в частности М.В. Литвинова [2]. Вместе с тем полагаем, что исследование культуры обряда допускает и некоторые иные проекции, фундаментальным и прикладным аспектам которых до настоящего времени уделялось недостаточно исследовательского внимания. Это, прежде всего, хронотоп обряда, то есть выявление особенностей

обрядового времени и пространства. В свете концепции М.М. Бахтина хронотоп продолжает интенсивно исследоваться применительно к художественному дискурсу. Однако немаловажное значение, на наш взгляд, он может иметь и в отношении характеристик обрядового знания, теории обряда.

Материалом нашего исследования послужили лично собранные информационные фрагменты а) из личного архива семейного родословия [3]; б) из сочинений студентов национального отделения «Народные приметы Средней Азии», «Мой дом» (16, 19, 20 мая 1991 г.); в) из контекстов художественной и мемуарной литературы, г) из авторской картотеки спонтанных высказываний (разговорный дискурс). Все эти фрагменты объединены заявленной тематикой обрядового хронотопа. В связи с широтой темы обрядового хронотопа и очерченностью границ публикации позволим себе некоторые данные изложить в пересказе, концентрируя их значимый для нас временной и/или пространственный параметр.

[В больничной палате женщина лет 70 вспоминает:] *Внучка спрашивает: а сколько машин было на свадьбе. Я смеюсь: одни дрожки. Сегодня праздник архангела Михаила. Я в этот день кончила отмечать свадьбу! Раньше неделю и больше! Сейчас в столовую сходят, и всё! А раньше сначала сундук везут, потом застолье, напиваются, и в воскресенье, и в понедельник, и во вторник. А потом по гостям... (21.11.2015).*

[Лаборантка 36 л. о похоронах бабушки:] *У нас в деревне, если человек даже рано утром умер, его в тот же день не хоронят, он обязательно должен переночевать дома. Над ним всю ночь читают молитвы... (09.03.2015).*

Это блюдо готовится долго, шесть часов надо перетирать в корытце... [Белгородская область, Ракитянский район]; [Аспирантка из Шяуляя, 1972 г.:] Мы вас угостим, это блюдо готовится под Новый год и долго, восемь часов его готовят (Вьетнам, Ханой, студентка, 1979 г.). Цепеллины мы всегда к празднику готовим: пока картошки на тёрке натрёшь, это долго готовится... У нас в семье было, если кого наказывают, то заставляют тереть картошку к цепеллинам (Литва, Шяуляя, аспирантка, 1972 г.).

[Студентка из Бухары, 1991 г.:] *У нас, когда ребёнок рождается, то 40 дней его чужим не показывают, только своим! [Студент из Бухары, 1991 г.:] Когда невеста становится женой и после свадьбы живёт в доме мужа, она три дня должна первой со всеми, даже с маленькими здороваться, а к своим родителям она 40 дней не должна ходить.*

Приведённые будто бы различные фрагменты многое, однако, объединяет.

Во-первых, в них просвечивает такая особенность обрядового хронотопа, как **ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ВРЕМЕННАЯ ПРОТЯЖЁННОСТЬ**: свадьба не один и не два дня, а больше недели. Блюдо красуется на столе не из кулинарии и не из «пакетика», а после долгого приготовления. Утром умер, в вечером уже покоится в земле? Нет, усопший должен переночевать под своей крышей. Обратимся к художественным текстам. Отметим прекрасное первоначальное название романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день», по требованию властей переименованного в «Буранный полустанок». Б. Пастернак, строка из стихотворения которого попала в название, в те годы был на подозрении. Первоначальное название коррелировало с сюжетом романа, то есть отражало процедуру неспешных и ответственных похорон Умершего Казангапа везут на сарозекский пантеон Ана-Бейит. Приведём одно из многочисленных размышлений главного героя романа Едигея: «Почему родные хоронят не

приехали? Что за люди пошли, что за народ?.. Для них всё важно на свете, кроме смерти!» И это не давало ему покоя: «Если смерть для них ничто, то, выходит, и жизнь цены не имеет. В чём же смысл, для чего и как они живут там? (Ч. Айтматов).

Во-вторых, особенностью обрядового хронотопа является **ОСОБАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА**: тщательная уборка помещения, расстановка ритуальных предметов – берёзовых веток в Троицу. *Белить избу всегда считалось напраздником; белили на году два раза – после осенней приборки перед Покровом и после зимней топки на Пасху. Подготовив, подновив избу, выскоблив косарём до молочно-отстойной желтизны пол, принимались за стряпню, за варево и жарево...* (В. Распутин. Прощание с Матёрой). Анна Василевская, олицетворяющая культуру карел, описывает в своих воспоминаниях преобразование окружающего пространства, свои зрительные, обонятельные впечатления: *В деревне уже гуляли, пили, ели. В избах чисто, запашисто* (А. Василевская. Книга о жизни).

В-третьих, особенность национального обрядового хронотопа – это его **ТРУДОЗАТРАТНОСТЬ**, аскеза обряда, что вытекает из первого и второго признаков, в том числе, если речь идёт и о предстоящем празднике, будто бы предполагающем отдохновение от трудов. Здесь надо учесть, как пишет Т. Чередниченко, двухтактность праздника. Любой праздник диалектически предусматривает предшествующую аскезу, без которой само ощущение праздника будет неполным [4]. И эта аскеза тоже составляет временную и пространственную координату обряда: долгие приготовления к событию (узбекская девочка должна обвязать крючком массу платочков как подарков к своей будущей свадьбе), долгая работа по обиходу и украшению «территории бытия». В романе «Лето Господне» И. Шмелев трогательно описывает начало поста: не лучшую посуду к столу, другие лампы, другую одежду.

Рассмотрим теперь, какие выигрыши давало соблюдение обрядового хронотопа.

Первый выигрыш – **СКРЕПЛЕНИЕ СЕМЬИ**. Долгие похороны – значит приедут, придут проститься, пособолезновать. В приведённом выше отрывке из романа Едигей говорит об уважении к умершему, о ценности каждой человеческой жизни, состоявшейся судьбы. Но приезд родственников есть проявление уважения и к роду, к семье. Не однодневная свадьба – это неспешное знакомство, уважительное общение новых родственников. Каждый дискурс диктует собственные уникальные традиции и предпочтительную тематику общения. Обрядовый дискурс актуализирует уважение к предкам, сбережение родовой памяти, ценность семейных уз, взаимопомощь рядом живущих. Все эти темы требуют проговаривания, времени, обрядового хронотопа, репрезентации таких концептов, как **СЕМЬЯ**, **СУДЬБА**. Скороговорка здесь недопустима. Авторы родословных нередко описывают праздники, когда за большим столом собирались все родственники. Однако, чтобы такое событие запомнилось, ему надо было «подарить время». В дворянских семьях «обрядовый хронотоп» распространялся на ритуал вечернего чтения вслух классических текстов. И это ритуальное действие

запоминалось надолго и уже выросшими детьми вспоминалось всегда тепло и сердечно.

Второй выигрыш соблюдения обрядового хронотопа – чисто психологический, **ГАРМОНИЗАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ БУДНЕЙ И ПРАЗДНИКОВ**. Об этом свидетельствуют пословицы: «Будет и на нашей улице праздник», «В праздник поближе к людям, в будни подальше от людей». Т. Чередниченко пишет о том, что функция праздника – разочаровывать. Ольга Балла поэтично воспекает защитную функцию будней, с привычным, успокаивающим их ритмом [5: 129].

Третий выигрыш назовём аутосуггестивным, он касается **САМОУВАЖЕНИЯ**, самоидентификации личности. Человек сделал всё, как положено: достойно похоронил умершего, всех уважил, никого не забыл пригласить, приготовил нечто изысканное, навёл чистоту и порядок. Отсюда идут импульсы самоуважения, достоинства.

Все эти выигрыши есть не что иное, как прикладное значение обрядового хронотопа, которое настоятельно требует озвучивания и осмысления, а также наблюдения над традициями иных культур. За сорок дней не-гостевания в родной семье молоденькая жена привыкает к новому укладу, перестраивается внутри, переживая поначалу восторг (любимый рядом), потом недовольство (в большой, многопоколенческой семье не каждый новый родственник приходится по душе), а потом эти полярные чувства оборачиваются мудрым смирением, принятием случившейся перемены в жизни. Скрепление семьи протяжёнными во времени действиями сейчас особенно актуально, поскольку дети больше внимания уделяют соблазнам компьютера, нежели общению с родителями и сиблингами (братьями и сестрами).

Наши предки не торопились, но в итоге успевали намного больше, чем мы. Лингвисты отмечают, что категорию времени исследовать сложнее, нежели категорию пространства [6]. Это относится и к личной жизни, и к профессиональной состоятельности. См. в изложении Д.А. Гранина эксперимент с личным временем энтومолога А.А. Любищева [7]. Исследование обрядового хронотопа в перспективе позволит взглянуть на временные парадоксы современности. В.А. Солоухин писал об этом: «Раньше ездили долго и потом выходили книги, например роман И. Гончарова «Фрегат «Паллада», а сейчас краткосрочная командировка оборачивается от силы заметкой в газету.

Обрядовый хронотоп целесообразно исследовать вкупе с идеей хроноцида, предложенной М.Н. Эпштейном, подчёркивая развитие и распространение в социуме новой модели: не от возможного к реальному, а от реального к возможному. «Но богатство жизни зависит от разнообразия её возможностей больше, чем от степени их реализации. ...В этом состоит поэтическая сторона прогресса, которая обычно заслоняется её практической стороной» [8: 166-167]. Автор далее цитирует Арнольда Тойнби, писавшего про утончение материального субстрата истории и про её переход в более духовное, эфирное состояние [8: 170]. На наш взгляд, это количество возможностей, «процесс открывания настоящего множественному будущему» объясняет так называемую клиповость мышления, чему способствует и жанр рекламы, и

современная медиакультура. Более того, помимо «поэтической стороны прогресса» здесь просматривается роковое невнимание к реальности настоящего. По всем этим причинам и нововведениям ценным становится исследование обрядового хронотопа в различных национальных культурах как альтернативы ускорению времени и невниманию к возможной и плодоносной его длительности и основательности.

Литература

1. Гаврилова Т.И. Терминология похоронно-поминального обряда в этнолингвистическом освещении (на материале Курского региона) / Т.И. Гаврилова // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1997. – 17 с.
2. Литвинова М.В. Массовые праздники и зрелища как культурно-исторический феномен / М.В. Литвинова // Дис. ... канд. филос. наук. – Белгород, 2002. – 146 с.
3. Харченко. Личный архив семейных родословных: В 30 тт. / В.К. Харченко. Белгород, 2013.
4. Чередниченко Т. Праздничность / Т. Чередниченко // Новый мир, 2002, № 11.
5. Балла О. Похвала связанности / О. Балла // Знание – сила, 2007, № 6. – С. 129.
6. Чугунова С.А. «Движение времени» у представителей разных культур / С.А. Чугунова. – Брянск: Брянский гос. университет, 2009. – 240 с.
7. Гранин Д.А. Эта странная жизнь... / Д.А. Гранин // Аврора, 1974, № 2.
8. Эпштейн М.Н. Хроноцид / М.Н. Эпштейн // Октябрь, 2000, № 7. С. 157-171.

ВЕЧЕРНЕЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Василенко А.П.

д.ф.н., проф., Брянский государственный университет, Россия

ФРАНЦУЗСКО-РУССКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКВИВАЛЕНТ: ОТ СИММЕТРИИ К АСИММЕТРИИ ЗНАКА

В статье представляется классификационный взгляд по вопросу межъязыкового фразеологического сопоставления. На примере французского и русского языков в духе симметрии и асимметрии лингвистического знака, а также макрокомпонетного представления семантики фразеологизма приводится и объясняется следующая типологическая номенклатура межъязыкового фразеологического эквивалента: *макросимметричный, десимметричный квазисимметричный микросимметричный асимметричный.*

Ключевые слова: фразеологизм, межъязыковой эквивалент, макросимметрия, десимметрия, квазисимметрия, микросимметрия, асимметрия.

Vasilenko A.P.

Bryansk State University, Russia

FRENCH-RUSSIAN PHRASEOLOGICAL EQUIVALENT: FROM SYMMETRY TO ASYMMETRY OF A SIGN

The article represents a classificatory approach to the issue of interlingual phraseological comparison. The following typological nomenclature of interlingual phraseological equivalent is given and interpreted on the material of French and Russian languages through the prism of symmetry and asymmetry of a linguistic sign and macrocomponent representation of semantics of an idiom: *macrosymmetric, desymmetric, quasisymmetric, microsymmetric, asymmetric*.

Key words: idiom, interlingual equivalent, macrosymmetry, desymmetry, quasisymmetry, microsymmetry, asymmetry.

Основу нашего межъязыкового компаративного видения фразеологизма составляет понятие *эквивалент*, под которым мы имеем в виду устойчивую единицу языка, имеющую изначально заложенную при формировании образа ту или иную степень вероятности быть переданной и понятой в другой лингвокультурной среде, единицу, отражающую степень тождественности фразеологических картин мира сопоставляемых языков.

В духе теории симметрии и асимметрии как двух взаимосвязанных и взаимоисключающих проявлений системности языка и речи мы опираемся на общее определение *симметрии* как степени совпадения, соразмерности, одинаковости в расположении к.-л. частей относительно ч.-л. Тем самым мы подтверждаем мысль Ф. де Соссюра о том, что всякое различие в идее стремится выразить себя различными означающими [8: 121].

Говоря о языковой теории симметрии / асимметрии следует упомянуть и другие мнения. Так, Ш. Балли, отмечал, что «несоответствие между означаемыми и означающими является правилом» [1: 21]. Асимметрии рассматривается также в синтагматическом (один знак может проявляться сочетанием двух) и семиотическом (наличие одного смыслового знака не есть обязательное наличие его формального аналога) плане [4: 47]. Знак появляется на стыке содержания и выражения [5: 213]. Неоднозначность вербального языка проявляется в его символичности, которая «обладает множеством смыслов» [2: 353]. «Один знак может нести несколько означаемых, и одно означаемое может выражаться несколькими знаками» [6: 178].

Итак, нас интересует общий подход – при одном означающем могут быть несколько означаемых.

Изученная литература по сопоставительной фразеологии позволяет представить следующие типы межъязыковых фразеологических эквивалентов с опорой на априорную соизмеримость плана выражения и плана содержания в разных языках, а также макрокомпонентное представление семантики фразеологического оборота по В.Н. Телия [9: 103 – 131]: *макросимметричный фразеологический эквивалент, десимметричный фразеологический эквивалент, квазисимметричный фразеологический эквивалент, микросимметричный фразеологический эквивалент, асимметричный фразеологический эквивалент*.

Макросимметричный фразеологический эквивалент – фразеологизм одного языка, совпадающий по всем компонентам семантической структуры с фразеологизмом другого языка. Термин ориентируется на общее понимание *макросимметрии* в физике кристалла (в нашем случае – плана выражения фразеологизма), который представляет собой сплошную однородную среду (в нашем случае – план содержания фразеологизма).

Русские примеры: *рвать на себе волосы* – *s'arracher les cheveux*; *пускать пыль в глаза* – *jeter de la poudre aux yeux de qn*; *водить за нос кого* – *tener qn par le nez*; *заткнуть рот кому* – *fermer la bouche à qn*; *око за око, зуб за зуб* – *œil pour œil, dent pour dent*; *иметь голову на плечах* – *avoir la tête sur les épaules*; *показать зубы (огрызнуться)* – *montrer les dents*.

Французские примеры: *sauver sa peau* – *спасать свою шкуру*; *tourner le dos à qn* – *повернуться спиной к кому-либо*; *prendre le taureau par les cornes* – *брать быка за рога*; *à toutes jambes* – *со всех ног*; *face à face* – *лицом к лицу*; *bâtir sur le sable* – *строить на песке*; *dorer la pilule* – *позолотить пилюлю*; *une tempête dans un verre d'eau* – *буря в стакане воды*.

Десимметричный фразеологический эквивалент – фразеологизм одного языка, имеющий структурно-семантические совпадения с сопоставляемым фразеологизмом другого языка, но имеющий незначительные лексические, грамматические и лексико-грамматические различия. Термин ориентируется на понятие *десимметрия тел* в геологии – ‘нарушенная или неполная симметрия форм земного рельефа’ (в нашем случае – плана выражения фразеологизмов).

Русские примеры: *говорить сквозь зубы* – *parler du bout des dents* (букв.: говорить кончиками зубов); *мерить на свой аршин* – *mesurer à son aune* (букв.: мерить на свой локоть); *делать большие глаза* – *ouvrir des yeux ronds* (букв.: открыть круглые глаза); *разевать рот* – *ouvrir la bouche toute grande* (букв.: открыть рот совсем большой); *вскружить голову кому* – *tourner la tête à qn* (букв.: повернуть голову к.-л.); *говорить на разных языках* – *ne pas parler la même langue* (букв.: не говорить на одном и том же языке); *кричать на всех перекрестках* – *crier sur les toits* (букв.: кричать с крыш); *держат язык за зубами* – *tenir sa langue* (букв.: держать свой язык); *продавать шкуру неубитого медведя* – *vendre la peau de l'ours* (букв.: продавать шкуру медведя); *построить на костях* – *costruire qch sur des cadavers* (букв.: построить на трупах).

Французские примеры: *entrer dans une oreille et sortir par l'autre* (букв.: войти в ухо и выйти через другое) – *в одно ухо влетело, в другое вылетело*; *changer de musique* (букв.: сменить музыку) – *переменить пластинку*; *tenir sa langue en bride* (букв.: держать свой язык в узде) – *держат язык на привязи*; *saucer qn dans la boue* (букв.: обмакнуть к.-л. в грязь) – *втоптать в грязь*; *s'est écrit sur le visage de qn* (букв.: это написано на лице к.-л.) – *на лбу написано*; *lécher les bottes à qn* (букв.: лизать сапоги к.-л.) – *лизать пятки*; *casser les oreilles à qn* (букв.: сломать уши кому-либо) – *прожужжать все уши к.-л.*

Квазисимметричный фразеологический эквивалент – фразеологизм одного языка, очень близкий по структуре фразеологизму другого языка, но имеющий заметные различия в сфере употребления, национальной культуры, образа жизни. Структуры, вступая в эпидигматические отношения, проявляют псевдосходство, очевидна их межъязыковая омонимичность фразеологических параллелей (о межъязыковом фразеологическом параллелизме см. работу [7]). При переводе к ним надо относиться осторожно: они псевдоподобны, они – «ложные друзья переводчика».

Например, фразеологизм *подать голос* имеет значение ‘намеренно произносить, говорить что-либо, обнаруживая тем самым свое присутствие’, а его французский аналог *donner de la voix* (букв.: дать голос) означает просто ‘произнести вслух’, но не для того, чтобы заметили’. *Открыть огонь* ‘начать критиковать к.-л.’ – *ouvrit le feu* ‘(букв.: открыть огонь) – ‘первым взять слово’. *Держать речь* ‘взять слово, высказаться’ – *tenir sa parole* (букв.: держать свою речь) – ‘сдерживать своё слово’.

Микросимметричный фразеологический эквивалент – фразеологизм одного языка, который связан по значению с фразеологизмом другого языка, но совершенно различается по образности внутренней формы, национально-культурным колоритом. Это объясняется различными причинами, среди которых первейшую роль играет различное восприятие образов внутренних форм фразеологизмов, переосмысление семантико-фразеологических инвариантов, различное наличие этнокультурных элементов в структуре фразеологизмов русского и французского языков и т.п. Термин ориентируется на понятие *микросимметрии* в физике кристалла. Микросимметрия кристалла связана с группами, имеющими область, куда входят точки пространства, которые распределяются по непересекающимся классам, но эквивалентным относительно группы.

Русские примеры: *белая ворона* – *un mouton à cinq pattes* (букв.: баран с пятью ногами); *водой не разольешь* – *être comme les doigts de la main* (букв.: быть как пальцы руки); *ни к селу ни к городу* – *sans rime ni raison* (букв.: ни рифмы ни смысла); *куда глаза глядят* – *aller le nez au vent* (букв.: идти нос по ветру); *лезть в бутылку* – *avoir la tête près du bonnet* (букв.: иметь голову перед чепчиком); *рубить сплеча* – *mettre les pieds dans le plat* (букв.: положить ноги в блюдо); *вот где собака зарыта* – *c'est là que gît le lièvre* (букв.: вот где лежит заяц); *я этим сыт по горло* – *j'en ai plein le dos* (у меня от этого полна спина).

Французские примеры: *payer trois francs six sous* (букв.: платить 3 франка и 6 су) – *дешево и сердито*; *attacher qn au carcan* (букв.: привязать к.-л. к железному ошейнику) – *выставить к позорному столбу*; *casser du sucre sur le dos de qn* (букв.: разбивать сахар на спине у к.-л.) – *перемывать косточки*; *être bon pour les chrysanthèmes* (букв.: быть хорошим для хризантем) – *песок сыплется*; *quand les poules auront des dents* (букв.: когда у кур будут зубы) – *когда рак на горе свистнет*; *avoir le bec gelé* (букв.: иметь замороженный клюв) – *язык проглотить*; *ni chair ni poisson* (букв.: ни мясо, ни рыба) – *ни богу свечка ни черту кочерга*; *il avalerait la mer et les poissons* (букв.: он проглотил бы море и рыб) – *проголодаться как волк*.

Асимметричный фразеологический эквивалент – фразеологизм одного языка, который не находит своего отражения во фразеологической системе другого языка. Однако безэквивалентные единицы (лакуны) не значит непереводаемые. Асимметричный фразеологический эквивалент обычно имеют ярко выраженную национально-культурную специфику. Здесь еще более возрастает роль разъяснения при описательном переводе. Если же при переводе хочется сохранить национально-самобытную окраску русского фразеологизма, то можно прибегать к дословному переводу (калькированию), вводить в текст

перевода такие указания, как, например, «как говорят русские», «как гласит русская пословица», «как принято говорить в России» и т.п.

Каковы причины возникновения безэквивалентных фразеологических единиц? Основные причины безэквивалентности заключаются в том, что реальная действительность отражается по-разному в образах, лежащих в основании фразеологизмов, в сознании представителей того или иного культурно-языкового социума по-разному видятся природно-климатические, территориальные, общественно-исторические и культурные особенности жизни этноса и т.п. Различны и системы языков, наличествующие в них процессы идиомообразования, закономерности сочетаемости слов и т.п. (см. об этом, например, [3: 251 – 252]). При передаче таких фразеологизмов приходится прибегать к описательному или семантическому переводу.

Русские примеры: *до зеленого змия* (напиваться, быть пьяным); *толочь воду в ступе*, *медвежий угол*, *казанская сирота*, *красная девица*, *подводить под монастырь*, *разводить тары-бары*, *бред сивой кобылы*, *попасть впросак* и др.

Французские примеры: *répondre en Normand* (букв.: ответить как Нормандец, в духе Нормандца) – ‘ответить уклончиво; ни да, ни нет’; *le jardin de la France* (букв.: сад Франции) – так во Франции говорят о Турени (историческая область в западной части Франции); *parler le français comme une vache espagnole* (букв.: говорить по-французски как испанская корова); *aller à Cracovie* (букв.: ехать в Краков) – *арго* ‘врать, завираться’; *gagner ses éperons* (букв.: достичь своих шпор) – ‘отличиться при первой представившейся возможности’; *mettre en jour* (букв.: положить в день) – *книжн.* ‘выделять подчеркивать важность ч.-л.’; *il faut aller le chercher avec la croix et la bannière* (букв.: за ним надо идти с крестом и хоругвями) – ‘его трудно уговорить на к.-л. дело’; *tirer sa voix de ses talons* (букв.: тащить свой голос от своих пяток) – ‘петь, говорить очень низким голосом’; *faire baisser le nez à qn* (букв.: заставить опустить нос к.-л.) – ‘пристыдить, осадить к.-л.’.

Таким образом, понятие межъязыкового фразеологического эквивалента является сложным ввиду сложности самого объекта рассмотрения – фразеологизма как результата совмещения языковых, национальных, объективных и субъективных показателей.

В этой связи, описание фразеологизмов в сопоставительном аспекте позволяет комплексно представить содержание устойчивой единицы одного языка (денотативное, грамматическое, оценку и эмоцию, мотивационное основание и стилистический регистр) и характер его эквивалентного соответствия в другом языке.

Литература

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка.– М.: URSS, 2001. – 416с.
2. Барт, Р. Критика и истина // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 319 – 384.
3. Гак, В.Г. Беседы о французском слове (из сравнительной лексикологии французского и русского языков). – М., 1966. – 335с.

4. Гак, В.Г. Асимметрия в языке // Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 47.
5. Пирс, Ч. Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – 448с.
6. Попова, З.Д.; Стернин, И.А. Общее языкознание. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 408с.
7. Солодухо, Э.М. Теория фразеологического сближения: на материале языков славянской, германской и романской групп. – М: Издательство ЛКИ, 2008. – 304с.
8. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
9. Телия, В.Н. Русская фразеология Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288с.

Гришаева Л.И.

д.ф.н., проф., Воронежский государственный университет, Россия

ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ГЕРМАНИСТОВ

В статье на примере анализа авторских пособий по теоретической грамматике и истории немецкого языка обсуждается подход к преподаванию теоретических лингвистических дисциплин, способствующий формированию общенаучных и профессиональных компетенций. Особое внимание уделяется профессиональным навыкам и умениям, основывающимся на когнитивных механизмах восприятия, обработки и переструктурирования сведений по определенным аспектам лингвистического знания.

Ключевые слова: лингвистическое образование, компетенция, профессиональные навыки и умения

Grishaeva L.I.

Voronezh State University, Russia

DIDACTIC ASPECTS OF LINGUISTIC PROBLEMS AT PREPARING SPECIALISTS IN GERMAN PHILOLOGY

The article discusses the approach to teaching theoretical linguistic disciplines, contributing to building up general scientific and professional competences on the basis of the author's manuals in Theoretical Grammar of German and History of German analysis. Special attention is paid to professional habits and skills based on cognitive mechanisms of perception, processing and restructuring data of linguistic knowledge definite aspects.

Key words: linguistic education, competence, professional habits and skills

Современная профессиональная подготовка германистов – весьма сложная академическая задача, требующая в особенности от преподавателей теоретических дисциплин такого уровня владения специальными лингвистическими и шире – филологическими – знаниями и приемами анализа языкового материала, а также таким уровнем владения иностранным языком и такими глубокими и дифференцированными сведениями о культуре изучаемого

языка, которые обеспечивали бы организацию учебного материала как процесса освоения научного дискурса, согласующегося с принципами организации того или иного формата научного дискурса в изучаемой языковой культуре.

Характерно, что сказанное относится к обеим формам бытования языка – к письменной и устной коммуникации, а также в ряде случаев и к компьютерно-опосредованной. Важно иметь в виду, что при этом оказывается возможным знакомиться с принципами организации разных форматов дискурса. При изучении теоретических дисциплин можно осваивать такие естественные для научного дискурса форматы, как дискуссия, возражение, аргументирование позиции, выражение мнения, реплика, лекция и др. Кроме того, изучающие иностранный язык знакомятся и с особенностями использования разнообразных языковых средств для решения различных коммуникативных и когнитивных задач через изучение текстов разного типа: монография, учебник, конспект лекции, статья, аннотация и др. Принципиально при этом то, что перечисленные форматы дискурса и типы текстов изучаются в сопоставлении через сравнение по крайней мере двух языковых культур.

На данном этапе существования отечественного лингвистического образования в фокусе внимания по понятным причинам находятся проблемы, так или иначе связанные с закономерностями формирования и совершенствования компетенций как «динамической комбинации знания, понимания и способностей» („eine dynamische Kombination aus Wissen, Verstehen und Fähigkeiten“) [3: 59], если использовать формулировки, принятые конференцией ректоров еще в середине 2000-х годов. Попытка конкретизировать соответствующее понятие позволяет поставить акценты на следующие позиции, весьма значимые для фундаментальной подготовки германистов, выделенные в уже процитированном глоссарии, ср.:

- «- знание основ и истории соответствующей дисциплины;
- способность логично и последовательно представить освоенное знание;
- способность констекстуализировать новую информацию и дать ее толкование;
- понимание общей структуры дисциплины;
- способность использовать методы и техники дисциплины;
- способность оценить качество исследований в данной предметной области;
- способность понимать результаты экспериментальной проверки научных теорий» [3: 50-51].

Другими словами, ориентация на обозначенные аспекты формирования профессиональных компетенций обуславливает, очевидно, разработку заданий на стимулирование различных уровней когнитивного развития личности: знание, понимание, применение, анализ, синтез, оценочное суждение. Естественно, что подобная ориентация учебного процесса в высшей школе предполагает освоение когнитивных операций, обеспечивающих успешность и продуктивность интеллектуальной деятельности в целом. Это в свою очередь побуждает особым образом структурировать учебный материал, что и было реализовано в учебном пособии по теоретической грамматике [1] и истории

немецкого языка [2], апробированных на протяжении десятка лет не только в Воронежском государственном университете. Как сказано в предисловии к пособию по истории немецкого языка, «особое значение <при разработке пособия> придается тому, чтобы изучающие немецкий язык развивали навыки самостоятельного и критического осмысления учебного материала, учились бы «ставить вопросы», направляющие их познавательную деятельность, распознавать <...> формы в <...> текстах, сопоставлять древние и новые формы, а также проследивать лингвистически значимые закономерности» [2: 5]. Это важно учитывать в связи с тем, что компетентный подход к подготовке выпускников вузов предполагает, что они смогут по окончании обучения в вузе самостоятельно решать не только привычные для себя и обыденные для профессии, но и принципиально новые профессиональные задачи. В качестве примера можно привести одно из заданий, обобщающее знания о закономерностях обогащения немецкого лексикона [2: 110].

Пример 1. Пути обогащения немецкого лексикона

Sprache	Sprachstufe (AHD. / MHD. / NHD.)				
	<i>Ableitung</i>		Zusammensetzung	Entlehnung	Konversion
	Präfigierung	Suffigierung			
Latein					
Griechisch					
Italienisch					
Französisch					
Englisch					
Slawisch					
Russisch					
sprachintern					

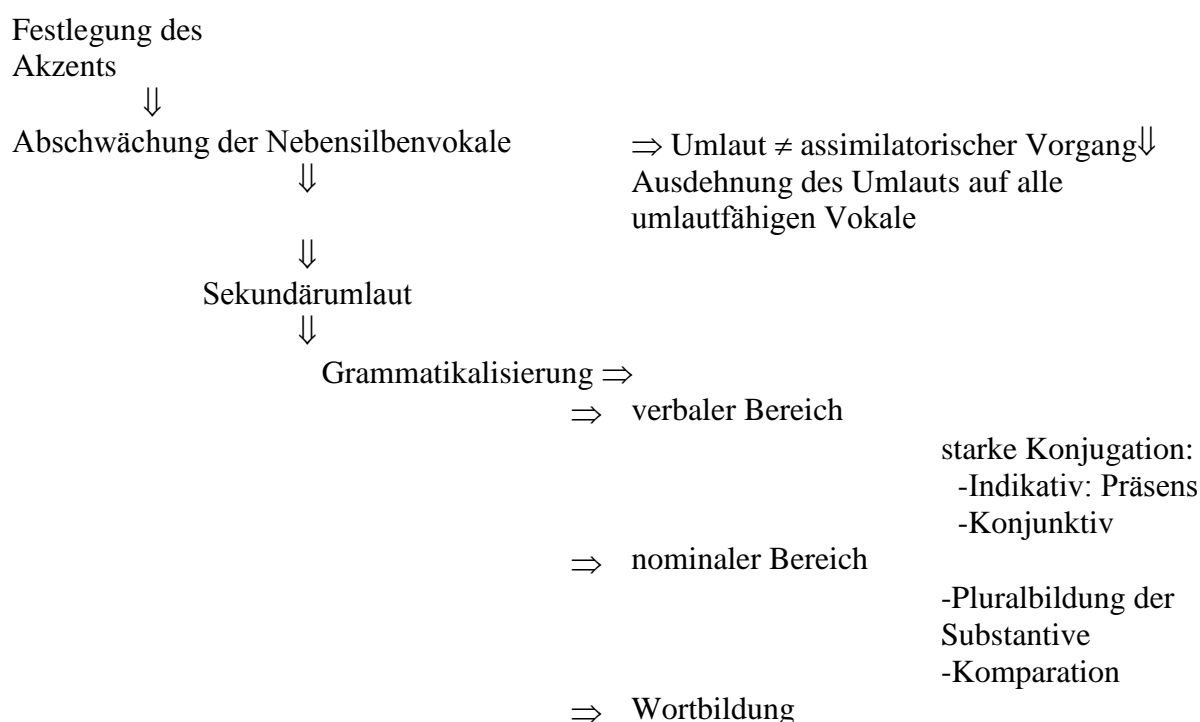
Выполнение этого задания не только структурирует лингвистически значимую информацию, но и способствует установлению связей между комплексами сведений по словообразованию, семантике, лексикологии, истории языка, теоретической грамматики, истории, культурной антропологии и др., что, бесспорно, нацелено на формирование и совершенствование общенаучных и профессиональных компетенций в области лингвистики и шире – филологии.

Весьма объемный теоретически разнородный материала можно также представить довольно лаконично, ни в малой степени не погрешив против лингвистической корректности, вместе с тем способствуя формированию и совершенствованию профессиональной компетенции. Так, знание о тесном взаимодействии разных уровней языка, о непосредственных и опосредованных связях между новациями в разных языковых подсистемах можно организовать разным образом, в том числе и как в обсуждаемых пособиях, ср. примеры 2 [2: 36] и 3 [2: 41]:

Пример 2: Восстановите хронологически корректную последовательность процессов

Festlegung des Wortakzents auf die erste Wurzelsilbe – dynamischer Charakter des Akzents – Veränderungen im morphologischen Aufbau des Wortes – Apokope – Synkope – Abschwächung der Nebensilbenvokale – Veränderung der Vokalquantität in der unbetonten Silbe – Veränderung der Vokalqualität in der Nebensilbe – Änderung des grammatischen Merkmals im Deklinationssystem – Vereinfachung des Flexionssystems – Vereinheitlichung des Paradigmas – Verminderung der Flexionszahl im nominalen und verbalen Bereich

Пример 3: Цепная реакция языковых новаций

Аналогичным образом организуется и пособие по теоретической грамматике в целом, а также каждая отдельная изучаемая тема (или теория): вычленение константного в каждой проблеме, характеристика потенциально возможных подходов к изучению того или иного явления, объяснительная сила изучаемой теории, лаконичность формы, корректность изложения, прозрачность логики анализа проблемы для обучающихся и др.; согласно этим дидактически значимым положениям структурируется учебный материал в названном пособии [1]. В аннотации к этому изданию акцентируются некоторые положения особо: «Учебные материалы к курсу лекций представляют собой сопоставление на единых основаниях разных позиций отечественных и зарубежных, прежде всего немецких, германистов относительно константных для лингвистики проблем. <...> По обсуждаемой тематике предлагается содержательная структура проблемного поля, что

позволяет вычленить как уже устоявшиеся в германистике трактовки явлений, так и спорные вопросы. <...> приводятся матрицы сравнения, отражающие параметры, релевантные для характеристики изучаемых явлений, предлагаются алгоритмы анализа разных вопросов. <...> Использование пособия предоставляет преподавателям возможность выбора дидактической стратегии при организации курса лекций по теоретической грамматике немецкого языка, а студентам – выбор индивидуальной траектории изучения конкретных проблем. Настоящее пособие можно использовать также для оптимизации организации самостоятельной работы обучающихся разных уровней при усвоении как всего курса, так и его отдельных разделов, в том числе и при дистанционном обучении. Обращение к пособию способствует развитию умений корректной интерпретации научных текстов вообще и немецких научных текстов в особенности» [1: 2].

В качестве иллюстрации сказанному можно привести одно задание из пособия по теоретической грамматике (см. пример 4 [1: 44]) как один из способов организации учебного материала. Это задание ориентировано на структурирование сведений относительно теории частей речи, хотя таким образом можно обобщать сведения и по другой проблематике. Выполнение задания, предложенного начинающему лингвисту в таком виде, позволяет обучающемуся активизировать имеющиеся у него связи между комплексами сведений из теоретической грамматики, общего языкознания, грамματοграфии, истории языкознания и др. Кроме того, соответствующую матрицу можно использовать и применительно к другим частным грамматическим теориям или к отдельным аспектам конкретной теории. Благодаря подобному способу организации учебного материала снимается острота вопроса о новых и устаревших научных концепциях, так как обсуждаются преимущества и недостатки подхода к анализу проблемы, раскрывается сущность предлагаемой теории, обсуждается объяснительная сила той или иной интерпретации. Перечисленные параметры к тому же способствуют формированию навыка самостоятельного обобщения теоретически значимых сведений:

Пример 4: Сопоставление мнений грамматистов по теории частей речи

Grammatikforscher	Versionen der grammatischen Beschreibung				
	strukturelle Grammatik	Dependenz-grammatik	Funktions-grammatik	inhaltbezogene Grammatik	traditionelle Grammatik
Boris Abramow					
Wladimir Admoni					
Peter Eisenberg					
Johannis Erben					
Hans Glinz					
Paul Grebe					
Gerhard Helbig, Joachim Buscha					
Walter Jung					
Olga Moskalskaja					
Eugenia Schendels					
Wilhelm Schmidt					
Elena Anissimowa					
....					

Очевидно, что описанная структура организации теоретически важных сведений может быть детализирована в опоре на разные принципы и/или расширена по разным основаниям. Преимуществом подобной организации учебного материала является также и то, что обучающиеся оказываются не привязанными к определенным теоретическим подходам и/или мнениям либо к учебникам – ведь они изучают проблемы, знакомятся с потенциально возможными подходами к решению той или иной лингвистической задачи, с функциональной сферой и объяснительной силой определенного приема анализа. И это, несомненно, способствует успешной учебной деятельности обучающихся в условиях академической мобильности.

Примером высказанного выше обобщения может служить задание из пособия по теоретической грамматике (см. пример 5 [1: 15]), благодаря которому можно как начинать, так и завершать обсуждение проблемы «Модели грамматического описания языка». Мало того, что предлагаемая матрица вычленяет наиболее существенные для лингвистики вопросы, она позволяет обучающимся прогнозировать в опоре на уже имеющиеся у них сведения, встраивать обоснованные связи между общим языкознанием, типологией, разными грамматическими моделями, теорией дискурса, теорией коммуникации, литературоведением и др. Кроме того, при выполнении этого задания можно продуктивно сочетать аудиторную и самостоятельную работу:

Пример 5: Проблемное поле теоретической грамматики

Parameter	Bereiche der Grammatik im engeren Sinne		
	Morphologie	Syntax	Textgrammatik
Grundeinheit	Wort	Satz	Text
Wesensmerkmale der Grundeinheit	Systemeinheit; sinntragende Einheit mit Form und Funktion	kommunikative Einheit; Träger von mehreren Funktionen; inhaltliche und strukturelle Gliederung der Ganzheit; Intentionalität	kommunikative Einheit; sinnvoller Zusammenhalt von Bestandteilen
Beschreibungskategorien	Morphem, Wortform, Form des Wortes, Wortklassen, Tempus, Kasus, Komparation Deklination etc.	Satzmodell, Thema-Rhema-Gliederung, Redeabsicht, Aussagesatz, Wortfolge, Satzparadigma etc.	Kohärenz, Kohäsion, Intertextualität, Kulturalität, Textsorte, Vertextungsmittel
Analyseverfahren	Distributionsanalyse, Morphemanalyse, Funktionsanalyse; grammatisch-semantische Analyse u. a. m.	Transformationen aller Art (Umstell-, Ersatz-, Erweiterungsproben, Abstrichmethode u. a. m.), Satzgliedanalyse u. a.	textsyntaktische, textsemantische, textpragmatische Verfahren u. a. m.
Darstellungstechniken	verschiedenartig und zum großen Teil theorieabhängig	lineare und räumliche Satzmodelle, Kastenschema, Stemma, Klammerung, Baumgraph, Konstituentenstruktur etc.	Textmuster diverser Prägung
Auffassung der Sprache			Sprache als Kommunikationsmittel
Rahmentheorie			
Ziel der theoretischen Beschreibung des Sprachbaus			
Auffassung der Sprachwissenschaft			
Beschaffenheit des Belegmaterials			
Aufgabenbereich der grammatischen Beschreibung			

Изложенные соображения обусловлены особенностями современного общества и характеристиками восприятия обучающихся в современную эпоху – эпоху знаний. Так, в предисловии к учебному пособию говорится: «Подобная организация учебного пособия обусловлена тем, что в информационный век сведения растут отнюдь не в арифметической прогрессии. Следовательно, абсолютно противопоказано ориентировать учебный процесс на репродукцию учебного материала, предварительно жестко отобранного преподавателем. И, наоборот, категорическим императивом университетского образования становится выработка когнитивных механизмов, с помощью которых можно было бы развивать и совершенствовать «технологии» изучения той или иной проблемы – то есть комплекса сведений, изучение которых не зависит ни от филологической школы, к которой принадлежит преподаватель или автор учебника/учебного пособия, ни от множественности подходов или отсутствия такового при изучении соответствующих вопросов, ни, наконец, от сферы конкретной профессиональной деятельности будущего выпускника» [2: 5].

Литература

1. Гришаева Л.И. Теоретическая грамматика немецкого языка, изложенная в форме тезисов и ключевых слов: Учебные материалы к курсу лекций (на немецком языке). Theoretische Grammatik des Deutschen in Stichworten – 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2013. – 400 с.
2. Гришаева Л.И. История немецкого языка в вопросах и ответах = Deutsche Sprachgeschichte im Frage-Antwort-Spiegel : учебное пособие для студентов-германистов (на немецком языке) – 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2014. – 180 с.
3. Glossary on the Bologna Process. English – German – Russian // Beiträge zur Hochschulpolitik. – 7 / 2006. – 196 S.

Чекулай И.В., д.ф.н., проф.,
Прохорова О.Н., д.ф.н., проф.
НИУ «БелГУ», Россия

ПРОВЕРСИЯ И РЕВЕРСИЯ КАК ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАНИЙ О СЛОВОСЛОЖЕНИИ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

The article is dedicated to the problem of word-building in different languages, namely, of compounding. The hypothesis of the investigation is that the process of compounding in some Slavonic and Germanic languages is predetermined by the two contrary structures of the language thinking named proversion (based on the preservation of the component-order in an initial model) and reversion (based on the reverse order of components in a resulting model of a compound word as compared with an initial model of a word-combination). These two main models are mostly revealed in the process of integration a word combination into a compound word. Different models of proversive and reversive compounding have been viewed. The principle of distinction of the models is based on belonging components of the initial model and the resulting compound to a certain part of speech.

Key words: word-building, compounding, proversion, reversion, integration a word combination into a compound word.

Не подлежит сомнению тот факт, что понимание языковой системы как антропоцентрического, когнитивного феномена передачи знаний и сведений о физическом мире и сознании прочно завоевала позиции в качестве одной из основных парадигм описания языка как основной знаковой системы. В то же время данная отрасль языковедения нуждается в дальнейшем уточнении её основных положений. В частности, признавая концептуализацию и категоризацию в качестве основных механизмов структурирования языкового знания, представители лингвистической науки не должны останавливаться лишь на углублении научных знаний об этих категориальных процессах, но и искать возможные новые модели представления знаний в языке. На наш взгляд, такими механизмами являются проверсия и реверсия как важные синтагматические механизмы такого структурирования знаний.

Ранее мы рассматривали реверсию как особый вторичный тип синтагматических отношений, при котором из устоявшихся в качестве узуальных единиц путём перестановки компонентов образуются новые единицы и структуры языка, обладающие отличными от первых предметно-семантическими и категориально-семантическими характеристиками. В качестве таковых рассматривались в первую очередь единицы синтаксического уровня, обладающие в основном особыми прагматико-стилистическими характеристиками, в частности, реализующие стилистический эффект хиазма [3; 4; 5]. Но, как показала дальнейшая разработка данного предмета, механизм реверсии является системным не только на синтаксическом уровне. Немаловажное место он занимает и при структурировании такой основной содержательной единицы языка, как слово. Это проявляется, в первую очередь, в системе механизмов словообразования. При этом следует отметить, что

исследование реверсивности в словообразовании не является новым. В частности, в китаеведении давно известно понятие слов с обратным порядком следования морфем. А.А.Хаматова упоминает в этой связи работы таких китайских учёных, как Нин Цзиньчун, Цуй Фуюань, Жень Сюэлян, Чжан Шоукан и др. Таких слов в современном китайском языке насчитывается несколько сотен [2: 120-137].

В этой связи возникает естественный вопрос: обратные по отношению к чему? Какое из данных пар слов (например, в транскрипции эти слова звучат как *wénrén* (образованный человек, букв.: «культура + человек») и *rénwén* (культура, цивилизация), *chúgēn* (искоренить, вырвать с корнем) и *gēnchú* (ликвидировать, уничтожить) и многие другие подобные пары) являются первичными или вторичными? Само собой разумеется, что ответы на подобные вопросы могут быть даны лишь при более тщательном исследовании их этимологии.

В то же время в словообразовании многих европейских языков подобные феномены являются не только достаточно частотными, но и системными, что позволяет описывать их в терминах лингвистического исследования. Например, в английском языке достаточно распространённым является механизм амбификсации, когда при помощи одинаковых в плане выражения, но различающихся по функциональной нагрузке служебных морфем из сочетаний глаголов с послелогом образуются имена существительные (например, *let in* «впускать» → *inlet* «впускное отверстие; вход», *come out* «выходить» → *outcome* «выход; исход; итог» и др.).

Наиболее системно механизм реверсии проявляется в процессе, которое Д.В.Квеселевич называет интеграцией словосочетания в сложное слово [1]. Интересно, что этот механизм проявляется в различных европейских языках. Рассмотрим это явление на материале различных языков.

В русском языке можно выделить несколько моделей реверсивного словосложения на частеречной основе, в частности: **сущ. + сущ. → прил.** (*в виде нити* → *нитевидный*; *в образе кольца* → *кольцеобразный*; *литьё чугуна* → *чугунолитейный*); **глагол/отглагол. ф-ма + нареч. → прил.** (*ходить/ходящий прямо* → *прямоходящий*; *летающий низко* → *низколетающий*); **сущ.им. + (предл.) + сущ.косв. → сущ.** (*маратель бумаги* → *бумагомаратель*; *держатель резца* → *резцедержатель*; *знание языка* → *языкознание*) и другие. Подробнее об основных моделях реверсии см. [6].

Именно в этой работе мы указали и на возможность интеграции словосочетания в сложное слово на основе противоположной когнитивно-словообразовательной модели, которую мы назвали проверсией. При проверсии в образовании сложных слов порядок следования корневых элементов в сложном слове является тем же, что и в исходной модели словосочетания. Например, проверсия проявляется в образовании сложного слова *длинноволосый* из словосочетания (*с*) *длинными волосами*.

Дальнейшие наблюдения на материале различных индоевропейских языков, относящихся к разным группам, показали, что модели проверсии и реверсии в словосложении характерны не только для русского языка.

Практически идентичные модели можно выделить и в близкородственном украинском языке. На различных частеречных моделях проверки построены, например, такие сложные слова, как *довготелесий* (з *довгим тілом*), *п'ятикутний* (п'ять *кутів*), *вічнозелений* (вічно *зелений*) и другие; соответственно, реверсивные модели образования сложных слов в украинском языке обнаруживаются в случаях *свинопас* (*пасти свиней*), *окозамилювач* (*замилювати очі*).

Проверсивные и реверсивные модели образования сложных слов обнаруживаются и в другом славянском языке, в чешском, который, как известно, относится уже к другой подгруппе западнославянских языков. В частности, проверсивные модели обнаруживаются в образовании таких сложных слов, как *čarokrásný* (*čaru* «чары, волшебство» + *krásný* «красивый», соотв. приблизительно русскому «чарующий, очаровательный»), *dvozvuk* (*dva* + *zvuk* «двузвучный, состоящий из двух тонов»), а реверсивные модели обнаруживаются в таких случаях, как *muchomůrk* (соответствует русскому «мухомору») и *lidovýchný* (соответствует русскому «народно-просветительский»).

Сопоставительный анализ в этих славянских языках показал, что частеречные модели также соответствуют друг другу в разных языках. В частности, модель «глагол/глагольная форма + существительное в косвенном падеже» в подавляющем большинстве случаев образуется по реверсивной модели независимо от результирующей части речи, в то время как сочетание наречия или числительного с прилагательным как исходная модель словосочетания даёт проверсивную модель. На наш взгляд, это не случайно, поскольку, по пока не установленным причинам, компрессия глагола с Пациентом или иным актантом, отличным от Агенса, в словообразовательной модели подвергается обратному порядку следования исходных компонентов. Очевидно, для выяснения данной проблемы необходимо к методике исследования словообразования подключить и методы семантико-синтаксических исследований. В болгарском языке системный анализ моделей словосложения ещё не проводился, однако нами было замечено забавное с точки зрения русскоговорящих людей слово *скъпоценности*, соответствующее русскому *драгоценности*. Как и в русском языке («дорогой + ценность»), это слово образовано по проверсивной модели.

Кстати, тот же феномен характерен для данной модели и на материале германских языков. Так, например, известное слово английского языка *woodpecker* «дятел» образован от реверсии сочетания на основе управления *to peck wood* «долбить дерево». То же самое можно сказать и о таких сложных словах английского языка, образованных по модели реверсии, как *striptease* (*to tease while/by stripping*), *godforsaken* (*forsaken by God*), *bartender* (*to tend bar*), *radio-controlled* (*controlled with radio*) и многие другие. Справедливости ради следует сказать, что процентное соотношение немногочисленных слов, образованных по проверсивной модели, в английском языке гораздо выше, нежели в русском. Таковы, например, сложное существительное *scatterbrain*, образованное из словосочетания *to scatter brain*, *pickpocket* и другие. Однако в

целом и в английском, и в славянских языках реверсивный способ образования сложных слов для данной модели во много раз продуктивнее, нежели проверсивный.

По реверсивной модели образуются и сочетания существительных, дающее в результате сложное существительное, однако, в отличие от славянских языков, где в словосочетании отношения управления наводятся в основном падежными формами, отношения в соответствующих словосочетаниях английского языка в основном оформляются предлогами в силу отнесённости данного языка к аналитическим. Таковы, в частности, сложные слова, образованные по модели **N prep N** (*fatherland* ← *land of fathers*, *firewood* ← *wood for fire*, *life-boat* ← *boat for (saving) life* etc.)

Проверсивные модели образования сложных слов, как и в славянских, наиболее характерны для тех моделей, где в исходном словосочетании опорным компонентом является имя прилагательное, например, *blue-eyed*, *warm-hearted*, *soft-brained*, *sweetheart* и многие другие.

В ходе исследования образования сложных слов в разных языках обнаружился и ещё такой немаловажный с нашей точки зрения проблемный узел. В виду имеется частеречная отнесённость результирующего сложного слова при потенциале образования из исходного словосочетания различных частей речи. Очевидно, это обусловлено вариативностью моделей словосочетания, когда порой трудно обнаружить, проверсивная или реверсивная модель была задействована в данном конкретном случае словообразования. Так, например, сложное слово русского языка *зубоврачебный* (например, *кабинет* или *кресло*) потенциально могло иметь в качестве исходной модели различные структурные модели словосочетаний (например, «*врач по зубам*», *лечащий зубы врач/врач*, *лечащий зубы, врач-зубник*), которые, как легко заметить, отличаются порядком следования значимых для образования сложного слова компонентов, и поэтому сказать однозначно, проверсивная или реверсивная модель была задействована в данном случае, сказать трудно. В то же время в русском языке невозможна результирующая субстантивная модель **зубоврач*. Подобные случаи достаточно многочисленны в русском языке.

Таким образом, подход к образованию сложных слов с когнитивно-лингвистических позиций, на основе интерпретации словообразовательной модели как определённой когнитивно-синтагматической модели структурирования знаний позволяет вскрыть новые аспекты данного словообразовательного процесса, что, в свою очередь, даёт возможность поиска новых методик или синтеза различных методик для выяснения скрытых онтологических и функциональных особенностей этого достаточно интересного и сложного явления.

Литература

1. Квеселевич Д.И. Интеграция словосочетания в современном английском языке [Текст] / Д. И. Квеселевич. - Киев : "Вища школа", 1983. - 84 с.

2. Хаматова А.А. Словообразование современного китайского языка [Текст] / А.А.Хаматова. – М.: Муравей, 2003. – 224 с.
3. Чекулай И.В. Реверсивность как способ вербализации языковой картины мира [Текст] / И.В.Чекулай, О.Н.Прохорова // Нї'аданіе ekvivalentnostı IV: матеріали міжнародної конференції в Прешові (Словацька Республіка) 11-13.09.2008. – Prešov, 2009. – С. 261-271.
4. Чекулай И.В. Реверсивность как универсальная модель представления знаний [Текст] / И.В.Чекулай, О.Н.Прохорова // Четвертий Міжнародний науковий форум. Сучасна англістика: Традиції. Сьогодні. Перспективи.: Тези доповідей. – Харків: Харківський національний університет ім. В.Н.Каразіна, 2011. – С.98-100.
5. Чекулай И.В. Реверсивность как важный компонент языковой картины мира [Текст] / И.В.Чекулай, О.Н.Прохорова // Межкультурная коммуникация, современные методы преподавания иностранных языков, перевод (на материале романо-германских и восточных языков): VII Степановские чтения: Материалы докладов и сообщений Международной конференции (Москва, 26-27 апреля 2011 г.). – М.: РУДН, 2011. – С. 20-23.
6. Чекулай И.В. Проверсия и реверсия как когнитивные модели словосложения в русском языке [Текст] / И.В.Чекулай, О.Н.Прохорова. // Основные тенденции развития русского и других славянских языков в современном мире : сборник научных трудов по материалам международной научной конференции (15-16 мая 2014 г, г.Трнава.). – Брно, 2014. – С.223-229.

Нагорный И.А.

д.ф.н., проф., НИУ «БелГУ», Россия

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА РУССКИХ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ²⁹

В статье рассматривается проблема функционирования русских предположительных частиц в предложении, описываются функционально-семантические характеристики частиц как грамматически служебных, но прагматически значимых элементов языка, анализируются параметры соотношения диктума и модуса в предложениях с частицами, устанавливаются параметры актуализации частицами субъективно-авторских смыслов в речевом высказывании.

Ключевые слова: предположительные частицы, модальная квалификация, модус, кваликативные смыслы, прагматика, функционирование.

Nagorny I.A.

Belgorod National Research University, Russia

FUNCTIONAL SEMANTICS OF RUSSIAN HYPOTHETICAL PARTICLES

Summary: In the article the problem of functioning of Russian hypothetical particle in the sentence, describes the functional-semantic characteristics of the particles utility as grammatically, but pragmatically meaningful elements of language, analyzes the parameters of the ratio of dictum and modus in sentences with particles, set parameters updating particles subjectively-author of meanings in speech utterance.

²⁹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00196.

Key words: hypothetical particles, modal qualification, modus, qualificative meanings, pragmatics, functioning.

В современной лингвистической науке не остывает интерес фактору антропоцентризма, функциональной и концептологической составляющим разнообразных ментальных операций [1, 2, 3, 4, 7]. Концептосфера индивида базируется на комплексе динамических параметров, среди которых параметр предположительной квалификации события является одним из наиболее универсальных. Предположение как операция ментального уровня характерна для субъекта мыслящего, чувствующего, говорящего. Это операция, помогающая субъекту постичь окружающую действительность, свое отношение к ней, квалифицировать событие. Данная операция универсальна по сути, поскольку возможно ее применение по отношению к любым явлениям, процессам, временным и пространственным координатам [5, 8]. Мотивация предположения может быть различной, объекты предположения ограничены объемом индивидуальных картин мира социумов.

Одним из ярких репрезентаторов предположения на языково-речевом уровне являются модально-предположительные частицы. Попытка определить функциональный статус структурно служебного, но прагматически значимого элемента в концептуальном пространстве предложения при актуализации данным элементом комплекса модально-квалификативных смыслов обусловили возможность размышлений на тему о функциональной семантике предположительных частиц в предложении и высказывании.

Предположительные частицы (*как бы, чай, авось, небось, никак, поди, что ли, едва ли, вряд ли, будто, точно, словно, вроде, разве, неужели, мол, дескать, якобы, де*) включаются в группу модальных и служат для выражения авторского отношения к достоверности сообщаемого. Яркая функциональная семантика, базирующаяся на факторе антропоцентризма, широкая гамма эксплицируемых в высказывании модусных смыслов обусловили закономерный интерес к предположительным частицам как вероятностным квалификаторам сообщаемого. Интерес к подобного рода служебным элементам обусловлен ярким диссонансом между структурно-модельным и семантико-прагматическим статусом предположительной частицы.

Структурная факультативность, обусловленная морфологическим статусом частицы, грамматикализованность значения отнюдь не мешает служебному слову быть синтаксически и прагматически емким, выполнять в предложении-высказывании целый комплекс разноаспектных функций. Частицы – это востребованный в коммуникационном процессе класс слов. Будучи грамматически служебными, частицы по частотности употребления уверенно держат одно из первых мест в обыденном языке общения. Разговорная речь насыщена частицами. Немаловажная роль в этом отводится прагматической составляющей в значении частиц, позволяющей служебному элементу выполнять в высказывании доминирующую смысловую функцию донесения до адресата прагматически облигаторных смыслов.

Предположительные частицы включаются в группу знаков, основная функция которых заключается в номинации особого, модального типа отношений. Данные элементы – инструментарий квалификации авторского отношения к сообщаемому, фиксаторы точки зрения говорящего. Предположительные частицы в этом случае могут быть охарактеризованы как знаки, при помощи которых говорящий осуществляет «привязку» своего высказывания к коммуникативно-прагматической ситуации в координатах «я – здесь – сейчас».

Рассматриваемые частицы являются знаками речемыслительного процесса. Они указывают на отражение в высказывании результата произведенной мыслительной операции. Наличие частицы в высказывании свидетельствует об активизации процесса мышления субъекта. Предположительные частицы в данном аспекте – языковые «орудия мысли».

Исследование ментальных процессов подводит к пониманию того, что при помощи предположительной частицы логическое суждение соотносится говорящим с параметрами категорий возможности и вероятности. Одна и та же частица в различных высказываниях может фиксировать разную степень вероятности, возможности, сомнения или предположения. Цель автора при введении в высказывание модального квалификатора заключается, в первую очередь, не в обозначении конкретной степени, а в обозначении самого факта вероятности. В связи с этим отметим, что предположительные частицы способны образовывать нечленимые модально-ответные предложения: *-Ты уверена? -Как будто... (В.Шукин); -Как ты думаешь, он вернется? -Вряд ли (В.Шишков); Понимал ли, что оставаться дома было опаснее, чем отбывать на чужбину? Едва ли (газет. текст); -А ты уверена, что она ничего не понимает? Вряд ли (В.Иванов)*. Это важная логическая функция частиц в языке.

Предположительные частицы, не являясь пропозитивными элементами, тем не менее активно участвуют в обслуживании семантической структуры предложения, а иногда и формировании, в результате чего достаточно сильно трансформируют смысловые поля предложения субъективными характеристиками, выступая в роли прагматически значимых элементов. Смыслы, актуализируемые предположительными частицами, существенно конкретизируют собственно пропозитивные смыслы, соотносят их с говорящим, «проявляют» его позицию. Данные смыслы важны для высказывания, так как выражают его авторство, что для речевого образования (в отличие от конструкции, модели) является определяющим: *Авось все, что я говорю, правда! (А Чехов); Ну, прощайте, други...Засиделись мы у вас – и вам, чай, надоели (И.Тургенев); Едва ли мы ее убедим (В.Головачев)*.

Предложения с предположительными частицами интересны и в том плане, что в них зафиксирован в действии процесс, который может быть условно обозначен как снятие четкой противопоставленности диктума и модуса [6]. Объективный и субъективный слои смысла в таких предложениях приближены друг к другу, представляют собой синтез двух единств. Диктум при помощи частицы «притягивается» к модусу, используется для нужд

модуса, в результате чего субъективные смыслы внедряются в диктум, усложняя его структуру. Происходит трансформация семантических полей пропозитивно значимых элементов – предиката, актантов, сирконстантов. Модусные смыслы, вводимые частицами, в ряде случаев даже подчиняют себе объективные смыслы, которые используются в качестве смысловой базы, на основе которой происходит прагматическая переориентация события: - *А здесь может быть разумная жизнь?.. – Вряд ли* (К.Булычев); - *Трава жива? – Едва ли* (В.Бережков); *Вдруг снова словно послышалось что-то* (А Волков); *Как будто бы только что здесь был* (В.Шукин). Говорящий при помощи модального средства ориентирует адресата на то, что имеются некие причины, существование которых предопределило его отказ от констатационного способа изложения собственной точки зрения. Данные причины побуждают говорящего избрать иную, неконстатационную форму выражения мысли. Факт существования подобных причин доводится до адресата как знак того, что говорящий при квалификации события ориентируется именно на них.

Стоит заметить, что выделение степени уверенности/неуверенности в качестве критерия отграничения смысла «предположение» от других квалификативных смыслов, реализуемых в высказываниях предположительными частицами, следует признать ненадежным параметром, так как, с одной стороны, нередко в предположительном высказывании наблюдается как раз высокая степень авторской уверенности в сообщаемом: - *Что ты хочешь сказать? - Что ж тут объяснять. Небошь* помните, как я вас любила (И.Бунин); *Здорово, друг, здорово, брат, здорово. Рассказывай, чай у тебя готово Собрание важное вестей?* (А.Грибоедов); *«Неужто же, - вскрикивает она, - неужто же мне опять с дитем моим должно расстаться?»* (Н.Лесков).

С другой стороны, сам факт актуализации квалификативных смыслов обусловлен не столько степенью авторской уверенности в сообщаемом, сколько причинами прагматического уровня: *Я едва ли не менее всех других подготовлен к такому предприятию, так как могу рассказывать лишь о внешних явлениях: их смысл и причины недоступны моему пониманию* (В.Брюсов) (степень уверенности связывается с авторской компетентностью); *У вас, чай, и так вороха наготовлены, брильянтовая* (А.Островский) (степень уверенности основана на общественном мнении); *Эта лента столь широко обсуждалась профессионалами, зрителями и прессой, что **вряд ли** стоило бы к ней возвращаться, если бы повода не дал сам кинематограф* (степень уверенности обусловлена известностью факта). Таким образом, предположительная квалификация события лишь косвенным образом связана с уверенностью/неуверенностью, но отнюдь не является вытекающей только из нее.

Как видим, квалификативные смыслы часто выступают в смешанном виде, нередко наблюдается плавный переход одного смысла в другой, совмещение их в пределах одного высказывания. Это обусловлено тем, что в речевом коммуникативном процессе, как правило, работает целый комплекс взаимопересекающихся функционально-прагматических факторов. В то же

время отметим, что там, где это возможно, конечно же, следует производить дифференциацию базовых и надстроечных смыслов, реализуемых в высказываниях предположительными частицами. Одним из дифференциальных критериев, думается, может служить антропоцентрическая составляющая – степень обоснованности собственного мнения, на которую ориентируется говорящий при построении модально-кваликативного высказывания.

Функциональный подход к репрезентируемым частицами прагматическим смыслам ориентирует на учет не только собственно лингвистических, но и суперлингвистических факторов. Особое положение при этом отводится интонационным и контекстуальным показателям. В этом аспекте предположительные частицы могут быть охарактеризованы как формальные средства, отражающие только начальный стимул для актуализации кваликативного смысла, который далее уточняется и конкретизируется подключением средств других уровней языка и речи: *Он не сводил глаз с крыльца, - и на крыльцо пришлось отворить двери, этого тоже будто бы требовал какой-то старинный обычай...* (И.Бунин); *Ихтиозавр, что ли? - спросил Макшеев, помнивший кое-что из курса палеонтологии* (В.Обручев); *- Не думаю. Хотя если хозяин подстать своему логову... Думать о приятном отдыхе **вряд ли** придется* (В.Назаров). Предположительная частица фиксирует в данных высказываниях момент начала развития предположительного смысла, правомерность введения которого далее обосновывается при помощи контекстуальных и ситуативных показателей.

Функциональный анализ семантики предположительных частиц с опорой на фактор антропоцентризма заставляет по-иному взглянуть на проблему исключительно частеречного подхода к изучению русских частиц. Узость такого подхода в настоящее время очевидна. Частицы, как функционально и прагматически сориентированные элементы, проявляют себя исключительно на уровне предложения, что позволяет говорить о наличии у них особой, синтаксической семантики.

В прагматическом аспекте и антропоцентризма сказанное позволяет выделить две основные цели, которые преследуются говорящим при вероятностной квалификации события: а) высказать собственное видение ситуации, эксплицировать «личностный» взгляд на ситуацию; б) донести свою «точку зрения» до адресата, добиться того, чтобы адресат правильно понял говорящего, то есть адекватно тому, что заложено в основу вероятностной квалификации самим говорящим. И в первом, и во втором случае русские предположительные частицы – это «сигнал важности» сообщаемого факта, один из способов автора высказывания продемонстрировать свое безразличие к происходящему. Употребляя данные средства, говорящий страхуется от недопонимания его позиции, то есть ориентирует адресата на «правильное» (по мнению говорящего, естественно) понимание ситуации, а также собственного взгляда на ситуацию.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Гак В.Г. Человек в языке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С.73-80.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1999
4. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 231 с.
5. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
6. Нагорный И.А. Пресуппозитивный слой смысла в высказываниях с модально-персуазивными частицами // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014.– № 20 (191). –Выпуск 23. – С.20-27.
7. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 212 с.
8. Философская энциклопедия: В 5-ти томах. – Т.4. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 591с.

Багана Ж.

д.ф.н., проф., НИУ «БелГУ», Россия

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ АНГЛО-АМЕРИКАНИЗМЫ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА АФРИКИ

В данной статье рассматриваются интернациональные англо-американизмы в территориальном варианте французского языка Африки, определяются причины их заимствования и основные сферы употребления, а также приводятся примеры особенностей использования интернациональных англо-американизмов. Данный анализ раскрывает специфику изменений заимствованной лексики, которая отличает французский язык Африки от других вариантов французского языка.

Ключевые слова: территориальный вариант, французский язык, английский язык, Африка, интернационализм, англо-американизм, интернациональные англо-американизмы, заимствование.

Baghana J.

Belgorod National Research University, Russia

INTERNATIONAL ANGLO-AMERICANISMS IN THE TERRITORIAL VARIANT OF THE FRENCH LANGUAGE IN AFRICA

This article discusses the international Anglo-Americanisms in the territorial variant of the French language in Africa, identifies the causes of their borrowing and the main areas of use, and also it gives the examples of international Anglo-Americanisms. This analysis reveals the specifics of the changes of the borrowing that distinguish the French language in Africa from other variants of the French language.

Key words: territorial variant, French, English, Africa, internationalism, Anglo-Americanism, international Anglo-Americanisms, borrowing.

В последнее время отмечается усиление процесса проникновения английской лексики в территориальный вариант французского языка Африки, чему способствует приобретение английским языком статуса международного средства общения. Хотя влияние глобального английского языка на французский язык африканских стран не столь велико, как в Европе, и осуществляется подчас опосредованно, через язык бывшей метрополии, интернациональная лексика на базе английского языка активно внедряется в территориальные варианты французского языка. Так как очень сложно, а иногда и невозможно определить, каково происхождение заимствованного слова (британское или американское), нам видится целесообразным использовать термин *англо-американизм* как родовое понятие для обозначения заимствований как из американского, так и из британского вариантов английского языка.

Рассматривая особенности использования *интернациональных англо-американизмов* в территориальном варианте французского языка Африки, представляется целесообразным определить причины их заимствования и основные сферы употребления. Основная причина использования *интернациональных англо-американизмов* связана с необходимостью номинации новых предметов и явлений. К сферам распространения интернационализмов традиционно относятся социально-экономическая, общественно-политическая, научно-техническая и культурная. Именно здесь происходят наиболее значительные социальные сдвиги, наблюдаются новые явления и процессы, а также существуют точки соприкосновения между народами, содержится наибольшее количество «понятий международного характера», требующих семантически точных и экономичных названий.

В настоящее время деловой мир ориентируется прежде всего на США и англоязычные страны, и национальные экономические термины чаще всего вытесняются англо-американскими эквивалентами. Отличительная черта функционирования интернациональной англо-американской лексики в африканских странах, состоит в том, что тематические группы «экономика» и «политика» не являются основными. Ввиду отсутствия развитой экономики и, следовательно, экономических отношений с англоязычными странами, набор интернациональной экономической лексики в африканских государствах относительно невелик. И все же анализ лексикографических источников, прессы и web-сайтов показывает, что примерами могут служить такие единицы, как: *consulting, marketing, dealer, business, management, budget, pricelist, duty-free* и др.

Большим разнообразием обладает научно-техническая терминология, также традиционно считающаяся приоритетной для интернациональной лексики. В результате смещения акцента на английский язык как источник данной лексики и под влиянием интенсивного развития компьютерных технологий научно-техническая терминология насыщается единицами английского происхождения. К ним относятся: *digital, fax, hi-fi, know-how, CD, CD-changer, track, tuner, on-line, Internet, site (web-site), e-mail, interface, processor, display, user, chat, provider, server, hacker, file* и др.

Наличие большого числа интернационализмов, относящихся к компьютерной терминологии, объясняется тем, что в настоящее время английский язык является во всем мире основным языком общения в Интернете, и принадлежащие ему лексические единицы заимствуются многими языками. В сфере современных видов коммуникации содержатся наиболее «молодые» интернационализмы. Эта лексика более известна молодому поколению носителей языка, знающему и умеющему пользоваться современной компьютерной техникой.

Часть интернациональной лексики относится к сфере средств массовой информации: *reporter, mass-media, interview, digest*. Многочисленные примеры можно найти в тематической группе «спорт»: *sport, sportsman, boxer, volleyball, basketball, record, match, sprint*. В бытовой сфере интерес представляет, по нашему мнению, группа слов, номинирующая развлечения, предметы обихода и пищу: *remake, block-buster, hit, club, flirt, cocktail, clown, week-end, shopping, hobby, camping, parking, skaut, shampooing, chewing gum, bifteck, hot-dog*.

Как уже было отмечено, интернациональная англо-американская лексика не всегда является результатом прямого влияния мировой культуры. Нередко она попадает в территориальный вариант французского языка Африки опосредованно через французский язык Европы. Можно предположить, что ранее неизвестный материал и все новое в словаре центрально-французского варианта языка вызывает естественный интерес франкоязычных африканцев.

Попадая в территориальный вариант французского языка *англо-американизмы*, как правило, наряду со своим интернациональным значением приобретают новые, то есть претерпевают семантические изменения. Тенденция к расширению семантической структуры англо-американизмов отчетливо проявляется в процессе их проникновения из одной сферы в другую.

В качестве примера можно привести слово *boss* – «босс, начальник», которое среди африканской молодежи часто используется в значении «отец»:

Elle a dit qu'elle ne pouvait pas venir à cause de son boss... [1]. – «Она сказала, что не может прийти из-за отца...».

В последнее время в некоторых странах центральной Африки слово *boss* приобрело значение «президент республики».

Весьма распространено в речи франкоязычных африканцев заимствование *cool* – «крутой, модный». Оно широко употребляется в молодежной среде; в нем сочетаются представления о силе, решительности, удачливости. Популярность данного слова вызвало к жизни новые смысловые оттенки, а именно – понятие агрессивности и опасности. Высокая частотность его употребления в свою очередь закрепляет наметившиеся семантические сдвиги. Так, в результате смещения значения в большинстве франкоязычных африканских стран слово *cool* используется в значении «городская преступность, связанная с торговлей наркотиков», а в Нигере им именуют членов молодежных бандитских группировок городских окраин:

Fais attention ! Il y a les kool à l'heure là. [1]. – «Осторожно! В такое время там разбойничают».

Общие тенденции семантического развития языка играют существенную роль в формировании у слова той или иной оценки, в чем наблюдается тесная связь языка и общества. «Оценка представляет определенный семантический компонент или же формирует положительные или отрицательные коннотации данного слова» [2: 145]. Иными словами, оценка является частью лексического значения интернационализма и присоединяется к денотативному компоненту в семантической структуре. Оценка *интернациональных англо-американизмов* нередко отличается от той, какая она была у данного слова первоначально в языке-источнике. Например, очень популярное на сегодняшний день слово *business* используется как в своем интернациональном значении, так и в значении «нелегальная торговля, нечистые дела, афера»:

Dans quel bizness tu es allé te fourrer hein? [3]. – «В какую аферу ты опять ввязался?».

Английское заимствование *leader* – «лидер, глава» также вошло в африканские варианты языка из центрального варианта (французского языка Франции), где оно используется исключительно в сочетании *leader politique* – «политический лидер». В результате семантической трансформации в некоторых странах Африки, особенно в регионах, где в настоящее время идут военные действия, слово *leader* приобрело значение «глава преступной группировки, банды».

Интернационализмы англо-американского происхождения проявляют значительную словообразовательную активность, что также как и в случае семантических изменений, свидетельствует об их адаптации в языке-реципиенте. Наряду с приспособлением к звуковой оболочке французского языка *англо-американизмы* соотносятся с определенными лексико-грамматическими разрядами слов, что проявляется в присоединении ко многим заимствованиям формально-семантических классификаторов, выражающих определенные родовые понятия.

К их числу можно отнести глагол *businesser* [анг. *business* + фр. суффикс *-er*] – «заниматься сомнительными делами, контрабандой» и существительное *businessseur* [анг. *business* + фр. суффикс *-eur*] – «мелкий торговец, контрабандист»; глагол *matcher* [анг. *match* + фр. суффикс *-er*] – «соревноваться, проводить матч»:

A Brazzaville Kotoko matchera Unisport [4] – «В Браззавиле Котоко встречается (проводит матч) с Униспорт».

Отметим, что существительное *match* во французском языке Африки трактуется по-разному. В утвердительном предложении оно имеет значение «соревнование, матч»; в отрицательном – означает «заранее известный результат, очевидность успеха».

M. Emile Brou élu président de l'Assemblée Nationale. Y avait pas match! [5]. – «М. Эмиль Бру избран президентом Национальной Ассамблеи. Не было никаких сомнений!».

Интернациональная лексика нередко входит в состав устойчивых выражений. Например, *match à jouer* – «любовница», *match nul* – «средняя оценка» (в студенческом аргю):

Et toi, combien tu as? – En phonétique, j'ai match nul [3]. – «Что у тебя? – По фонетике – средне».

Непосредственно в Африке в соответствии с французскими правилами словообразования получил хождение глагол *week-ender* [анг. *week-end* + фр. суффикс *-er*] – «развлекаться, отдыхать».

Mon chef est parti en mission. Je vais week-ender pendant deux jours. – «Мой шеф уехал в командировку. Я буду отдыхать два дня».

Подобное «офранцузивание» интернациональной англо-американской лексики имеет целью упростить восприятие сложных английских лексических образований франкоязычными африканцами. Таким образом, несмотря на то, что во франкоязычной Африке интернациональная англо-американская лексика представлена не во всех традиционных для нее представляется возможным говорить об активном вхождении *интернациональных англо-американизмов* в африканские варианты французского языка.

Литература

1. Congo-Magazine. Mensuel d'information, 1997, №12.
2. Крысин Л.П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики [Текст] / Л.П. Крысин // Диахроническая социолингвистика. М., 1993. – С. 132-146.
3. Lafage S. Premier inventaire des particularités lexicales du français en Haute-Volta [Текст] / S. Lafage. Paris, 1989.
4. Mweti. Quotidien congolais d'information, 1999.
5. Ivoir' Soir. Quotidien d'information, 1992.

Секция 1
**«ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ,
СОЦИОЛИНГВИСТИКИ, СЕМИОТИКИ, СИНТАГМАТИКИ»**

Абиева Н.А.

к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

**КОЭВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ И СЕМИОТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
ЧЕЛОВЕКА**

Современные междисциплинарные исследования накопили достаточный материал, который позволяет с уверенностью говорить о том, что проблема происхождения языка перестает быть областью научных спекуляций. Одним из перспективных направлений представляется рассмотрение возникновения языковой способности у человеческого вида вследствие постепенного формирования абстрактного мышления и наращивания семиотической компетенции в условиях нарастания распределенности когниций с появлением протокультур.

Ключевые слова: происхождение языка, распределенность когниций, теория построения ниш, биосемиотика, коэволюция сознания и семиотической компетенции.

Abieva N.A.

Saint Petersburg State University, Russia

HUMAN MIND AND SEMIOTIC CAPACITY CO-EVOLUTION

Contemporary interdisciplinary research provides substantial data to assert that the issue of language origin has ceased to be fully speculative. One of the prospective approaches is to view human language capacity as a result of gradual mental abstraction acquisition and semiotic competence growth in terms of the distributed cognition increase after the first protocultures emerged.

Key words: language origin, distributed cognition, niche construction theory, biosemiotics, human mind and semiotic competence co-evolution.

Though in the last two decades the language origin issue ceased to be a notorious field of groundless speculations and turned into a discipline of evolutionary linguistics based on a wide scope of cognitive research, still language emergence remains one of the hardest and most heatedly debated problems. The point in the evolution of when and under what circumstances humans acquired language might clarify not only aspects of human cognition and communication but also shed light on the evolution in general.

The range of opinions is really wide: some believe humans acquired language as early as 2.5 mya in *Homo habilis* period [4], some that it occurred around 2 – 1.7 mya in the times of *Homo erectus* and around 400 000 ya it was common everywhere [23], others insist on the late language origin, in the time of *Homo sapiens (archaicus)* about 70 000 – 40 000 ya [5]. There is also much controversy about its

either abrupt or gradual appearance. Sverker Johansson gave a good review of the situation in the field noting that all hypotheses can be summed up under mutually exclusive dimensions: adaptation vs spandrel; early vs late; gradual vs sudden; speech first vs gestures first; innate and genetically determined vs learned and culturally determined [13: 162-163].

Both human language capacity and mental abilities are not only unparalleled in the biological world, but seem to be absolutely inseparable from each other, which makes the subject even more complicated. Once Ronald Langacker wrote that “there are no primitive languages, there are no 'corrupt' languages” [14: 17] which may be an exaggeration to some extent but he seems to be true in stating the fact that no matter how advanced a language might be as a symbolic sign system, it always demands a highly developed mind to operate it. By ‘highly developed’ implied is such a mind that can easily function in the *off-line* (abstract) mode which none of the animals possess. This circumstance raises the question – whether language or mind was the first to evolve?

Nowadays most experts [7; 19; 4; 3; 15] agree that neither language preceded mind nor mind did. Bertram F. Malle rightly states: “In the light of the current developmental evidence, neither the position that language precedes theory of mind nor the position that theory of mind precedes language is compelling, so the claim that the two faculties co-evolved becomes increasingly plausible. However, claims of co-development and co-evolution are easily made; the challenge is to flesh out the details of such a claim and say how and why the two faculties co-emerged. A plausible model of co-evolution will have to include the specification of elementary components of both language and theory of mind, because it is likely that those components influenced one another in a gradual scale” [16: 272].

Still that obviously sound approach leads to even more complexities as the general tendency to search for the mutual evolution of the two components definitely leads to a dead end: by trying to explain one through the other researchers circle around the good old “egg – hen” paradox. Bertram Malle has not escaped that fallacy either by admitting that it seemed “feasible that some sort of protolanguage could have been acquired without a theory of mind <...>, whereas full-fledged language became possible precisely because of the evolution of a theory of mind “ [Ibid.]. Thus, introducing the stage of a protolanguage that is, as he believes, responsible for the mind maturation, he refutes the idea of co-evolution itself.

Definitely we are deluded when we try to separate cognitive and communicative processes. Of the two, human intelligence has been the object of particularly scrupulous research in cognitive psychology and related sciences, while the research of communicative processes has primarily been the core of linguistics, and the language bias restrain us from looking at the problem more objectively. The fact is that besides language capacity humans are highly competent in other sign systems, both of natural and artificial origin. Language is only one of the many codes that humans have used since prehistoric times. So, it would be more reasonable to look at language not as an autonomous and self-reliant means of communication but as an inseparable part of *human complex semiotic capacity*.

There have been several proposals to establish evolutionary semiotics as a separate discipline so far [5; 21; 22; 13]. Nevertheless the focus in all the theories is still made on the language origin; human symbolic competence is foregrounded while abilities to operate other signs (iconic and indexical) are taken for granted. So far nobody has been able to propose a theory that would help to overcome the gap between the biological and social levels of semiosis [2], between animal signals and purely human signs. Thus the two trends in semiotics (biological and social) still oppose each other – cognitive biologists and psychologists ignore cultural semiotics, while cognitive linguists and sociologists are timid enough to enter the natural sciences realm [6; 18].

The idea of human intelligence being the product of human society and culture was introduced by Edwin Hutchins in the 1980s. In his theory he emphasizes that human knowledge and cognition cannot be confined to a separate individual, but are shaped by the individual's interaction with social environment that includes other individuals and all sorts of artifacts: “distributed cognition looks for a broader class of cognitive events and does not expect all such events to be encompassed by the skin or skull of an individual” [10: 1]. He differentiates three kinds of distributed cognitive processes that constitute human intelligence specificity: “cognitive processes may be distributed across the members of a social group, cognitive processes may be distributed in the sense that the operation of the cognitive system involves coordination between internal and external (material or environmental) structure, and processes may be distributed through time in such a way that the products of earlier events can transform the nature of later events” [ibid.]. The idea of the embedded and embodied cognition, cognition dependent on interpersonal cooperation and social contexts, gives a better understanding of the plasticity of brains and continuous fluidity of thought. The great number of constantly changing situations demands a high degree of adaptability that would ensure an instant adjustment of the individual to the changes on the scene.

The distributed character of cognitive processes is specified by the constantly changing environmental parameters that affect organisms from the outside. That external challenge must be supported by innate structures that ensure adjustability to the on-going changes.

Distributed cognition is consistent with the niche construction theory [17], according to which the development of any species directly correlates with changes that are introduced into the immediate environment by that species. In other words, by altering the environment the species alters the forms of interaction with it which in its turn affects the species cognitive and communicative abilities. Thus socially acquired language can be understood as an inseparable part of the human niche that influences cognitive abilities not only of separate individuals but of all members of the communities, being an instrument of the distributed cognition.

The theory of the distributed cognition helps to embrace the complexity of the human intelligence and to overcome all the inconsistencies of other approaches to human cognition. It is a good model of up-to-date human cognitive system “best conceived as a distributed system that transcends the boundaries of the brain and

body”, the system that “ includes objects, patterns, events and other living beings in the setting in which human (and non-human) cognition takes place” [11: 2011].

At the same time it must be pointed out that it is a really good model of what we witness nowadays in human communities but it does not fully explain how humans acquired their language abilities and abstract thinking mode. At least the attempt to model the emergence of language in Hutchins & Johnson (2009) on the shared bonobos’ behavior and the “embodied multimodality that provides the possibilities and challenges of intra-agent coordination and for much more complex forms of inter-agent coordination” [12: 543] does not look convincing as everything described by the authors equally refers to both animals’ and humans’ cognition but does not provide the missing link that would suggest a new stage that could be identified as an unmistakably human one and only theirs.

Nevertheless both distributed cognition and the niche construction perspectives help reveal how interdependent are the links between cognition and communication. Numerous papers on intelligence focus on the unparalleled plasticity of human brains and the amazing flexibility of their minds that allow the species to adapt successfully to a great variety of contexts of natural and social origin. By making tools and by shaping and reshaping natural settings, humans created a different, enriched, environment that produces impact on the biological factors of the organism.

The increase of the cognitive complexity is explained by the constant need of information about the environment. Thus it would be more reasonable to search for the continuity between biologically grounded and socio-culturally developed distributed forms of cognition and communication. The fact that humans have become “the best players” in artificially created environments does not mean that they stopped being biological creatures and have lost ties with nature. Their successful interaction with both types of their environment suggests that the distributed character of cognition and communication that is formed on the biological basis becomes even more distributed in terms of socio-cultural development.

Contemporary research shows that capacity for abstract interpretive thinking in a protoform can be found not only in non-human primates but lower living systems as well [20]. The biosemiotic approach provides the necessary methodological basis for comparative studies of semiotic competence in different species. Of the three types of communicative interaction found in the biological world [1], interpersonal communication is definitely the most specific and explanatory of the human mind-language abstraction coupling. Interpersonal communication is basically social, its main purpose being to share the most urgent and relevant information among all members of the group. The survival of social animals heavily depends on the direct access to the data distributed among them; their patterns of behavior accompanied by certain perceptual signals have evolutionized accordingly. Though animal communicative interaction is intrinsically of *on-line* type (‘here and now’), there is evidence that many species rely on some form of *off-line* thinking and communication (independent of ‘now’) as well (e.g. spotting and dens, hills and burrows construction), thus linking individuals distanced in time and space. Interpersonal communication *a priori* had to emerge to service communal needs, but

off-line interpersonal communication is fully dependant on depersonalized, externalized knowledge.

Abstraction in proto-humans increased greatly when they made a decisive shift from *on-line* to *off-line* communication [1]. Tools and other archeological artifacts promoted fossilization of socially relevant knowledge and this ability to communicate across time and space laid foundation of purely human civilization.

Human capacity for mental abstraction and semiotic competence should be seen as the result of externalizing knowledge in sets of discrete units appropriate for *off-line* communication. The shift from internal personal experience to externally observable and shared communal background became the marked sign in evolution. The storage and passing of that cumulative cultural heritage became possible only due to the unprecedented semiotic capacity humans have developed. Having started with non-verbal communicative forms, they acquired language capacity that could appear only after specifically human patterns of abstract thinking had been formed and proved to be successful in ensuring groups survival. Both thinking (information processing) and communication (information exchange) are dependent on data, and both can be best described as two sides of the same process. From the evolutionary perspective most probably not mind and language but **mind and semiotic competence co-evolved**.

References

1. Abieva, N.A. The Role of Off-line Communication in Human Evolution // *Biosemiotics*, 1(3), 2008, pp. 295 – 311.
2. Barbieri, M. *Introduction to Biosemiotics. The new biological synthesis*. Dordrecht: Springer, 2007.
3. Christensen, K.R. (2001). *The Co-evolution of Language and the Brain: A Review of two contrastive views (Pinker & Deacon)*.<http://www.hum.au.dk/engelsk/engkrc/Papers/krc-coevol.pdf>
4. Deacon, T. *The Symbolic Species*. New York, 1997.
5. Donald, M. *Origins of the Modern Mind: Three Stages in the Evolution of Culture and Cognition*. Harvard University Press, Mass., 1991.
6. Donald, M. A view from cognitive science. In: D. Genten, V. Gerhardt, J.-C. Heilinger and J. Nida-Rumalin (eds). *What is a human being?* Berlin-Brandenburg Academy of Science, Berlin: de Gruyter, 2008, pp. 45 – 49.
7. Dunbar, R. I. M. Co-evolution of neocortical size, group size and language in humans // *Behavioral and Brain Sciences* 16 (4), 1993, pp. 681 – 735.
8. Hoffmeyer, J. *Biosemiotics: An Examination into the Signs of Life and the Life of Signs*. Scranton: University of Scranton Press, 2008.
9. Hurford, J. Human uniqueness, learned symbols and recursive thought. *European Review*, 12(4), 2004, pp. 551 – 565.
10. Hutchins, E. *Distributed Cognition*. IESBS Distributed Cognition, 2000.
11. Hutchins, E. The role of cultural practices in the emergence of modern human intelligence // *Philosophical Transactions of the Royal Society. B*, 363, 2008, pp. 2011–2019. <http://files.meetup.com/410989/DistributedCognition.pdf>
12. Hutchins, E. and Johnson, C. Modeling the Emergence of Language as an Embodied Collective Cognitive Activity // *Topics in Cognitive Science*, 1, 2009, pp. 523–546.
13. Johansson, S. *Origins of language: constraints on hypotheses*. Amsterdam/Philadelphia, 2005.
14. Langacker, R. W. *Language and Its Structure: Some Fundamental Linguistic Concepts*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1973.

15. Logan, R. K. Mind and Language Architecture // The Open Neuroimaging Journal. 4, 2010, pp. 81–92.
16. Malle, B. F. The relation between language and theory of mind in development and evolution // T. Givón and B. F. Malle (Eds.). The Evolution of Language out of Pre-language. Amsterdam: John Benjamins, 2002, pp. 265-284.
17. Odling-Smee, F. J., Laland, K. N. and Feldman, M.W. Niche Construction: The Neglected Process in Evolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
18. Pattee, H.H. Response by H. H. Pattee to Jon Umerez’s Paper: “Where Does Pattee’s “How Does a Molecule Become a Message?” Belong in the History of Biosemiotics?” // Biosemiotics , 2 (3), 2009, pp. 291 – 302.
19. Pinker, S. The Language Instinct. New York: Harper Collins, 1994.
20. Swan, L.S. and Goldberg, L.J. How is Meaning Grounded in the Organism? // Biosemiotics, 3(2), 2010, pp. 131 – 146.
21. Tomasello, M. The Cultural Origins of Human Cognition. Harvard University Press, 1999.
22. Wildgen, W. The Paleolithic Origins of Art, its Dynamic and Topological Aspects, and the Transition to Writing // M. Bax, B. van Heusden, and W. Wildgen (eds.). Semiotic Evolution and the Dynamics of Culture // European Semiotics: Language, Cognition, and Culture. V. 5. Bern: Peter Lang, 2004, pp.117 – 153.
23. Wildgen, W. Evolutionary Semiotics: How the Sign Use of Human Came about. Vorlesung in Sozopol. Bulgarien, September, 2005. <http://www.fb10.uni-bremen.de/homepages/wildgen/pdf/publikationen.pdf>

Абрамова Е.С., Кравченко О.Н.
к.ф.н., НИУ «БелГУ», Россия

КОНЦЕПТ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В статье предпринята попытка описать различные подходы к осмыслению сущности концепта как базового понятия когнитивной парадигмы знаний, апеллирующей к сознанию человека как структурированной совокупности представлений и установок, к картине мира как упорядоченной совокупности исторически, социально, культурно и мировоззренчески обусловленных образов, присваиваемых одновременно с родным языком.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, культура, сознание, ментальность, языковая объективация, лингвокультурология, когнитивная лингвистика.

Abramova E.S., Kravchenko O.N.
Belgorod National Research University, Russia

THE CONCEPT AS AN OBJECT OF STUDY IN MODERN LINGUISTICS

The article attempts to describe different approaches to the understanding of the essence of the concept as the basic concepts of cognitive paradigm of knowledge, appealing to the human mind as a structured set of mindsets, worldview as an ordered set of historically, socially, culturally and philosophically related images assigned simultaneously with your native language.

Key words: the concept, sphere of concepts, culture, consciousness, mentality, linguistic objectification, cultural linguistics, cognitive linguistics.

Концепт как фиксируемый в сознании и культуре результат осмысления и переживания человеком данного ему в опыте фрагмента мира является базовым понятием когнитивной лингвистики. Как известно, он до сих пор не имеет однозначного толкования, что находит выражение в дискуссионном характере многих вопросов, связанных с определением его сущности и со способами его объективации.

В работах Д.С. Лихачева концепт раскрывается как «универсалия человеческого сознания», объем и содержательная специфика которой зависит от культурной памяти и духовной традиции: «потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека» [12: 281]. При этом Д.С. Лихачев подчеркивал, что концепт существует «для каждого словарного значения» и представляет собой «алгебраическое выражение значения», результат «столкновения» словарного значения с личным и этнокультурным опытом человека [там же].

В.Н. Телия, отмечая структурно-функциональное сходство языка и культуры и их обязательный диалогизм, на что обращал внимание и Н.И. Толстой, рассматривает концепт как семантическое образование, отражающее «все то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии этого знания» [20: 97].

Н.Д. Арутюнова интерпретирует концепт как понятие «обыденной философии», чувствительное к национальным традициям, религии, идеологии, искусству, а также жизненному опыту и системе ценностей, как «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [4: 3].

В работах В.В. Колесова, нацеленных на сопряжение сущностных особенностей языка, слова и национального самосознания, концепт рассматривается как основная единица ментальности – «достояния народного духа» [10: 16]. Концепт – это «семантический “зародыш” слова», «диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов словесного знака как выражение неопределимой сущности бытия в неопределенной сфере сознания» [9: 51] или «“зерно первосмысла”... из которого произрастают в процессе коммуникации все содержательные формы его воплощения в действительности»: образ – понятие – символ» [10: 19]. В.В. Колесов, как и другие исследователи, обращает внимание на отличие концепта от понятия, подчеркивая при этом, что «понятие есть приближение к концепту, это явленность концепта в виде одной из его содержательных форм» [там же: 20].

Ю.С. Степановым концепт интерпретируется как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека», как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека... то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [19: 43], поэтому «духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в операциях с... концептами» [там же: 5] как ее базовыми ценностями, ее константами, ее объединяющими идеями [там же: 4]. В связи с этим концепты формируются как «мыслимые» и «переживаемые» сущности [там же:

43]. При этом структура концепта, как полагает исследователь, включает все то, «что принадлежит строению понятия», и то, что делает концепт «фактом культуры – исходную форму (этимологию), сжатую до основных признаков содержания истории, современные ассоциации и оценки» [там же].

Концепт как отражение особенностей определенной лингвокультуры разрабатывается Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачевым, В.И. Карасиком, В.А. Масловой, М.В. Пименовой и многими другим исследователями, которые обращаются к «истокам синергетического кодирования культурно-исторического опыта системой языка и системой мышления» [2].

В работах С.Г. Воркачева концепт осмысливается как «единица коллективного знания / сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [7: 70].

По определению В.А. Карасика, концепт отличает «многомерность и дискретная целостность смысла, существующего тем не менее в непрерывном культурно-историческом пространстве и поэтому предрасположенного к культурной трансляции из одной предметной области в другую» [8: 118].

М.В. Пименова определяет концепты как «единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире. Эта информация относится к актуальному или виртуальному состоянию мира. Что индивид знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров, и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира. Такое представление (образ, идея, символ) формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения. Концепт – это национальный образ, идея, символ, осложненный признаками индивидуального представления» [15: 9].

В.А. Маслова отмечает, что концепт – это «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Но в то же время – это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности» [13].

Н.Ф. Алефиренко под концептом понимает «когнитивную (мыслительную) категорию, оперативную единицу «памяти культуры», квант знания, сложное, жестко неструктурированное смысловое образование описательно-образного характера» [1: 17].

В работах Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, Н.Н. Болдырева, З.Д. Поповой, И.А. Стернина концепт рассматривается как объективируемая в языке когнитивная структура, как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [11: 90]. При осмыслении особенностей этой когнитивной структуры акцентируются знания человека о мире.

З.Д. Попова и И.А. Стернин рассматривают концепт как «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного

знания» [17: 4]. По их мнению, «концепт – единица концептосферы, то есть упорядоченной совокупности единиц мышления народа. Концепт включает все ментальные признаки того или иного явления, которые отражены сознанием народа на данном этапе его развития» [17]. Исследование концепта позволяет понять, «что было важно для того или иного народа в разные периоды его истории, а что оставалось вне поля его зрения» [18: 18].

Н.Н. Болдырев, подчеркивая важность, с одной стороны, противопоставления двух типов познания – теоретического (собственно познания) и обыденного (когниции), а с другой – роли повседневного (осознанного или неосознанного) познавательного опыта и личности, и коллектива, отмечает, что «концепты представляют собой те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира» [6].

Исследователи обращают внимание также на объективацию концепта как на его способность или даже обязательное условие существования. Так, например, А.П. Бабушкин отмечает, что концепт как «дискретная содержательная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира» «хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде... иначе его существование невозможно» [5: 95]. В.А. Маслова категорически заявляет, что концепты как результаты мыслительной деятельности человека «должны быть вербализованы» [14: 49]. В.И. Карасик полагает, что выражением концепта является «вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание» [8: 110]. «Концепт, – замечает Л.О. Чернейко, – это конструктор, репрезентирующий ассоциативное поле имени, но не равный ему... это парадигматическая модель имени, включающая и логическую структуру его содержания, и сублогическую. Эти структуры выводятся соответственно и из свободной сочетаемости имени, и из несвободной, то есть из синтагматических отношений имени, фиксированных в тексте» [21: 75]. По мысли М.В. Пименовой, «концепт объективируется различными языковыми знаками, разные авторы выражают одни и те же признаки концептов разнообразными языковыми средствами» [16: 12]. О.А. Алимуратов подчеркивает тот факт, что «в сферу действия говорящего попадает не весь концепт, а лишь отдельная его область, та информация, которую необходимо репрезентировать языковыми средствами» [3: 267]. Следовательно, и концептуальная интерпретация осуществляется посредством изучения релевантных контекстов, сбора, классификации и систематизации ассоциативной информации, концентрирующейся в общественном сознании вокруг концепта.

Таким образом, в современной лингвистике сформировалось представление о концепте как о сложной, многомерной объективируемой единице ментальности и культуры, отражающей особенности духовного опыта человека, практики познания и осмысления мира.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Дискурсивное сознание как речемыслительная категория (к постановке проблемы) / Н.Ф. Алефиренко // Проблемное поле дискурсологии: сб. науч. ст. – Белгород: ИПЦ «Полиатерра», 2010. – С. 14-19.
3. Алимуратов О.А. Смысл. Концепт. Интенциональность / О.А. Алимуратов. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. – 305 с.
4. Арутюнова Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. – С. 3-7.
5. Бабушкин П.А. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / П.А. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996.
6. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВорГУ, 2001. – С. 25-35.
7. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки, 2001. – № 1. – С. 64-72.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. – 2-е изд. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
9. Колесов В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.
10. Колесов В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
11. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.К. Лузина. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
12. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280-287.
13. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта : Наука, 2004. – 256 с.
14. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта : Наука, 2006. – 296 с.
15. Пименова М.В. Предисловие / М.В. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово: Графика, 2004а.
16. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова. – Кемерово, 2004б. – 385 с.
17. Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т. – 2000. – 30 с.
18. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
19. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
20. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
21. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. – М., 1997. – 320 с.

Агафонова О.И., Белкина И.В., Белозерова М.С.
к.ф.н., НИУ «БелГУ», Россия

АКТУАЛИЗАЦИЯ СЛОЖНОЙ МЕТАФОРЫ «POLITICS IS ANIMAL WORLD» В БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье исследуются механизмы актуализации метафорической модели POLITICS IS ANIMAL WORLD на основе материала, взятого из британских и американских средств электронной коммуникации. Исследование осуществляется в рамках дискурсивного подхода, позволяющего вскрыть определяющую роль мыслительной деятельности человека и представляющего интерес с точки зрения ментальной реконструкции национальной политической картины мира.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, политическая коммуникация, метафора, зооморфная метафора, средства массовой коммуникации.

Agafonova O.I., Belkina V.I., Belozerova M.S.
Belgorod National Research University, Russia

ACTUALIZING A COMPLEX METAPHOR "POLITICS IS ANIMAL WORLD" IN BRITISH AND AMERICAN MASS MEDIA

This article examines the mechanisms of actualization of the metaphorical model POLITICS IS ANIMAL WORLD on the basis of material taken from British and American electronic mass media. The study is within the discourse approach helping to uncover the decisive role of mental activity of a human, and it is of interest from the perspective of the mental reconstruction of the national political picture of the world.

Key words: discourse, political discourse, political communication, metaphor, animal metaphor, the means of mass communication.

В свете антропоцентрического подхода к изучению языковой личности человека, роли его мыслительной деятельности первостепенную значимость получили исследования, посвященные изучению процессов восприятия, концептуализации, ментальной репрезентации знаний. По словам А.А. Кибрика, когнитивный подход к исследованию языковой деятельности как одного из видов когнитивной деятельности человека рассматривает языковые явления «в контексте других когнитивных процессов» и «пытается объяснить, почему они реализуются именно так, а не иначе» [6: 5].

Тесная связь когниции и коммуникации ставит задачу «реалистического отражения функционирования языка и отдельных его категорий, единиц или конструкций» в коммуникативно-дискурсивной парадигме [8: 520]. Дискурс с точки зрения коммуникативно-когнитивного подхода не имеет однозначного определения. Дискурс как предмет лингвистического описания трактуется А.А. Кибриком как «реальное языковое взаимодействие» и «единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста», а также «разворачивающиеся во времени процессы его создания и понимания» [6: 4]. С точки зрения теории коммуникации дискурс понимается как сочетание

лингвистического компонента (текста) и экстралингвистического компонента (контекста); как текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; как речь, «погруженная в жизнь» [1: 136] и как интерактивный способ речевого взаимодействия в противопоставление тексту как монологическому высказыванию. По мнению В.З. Демьянкова «дискурсом называют текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора». Он считает, что дискурс состоит из предложений или их фрагментов, а содержание дискурса концентрируется вокруг «опорного» концепта, в то время как содержание отдельных предложений – компонентов дискурса – называется пропозициями; эти пропозиции связаны между собой логическими отношениями [4,5].

Потребность описания реализации когнитивных аспектов в политическом дискурсе продиктована его способностью влиять на общественное сознание посредством СМИ. В связи с все возрастающей ролью средств массовой информации усиливается манипулятивное воздействие, оказываемое на аудиторию. Эта особенность политического дискурса делает исследование его лингвистических и экстралингвистических аспектов особенно интересными и оправданными.

Рассматривая политическую коммуникацию как объект лингвистического исследования, мы имеем в виду совокупность всех устных и письменных высказываний, имеющих отношений к политической жизни. При определении политического дискурса, мы опираемся на мнение Е.И. Шейгал, которая понимает его как политическую коммуникацию в широком смысле, а корпус знаков, составляющих семиотическое пространство политического дискурса считает языком политики [10: 30, 34].

Процесс формирования картины мира в целом и концептуализации политической картины мира в частности находит свое выражение в изучении когнитивных структур или концептов. Концепты (согласно определению Е.С.Кубряковой) являются оперативными содержательными единицами памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [7: 90]. Данные мыслительные образы, представляющие ментальную репрезентацию мира человека нередко вербализуются при помощи метафоры. Поскольку для политической коммуникации характерна не только информативная функция, но еще и функция воздействия на аудиторию, большую значимость приобретает эмоциональный аспект. Как следствие, к использованию метафоры прибегают для передачи требуемой оценки или формирования мнения аудитории, а также с целью акцентировать внимание аудитории на каком-то факте, привлекая внимание к определенной проблеме или наоборот, пытаясь завуалировать нежелательную информацию.

Анализируя метафорическую модель POLITICS IS ANIMAL WORLD, мы выделяем животный мир как исходную понятийную область (сферу-источник), то есть «семантическую сферу, к которой относятся охватываемые моделью слова в первичном значении» [9: 2003], представленную многообразием единиц номинирующих представителей животного мира и смежных с ними понятий.

ТИПОВЫМИ СЦЕНАРИЯМИ для данной метафорической модели являются наиболее характерные последовательности ситуаций. Например, при встрече животных одни демонстрируют друг другу способность защитить себя – сначала пытаются испугать соперника звуками (to bark, to hiss), внешним видом (to make the fur fly) или используя имеющиеся защитные механизмы (to change colours). Если это не позволяет им справиться с ситуацией, они атакуют соперников (to attack, to bite into), и победа достается более сильному или удачливому. На охоте животные сидят в засаде (to lie low), используют природные механизмы маскировки, внезапно выскакивают из укрытия (to break cover), наносят неожиданный удар, пытаются избежать опасности (to bury head into the sand) и т.д.

Следующим этапом стал анализ фреймов и слотов, результат обработки которых представляет собой основу процессов метафоризации. Система фреймов представляет собой когнитивный динамический сценарий развертывания метафорической модели в дискурсе.

Характеризуя слоты, составляющие данные фреймы, мы, вслед за А. П. Чудиновым, для характеристики составляющих слота используем термин «концепт», который выступает в роли «единицы сознания, ментального лексикона», совместно составляя существующую в национальном сознании «концептуальную систему, концептосферу».

Говоря о МЕТАФОРИЧЕСКИХ СМЫСЛАХ единиц данной модели как о компонентах СВЯЗЫВАЮЩИМ ПЕРВИЧНЫЕ И МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ, следует отметить, что основным из них является образ жесткого мира животных, где выживает сильнейший. Анализируя метафорическую модель POLITICS IS ANIMAL WORLD, мы выявили, что признаком сближающим сферу-источник и сферу-магнит выступает характер взаимоотношений между животными, животными и человеком, которые дают основание для метафорического переноса. Зооморфная метафора дает возможность визуализировать мир политики в образе животного царства, законы которого суровы и беспощадны. Собранный нами иллюстративный материал наглядно доказывает, что животный мир как категория для обозначения представителей политической системы и их профессиональной деятельности, представлен во всем многообразии – от земноводных до млекопитающих.

С точки зрения ДИСКУРСИВНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОДЕЛИ, то есть рассмотрения концептуальных векторов, ведущих эмотивных характеристик, прагматического потенциала модели, ее взаимосвязи с существующей политической ситуацией, конкретными политическими событиями, политическими взглядами и интенциями субъектов коммуникации, зооморфная метафора выражает идею схожести мира политики и мира животных, обладающего целым рядом характеристик: жестокость, стремление к выживанию, иерархические отношения, конкуренция и т. п.

Анализируя моделирующий потенциал сферы-источника «Мир животных», мы отмечаем значительный потенциал зооморфной метафоры в плане формирования негативного образа политических деятелей, при этом

«образ зверчеловека – распространенная метафора для политического оппонента, поэтому зооморфные метафоры в большинстве своем обладают пейоративными оценочными смыслами» [2,3].

Оценивая ПРОДУКТИВНОСТЬ МОДЕЛИ, то есть способность к развертыванию и типовые направления развертывания, а также частотность употребления модели, мы пришли к выводу, что метафора POLITICS IS ANIMAL WORLD является одним из наиболее эффективных способов концептуализации образа политических деятелей. Данная модель является доминантной, о чем свидетельствуют потенциал развертывания и частотность ее употребления в современном политическом языке. Основываясь на проведенных исследованиях можно сделать вывод, что данная метафорическая модель обладает разветвленным фреймово-слотовым составом, хорошо структурирована, что важно для ее развертывания. Поскольку зооморфные метафоры имеют значительный эмотивный потенциал и носят преимущественно пейоративный характер, мы можем сделать вывод, что высокая продуктивность модели POLITICS ARE ANIMALS обусловлена ее широкими возможностями в плане формирования эмотивных смыслов. Способность метафорической модели вызывать эмоциональный отклик в сознании получателя информации и является ее прагматическим потенциалом.

Таким образом, исследования, посвященные изучению метафорического моделирования и описания конкретных метафорических моделей, представляют интерес с точки зрения ментальной реконструкции национальной политической картины мира. Метафора выступает в качестве основного мыслительного процесса и способа познания мира, а метафорическая модель выступает в качестве отражения определенной части национального сознания. Сопоставляя данные, полученные в результате исследований конкретных метафорических моделей, можно попытаться воссоздать картину национальной ментальности.

Проведенное исследование показало, что зоометафорическая модель актуализируется в британском и американском политическом дискурсе следующими ключевыми фреймами. Наиболее объемным является фрейм «Состав мира животных», который представлен в политическом дискурсе широким спектром названий животных от простейших (земноводных) до самого высшего класса животных – млекопитающих, причем следует отметить, что под «животным» в рамках нашего исследования мы понимаем любое «живое существо, способное чувствовать и передвигаться, в противоположность человеку».

млекопитающие – mad dog, attack dog, bluedog/yellowdog democrats, dog days/life/years, lap dog, topdog, underdog, dog and pony show, watchdog, dead dog, Russian bear, mama grizzly, и др.;

птицы – hawk (budget hawk, chicken hawk, deficit hawk, war hawk), dove, rooster, bantam rooster, chicken, game of chicken и др.;

рыбы и другие обитатели морей – shark, red herring, bottom feeder и др.;

рептилии и змеи – reptile, crocodile, chameleon, snake и др.;

насекомые и низшие организмы – gypsy moth republican, boll weevils, cockroach, queen bee, cocoon, leech, parasite и др.;

Фрейм «Поведение, повадки, инстинкты» является вторым из наиболее продуктивных источников метафорической экспансии в политическом дискурсе:

типичное поведение животных – to dog, a dog with a bone, a dog chasing its tail, to cling/sucker like a leech, red meat speech, like a vulture и др.;

типичное поведение во взаимодействии животное-животное – dog-eat-dog, cat and dog, cat-and-mouse и др.;

поведение в экстремальных и опасных ситуациях, агрессивное поведение, защита – to sting, dog fight, to kick a hornet's nest, catfight и др.

Анализ фактического материала показал, что зоометафорическая модель может актуализироваться так же фреймами: «Характеристики животных», «Части тела», «Среда обитания», «Группы животных и взаимоотношения в них», «Взаимоотношения с человеком», «Получаемые от животных продукты», «Издаваемые звуки».

Исследование корпуса материала подтвердило, что фреймово-слотовый состав метафорической модели POLITICS IS ANIMAL WORLD отличается большим разнообразием репрезентирующих его единиц в политическом дискурсе современного английского языка и помогает отобразить картину национальной ментальности.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 2006. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (дата обращения 10.01.11).
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Методологические грани политической метафорологии. Политическая лингвистика. – Выпуск 1(21). – Екатеринбург, 2007. – С.22-31.
4. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. – С.116-133.
5. Демьянков, В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В.З. Демьянков // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В.Н. Топоров. - М.: Языки славянских культур, 2005. – С.34-55.
6. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: Дисс. в виде научн. докл. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
7. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
8. Кубрякова Е.С. Язык и знание. - М.: Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
9. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm>
10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра. филол. наук. Волгоград, 2000. – 432 с.

Афанасьева О.В., к.ф.н., доц.,
Заика Т.В., к.ф.н.
Алексеевский филиал НИУ «БелГУ», Россия

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ МОРБИАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СОЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования морбиальной метафоры в англоязычном социальном дискурсе. Авторы доказывают, что слабость общества метафорически ассоциируется со слабостью организма, что находит выражение в английском языке и, следовательно, сознании его носителей посредством употребления метафор болезни, употребляющихся в связи с понятием общества.

Ключевые слова: морбиальная метафора, социальный дискурс

Afanasyeva O.V., Zaika T.V.
Belgorod National Research University, Alexeyevka branch, Russia

TO THE QUESTION OF MORBID METAPHORS' FUNCTIONING IN ENGLISH SOCIAL DISCOURSE

The article presents the research devoted to morbid metaphors functioning peculiarities in English social discourse. The authors prove that weakness of society metaphorically associated with weakness of a human body, finds its expression in the English language and therefore in the minds of its speakers through the use of metaphors of disease describing society.

Key words: morbid metaphor, social discourse

Когнитивный подход к изучению метафоры показал, что было бы ошибкой считать метафору признаком лишь высокохудожественной речи, поскольку в действительности метафоры важны и частотны в любом дискурсе. По мнению исследователей-когнитивистов базовые концепты, используемые в рациональном познании общества, неизбежно метафоричны. Абстрактные понятия, такие как «общество», могут быть метафорически представлены как ЛЮДИ, которые принимают решения, обладают органами, вступают в отношения, переносят болезни, имеют своё настроение. Важно, что едва ли какое-либо определение любого запутанного концепта как общество, может обойтись без метафорической связи с менее запутанным и более знакомым единством.

Методы когнитивного анализа метафоры сосредотачивают внимание не столько на стилистической, сколько на концептуальной роли метафоры. Концепты сферы-источника (“source domain”) функционируют как часть сценария, который обеспечивает внутреннюю логичность и обоснованность переноса значения. Так, например, метафоры, использованные Гитлером для описания своего мировоззрения, и в особенности своих антисемитских взглядов, были не просто украшением речи, а сформировали концептуальную систему, послужившую оправданием и образцом для каждого серьезного последователя и требующую претворения в жизнь путем осуществления

программы Холокоста. Основой для политических взглядов Гитлера было представление о немецкой нации, как о (человеческом) теле, которое нужно было оградить, а в случае заболевания вылечить от болезни. Все «евреи», которых Гитлер относил к одной суперкатегории, являлись главной причиной, а точнее, самой болезнью в форме «паразита». Избавление от этой «угрозы жизни нации» находилось в руках самого Гитлера и его партии как единственных компетентных «целителей». Модель «политическая структура — это человеческое тело» отнюдь не является изобретением ни Гитлера, ни нацистов, ни даже антисемитов или расистов. Она была и остается частью огромной системы метафор, известных как «Великая цепь бытия». Эта центральная для западной философской традиции система метафор наиболее рельефно проявилась в «Истории идей» (Tillyard 1982, Kantorowicz 1997, Hale 1971) и достигла расцвета в политической философии в эпоху Ренессанса, когда их использовали такие выдающиеся мыслители, как Н. Макиавелли, Т. Мор, Ф. Бэкон и Т. Гоббс [1: 204-205].

Однако, как показывают современные когнитивные исследования, традиция переноса значений из области тела, жизни и здоровья на область государства и общества продолжается по сегодняшний день и находит частое применение в языке. Общество как социальный организм рассматривается в данном случае с медицинских позиций, а анализ англоязычных текстов показывает, что антропоморфная метафора SOCIETY IS A PERSON в современном английском языке как правило пересекается с метафорой SOCIETY – IS A SICK PERSON. В соответствии с этой концептуальной метафорой образно используется лексика, обозначающая раны и болезни общества.

Термин *морбуальный* предложен проф. Ежи Фарыно в ходе подготовки к печати материалов конференции «Болезнь, лекарство и здоровье в практике, языке/культуре и искусстве/литературе» (Choroba, lek i zdrowie w praktyce, w języku/kulturze i w sztuce/literaturze), которая прошла в Варшаве 30 ноября—2 декабря 2000 г. Образованный от латинского слова *morbus* «болезнь», он кажется более удобным, чем прилагательное *болезненный* хотя бы потому, что его значение воспринимается как относительное, тогда как его русский аналог отягощен качественными смыслами [4: 5]. В данной статье используется термин «морбиальная метафора», принимая во внимание перевод английской лексемы “*morbid*” – «болезненный, нездоровый».

Современному культурному сознанию свойственно смотреть на вещи так, как если бы они были подобны телу или организму, и потому к ним приложимы категории здоровья и болезни. При этом, что касается употребления морбиальной метафоры, то здесь оказывается включенным весь сценарий болезни -- от заражения, постановки диагноза и наблюдения симптомов до лечения и выздоровления или же, в худшем случае, летального исхода. Такой принцип работы морбиальной метафоры вовлекает в ее действие огромный круг лексики – от узкоспециальных медицинских терминов до названий отраслей медицины и медицинских профессий.

Необходимо отметить, что заметна активизация употребления метафорических выражений, описывающих общество как больной организм в современной публицистике на английском языке. Здоровье, как важная составляющая жизни, все заболевания, нарушения функций организма и отдельных его органов, равно как и процессы, происходящие в обществе, окружающем человека, вызывают его повышенный интерес и находят свое отражение в языке в качестве одного из вариантов развития концептуальной метафоры SOCIETY – IS A PERSON, развертываемой в дискурсе как метафора SOCIETY – IS A SICK PERSON для привнесения прагматического смысла неестественности развития ситуации.

По мнению авторов, основанием для метафорического универсализма стала анатомо-физиологическая общность представителей homo sapiens, до некоторой степени предопределяющая закономерности мышления. Метафоры болезней на протяжении долгого времени используются в разных государствах для представления Чужого, угрожающего здоровью общественного организма. К примеру, в эпоху королевы Елизаветы I и короля Якова I были очень распространены метафоры болезни Англии, а причины этих болезней общество усматривало в «чужеродных телах»: евреях, ведьмах, католиках. Подобные метафоры обнаруживаются и сотни лет спустя в современном английском языке, в котором метафоры болезни — значимое средство осмысления действительности. Сфера-мишень для морбиальных метафор варьируется в различные эпохи. Если в эпоху королевы Елизаветы католики могли метафорически представляться причинами заболеваний, то до реформы Генриха IV или в период правления Марии Кровавой вряд ли, но аргументативный потенциал сферы-источника активно используется в разные исторические эпохи и в разных странах [1: 24-25].

Морбиальная метафора способствовала широкому употреблению в контексте с помощью метафорического переноса таких лексем, как здоровый (*healthy*) и больной, болезненный, нездоровый (*sick, unhealthy*), выполняющих в предложении функции определения, например: “There is a great need for music and art that cries out for change in this sad, sick society” [5]; “Unhealthy societies: the afflictions of inequality [8], номинативных лексем, таких как здоровье (*health*): “Then you say that the freedom of speech, the honest and complete freedom of speech - here is the first condition of the health of any society and ours also” и “No, Mr. Solzhenitsyn, your definition of the freedom of speech as the first condition of the health of society is faulty” [5].

Поскольку причиной нездоровья организма человека является болезнь как процесс воздействия на организм вредоносного раздражителя внешней или внутренней среды, то вполне оправдано в английских текстах употребление номинативной лексики болезнь (*disease*) в контексте описания определенного чаще негативного состояния общества, например: “Sadly, we are taught to look upon emotions as some kind of social disease” [7: 121]; “Condensation is an epidemic on this estate and usually the tenants are blamed, as though it were some kind of social disease, not a structural defect” [5].

Практически любого человека в разное время посещает страх заболеть и умереть, и даже во время любой простуды мозг ищет последствия, которые относятся к самым тяжелым болезням, и как следствие человек употребляет в речи названия болезней, в нашем случае в контексте описания общества, окружающего его: “He finds the masses obsessed by an abysmal social insanity, an aspect of which is the tendency of the individual to see himself as “a little absolute unto himself”” [6: 128].

В медицинской терминологии, употребляющейся в метафорическом значении в связи с конкретной семантикой терминов (ср. *insanity, paralysis, sore*), представляющих реальности, близкие человеку, по мнению авторов, заложены большие оценочные возможности. Общее значение, выраженное данными метафорами, - это негативная оценочность пороков и недостатков общества. Особенность метафор, возникших на базе медицинских терминов, состоит в том, что они называют процессы и явления, имеющие преимущественно отрицательный статус и значение.

Согласно метафорической логике морбиальной модели, больной организм необходимо лечить, и в данном случае в английских текстах оправдано употребление глагольных и номинативных лексем, таких как лечить, излечивать *cure, to cure, to heal, treatment*: “The cure society has two meanings. One is that we have the mission to cure our society and the other is that we are a group of people or society that will mobilize efforts to cure global poisoning” [8: 13].

Излечение или ухудшение состояния общества выступает как сознательно инициированный, направляемый процесс, то есть это – продукт сознательного мыслетворчества. Употребление подобного рода метафор в языке оправдано тем, что оздоровление общества от разного рода, в том числе и социальных болезней, требует активного начала, управляющей руки.

Анализ англоязычных текстов показывает, что употребление медицинских терминов при описании состояния общества имеет зачастую негативную коннотацию, а все приведенные примеры объединены общим признаком - в данных текстах метафорически обозначена социальная действительность современного общества, это делает картину очень наглядной и активизирует эмоциональное восприятие читателями соответствующих реалий. Считаем необходимым отметить, что приведенные метафоры носят преимущественно эмотивный характер, то есть они создаются, прежде всего, для того, чтобы перенести имеющееся у читателя эмоциональное отношение к понятию-источнику (его обозначает слово в основном значении) на понятие, которое концептуализируется метафорическим значением слова.

В связи с вышесказанным, считаем необходимым добавить, что все приведенные примеры могут быть достаточно просто «расшифрованы», как метафорические высказывания, в связи с тем, что тематика болезни близка носителям языка. Интерпретации метафор основаны на связях и отношениях, устанавливаемых и освоенных в наглядно-практическом опыте. Вслед за американским психологом Дж. Джейнсом, считаем, что абстрактные концепты формируются с помощью конкретных метафор, но большинство людей не осознает метафоричности многих слов, так как «слова, обозначающие

абстрактные понятия, как древние монеты, чье изображение стерлось от частого использования» [2: 50-51]. По Дж. Джейнсу, понять - это значит найти хорошую метафору, подобрать хорошо знакомый и связанный с нашими сенсорными ощущениями образ для осмысления неизвестного и малопонятного.

Мы также согласны с А.П. Чудиновым в том, что соответствующие рассматриваемой концептуальной метафоре образы объединяются концептуальными векторами агрессивности и тревожности, в них отражаются безысходность, дурные предчувствия и вместе с тем душевная боль за состояние родной страны, ощущение собственного бессилия. Еще один сильный концептуальный вектор - отклонение от естественного порядка вещей, представления о неправильности и недопустимости существующего положения [3].

Таким образом, достаточно обоснованно можно утверждать, что морбиальная метафора укоренилась в сознании человека, благодаря тому факту, что болезни сопровождают любого человека с рождения и являются неотъемлемой частью его жизни. Морбиальная метафора носит антропоцентрический характер, то есть непосредственно связана с жизнедеятельностью человека и характеризует аспекты её проявления.

Литература

1. Будаев Э.В. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 352 с.
2. Миллс Дж., Кроули Р. Терапевтические метафоры для детей и внутреннего мира ребенка. - Пер. с англ. Т.К. Кругловой // Библиотека психологии и психотерапии. - Выпуск 13. - М.: Класс, 2005. - 144 с.
3. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) . – Екатеринбург. - 2001. - 238 с.
4. Шмелева Т. В. Морбуальная оптика // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. – Т. 7. – С. 5.
5. BNC – British National Corpus [Electronic Resource]. - Режим доступа: <http://thetis.bl.uk/lookup.html>
6. Dollimore J. Sexual dissidence. - Oxford: Clarendon Press, 1991. – 324 p.
7. Edwards G. Living magically. - London: Judy Piatkus (Publishers) Ltd, 1991. - P. 45-160.
8. Wilkinson R. Unhealthy societies: the afflictions of inequality. - London, New York: Routledge, 1996. – 368 p.

Бавыкина Е.В.

Воронежский государственный университет, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОБЪЕКТИВАЦИИ КАТЕГОРИИ ДВИЖЕНИЯ В ТЕКСТАХ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Предметом данного исследования является категория движения, которая относится к числу основополагающих категорий в языковой картине мира. Целью исследования является описание особенностей объективации категории движения в текстах научной фантастики. Исследуются особенности обозначения процесса движения и его направленности.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, текст, научная фантастика, движение.

Bavykina E.V.

Voronezh State University, Russia

THE FEATURES OF THE LEXICAL OBJECTIFICATION OF THE CATEGORIES OF MOTION IN THE TEXTS OF SCIENCE FICTION

The object of this research is the category of motion that refers to the fundamental categories in the linguistic picture of world. The aim of the research is the description of features' objectification of the category of motion in science fiction. The features of marking of motion process are considered.

Key words: cognitive linguistics, text, science fiction, motion.

Категория движения, наряду с категориями пространства и времени, является одной из базовых категорий человеческого сознания. Категория движения представляет собой структуру, в которой выделяются обязательные и факультативные элементы. Обязательные элементы объединяются в пропозициональную схему субъект – предикат – путь – объект, которая отражает структуру события движения, включающего источник движения, саму операцию движения, направление движения и объект, относительно которого происходит изменение положения источника движения в пространстве. Факультативные элементы представляют собой слоты или терминалы, содержащие фреймы событий, каким-либо образом связанных с событием движения [1: 278].

Целью данного исследования является описание особенностей объективации категории движения в текстах научной фантастики. Исследуются особенности обозначения самого процесса движения и его направленности.

Следует отметить, что тексты научной фантастики имеют свою особую онтологию, которая является вариацией некой «глобальной фантастической действительности» и имитирует онтологию реального мира [2: 889].

Кроме того, мир научной фантастики представляет собой особый тип художественной литературы, доминирующей чертой которого является репрезентация фантастической реальности в целях адекватной передачи этноса, логоса и пафоса литературной личности для воплощения ее идеалов и ценностей в причудливых и неожиданных формах «возможных миров» с целью

художественного воздействия на читателя. Поэтому текстам научной фантастики свойственны такие инвариантные признаки, как моделирование психологии непознанного и создание «эффекта остранения», что обуславливает использование лексики с семантикой «странный», «загадочный» и т.д. [3].

Так, рассматривая когнитивную структуру «процесс движения» в текстах научной фантастики, следует отметить, что многоэтапный процесс движения может включать в себя множество различных видов движения, отличающихся друг от друга по разным критериям, например *путешествие* или *полет*, *перелет*. Вам, как специалисту, должно быть известно, что **путешествие во времени** невозможно без перемещения в пространстве [4]. Скажите – мы можем **путешествовать** во времени? – Да, мы можем преодолевать любую пропасть во времени [5]. Полет в эфирном колодеце неизвестного закончился ударом обо что-то твердое [6]. Тхабс забросил его в помещение выключенного стратегала, где он был до своего **перелета** в мир Дарьи [6]. Глагольная форма *путешествовать* актуализирует значение «длительное перемещение». Лексема *перелет* репрезентирует значение «быстрое перемещение».

Отметим активное употребление лексемы *прыжок*. Как только судно вывалилось из межпространственного **прыжка**, анабиозные камеры выпустили своих обитателей [7]. Стас понял, что рассчитал свой **прыжок** правильно [6].

В текстах научной фантастики часто используются глагольные формы *нырнуть*, *вынырнуть*, *вывалиться*, *погрузиться*. Через пять минут **нырнем** в гиперпространство. Но вот «Черная стража» в последний раз **погрузилась** в чернильную гущу гиперпространства и **вынырнула** из нег. Люди **вывалились** в Пространство [8].

Движение в текстах научной фантастики может иметь определенную направленность: вперед – назад, вверх – вниз. Сколько нужно энергии, чтобы пробиться через временную волну **в прошлое или будущее?** [9]. Мы осваиваем эту планету. Здесь сходятся сразу несколько временных плоскостей. Их наличие дает возможность **прокладывать каналы** в различные временные слои [9]. Ствол все время «плывет» **то в прошлое, то в будущее** [4]. Мы решили **уйти в прошлое на «глубину» в пять миллиардов лет**. [4]. Станция «Солнце-7» **провалилась в хроносферу Солнца над полюсом** [10]. Стас закрыл глаза, тщательно прицелился, настраивая нужные системы, и прыгнул в колодец. **Падение** длилось ощутимо долго [6]. Следует отметить, что движение не всегда имеет прямую траекторию. **Летели** они долго – по внутренним ощущениям – и **не прямо, а зигзагами и кругами** [6].

К сфере репрезентации категории движения относятся сочетания *послал себя сквозь пространство*, *катапультировать себя в прошлое*, *волевым усилием перемещаться в пространстве*, *просачивание сквозь потенциальные барьеры*. Он...**послал себя сквозь пространство**. Помедлив, он **катапультировал себя в прошлое** на глубину строительства дома. К тому же комба мог **волевым усилием перемещаться в пространстве**. Он сосредоточился на волшебном **просачивании сквозь потенциальные барьеры** [6].

Движение совершается при участии субъекта или объекта движения. В качестве объекта движения в текстах научной фантастики часто выступает *машина времени*.

Сочетание *машина времени* актуализирует значение «средство передвижения». *И не лифт это вовсе, а «машина времени», вернее, «машина времени и пространства».* Что же, по-вашему, Башня – это *машина времени*? [4]. Причем, в качестве *машины времени*, зачастую выступает не сама *машина* в своем первоначальном виде, а некий *предмет*, способный осуществлять движение в пространстве и времени. *Он то и регулирует теперь жизнь в этой необычной Ветви, создавая локальные объемы бытия и свои хронолифты, недоступные влиянию извне* [11].

Движению может придаваться необычный характер, с целью создания фантастической реальности. Так, к примеру, категорию движения репрезентируют сочетания *стена плывет, коридор поехал влево. Это мне кажется, что стена плывет* [6]. *Коридор заметно поехал влево, потом вправо...* [4].

Анализируя специфику лексической объективации категории движения в текстах научной фантастики, мы пришли к следующим выводам.

В текстах научной фантастики распространены лексемы *путешествие, полет, прыжок*, и их глагольные формы.

Для создания фантастической реальности движению придается необычный характер, что находит свое отражение в использовании соответствующей лексики: *нырнуть в гиперпространство, коридор поехал влево, послал себя сквозь пространство, катапультировать себя в прошлое, волевым усилием перемещаться в пространстве, просачивание сквозь потенциальные барьеры.*

Движение имеет направленность (вверх - вниз, вперед - назад), но часто эта направленность может быть изменена, что обусловлено опять же текстом научной фантастики: *лететь зигзагами и кругами, стена плывет.*

Литература

1. Козлова Е.А. Метонимическая репрезентация движения в английской языковой картине мира // Филология и культура: мат-лы VII Междунар. научн. конф. 14-16 октября 2009 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Ин-т языкознания рос. Академии наук, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Общерос. обществ. орг-ция «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». – Тамбов: Изд. дом. ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С.278-280.

2. Нудельман Р.И. Фантастика // Краткая литературная энциклопедия. Т.7. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – С.887-890.

3. Стасива Г.Д. Русский научно-фантастический дискурс XX в. как лингвориторический конструкт. 2009. Автореферат [Эл. ресурс] / Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/russkii-nauchno-fantasticheskii-diskurs-xx-v-kak-lingvoritoricheskii-konstrukt>

4. Головачев В.В. Реквием машине времени [Эл. ресурс] / Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=15301>.

5. Борисов К. Энтони и компания. Идол темного мира [Эл. ресурс] / Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=7482>

6. Головачев В.В. Палач Времен [Эл. ресурс] / Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=15287>
7. Головачев В.В. Пропуск в будущее [Эл. ресурс] / Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=15298>
8. Головачев В.В. Хроновыверт [Эл. ресурс] / Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=15315>
9. Гуляковский Е. Обратная сторона времени [Эл. ресурс] / Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=17495>
10. Маркелов О.В. Токсимерный оскал [Эл. ресурс] / Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=37422>
11. Сухинов С. Миры из будущего. Звездный волк-6 [Эл. ресурс] / Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=55340>

Белоусова Т.А.

к.ф.н., доц., НИУ «БелГУ», Россия

К ВОПРОСУ О ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ТИПАХ ГЕНИТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В данной статье рассматриваются генитивные субстантивные словосочетания. Особое внимание уделяется рассмотрению некоторых логико-семантических типов генитивных отношений.

Ключевые слова: генитивные словосочетания, семантические функции, логико-семантические отношения, отношения принадлежности и владения, партитивные отношения.

Belousova T.A.

Belgorod National Research University, Russia

ON THE ISSUE OF LOGICAL-SEMANTIC TYPES OF GENITIVE RELATIONS

The present article deals with genitive substantive phrases and focuses on some major logical-semantic types of genitive relations.

Key words: genitive phrases, semantic functions, logical-semantic relations, possessive relations, partitive relations.

Неослабевающий интерес к изучению падежей в современной лингвистике связан, с одной стороны, с перераспределением их функций, с изменениями, синтаксическими и семантическими процессами в структурах и в системе традиционных падежных парадигм, с другой стороны, с новыми подходами к дифференциации падежной семантики.

Родительный падеж является наиболее интересным и проблемным для описания. Родительный падеж в немецком языке используется в глагольных, атрибутивных, адъективных, синтаксических конструкциях, в связке с предлогами, а также в так называемом свободном употреблении. Важной

сферой его использования являются субстантивные генитивные словосочетания, которые являются объектом нашего исследования.

Рассмотрение приименного родительного падежа в немецком языке невозможно без установления тех семантических отношений, которые характеризуют словосочетания с генитивом. Классификация типов логико-семантических отношений в сфере генитива является предметом исследования многих ученых, что свидетельствует об актуальности данной проблемы. В понимании этих значений у авторов немецких грамматик имеются значительные расхождения. Эти расхождения затрагивают число выделяемых типов, состав генитивных групп, семантическую и синтаксическую характеристику отношений. Так, представители традиционной грамматики В. Вильманс, Г. Пауль и др. называют 6 классов атрибутивного генитива: *genetivus subjectivus, objectivus, possessivus, qualitatis, explicativus, partitivus*.

О.И. Москальская и Е.И. Шендельс называют соответственно семь и восемь классов атрибутивного родительного падежа [2: 167-170; 2: 166-167]. Другая группа лингвистов (М. Регула, В. Шмидт) объединяют все виды определительных отношений родительного падежа в большие группы, считая, что более дифференцированная классификация привела бы к большому и трудно обозримому количеству классов [3: 100; 3: 140]. На этом основании они выделяют общие признаки в различных семантических функциях атрибутивного родительного падежа и на их основе объединяют эти отношения в обобщенные группы: 1) *Genitiv des Merkmalsträgers*; 2) *Genitiv des Merkmals*; 3) *Genitiv der Art oder des Inhalts*. В. Шмидт объединяет (2) и (3) в одну группу – *Genitiv des Merkmals*.

В.Г. Адмони, также выделяя три семантических отношений для определительного родительного падежа, отмечает, что хотя между основными семантическими оттенками определения в родительном падеже существует множество переходов и спорных случаев, они могут быть отграничены друг от друга лишь приблизительно. Чтобы уточнить емкость и границы данного типа словосочетания, выделяется три типа синтаксических групп с определением в родительном падеже [1: 238]. Это отношения принадлежности и владения (*Karls Buch, der Arbeiter dieser Fabrik*); субъектно-объектные отношения (*Tonys Lächeln, die Kunst des Dichters, die Macht des Staates*); выражение вещественного содержания и качества (*die Klasse der Arbeiter, das Glück des Wiedersehens, der Mann der Wissenschaft*).

Более детальное описание определительного родительного падежа дают Г. Хельбиг и И. Буша. Они выделяют 12 различных семантических отношений и с помощью трансформации объясняют скрытые семантические отношения атрибутивных синтагм.

Рассмотрение основных типов логико-семантических отношений в сфере родительного падежа в различных концепциях показывает, что такие значения, как генитив принадлежности (*genetivus possessivus*), генитив субъекта (*genetivus subjectivus*), генитив объекта (*genetivus objectivus*), генитив части целого (*genetivus partitivus*) и генитив качества (*genetivus qualitatis*) выделены почти всеми вышеназванными лингвистами.

Учет коммуникативных, прагматических, когнитивных факторов усложняет, детализует традиционные типы генитива. Так, в фундаментальном трехтомном труде института немецкого языка (*Grammatik der deutschen Sprache von Gisela Zifonun u.a. 1997, Bde.1-3*) наряду с категориальным анализом номинативных групп с генитивом дается классификация, которая предполагает анализ семантики этих групп, причем анализ учитывает контекстуальную обусловленность как традиционно выделяемых *genitivus auctoris*, *genitivus possessivus*, *genitivus partitivus*, *genitivus subjektivus*, *genitivus objektivus*, *genitivus qualitatis*, так и специфических типов, как например, *Definitionsgenitiv*.

Мы рассмотрели только некоторые подходы к классификации генитива в разные периоды его функционирования, являющиеся важными и необходимыми для исследования изменений его значений, процесса отмирания его некоторых функций или, наоборот, расширения сфер формирования специфических структурных и функциональных типов.

На основе анализа названных классификаций и с учетом частотности употребления рассматриваемых групп в произведениях современных авторов мы наметили более развернутую классификацию логико-семантических отношений в структуре именных генитивных групп. Дифференциация логико-семантических отношений в названных группах осуществляется за счет детализации семантических характеристик компонентов сочетания, а также самого синтаксического отношения. Так, при отглагольных существительных, обозначающих процесс действия (*nomina actionis*), определение в родительном падеже имеет субъектную или объектную семантику, при существительных, обозначающих качество – значение носителя этого качества, при существительных с конкретно-предметным значением определение обозначает принадлежность предмета в широком смысле этого слова. Важным представляется учет таких синтаксических критериев, как возможность замены генитивного определения посессивом, наличие синонимичных конструкций (предложная группа с *von*), образование композита.

Рассмотрим более подробно словосочетания, в которых выражены собственно-притяжательные отношения. Они представлены рядом семантических разновидностей. Первая из них – отношения владельца и вещи: *meines Vaters Haus*, *Bischofs Wohnung*, *Christinas Wagen*. Отношения владения в свою очередь дифференцируются в зависимости от семантических особенностей компонентов сочетания. В сочетаниях с отглагольным именем в качестве ядерного компонента существительное в генитиве является производителем действия, участником процесса, вещи: *die Arbeit des Vaters* ← *der Vater arbeitet*; *der Schlaf des Kindes* ← *das Kind schläft*; *das Schreiben des Studenten* ← *der Student schreibt*. Владельцем имущества может быть не только отдельное лицо, но и государство, учреждение, например: *dieses Landes Küste*, *Englands Kirche*, *dieses Reiches Bürgerin*. С подобными словосочетаниями связана другая разновидность притяжательных словосочетаний, зависимое слово которых указывает на место, пространство, где находится, живет, растет и т.д. предмет, названный другим компонентом (ядром генитивной группы): *die Einwohner dieser Stadt*, *die Bäume des Waldes*, *die Menschen der Erde*.

Наличие семантического признака посессивности (принадлежности) в рассматриваемых словосочетаниях подтверждается на основе трансформации конструкции с родительным падежом в предложение с глаголами: *haben, besitzen, verfügen* и другими: *Bischofs Wohnung ← Der Bischof hat eine Wohnung. Der Bischof besitzt eine Wohnung. Der Bischof verfügt über eine Wohnung. Die Wohnung gehört dem Bischof.*

Следующая группа представлена многочисленными словосочетаниями, в которых выражены отношения типа “часть – целое” (*genitivus partitivus*). Эта группа характеризуется также рядом семантических разновидностей: а) отношение части и самого лица (отношения неотторжимой принадлежности). В этих отношениях объект обладания представляется как необходимый, постоянно присутствующий элемент субъекта обладания. В качестве объекта обладания употребляются существительные, обозначающие части тела, общий вид: *Traubs Gesicht, Traubs Hand, Lenorens Herz*; б) отношение части и целого. В этих отношениях субъект обладания является неодушевленным предметом: *dieses Zimmers Boden, des Bechers Rand, meines Tisches Rand, eines eignen Tempels Schwelle*. Наглядным примером партитивных отношений являются словосочетания, семантика ядра которых обозначает «часть», «остаток»: *ein entsprechender Teil des Gewinnes, der größte Teil des Vororts, der Rest des Tages*.

В словосочетания данного типа включаются также существительные, обозначающие вещества, предметы, указывающие на отделившуюся часть предметов, которая получает семантическую реализацию в опорном компоненте: *ein Stück Brot*. К рассматриваемым словосочетаниям близки и такие конструкции, с помощью которых выражаются количественные, весовые и пространственные отношения части к целому. В них используются существительные, обозначающие предметы или вещества, которые могут подвергаться измерениям. Определяемым в данных конструкциях обычно выступают названия единиц измерения: *eine Tafel Schokolade, eine Schachtel Zigaretten*. Подобные словосочетания, как правило, осложняются числительными, определяющими количественную меру: *zwei Tassen Milch, ein Kilo Mehl*.

Таким образом, различные типы генитивных структур фиксируют в сжатой форме номинативного отношения многообразие логико-семантических и синтаксических отношений. Более детальная структурно-семантическая и синтаксическая характеристика генитивных сочетаний обуславливает и их дальнейшую коммуникативно-прагматическую и стилистическую дифференциацию.

Литература

1. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построений / В. Г. Адмони. – Л.: Наука, 1988. – 238 с.
2. Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O. Moskalskaja. – М., Vyssaja Skola, 1983. – 344 S.
3. Regula M. Kurzgefasste erklärende Satzkunde des Neuhochdeutschen / M. Regula. – Bern, München, 1968.
4. Schendels E. Deutsche Grammatik / E. Schendels. – М., 1988. – 400 S.

5. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik / W. Schmidt. – Berlin, Volk und Wissen, 1965.
6. Zifonum G. Grammatik der deutschen Sprache / G. Zifonum, L. Hoffmann, B. Strecker. – Berlin, d. Gruyter, 1997. – 2570 S.

Бондаренко Е.В., д.ф.н., проф.,
Загайнова Е.А.
НИУ «БелГУ», Россия

РОЛЬ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ КАНАДЫ

В статье рассматривается социолингвистическая мотивация в качестве основной движущей силы изменения социолингвистической ситуации. В качестве примера используется диахронический анализ языковой ситуации в Канаде, в частности особенности статуса маркированных единиц канадского национального варианта английского языка.

Ключевые слова: социолингвистика; языковая ситуация; национальный вариант языка; канадский английский.

Bondarenko E.V., Zagaynova E.A.
Belgorod National Research University, Russia

THE PART OF SOCIOLINGUISTIC MOTIVATION IN DETERMINING THE LINGUISTIC SITUATION IN CANADA

The article examines a sociolinguistic motivation as a basic driving force for changing sociolinguistic situation. As an example the author uses the diachronic analysis of a linguistic situation in Canada, in particular, the specifics of a status of the marked units of the Canadian national variant of the English language.

Key words: sociolinguistics; linguistic situation; national variant of a language; Canadian English.

Современное развитие науки о языке характеризуется возникновением значительного числа дисциплин, предметы которых находятся на стыке различных областей научного знания. Социолингвистика, являясь одной из таких сфер, вбирает в себя информацию собственно языкознания и социологии.

В рамках социальной лингвистики возможно рассмотрение языковых единиц как определенных явлений, оказывающих непосредственное влияние на общество.

Социолингвистический анализ сконцентрирован на рассмотрении языковой ситуации как явления одновременно социальной и языковой действительности. Под языковой ситуацией понимается комплекс особенностей функционирования языков и их социально обусловленных вариантов на определенной территории в течение определенного периода времени [4: 178].

Совокупность социолингвистических отношений характеризуется и в определенной степени определяется таким понятием, как

социолингвистическая мотивация, под которой понимается комплекс отношения к языку, престижа кодификационной системы, стремления изучать данный компонент общей структуры, или наоборот, нежелания использовать и изучать [5: 35]. Социолингвистическая мотивация служит своего рода вектором целенаправленного воздействия на язык, имеет под собой преимущественно социальную природу, ее нельзя определить строго лингвистическими методами.

Языковая ситуация на территории Канады является показательной с точки зрения манифестации мотивации через социолингвистические маркеры, что обусловлено не только существующим на государственном уровне билингвизмом, но и определенными историческими и собственно лингвистическими предпосылками. Канада, являясь примером официального билингвизма, представляет достаточно сложную картину в языковом плане [3: 181]. Зачастую канадский английский воспринимается как «смесь» черт британского и американского с преобладанием вторых [8: 323].

В рамках исследования языковой ситуации в Канаде был проведен интернет-мониторинг употребления лексических единиц и их написания в современных канадских электронных СМИ с целью анализа употребления маркированных единиц и социолингвистической мотивации по отношению к национальному варианту.

Интернет-мониторинг был основан на количестве результатов в ответ на запрос в поисковой системе конкретного сайта «The Globe and Mail». Сравнивались количественные показатели употребления единиц пар противопоставления американский - британский, при наличии канадского варианта как указанного в словаре, анализировался также и стандартный канадский вариант пары.

Исследование употребления лексических единиц, относящихся к тому или иному национальному варианту, проводимое посредством интернет-мониторинга, позволило определить, что количество страниц канадского сегмента сети Интернет, содержащих лексическую единицу *Anticlockwise* (против часовой стрелки), характерную для британского и канадского вариантов, составляет 16900, тогда как дублирующая единица *Counterclockwise* (против часовой стрелки), используемая в американском английском, встречается на 49600 страницах. Лексема *burgle* (грабить, похищать) встречается 7600 раз, тогда как американский вариант *burglarize* (грабить, похищать) 42000 раз, при этом они считаются равнозначными [8: 484]. Это говорит о том, что собственно канадские единицы не всегда воспринимаются как допустимые к использованию. Это является, в первую очередь, отражением достаточно длительного процесса, связанного с восприятием канадского английского как «неправильного» варианта.

Так же при помощи метода интернет-мониторинга и сайта «The Globe and Mail» было выявлено использование следующих лексических единиц: *Canuck* (сленговое наименование канадцев) – 3304 результата по запросу в поисковой системе сайта, *Lineup* (очередь, при британском *queue* и американском *line*) – 5500 результатов, *Alcool* (аналогия с французским, алкоголь, спирт) – 7

результатов [10: 380]. Язык СМИ определенным образом отражает ситуацию языка в целом, соответственно, и само употребление канадизмов не воспринимается как нечто негативное, хотя определенные следы такого восприятия сохраняются в социолингвистической среде. Подобные тенденции, безусловно, не могут говорить об общеязыковых направлениях стандартизации, но, тем не менее, являются показателем.

Если рассматривать маркированные единицы в диахроническом аспекте, то можно отметить постепенный переход от негативного к положительному восприятию. В XIX и первой половине XX века негативно воспринимались как собственно канадские единицы разных уровней (Canadian rising (Канадский подъем) как фонетическая особенность, частица «eh» в разных функциях), так и американские (store (магазин)) [5: 40], начиная со второй половины XX века прослеживается постепенное расширение их употребления и снижение вплоть до полного нивелирования негативной мотивации по отношению к ним [10: 363]. Национально-специфические единицы воспринимаются как показатели особенностей канадского английского, что находит свое отражение в словарях (например, Canadian Oxford Dictionary) и другой справочной литературе, где они регистрируются как нормативные [1: 160].

Диахронический анализ материала исследования позволил определить две доминирующие тенденции для каждого национального варианта, имеющие социальную детерминацию. Для канадского английского это тенденции, связанные с британским и американским вариантами. На протяжении рассмотренного временного отрезка наблюдается их чередование с постепенным нивелированием влияния «британской» тенденции стандартизации в средствах массовой информации. Ближе к концу XX века, в силу определенных изменений в мотивации по отношению к национальному варианту, возникает третья, на данный момент окончательно не оформившаяся тенденция, связанная с ориентацией на национально специфические черты, так называемая «канадская». В целом, рассмотренный период характеризуется значительной неопределенностью в выборе стандарта, прежде всего это связано с социальным престижем «британской» тенденции с одной стороны, с другой – значительно более тесным контактом с американским национальным вариантом. Следует отметить, что в целом для английского сегмента канадского телевидения и радио характерен несколько больший либерализм в выборе языковых средств, что особенно четко прослеживается на примере материалов 80-х-90-х гг. Социолингвистическая мотивация в данном случае во многом определяла развитие национального варианта: так, в период до 60-х гг. XX в. собственные черты канадского английского воспринимались достаточно негативно, тогда как ближе к концу столетия произошла смена отношения как к единицам, так и ко всему варианту в целом.

Литература

1. Быховец Н. Н. Лексические особенности английского языка Канады. Киев: Наукова Думка, 1988. 152 с.

2. Наумов В. В. Государство и язык. Формулы власти и безвластия. М.: URSS, 2010. 182 с.
3. Устинова О. В. К вопросу о канадизмах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 181-183.
4. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теория. Проблемы. Методы. М.: URSS, 2008. 178 с.

Источники фактического материала и статьи

5. Avis W. S. The English language in Canada. In Current Trends in Linguistics. The Hague: Mouton, 1973. Vol. 10. P. 40-74.
6. CBC Digital Archives [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbc.ca/archives/> (дата обращения: 10.01.16).
7. Jurcic D. Canadian English [Электронный ресурс]. URL: <http://homes.chass.utoronto.ca/~cpercycourses/6362Jurcic2.htm> (дата обращения: 17.03.16).
8. McKay S. L., Nancy H. Sociolinguistic and Language Teaching. Hornberger: Cambridge University Press, 1996. p. 484 .
9. Oxford Canadian English Dictionary. Oxford University Press, 2004. 1840 p.
10. Poplack Sh. Contrasting Patterns of Code-Switching in Two Communities // Methods V: Papers from the Vth International Conference on Methods in Dialectology. University of Victoria, 1985. p. 363-385.

Берзина Г.П.

к.ф.н., доц., НВИ ВВ МВД РФ, Россия

КАТЕГОРИЯ УСТУПИТЕЛЬНОСТИ И ЕЁ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ КООРДИНАТАХ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье речь идет о координатах современной лингвистики, позволяющих по-новому взглянуть на природу категории уступительности, представляющей собой лингвокогнитивный комплекс. Интерпретирующая функция языка помогает выявить языковые средства репрезентации категории уступительности, которая формируется на базе концепта с категориальными характеристиками. Характеристики концепта представляют собой интерпретирующий потенциал категории.

Ключевые слова: категория, уступительность, интерпретирующий потенциал, антропоцентризм, концепт.

Berzina G.P.

Novosibirsk Military Institute of Internal Troops named after I.K. Yakovlev of the Ministry of Internal Affairs, Russia

CATEGORY CONCESSIVITY AND ITS INTERPRETIVE POTENTIAL IN ANTHROPOCENTRIC COORDINATES OF MODERN LINGUISTICS

The article deals with the modern linguistics anthropocentric coordinates that allow for a fresh look at the nature of the category of concessivity representing as linguacognitive complex. The interpreted language function helps to identify the language means of the category of

concessivity, which are formed on the basis of categorical characteristics of the concept. Concepts characteristics are presented interpretive potential of a category.

Key words: category, concessivity, interpretive potential, anthropocentrism, concept.

Антропоцентрическая парадигма как новая модель постановки проблем и приёмов их решения в современной лингвистике переключила внимание исследователей лингвистов на человека, поскольку человек, находясь в центре окружающей его действительности, воспринимает мир, пропускает его через свое сознание, интерпретирует полученные знания и репрезентирует эти знания в языке. Антропоцентризм в лингвистике – подход к изучению языковых фактов и явлений с точки зрения их значения и роли для человека – носителя и творца языка [10: 60]. Базовая установка антропоцентрического подхода – язык должен изучаться по мерке человека – восходит к лингвистической концепции В. фон Гумбольдта, согласно которой язык есть живая и главнейшая деятельность человеческого духа, единая энергия народа, исходящая из глубин человеческого духа и пронизывающая собой всё его бытие. По глубокому убеждению ученого, изучения языка без последовательного учёта человеческого фактора является нецелесообразным, поскольку язык обладает идеальным бытием в головах и душах людей [7: 158].

Антропологическая парадигма в современном отечественном языкознании представлена рядом направлений, единым вектором научных поисков которых является человек – создатель языка, субъект мысли /речи, отображающий в языке свои оценки, эмоции, мнения и т.д. Первое направление исследует язык как зеркало человека, как человек отражается в языке, языковую картину мира. Второе направление – коммуникативная лингвистика проявляет интерес к человеку в его соотношении с коммуникацией. Третье направление исследует роль языка в познавательных процессах и когнитивной организации человека.

Когнитивная лингвистика предлагает эффективные технологии анализа взаимодействия языка, когниции и коммуникации, поставив в центр внимания человека как субъекта познания, который наряду с восприятием, концептуализацией, категоризацией интерпретирует и оценивает мир в языке. Антропоцентризм трактуется Е.С. Кубряковой как попытка рассмотреть языковые явления в диаде «язык и человек», как принцип исследования, согласно которому научные объекты изучаются по роли для человека, по их функциям для развития человеческой личности и её усовершенствования. Антропоцентризм обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, человек вовлечён в этот анализ, определяет его перспективу и конечные цели [10: 212].

Когнитивная лингвистика ставит и решает задачу постижения подлинных, природных свойств языка, его единиц и категорий, также может быть рассмотрена в парадигме интерпретирующего подхода [8], так как теория интерпретации небезразлична к исследованию вопросов о ментальных структурах: концептах, фреймах, сценариях, которые отражают внеязыковую действительность, моделируют и интерпретируют её.

Антропоцентрическая природа языка рассматривается Н.Н. Болдыревым с теоретико-методологических позиций когнитивного подхода на основе выделения интерпретирующей функции языка как основного проявления его антропоцентризма [1; 2; 3, 4; 5; 6]. Интерпретация является неотъемлемым свойством человеческого сознания и познавательных процессов, в частности. В онтологической триаде «система мира – система языка – концептуальная система человека» интерпретация связана именно с человеком, его восприятием и оценкой системы мира и системы языка [2: 15–16]. Используя интерпретацию как тип мыслительной деятельности, человек преследует конкретную цель – преобразовать полученное знание, закрепить за ним новые смысловые оттенки, подобрать языковую единицу номинации, передающую новое интерпретированное знание. Взаимосвязь первичной репрезентации знаний с интерпретацией обусловлена отбором определённых объектов и реалий для концептуализации и категоризации, и, соответственно, языкового обозначения» [5: 36].

Под категорией уступительности в ракурсе нашего исследования мы понимаем особый формат знания, представляющий собой совокупность концептуального содержания, и языковых средств его репрезентации. В общей системе языковой категоризации категория уступительности отличается особой, функциональной спецификой уступительного концепта, на базе которого она формируется. Функциональная специфика уступительного концепта проявляется в его интерпретирующей деятельности, проявляющейся в способности вторичного осмысления знаков в процессе оценочной интерпретации и реинтерпретации вербализованных знаний о мире.

Способность языка выступать источником познания окружающего мира и предоставлять человеку возможность оценок и мнений определяет онтологию и антропоцентризм интерпретирующей функции уступительного концепта, проявляется во вторичной номинации языковых средств, передающих уступительный смысл: *хотя P, Q. Хотя хорошо знал учебный материал (P), получил плохую оценку на экзамене (Q)*. Имеет место ситуация P, говорящий ожидает, что если имеет место ситуация P, то обычно, в норме и естественно, чтобы имела место ситуация A, но имеет место ситуация Q.

Мы полагаем, что в рамках антропоцентрической парадигмы философские основы категории уступительности следует интерпретировать с опорой на философскую категорию *норма*. Нормативное знание постоянно сопряжено с осуществлением регулятивной и оценочной функций, без этих функций оно теряет свою специфику. В основе любой нормы лежит определённый стереотип, который является первичным по отношению к нормативной оценке, в то время как эта оценка есть реализация способности человека воспринимать норму. Связь категории уступительности с категорией нормы, с интерпретирующей функцией человеческого сознания позволяет заключить, что уступительная функция, как и интерпретация, характеризуется структурированностью, опирается на коллективные схемы знаний и одновременно ориентирована на концептуальную систему отдельного человека.

Уступительный концепт *хотя P, Q*, как единица структурированного знания, как прототипическое ядро категории уступительности, имеет определенное содержание, набор дифференциальных и интегральных характеристик, которые выступают в роли когнитивных центров для систематизации периферийной области категории уступительности. У нас есть все основания считать, что прототипическим ядром категории уступительности выступает как «лучший» и эксплицитный представитель категории – сложноподчинённое уступительное предложение, репрезентирующее уступительный концепт *хотя P, Q*.

Периферию категории уступительности образуют бессоюзные сложные предложения, сложносочинённые, простые, осложнённые предложения, лексические средства, словообразовательные, фразеологические и другие языковые средства в их вторичных функциях, дискурсивные средства репрезентации уступительного концепта. Все входящие в категорию уступительности языковые единицы проявляют некоторые черты подобия с прототипом категории уступительным концептом *хотя P, Q*, который наиболее репрезентативно и эксплицитно представляет категорию уступительности.

При когнитивно-функциональном подходе исследования категории уступительности исследовательский интерес традиционно сконцентрирован на языковых средствах выражения уступительных отношений. Концепт-прототип категории уступительности служит концептуальной основой для систематизации разноуровневых вербальных и невербальных средств репрезентации в языке и речи. Формируемые в процессе познания когнитивные репрезентации приобретают вербализацию в словесной форме. Лексический и лексико-грамматический средства репрезентации уступительного концепта – это коммуникативно-релевантная вербализованная периферийная часть категории, которая представляет собой лексический, лексико-грамматический, семантико-синтаксические континуумы, единицы которых объединены в разной степени выраженным уступительным смыслом *хотя P, Q*.

Однако не следует забывать, что функциональный аспект трактовки языковой категории как системного объекта связан с её функцией и назначением, то есть с выполнением определенных коммуникативных задач. Коммуникативно-прагматические особенности категории уступительности представлены различными коммуникативными стратегиями и тактиками, базирующимися на принципе *уступка с определённой целью*, включающим коммуникативные тактики – *взаимной уступки, односторонней уступки, промежуточной, вынужденной уступки, компромисса* и др.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что категория уступительности представлена в языке как когнитивно-коммуникативная категория, которая отражает взаимообусловленность и объективную взаимосвязь общих свойств бытия и форм его осмысления человеком, а именно отражение в языке и речи нарушения ожидаемой последовательности развития событий, состояний, качеств. Данный исследовательский подход основывается на принципе антропоцентричности и экспансии лингвистического анализа, на

рассмотрении языка и речи в динамике их взаимодействия в процессе коммуникации.

При таком рассмотрении категория уступительности выступает как универсальная по коммуникативному назначению, представляющая собой совокупность разнородных и разноуровневых элементов, части которой связаны на основании общего уступительного концепта-прототипа, его характеристик и коммуникативной функции. Наличие концептуального содержания позволяет описывать уступительный концепт *хотя P, Q* в контексте выделенных у него характеристик, проявляющих себя в системе конкретных смыслов, реализующихся на разных уровнях языковой системы и в разных речевых произведениях. Способность уступительного концепта порождать новые смыслы и создавать новые языковые формы репрезентации этих смыслов в языке свидетельствует об его богатом потенциале, следовательно, и о богатом интерпретирующем потенциале категории уступительности.

Литература

1. Болдырев, Н. Н. Антропоцентричность языка с позиций разных культур [Текст] / Н.Н. Болдырев // Филология и культура : мат. межд. конф. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – Ч. 1. – С. 15–20.
2. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания [Текст] / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.
3. Болдырев, Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий [Текст] / Н.Н. Болдырев // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2011. – № 1 (93). – С. 9–16.
4. Болдырев, Н. Н. Интерпретирующая функция языка [Текст] / Н.Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011а. – № 33 (248). Филология. Искусствоведение. – Вып. 60. – С. 11–16.
5. Болдырев, Н. Н. К вопросу об интегративной теории репрезентации знаний в языке [Текст] / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка : сб. науч. тр. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – Вып. XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации. – С. 33–43.
6. Болдырев, Н. Н. Когнитивный подход к исследованию антропоцентрической природы языка [Текст] / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка : сб. науч. тр. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. – Вып. XXI. Проблемы современной лингвистики: на стыке когниции и коммуникации. – С. 38–45.
7. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человечества [Текст] / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – С. 100–390.
8. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
9. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. – М. : Изд. РГГУ, 1995. – С. 144–238.
10. Старичёнок, В. Д. Большой лингвистический словарь [Текст] / В.Д. Старичёнок. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 811 с.

Виноградова Е.А., Кислицына Е.В.
НИУ «БелГУ», Россия

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА С КОНЦЕПТОВЫРАЖАЮЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ
«ФИНАНСОВАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ»**

В настоящей работе анализируются особенности внутренней формы, когнитивной структуры, оценочного значения и контекстуального функционирования фразеологических единиц, объективирующих представления носителей английской лингвокультуры о финансовом неуспехе. Особое внимание уделяется рассмотрению метафорических образов, лежащих в основе идиом, а также этимологии фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологическая единица, идиома, внутренняя форма, метафора, контекстуальное функционирование, финансовый неуспех

Vinogradova E.A., Kislitsyna E.V.
Belgorod National Research University, Russia

**SEMANTIC FEATURES AND FUNCTIONING OF ENGLISH IDIOMS
WITH CONCEPTUAL MEANING “FINANCIAL FAILURE”**

The article deals with the peculiarities of the inner form, cognitive structure, attitudinal meaning and contextual functioning of English idioms covering the semantic area defined as “financial failure”. Special emphasis is put on the examination of metaphorical images underlying the idioms as well as the etymology of idioms.

Key words: phraseological unit, idiom, inner form, metaphor, contextual functioning, financial failure.

Все большее внимание исследователей привлекает анализ концептов и концептосфер того или иного этноса с опорой на семантику фразеологических единиц (ФЕ), паремиологического фонда, прецедентных текстов и других произведений фольклора. «Перевод исследования идиом в русло когнитивистики и культурологии обусловлен новым взглядом на идиому как на: - языковой знак, передающий информацию; - знак, хранящий и воспроизводящий культурные установки народа; знак, вся семантика которого обусловлена культурой» [4: 164]. По мнению Л.Г. Золотых, в основе когнитивного подхода к исследованию фразеологического состава языка лежит понимание фраземики как «образного средства (а) формирования и выражения мысли, ассоциативно-смыслового хранения в человеческом сознании субъективных представлений о мире, (б) средства не только обмена знаниями, но и их интеллектуально-эмотивной интерпретации» [3: 4]. Изучение фразем как знаков косвенно-производной номинации, возникающих и функционирующих в процессе лингвокреативного мышления формирует предмет нового направления фразеологии – когнитивно-дискурсивного, своеобразие которого обусловлено тем, что в целом данный подход представляет собой «сплав» идей лингвокогнитивистики и

лингвокультурологии [1; 2; 3]. Их интегрированное использование предоставляет новые возможности для постижения речемыслительных особенностей образного познания действительности и дискурсивно-прагматической деятельности человека, для понимания имплицитного содержания, находящегося за пределами означающего знака-фраземы [3: 5]. В связи с этим особенно важным является исследование природы и сущности фразеологического значения как способа существования в языковом сознании концептов, объективированных фразеологическими единицами.

Роль фразеологизмов особенно велика там, где речь идет о номинации явлений, обладающих существенной значимостью для именуемого субъекта, что обуславливает специфику того исключительного места, которое занимают фразеологизмы в личностном тезаурусе носителя языка. С этим связана, к примеру, доминирующая роль отрицательной оценочности (пейоративности) как содержательной категории, выражаемой фразеологизмами.

В данной статье мы обратимся к исследованию фразеологических единиц, актуализирующих представления о финансовом неуспехе у носителей английского языка.

На сегодняшний день не вызывает сомнений тот факт, что материальное положение человека, особенно в западной культуре, наглядно характеризует человека как успешную личность или неудачника. В иерархии человеческих ценностей деньги занимают основное место — место основы, фундамента, почвы, из которой произрастают все остальные блага. Деньги как законсервированные поступки человека, выступают фактором, определяющим его потенциал в поле жизненных свершений, они являются залогом нормальной жизни, соответственно незначительный денежный потенциал или полное отсутствие материальных благ, заставляет человека испытывать страх перед днем настоящим и будущим, делает его уязвимым, а общество воспринимает его как неудачника.

Фразеологические единицы с общим значением «Финансовая несостоятельность» предполагают наличие дифференциального когнитивного признака «неуспех в финансовой или предпринимательской деятельности». Данная сфера репрезентируется в английском языке 57 идиомами, семантическое наполнение которых может быть представлено по следующим направлениям: «нестабильное материальное положение», «финансовый крах / банкротство», «финансовая зависимость», «спад или прекращение деловой активности». Рассмотрим некоторые из них более детально.

Ряд ФЕ, объективирующих нестабильное материальное положение, обладает прозрачной внутренней формой, в их семантике содержится эксплицитное указание на сложившиеся финансовые затруднения: **an empty (lean, light, short, slender) purse (pocket), reduced (straitened) circumstances, out of cash, not a penny, not have (got) a bean (without a bean)**, (a bean – название монеты), **without a rap** (a rap – мелкая монета в Ирландии), **feel the pinch** (pinch – крайняя нужда, стесненные обстоятельства, невзгоды).

ФЕ **reduced (straitened) circumstances** может быть представлена как концепт-фрейм, так как ее семантическое наполнение отражает сложившуюся

неблагоприятную ситуацию, обстоятельства, когда референт вследствие изменения финансового дохода, вынужден снижать свои запросы, ограничивать потребление определенных благ. Реализацию значения ФЕ можно наблюдать в следующем наводящем контексте за счет вербального контекстуального маркера, представленного глагольной лексемой failed:

1) Davison's investments failed, leaving the family in straitened circumstances when he died in 1893 [8].

Деньги в английской лингвокультуре являются символом и эталоном богатства, успеха, а состояние человека проявляется в их наличии или отсутствии, что характеризуется как нужда, бедность, жалкое существование, невзгоды.

В ФЕ **an empty (lean, light, short, slender) purse (pocket)** в качестве денежных символов выступают компоненты *purse, pocket*, представляющие собой объекты материальной культуры, предназначенные для хранения денежных средств. Значение ФЕ «полное безденежье» актуализируется за счет лексем *empty, lean, slender*, создающих образное представление о скудных, незначительных средствах, имеющихся в распоряжении у субъекта:

2) We shall have to trust to good fortune for we are starting on an empty purse [5].

В идиомах **out of cash, without a bean (rap), not a penny** значение «без денег, без гроша» актуализируется непосредственно за счет компонентного состава ФЕ посредством предлогов *out of, without* и отрицательного наречия *not*, указывающих на отсутствие определенного предмета, в частности, материальных средств для совершения определенных финансовых операций, обеспечения нормальной жизни, что подтверждается контекстуально:

3) "I should have liked to make her a little present," Osborne said to his friend in confidence, "only I am quite out of cash until my father tips up." [7].

Метафорическую основу таких ФЕ, как **be in low water, be bumping along the bottom, be at an ebb, on the beach, come (get) down to (reach) bed-rock (bedrock), go (run) on (upon) the rocks** составляют номинации морских реалий; в частности, в них отражаются многочисленные реальные ситуации, с которыми могут столкнуться мореплаватели.

Безденежье ассоциируется с мелководьем, отливом, то есть с таким пространством, по которому невозможно движение на корабле, лодке, что предполагает бездеятельность человека на данном судне, а соответственно, безденежье. Значение ФЕ **be in low water** – «быть без денег, сидеть на мели» раскрывается в следующем эксплицирующем контексте за счет вербального маркера *financially* и семантического дополнения – описания ситуации поглощения другой компании вследствие ее финансовой несостоятельности:

4) Harrods was in low water financially when Hugh Fraser, a Scottish draper, made his take-over [8].

В рамках данной метафорической модели жизнедеятельность человека представляется носителями английского языка как плавание, путешествие по водному пространству, что подразумевает преодоление определенных трудностей, встречающихся в пути, и основная цель заключается при этом в

способности оставаться на плаву. Соответственно, столкновение со скалой, кораблекрушение ассоциативно связывается с непреодолимыми препятствиями, поражением, финансовым крахом, банкротством. Пейоративная оценочность идиомы **go (run) on the rocks** создается семантикой ее прототипа. Значение ФЕ «разориться, прогореть, вылететь в трубу» актуализируется в следующем наводящем контексте:

5) Then he heard that Miss McGoun had, a week after leaving him, gone over to his dangerous competitors, Sanders, Torrey, and Wing. He was not merely annoyed; he was frightened. "Why did she quit, then?" he worried. "Did she have a hunch my business is going on the rocks?" [6].

Отрицательная коннотация аксиологически имплицитных ФЕ **a rainy day** – «черные дни, безденежье», **save for a rainy day** – «копить на черный день» определяется экстралингвистическим критерием: образы идиом мотивированы представлениями англичан о неблагоприятных погодных условиях, в частности, о периодах дождливой и мрачной погоды, вызывающих у человека значительный дискомфорт, и к которым необходима основательная предварительная подготовка:

6) Ideally, you should also be setting aside a certain amount each month for a 'rainy day' or for any emergency, such as the car suddenly developing problems [8].

Образ ФЕ **not to have a feather to fly with** создается орнитологической метафорой. В его основе лежит сравнение разоренного, обанкротившегося человека с птицей, не способной к полету. Финансовая нестабильность, следовательно, ассоциируется с отсутствием свободы, уверенности в своих силах, незащищенностью и невозможностью полноценного существования. Исходя из своей концептуальной отнесенности, данную идиому можно представить как мыслительную картинку, поскольку в ее семантике зафиксировано яркое образное представление о птичьем полете. Значение ФЕ «разориться, обанкротиться» объективируется в следующем наводящем контексте:

7) ...he has thrown all his money away in gambling, and now he has hardly a feather to fly with [5].

Аксиологически имплицитные ФЕ, содержащие в своем компонентном составе лексему red, а именно: **be in the red, bleed red ink, put in the red** этимологически восходят к бухгалтерской практике, используемой в прошлом, когда для фиксации задолженностей или убытков в балансовых ведомостях использовались красные чернила, которые с тех пор стали символизировать серьезные денежные затруднения. Концепт-сценарий, формирующий смысл ФЕ **put in the red** – «привести к банкротству, сделать нерентабельным, убыточным», детерминирован денотативной ситуацией, реализуемой в наводящем контексте посредством словосочетаний to decrease production, increasing losses:

8) During the winter this excess water may become so bad as to decrease production at the same time increasing losses, tending to put the brick plants in the red [5].

Происхождение идиомы **(in) Queer Street** – «на мели, на грани банкротства» не совсем определено. По одной из версий, значение ФЕ мотивировано названием воображаемой улицы, населенной несостоятельными должниками. Согласно другой версии, образ идиомы связан с номинацией вопросительного знака (a query mark), который торговцы ставили напротив имени покупателя, отмечая, таким образом, его как клиента предположительно испытывающего финансовые трудности. В следующем примере смысл ФЕ реализуется за счет дублирующего синонимического контекста:

9) “I got the sack and Susie walked out on me...” “As it happens. I’m also in queer street. Had a fight with Ellen and I’ve chucked the acting.” [5].

Семантика ФЕ сценарного типа с достаточно прозрачной внутренней формой **run up a score (run in score, into scores)** – «влезть в долги (особ. о ресторане, лавке и т.п.), **fall (get, run) into debt** – «влезть в долги, наделать долгов», **sink money** – «вложить деньги в безнадежное дело», **take the benefit (of the bankruptcy laws)** – «объявить себя банкротом» включает компоненты, эксплицитно демонстрирующие ментальную модель ситуации движения субъекта к финансовому краху вследствие неумения объективно оценивать доступные финансовые ресурсы, анализировать бюджет, отсутствия необходимых деловых навыков, способствующих росту финансового и материального благосостояния. Пейоративная оценка идиомы объективируется в следующем контексте:

10) As you know, I am now in debt to the extent of about 700 gulden and haven't the faintest idea how I am going to support myself, Mamma and your sister on my monthly salary...this is the first time I have got into debt [8].

К группе ФЕ, выражающих обобщенное значение «спад, прекращение деловой активности», можно отнести такие идиомы, как **close its (one's, the) doors, close (shut up) shop, go out of business, lose one's shirt, put up the shutters**.

Реализация значения ФЕ **go out of business** – «обанкротиться», объективирующего концепт-сценарий, обеспечивается за счет вербального контекстуального маркера *without a subsidy* в следующем примере:

11) Without a Government subsidy, based on the number of sheep, many of these farmers would go out of business [8].

В образе идиомы **lose one's shirt** концептуализируется смысл утраты финансовых ресурсов, где лексема *shirt* выступает символом последних оставшихся в распоряжении субъекта материальных благ. Объективация образного и ценностного компонента наиболее ярко проявляется на фоне дублирующего контекста, в том числе за счет включения идиомы *touch-and-go* – «опасное, рискованное положение»:

12) The kid has his wits about him. But he's just a kid. At his age I saw my father lose his shirt in the crash, and from then on, until I landed the job at Coulter, it was always touch-and-go [5].

Яркая образность идиом **close its doors, shut up shop, put up the shutters** достигается посредством метафорического осмысления прототипа: так, процветающий торговый центр ассоциируется в сознании человека с

красочными витринами, иллюминацией, потоком входящих и выходящих покупателей, в то время как, торговая точка с закрытой дверью, пустующими, зашторенными витринами сигнализирует о нарушении или прекращении ее деятельности. Данные ФЕ имплицитно описывают ситуацию вынужденного прекращения бизнеса вследствие сложившихся тяжелых экономических условий или невозможности противостоять конкуренции:

13) 'Expanding Emporio is the most important aspect of my business plan for the next five years,' says the maestro, confidently plotting his way to a bright future as less resilient designers wring their hands or close shop (BNC, A7P: 198).

14) This co-operative society closed its doors in 1968, forced out of business by the large supermarkets [8].

Подводя итог вышеизложенному, можно заключить, что семантика знаков косвенно-производной номинации является результатом опосредованной когнитивной деятельности, продуктом лингвокреативного мышления. Мотивация, смысловые ассоциации представляют собой механизмы, позволяющие декодировать содержащуюся в ФЕ культурную информацию. В процессе анализа ФЕ необходимо учитывать роль как исторических, социальных, так и психологических факторов. ФЕ с общим значением «Финансовая несостоятельность», как правило, аксиологически маркированы и характеризуются, главным образом, пейоративной оценочностью, которая может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно в зависимости от компонентного состава и контекстуального употребления ФЕ. Контекст во многом определяет реализацию признаков и смысла ФЕ, в основе которых могут лежать различные когнитивные структуры: концепт-картинка, схема, фрейм, сценарий. Проведенное исследование также показало, что фразеологизмы с общим значением «Финансовая несостоятельность» демонстрируют тесную коррелирующую связь с такими концептами, как MONEY, MATERIAL WEALTH, BANKRUPTCY, POVERTY.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм [Текст] : моногр. / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Эллис, 2008. – 270 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма [Текст] : моногр. / Н. Ф. Алефиренко ; Рос. акад. социал. наук (РАСН), Белгор. гос. ун-т. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – 150 с.
3. Золотых, Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: на материале русского языка [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. Г. Золотых. – Белгород, 2008. – 46 с.
4. Ковшова, М. Л. Как с писаной торбой носиться: принципы когнитивно-культурол. исслед. идиом [Текст] / М. Л. Ковшова // Фразеология в контексте культуры : сб. / РАН, Ин-т языкознания ; отв. ред. В. Н. Телия. – Москва, 1999. – С. 164-173.
5. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь [Текст] : ок. 20 000 фразеол. единиц / А. В. Кунин. – 6-е изд., испр. – Москва : Живой язык, 2005. – 944 с.
6. Lewis, S. Babbitt [Electronic resource] / S. Lewis. – London : Granada, 1974. – Mode of access: <http://www.readbooks-online.com/bksa-d/rbo-babbitt.html>.
7. Thackeray, W. Vanity Fair [Electronic resource] / W. Thackeray. – New York : Random House, 1958. – Mode of access: http://www.bookniks.com/read_vanity_fair_online.html.

8. The British National Corpus [Electronic resource] / Oxford University Computing Services. – Oxford, 2010. – Mode of access: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.

Воробьева К.С., Мережко А.А.
НИУ «БелГУ», Россия

КОНЦЕПТ «ОДИНОЧЕСТВО» В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Данная статья рассматривает идею о том, что концепт является базовым понятием в когнитивной лингвистике, науке, которая привлекла интересы исследователей во 2-й половине XX века. В связи со столь быстро растущей популярностью и важностью данного направления в языкознании, российская лингвистическая мысль столкнулась с необходимостью выработки нового термина для адекватного обозначения содержательной стороны языкового знака, который снял бы функциональную ограниченность традиционного значения и смысла и в котором бы органически слились логико-психологические и языковедческие категории.

Ключевые слова: концепт, дефиниция, одиночество, семный набор, доминантные семантические признаки

Vorobieva K.S., Merezhko A.A.
Belgorod National Research University, Russia

THE CONCEPT «LONLINESS» IN LEXICOGRAPHICAL LITERATURE

The given article analyses the idea of the fact that concept is the basic definition in cognitive linguistics – the science, that attracted the interests of researches in the second half of the XX century. Due to the rapidly growing popularity and importance of the given branch in the study of language, Russian linguistic thought faced the importance of developing a new term for relevant definition of linguistic sign content that could remove functional limitation of traditional meaning and sense and could organically combine logic – psychological and linguistic categories.

Key words: concept, definition, loneliness, component set, prepotent semantic feature

Одним из важных и наиболее доступных источников наших знаний о содержании тех или иных концептов являются словарные дефиниции, так как словари «отражают результаты ментальных операций, совершаемых человеческим сознанием при освоении им мира, и таким образом репрезентируют знания человека о мире [5: 20].

Выделяют два возможных подхода в лексикографической репрезентации лексики – смысловой и метафорический. Сторонниками «смысловой методики» являются Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, Л.Н.Иорданская.

Опираясь на данные психологических и филологических словарей, Н.А. Красавский предлагает использовать следующие семантические параметры (признаки) при дефинировании номинаций чувств/эмоций: родовая категория и видовые категории. Последние классифицируются на следующие группы сем: 1) «эмоции, чувства», 2) «каузативность переживания эмоции», 3) «условия

появления чувства», 4) «последствия переживания эмоции», 5) «объект эмоции», 6) «характер опасности», 7) «форма проявления эмоций», 8) «длительность переживания чувств/эмоций», 9) «качественные свойства чувств/эмоций», 10) «интенсивность или деинтенсивность переживания чувств/эмоций», 11) «положительная или отрицательная знаковая направленность чувств/эмоций» [3: 200].

В рамках нашего исследования мы предлагаем использовать данный подход при характеристике способов толкования исследуемого концепта «одиночество/Loneliness» в английском языке. Так, в психологических словарях имеются два подхода к определению одиночества. В первом случае речь идет об одиночестве как пространственной изоляции человека, во втором – как об одиночестве духовном.

Представители первого подхода придерживаются следующего определения, данного в психологических словарях: «Одиночество – один из психогенных факторов, влияющих на эмоциональное состояние человека, находящегося в измененных (непривычных) условиях изоляции от других людей. [4: 248].

В словарях, авторы которых придерживаются второго подхода, дается более широкое определение одиночеству, которое рассматривается и как физическая, и как духовная изоляция человека: «Одиночество – состояние индивида, чувствующего себя изолированным от окружающего его мира. Одиночество угрожает фундаментальным ценностям, поэтому одинокий человек теряет чувство безопасности, не уверен в будущем, в итоге жизнь утрачивает свой колорит и соблазны...» [1: 391].

Рассмотрим первый подход «одиночество – физическая изоляция». В семный набор входят разностатусные семантические компоненты: с одной стороны, родовые – «изоляция», «психогенный фактор», являющиеся своеобразным сигналом принадлежности слова к определенной денотативной сфере, а с другой – видовые семы. К последним следует причислить:

- каузативную сему, указывающую на причины возникновения одиночества (разрыв непосредственных социальных связей; прерывание живых связей с другими людьми в условиях эксперимента, географической, социальной, тюремной изоляции);
- сему «формы физиолого-психологического проявления» (острые эмоциональные реакции; психологический шок; тревожность);
- сему «последствия нахождения в условиях одиночества» (депрессия; вегетативные реакции; вегетативные сдвиги; путаница сновидений с реальностью; глубокие психологические изменения; психологические сдвиги; раздвоение личности; реактивные галлюцинации; разговор вслух; общение с мнимыми людьми; персонификация предметов, животных; деградация) [4: 248].

Проанализируем состав дефиниций, предлагаемых составителями энциклопедических словарей, рассматривающих одиночество как психическое состояние. Здесь также представлена родовая сема, указывающая на принадлежность одиночества к психической сфере (чувство, социально-

психическое состояние личности, переживание). Дополнительными являются следующие семы:

- каузативная (полная изоляция; неудовлетворение потребности в общении; отсутствие семьи, дома, приятелей; безличные, холодные контакты; непонимание ближайшим социальным окружением; социальная отторженность; негативные социальные потрясения; утрата веры в людей)
- «формы физиолого-психологического проявления» (эмоциональная подавленность; мрачное угнетенное настроение; грусть; тоска; социальная апатия; заторможенность чувств, затрудненность мышления)
- «последствия» (деформирующее воздействие на статус личности в обществе и отношение к окружающей социальной среде; потеря чувств безопасности, уверенности в будущем; утрата интереса к жизни);
- «длительность» одиночества (может быть кратковременным, длительным) [1: 391].

Таким образом, в современных энциклопедических словарях одиночество дефинируется как сложное психическое состояние, а одиночество – физическая изоляция входит лишь в перечень причин (причем не обязательных), его вызывающих. В этом отношении авторы «Новейшего философского словаря» приводят четкое определение, суммируя различные подходы и включая достаточно полный набор семантических признаков: «ОДИНОЧЕСТВО – состояние и ощущение человека, находящегося в условиях реальной или мнимой коммуникативной депривации. В основном проявляется в трех формах: обыденной, экстремально-ситуативной и искусственной (экспериментальной и лечебной). Тяжело переносится людьми различных возрастов. Особенно опасно в младенческом возрасте. В значительной части случаев приводит к серьезным психопатологическим эмоциональным нарушениям, коррекция которых предполагает использование соответствующих психотерапевтических, медикаментозных и прочих воздействий. В ситуации острого переживания О. У людей формируются различные компенсаторные (защитные) реакции, форм поведения и общения, в которых важную роль играют внутренние диалоги с фантомия в «критической О.» Н. Гартмана; трансцендентальная О. неотомизма и др.» [2: 485].

Как можно видеть из вышеприведенных дефиниций, термин одиночество в энциклопедических словарях описан достаточно полно. Названные родовидовые признаки данного явления позволяют легко распознать феномен одиночества и без труда отличить его от других психических состояний.

Наконец, следует обратиться к данным английских толковых словарей. Например, в словаре WNCД мы встречаем такое определение лексемы «Loneliness».

The quality or state of being alone or remote from society (having no company, cut off from others or preferring solitude) [6].

Так как в толковании представлены отсылочные определения необходимо также привести примеры лексикографического отражения лексем «solitude» и «alone».

Solitude – the quality or state of being alone, especially when it is what you enjoy.
Alone – without any other people; without any friends or people you know; feeling very unhappy and lonely.

Анализ данной дефиниций позволяет выделить следующие основные содержательные признаки, формирующие когнитивную структуру одиночества: родовая сема (the quality or state of being alone), каузативная сема (cut off from others, preferring solitude), формы проявления эмоций (feeling very unhappy and lonely, to enjoy it). Выявить доминантные семантические признаки возможно благодаря методу исследования синонимического ряда слов-репрезентантов концепта «Loneliness» в лексикографических источниках. Нами было проанализировано 8 источников (WNCD, LDCE, NARCT, HD, LDELIC, PED, ERDS, DSA) и выбран следующий ряд слов: solitude – loneliness – isolation – seclusion – desolation.

Итак, рассмотрим синонимический ряд слов: Solitude – loneliness – isolation – seclusion – desolation (состояние отсутствия общения или связи с другими людьми, уединение, одиночество, изоляция).

«Solitude» указывает на то, что с человеком рядом никого нет, однако такое одиночество может быть добровольным или вынужденным:

1) He preferred to eat in solitude, he sought solitude [8: 47].

Данное слово может означать и душевное одиночество, вызванное отсутствием понимания или близости.

2) And so Elizabeth would grow to be a stranger to him, the end of his life would be friendless solitude [10: 25].

Слово «Loneliness» близко по значению к «Solitude», однако состояние, сопровождаемое чувствами грусти и тоски, оценивается субъектом как отрицательное.

3) During the ten years she had lived in New York she had suffered a great deal from loneliness [10: 78].

Понятие «Isolation» включает в себя следующие характеристики: находиться в обществе, но не иметь контактов с его членами.

4) They did their best to break their isolation from the masses [9: 60].

«Seclusion» в своем значении имеет признак «жизнь вне общества», т.е. положение человека, который сознательно или в силу ряда причин ограничивает свои связи с внешним миром, обрекая себя на полное одиночество.

5) Mother and daughter stood together in the same circle of seclusion from human society [7: 21].

Наконец, понятие «desolation» означает еще большую остроту переживаний, вызываемых безнадежным одиночеством, утратой близких людей:

6) ...a woman desolate after the death of an only child [11: 258].

В результате анализа лексикографических примеров обнаружены семантические признаки, которые не были представлены в словарных дефинициях и, таким образом, конкретизируют значение толкуемого слова.

Литература

1. Волков, Ю.Г. Человек: Энциклопедический словарь / Ю.Г. Волков. – М.: Гардарики, 2000. – 520с.)
2. Грицанов, А.А. Новейший философский словарь / А.А. Грицанов. – Мн.: изд-во В.М. Скакун, 1998. – 896с.
3. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах [Текст]. Монография / Н.А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495с.
4. Психология. Словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. –М.: Политиздат, 1990. – 494с.
5. Шейгал, Е.И. Тезаурусные связи и структура концепта [Текст] / Е.И. Шейгал, Е.С. Арчакова // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып.2. – Воронеж: ВГТУ, 2002. – С.19-24.
6. WNCED. – Webster's New Collegiate Dictionary. – USA, "G. & C. Merriam Co", 1980. – 2460с.
7. American Story XX: сборник / под ред. Н.А. Самуэльян. – М.: Изд-во Менеджер, 2000. – 256с.
8. Bronte, Emily Wuthering Heights / Emily Bronte. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1963. – 345с.
9. Cheever, John Selected Prose // под ред. Н.А. Самуэльян. – М.: «Менеджер», 2000. – 304с.
10. English Story (J. Galsworthy, R. Kipling, H.G. Wells, etc.): сборник / составитель Н.А. Самуэльян. – М.: Изд-во Менеджер, 1996. – 320с.
11. Harris, T. Harris Red Dragon / T. Harris. – New York: Dell Books, 2000. – 454с.

**Данилова Е.С.,
Перуцкая Т.В., к.ф.н., доц.
НИУ «БелГУ», Россия**

КРИТЕРИИ ОТНЕСЕНИЯ ГЛАГОЛОВ К СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «ОБРАБОТКА МАТЕРИАЛОВ»

В статье рассмотрены основные критерии, позволяющие причислить глаголы, обозначающие производственные процессы, к семантической группе «Обработка материалов». Анализируется возможность соотнесения исследуемых лексем с акциональными и процессуальными глаголами, анализируется роль переходных глаголов в экспликации технологических процессов воздействия, приводятся типы каузативных ситуаций, наиболее релевантные процессам воздействия на объект в производственной сфере.

Ключевые слова: глагол обработки, акциональный глагол, переходный глагол, каузативная ситуация

**Danilova E.S., Perutskaya T.V.
Belgorod National Research University, Russia**

THE CRITERIA FOR INCLUDING SPECIFIC VERBS INTO THE “MATERIAL PROCESSING” SEMANTIC GROUP

The article deals with the main criteria, which enable to include verbs denoting specific industry operations into the “Material Processing” semantic group. The correlation of the lexemes under study with “action verbs” and “process verbs” is analyzed, as well as the role of transitive verbs in the explication of technological operations; the types of causative situations, which are most relevant to these operations, are described.

Key words: verb of processing, action verb, transitive verb, situation of causation

Обработка материалов с целью создания предметов быта с давних времен являлась одной из базовых производственных или ремесленных операций, осуществляемых человеком. В сущности, этот процесс можно определить как направленное воздействие на объект или материал с целью придания ему необходимых свойств. Знания о специфике работы с теми или иными материалами, в том числе древесиной, металлами, закреплены в виде инструкций и рекомендаций. Логично заключить, что такие тексты содержат определенный набор специализированных терминов, относящихся к сферам деревообработки или металлообработки соответственно. Поскольку ключевая роль в рассматриваемом процессе принадлежит именно действию, оказываемому при помощи инструмента, в языковом отношении семантика воздействия эксплицируется преимущественно глаголами.

Предпримем попытку выделить критерии, согласно которым те или иные глаголы могут быть отнесены к семантической группе «Обработка».

В первую очередь, речь идет об активной деятельности оператора или ремесленника. Глаголы, выражающие активное действие, известны как акциональные глаголы. На основании анализа лексем английского, русского, немецкого, французского языков Н.И. Шелховская выделяет несколько семантических полей акциональных глаголов, в том числе «движение, перемещение», «конкретное физическое действие», «речевое действие», «донативное действие» [1: 110]. Сопоставляя значения глаголов обработки материалов с семантической составляющей перечисленных полей, можно заключить, что в первую очередь исследуемые глаголы относятся к полю «конкретного физического действия».

В лингвистике дифференцируют так называемые «глаголы-действия» и «глаголы-процессы». Вслед за У.Чейфом выделяют акциональные и процессуальные глаголы со значением «do» и «happen» соответственно [2: 119-122]. Соотнося эти два типа с грамматическими признаками, можно проследить корреляцию первого из указанных типов глагола с переходными, а вторую – с непереходными глаголами.

Известно, что глаголы могут обозначать как самопроизвольность, так и направленность действия. Например, в первом из приведенных ниже контекстов имеет место произвольное сгибание листов металла ввиду их недостаточной толщины:

We have feelers, metal strips, that are one and a half thou thick, we call it, you can't have them any thinner because they can make them in Sheffield at one thou thick but they suffer and bend by use [3: FXU 227].

Направленность воздействия показана в следующем контексте:

If you have a lot of pipe to bend or if you want to bend stainless steel or 28mm copper pipe (both too tough to bend by hand), the best answer is to hire a bending machine [3: НН6 237].

Показателем целенаправленности и желаемости действия является наличие объекта, выраженного прямым дополнением (stainless steel, copper pipe), а также указание на способ действия (bend by hand) и на Агенс (bending machine). В данном контексте присутствует и прямое упоминание желательности процесса: «you want to bend», «a pipe to bend», однако в большинстве случаев такие обстоятельства подразумеваются лишь имплицитно. Основным же свидетельством того, что имеющий место процесс является целенаправленным и запланированным, является именно упоминание объекта воздействия:

For a higher level of corrosion protection, it is preferable **to galvanize or zinc spray** the metal prior to priming and painting [4].

Сочетание глагола с прямым дополнением указывает на его переходность: «to galvanize metal», «to zinc spray metal», в то время как сема направленного воздействия присуща каузативным глаголам.

По мнению И.А. Шороховой, «грамматическое значение каузативных глаголов напрямую зависит от соотношения каузативности с понятиями переходность/непереходность, залог, целенаправленность/нецеленаправленность, действие/состояние» [5: 139]. Так, в ряде случаев каузация эксплицируется и иными средствами, в том числе пассивным залогом:

Active fluxes can be used in this application and thin components can be safely brazed [6].

Указание на Агенс (инструмент или станок, посредством которого осуществляется операция обработки) может служить подтверждением целенаправленности воздействия. В данном контексте Агенс эксплицирован наименованием «V-shaped folding machine», а также её деталями «press», «plates», «rollers»:

It was fascinating to watch the great rolls of white newsprint turn as the thin sheets moved into the press, round inky lead plates, through rollers and down the V-shaped folding machine, to be cut into proper size, folded, stacked sideways and passed into waiting hands [3: B11 22].

Кроме того, наименование инструмента зачастую образовано от соответствующего каузативного глагола, например, «reamer» («расточное приспособление», «расширитель»):

A reamer enters the workpiece axially and enlarges an existing hole to the diameter of the tool [7].

Это подтверждает положение И.А. Шороховой, которая считает, что каузативность как функционально семантическая категория, «проявляется и у отглагольных существительных» [8: 10]. Можно предположить, что само наличие отглагольного существительного, которое обозначает используемый для воздействия инструмент, может являться доказательством каузативности исходного глагола.

В лингвистике выделяются следующие семантические типы каузации: дистантная и контактная [9: 101]; фактитивная, деодентическая, речевая, превентивная, пермиссивная, прохибитивная, ассистивная [10: 277-283]. В процессе обработки материалов и деталей, несомненно, имеет место прямой контакт инструмента с объектом, будь то соединение или разделение его частей, придание формы, нанесение покрытия и т.д., то есть, контактная каузация, как ее определяет Ю.В. Баклагова [9]. Поскольку речь идет о направленном физическом воздействии, которое направлено на достижение непосредственной цели технологической операции (например, шлифования, склеивания, рассверливания), наиболее релевантной в отношении процессов обработки можно считать фактитивную каузацию по классификации А. Мустайоки [10]. В ходе анализа технических инструкций целесообразно рассмотреть и контексты, эксплицирующие также и другие способы каузации: в частности, превентивную или ассистивную. Превентивная каузация может быть эксплицирована в рекомендациях по избежанию распространенных технических проблем, например, в обстоятельствах цели «to prevent», «to avoid» и т.д. Семантика недопущения реализуется глаголом «to prevent», отрицательной формой глаголов «to let», «to allow», ассистивная каузация может быть выражена лексемами «to enable», «to contribute to» [11: 70]. Однако несмотря на используемые для экспликации языковые средства, роль фактитивной каузации во взаимодействии участников процесса обработки (Агенса, Инструмента, Объекта) все же остается ключевой.

Таким образом, для того, чтобы иметь основания причислить ту или иную лексему к семантической группе глаголов обработки материалов, эта лексема должна соответствовать следующим критериям: во-первых, являться акциональным глаголом (или глаголом со значением «do», «делать») и при этом принадлежать к группе глаголов физического действия (а не речевого или донативного);

во-вторых, глаголы воздействия на материалы, то есть, глаголы обработки, должны являться переходными, то есть, в контексте необходимо эксплицитное или имплицитное указание на объект (сочетания «переходный глагол + прямое дополнение» в активном залоге или «подлежащее + переходный глагол в пассивном залоге»);

в-третьих, эксплицируемая ситуация должна являться ситуацией каузации, которая может выражаться как напрямую (посредством каузативного глагола и прямого дополнения), так и имплицитно (при упоминании инструмента воздействия (Агенса), цели воздействия, желаемых характеристик). Наиболее релевантны в отношении процесса производственной обработки такие типы каузации как контактная и фактитивная, однако исследование средств языкового выражения её иных семантических типов (ассистивной, превентивной, прохибитивной), несомненно, представляет интерес и являет собой большой потенциал для дальнейших исследований.

Литература

1. Шелховская Н.И. Категоризация глагола в современных языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 17 (155). Филология. Искусствоведение. Вып.32 С.109-111.
2. Чейф, У. Л. Значение и структура языка [Текст] / У. Л. Чейф ; пер. с англ. Г. С. Щура. – 2-е изд., стер. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 426 с. : ил. – (Лингв. наследие XX в.).
3. The British National Corpus [Electronic resource] / University of Oxford. – Oxford, 2010. – Mode of access : www.natcorp.ox.ac.uk.
4. Artmetal. [Electronic resource] / Social networking for metal arts. – Apex, NC, 2008-2011. – Mode of access: http://www.artmetal.com/blog/tantoinette/2008/11/heat_harden_brass.
5. Шорохова И. А. Аспекты семантики каузативных глаголов [Текст] / И. А. Шорохова // Вестник Челябинского государственного университета. - 2007. - N 8. - С.139-145.
6. Weld Guru [Electronic resource] / ed.by J. Grill, D. Murrell. – Plainview, NY, 2015. – Mode of access: <http://www.weldguru.com/braze-aluminum.html>.
7. Custompartnet [Electronic resource] / CustompartNet, Inc. – Olney, MD, 2009. – Mode of access: <http://www.custompartnet.com/wu>.
8. Шорохова И.А. Семантика каузативных глаголов в русском и польском языках: автореф.дисс. ...канд.филол.наук. – Челябинск, 2007. 23с.
9. Баклагова Ю.В. Семантика контактных и дистантных каузативов (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – №1. – С.99-102.
10. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 512с. – (Studia philologica).
11. Данилова Е.С. Особенности функционирования глаголов обработки материалов в современном английском языке в составе сценарного фрейма: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Данилова Елена Сергеевна; [Место защиты: Белгородский государственный национальный исследовательский университет – ФГАОУ ВПО]. – Белгород, 2015. – 223с.

Дрыгина Ю.А., к.ф.н., доц.,
Купцова Ю.А.
НИУ БелГУ, Россия

АНАЛИЗ ПРОТОТИПИЧЕСКОГО РЕПРЕЗЕНТАНТА КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются особенности одного из базовых концептов управленческого дискурса – концепта «Власть». Объектом исследования выступает прототипическая лексема power. На основании анализа лексикографических толкований данной лексемы в авторитетных толковых словарях английского языка, а также анализа ее сочетаемости выявляется ряд важных признаков концепта «Власть».

Ключевые слова: концепт, управленческий дискурс, власть, прототип

Drygina Yu.A., Kuptsova Yu.A.
Belgorod National Research University

ANALYSIS OF THE PROTOTYPICAL REPRESENTATIVE OF THE CONCEPT “POWER” IN ENGLISH

This article deals with the peculiarities of management discourse basic concept – concept “Power”. The study subject is the prototype lexical item “power”. Some important features of the concept “Power” are revealed on the basis of the analysis of the dictionary definitions of this lexical item from recognized defining dictionaries of the English language and its co-occurrence.

Key words: concept, management discourse, power, prototype

Исследование концептов и особенностей их вербализации является на протяжении последних десятилетий доминантой в современной лингвистике. Рассматриваются, как правило, концепты в языке, базовые концепты в творчестве отдельных авторов или литературных произведениях. Существует также немало исследований, посвященных изучению центральных концептов различных дискурсивных жанров.

В данной статье мы обратимся к базовому концепту управленческого дискурса – концепту «Власть». Интерес именно к данному концепту объясняется тем, что власть принадлежит, к числу естественно-общественных явлений, вызванных к жизни объективными условиями существования людей, что делает его исследование актуальным. Проблемы власти всегда относились к числу наиболее актуальных проблем общественного развития, поскольку в любом обществе вопрос о власти является приоритетным. К тому же данный концепт является центральным для многих общественных дисциплин – социологии, политологии, философии.

Вслед за В. И. Карасиком мы полагаем, что «центральные концепты, образующие основу общественных институтов, обладают большой генеративной силой в том плане, что вокруг них концентрируется обширная смысловая область, для описания которой необходимо составлять достаточно объемный словарь» [3: 6].

Известно, что анализ семантики лексем, репрезентирующих концепты, представляет собой самый точный и единственно доступный способ проникнуть в содержание концепта, выявить те ментальные модели, которые позволяют организовывать представление и хранить в человеческой памяти знания о предметах и явлениях действительности. Как справедливо отмечает Е. И. Шейгал, «значение лексем – имен соответствующих концептов, помимо содержательного минимума значения, объективированного в словарной дефиниции, включает обширный информационный потенциал или поле ассоциативных признаков. Если все элементы ассоциативного потенциала имени базового концепта окажутся вербализованными в номинативных единицах, то мы получим целый тезаурус соответствующей предметной области [12: 95].

Вслед за Е. И. Шейгал, мы полагаем, что проблема соотношения языка и власти имеет два аспекта: 1) как власть осмысляется, концептуализируется языком; 2) как власть проявляется через язык [12: 95].

Целью данной статьи является представление особенностей репрезентации в современном английском языке концепта власти, что соотносится с первым из обозначенных выше аспектов соотношения языка и власти.

Прототипической, или центральной, субстантивной лексемой, вербализующей данный концепт, является, как нам представляется, лексема *power*. Данная лексема является наиболее частотной среди других репрезентантов, также она стилистически нейтральна.

Суммируя определения феномена власти в представлении общественных дисциплин [1, 2, 4, 5, 6, 7, 10, 11] и в авторитетных лексикографических источниках русского языка [8, 9] можно отметить, что во всех трактовках власти она понимается как определенная способность в первую очередь, и уже право во вторую, лица или группы лиц воздействовать на других, реализуя свою волю. В центре власти, как и управления – активно действующий субъект.

Обратимся к анализу дефиниций слова *power* в авторитетных словарях английского языка *Longman Dictionary of Contemporary English*, *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*, *Oxford Advanced Learner's Dictionary*, *Cambridge Dictionary Online* [13, 14, 16, 17] чтобы определить ключевые элементы значения прототипического репрезентанта рассматриваемого концепта.

Во всех лексикографических источниках рассматриваются 5 лексико-семантических вариантов или значений лексемы *power* – «управление», «государственное управление», «влияние», «право/полномочия», «влиятельный человек / государство».

Значения управления и государственного управления являются первыми лексико-семантическими вариантами во всех приведенных источниках. Значение «влиятельный человек» или «влиятельное государство», а также «право/полномочия» находим также во всех источниках, но 4 или 5 лексико-семантическим вариантом. Значение влияния выделяются в двух словарях (*Oxford Advanced Learner's Dictionary* и *Longman Dictionary of Contemporary English*).

Для того чтобы выяснить, как отражаются представления о власти и отношение к власти в массовом сознании носителей языка, обратимся к анализу сочетаемости лексемы *power*, ее функционирования в английской фразеологии, а также к метафорическому осмыслению власти.

Прилагательные, сочетающиеся с лексемой *power*, отражают следующие ее аспекты:

величие (*absolute, awesome, great, immense, mighty, sheer, supreme*), например:

The UN has immense power; they can send troops anywhere in the world.

принадлежность к определенной ветви, разновидность власти (*executive, expressive, judicial, legal, legislative, military, political*):

This is an abuse of political power.

способность к выполнению определенных действий (*bargaining, decision-making, law-making, sentencing, veto*):

The system is less democratic because decision-making powers are held by one person.

Сочетаемость с глагольными лексемами более разнообразна и отражает всю систему функционирования власти.

Властью можно обладать – have, hold, possess power:

A mother has power over the child.

Власть можно использовать – abuse, exercise, exert, harness, use, wield power:

In a democracy, judges must be able to exercise their judicial powers independently.

Власть можно кому-то передавать – confer, give, grant, hand power:

The Act conferred power on the authorities to prohibit public gatherings.

Власть можно получать – acquire, gain, get, seize, take, usurp:

He seized power in a bloody coup.

Власть можно терять – lack, lose power:

Those who lack power are often silenced.

Власть можно делить или отдавать – cede, decentralize, delegate, devolve:

Central government refuses to devolve power to the local government because it thinks it is inefficient.

Власть можно усиливать – centralize, consolidate, increase, leverage power:

Our aim is to increase people's power over their own lives.

Власть можно сокращать – curb, reduce power:

He failed in his attempt to curb the power of the Church (Longman collocations dictionary) [15].

Таким образом, анализ лексикографических толкований и сочетаемости лексемы power еще раз подчеркивает теснейшую связь феноменов власти и управления и подтверждает высказанное выше предположение о том, что концепт «Власть» занимает ведущее место в структуре управленческого дискурса.

Литература

1. Андреев А. А. Шумов С. И. Государь. Власть в истории человечества Режим доступа: <http://www.litres.ru/aleksandr-andreev/gosudar-vlast-v-istorii-chelovechestva/>
2. Атаманчук Г. В. Управление в жизнедеятельности людей (очерки проблем). М.: Изд-во РАГС, 2008. – 400 с.
3. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5-19.
4. Кравченко В.И. Власть: особенности, проблемы, перспективы СПбГУАП. СПб., 2000. – 224 с.
5. Краткий словарь по политологии : [Учеб. пособие] / В. Н. Колесников, Ю. Г. Чуланов; Санкт-Петербург. ун-т экономики и финансов. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1994. – 72 с.
6. Краткий словарь по социологии / [Айзикович А. С. и др.]. М.: Политиздат, 1988. – 477 с.
7. Ольшанский В. В., Корякин А. А. Власть и политика: Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2010. 425 с.
8. Словарь Ожегова. Толковый словарь русского языка. Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/>
9. Толковый словарь Даля онлайн. Режим доступа: <http://slovardalja.net/>
10. Философский энциклопедический словарь / [Подготовили А. Л. Грекулова и др.]; Редкол.: С. С. Аверинцев и др. 2-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1989. – 814 с.
11. Халипов В. Ф. Власть: Кратологический словарь. М.: Республика, 1997. 431 с.

12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук Волгоград – 2000. – 440 с.
13. Cambridge Dictionary Online. Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/>
14. Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited. Third Edition with New Words Supplement. Harlow. 2001. – 1668 p.
15. Macmillan Collocations Dictionary. Macmillan Publishers Limited. Oxford. 2010. – 911 p.
16. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Publishers Limited. Oxford. 2007. –1748 p.
17. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Режим доступа: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

Зуева Е.А., к.ф.н., доц.,
Нерубенко Н.В.
 НИУ «БелГУ», Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭМОЦИИ «СОМНЕНИЯ» СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена рассмотрению проблемы эмотивности в лингвистике и выделению группы основных эмоций и когнитивных состояний человека. Проводится анализ способов вербализации когнитивного состояния сомнения, относящегося к категории интеллектуальных эмоций, средствами современного немецкого языка.

Ключевые слова: эмотивность, эмоция, интеллектуальная эмоция, когнитивное состояние, сомнение, вербализация

Zueva E.A., Nerubenko N.V.
 Belgorod National Research University, Russia

THE REALIZATION OF COGNITIVE CONDITIONING “DOUBT” IN MODERN GERMAN

The article deals with the problem of emotivity in linguistics and with the definition of the basic emotions and cognitive conditioning groups. The verbalization means of the cognitive conditioning “doubt” in modern German are analyzed in this article.

Key words: emotionality, emotion, cognitive conditioning, intellective emotion, doubt

При исследовании эмоциональности человека в психологии и смежных науках сложилась традиция, при которой вся эмоциональная сфера человека сводится к рассмотрению базовых эмоций, обладающих ярко выраженной полярностью. Подобная ситуация не способствовала исследованию интеллектуальных эмоций, поскольку для эмоциональных явлений, возникающих в мышлении, неспецифичной является их принадлежность к той или иной модальности.

Невербальное поведение человека в процессе коммуникации является отражением его эмоционального или когнитивного (интеллектуального) состояния, которые понимаются как особые состояния, возникающие в

процессе мыслительной деятельности человека, нашедшие отражение в его невербальном поведении. Когнитивные состояния называют также интеллектуальными эмоциями [2: 45]. Смена же эмоциональных состояний человека сопровождается изменением его поведенческой деятельности. Этим и объясняется повышенный интерес ученых различных отраслей науки к невербальному поведению человека [1,3].

Сравнительный анализ словарных статей Толкового словаря современного русского языка С. И. Ожегова, а также толковых словарей современного немецкого языка Duden и Wahrig позволил сделать вывод, что возможно выделить так называемые «основные» интеллектуальные эмоции: удивление, интерес, раздумье, сомнение, смущение и насмешку [4, 7, 9]. Сделанные нами выводы подтвердил также анализ примеров из произведений современной немецкой литературы. Помимо основных когнитивных состояний были выделены также некоторые второстепенные состояния, которые отражают или степень выраженности, или продолжительность последних [2: 45].

Еще Т. Рибо в своем труде "Психология чувств" определил интеллектуальные чувства как приятные, неприятные или смешанные состояния, которые сопровождают умственные процессы и могут быть связаны с любой формой познания. По мнению Т. Рибо основой развития интеллектуальных чувств является инстинкт любопытства, который имеет три этапа развития. Первичным является чувство изумления, возникающее вследствие недостатка приспособления. На втором этапе возникает эмоция удивления. В отличие от изумления эта эмоция представляет собой новую форму приспособления, характеризуется прочностью, а ее содержанием служит необычный, новый предмет. И лишь на третьем этапе возникает эмоция любопытства [5: 64].

В отличие от любопытства интеллектуальное чувство сомнения Т. Рибо рассматривает вне контекста онтогенетического развития, так сомнения определяется им как состояние неустойчивого равновесия, в котором противоречивые представления сменяют друг друга, не приобретая господства в уме и не приходя к соглашению. Т. Рибо описывает сомнение как умственную нерешительность, которая имеет своим аффективным спутником неприятное состояние, являющееся результатом неудовлетворенного желания или стремления, не достигающего своей цели [5: 76].

В Словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова содержание значения интеллектуальной эмоции «сомнения» трактуется как «1. Неуверенность в истинности чего-н., отсутствие твердой веры в кого-что-н.; 2. Затруднительность, недоумение при разрешении какого-н. вопроса» [4: 736]. Данное определение показывает, что помимо сомнения к когнитивным эмоциям этой группы следует отнести также неуверенность, недоверие и недоумение. Однако, несмотря на схожесть в их значении, данные понятия обозначают, все же, различные когнитивные состояния, что и обнаруживается при анализе сопровождающего их невербального поведения.

В анализируемых нами примерах из современной немецкой художественной литературы интеллектуальное чувство сомнения описывается чаще всего при помощи нейтрального глагола, обозначающего поведение взгляда *anblicken*, который употребляется совместно с конкретизирующим его причастием вторым *verzweifelt*.

Sie blickte mich verzweifelt an, dann riss sie die Tür auf und rief kreischend: „Warte fünf Minuten – verdammt ...“ [6: 9].

Кроме того, возможно и более детальное описание поведения взгляда. „Eine Coreopsis ist aufgetreten“, wandte sich erregt an Mitty. „Können Sie wohl den Fall übernehmen?“ Mitty blickte erst ihn an, dann den ratlosen Benbow und die beiden berühmten Spezialisten, deren Gesichter einen Ausdruck der Resignation zeigten [6: 18].

Помимо поведения взгляда для описания интеллектуального чувства сомнения встретилось также описание телодвижений, таких как: *an etwas (herum)zupfen*, *den Kopf (die Wellen) schütteln*.

Vielleicht ist sogar einer ihrer ehemaligen Kollegen Lehrer geworden. Doch – sie schüttelt energisch ihre frischen Dauerwellen –, sie hat sich zwischen ihren diffusen Gefühlen entscheiden [8: 77];

Mona steht ein bisschen unschlüssig im noch leeren Foyer und zupft an ihrem mohnroten Rykel-Kleid herum. Soll sie noch einen Kaffee trinken? [8: 13].

Неуверенность представлена следующими телодвижениями *den Kopf schütteln*, *die Achsel zucken*, которые могут употребляться с дополнительными лексическими средствами, уточняющими значение жестов.

„Ja, die Zeit ändert viel – ja, die Zeit ändert viel“, würde Nestoy sagen, wenn ihn die Banausen nicht entfernt hätten. Er tapselt etwas unsicher kopfschüttelnd über die leere Wiese [8: 89].

Недоумение описано посредством телодвижений *den Kopf schütteln*, *die Schulter (die Achsel) zucken*. При этом об истинном значении производимого действия часто можно судить только по контексту.

Sie schrie fast eine Woche lang. Neurologen wurden herbeitelegraphiert, Psychister kamen in Taxen herangerast – aber alle, auch Kapazitäten, verließen achselzuckend, ein wenig erschreckt auch, das Haus. Keiner hatte diesem unerfreulich schrillen Konzert ein Ende bereiten können [6: 163];

Wir warfen eine Münze in den Teller, der neben dieser Tafel stand, und gingen kopfschüttelnd weiter [6: 94].

Как показывают примеры из художественных текстов современной немецкой литературы, для вербализации невербального поведения человека, переживающего различные когнитивные состояния в рамках интеллектуального чувства сомнения, часто используется описания одних и те же жестов и телодвижений. При этом истинное значение описываемого невербального поведения возможно определить либо непосредственно по контексту, либо по дополнительным лексическим средствам, уточняющими данное невербальное действие.

Литература

1. Зуева Е.А. Вербализация интеллектуальной эмоции «удивления» средствами современного немецкого языка // Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции 30 ноября 2015 г.: в 10 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород : ИП Ткачева Е.П., 2015. - № 8, часть V. – С. 44-46.
2. Зуева Е.А. Вербализация паралингвистических актов в художественном тексте современной немецкой литературы. Дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2005. 164 с.
3. Зуева Е.А. Реализация когнитивных состояний «интереса» и «раздумья» средствами современного немецкого языка // Научный альманах. – Тамбов, 2015, № 11-5 (3). – С. 299-303.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1968. 900 с.
5. Рибо Т. А. Психология чувств. — СПб: типография А. А. Пороховщикова, 1898. — 124 с.
6. Böll H. Mein trauriges Gesicht. Erzählungen. Moskau: Raduga-Verlag, 2001. 276 S.
7. Duden Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 2002. 1816 S.
8. Fischer H. Lampenfiebrig. Hamburg, 1996. 128 S.
9. Wahring G. Deutsches Wörterbuch mit einem Lexikon der deutschen Sprachlehre. München: Mosaik, 1991. 1493 S.

Козырева М.К.

НИУ «БелГУ», Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К ИСЛАМСКОМУ МИРУ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматривается специфика исламского мира на материале современного английского языка. Исследуя особенности восприятия мусульман, автор обращается к лингвистическому оформлению Корана как священной книги мусульман и понятию исламского мира. Автор приходит к выводу о том, что понятие «Исламский мир» создает вокруг себя лексическое поле, которое отталкивается от понятий «намаз», «ислам», «сердце», «правоверны».

Ключевые слова: исламский мир, лексическое поле, мусульманин.

Kozyreva M. K.

Belgorod National Research University, Russia

REPRESENTATION OF RELATIONS TO THE ISLAMIC WORLD IN THE ENGLISH WEB SPACE

The specifics of the Muslim World are regarded on a material of modern English language. Studying the specifics of perception of Muslims, the author refers to the linguistic perception of the Qur'an as the Muslim holy book and the notion of the Muslim World. The author concludes that the concept of «Muslim World» creates a lexical field, which is based on the notions of «Payer», «Islam», «Heart» and «Orthodox».

Key words: Muslim World, lexical field, a Muslim.

Английский язык сегодня стал одним из главных языков международного общения. В современном Интернет-пространстве английский язык также занимает лидирующие позиции. Вместе с тем, в условиях глобализации и развития кросс-культурной коммуникации, в английском языке выявляются понятия, которые являются основополагающими для других культур и этносов. Особенно яркие разносмысловые лексические поля формирует вокруг себя в английском языке понятие «Исламский мир».

Понятие исламской религии как специфического явления аккумуляции духовности связано как с внутренними религиозными убеждениями ее носителей (внутренние верования, страхи), так и внешними проявлениями, которые заключаются в соблюдении определенных ритуалов и действий, выполнение которых является обязательным для истинно верующего индивида. Указанные обряды С. В. Евраев относит к процессам, направленным на спасение души человека. Основными из них она считает молитву, пост и некоторые другие [2: 84].

В религии ислам есть пять основных постулатов (столбов), соблюдение которых для правоверного мусульманина является обязательным:

- 1) устное заверение исповедание веры в Аллаха и пророка Мухаммеда (*martyrdom*);
- 2) молитва-намаз (*Namaz; prayer*);
- 3) пост (*fast*);
- 4) раздача части своего имущества бедным (*Alms*);
- 5) паломничество к священным мусульманским местам (*hadj*).

Наряду с другими мусульманскими обязательствами молитва является одним из самых частотных (пять раз в сутки) и весомых элементов. В словаре английский заимствованных терминов намаз определяется как «*Prayer, which is carried out by repeating the well-regulated natural movements of the body at certain times of the day for the purpose of communicating with Allah and Allah identity of their love and gratitude*» [5: 846].

К целям совершения намаза религиоведы относят «прославление Аллаха, его доброты и величия, выражение покорности ему» [5: 208].

В Коране многократно отмечается о необходимости и обязательности выполнения намаза:

Prayer makes the full, right to give alms ... (2:43) – «И честно отбывает молитву-намаз, и щедро давайте зекат»;

Gündüzün güneş dönüp gecenin karanlığı bastırınca kadar (belli vakitlerde) namaz kıl; bir de sabah namazını // The darkness of the night until the sun's return is pressed (at certain times) prayer; one in the morning prayer (17:78) [6].

Роль намаза для правоверного мусульманина в значительной мере усиливается и тем наказанием, которое предусмотрено за его игнорирование: тот, кто пропустит один намаз будет семьдесят лет гореть в аду [7: 5].

Лексема персидского происхождения *namaz* и ее арабский эквивалент *salat* широко используются и в религиозном дискурсе параллельно: *Salat-i havf - morning prayer* – «Утренний намаз», *salat-i aṣa – the evening prayer* – «вечерний намаз», *salat-i iyd – Eid prayer* – «праздничный намаз», *salat-i vusta – afternoon*

prayer – «послеобеденный намаз», *salat-i sefer: trip prayer* – «путешественник намаз» [8].

В негативном смысле Ислам воспринимается как угроза и опасность. То есть отношение к странам исламского мира представляется в текстах Интернет-пространства с помощью знаменательных частей речи с отрицательной коннотацией:

1. Существительные:

а) общие:

- «что-то, что угрожает жизни»: *terrorists, extremists, war, attack, conflict, radicalism, battle*;

- «что-то, что вызывает чувство страха и подозрения»: *enemy, fears, suspicion, threat, terror, violence, militancy, raid, hostility*;

(1) ... *the nation's enemies are a small group of terrorists who have distorted Islam ...* [12].

(2) *At a time of concern about radicalization of young Muslims in the West, it risks adding new fuel to Al Qaeda's claim that Islam is under attack by the West and must be defended with violence, some specialists on Islamic militancy say* [13].

б) собственные имена, которые называют террористические группировки *Al-Qaueda (al-Qaida, al-Qa'ida), Hamaz, the Taliban, Hezbollah, Hadramawt, the Baathists, и их лидеры: Osama bin Laden, Hassan Nasrallah*;

(3) *After the attack on the World Trade Center in New York on Sept. 11 2001, President Bush gave the Taliban an ultimatum to hand over Osama bin Laden* [13].

(4) *We need to start fighting the battles that need to be won on the central front against Al Qaeda* [18].

в) термины, которые используются для обозначения фобий: *Islamophobia, paranoia, hysteria*;

(5) *As Islamophobia grows, it alienates Muslims, raising the risk of homegrown terrorism – and homegrown terrorism heightens the Islamophobia* [18].

(6) *It is true that we seem to be experiencing a new sense of paranoia about these extremists and the threats they pose* [12].

2. Прилагательные, указывающие на жестокость и опасность: *hostile, hypocritical, radical, violence, killing, discrimination, capturing, crucial, thorny*;

(7) ... *he is being prosecuted – and persecuted – simply for speaking the truth about a dangerous religion and its adherents* [13].

(8) *He says that millions of Muslims who have settled in Europe ought to be deported, taking their "retarded" culture with them* [13].

3. Глаголы, указывающие на разрушение и преследования: *to kill, to bomb, to turn against, to sentence, to burn, to prosecute, to take into custody, to provoke, to break down, to rile*.

(9) *The West will eventually turn against its Muslim citizens* [14].

(10) *The 53-year-old man, Luqman Ameen Abdullah, was killed in one of three raids conducted in and around the city, in which six followers of his were taken into custody* [13].

Наиболее ярко отношение к исламскому миру реализуется в медийных публикациях (в сети Интернет), основная задача которых – ярко иллюстрировать мнение автор относительно той или иной проблемы.

Анализируя медийный текст, его тематическую структуру, можно выделить лексико-семантические (повторные номинации, субституты) и структурно-синтаксические (пассивные и параллельные конструкции, инвертированный порядок слов, единственную временную систему и др.) конструкции, которые определяют основную тему текста и важны для передачи самого содержания, через которые передаются концептуальные понятия и организуются их лексико-семантические поля.

Если проанализировать особенности описательных лексем к понятию исламского мира в социальных сетях *facebook* и *vkontakte*, то можно отметить, что сегодня они имеют несколько смещенные акценты, поскольку речь идет об особенностях формирования отношения к мусульманам под влиянием эмоциональной нагрузки от недавних терактов в Париже, за которые ответственность на себя взяла исламская организация ИГИЛ.

Таким образом, уже на начальном этапе исследования можно говорить о том, что понятие исламский мир представляет собой динамичный продукт дискурса, отражаемый в виртуальном коммуникативном пространстве. В результате анализа текстов, репрезентирующих британский медиадискурс, выявляется, что отношение к исламскому миру постоянно меняется. Оказывается бесспорным сам статус вербализации данного понятия в Интернет-пространстве, что находит свое воплощение на уровне текстов СМИ. Процесс экспликации понятия исламского мира представляет собой сложное явление вследствие возможности различных интерпретаций его содержательного потенциала. В этой связи область употребления понятия «Исламский мир» представлена в медиадискурсе в контекстах, обладающих позитивной или негативной оценочностью разной степени выраженности.

Дальнейшее исследование способствует более полному пониманию современной англоязычной картины мира, углубляет научные представления о взаимодействии политических и этнических событий с языком и культурой молодежи Британии.

Литература

1. Буряковская, В.А. Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков). Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Волгоград, 2000. – С. 25-28.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
3. Геополитический словарь: уч. пособ. / [кол. авт.: Саух П. Ю., Бурковская Н. Ю., Герасимчук А. А., и др.]. – К.: «МП Леся», 2010. – 327 с
4. Козырева М.К. Концепт «Muslim World» как проявление новой лингвокультуры [Электронный ресурс] / М.К. Козырева. – Режим доступа: http://www.society-science.ru/files/Archive/Moscow_socium_october_2015.pdf
5. Компанцева, Л.Ф. Религия в Интернете (концептуально- прагматический анализ), Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, серия «Политические науки», т. 19 (58), №1, 2006. – С.81-91.
6. Мусульмане в публичном пространстве Америки: Надежды, опасения и устремления Пер. с англ. И. Мюрберг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.igpi.ru/bibl/other_articl/muslims_in_america
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток- Запад, 2007. – С. 17-25.

8. Akou, H. M. Interpreting Islam through the Internet: making sense of hijab. Contemporary Islam, 2010, Volume 4, Number 3, Pages 331-346.
9. Syria is jihad central: 6,000 terrorists flood new al Qaeda training ground [Электронный ресурс] – режим доступа: www.washingtontimes.com/news/2013/jul/2/syria-jihad-central-6000-terrorists-flood-new-alq/#ixzz3bKmmOU
10. In Islamic Law, Gingrich Sees a Mortal Threat to U.S [Электронный ресурс] – режим доступа: www.nytimes.com/2011/12/22/us/politics/inshariah-gingrich-sees-mortal-threat-to-us.html?pagewanted=all
11. Jerichow A., Simansen J.B. Civilizations: Clash or Cooperation? Islam in a changing world. Europe and the Middle East – Routledge, 2013. – 220p.
12. Longman Dictionary of American English – Pearson Education Limited, 2009. – 1167 p.
8. Islamophobia and right-wing terrorism [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://articles.latimes.com/2012/sep/01/opinion/la-le-0901-postscript-islamophobia-20120901>
13. Lynch, M. Young Brothers in Cyberspace. Middle East Report, No. 245, The Politics of Youth (Winter, 2007), pp. 26-33. Web: <http://www.merip.org/mer/mer245/lynch.html>
14. Mazrui A. Islam: Between globalization & counter-terrorism – Trenton, NJ: Africa World Press, 2006. – 331 p.
15. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс] – режим доступа: www.merriam-webster.com
16. Oxford Advanced Learner's Dictionary, 8th edition – Oxford University Press, 2010 – 1865p.
17. Richstad J., Michael H. Crisis in International News: Policies and Prospects – New York: Columbia University Press, 1981. – 473 p.
18. Said E. Declaring War on Islam: The Legacy of Shaem El Sheikh // The Progressive Vol. 60, No 5, 1996. – p. 32

Костина Д.М., к.ф.н.,
Костина Н.И., к.п.н., доц.,
Карнаухова Н.А.
НИУ «БелГУ», Россия

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОКОНЦЕПТА
«ИНДИВИДУАЛИЗМ» В БРИТАНСКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ)**

В статье рассматривается этноконцепт «индивидуализм» в британском лингвокультурном пространстве и особенности его языковой репрезентации.

Ключевые слова: этноконцепт, индивидуализм, индивид, коллективизм, лингвокультурное пространство.

Kostina D.M., Kostina N.I., Karnaukhova N.A.
Belgorod National Research University, Russia

**LANGUAGE REPRESENTATION OF THE ETHNOCONCEPT
“INDIVIDUALISM” IN THE BRITISH LINGVO-CULTURAL COMMUNITY
(on the material of the modern political press)**

The article deals with the ethnoconcept “individualism” in the British culture and its representation peculiarities in the British lingvo-cultural community.

Key words: ethnoconcept, individualism, individual, collectivism, lingvo-cultural society.

Британия была первой в истории промышленной страной и как следствие, в королевстве исторически ставили во главу своих ценностей индивидуализм. В XIX веке данное понятие было представлено в работах политических философов того времени – Алексиса де Токвиля и лорда Актона., которое в дальнейшем сформировалось среди английских политических философов, таких как Джон Локк, Дэвид Юм, Бернард Мандевилль и др. При этом речь шла не столько об обособлении человека от общества, сколько о необходимости ограничить давление на отдельного человека со стороны других людей.

Согласно Алексису Токвилю, индивидуализм – это взвешенное и спокойное чувство, побуждающее гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замыкаться в узком семейном и дружеском кругу. Создав для себя, таким образом, маленькое общество, человек перестает тревожиться обо всем обществе в целом. Несмотря на неоднозначность формулировки, это определение не содержало в себе понимание индивидуализма как озабоченности исключительно нуждами своей собственной личности. «Я» (self), о котором, как предполагалось, только и заботятся люди, естественным образом распространялось на семью и друзей [7].

Разделяя культуры современного мира на коллективистские и индивидуалистские, большинство исследователей относят Великобританию к последним. Так, Гирт Хофстеде, голландский ученый, основатель современных теорий по межкультурной коммуникации, так описал разницу между коллективизмом и индивидуализмом в культурах. «В индивидуалистских культурах, таких, как Германия, США, Австралия, Великобритания, Канада, Нидерланды, Новая Зеландия, связи между людьми менее важны, считается, что каждый должен сам позаботиться о себе и своей семье. Преданность индивида группе низка. В коллективистских культурах, к которым относятся большинство латиноамериканских и ближневосточных стран, люди воспринимают мир и формируют свое отношение к нему сквозь призму группы» [1: 47-48].

Британская культура, по мнению С.Г.Тер – Миасовой, всегда отличалась повышенным вниманием к индивидууму, провозглашая принцип максимальной неприкосновенности к его частной жизни и всячески сопротивляясь неизбежному влиянию со стороны общества [2: 105]. Нет более страстных защитников индивидуальных прав и свобод, чем англичане. Издавна английское общество полагается больше всего на частную инициативу. В стране распространены частные школы, вузы, театры, госпитали, теле- и радиостанции. Национализация в Англии была всегда менее эффективной, чем в других странах.

Обратимся к лексикографическому толкованию самого понятия «индивидуализм». Все современные словари английского языка дают

определение концепта «individualism». Так в словаре английского языка “Longman Dictionary of English Language and Culture” приводится следующее определение индивидуализма:

Individualism - social theory advocating the liberty, rights, or independent action of the individual; the principle or habit of or belief in independent thought or action; the pursuit of individual rather than common or collective interests; egoism; individual character; individuality an individual peculiarity [3: 672].

Oxford Advanced Learner’s Dictionary определяет «Individualism» как

1. the feeling of somebody who likes to do things their own way, regardless of what other people do;
2. the theory that favours complete freedom of action and belief for each individual person rather than state control[6: 606].

В рассмотренных определениях четко эксплицируется позитивная трактовка данного понятия. Дальнейший анализ фактического материала позволяет утверждать, что в лексический коррелят концепта индивидуализм входят лексемы репрезентанты в классе имен существительных (individuality, uniqueness, independence, nonconformity), имен прилагательных (individual, individualistic, independent, free;), глаголов (to individualize, to emancipate, to free и др.)

В этноконцепт «Individualism» также входит концепт «eccentricity». Согласно опросу, проведенному в Британии данная характеристика, высоко ценится жителями объединенного королевства. Подтверждением этому служит следующий пример: More than one in 10 Brits (13 per cent) - six million people across the country - can be classified as true eccentrics, although 32 million in total display 'traits' of eccentricity. True eccentrics are united in their quest for individuality, with 84 per cent displaying this characteristic [5].

В настоящее время индивидуализм весьма непопулярен среди политиков и многие считают, что это отрицательно влияет на развитие Британии в целом. Данные процессы во многом связаны с тем, что политика Маргарет Тетчер, которая полагала, что каждый гражданин Великобритании должен рассчитывать только на свои силы, не ожидая помощи от государства, все еще вызывает крайне отрицательную оценку в Британии и многие политические деятели пытаются всеми силами избежать малейшей ассоциации с ней: When David Cameron won the Conservative Party leadership, he declared that 'there is such a thing as society, it's just not the same thing as the state.' This was a clever piece of rebranding, appearing to distance himself from Thatcher, by now associated with an uncaring individualism that had contributed to the Conservatives' reputation as the 'nasty party' [5].

Политическая элита объединилась единым фронтом против самого понятия индивидуализм. Существует мнение, согласно которому политики используют «культ индивидуализма» в своих целях, тем самым нивелируя его положительную сторону. Приведем пример: The belief that individualism is rampant, and is a highly destructive force, unites politicians of every stripe. From the right, David Cameron says ‘selfishness and individualism’ are the big scourges of our age. On the left, Labour leader Ed Miliband has recently snuggled up to a new

intellectual guru: Michael Sandel. Nostalgic leftist Owen Jones complains about the 'rugged individualism' and 'dog-eat-dog individualism' of our age, which, he says, has made the working classes obsessed with 'climbing the social ladder'. On the far right, the BNP leader Nick Griffin wrings his hands over the 'rootless individualism' of modern Britain, where 'community identity' is on the wane and we have all become self-interested consumers, pursuers of what Griffin calls 'Coca-Cola culture'[5].

В Британии консервативному концепту «individualism» стали противопоставлять лейбористскую категорию «коммунитаризм», что вызывает чувство досады у населения, считающих, что правительство предаёт британские ценности. Например: We've pathologised certain ways of thinking, adopting that old Soviet tactic of depicting thoughts that fall outside of the mainstream as mental illnesses. Hence the rise of the term phobia (an irrational fear) to brand intellectual outliers. Hate Brussels? You're Europhobic. Unsure about gay marriage? You're homophobic. Don't think Islam is the greatest thing since sliced bread? You're Islamophobic. The individual is under assault. The right fears individualism because it thinks it makes people irresponsible, thinking more about themselves than their neighbours. And lefties hate it because they think it undermines social solidarity and communal considerations. Both are spectacularly wrong [5].

В настоящее время Британское общество расколото на два лагеря. Многие считают, что политика, проводимая лейбористами, подорвала саму систему «британских ценностей». Пришедшие к власти консерваторы, стали «лакмусовой бумагой», показавшей, что в Британии этноконцепт «индивидуализм» является ключевым и отражает особый склад мышления Британской нации, ее менталитет, основанный на четко выраженных индивидуалистских позициях.

В целом, этноконцепт «individualism» несет в себе следующее определение: The individualism we speak of is what the founders truly had in mind, a government assuring the equal and equitable rights of each citizen, and protecting citizens from the encroachment of a government akin to what the founders had seen and experienced from the King [4:248].

Проеденный анализ показывает, что в современном английском языке содержание этноконцепта «individualism» реализуется в контекстуальной контактности с единицами: self-interest, libertarian individualism, rampant individualism, selfishness and individualism', substantial freedom from social obligations to kindreds, что несет в себе положительную оценочную характеристику, одновременно показывая и негативную сторону данной характеристики: leading to isolation and fear as people struggle to cope and live fulfilling lives alone, selfishness, greed, greed of a strong society, implanted the gene of greed in the British soul, rugged individualism' and 'dog-eat-dog individualism', 'rootless individualism', 'Coca-Cola culture', Thatcherite individualism, uncaring individualism, the pathological individualism syndrome, leading to isolation and fear as people struggle to cope and live fulfilling lives alone, selfishness, однако «individualism» понимается в британском социуме, как явление, неотделимое от британской идентичности и британских ценностей.

Этноконцепт «individualism» так же противопоставляется этноконцептам «communitarianism» и «collectivism», которые в свою очередь показывают негативное отношение британцев к данным явлениям, что находит отражение в языковой экспликации: to undermine the personal and social responsibility that should be the lifeblood of a strong society, disastrous error, the state worship of the Nazi and Communist regimes, social dependency, big government, centralized welfare state, the highest budget deficit since the war, a dependent infant, the obvious totalitarian overtones, the supposed threat to traditional British values.

Литература

1. Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура [Текст] / Т.Н. Персикова // - М.: Логос, 2004. с. 224.
2. Тер - Минасова С.Г. Война и мир языков и культур [Текст] / С.Г. Тер - Минасова // - М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. с.343.
3. Longman Dictionary of English Language and Culture [Text]. – 3rd ed. – Harlow: Pearson Education, 2005. – 1620 p.
4. McGarty, Terrence. P. Progressivism, Individualism, And The Public Intellectual [Electronic resource] / Terrence. P. McGarty //– the Telmarc Group, LLC, 2012. – Mode of access: www.telmarc.com/Documents/Books/Public%20Intellectual%2001.pdf
5. O'Neill. Br. In defence of individualism. We need more individualism – not less [Electronic resource] / Br. O'Neill // The Spectator Online. –2013. – 22 –June – Mode of access: <http://www.spectator.co.uk/2013/06/in-defence-of-individualism/>
6. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [Text]. –5th edition – Longman, 1998.
7. Tocqueville, A., Democracy in America [Text] / A. Tocqueville // – Harper Rowe (New York), 1966.

Кузьмичева В. А., Доборович А.Н.

к.ф.н., доц., НИУ «БелГУ», Россия

СЕМАНТИКА ФРЕЙМОВ В ИССЛЕДОВАНИИ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ДОСТИЖЕНИЮ ЦЕЛИ»

Статья посвящена проблеме практического применения современной лингвистической теории: семантики фреймов. Значения глаголов как единиц языка исследуются через их когнитивные представления. В статье рассматриваются проблемы формирования, описания и репрезентации компонентов фрейма на языковом уровне.

Ключевые слова: фрейм, когнитивная семантика, концепт, прототип, глагол, социальная деятельность.

Kuzmicheva V.A., Doborovich A.N.

Belgorod National Research University, Russia

FRAME SEMANTICS IN THE INVESTIGATION OF THE ENGLISH VERBS WITH THE MEANING “SOCIAL ACTIVITY IN REACHING THE AIM”

The article is devoted to the problem of practical application of the modern linguistic theory: frame semantics. The meanings of the verbs as the parts of language are investigated through their cognitive representation. The article deals with the problem of formation, description and representation of the frame components on the language level.

Key words: frame, cognitive semantics, concept, prototype, verb, social activity.

Целью предлагаемой статьи является выявление и описание механизмов формирования, а также репрезентации фрейма «социальная деятельность по достижению цели» глагольными лексемами соответствующей семантики (achieve, accomplish, attain, gain, succeed in, obtain, manage, strive и др.).

Указанные глаголы никогда не становились объектом изучения в составе одной лексико-семантической группы. Это объясняется тем, что для решения своих задач предыдущие исследования базировались на внутриязыковых факторах. Современная лингвистика пытается, однако, осмыслить процесс репрезентации знаний о мире через лексическую семантику.

Действительно, язык через совокупность находящихся в его арсенале речевых средств может выявлять и объективировать то, «как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризирован сознанием» [1: 38]. Исходя из этого, объединение указанных глаголов представляется реальным на основании общей концептуальной области, лежащей в основе их значений.

Обращение к когнитивным структурам знания дает возможность расширения границ объекта исследования, в частности, отнесения к глаголам социальной деятельности по достижению цели языковых единиц других лексико-семантических групп.

В свою очередь, значение в когнитивной лингвистике рассматривается в качестве языкового средства репрезентации концепта, поэтому семантическое исследование предполагает анализ такой сущности, как концепт.

Говоря о концепте, мы имеем в виду некую мыслительную единицу, объединяющую в своей структуре признаки объективной и субъективной действительности, то есть концепт понимается нами как «глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания. Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека» [2: 4].

Утверждение, что концепт – ментальная структура, отражающая и фиксирующая опыт [3: 17] объясняет, как формируются концепты в голове человека в результате его познавательной деятельности: так, объективный характер концептуальной системы способствует человеческому взаимодействию, а ее субъективность обеспечивается уникальностью восприятия окружающего мира каждым индивидом в отдельности.

Многообразие подходов к изучению категорий цели и деятельности также обусловило обращение к концептуальным представлениям, лежащим в основе структуры знаний для номинации ситуации социальной деятельности по достижению цели.

Указанная ситуация наиболее полно может быть представлена с учетом объективных и субъективных факторов, влияющих на ее интерпретацию. Рассмотрение концептов «цель» и «деятельность» устанавливает содержательную сторону знаний, формирующих концептуальное основание значений глаголов социальной деятельности по достижению цели. Специфика отражения в сознании и на языковом уровне заставляет, прежде всего, определить форму репрезентации этих знаний, то есть выделить и описать соответствующий фрейм.

Фрейм «социальная деятельность по достижению цели» является когнитивно-пропозициональной схемой, представляющей собой логически организованную структуру знаний, соотносимых с концептами «цель» и «деятельность». Стереотипная ситуация социальной деятельности по достижению цели, отраженная в структуре фрейма, может быть передана глагольными лексемами соответствующей семантики.

Мы опираемся на толкование фрейма как некоего инструмента, дающего возможность привлекать необходимую часть экстралингвистической информации для понимания естественно-языкового сообщения. Иными словами, понятие фрейма используется нами как один из способов представления человеческого опыта.

Согласно возможности профилирования того или иного компонента в структуре фрейма, теория прототипов сводит все его лексические репрезентанты в единую сеть, обеспечивающую связанность отдельных подзначений, причем направление связи идет от более значимого к периферийному. Динамичная структура фрейма допускает возможность фокусировки внимания на том или ином его компоненте, что обеспечивает модификацию значений исследуемых лексем как на внутрисистемном, так и на внешнесистемном уровнях.

Методом сплошной выборки из современных словарей и электронных корпусов отбирались те лексемы, в значении которых указанный концепт представлен в наиболее абстрактной и обобщенной форме.

Итак, прототипом исследуемой лексико-семантической группы является соответствующий фрейм, а ее ядро формируют глаголы *achieve*, *accomplish*, *attain*, *gain*, *manage*, *obtain*, *succeed*, *strive* с системным значением социальной деятельности по достижению цели.

Рассматриваемый фрейм включает обязательные и факультативные признаки. К числу его обязательных компонентов относятся СУБЪЕКТ, ПРЕДИКАТ, УСИЛИЯ и ОБЪЕКТ СТРЕМЛЕНИЯ. Они вербализуются через лексическое значение глаголов со значением «социальная деятельность по достижению цели». Так, к ядерным репрезентантам исследуемого фрейма относятся глаголы *achieve*, *accomplish*, *attain*, *gain*, *succeed in*, *obtain*, *manage*, *strive*.

К внутрисистемной фреймовой переструктуризации относится погашение одних компонентов в структуре фрейма (что приводит к нейтрализации некоторых признаков в значениях исследуемых единиц и сужению их значений), а также выдвижение других компонентов на передний план (и к

появлению новых признаков в значении лексем, то есть к расширению значений).

Глагол *achieve*, репрезентируя прототипическую сцену, лежащую в основе его значения, передает специфику ситуации социальной деятельности по достижению цели и является представителем ядерной группы лексем, формирующих соответствующий фрейм. Указанная лексема активизирует все облигаторные компоненты рассматриваемого фрейма и составляет примерно 17 % от количества употреблений ядерных глаголов.

В результате анализа фактического материала нами было выявлено, что, актуализируясь на языковом уровне, облигаторные компоненты фрейма, репрезентируемые глаголом *achieve*, обуславливают семантико-синтаксическую конструкцию: S + V + O, где S – семантический субъект, V – предикат, выраженный глаголом, O – семантический объект.

Данная конструкция является схематичным представлением о ситуации социальной деятельности по достижению цели, выражая все ее признаки, зафиксированные в словаре. Внимание при этом фокусируется на том, что активный субъект добивается обладания желаемым объектом через преодоление имплицитно выраженных препятствий.

Употребление глагола *achieve* при акцентуации внимания говорящим на самом факте достижения цели, а не на процессе подчеркивается невозможностью употребления данного глагола в форме прогрессива и сочетания его с дуративными обстоятельственными выражениями.

* He was achieving it for a long period of time.

Невозможность комбинаторики глагола *achieve* с наречиями качества, например, *brilliantly, frantically, lopsidedly, maliciously, mischievously, violently, wildly* и др. объясняется наличием в семантике последних характеристики события. Глагол *achieve* «сосредоточен» на результате, а потому невозможны сочетания типа

* he achieved the success wildly.

Концептуальные связи метафорического и метонимического характера обеспечивают такое взаимодействие фреймов, при котором устанавливается какое-либо сходство между содержанием отдельных терминалов. Взаимосвязь и взаимопроникновение фреймов объясняется континуальным характером действительности, события которой тесно взаимодействуют между собой. Отдельные терминалы могут структурировать разные фреймы. Такое взаимодействие фреймов активизирует разные структуры знания, тем самым обеспечивается профилирование различных аспектов ситуации.

Специфика факультативных компонентов заключается в том, что они составляют модальное оформление указанной ситуации, придающее субъективный характер интерпретируемому событию. Открытость границ фрейма и способность к переструктуризации обеспечивает неограниченный по составу, вариативный набор данных признаков, обусловленный особенностями восприятия ситуации говорящим. Это, в свою очередь, определяет возможность для расширения и переосмысления значений исследуемых глаголов.

К факультативным компонентам, или терминалам, исследуемого фрейма относятся ДВИЖЕНИЕ, ВРЕМЯ, ИНСТРУМЕНТ, СПОСОБ, ВОЗМОЖНОСТЬ, и др. Они определяются на основе анализа исследуемой концептуальной структуры и модификаторов смысла на уровне предложения-высказывания.

Иными словами, периферию исследуемого фрейма образуют глаголы других лексико-семантических групп (например, лексемы со значением пути, охоты, попытки, борьбы и т. д.), функционирующие в определенной семантико-синтаксической структуре предложения-высказывания. Данная конструкция обеспечивает выделенность терминалов исследуемого фрейма.

Определенные синтаксические конструкции требуют реализации тех или иных компонентов фрейма. Так, ядерные глаголы фокусируют внимание на всей ситуации целиком, а потому, как правило, облигаторные компоненты фрейма находят свое эксплицитное выражение. Периферийные глаголы активизируют указанный фрейм через профилирование определенного признака в структуре своих лексических значений. На синтаксическом уровне это проявляется в образовании пассивных конструкций и введения различных распространителей в структуру предложения-высказывания.

На основании проведенного исследования можно заключить, что фреймовая теория учитывает особенности не только теоретического, но и обыденного познания. Характеристики такого рода затрагивают субъективный опыт и отражают непосредственно познание окружающего мира человеком. В свою очередь, в основе значений глаголов социальной деятельности по достижению цели, номинирующих соответствующую ситуацию, лежит общее когнитивное представление – фрейм «социальная деятельность по достижению цели», обеспечивающий семантическую общность и разнообразие объективирующих его глагольных лексем.

Литература

1. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Изд-во ИЯ РАН, 1997.
2. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999.
3. Jackendoff, R. Semantics and Cognition [Text] / R. Jackendoff. – Cambridge: The MIT Press, 1983.

Куприева И.А., д.ф.н., доц., НИУ «БелГУ», Россия

Смирнова С.Б., НИУ «БелГУ», Россия

Болсуновская Л.М., Томский политехнический университет, Россия

О КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУРАХ ЗНАНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье исследуются существующие теории по проблеме функционирования знаний в сознании человека; на основе существующих признанных результатов предпринимается попытка провести схематизацию знаний по вопросу определения понятия когнитивной

структуры знания, а также и ее моделей – схем, концептов, концептосферы, фрейма, скрипта и гештальта.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, познание мира, когнитивная структура знания, схема, концепт, концептосфера, фрейм, скрипт, гештальт, вербализация, актуализация, коммуникация, категоризация, когниция, реконструированность, конструкторы, информация, структура, язык, лингвокогнитивный подход.

Kuprieva I.A., Smirnova S.B., Belgorod National Research University, Russia
Bolsunovskaya L.M., Tomsk Polytechnic University, Russia

COGNITIVE STRUCTURES OF KNOWLEDGE AS A SUBJECT TO LINGUISTIC RESEARCHING

The article deals with the problem of lingvo-cognitive sciences, that has to give the definition of “the cognitive structure of knowledge”. The objects of researching are different models of the above mentioned structures, accepted to be schemes, concepts, spheres of concepts, frames, scripts and gestalts. The author examines the investigation results and tries to make a conclusion to all of them.

Key words: cognitive linguistics, world exploring, cognitive structure of knowledge, scheme, concept, sphere of concepts, frame, script, gestalt, verbalization, actualization, communication, categorization, cognition, restructureableness, constructions, information, structure, language, lingvo-cognitive approach.

В современной лингвистике ведущая роль отведена исследованиям в области лингвокогнитивной психологии: как в нашем сознании отражаются те или иные явления окружающей нас действительности, как происходят процессы накопления этого опыта и его закрепления в языке. В сложной системе функционирования человеческого организма, именуемой социумом, одну из важнейших ролей играет коммуникация; и язык оказывается таким образом непосредственно включенным в многоступенчатую систему познания мира, которая как раз и является основой всех коммуникационных процессов в человеческой деятельности.

Обработка поступающей к индивидууму информации осуществляется в прагматических актах мысли, формирующихся в знания, существующие, в свою очередь, как результаты работы мышления, как организованные в когнитивные структуры, локализованные в памяти. При этом в функционирование этих структур включаются, помимо знаний, и такие элементы, как мнения, оценки, убеждения. В каждый момент активизируется только ограниченное количество информации, поэтому значительная ее часть находится в блоке памяти, содержимое которого не активно. Отсюда знания извлекаются при возникновении необходимости в передаче их партнерам по коммуникативной ситуации. Этот процесс – извлечение категоризированного опыта из памяти сопряжено вербализацией опыта в доязыковой форме, т.е. перекодированием результатов работы мышления средствами конкретного этнического звукового кода. Доязыковая упорядоченная форма знаний существует в виде отдельных эпизодов, отличающихся как по размеру, так и по качеству.

Более или менее выяснен вопрос, касающийся вопроса приема-передачи высказываний (и письменных, и устных), построенных, соответственно, на основе существующих у человека таких структурно-упорядоченных знаний. Однако здесь следует отметить важный нюанс: когнитивный подход зачастую критикуют за излишнюю «компьютеризированность» его терминологии: «значение» подменяется «информацией» и «создание» — «обработкой» информации, да и когниция сама по себе — это простое зеркальное отражение фактов объективной реальности, это скорее опора при столкновении с окружающей действительностью [6: 43].

В самом общем смысле весь процесс коммуникации можно представить как следующую модель: активизация определенных, соответствующих внутренней программе высказывания понятий, формирование из их набора линейной последовательности, называемой предложением, восприятие, такое же линейное, только задействующее обратный компилированию высказывания процесс: для формирования высказывания сложная, разветвленная концепция понятия сворачивается до компактной, наиболее репрезентативной схемы; предложение состоит из последовательности таких сцепленных по законам логики между собой схем, и при восприятии адресатом такая цепочка свернутых схем последовательно разворачивается в полную разветвленную структуру, вызывая уже дальнейшие ассоциации для формулирования ответа за запрос. Таким образом сохраняется весь комплекс смыслов, закрепленных за определенным конструктом и при этом обеспечивается компактность и универсальность процесса.

В целом такая примитивизированная, логически обоснованная модель осуществления коммуникации дает нам совершенно четкое представление о процессах, предшествующих и следующих акту говорения.

Однако наша задача лежит не в исследовании моделей представления коммуникации, а в изучении основы коммуникации — знаний и моделей их существования в человеческом ментальном пространстве. Изучено множество концептов, гештальтов, фреймов и скриптов, репрезентирующих как индивидуально-авторские представления, так и обобщенные.

Но чем же являются все эти конструкты? В самом общем смысле это структуры знаний.

На сегодня выдвигаются различные гипотезы определения понятия структуры знания. Так, психологический энциклопедический словарь дает такое определение: «когнитивные структуры знаний — это инварианты человеческого восприятия, отражающие содержание и структуру о действительном и гипотетическом мирах и определяют их категоризацию и систему ориентирования и общения индивида в социуме». Существует множество точек зрения на определение границ понятия «когнитивная структура знания». Когнитивная структура носит символический характер; она дискретна; обладает двойственной природой, может иметь и доязыковую, и вербализованную форму. Когнитивные структуры являются средством организации хранящегося в памяти опыта, причем совокупность их вербализованных дубликатов формирует языковую картину мира

индивидуума. Отличительной чертой исследования структур знаний является их реконструированность, ненаблюдаемость.

В современной когнитивной лингвистике когнитивные структуры знаний классифицируются следующим образом: гештальт, схема, концепт и концептосфера, фрейм и скрипт. Итак, перейдем к более детальному рассмотрению обозначенных когнитивных структур.

Исследованием границ семантического поля «концепт» занимались такие видные лингвисты, как Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Н.Ф. Алефиренко. В целом, ими разработано три основных подхода к проблеме постановки определения «концепт», однако, нами выделено определение, характерное для всех трех направлений исследования. Концепт — структура знания, отражающий наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, результат их рационального отражения и осмысления. Концепт является семантическим образованием, наделённым лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующим носителей определенной этнической культуры и обладающим многомерной структурой. Следовательно, становится возможным сформировать утверждение о том, что концепты являются репрезентантами мира в голове человека, тем самым формируя концептуальную систему, содержание которой получает кодирование посредством знаков человеческого языка.

Совокупность смежных концептов, репрезентирующих фундаментальные, базисные представления конкретного этноса представляет собой концептосферу, гипотезу о существовании которой разработал Д.С. Лихачев. Наряду с ним ее изучением занимались В.З. Демьянков, Ю.Е. Прохоров. Концептосфера — набор всех реализуемых носителями языка потенциальными какого-либо социально-значимого понятия. Является обобщенным понятием; как правило, несет в себе дополнительную сферу эмотивно-оценочного опыта. Процесс столкновения с тем или иным концептом и его последующая расшифровка (каждый раз происходящая заново), зависит и от конкретного контекста, и от культурного опыта и индивидуальности носителя. Концептосфера обладает достаточно упорядоченной структурой, которую образуют концепты, образующие между собой системные отношения сходства, различия и иерархии. Концептосфера — это многомерное ментальное образование, включающее в себя разнообразные смежные концепты; обладающее в целом достаточно стабильной (за счет ядер концептов, содержащим общеязыковые репрезентанты), но гибкой структурой, позволяющей ядерным фиксированным единицам «обрастать» периферией индивидуально-авторских репрезентантов, носящих во многих случаях окказиональный характер [6].

Исходя из вышесказанного, концептосфера — это сложное, структурированное, достаточно транспарантное ментальное образование, являющееся фиксацией национального лингвокультурного опыта в определенной сфере; она является элементом национального сознания.

Однако, далеко не все номинированные фрагменты окружающей картины мира могут быть покрыты и категоризированы концептуальными

структурами знания. Какую-то их часть объединяет такое свойство, как достаточно строгая временная последовательность определенных представлений, формирующих ожидания, характерные для такой структуры.

Фрейм — структура знания на основе гипотезы, репрезентирующей представление о том, что знания о мире состоят из структурных ячеек, складываются из определенных сценариев с фиксированным набором стереотипных ситуаций, собственно, и являющихся фреймами. Это структура, обладающая ядром, относительно которого равноудаленными находятся слоты фрейма, репрезентирующие определенные представления из отдельной сферы знания, чья совокупность создает образ такой когнитивной структуры. Отличительная особенность фрейма заключается в том, что иерархизация среди элементов (слотов) происходит в зависимости от текущего контекста происходит исключительно силой мысли человека [3: 18]. Если говорить о структуре фрейма, то в ней можно выделить следующие ступени: 1) фрейм как таковой включает в себя структуры объемом меньшим – подфреймы, 2, а они, в свою очередь еще меньшие, которые уже являются минимальными смысловыми единицами – минифреймы. 3) При этом наличествует и языковая структура, которая является укрупненной по сравнению с обычным фреймом, являясь родовым, или обобщенным понятием по отношению к фрейму. Иными словами, фреймовая единица может быть отнесена к более крупному семантическому полю, и в ней может быть выделены элементы с более узким семантическим полем.

Таким образом, фрейм – это когнитивная структура знания, мыслимая в своей целостности, некое объемное представление совокупности стандартных знаний о предмете или явлении. А скрипт является последовательностью сцепленных между собой эпизодов или событий, реализуемых в пространственно-временном отношении.

Гештальт же на порядок сложнее – является особенной, более сложноорганизованной когнитивной структурой знания, объединяющей в себе и чувственное, и рациональное, а также и динамические и статические аспекты отражаемого фрагмента объективной действительности; это результат целостного, абстрагированного восприятия ситуации, такое знание является недискретным, неструктурированным, лежащее за пределами категориального поля, притом реконструируемое за счет языковых средств и процессов вербализации. Гештальт принимает участие в категоризации, взаимодействуя с денотатом-прототипом, и осознается как предметный образ, ситуация или абстрактное знание [4: 70]. Основной особенностью формирования гештальта является наличие способности индивидуума осознавать себя и доминирующую на данный момент потребность. Различаясь некоторыми аспектами формирования категорий, сами по себе структуры знания выполняют главную свою функцию – структурирования знаний в сознании индивидуума, которые всегда доступны при возникновении необходимости и легко вербализируются, неся в себе конкретную семантическую нагрузку.

Литература

1. Болдырев, Н.Н. Проблемы исследования языкового знания [Текст] / Н.Н. Болдырев // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. – М., 2007. – С. 95-109.
2. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – М.; 1994. - №4. – С.17-19.
3. Жаботинская, С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов [Текст] / С.А. Жаботинская // Вісник Черкасс. ун-ту. – 1999. – Вып. 11. - С. 12-25.
4. Куприева, И.А. О преимуществах представления ментальной структуры психических процессов на материале английского языка. [Текст] / И.А. Куприева // Белгород: Научные ведомости НИУ «БелГУ». – 2012. – №24 (143), Вып. 16. – С. 67-74.
5. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский; Пер. с англ. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
6. Смирнова, С.Б. Роман Н. Хорнби «How To Be Good»: концептосфера «семейные отношения» [Текст] / С.Б. Смирнова. – Германия : LAP Lambert Academic Publishing. 2013г. – 109 с.

Ломоносова Ю.Е., Соболева Т.Е.

к.ф.н., НИУ «БелГУ», Россия

ПОЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматриваются основные подходы к исследованию иерархической организации концепта и концептосферы. Полевая организация рассматриваемых концептов смоделирована на основании данных о способах их языковой объективации и последующей когнитивной интерпретации. Изложены выводы о специфике иерархических связей между различными элементами концептуальных систем.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, концептуальное поле, когнитивный признак, иерархические связи.

Lomonosova J.E., Soboleva T.E.

Belgorod National Research University, Russia

THE FIELD STRUCTURE OF THE CONCEPTUAL SPACE

This paper gives an overview of some basic approaches to the study of hierarchical structure of the concept and the conceptual sphere. The field structure of the concepts is modeled on the basis of the findings of these concepts' linguistic objectivation and the subsequent cognitive interpretation of its results. The paper also presents conclusions about the specificity of the hierarchical relationships between different elements of the conceptual systems.

Key words: concept, conceptual sphere, conceptual field, cognitive feature, hierarchical relations.

Как для всего концептуального пространства, так и для концепта характерна структуризация по принципу поля. Расположение слоев в структуре концепта иерархично. В нем выделяются ядерные и периферийные участки, что позволяет говорить о его возможной полевой организации. Несмотря на то, что теории поля свыше ста лет, она продолжает интересовать современных

исследователей. Метод поля наилучшим образом отвечает пониманию языка как «продукта» сферы сознания этноса, поэтому он не снижает своей актуальности и в настоящее время [4]. Распространение научных идей, связанных со становлением когнитивистики и лингвокультурологии, обусловило пересмотр некоторых традиционных понятий и привело к возникновению новых: «лингвокультурологическое поле» (В.В. Воробьев), «идеополе» (В.Б. Гольдберг), «концептуальное поле» (В. Кононенко) и т.д. Семантика единиц таких полевых объединений составляет диалектическое единство языкового значения и внеязыкового смысла, а сами поля охватывают систему соответствующих понятий истории, культуры того или иного народа, особенности его менталитета, национального характера, мышления, психологии [2], формируя тем самым сложную и специфическую для каждого языка картину мира. Структуризация подобных образований предполагает выявление в них двух уровней: языкового – уровня слов и фразеологизмов и концептуального – уровня представленных ими вербализованных и невербализованных концептов [3].

В современной лингвистике существует несколько подходов к исследованию иерархической организации концептуального пространства. С нашей точки зрения, среди них выделяются два основных. Первое направление условно можно назвать лексико-семантическим. Согласно ему, «иерархия концептов отражается в языке в виде иерархии языковых значений. Иерархия значений, в свою очередь, есть результат и условие иерархии их непосредственных семантических составляющих, сем» [8: 7]. В ходе исследований было установлено, что семантическое пространство языка – это «не набор... семем, а сложная их система, образованная пересечениями и переплетениями многочисленных и разнообразных структурных объединений и групп, которые ... образуют поля с центром и периферией» [6]. Эти отношения отражают отношения концептов в концептосфере языка. По отношениям между значениями в семантическом пространстве языка можно судить об отношении концептов в национальной концептосфере. Но при таком подходе обычно не учитываются когнитивные признаки, не закрепленные в языковом значении, которые, однако, относятся к концепту так же, как коммуникативно-релевантная часть к ментальному целому [7: 65]. В основе второго подхода, лингвокогнитивного, лежит представление о том, что языковые единицы передают определенное концептуальное содержание, иерархически организованные структуры знания, причем таксоны связаны отношением последовательного включения от низшего ранга к высшему [1]. При этом согласно данному направлению, «концепты в конкретной концептосфере могут под влиянием различных факторов перемещаться с одного уровня иерархии на другой, в нарушение классических правил инклюзивности и распределения по уровням иерархии...» [5: 146-147]. Это допускает наличие не только последовательных, но и параллельных связей между элементами концептуальной системы [там же: 146]. Именно такой когнитивно-таксономический подход представляется нам наиболее эффективным для исследования иерархической организации концептов и концептосферы.

Моделирование концепта в рамках данного подхода производится посредством совершения нескольких действий. На первом этапе в ходе исследования выделяются когнитивные признаки концепта, принадлежащие каждому из его структурных компонентов (образу, информационному содержанию или интерпретационному полю) и устанавливается соотношение всех этих составляющих в структуре концепта. Затем осуществляется моделирование полевой организации концепта путем распределения уже ранее выделенных когнитивных признаков по зонам: ядерной и периферийной (ближней, дальней, крайней). Ядро концепта могут формировать не только информационные признаки, но и образные, а также компоненты интерпретационного поля. Однако, несмотря на то, что последние могут быть достаточно яркими, они реже всего входят в ядерную структуру концепта, потому что характеризуют отношение к исследуемому феномену, а не само явление.

Иллюстрацией к сказанному могут послужить результаты когнитивной интерпретации способов языковой объективации концептов области «Атмосферные явления» во французской языковой картине мира, которые позволили выявить в пределах одноименного поля макро- и микроконцепты, содержание которых иерархически организовано. Концептуальное поле «Атмосферные явления» – это система, представленная совокупностью макрополей концептов, конститuentами которых, в свою очередь, являются микрополя. Так, макрополе «атмосферные осадки» включает микрополя концептов «дождь», «снег», «град» и «туман», макрополе «отложения воды и льда на земной поверхности» – микрополя «дождевая вода, снежный покров, роса, иней, изморозь, гололед» и т.д., «оптические явления» – «радуга, мираж, гало», «электрические явления» – «гроза, огни Эльма, полярное сияние». Денотаты концептов, рассматриваемых в пределах поля «Атмосферные явления», представляют собой натурфакты, что определяет их конкретный характер. При этом макроконцепты являются более абстрактными по отношению к микроконцептам, так как их содержание раскрывается именно благодаря выявлению когнитивных признаков микроструктур. Например, формирование концепта «осадки» происходит в результате абстрагирующей деятельности человека, связанной с обработкой перцептивной информации, полученной в процессе восприятия конкретных природных явлений: дождя, тумана, снега, града. Разный уровень абстракции исследуемых макро- и микроконцептов устанавливается на всех этапах концептуального анализа: при построении номинативного поля, в ходе описания функционирования номинативных единиц, объективирующих избранные концепты в тексте, а также при установлении категориальных отношений в пределах концептов. Описание иерархических отношений внутри концептуального поля осуществляется в опоре на данные о яркости когнитивных признаков в структуре концепта, определяемой по частотности употребления тех или иных языковых единиц для номинации концепта, либо по количеству единиц, объективирующих тот или иной когнитивный признак (закон Шпербера). Например, следуя указанному принципу, к **ядру** концепта «атмосферные

осадки» относятся признаки *информационного содержания* ‘вода’, ‘выпадение с неба на землю’, ‘атмосфера’, ‘имеют определенное агрегатное состояние’; признаки *интерпретационного поля* ‘имеют определенную форму’, ‘плотность’, ‘интенсивность’, ‘интенсивность изменяется’, ‘продолжительность’, ‘частота возникновения’, ‘фазы существования’, ‘связь с другими атмосферными явлениями’, ‘осадки можно прогнозировать’, ‘влияют на деятельность человека’. Ядерные признаки *образного компонента* концепта «осадки» можно определить по степени яркости и частоте экспликации: ‘промокший’, ‘серое (пасмурное) небо’, ‘тучи’, ‘вода’, ‘капли’, ‘струи воды’, ‘лужи’, ‘сугробы’, ‘белый снег’, ‘серый в тумане’, ‘шум дождя’, ‘запах дождя’, ‘снеговик’, ‘санки’ и т.д. Ядро концепта «ветер» представлено признаками *информационного содержания* ‘движение атмосферы’, ‘ощущается у поверхности земли’, ‘перемещается из зоны низкого давления’, ‘варьируется в зависимости от направления и интенсивности’; признаками *интерпретационного поля* ‘температура’, ‘скорость’, ‘сезонный характер’, ‘происхождение’, ‘связь с другими явлениями’; признаки *образного компонента* ‘качающиеся деревья’, ‘надутые паруса’, ‘шум ветра’, ‘волнение колосающегося поля’, ‘ветер, раздувающий пожар’, ‘ветер атакует’, ‘ветер приносит запах’. Анализ показал, что номинативные единицы, репрезентирующие концепт «атмосферные осадки», эксплицируют признаки, категоризирующие данный природный феномен и как субстанцию, и как явление. Установленные ядерные признаки концепта «ветер» раскрывают представление об одноименном феномене, прежде всего, как о явлении. Наличие интегральных признаков у концептов сферы «атмосферные явления» свидетельствует о существовании прочных концептуальных связей внутри исследуемого концептуального поля, о том, что образующие его концепты находятся в отношениях взаимосвязи и взаимопроникновения: атмосферные осадки ↔ электрические явления, атмосферные осадки ↔ отложения воды и льда на земной поверхности, ветер ↔ атмосферные осадки, ветер ↔ электрические явления.

Сравнивая данные результатов анализа, полученные в процессе исследования концептов в системе «атмосферные осадки» («дождь», «туман», «снег» и «град»), можно отметить их неравномерную номинативную плотность и рекуррентность. Поэтому, если говорить об иерархии данных концептов, то самой высокой коммуникативной релевантностью в сознании французского этноса отличается концепт «дождь», а самой низкой – концепт «град». При этом для жителей Франции горных районов концепт «снег» может оказаться на более высокой ступени по отношению к концепту «снег», что доказывает предположение о возможности перемещения элементов системы с одного уровня иерархии на другой. В концептуальном поле «атмосферные явления» концепт «ветер» находится в отношениях параллельной связи с концептами сферы «атмосферные осадки».

Проведенное исследование доказывает, что полевый подход при осуществлении концептуального анализа позволяет наиболее полно раскрыть диалектику взаимосвязи языка с экстралингвистической действительностью,

выявить особенности языкового сознания, его национально-специфические черты. Иерархия концептов в концептосфере, как и иерархическая организация содержания отдельного концепта, не могут быть определены однозначно. Взаимоотношения между элементами концептуальных структур обусловлены скорее не формальной логикой, а субъективными внешними и внутренними факторами, оказывающими влияние на языковое и когнитивное сознание носителей той или иной лингвокультуры.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Методологические проблемы когнитивных исследований в лингвистике // Филология и культура: мат-лы 7 Междунар. науч. конф. (14-16 окт. 2009 г.) – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 35-41.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография / В.В. Воробьев. – Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
3. Гольдберг В. Г. Структурные связи в лексико-семантическом поле языка: на материале русского и английского лексико-фразеологического поля «Биологическое существование человека»: монография / В. Б. Гольдберг. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000. – 232 с.
4. Моисеева С.А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках: монография / С.А. Моисеева. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – 264 с.
5. Онищенко М.С. Отношения иерархии между концептами (на материале концептов политик, президент, Медведев в русском национальном сознании) // Политическая лингвистика, 2012. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 24.03.2016)
6. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2002. – 60 с.
7. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007.
8. Шафиков С.Г. Концепты и категории в лингвистике // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 3-16.

Мамонова Н.В., Юхмина Е.А.

к.ф.н., Челябинский государственный университет, Россия

КОНЦЕПТ «RUSSIA» В АССОЦИАТИВНОМ ПОЛЕ НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье исследуется концепт «Russia» в ассоциативном поле носителей английского языка. Выявленные когнитивные признаки характеризуются разной степенью яркости их репрезентации в ассоциативном поле. Более того, в статье уделяется особое внимание важности вопросу развития позитивного имиджа России в мировом общественном сознании для решения важнейших внешнеполитических задач.

Ключевые слова: концепт «Russia», ассоциативное поле, дискурс, свободный ассоциативный эксперимент.

Mamonova N.V., Yukhmina E.A.

State Chelyabinsk University, Russia

CONCEPT «RUSSIA» IN THE ASSOCIATIVE FIELD OF THE ENGLISH NATIVE SPEAKERS

The authors of the article investigate the concept of "Russia" in the associative field of the English native speakers. The degree of the representation of the identified cognitive features in the associative field of the native speakers varies considerably. Moreover, special attention is paid to the importance of the development of the positive image of Russia in world public issues to gain the major foreign policy aims.

Key words: concept of "Russia", associative field, discourse, free associative experiment.

В рамках когнитивной лингвистики «дискурс существует, прежде всего, и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир» [5: 44]. В данном случае особое значение приобретает национальное мировосприятие, учитывающее его историю, что, несомненно, находит отражение в культурных концептах.

Анализ дискурса «осуществляется с различных позиций, но всех исследователей дискурса объединяют следующие основные посылки: 1) статическая модель языка является слишком простой и не соответствует его природе; 2) динамическая модель языка должна основываться на коммуникации, т.е. совместной деятельности людей, которые пытаются выразить свои чувства, обменяться идеями и опытом или повлиять друг на друга; 3) общение происходит в коммуникативных ситуациях, которые должны рассматриваться в культурном контексте; 4) центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения; 5) коммуникация включает докоммуникативную и посткоммуникативную стадии; 6) текст как продукт коммуникации имеет несколько измерений, главными из которых являются порождение и интерпретация текста» [2: 192].

Данный подход акцентирует внимание на характеристике участников, цели, хронотопе как совокупности пространственно-временных координат. Речевая деятельность реализуется языковыми личностями с учетом активного осмысления содержания речи, а также с учетом личностной концептосферы участников общения.

С целью выявления особенностей структуры концепта «Russia» в англоязычном дискурсе в сознании иностранцев мы провели свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) с носителями английского языка. Испытуемым предлагалось воспроизвести первые пять ассоциаций, которые возникают в их сознании, на слово-стимул **Russia** (Россия). Для этого им необходимо было заполнить соответствующую анкету, рассылка которой производилась через социальные сети: facebook.com, odnoklassniki.ru, vk.com. В ходе эксперимента были соблюдены следующие требования: 1) анонимность участников эксперимента (участники не указывали личные данные, только страну проживания), 2) незаинтересованность информантов; 3) английский – родной язык для участников САЭ; 4) отсутствие временного ограничения в процессе эксперимента. Участниками эксперимента стали представители следующих стран: Великобритании, Америки, Канады, Германии, Албании, Дании, Японии и других.

Рассмотрим строение концепта «**Russia**». Ассоциативное поле на представленный слово-стимул является богатым и насыщенным как семантически, так и грамматически. Реакции слова (75%) преобладают над реакциями – словосочетаниями (20%) и предложениями (5%). С точки зрения морфологии наиболее часто встречаются существительные (67%), затем прилагательные (13%), глаголы (8%), причастия (5%) и остальные части речи (7%). В полученном ассоциативном поле мы находим множество семантических связей (классификация по Ю.Н. Караулову [3]):

признак —> (нейтральный) носитель признака в модели двух слов: *страна (country), Федерация (Federation)*...

признак —> синонимическое обозначение признака (в понятии испытуемого): *Ukraine (Украина), USSR (СССР)*...

признак —> носитель признака с отрицательной оценкой: *тоталитарный (totalitarian), жулик (crook), не внушающий доверия (dodgy), безжалостный (ruthless), неравенство (disparity)*...

признак —> носитель признака с положительной коннотацией (номинация): *большой (big), сильный (strong), красивый (beautiful), богатый (rich), умный (smart), уникальный (unique)*...

признак —> носитель противоположного признака: *недружелюбный (unfriendly)*...

признак —> степень признака: *очень (very, much)*...

признак —> совокупность положительных качеств: *красота (beauty)*...

признак —> локус: *Кремль (Kremlin), Москва (Moscow), Сибирь (Siberia)*...

признак —> субъективно трактуемый: *много новых богатых русских, но в основном очень глупых (Many new rich people, but many times very stupid)*...

признак —> метафорическое варьирование (сравнение) носителя признака: *медведь (bear)*.

В своих работах Л.В. Бронник трактует аттрактор как цель динамики концепта, который «предоставляет функционально-целевое объяснение рассматриваемого явления», направленность концепта в исследуемом дискурсе [1]. Аттракторы способствуют спонтанной самоорганизации смысловых компонентов и образованных смысловых структур – концептов. В структуре концепта есть ядро (когнитивно-пропозициональная структура важного концепта) – самая устойчивая часть концепта, приядерная зона (иные лексические репрезентации важного концепта, его синонимы и т.д.) и периферия (ассоциативно-образные репрезентации) [4: 17]. Ядро концентрирует и структурирует все смыслы концепта и возможные его интерпретации. Ядро и приядерная зона преимущественно репрезентируют универсальные и общенациональные знания, а периферия – индивидуальные (смысловые компоненты, иллюстрирующие *особенности* концептосферы исследуемого дискурса).

Ядром ассоциативно-вербальной сети слова «**Russia**» являются наиболее частотные ассоциаты, такие как синтагматические: *Putin, vodka, Ukraine, bear, Moscow, Kremlin, communism, Mafia*, парадигматические: *cold, big, vast, strong, beautiful, rich*.

К сожалению, Россия в общественном сознании европейцев ассоциируется, прежде всего, с водкой и морозами. По количеству реакций *vodka* на втором месте после слова *cold* (*холодный*). Далее в приядерной зоне относительно ядра самоорганизуются следующие ассоциации: *fur, war, snow, beautiful girls, beautiful women, large, tsar, gas, military, oligarch*. В периферию мы отнесли индивидуальные реакции, которые наблюдателю кажутся немотивированными, но имеют личностный смысл, например, *Antalya, bride, many new rich people, but many times very stupid, Maxim Chervyakov, big (biggest country, where everything's big)*, а также ассоциаты, отражающие эмоции и оценку: *fierce, suppressed, pretty, smart, fighting, beautiful, somber, dancing, unique, wide, changing, very cold*.

Среди индивидуальных реакций испытуемых выделяются ассоциаты, отражающие восприятие русских людей иностранцами: *tough people, harsh strong men, friends, anti gay, striking beauty (people), beautiful Russian girls* и др.; и образы с отрицательной коннотацией: *dodgy, unfriendly, Russian maffia, crook*. В отдельную группу мы выделяем ассоциаты, связанные с культурным наследием и национальными символами: *Moscow, Matryoshka dolls, babushka doll, St Basil's cathedral, Kremlin Cathedral Domes, Kremlin and Red Square, Rachmaninov and Scriabin, ballet, Dostoevsky, Tolstoy, winter Olympics, furry hats, hockey, valenki, balalaika, amazing buildings, Siberian, Siberia, samovar, borsch*.

Проанализировав ассоциативное поле, мы выявили основные когнитивные признаки концепта «Russia» в сознании иностранцев:

Россия – холодная северная страна

Россия – водка

Россия – лидер (Путин)

Россия – страна с богатым культурным наследием

Россия – военная мощь

Россия – красивые женщины, сильные мужчины

Россия – страна с необъятной территорией, богатая нефтью и газом

Самоорганизация смысловых компонентов концепта «Russia» иллюстрирует направленность данного концепта в англоязычном дискурсе и особенности восприятия образа России в сознании иностранцев. Вышеперечисленные смысловые компоненты репрезентируют самые устойчивые смыслы и интерпретации носителей английского языка, связанные с исследуемым концептом. В заданной системе аттрактор (лексема «Russia») концентрирует доминирующие представления о России. В зависимости от множества исторических, политических, культурных, социальных, лингвистических факторов создается целостный образ России.

В рамках данного эксперимента было продемонстрировано, что образ России у участников англоязычного дискурса сформирован несколько односторонне. Выявленные когнитивные признаки характеризуются разной степенью яркости их репрезентации в ассоциативном поле носителей английского языка. Конкретные вербальные средства актуализации когнитивных признаков зависят от особенности осмысления феномена России иностранцами. Однако для иностранцев Россия так и остается родиной водки и

матрешки, Сибири и медведей, коммунистов и олигархов. Как справедливо отметил К.Ф. Фадеев: «Интерес к стране нужно культивировать, и делать это, конечно, при помощи тех же СМИ. Что нужно показывать? Необходимо восполнять информационные пробелы, Россию не знают дальше пределов московского Садового кольца. <...> В результате иностранцы должны увидеть собственными глазами, что с Россией можно иметь дела...» [6]. Ведь сегодня для нашей страны особенно актуален вопрос развития позитивного имиджа в мировом общественном сознании для решения важнейших внешнеполитических задач.

Литература

1. Бронник, Л. В. Типы аттракторов концептов в дискурсе [Электронный ресурс] / Л. В. Бронник. – <http://lib.mkgtu.ru/images/stories/journal-vmgtu/2010-04/018.pdf>
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности: Послесловие // Русский ассоциативный словарь [Текст]: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – Т. 1: От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. – 782 с.
4. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие [Текст] / В.А. Маслова. – 3 изд. испр. – М. Флинта, Наука, – 2007. – 246 с.
5. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности [Текст] / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. – М.: РГГУ, 1995. – С.35-73.
6. Фадеев, К.В. Современная Россия глазами иностранцев [электронный ресурс] / К.В. Фадеев. – <http://image-of-russia.livejournal.com/6238.html>

Мангова О.Б.

к.ф.н., Московский государственный лингвистический университет, Россия

ЗООНИМЫ В НЕЙМИНГЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Данное исследование посвящено использованию зоонимов в качестве названий компаний, их продуктов и стратегий. Автор рассматривает историю нейминга и его основные цели и задачи. Далее описываются когнитивные основы именования компаний названиями животных, объясняются причины популярности зоонимов и зоонимичных акронимов нейминге, а также примеры их эффективного использования.

Ключевые слова: нейминг, зооним, акроним, восприятие, маркетинговый комплекс

Mangova O.B.

Moscow State Linguistic University, Russia

ZOONYMS IN NAMING: PRAGMATIC AND COGNITIVE ASPECTS

The research is dedicated to the use of zoonyms in naming companies, their products and strategies. The author looks into the history of naming, its main goals and tasks. Further the cognitive base for using names of animals for company names is described, the reasons for the popularity of zoonyms and zoonymic acronyms in naming are given, examples of their efficient usage are provided.

Key words: naming, zoonym, acronym, perception, marketing mix

В современной лингвистике интерес представляют названия (неймы) брендов, стратегий и продуктов компаний, которые становятся особым объектом исследования. Мы проанализировали ряд названий российских компаний (и некоторых международных корпораций, функционирующих на российском рынке), представляющих собой зоонимы.

Нейминг – это процесс разработки названия для компании или продукта, что является частью маркетинговой стратегии компании. Это сложный творческий процесс, включающий в себя юридические, экономические и лингвистические аспекты. Имя должно быть емким, кратким, оно призвано отражать ключевые характеристики компании или продукта. Основная цель нейминга – создание имени, которое позволяет дифференцировать продукт или компанию на рынке. Название, как элемент маркетингового комплекса, играет огромную коммуникативную роль в восприятии всей деятельности компании потребителем. Задача нейминга – сформировать желаемое эмоциональное отношение потребителя к компании. Правильно подобранное название значительно способствует доходности предприятия.

История развития нейминга насчитывает более ста лет. Изначально названия давались интуитивным и простым описательно-ассоциативным методом, но со временем стали выдвигаться различные теории и методы «правильного имятворчества», способного определять эффективность предприятия. К исследованиям привлекались специалисты различных дисциплин – лингвисты, психологи, маркетологи.

Названия животных – зоонимы – очень часто используются в названиях компаний и их продуктов. Предполагается, что они обладают особой прагматической направленностью и призваны произвести на адресата эмоциональное воздействие, связанное с трепетным отношением человека к «братьям нашим меньшим». Мир живой природы традиционно является важным источником концептуализации общественной жизни в сознании человека. Человек чувствует себя его частью, ищет в ней образцы для осмысления своей деятельности, в частности, коммерческой, и в этой связи понятийная сфера «животный мир» играет весьма важную роль.

При создании нейма компании или бренда необходимо учитывать национально-культурные особенности восприятия лексических единиц. Названия животных в разных языках могут вмещать разные качества. Однако, существует набор определенных биологических признаков, характеризующих отдельных представителей фауны, которые используются в нейминге, становясь его ассоциативно-образной основой. Такие признаки универсальны и лишены национально-культурного восприятия. Их можно разделить на следующие основные группы: особенности поведения, особенности строения,

особенности жизнедеятельности, среда обитания и особенности внешнего вида (окраса, покровных тканей). Название, основанное на таком признаке, вызывает в сознании потребителя определенный ассоциативный ряд, то есть представление о животном, связанном с определенным биологическим признаком, экстраполируется на деятельность компании и свойства ее продукта/ услуги.

Ассоциативно-образная основа		Название компании	Род деятельности
Признак	Ассоциативный ряд		
Особенности поведения	Острое зрение – качественное видеонаблюдение	Беркут	Установка систем видеонаблюдения
	Быстрое передвижение – скорая коммуникация	Белка	Телекоммуникационная компания
	Самое быстрое животное – самая быстрая транспортная сеть	Гепард	Транспортная компания
	Многовековое служение человеку в качестве «почтальона» – надежные почтовые услуги	Голубь	Доставка посылок, сборных грузов
	Енот-полоскун часто полощет пищу в воде, отсюда представление о том, что он чистюля – чистая уборка	Енот	услуги по уборке квартир, домов, коттеджей, офисов и производственных помещений
	«Общественное насекомое»; муравьи-рабочие постоянно трудятся, удовлетворяя нужды колонии – качественная услуга	Муравей	Вывоз строительного мусора Организация перевозок Строительная компания
Особенности строения	Панцирь-броня на спине – крепкие двери	Броненосец	Производство и установка входных стальных дверей
	Большие глаза, расположенные на лицевом диске ассоциируются с мудростью – грамотно выполнены работы	Филин	Бюро переводов
Среда обитания	Воды Южного океана, Антарктида = место, где постоянный мороз	Альбатрос	Производство замороженных продуктов
	Самый распространенный вид, афалина, живет в теплых водах тропиков и субтропиков – курорт	Дельфин	Туристическое агентство

Особенности жизнедеятельности		Строительство хаток (жилищ) – хорошие строительные материалы	Бобер	Продажа строительных материалов
		Особенность добывания пищи путем выдалбливания дупел в дереве – качественные деревянные материалы	Дятел	Деревянные стройматериалы: доска, вагонка, брус и др.
		Умение плести паутину и балансировать – качественные работы на высоте	Паук	Работы на высоте, услуги по электромонтажу, внутренняя отделка помещений.
		Животное, донашивающее малыша в сумке – беременная женщина/ мама и малыш	Кенгуру Коала	Одежда для будущих мам и малышей
Особенности внешнего вида	окрас	Пятнистый окрас – камуфляжная одежда	Барс	Изготовление и продажа форменной и камуфляжной одежды
		Яркий окрас крыльев – яркая одежда, обувь	Бабочка	Торговля: одежда, обувь, аксессуары
		Яркое оперенье – яркие принты текстиля	Павлин	Производитель домашнего текстиля
Особенности внешнего вида	Покровные ткани	Красивый, пушистый мех – красивые меховые изделия	Лиса Горностай	Меховая компания
		Красивая кожа – красивая, кожаная обувь	Саламандра (Salamander)	Производство и продажа мужской и женской обуви

Иногда компании используют в нейминге иностранные слова, значение которых связано с деятельностью компании. Например, клуб-ресторан Швайн (от немецкого *schwein* - «свинья»); гриль-бар, мясной ресторан «Эль Торо» (от испанского *El toro* – «бык»). Есть мнение, что иностранные названия являются более привлекательными для потребителей.

В ходе исследования нам встретились неймы - имена вымерших животных: «Динозаврик» – сеть зоомагазинов, «Додо» – книжный магазин, занимающийся проведением тематических мероприятий. Такие названия обладают аттрактивностью для детей (представляющих основной сегмент целевой аудитории), которые испытывают существенный интерес к динозаврам и прочим вымершим животным, так как своей необычностью они напоминают сказочных существ, но при этом они реальные биологические виды.

Кроме этого, детей привлекает все яркое и необычное, что широко используется производителями и продавцами товаров для детей, отдающих предпочтение названиям экзотических животных с пестрым окрасом: Жираф – продажа игрушек, Колибри – продажа мороженого и вафельных изделий, Павлин (Reasock) – одежда для детей и взрослых. Подобные неймы часто встречаются среди дизайнерских компаний, а также фирм, подчеркивающих

свою «стильность» или уникальность оказываемой услуги: Дикобраз – дизайнерское бюро, Жираф – наружная реклама, дизайн, Утконос – интернет-гипермаркет, Лемур – мебель для салонов красоты, Фазан – типография.

Согласно теории нейминга, названием компании может служить существующее или придуманное слово, а также аббревиатура или акроним. Поскольку объектом нашего исследования являются имена животных в нейминге, то особого внимания заслуживают зоонимичные акронимы.

Акронимы являются весьма эффективным средством в нейминге. С одной стороны они удобны: их легко запомнить и произнести, они емкие, но при этом занимают минимум пространства при написании. Назовем акронимы, совпадающие по форме с узуальными словами-названиями животных и омонимичные им, зоонимичными акронимами. Они могут быть результатом случайного совпадения или сознательной подгонки, обусловленной языковой игрой. Зоонимичные акронимы эффективно используются в качестве названий компании, их стратегий, названий и продуктов. Приведем примеры: ВАТ – Business Administration Team; БЕАР – Business Expansion and Retention Programme (in Montana); ФЕРРЕТ – Federal electronic Research and Review Extraction Tools; ФОХ – Futures and Options Exchange; МИНК – Multiple Income No Kids; ОТТЕР – Office of Tasmanian Economic Regulator; ПАНДА – Performance and Assessment; ЗЕБРА – Zero Coupon Euro-Sterling Bearer Registered Accruing.

По мнению Лейчика, омонимичные акронимы мотивируются и созвучным словом, и исходной фразой [1: 55]. Такая двойная мотивированность очень привлекает специалистов в области нейминга. Для иллюстрации проанализируем название отряда спецназа ВМФ США «SEAL». Сам акроним расшифровывается как Sea, Air, and Land (море, воздух, земля), что в полной мере охватывает зоны ведения специальных операций. Однако основной задачей этого подразделения является береговая охрана и борьба с морским терроризмом. Поэтому созвучие со словом seal («морской котик») является важным и мотивирует данный зоонимичный акроним.

Таким образом, зоонимы и зоонимичные акронимы обладают значительным прагматическим потенциалом и имеют широкие перспективы в области нейминга. Однако, поскольку в России интерес к неймингу появился сравнительно недавно, требуется разработка его теории и технологий, учитывающих национальные лингво-культурные особенности.

Литература

1. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

Миронова Г.В., Островская О.В., Торопова Т.В.

к.ф.н., НИУ «БелГУ», Россия

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЖЕНСКИХ ИМЕН ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. РОУЛИНГ)

Настоящая публикация посвящена анализу основных приемов перевода имен собственных на примере перевода женских имен в книгах Джоан К. Роулинг о Гарри Поттере.

Ключевые слова: ономастика, безэквивалентность, транскрипция, «говорящие имена», аллитерация.

Mironova G.V., Ostrovskaya O.V., Toropova T.V.

Belgorod National Research University, Russia

TRANSLATION PECULIARITIES OF WOMEN'S PROPER NAMES

This report deals with the problem of the university study of the basic translation techniques on the example of translation of women's names taken from J. K. Rowling's series of books about Harry Potter.

Key words: onomastics, nonequivalence, transcription, "descriptive names", alliteration.

Имя собственное является объектом ономастики, самостоятельной лингвистической науки. Передачей имен собственных при переводе занимались многие исследователи, этому вопросу посвящено довольно много работ. Хотелось бы затронуть вопрос безэквивалентности и передачи колорита, т. е. речь пойдет, в сущности, о возможностях и приемах передачи (или перенесения) имен собственных в текст перевода. Традиционно имя собственное, как правило, при переводе заимствуется, транскрибируется, но как исключение, может подвергаться переводу; иногда оно терпит и большие трансформации при переводе. Поэтому перед переводчиком встает вопрос: применять транскрипцию в данном контексте или искать иных путей его передачи в переводе?

Ответ на основной вопрос — транскрибировать или переводить — зависит от самого имени, от связанной с ним и его референтом традиции и от контекста.

«Так как основные требования к языковым единицам при переводе сводятся, за редкими исключениями, к передаче плана содержания, то и деление имен собственных следует вести в первую очередь по линии их семантики. Это позволяет рассматривать 1) имена-знаки, имена-метки, не обладающие собственным содержанием, а только называющие объект, 2) имена, обладающие определенным семантическим содержанием, и 3) имена, которые в зависимости от контекста меняют свою отнесенность к одной из первых двух групп» [1: 211].

К третьей группе относятся имена собственные, транскрипция или перевод которых зависят от контекста. Чаще всего эти имена собственные подлежат транскрипции; перевод применим лишь, когда необходимо показать

внутреннюю форму, когда имя собственное должно в той или иной степени получить черты имени нарицательного.

Переводчики не единожды сталкивались с проблемой так называемых «говорящих» фамилий. Термином «говорящие имена» («значащие имена», в частности «характеристические имена», «смысловые фамилии») можно обозначить все имена собственные с более или менее уловимой внутренней формой.

Надо ли их переводить? И как, каким образом сохранить и передать в переводе образность имени, характеристику героя, как донести до читателя, не знающего языка оригинала, своеобразие такого имени?

В данной статье мы проанализируем существующие варианты перевода женских имен собственных, используемых в романах-фэнтези Джоан К. Роулинг о Гарри Поттере. При создании мира волшебников в целом и отдельных персонажей в частности одним из самых важных вопросов, решению, которого Дж. К. Роулинг посвятила много времени, был процесс подбора имен героев, значению которых автор придает большое значение. Во многих интервью она признается, что имена играют важную роль в ее книгах и в ее жизни.

Рассмотрим имя одной из главных героинь романа, Гермиону Грейнджер (Hermione Jane Granger). Имя происходит от древнегреческого имени Гермес, который в древнегреческой мифологии был известен как бог разумности, ловкости и красноречия. Именно этими качествами обладает и сама героиня романа. Гермес также известен как покровитель магии, а мы знаем, что Гермиона считается одной из лучших учениц в школе чародейства и волшебства, хотя происходит она из семьи маглов, т.е. не волшебников, о чем говорит ее поистине не магическая фамилия – Грейнджер, происходящая от слова *grange*, означающее 'крытое гумно, рига; зерносклад'. Именно такая «приземленная» фамилия, по мнению автора, должна была показать простое происхождение Гермионы.

Как мы видим из анализа данного имени, переводчик для передачи имени использовал прием транскрипции, при котором значение имени теряется, и читателю, не владеющему английским языком, будет сложно идентифицировать его со значением. Однако переводчик применяет при переводе прием аллитерации, которая в данном случае выполняет две основные свои функции: привлекает внимание читателя и поддерживает тесную связь между компонентами высказывания.

Этот же прием аллитерации применяется при передаче таких имен как: Кандида Когтевран, Пенелопа Пуффендуй, Полумна Лавгуд.

Все эти три имени представляют особый интерес с точки зрения перевода. В оригинале Кандида Когтевран названа автором Rowena Ravenclaw. Если разобрать фамилию Ravenclaw по составляющим, то получается 'коготь ворона', что и нашло свое отражение в переводе. Однако насколько правомерно использование в данном случае перевода? Ведь ворон не имеет никакого отношения к самой волшебнице и ко всему, что она олицетворяла. Таким

образом, на этом примере мы видим образец ненужности перевода, неподкрепленного никаким планом содержания.

Имя Пенелопы Пуффендуй (англ. Helga Hufflepuff) также подверглось трансформации. Переводчик также аллитерировал имя, как это было в оригинале, но фамилию волшебницы поменял. Слово Hufflepuff образовано из двух английских слов: 'huffle' значит 'надувать, раздувать', 'puff' — 'дуновение'. Возможно, автор хотела подчеркнуть связь данного факультета с силами природы. По другой версии, 'Hufflepuff' ассоциируется с одышкой после тяжелой работы. Таким образом переводчик использовал перевод компонента 'huffle' – 'дуй', 'puff' оставил неизменным, тем более, что это слово практически совпадает с русским междометием 'уф', употребляемым при чрезмерной усталости, когда «переводят дух». Изменение фамилии при переводе подталкивает переводчика поменять и имя волшебницы в соответствии со столь любимой автором аллитерацией имен. В результате получилось вполне логичный вариант имени - Пенелопа Пуффендуй.

При переводе имени Полумны Лавгуд (Luna Lovegood) переводчик также прибегает к частичной трансформации самого имени, при этом фамилия передается на язык перевода приемом транскрипции. При этом значение фамилии явно положительное, поскольку составляющие этого слова имеют позитивный смысл, поэтому читатель вправе ожидать от владельца такой фамилии только хороших поступков. По описанию автора, героиня имеет как необычный внешний вид (например, она носит серьги в виде редисок, на праздник надевает странные головные уборы), так и поведение (верит в несуществующих существ и животных), потому чудаковатую девочку многие называют 'looney' (полоумная, сумасшедшая, чокнутая), что созвучно с оригиналом имени Luna. Очевидно именно это прозвище подсказало переводчику вариант перевода имени, которое в полной мере раскрывает сущность героини. В римской мифологии Luna (Луна) — богиня ночного света. Издавна люди верили, что существует взаимосвязь между странным поведением людей и Луной. Это поверье и произошедшее от существительного 'luna' прилагательное 'lunatic' обыграно автором в книге.

Как мы можем видеть, автор, подбирая имена, вкладывала в них порой двойной смысл, они вызывают подсознательные ассоциации, что является немаловажной составляющей ее книг. Имена профессоров школы Минерва Макгонагалл, Сивилла Трелони, Помона Спраут при переводе передаются транскрипцией. Однако в каждом случае автор совсем не случайно выбирает такие имена.

Минерва Макгонагалл (Minerva McGonagall) носит имя римской богини мудрости, покровительнице воинов. Профессор на протяжении всех семи книг цикла демонстрирует мудрость, ясность ума. Она возглавляет факультет Гриффиндор, отличительными качествами студентов которого являются храбрость, благородство, честность, свойственные настоящим воинам.

Сивилла Трелони (Sybill Patricia Trelawney) на первый взгляд носит обычное имя, однако мы помним, что именно такое имя носила в древности известная прорицательница. В книге Сивилла Трелони преподает прорицание и,

она известна своими верными, хоть и редкими пророчествами, которые сбываются в ходе событий книги.

Профессор Помона Спраут преподает в школе травологию. Дословно ‘Sprout’ означает «росток», «побег», «отросток», изредка этим словом обозначают брюссельскую капусту. В переводе издательства «Росмэн» мы встречаем достаточно удачный вариант – профессор Стебель.

В романе встречаются еще «говорящие» имена, например, Флёр Делакур (Fleur Delacour). Имя в дословном переводе с французского — «цветок, растущий во дворе» (фр. fleur de la cour), в переносном смысле «первая красавица при дворе», подтверждение чего мы находим в описании персонажа.

Рита Скитер (Rita Skeeter) является в романе надоедливым журналистом. Фамилия «Skeeter» в переводе означает «Москит», что, вероятно, связано с вредным и назойливым характером персонажа, а также её умением превращаться в насекомое.

Еще один неприятный персонаж романа – Долорес Амбридж (Dolores Jane Umbridge), дама из министерства, имеет говорящее имя. Долорес — достаточно распространенное испанское имя, хотя оно может быть производным от слова ‘dolores’, которое является множественной формой слова ‘dolor’ — это ‘боль, печаль, муки, горе, скорбь, страдание’. Читатели романа хорошо знают, сколько боли и страданий она принесла в Хогвартс. Фамилия ‘Umbridge’ (Амбридж) представляет собой игру слов от «англ. umbrage», что означает обиду, и с сочетанием того, что Амбридж может только вредить и ввергать в уныние.

В своей изначальной языковой среде имена собственные обладают сложной смысловой структурой, уникальными особенностями формы и этимологии, многочисленными связями с другими единицами и категориями языка. При передаче имени собственного на другой язык большая часть этих свойств теряется. Если не знать или игнорировать эти особенности, то перенос имени на другую лингвистическую почву может не только облегчить, но и затруднить идентификацию носителя имени. Если подходить к переводу имен собственных формально, то результатом могут стать многочисленные ошибки, разночтения, неточности в переводе текстов и использовании иноязычных имен и названий. С другой стороны точная передача приводит к возникновению неудобопроизносимых, неблагозвучных или обесмысленных имен и названий. Переводчики постоянно сталкиваются с определенными трудностями при переводе имен собственных. Это вызвано тем, что автор не всегда знает, каким способом или способами перевести то или иное имя собственное.

Литература

1. Влахов С. Непереводимое в переводе [Текст] / С. Влахов, С. Флорин. – М: Международные отношения, 1980. – 176 с.
2. Позднышева Г. К вопросу о переводе «говорящих» имен [Текст] / Г. Позднышева, Е. Пархоменко. // Актуальные вопросы теории и практики перевода : сборник научных трудов. Выпуск II. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013.

Мирошниченко Н.С.
НИУ «БелГУ», Россия

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ И ОПИСАНИЯ ФРЕЙМА «ВОССТАНОВЛЕНИЕ»

Данная статья посвящена специфике репрезентации фрейма ВОССТАНОВЛЕНИЕ в современном английском языке, а также рассмотрению функционально-семантических особенностей лексических единиц, вербализующих названный фрейм. В статье приводятся теоретические основания выделения и описания фрейма ВОССТАНОВЛЕНИЕ, проводится дефиниционный анализ лексических единиц, номинирующих восстановление, выделяются облигаторные и необлигаторные компоненты данного фрейма.

Ключевые слова и фразы: фрейм, когнитивные категории, фреймовый анализ, семантика, восстановление.

Miroshnichenko N.S.
Belgorod National Research University, Russia

THE THEORETICAL BASES OF SELECTION AND DESCRIPTION OF FRAME “RECOVERY”

The article deals with the specificity of representation of frame RECOVERY in Modern English and the problem of their correlation and functional and semantic peculiarities of the lexical units representing the named frame. In this article the theoretical bases of allocation and the description of this frame are resulted. Here the definition analysis of the lexical units nominating frame RECOVERY is carried out, obligatory and not obligatory components of the given frame are allocated.

Key words: frame, cognitive category, frame analysis, semantics, recovery

Если раньше лингвистика стремилась развести лингвистические и экстралингвистические знания, то сегодня существует необходимость изучать лингвистику, особенно в области семантики, в интеграции с другими науками, так как процесс выявления значения тесно связан с глубинными механизмами интеллектуальной деятельности человека, с его мышлением, сознанием, интуицией, памятью; в лингвистике возникает особое направление – когнитивная наука. Целью когнитивной науки является исследование языка как средства организации, обработки и передачи информации. Когнитивная лингвистика открывает «широкие перспективы виденья языка во всех его разнообразных и многообразных связях со всеми мыслительными и познавательными процессами, осуществляемыми человеком, и с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе» [4: 3]. В связи с актуальностью проблемы концептуализации мира в языке многие исследователи делают попытки смоделировать фреймы, стоящие за разными группами лексических единиц.

Фрейм репрезентируется на языковом уровне в определенных языковых единицах и выполняет важную роль в формировании значения подобных единиц.

На основе анализа словарей и произведений художественной литературы и прессы, были отобраны лексические единицы со значением восстановления, в которых эксплицитно или имплицитно представлено понятие «восстановление». В результате сплошной выборки лексических единиц из указанных источников были выделены наиболее часто встречающиеся лексические единицы, репрезентирующие фрейм восстановления.

Семантическим основанием для выбора лексических единиц послужило понятие восстановление. С целью классификации рассматриваемых единиц был проведен анализ словарных толкований на русском и английском языках. Словарь Ожегова даёт следующие определения процессу восстановления: ВОССТАНОВИТЬ – 1. Привести в прежнее состояние: Восстановить разрушенный город. Восстановить свое здоровье. 2. перен. Вновь представить кого-нибудь, что-нибудь, воспроизвести: Восстановить в памяти. 3. Вернуть в прежнее общественное, служебное положение: Восстановить в должности. Восстановить в правах. Восстановить на работе. Согласно словарю Ушакова ВОССТАНОВЛЕНИЕ – Восстановление промышленности. Восстановление в правах (снятие ограничений, наложенных судом). В соответствии с определением из толкового словаря русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой, восстановить – приходить в прежнее состояние, положение; возрождаться, возобновляться; вновь возникать в сознании, в воображении, оживать в памяти; воспроизводиться; возвращаться в прежнее общественное, служебное, правовое положение [3]. Англоязычные словари дают следующие определения понятию восстановления:

restoration –

1. process of bringing an object back to its [original state](#)

(1) *The **restoration** of this painting will take years.* (BNC)

(2) *The **restoration** of this medieval church involved undoing all the Victorian modifications.* (BNC)

2. the [return](#) of a [former monarchy](#) or [monarch](#) to [power](#), usually after having been forced to step down

(3) *The **restoration** of the House of Stuart took place a few years after the death of Cromwell.* (BNC)

restore -

1. to put or bring back (as into existence or use): restore peace in the world

2. to return (something or someone) to an earlier condition or position

(4) *The badly neglected furniture and paintings have all been carefully **restored**.* (BNC)

3. return to life; get or give new life or energy

(5) *"The week at the spa **restored** me."* (BNC)

repair –

1. restore by replacing a part or putting together what is torn or broken

(6) *She **repaired** her TV set.* (BNC)

(7) *"**Repair** my shoes please."* (BNC)

2. make amends for; pay compensation for

(8) *One can never fully **repair** the suffering and losses of the Jews in the Third Reich.* (BNC)

3. the act of putting something in working order again

4. restoration to a sound or good state after decay, waste, injury, or partial reconstruction; supply of loss reparation

(9) *Materials are collected for the **repair** of a church or of a city.* (BNC)

Таким образом, под восстановлением понимается возвращение к прежнему, начальному, нормальному состоянию, исправление, восстановление утраченного, обновление, обретение новых сил, получение обратно, ремонт, реставрацию, воскрешение.

Обзор словарей синонимов показал, что в английском языке в лексико-семантическую группу глаголов и существительных восстановления входит более 100 лексических единиц. Данное количество лексических единиц не является окончательным, так как границы фреймов относительно и возможен переход глаголов фрейма восстановления в смежные фреймы и наоборот. К наиболее рекуррентным лексическим единицам можно отнести, такие как *restore, repair, recover, regain, renew, retrace, redress, reclamation, regeneration, renovate, renovation, resurrection, revive* и некоторые другие. В качестве идентификатора лексических единиц восстановления рассматривается *restore* как лексическая единица, в значении которой фрейм “восстановление” представлен в наиболее абстрактной, обобщенной форме.

На основании изучения экстралингвистической информации (данные психологии, медицины, информатики, строительства) и примеров фактического материала можно выделить следующие обязательные компоненты фрейма ВОССТАНОВЛЕНИЯ: Субъект, осуществляющий восстановление чего-либо, Объект, который восстанавливается, и само Действие, имеющее двойственную направленность, так как восстановление может проводиться как самим Субъектом, так и над Субъектом. Также выделяется ряд необлигаторных компонентов таких, как длительность, цель, место, время, способ, степень, причина, энергичность. Далее выделенные компоненты фрейма описываются более подробно.

Непосредственное описание облигаторных компонентов фрейма ВОССТАНОВЛЕНИЕ показывает, что СУБЪЕКТ ситуации восстановления представляет собой лицо, производящее восстановление и являющееся непосредственным источником этого действия. Субъект играет важную роль в формировании смысла любого предложения, высказывания. В современной лингвистике понятие субъекта анализировалось с различных позиций, соответственно, в зависимости от направления исследования ему придавалась логическая, семантическая либо психологическая трактовка [1: 139; 5: 52-93]. Выделение СУБЪЕКТА как облигаторного компонента обусловлено тем, что в сознании человека любое восстановление связано с СУБЪЕКТОМ-создателем (восстановителем). Вслед за А.В. Бондарко понимаем СУБЪЕКТ как источник неpassивного признака, элемент некоторого события, источником которого он является и, в свою очередь, которым сам же и характеризуется [2: 29-71]. Закрепляя за СУБЪЕКТОМ признак одушевленности в качестве облигаторного,

так как только одушевленное лицо (человек) обладающее сознанием и умением мыслить способно к намеренному созданию объектов, видим, что довольно часто СУБЪЕКТ-создатель может быть выражен в предложении-высказывании как эксплицитно, так и имплицитно. Употребление неодушевленных предметов или существительных абстрактной семантики возможно в качестве грамматического субъекта, но обязательно предполагает наличие в импликации одушевленного субъекта, способного каузировать появление объекта действительности.

ОБЪЕКТ так же относится к облигаторным компонентам, входящим в структуру фрейма ВОССТАНОВЛЕНИЕ. ОБЪЕКТ подразумевается как не имеющий воли, неактивный, неконтролирующий ситуацию пациент, противопоставленный по признакам СУБЪЕКТУ и находящийся в непосредственной зависимости от ДЕЙСТВИЯ..

Под ОБЪЕКТОМ фрейма ВОССТАНОВЛЕНИЕ в данной работе рассматривается непосредственно то, над чем производится восстановление, то, что восстанавливается. На основании анализа фактического материала было выявлено, что ОБЪЕКТ рассматриваемого фрейма имеет ряд необлигаторных компонентов: информационные технологии, одежда, здание, здоровье, эмоции, ситуация, информация, различные вещи (которые могут быть как материальными, так и абстрактными), вера, отношения – которые в свою очередь подразделяются на четыре группы: отношения между людьми, юридические экономические, производственные.

Именно от лексического наполнения таких облигаторных компонентов как СУБЪЕКТ и ОБЪЕКТ (СУБЪЕКТА в меньшей степени, ОБЪЕКТА в большей) зависит семантика лексических единиц восстановления и языковая реализация третьего облигаторного компонента – ДЕЙСТВИЕ, которое является ключевым облигаторным компонентом фрейма ВОССТАНОВЛЕНИЯ, так как оно представляет собой связующее звено между СУБЪЕКТОМ и ОБЪЕКТОМ и представляет собой непосредственно само восстановление.

С целью получения наиболее полной картины отражения рассматриваемого действия (восстановления) на когнитивном уровне, т. е. в сознании человека, необходимо отразить двусторонний (двунаправленный) характер действия, так как восстановление может проводиться, как СУБЪЕКТОМ над ОБЪЕКТОМ, так и над самим СУБЪЕКТОМ. На основании анализа фактического материала можно выделить следующие необлигаторные компоненты ДЕЙСТВИЯ: длительность, цель, место, время, способ, степень, причина, энергичность.

Таким образом, концептуальное содержание фрейма ВОССТАНОВЛЕНИЕ составляют облигаторные и необлигаторные компоненты. Внутрисистемные взаимоотношения между данными компонентами с учетом иерархической структуры и свойств фрейма рассматриваются в данной статье в качестве основания для актуализации значения восстановления средствами современного английского языка, что определяет принципы выбора той или иной единицы для передачи различных оттенков значения.

Литература

1. Болдырев, Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола / Н. Н. Болдырев. – СПб.:1995.– 139 с.
2. Бондарко, А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. – СПб.: Наука 1992. – С. 29-71.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 1233с.
4. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 327 с.
5. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып.23. Когнитивные аспекты языка. – С. 52-93.
6. BNC - British National Corpus - URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.

Морель Морель Д.А.
к.ф.н., НИУ «БелГУ», Россия

ДИНАМИКА КОНЦЕПТОВ «ОБЖИТОГО ПРОСТРАНСТВА», ВЫЯВЛЯЕМАЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В статье показано, какие изменения могут претерпевать достаточно стабильные концепты в эпоху социальных потрясений, и как эти изменения могут быть выявлены с помощью ассоциативного эксперимента. Материалом послужили ассоциативные поля слов-стимулов, репрезентирующих наиболее типичные компоненты «обжитого пространства», по состоянию на 1988-1990 (данные «Русского ассоциативного словаря») и 2013-2015 (результаты авторского эксперимента) годы.

Ключевые слова: концепт, динамика, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, ассоциация, периметр безопасности, обжитое пространство.

Morel Morel D.A.
Belgorod National Research University, Russia

DYNAMICS OF “DOMESTICATED SPACE” CONCEPTS REVEALED UPON THE RESULTS OF ASSOCIATIVE EXPERIMENT

The article shows what kind of changes rather stable concepts can undergo in times of social upheaval and how to reveal these changes by means of associative experiment. Associative fields of stimuli representing the most typical components of “domesticated space” as of 1988-1990 (the data of “Russian associative dictionary”) and 2013-2015 (the results of the author experiment) serve as material.

Key words: concept, dynamics, associative experiment, associative field, association, security perimeter, domesticated space.

Идеи французского историка и антрополога А. Леруа-Гурана о «периметре безопасности», ограничивающем (физически и символически)

«обжитое пространство» от хаоса и неизвестности «внешнего» мира [4: 139-163] обладают высоким эвристическим потенциалом и сохраняют значимость и актуальность для гуманитарного знания в целом и лингвистики в частности.

Анализ более ранней работы А. Леруа-Гурана и исследований других авторов (подробнее см.: [2]) позволяет нам говорить об «обжитом пространстве» как о сложной системе фрактальной природы [6], зонированной несколькими «периметрами безопасности» по степени освоенности, обжитости и, соответственно, степени ощущения защищенности, которая охватывает не только пространство, но и его материальное (главным образом, артефактное) наполнение, а также связанные с ним и/или существующие внутри него социальные и психологические феномены [1].

В силу универсальности большинства реалий «обжитого пространства», концепты, репрезентирующие их в картине мира, являются достаточно стабильными. Однако сильные социальные потрясения, такие как развал Советского Союза с последующей коренной перестройкой социального, политического и экономического укладов, не могли не отразиться и на них. Для выявления подобной динамики мы обратились к сопоставительному анализу ассоциативного материала, собранного в 1988-90 гг. (далее – T_0) при составлении «Русского ассоциативного словаря» [3] и в 2013-15 гг. (далее – T_1) в ходе авторского ассоциативного эксперимента.

Мы исходим из признания изоморфизма структур концепта и ассоциативного поля его имени, в силу чего можно говорить о следующем:

1) семантические кластеры, выявляемые в структуре ассоциативного поля, репрезентируют релевантные для языкового сознания когнитивные признаки концепта;

2) изменения в суммарной частотности репрезентантов семантических кластеров ассоциативного поля по прошествии времени позволяют делать выводы об изменении релевантности соответствующих когнитивных признаков для языкового сознания, а также о трансформациях в комплексах внутренних и внешних связей концепта;

3) подобным образом могут быть выявлены а) появление принципиально новых когнитивных признаков концепта, б) актуализация потенциальных и деактуализация (говорить об элиминации признака, основываясь только на анализе ассоциативного материала, нельзя) имевшихся ранее признаков, в) увеличение или уменьшение релевантности имеющихся признаков [5].

Для анализа нами были отобраны комплексы ассоциаций на 11 слов-стимулов, напрямую соотносящихся с наиболее типичными реалиями «обжитого пространства» [1], по состоянию на T_0 и T_1 . Количественные результаты семантической кластеризации ассоциативного материала и сопоставительного (горизонтального) анализа суммарной частотности репрезентантов выявленных кластеров приведены в Таблицах 1 и 2, соответственно.

Таблица 1

Количество кластеров, выявляемых в структуре ассоциативных полей, по состоянию на T_0 и T_1

№ п/п	Ассоциативные поля	Количество кластеров		
		всего	на T_0	на T_1
1	безопасность	16	12	15
2	уют	10	9	8
3	граница	10	9	10
4	родина	15	14	12
5	город	17	17	15
6	дом	18	17	15
7	забор	18	16	16
8	семья	16	16	14
9	посуда	8	8	8
10	одежда	13	11	12
11	мебель	12	12	10

Таблица 2

Динамика кластеров, выявляемых в структуре ассоциативных полей, по состоянию на T_1

№ п/п	Ассоциативные поля	Кластеров на T_1 (% от общего количества)			
		актуализировано	деактуализировано	увеличило частотность	уменьшило частотность
1	безопасность	18,8	6,3	37,5	31,3
2	уют	10	20	30	40
3	граница	10	0	30	50
4	родина	6,7	20	20	46,7
5	город	0	11,8	29,4	41,2
6	дом	5,6	16,7	27,8	38,9
7	забор	11,1	11,1	22,2	50
8	семья	0	12,5	31,3	31,3
9	посуда	0	0	37,5	37,5
10	одежда	0	15,4	30,8	30,8
11	мебель	0	16,7	25	41,7

Был выявлен только один случай формирования нового кластера, репрезентирующего выделение принципиально нового когнитивного признака в структуре концепта «безопасность»: *информационная* безопасность. Это обусловлено массовым проникновением в нашу повседневную и профессиональную жизнь таких малоактуальных для респондентов советского периода реалий как персональные компьютеры и компьютерные сети.

Итого, в отобранном ассоциативном материале было выявлено 153 семантических кластера. Из них на конец рассматриваемого исторического периода появилось принципиально новых – 1, было актуализировано – 11, деактуализировано – 18, увеличило суммарную частотность – 44, уменьшило ее – 61, не претерпело особых изменений – 18.

Еще одним интересным процессом, который может быть выявлен на основании сопоставительного анализа ассоциативных полей, разнесенных во времени, является внутреннее перепрофилирование когнитивных признаков, проявляющееся в смене наиболее частотной реакции кластера. В случае нашего материала данное явление было выявлено в 17 кластерах, наиболее репрезентативные случаи приведены в Таблице 3.

Таблица 3

Примеры перепрофилирования признаков

Ассоциативные поля	Кластеры / признаки	Топовые реакции ($T_0 \rightarrow T_1$)
посуда	изготовлена из определенного материала	фарфоровая -> стеклянная
одежда	это конкретный предмет одежды	пальто -> джинсы
мебель	конкретный предмет или тип мебели	шкаф -> диван
город	имеет определенный внешний вид	красивый -> огни
дом	соотносится с некоей его частью	крыша -> квартира
граница	это пограничная и/или таможенная служба, ее атрибуты	собака -> таможня
одежда	это конкретная разновидность носильных вещей	легкая -> верхняя

Таким образом, наиболее распространенным проявлением динамики, которое затронуло все рассматриваемые концепты, стало относительное количественное изменение релевантности когнитивных признаков: уменьшение и увеличение. Первое охватило от 30,8 до 50% репрезентированных в ассоциативном материале признаков, второе – от 20 до 37,5%. Вторым по распространенности стало качественное изменение релевантности когнитивных признаков: деактуализация имевшихся, актуализация потенциальных и появление новых признаков: в 9, 7 и 1 случае, соответственно. Данными

процессами было охвачено от 6,3 до 20% кластеров каждого подверженного поля в первом случае, от 5,6 до 18,8% – во втором, 6,3% – в третьем.

Особо подчеркнем, что, говоря об актуализации / деактуализации, мы имеем в виду только наиболее релевантные для языкового сознания в синхронии когнитивные признаки, репрезентируемые устойчивыми ассоциациями на имя концепта как на слово-стимул. Говорить об актуализации / деактуализации признаков применительно к структуре концепта *в целом* можно только при дополнительном привлечении других методов исследования.

Необходимо отметить, что деактуализации и снижению релевантности оказались подвержены преимущественно акциональные, качественные и, в меньшей степени оценочные и обстоятельственные характеристики. Это, в совокупности с общим преобладанием двух данных процессов, подтверждает сделанные нами ранее наблюдения о наличии общей тенденции к упрощению внутренней структуры концептов, уменьшению плотности их внешних связей и, как следствие, фрагментаризации картины мира современной российской молодежи.

Литература

1. Морель Морель, Д. А. Интегративная функция концепта «периметр безопасности» в англоязычной картине мира [Текст] / Д. А. Морель Морель // XX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. – М. : ПСТГУ, 2010. – Т. 2. – С. 138–140.

2. Морель Морель, Д. А. Междисциплинарный характер концепта «периметр безопасности» [Текст] / Д. А. Морель Морель // Язык и ментальность : сб. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. – СПб. : СПбГУ, 2010. – С. 459–463.

3. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>

4. Leroi-Gourhan, A. Le geste et la parole [Texte] / A. Leroi-Gourhan. – P. : A. Michel, 1965. – V. 2 : La mémoire et les rythmes. – 285 p.

5. Morel Morel, D. A. Medium-term dynamics of the naive picture of the world through the prism of associative experiment [Text] / D. A. Morel Morel // Applied and Fundamental Studies : Proceedings of the 5th International Academic Conference. April 29-30, 2014. – St. Louis, Missouri : Publishing House «Science and Innovation Center», 2014. – P. 233–237.

6. Ryazanova, E. V. «Hazardous zones» within «security perimeter»: comparative study on the material of folkloric discourse [Text] / E. V. Ryazanova, D. A. Morel Morel // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». – 2015. – Т. 1 ; № 4(6). – Режим доступа : <http://rr.bsu.edu.ru/images/issue6/lingvistika/ling2.pdf>

Павлова А.В.

к.ф.н., доц., Оренбургский государственный университет, Россия

КОНЦЕПТ STATE И КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ³⁰

Статья посвящена анализу структуры и содержания концепта STATE в современном английском языке, обоснованию его модусного характера. Концепт STATE рассматривается как основание для выделения категории стательности. Выявляется роль концептуально-тематических областей определения концепта STATE в формировании стательных смыслов.

Ключевые слова: концепт, состояние, когнитивно-дискурсивная парадигма, концептуально-тематическая область.

Pavlova A.V.

Orenburg State University, Russia

CONCEPT 'STATE' AND CONCEPTUAL-THEMATIC AREAS OF ITS DEFINITION

The article provides the analysis of structure and content of the concept STATE in modern English language, substantiation of its modus character. The concept STATE is considered as the basement for revealing the category of staterity. The role of conceptual-thematic areas defining the concept STATE in the formation of state-senses is revealed.

Key words: concept, state, cognitive-discourse paradigm, conceptual-thematic area

На данный момент с определенной долей уверенности можно утверждать, что феномен состояния привлекает внимание ученых разных областей знания, находится в центре внимания гуманитарных, технических, естественных наук, что, принимая во внимание выражаемое им значение интегральной характеристики чего-либо или кого-либо, признается вполне логичным и закономерным.

Попытки установления сущности состояния предпринимались с Древнейших времен, неоднократно к проблемам, так или иначе касающимся состояния, обращались философы Средневековья и Эпохи Возрождения, создавая концептуальную основу для наименований характеристик объектов реального мира, изучавшихся в физике, химии, биологии и т.д. (состояние свободного падения, состояние покоя, состояние вещества, состояние термодинамической системы и т.д.).

В тех случаях, когда изучению подвергались жизненно-важные и психологически значимые объекты реальной действительности, их состояния вербализовались с помощью прямых номинаций. Например, в современном английском языке существует достаточно большое количество наименований болезненного состояния человека – *illness, disease, malady, malaise, indisposition,*

³⁰ Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-10006 "Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном контексте") в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина.

etc. [см. подробнее 11]. Иногда имя присваивалось раньше, чем объект был в определенной степени познан, например, вода в жидком, газообразном и твердом состояниях – *water can occur in three states: solid (ice), liquid, or gas (vapor)*. В таких случаях номинации отражают наивную и научную категоризацию действительности.

Изучение состояния в лингвистике получило широкое распространение во второй половине XX века в рамках структурного подхода к исследованию языка [3, 4, 5, 7, 8, 9, 10]. Представленные типы предикатов состояния, разработанные признаки, на основе которых глагол можно отнести к предикатам состояния, сформировали прочный фундамент из языкового материала, в результате анализа которого были описаны лексические, синтаксические, грамматические и другие единицы языка с семантикой состояния.

Современные исследования в русле когнитивной лингвистики отличаются высокой степенью междисциплинарности, межэпохальности и, что немаловажно, объяснительности полученных результатов [6: 40]. Для настоящего исследования эти «параметры» представляют особую важность и являются краеугольными камнями ввиду специфики изучаемого понятия.

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы можно определить состояние (STATE) как концептуально-сложный формат знания [1: 27]. С целью выявления структуры и содержания концепта STATE обратимся к анализу словарных дефиниций лексемы *state* в современном английском языке. Так, *state* определяется как *the way something is with respect to its main attributes* [12]. Подобное понимание состояния наводит на мысль о зависимости конкретного стального значения от области его определения, от носителя состояния, который в языке представлен субъектом нереперентной активности. Например, *I had to lie down because I was groggy* профилирует невозможность изменить горизонтальное положение человека в пространстве вследствие опьянения, *his body lies in a crypt* – профилирует смерть как состояние похороненного человека, *a book lay open on the table* – профилирует состояние предмета через его определенное положение в пространстве, *the abbey lies in ruins today* – профилирует специфическое состояние артефакта (находиться в руинах), *the solution lies in a return to traditional values* – профилирует состояние решения вопроса, которое заключается в возврате к традиционным ценностям, *United are currently lying in fifth place* – профилирует нахождение на пятом месте как результирующее состояние [13]. Представленные примеры наглядно демонстрируют зависимость стального смысла от той концептуально-тематической области, в рамках которой происходит его формирование.

Такая содержательная зависимость определяет и структурную специфику исследуемого концепта. Как и некоторые другие концепты подобного типа [2], концепт STATE представлен функционально. Стальные смыслы получают пропозициональную реализацию в языке. Типичная пропозиция состоит из носителя состояния и его стальной характеристики. Такая репрезентация позволяет выявить целую концептуальную структуру, представляющую собой единство стального смысла как определенной характеристики

соответствующего концепта (положение в пространстве, физическое состояние, состояние дел и т.д.) и интерпретируемого концепта (человек, природные объекты, события, артефакты и т.д.).

Выявленные содержательная соотнесенность, структурная зависимость и, как следствие, инферентность (потребность в выводном знании) позволяют предположить модусный характер концепта STATE, на основе которого разноуровневые единицы языка объединяются в модусную категорию стательности. Содержательная соотнесенность концепта STATE с определенной концептуально-тематической областью определяет специфику стательной концептуализации и вторичной репрезентации знаний в языке.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. 2009. С. 25 – 77.
2. Болдырев Н.Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. 2011. С. 5 – 14.
3. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996 (б). — 219 с.
4. Васильев Л.М. Семантические классы русского глагола (глаголы мысли, чувства, речи и поведения). — Автореф. диссер. . докт. филол. н. — Л., 1971. — 38 с.
5. Вольф ЕМ. Состояние и признаки: Оценка состояний // Семантические типы предикатов. — М.: Наука, 1982. — С. 320 — 338.
6. Демьянков В.З. О социально-когнитивных параметрах дискурсных техник презентации научных результатов // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. 2015. — С. 39 – 51.
7. Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. — Munchen: Verlag Otto Sagner, 1992. — 201с.
8. Зорихина Н. Выражение семантики психологического и физиологического состояния человека в высказываниях с глаголами "положения в пространстве" в русском языке // Scando-Slavica. — COPENHAGEN: MUNKSGAARD. — Tomus 40, 1994. — P. 190 — 208.
9. Изард Кэрролл Е. Эмоции человека. — М.: Изд.-во МГУ, 1980. — 439 с.
10. Камалова А.А. Формирование и функционирование лексики со значением психического состояния в русском литературном языке: Учебное пособие. — Архангельск: Изд.-во Поморского междун. пед. ун-та, 1994. — 135 с.
11. Павлова А.В. Категория «болезненное состояние» в английском и русском языках: монография. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. — 179 с.
12. <http://www.thefreedictionary.com/state>
13. Oxford dictionaries [Oxford] URL: <http://www.oxforddictionaries.com>

Пересыпкин А.П., к.п.н.,
Цурикова Л.В., к.п.н., доц.,
Ермакова Л.Р., к.ф.н.
НИУ «БелГУ», Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КУРАТОРИЯ КАК ПАНКАТЕГОРИЯ СИНЕРГЕТИКИ

Предлагаемая статья посвящена аналитическому исследованию соотношения лингвистической куратории и синергетического аспекта развития естественного языка, а также специфике преломления языковых средств в речевой деятельности. Соотносимость грамматических структур и кратковременность существования речевой деятельности с теорией лептонов – элементарных носителей информации.

Ключевые слова: лингвистическая куратория, лингвистика текста, прагматика, речевой акт, синергетика, лептон.

Peressypkin A.P., Tsurikova L.V., Ermakova L.R.
Belgorod National Research University, Russia,

LINGUISTIC KURATORIA AS PANCATEGORY OF SYNERGETICS

The article is devoted to the analytical study of the correlation between linguistic kuratoria and synergistic aspect of natural language development and the specifics of interpretation of language means in speech. The relevance of grammatical structures and the short duration of existence in speech activity with the theory of leptons – elementary data media.

Keywords: linguistic kuratoria, text linguistics, pragmatics, speech act, synergetics, lepton.

Известно, что синергетика чаще всего рассматривается как теория возникновения новых качеств на макроскопическом уровне. При таком подходе возникновение смысла следует трактовать как возникновение нового качества системы, то есть, как саморождение смысла. При этом смысл принято связывать с понятием информации, которая, в первую очередь, неотъемлема от естественного или искусственного языка.

По мнению известного теоретика синергетики Г. Хакена, «информация не может порождаться системами в состоянии теплового равновесия... Система, находящаяся в состоянии теплового равновесия, не может и хранить информацию. Рассмотрим типичный пример – книгу. На первый взгляд может показаться, что она находится в тепловом равновесии – ведь мы даже можем измерить ее температуру. Однако полного теплового равновесия книга достигнет лишь после того, как типографская краска продиффундирует и, расплываясь по каждой странице все больше и больше, распространится по ней, – но тогда текст исчезнет» [8 : 46].

Это, на первый взгляд, парадоксальное по отношению к языковой системе, которая является предметом нашего рассмотрения, высказывание имеет все разумные основания. Натуральный язык принято понимать как гомеостатичную открытую саморегулирующуюся систему. Это означает, что по

своей природе система статична относительно индивида, социума и этноса. Однако известно, что на уровне узуса, примерно, за столетие, то есть за четыре поколения носителей, в языке регулярно происходят изменения [6 : 162]. Это явление объясняется именно открытостью системы. Подобный подход имеет некоторый характер условного упрощения. В действительности дело обстоит значительно сложнее.

Следует иметь в виду самую очевидную истину: языковая система представляет собой сопряжение физической и идеальной составляющих. Их взаимовлияние и позволяет рассматривать язык как категорию синергетики, суть которой направлена на объяснение саморазвития системы, по терминологии И. Пригожина и И. Стенгерс [5], «к порядку из хаоса». Здесь имеет смысл обратиться к достаточно пространному высказыванию родоначальника синергетики:

«Обмен информацией первоначально может происходить случайно, со временем между различного рода сигналами возникает конкуренция или кооперация, и в конце концов устанавливается новое коллективное состояние, которое качественно отличается от неупорядоченного, или некоррелированного, состояния, существовавшего прежде. Состояния отдельных частей системы определяются с помощью принципа подчинения. Но этот же процесс можно описать и по-иному, как некоторое специфическое согласование активности отдельных частей системы или как самоорганизацию. Одновременно с переходом в новое состояние происходит сжатие информации. Информация проявляется на макроскопическом уровне и во многих случаях увеличивает надежность и/или эффективность системы или служит другим целям.

Новый коллективный уровень становится наблюдаемым для внешнего мира, и при установлении этого отношения, или контекста, достигается новый семантический уровень» [8 : 51].

При таком синергетическом подходе становится значительно более понятна природа циклических колебаний языковой системы, которые, к примеру, проявляются в стремлении к экономии языковых средств, при которой упрощение синтаксиса приводит к усложнению семантики и наоборот [1 : 41-51], в периодическом «отступлении» и «наступлении» гипотаксиса, клишированию лексических сочетаний, «изношенность» которых постепенно ведет к неологизации либо функциональной активизации стилистических ресурсов.

Таким образом, синергетика подтверждает принятый постулат о взаимодействии сознания, как идеального феномена, и физической составляющей языковой системы, будь то акустика, будь то графика. Эти два фактора и превращают язык в саморегулирующуюся систему, открытую, но относительно статичную, одновременно, но разнонаправлено воздействуя на ее иерархические единицы и приводя целое в динамическое равновесие.

Тогда возникает еще один вопрос: какой из этих факторов более действенен? В ответе на этот вопрос целесообразно вспомнить замечание Г. Хельбига: «Языковая система тогда только может выполнять свою

общественно-коммуникативную функцию, когда она представляется как система *корреляций* (Zuordnungen) между содержанием сознания и материальными сигналами, которые транспонируют содержание сознания (как отражение внеязыковой действительности) в синтаксически, морфологически и фонетически организованную звучащую речь. Поэтому такая система соотношенностей между значением и звучанием должна найти объяснение в рамках каждой грамматической теории» [9 : 148].

С этой точкой зрения перекликается утверждение Г. Хакена: «...Построение семантики требует высокой степени кооперативности внутри системы и повторного взаимодействия с внешним миром. В этом отношении семантическая информация является не статическим свойством, а процессом, в котором контексты и их соответствие проверяются, усиливаются или отбрасываются снова и снова. Сознание правильнее считать не статическим состоянием, а процессом, в ходе которого информация непрерывно передается между различными частями мозга и многократно в них обрабатывается» [8 : 52-53].

Из этих наблюдений однозначно следует, что доминирующим фактором языкового развития является именно сознание. Однако в данном случае допустимо возражение – сознание лишь отражает меняющуюся действительность. Но здесь следует иметь в виду, что действительность изменяется под воздействием мыслительной деятельности человека, но деятельности не коллективной, а только отдельных представителей сообщества, способных совершить определенный прорыв в той или иной области науки и технического развития. Результаты индивидуально-мыслительной деятельности становятся достоянием сообщества и приводят к их проникновению в систему языка. Подобная модель языкового развития свидетельствует о том, что лингвистическая куратория, как комплекс обусловленности оптимального построения отдельного высказывания, не зависящего от его протяженности, в результате актуального соответствия синхронических особенностей языковой системы внеязыковой действительности представляет собой панкатегорию синергетики. Справедливость этой модели может быть проверена в рамках функционального изучения языка.

Функциональное изучение языка, видимо, может быть построено на отказе от известной дихотомии Ф. де Соссюра. Преодоление этого противопоставления возможно на выделении в рамках лингвистики общего направления «речевая деятельность». Это направление может рассматривать речь в совокупности с паралингвистическими факторами. Именно такой подход способен дать ключ к научному и достаточно точному пониманию природы основного средства коммуникации человеческого общества. Работы в этом направлении требуют, однако, серьезной технической оснащенности, сродни оборудованию институтов головного мозга.

Самой авторитетной междисциплинарной группой, проводящей экспериментальные лингвистические работы более десятка лет, является коллектив А. Фридрици в Лейпцигском Институте нейрофизиологических исследований им. Макса Планка. Среди задач, решаемых здесь, ключевыми

представляются определение содержания грамматики, значимости запаса слов, установление участков мозга, задействованных в процессе понимания речи, и их комплексного взаимодействия.

До настоящего времени в печати были представлены результаты, отображающие три основные фазы понимания высказывания. На первой, занимающей 160 миллисекунд, – мозг анализирует грамматическую структуру предложения. «Тысячекратно повторяясь, грамматическая информация постепенно образует замкнутую систему. Мозг превращает это знание, так сказать в hardware, чтобы больше над ним не задумываться» – так А. Фридрици объясняет поразительно высокую скорость первой фазы. Зато обращение к внутреннему словарю происходит не так быстро. Значения слов анализируются на второй фазе уже 200-600 миллисекунд. На третьей фазе в течение 700 миллисекунд идет взаимная подгонка значений слов и структуры предложения. Если система находит ошибку, процесс анализа начинается с начала» [4 : 48].

Пример «сбоя» в анализе иллюстрируется следующим примером: «Мы предлагаем испытуемым выслушать предложения и измеряем мозговые токи. Возьмем типичное начало предложения «Он сел на...» Далее все ждут существительного, скажем, «стул». Вместо него мы подставили глагол «стал»: «Он сел на стал». Идея была в том, чтобы спровоцировать мозг на возмущение. Эксперимент удался. Через 160 миллисекунд, еще не распознав значение слова, мозг с повышенной активностью реагировал на ошибку» [Там же]. Надо заметить, что подобный прием уже использовался Г.В. Черновым [11 : 71-85] для подтверждения гипотезы о действии механизма вероятностного прогнозирования на вербальном уровне сочетаемости слов у переводчиков-синхронистов. «Для этого предлагался текст, содержащий словосочетания разной степени связности. В одном типе высказываний «подсказывалась» высокая степень вероятности определенного вербального завершения, но реальное завершение было иным (в популярной телевизионной передаче недавно прозвучала фраза: *Лучше меньше, да «ЛУЧ»*). Во втором типе каждое слово не сочеталось в смысловом отношении ни с предыдущим, ни с последующим (*Проходной букет вытек с холодным шумом*). Полученные в эксперименте результаты (перевод по подсказанной гипотезе в первом случае и нарушение синхронного перевода во втором) позволяют сделать ряд выводов о механизме вероятностного прогнозирования как на уровне прогноза вероятности сочетаемости слов, так и на более высоком смысловом уровне [12 : 24].

Экспериментальные данные дают основание полагать, что синтаксис, грамматика – вот суть языка. Если вообще какая-то часть языка заложена в нейронах, то скорей всего именно эта. Слова, как полагает А. Фридрици, могут выучить и обезьяны, и попугаи. Известно, некоторые ученые полагают, что грамматика – врожденное качество человека, вернее, его мышления. Однако А. Фридрици утверждает, что сама по себе грамматика не врождена, но, несомненно, врожденной является способность усвоить ее как систему правил. Как показало изучение быстроты процесса распознавания, маленькие дети

реагируют не так быстро, справляясь с анализом грамматики в среднем за 260 миллисекунд. Отсюда следует постулат о том, что грамматике мы учимся так же, как езде на велосипеде. Наступает момент, когда мы больше не задумываемся о структуре языка, а просто им пользуемся. Более того, результаты экспериментов дают основание для довольно категоричного утверждения: «...именно синтаксис отличает человеческий язык от других коммуникативных систем. Но распознавание синтаксических структур происходит как раз совершенно бессознательно. Если же мы заявляем, что человек обладает сознанием потому, что использует язык, а главное, что отличает язык, бессознательно, то здесь что-то не сходится» [4 : 49].

Экспериментальные данные позволяют несколько модифицировать схему коммуникативного общения с учетом прагматических факторов распознавания. Если для говорящего, исходя из модели Т.А. ван Дейка, базисным фондом реализации смысла представляется семантика, интерпретируемая в процессе референции, то для слушающего первичным фактором прагматической успешности общения является грамматика, то есть синтаксис высказываний. Именно эти две полярные характеристики и дают основание для истолкования ролей участников общения как асимметричного процесса не только в поведенческом отношении, но и в лингвистическом аспекте.

При таком подходе следует иметь в виду, что, согласно концепции Г. Гийома, «мыслительный акт, осуществляемый на понятийном уровне, предшествует семиологическому акту выбора конкретных речевых средств для высказывания. В момент перехода от языкового знака к речевому кончается компетенция языка и начинается речь. Выбор и комбинирование понятий для будущего высказывания и последующее речевое его оформление требуют определенного «оперативного» времени, которое может быть минимальным и протекать незаметно для говорящего» [7 : 45]. Длительность этого процесса зависит от степени владения человеком языком, на котором он говорит.

Эта посылка определяется общим представлением Г. Гийома о четкости разграничения понятий «язык» и «речь» и о существовании двух видов «означаемого» и «означающего». Ср.: «Двум означаемым – виртуальному [языковому абстрактному понятию] и актуальному [образу конкретного референта] отвечают и два «означающих»: виртуальное (*signifiant de puissance*) и актуальное (*signifiant d' effet*) [7 : 45]. Соответственно и речевая деятельность структурируется по следующей схеме:

I	II	III
Замысел сообщения, мысль еще не осуществленная, находящаяся в сознании ментальная структура	Языковое, знаковое речевое оформление задуманного сообщения, еще не выраженное, пребывающее пока еще в сознании	Речевое оформление сообщения, передача его в виде речи (письменной или устной)

При этом вторая фаза распадается на два этапа – содержательное оформление сообщения в мыслях и знаковое оформление сообщения в мыслях [7 : 20].

Язык, как полагает Г. Гийом, представляет собой «некую абстрактную реальность, содержащую не готовые представления, которые могли бы в таком, уже готовом, виде быть использованы в речи, и которые, все вместе, представляли бы всю картину мира, но совокупность абстрактных схем мыслительных операций, которые должны осуществляться для получения представления о том или ином фрагменте этого мира. При речевом акте... язык поставляет виртуальные поставляемые [понятия], которые, в соединении со знаками, образуют «единицы языка» – слова, с помощью которых строятся «единицы речи» – фразы [или предложения].

В индоевропейских языках фразы [предложения] конструируются из слов и грамматических форм, то есть из единиц языка, переведенных в речь и имеющих каждая свое означаемое, свое означающее и свой знак. Предложение [фраза] является единицей сложной, состоящей из слов [или означающих речи]. Но поскольку всякое означающее представляет собой соединение знака с означаемым, можно сказать, что предложение есть не что иное, как соединение означаемых, именно соединение, но ни в коем случае не сумму. При таком соединении каждый вступающий в него элемент теряет свою самостоятельность, и предложение образует новое, расширенное означаемое. Это означаемое, однако, не имеет своего особого означающего, оно не пользуется никаким особым знаком. Г. Гийом считал, что лишь «постоянные» единицы, «постоянные» означаемые могут иметь свои означающие, а предложение является единицей преходящей, моментальной, не постоянной. Передав вложенную в нее мысль, фраза исчезает вместе с ситуацией речи, ее породившей» [7 : 48]. Весьма важно иметь в виду, что входящие в состав предложения и составляющие его единицы – слова – обладают постоянным означаемым, означающим и связывающим их материальным знаком. Знак может повторяться в речи любое число раз, но это не значит, что он является носителем одного и того же означаемого, то есть, значение слова в предложении может быть каждый раз другим, но находится оно всегда в пределах языкового понятия.

Думается, что учение Г. Гийома дает верное философское представление о соотношении языка и речи и специфике преломления языковых средств в речевой деятельности для формирования смысла высказывания. Это учение получает детальное развитие в концепции Т. ван Дейка [3]. В отношениях дополнительности к ним находится экспериментальное наблюдение А. Фридрици. Оно действительно подтверждает, что для реализации смысла важна, прежде всего, грамматическая структура высказывания (предложения). Она важна для адресата, но, следует полагать, в равной мере она важна и для адресанта.

Проведенный анализ дает основание признать совершенно справедливым тезис о том, что «с точки зрения языка формирование смысла происходит не только через лексические механизмы, но также и через синтаксические

механизмы и механизмы формирования высказывания» [2 : 127]. При этом следует иметь в виду, что «механизмы», приведенные последними, входят в компетенцию фоновых прагматических характеристик.

Экспериментальные данные и описательное моделирование позволяют установить значимость грамматических структур и кратковременность существования речевого высказывания. Эти показатели гипотетически соотносимы с теорией лептонов, занимающей одно из центральных мест теоретической и прикладной физики. Лептоны – общее название класса элементарных частиц, не обладающих сильным взаимодействием, то есть участвующих лишь в электрорагнитном, слабом и гравитационном взаимодействиях. Лептоны имеют спин $1/2$. В настоящее время различают заряженные лептоны – электрон, мюон (μ), τ -лептон - и нейтральные лептоны – нейтрино. Заряженные лептоны участвуют как в слабом, так и в электрорагнитном взаимодействиях элементарных частиц. Нейтральные лептоны участвуют в слабом взаимодействии. Массы заряженных лептонов сильно различаются между собой: масса электрона $m_e=0,511$ МэВ, масса мюона 105 МэВ, масса τ -лептона = 1762 МэВ. Массы лептонов теоретически не объяснены. Для каждого типа заряженных лептонов – электрона, мюона, τ -лептона - и для соответствующих им нейтрино существует своё сохраняющееся лептонное число (заряд). Лептонные числа строго сохраняются, хотя почему это происходит сегодня не ясно.

Электрон, позитрон и нейтрино стабильны. Мюон в вакууме имеет время жизни $\approx 2 \cdot 10^{-6}$ сек., τ -мезон $\approx 10^{-13}$ сек. [10]. Лептоны наблюдаются в свободном состоянии как отдельные частицы, участвующие в различных реакциях. Кроме лептонов существуют частицы, которые передают взаимодействие между фундаментальными фермионами (кварками и лептонами). Это частицы с целым спином – калибровочные бозоны.

Можно предположить, что именно лептоны являются элементарными носителями информации, из которой образованием лептонной структуры, связываемой бозонами, формируется мысль, облакаемая на этой же основе в речевую форму, которая воспринимается реципиентом и декодируется по модели Г. Гийома. Эта гипотеза может быть проверена лишь экспериментальным путем.

Литература

1. Будагов Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. М.: Изд-во МГУ, 1976. 428 с.
2. Гийом Ж., Мальдидье Д. О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса / Ж. Гийом, Д. Мальдидье. // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. 416 с.
3. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк: Пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
4. Зенткер А. По следам языка: Нейрофизиолог Ангела Фридеричи / А. Зенткер // Deutschland (Германия): Политика, экономика, наука. № 5, 1997. С. 46-49.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 312 с.

6. Прохоров В.Ф. Этимология синонимии глагольной лексики в русском и немецком языках: дисс. докт...наук / В.Ф.Прохоров. М., 1998. 299 с.
7. Реферовская Е. А. Философия лингвистики Гюстава Гийома / Е. А. Реферовская. СПб: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. 126 с.
8. Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам: Пер. с англ. / Г. Хакен. М.: Мир, 1991. 240 с.
9. Хельбиг Г. Языкознание – сопоставление – преподавание иностранных языков / Г. Хельбиг // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / Сост. В. П. Нерознака; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1989. С. 307-326.
10. Хлопов М. Ю. Физика космоса. Маленькая энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия. – 1986. – Глоссарий Astronet.ru [Электронный ресурс] URL: <http://www.astronet.ru> (дата обращения: 08.11.2012).
11. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода / Г. В. Чернов. М.: Междунар. отношения, 1978. 541 с.
12. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. М.: Наука, 1988. 215 с.

Пристинская Т.М.
к.ф.н., НИУ «БелГУ», Россия

ТИПЫ АППРОКСИМАТОРОВ В НОМИНАЦИЯХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В данной статье рассматривается концептуально-языковая природа, модусный характер и полевая структура лингвистической категории аппроксимации, анализируется роль ингерентных и адгерентных аппроксиматоров, а также контекста в реализации вариантов инвариантного значения приближительности в немецком языке.

Ключевые слова: категория аппроксимации, концептуальные признаки, семантическая функция, приближительность, неопределенность, интенсивность, сравнение, оценка, аналитические номинации, ингерентный / адгерентный аппроксиматор.

Pristinskaya T.M.
Belgorod National Research University, Russia

TYPES OF THE APPROXIMATORS IN THE NOMINATIONS WITH AN APPROXIMATIVE MEANING (BASED ON GERMAN LANGUAGE)

The article is devoted to the description of the conceptual-linguistic nature, modal character and field structure of the linguistic category of approximation and to the analysis the role of inherent and adherent approximators as well as the context in the realization of the invariant meaning of approximateness in the German language.

Key words: category of approximation, conceptual signs, semantic function, approximation, indetermination, intensity, comparison, evaluation, analytical nominations, inherent / adherent approximator.

Результаты исследований лингвистической аппроксимации на материале разных языков (Сахно С.Л. 1983; Пристинская Т.М. 1998; Никишенкова Ю.В.

2000; Ильченко О.М. 2000; Дубовицкая Е.Ю. 2006; Ионова С.В. 2006; Сёмкина А.В. 2006; Арчакова Р.А. 2008; Адамович С.В. 2009) подтверждают, что аппроксимация является универсальным явлением, присущим процессам номинации в естественных языках. При изучении этой семантической категории в фокусе внимания исследователей находятся её многоплановость и специфика средств её выражения в разных языках. Лингвистическая категория аппроксимации, или приблизительности, являясь языковым воплощением концепта «приблизительность», имеет интерпретирующий, модусный характер [1], отражает специфику человеческого мышления и играет большую роль в формировании языковой картины мира.

Концепт «приблизительность» является оценочным, ему свойственны несамостоятельность и релятивность [2:8]. Е.Ю. Дубовицкая отмечает, что при формировании этого концепта в сознании человека наблюдается взаимосвязь двух процессов. С одной стороны, при категоризации и концептуализации окружающего мира выявляются «некоторые несоответствия или отклонения в свойствах предметов и явлений от мыслительных образцов и стандартов, которые имеются в сознании», с другой стороны, при осознании подобной асимметрии для её отражения «в языке создаётся целый ряд разноуровневых средств реализации приблизительности» [2:62].

Средства выражения смысла «приблизительность» - аппроксиматоры, значение которых, накладываясь на другие языковые значения, модифицирует их, - также являются оценочными, отражают относительность восприятия реальной действительности нашим сознанием, поскольку используются для приблизительного обозначения предмета мысли, маркируют результат логической операции его сравнения с прототипом.

При изучении нюансов семантики приблизительности и средств вербализации ментальных единиц необходимо учитывать и тот факт, что «функционально-семантическая природа категории аппроксимации сближает её с другой функционально-семантической категорией – определённости/неопределённости, для которой характерно динамическое равновесие двух полюсов, один из которых тяготеет к точности, конкретности, а другой – к неточности, размытости, обобщению» [3:2]. Полностью разделяем точку зрения Р.А. Арчаковой относительно того, что причины формирования категории аппроксимации и полюса неопределённости категории определённости/неопределённости практически совпадают, ведь аппроксимация «как выражение приблизительности синтезирует оба семантических плана (определённость и неопределённость) в одном функционально-прагматическом ракурсе, а именно – номинационном» [там же].

Исследование категории аппроксимации как категории, имеющей прототипический характер и полевую структуру, предполагает учет традиционно дискуссионного вопроса о дихотомии языка и речи, семантики языковых единиц на уровне системы (парадигматическое значение) и семантики, реализуемой ими в высказывании, в определенном контексте с учетом коммуникативной ситуации (функциональное, синтагматическое значение). В этой связи необходимо подчеркнуть, что разные термины,

применяемые для определения статуса категории аппроксимации, или приблизительности (прототипическая, логико-грамматическая, функционально-семантическая), свидетельствуют лишь о различных подходах к интерпретации сложного лингвистического явления. Последние, в свою очередь, обусловлены тем, что «определение специфики способов представления мыслительного содержания в языковых значениях – одна из центральных проблем современной лингвистики»[4: 74].

«Приблизительность» как первичная семантическая функция, т. е. смысл, не пересекающийся с такими смыслами, как «неопределенность», «интенсивность», «модальность», характеризуется рядом концептуальных признаков (приблизительность, неточность, сопоставляемость) [2:67] и выражается относительно небольшим количеством средств лексического уровня, формирующих ядерный компонент функционально-семантического поля приблизительности благодаря реализации ими «полного набора концептуальных признаков и прототипических характеристик [2:73]. Такого рода лексические средства выражения значения приблизительности С.В. Адамович называет *ингерентными* [5: 71].

К универсальным ингерентным аппроксиматорам, выражающим приблизительность в сфере и количественных, и качественных понятий, в немецком языке относятся лексемы с дискуссионным морфологическим статусом *fast*, *beinahe*, *nahezu* и прилагательные/наречия *ungefähr*, *annähernd*. Приблизительное количество (предметов или лиц, продолжительность события, возраст, временные показатели) выражается при сочетании аппроксиматоров с числительными или существительными, имеющими в своем значении сему «количество» или «длительность»:

(1) *Als die Arbeiten in der Allee begannen, lag der Krieg fast fünfzehn, als sie abgeschlossen wurden, schon beinahe zwanzig Jahre zurück* (Engler W. Die Ostdeutschen, 1999. S. 60); (2)... *in annähernd der Hälfte aller bekannt gewordenen Fälle ...* (Die Zeit, 24.05.1996); (3) *Ich weiß nicht mehr, wie lange es dauerte, bis es ganz vorübergefahren und wieder aus meinem Sichtfeld verschwunden war, aber es zog sich wohl ungefähr einen Tag und eine Nacht hin* (Moers W. Die 13 1/2 Leben des Käpt'n Blaubär, 1999. S. 49).

В сочетании с прилагательными, глаголами и существительными, обозначающими качество, процессы, состояние, лиц, предметы или явления, эти аппроксиматоры указывают на приближенность, но неполноту идентификации именуемого предмета речи стереотипному представлению, закрепленному значением модифицируемого аппроксиматором слова. Контексты, в которых с помощью аппроксимативных номинаций реализуются разные варианты инвариантного значения приблизительности, обычно служат дополнительным фоном, который лишь акцентирует оценочный характер категории приблизительности. В следующих примерах контекст подчеркивает реализацию такого варианта значения приблизительности, как неполная степень проявления качества:

(4) *Sein Fell war dunkel , fast schwarz, wie bei einem Gorilla, und auch ansonsten glich er ... diesem Tier* (Moers W. Die 13 1/2 Leben des Käpt'n Blaubär,

1999. S. 113); (5) *Die war beinahe wohlhabend, verdiente jedenfalls genug. Der City-Einzel-handel aus der Textilbranche gehört zu ihrer Klientel* (Degenhardt F. J. Für ewig und drei Tage, 1999. S. 115); (6) *Die Kommunikation muss sprachlich annähernd richtig, muss jedenfalls verständlich sein* (Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft, 1997. S. 459); (7) *Sein Gang wurde leicht und federnd, fast tänzerisch* (Moers W. Die 13 1/2 Leben des Käpt'n Blaubär, 1999. S. 184).

Аналогична роль контекста и при выражении номинациями, в состав которых входят ингерентные универсальные аппроксиматоры, такого варианта значения приблизительности, как недостижимость действием или процессом своего проявления в полном объеме (8, 9) или как неточность действия (10, 11):

(8) *Aber dass er zum Schluß beinahe weinte - Liliane sagte: „tränenmassigen Auges verhielt“-, verblüffte doch viele* (Degenhardt F. J. Für ewig und drei Tage, 1999, S. 251); (9) *Er schläft beim Gehen fast ein. Seine kleinen Ringeläuglein werden schwer* (Lebert B. Crazy, 1999. S. 105); (10) *Daran kannst du dir ungefähr die Chancen ausrechnen, die du hast* (Moers W. Die 13 1/2 Leben des Käpt'n Blaubär, 1999. S. 187); (11) *Wenn wir etwa hören, dass einfache Handwerker mit einigermaßen gesichertem Lebensunterhalt bereits zu den „Reichen“ gezählt wurden, können wir uns vielleicht annähernd vorstellen, was Armut in dieser Zeit bedeutet haben muss* (Kurz R. Schwarzbuch Kapitalismus, 1999. S. 20).

Прагматическая установка субъекта высказывания может быть различной и не влияет на реализацию семантики приблизительности, так как эти аппроксиматоры являются прототипическими средствами выражения этого мыслительного содержания. Это подтверждают и примеры, в которых аппроксимативные номинации аналитического характера актуализируют семантику приблизительного уподобления:

(12) *In der Nacht ein Schrei im Hof. „Agnes!“ Fast ein Kreischen. „Agnes!“ Ein Fenster öffnet sich* (Bahnhof Berlin, hrsg. Lange-Müller K., 1997. S. 22); (13) *Was lag näher als die Erwartung, dass die annähernd Gleichen auch in ihrem privaten Lebensstil wenig Umstände machen und die alten Unterscheidungszwänge abschütteln würden?* (Engler W. Die Ostdeutschen, 1999. S. 67); (14) *Er sang gern und immer noch im vereinigten evangelischen Kirchenchor. „Für einen praktizierenden Katholiken merkwürdig und beinahe Häresie“, meinte sein Vater...* (Degenhardt F. J. Für ewig und drei Tage, 1999. S. 14). (15) *... was bedeutet, dass ein Gegenstand, der in den Malmstrom fiele, auf seinen Grund mit nahezu Lichtgeschwindigkeit aufprallen würde* (Moers W. Die 13 1/2 Leben des Käpt'n Blaubär, 1999. S. 687).

Наряду с универсальными ингерентными аппроксиматорами в каждой сфере количественно-качественных отношений есть аппроксиматоры, которые маркируют семантику приблизительности только в этой сфере. Их перечень для французского, английского, немецкого, русского и белорусского языков, как и оттенки выражаемого ими значения приблизительности, в основном уже определены в работах лингвистов, упомянутых в начале статьи. Бóльший интерес для изучения представляют *адгерентные* (термин С.В. Адамович), или периферийные, средства выражения значения «приблизительность». Семантика приблизительности пересекается в этом случае с семантикой неопределенности, интенсивности (градуируемого проявления признака) или

модальности. Адгерентные аппроксиматоры (обычно лексические и лексико-синтаксические) в определенном контексте служат средствами выражения приблизительности, выполняя при этом свою вторичную семантическую функцию – оценочную. Согласно мнению Н.Н. Болдырева, их семантика ориентирована не на отражение реалий объективного мира, а на их оценку или интерпретацию говорящим субъектом [1:22]. Таксономия этих средств в языках, на материале которых исследуется категория аппроксимации, хотя и установлена, но оставляет простор для пополнения, так как исследованы далеко не все контексты с учетом разновидностей функциональных стилей и жанров текстов.

На уровне речи, даже в минимальной синтаксической единице – сочетании адгерентного аппроксиматора со знаменательным словом, актуализируются языковые (системные) значения лексических единиц и формируется новый смысл – «приблизительность» оценки предмета именованного (количества, качества, качественной определенности предметного понятия), поэтому номинации с семантикой приблизительности в большинстве случаев имеют аналитический характер. Проиллюстрируем это примерами, в которых лексические и лексико-синтаксические аппроксиматоры указывают на приблизительное уподобление именуемого предмета мысли (времени суток, предмета, события) понятию, выражаемому ядерным компонентом аналитической номинации:

(15) *Gegen Abend stieg er wieder zur Höhle hinab* (Süsskind P. Das Parfum, 1994. S. 174); (16) *Vielleicht, überlegte ich, könnte ich mir in meiner Zelle eine Art Schachbrett konstruieren...* (Zweig S. Die unsichtbare Sammlung, 1988. S. 111); (17) *“Ist das eine Insel?” – “So etwas wie eine Insel”, bestätigte er. “Wahrscheinlich Schwemmland”* (Zinner H. Ausgewählte Werke in Einzelausgaben. Katja. Die Lösung, 1980. S. 227); (18) *Und dann geschah ein Wunder. Oder so etwas Ähnliches wie ein Wunder, nämlich etwas dermaßen Unbegreifliches, Unerhörtes und Unglaubliches, dass alle Zeugen es im nachhinein als Wunder bezeichnet haben würden...* (Süsskind P. Das Parfum, 1994. S. 299).

В пр. 15 и пр. 16 роль аппроксиматоров адгерентного типа выполняют предлог со значением приблизительности времени *gegen* и существительное с неопределенным артиклем *eine Art*, теряющее в сочетании с другим существительным классифицирующее значение (обозначение родо-видовых отношений) и приобретающее определительно-сопоставительное значение – значение приблизительной идентификации. В пр. 17 и пр. 18 используется лексико-синтаксический аппроксиматор – сравнительная конструкция *so etwas wie*, которая маркирует приблизительность идентификации автором высказывания обозначаемых явлений – предметного и событийного понятия, что в обоих случаях подтверждают приведенные контексты. Содержательная доминанта в этих контекстах – приблизительность, неполная идентификация с существующим стереотипным представлением (прототипом), на который и указывает аппроксиматор. Аппроксимативный характер номинаций в контексте маркируется с помощью модального слова *wahrscheinlich* и других номинаций с той же референциальной соотнесенностью (*Schwemmland*, *Wunder*).

Полагаем, что рассмотренные в данной статье типы аппроксиматоров (перечень которых в немецком языке, естественно, гораздо шире) позволяют подчеркнуть сложность и многомерность категории аппроксимации, которая может выражаться и на уровне языковой системы, и на уровне речи, в условиях коммуникации.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке / Н.Н. Болдырев // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. – Тамбов: изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 16 - 39.
2. Дубовицкая Е.Ю. Категория аппроксимации в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04, 10.02.19 / Е.Ю. Дубовицкая; Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2006. – 182 с.
3. Арчакова Р.А. Феномен аппроксимационной номинации субстантивных денотатов в художественном тексте [Электронный ресурс] / Р.А. Арчакова. Режим доступа: <http://jurnal.org/articles/2008/fill14.html> - (Дата обращения: 19.11.2009).
4. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А.В. Бондарко. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 219 с.
5. Адамович С.В. Системность средств выражения категории аппроксимации в языке / С.В. Адамович // Весці БДПУ. Серыя 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. / Рэдкал.: П.Дз. Кухарчык (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск, 2009. – № 1 (59). – С. 70-75.

Пупынина Е.В.

к.ф.н., доц., НИУ «БелГУ», Россия

НЕОЛОГИЗМЫ КАК ЭКСПЛИКАТОРЫ АССОЦИАТИВНОГО СЛОЯ В СЕМАНТИКЕ ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматриваются неологизмы с семантикой пространства в свете современных подходов к значению, проводится их классификация и анализ. Выявленные особенности объясняются с точки зрения современной коммуникативной ситуации, при которой языкотворчество индивида может рассматриваться не просто как средство передачи информации, а как способ и результат адаптации к окружающей действительности.

Ключевые слова: неологизмы, семантика пространства, значение, английский язык.

Pupynina E.V.

Belgorod National Research University, Russia

NEOLOGISMS AS EXPLICATORS OF ASSOCIATIVE MEANING IN SPATIAL SEMANTICS

The article presents the study of spatial neologisms in the light of the new approach to meaning, their classification and analysis. The findings are explained in terms of communication patterns in the modern society which transform linguistic creativity into a means and a result of individual's adaptation to reality.

Key words: neologisms, spatial semantics, meaning, English.

Важным компонентом опыта восприятия и осмысления пространства является интерпретация топонимических объектов. Одним из главных вербализаторов данного компонента выступает имя собственное. В настоящей статье рассматриваются неологизмы, компонентом которых является топоним, а также те, референтом которых является топонимический объект. Целью является исследование роли данных неологизмов в репрезентации пространственной семантической сферы в свете современных подходов к значению.

Традиционно в лингвистике рассматриваются два подхода к трактовке имен собственных, которые определяются более общими подходами к пониманию значения в целом. Согласно одной концепции, имя собственное не передает никакой информации, его основная роль состоит в том, чтобы служить средством номинации [11; 12; 10]. Такая трактовка является следствием понимания значения как языкового содержания. Сторонники широкой концепции значения связывают с ним как языковое, так и внеязыковое, или экстралингвистическое, знание, следствием чего является признание за именем собственным права на значение.

Современные представления о значении требуют новой интерпретации стоящего за словом, в том числе именем собственным, содержания. Так, А.В. Вдовиченко утверждает, что «слово не имеет никакого значения вне актуального говорения. ... значение словам придает сам говорящий посредством вовлечения в актуальную коммуникацию, в которой назначаются параметры личного действия и преследуются личные цели» [1: 444]. Изолированное значение рассматривается автором как представление о потенциальной ситуации употребления слова.

В пользу того, что естественный язык невозможно рассматривать только как организованные в систему и существующие сами по себе вербальные структуры, высказывается А.В. Кравченко. Он расширяет интерпретацию ситуации, в которой порождаются и воспринимаются акустические структуры, до контекста взаимодействий, в котором сложным образом переплетаются физический, биологический, эмоциональный, социокультурный, онтогенетический, исторический и многие другие аспекты [3].

Видение языка в свете языковых взаимодействий человека с естественным и социальным окружением под влиянием внутренних и внешних факторов приводит А.А. Залевскую к метафорам «живого знания» и «живого слова». Исследователь предлагает интерфейсную концепцию значения, в которой значение, будучи обращенным, с одной стороны, к социуму, с другой стороны, к индивиду, координирует разделяемое знание. «За словом у индивида лежит широчайшая сеть разнородных многократно пересекающихся связей, устанавливаемых по множеству оснований разных модальностей и уровней обобщённости» [2], что, по мнению автора, объясняет познавательные и коммуникативные возможности слова, «которое живо только тогда, когда мы его не просто знаем (хотя при этом оно может оставаться «пустым звуком»), а переживаем как слитое с продуктами переработки многообразного опыта и всегда включённое во множество связей и отношений, вне которых не может

восприниматься и опознаваться окружающий нас физический и социокультурный мир» [2].

В свете рассмотренных современных подходов к пониманию значения приведенная выше его традиционная трактовка оказывается в значительной степени редуционистской. За именем топонимического объекта в ситуациях естественного когнитивно-коммуникативного взаимодействия обнаруживается многомерный комплекс знаний, представлений, ассоциаций, результатов осмысления и переживания пространства.

Как было показано в одной из наших работ, особенности глаголов английского языка, образованных безаффиксальным способом от топонимов, — семантическая гетерогенность, непрозрачность семантики, семантическая подвижность, неустойчивость во времени, специфический способ фокусировки внимания — обусловлены семантической сложностью существительных-основ [5]. За последними, в свою очередь, стоит комплексное знание пространственных фрагментов с фактически неисчислимым количеством свойств, всем известных и уникальных, связанных с культурой, происходящими событиями, языком, ассоциациями, субъективным восприятием. Оттопонимические деноминативы эксплицируют культурно-ассоциативные знания, а также те, которые связаны с субъективным восприятием, и закрепляют в языке отношение говорящих к тому или иному пространственному объекту-ориентире.

В настоящей статье мы развиваем идею о том, что процессы языкотворчества позволяют выразить в эксплицитной форме наиболее актуальные ассоциации, связанные с тем или иным географическим объектом. Значение новых слов, порожденных индивидом в ответ на динамику соответствующих реалий и ситуаций и получивших распространение, закрепляется в виде «разделяемого знания». Отметим, что интерес к языкотворчеству определяет широкую трактовку термина «неологизм» в данном исследовании, при которой он применяется к любому новому слову, зафиксированному в источниках более, чем один раз и употребленному более, чем одним автором.

Обратимся к материалу. Корпус собранных нами неологизмов можно разделить на три группы по совокупности критериев: лексических, когнитивных, коммуникативных.

Первая группа является самой многочисленной и включает слова-гибриды (в другой терминологии — контаминанты, бленды), в которых все компоненты представлены топонимами: Chimerica (China + America), Chindia (China + India), INCH (India + China), Chindonesia (China + Indonesia), Chermany (China + Germany), Minnewisowa (Minnesota + Wisconsin + Iowa), Florgia (Florida + Georgia), Washregonada (Washington + Oregon + Nevada), West Pensylhio (West Virginia + Pennsylvania + Ohio), New Arizado (New Mexico + Arizona + Colorado), Ameurope (America + Europe), Vansterdam (Vancouver + Amsterdam) и др.

С точки зрения аналитических операций, неолексемы данной группы представляют собой результат обобщения, на основе которого проводится ментальное зонирование. Не называя общий признак, эти слова, тем не менее,

помещают его в фокус внимания, так как именно это общее составляет смысл гибрида. Например, гибриды штатов США отражают сходство предвыборных предпочтений их жителей; без этого признака лексема-гибрид приближается к эрративу.

На концептуальном уровне данные гибридные образования представляют собой компрессию пространства, то есть ментальное сближение объектов, удаленных друг от друга в пространстве. Яркий пример — Vansterdam, в основу которого легло толерантное отношение к марихуане в двух городах.

Интеграция разных единиц в единое лексическое целое гибрида свидетельствует о концептуальной слитности, устойчивости ассоциативной связи между признаком и топонимическим объектом, с одной стороны, и между удаленными в объективном пространстве объектами, с другой стороны.

Вторая группа не содержит имен собственных в своем составе, она представлена такими апеллятивами, как flyover country, left coast и под. Их особенностью является то, что их только условно можно назвать неологизмами: они появились в середине XX века, но в последнее время наблюдается рост частотности их употребления или появление новых оттенков значения.

В основе образования таких новых слов находится операция абстрагирования. Референтом является единичный пространственный фрагмент, неологизм называет его отличительную черту, или салиентную характеристику. В фокус внимания попадает пространственный объект, благодаря неологизму происходит его индивидуализация и закрепление ассоциативной связи между фрагментом пространства и характеристикой.

Отнесение рассматриваемых единиц к неологизмам возможно благодаря их семантической и прагматической гибкости. Так, left coast определяется как «joshing reference to the west coast, particularly the west coast of the United States or Canada» [15] (шутливое название западного побережья, особенно США или Канады). Другой источник, наряду с уже приведенной дефиницией, дает еще одно определение: «a slightly derogatory word for America's west coast, used by Republicans to refer to the primarily Democratic California, Oregon, and Washington» [14] (слово с легкой негативной окраской для обозначения западного побережья Америки, употребляется республиканцами в отношении бывших демократически настроенных штатов Калифорния, Орегон и Вашингтон). Как следует из определений, данное выражение употребляется не только для указания на разные характеристики одного и того же пространственного фрагмента, но и передает разное к нему отношение говорящих.

Третья группа неологизмов включает метафорические vampire state, monster country и под. В отличие от рассмотренных выше, данные единицы требуют операции конкретизации, так как применимы к множеству топонимических объектов, в фокус внимания помещают субъективно-оценочное мнение. Приведем примеры:

Many African countries are «vampire» states, their governments hijacked by gangsters who use the instruments of the state to enrich themselves and their cronies [6].

I don't suggest that there is only one cause to explain what happened to Detroit, Harlem, Yellowknife, Philadelphia, Baltimore, Seattle, and so on. I do want to suggest a significant cause and, in a short time, a *sufficient* cause, which I'll call the Vampire State [9].

Общим для трех групп неологизмов является их «культурная нагруженность» и, как следствие, затрудненная интерпретируемость теми, кто не владеет достаточным знанием. Без достаточного контекста выявить значение неологизма трудно. Об этом свидетельствуют многочисленные вопросы, связанные с пониманием того или иного слова, даже в определенном контексте, которые встречаются в интернет-обсуждениях, форумах, интернет-сообществах.

Проведенный анализ показывает, что исследуемые неологизмы, покрывающие пространственную семантическую сферу, употребляются не для номинации нового объекта или явления, а для выделения из сложно организованного концептуального целого того или иного характерного признака, устойчивой ассоциации и оценочного отношения.

Обозначенные выше особенности, в том числе специфическое представление пространства на концептуальном уровне, являются, на наш взгляд, следствием влияния новой коммуникативной ситуации. Ее главными чертами являются рост значения коммуникации, коммуникационный переизбыток, создаваемое сетями многообразие коммуникативных пространственно-временных конфигураций (более подробно см. [4]). В новой коммуникативной ситуации локализованность и обозримость сменяются доступностью глобального пространства через стирание ощущения границ, расстояний, противопоставления «свой — чужой», утрату чувства пространственной протяженности и недостижимости. Концептуальная компрессия, создаваемая неологизмами первой группы, высвечивает отрыв пространственной реальности от создаваемых в коммуникации образов.

Многочисленность первой группы неологизмов является следствием действия общей тенденции в области неологии. Слова-гибриды, традиционно занимавшие периферийные позиции среди средств образования новых слов в английском языке, становятся чрезвычайно популярны в условиях современной коммуникативной ситуации: 5 % в 1980 году и 48,5 % в 2008 году [8: 8, 51-52]. Ускорение психологического времени и коммуникационный переизбыток порождает стремление к экономии когнитивных ресурсов с одновременным сохранением максимальной информативности сообщаемого.

Современная коммуникативная ситуация объясняет превалирование среди неологизмов в пространственной семантической сфере тех, которые формируют культурно-ассоциативный слой информации, а не обозначают новые предметы или явления. Это также определяется общими тенденциями в языке. Скорость появления новых слов опережает скорость появления новых понятий. По данным the Global Language Monitor, ежедневно английский язык пополняется 14,7 новыми словами, или 1 новое слово появляется каждые 98 минут [13]. Это 5365,5 слов в год. Для сравнения: в 1970-х словари фиксировали 500 новых слов в год (данные [7]).

В условиях коммуникационного переизбытка, возможности любому стать участником глобальной коммуникации возрастает вероятность потери сообщаемого в общей массе, даже несмотря на его возможную значимость. Это порождает стремление к языкотворчеству как способу самовыражения, привлечения внимания и, в целом, приспособления к новым условиям взаимодействия.

Таким образом, в результате создания новых слов с семантикой пространства происходит экспликация части многомерного комплекса знаний, представлений, ассоциаций, результатов осмысления и переживания пространства. Особенности, наблюдаемые в пространственной семантической сфере, обусловлены общей тенденцией порождения смыслов, сложившейся в английском языке под влиянием современной коммуникативной ситуации. Настоящее исследование показывает, что языкотворчество индивида как личности и члена социума может рассматриваться не просто как средство передачи информации, а как способ и результат адаптации к окружающей коммуникативной и социальной среде.

Литература

1. Вдовиченко, А. В. Критическая ретроспектива лингвистического знания. Расставание с «языком» [Текст] : Монография / А. В. Вдовиченко. — М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2007. — 510 с.
2. Залевская, А. А. Что там — за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова [Текст] : Монография / А. А. Залевская. — М. : Директ-Медиа, 2014. — 328 с.
3. Кравченко, А. В. О предметной области языкознания [Текст] / А. В. Кравченко // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. — М. : Языки славянской культуры, 2015. — С. 155-172.
4. Назарчук, А. В. Новая коммуникативная ситуация: рождение сетевого общества [Текст] / А. В. Назарчук // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. (Москва, 24-28 мая 2005 г.). В 5т. Т. 3. — М. : Современные тетради, 2005. — С. 100-101.
5. Пупынина, Е. В. Особенности английских деноминативных глаголов, образованных от топонимов [Текст] / Е. В. Пупынина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 8. — Ч. 1. — С. 148-151.
6. Ayittey, G. Analysis [Электронный ресурс]: Why Africa is poor / George Ayittey // The Telegraph. — 2002. — 27 August. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/africaandindianocean/1405540/Analysis-Why-Africa-is-poor.html> (дата обращения: 25.02.2016).
7. Barnhart, C. L. The Barnhart Dictionary of New English [Text] / C. L. Barnhart, S. Steinmetz, R. K. Barnhart. — London : Longman, 1973. — 512 p.
8. Cook, C. P. Exploiting Linguistic Knowledge to Infer Properties of Neologisms [Text] : PhD Thesis / C. P. Cook. — University of Toronto, 2010. — 140 p.
9. Esolen, A. The Vampire State [Электронный ресурс] / Anthony Esolen // The Catholic World Report. — 2012. — 08 November. URL: http://www.catholicworldreport.com/Item/1733/the_vampire_state.aspx (дата обращения: 25.02.2016).
10. Lehrer, A. Names and Naming: Why We Need Fields and Frames [Text] / A. Lehrer // Frames, Fields and Contrasts: New Essays in Semantic and Lexical Organization / E. Kittay, A. Lehrer. — Hillsdales, NY. : Erlbaum, 1992. — P. 123-142.
11. Lyons, J. Semantics [Text] / J. Lyons; Vol. 1. — Cambridge: Cambridge University Press, 1977. — 371 p.

12. Mill, J. S. The Collected Works of John Stuart Mill [Text] / J. S. Mill; Vol. VIII: A System of Logic, Ratiocinative and Inductive: Being a Connected View of the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation; ed. J. M. Robson. – Toronto : University of Toronto Press, London : Routledge and Kegan Paul, 1974. – 560 p.

13. Number of words / The Global Language Monitor [Электронный ресурс]. URL: <http://www.languagemonitor.com/number-of-words/no-of-words/> (дата обращения: 25.02.2016).

14. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.urbandictionary.com> (дата обращения: 25.02.2016).

15. Word Spy. The Word Lover's Guide to New Words [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wordspy.com/> (дата обращения: 25.02.2016).

Рейнхардт И.А.

к.ф.н., доц., СПбГУ, Россия

КОЛЛИГАЦИИ, КОЛЛОКАЦИИ И КОНСТРУКЦИИ С ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫМИ ПРЕДЛОГАМИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТНЫХ ТЕКСТАХ

Особенностями ‘преструктурированных’ и идиоматичных словосочетаний с пространственно-временными предлогами в рамках континуума несвободно образуемых сложных единиц являются гибкость организации семантической структуры и, соответственно, высокая приспособляемость к регулярно изменяющимся условиям функционирования языка. Данные сложные образования рассматриваются с учётом динамики их изменений в процессе формирования прототипических представлений пользователя.

Ключевые слова: коллигации; коллокации; конструкции; схематизация

Reinhardt I.A.

University of St.-Petersburg, Russia

COLLIGATIONS, COLLOCATIONS AND CONSTRUCTIONS WITH SPATIO-TEMPORAL PREPOSITIONS IN ENGLISH NEWS TEXTS

The essential characteristics of ‘semi-preconstructed’ and idiomatic expressions with spatio-temporal prepositions in the framework of a continuum of non-rigidly combining expressions can be defined as structural and semantic flexibility, and hence their high adaptability to constantly changing intra- and extralinguistic conditions. These expressions are studied, having regard to their dynamics in the process of prototypical conceptualizations of language user.

Key words: colligations; collocations; constructions; schematization

Массовый характер использования в новостных текстах в той или иной степени структурно и семантически связанных сложных единиц с самыми частотными английскими пространственно-временными предлогами свидетельствует об их безусловной предпочтительности для разворачивания дискурса в режиме on-line. Их спецификой, в отличие от переменных словосочетаний, однословных лексических единиц и полных идиом, служит симметричное соотношение статики и динамики внешнего и внутреннего

устройства, как правило, в сочетании с гибкими способами фиксации неэлементарного значения, что обеспечивает высокую степень приспособляемости материала к регулярно изменяющимся внутренним и внешним условиям функционирования языка.

Динамика структурно-семантических изменений сложных несвободно образуемых единиц с пространственно-временными предлогами, - по линии их грамматикализации, лексикализации, идиоматизации, метонимизации, метафоризации, узуализации, а также терминологизации, - свидетельствует о тесном двустороннем взаимодействии между полнозначными и неполнозначными компонентами. Благодаря присутствию предлога закономерности построения семантической структуры данных образований так или иначе зависят от логики отклонений и модификаций на основе прототипических пространственно-временных представлений пользователя. Промежуточные и окончательные результаты лексико-грамматических и когнитивно-семантических изменений, включая особенности фиксации единиц в языковом узусе, а также их частичную или полную идиоматизацию, - находятся в полном соответствии с процессами схематизации в широком и узком смысле термина.

В силу отсутствия жёстких экстралингвистических и внутриязыковых, а также межуровневых разграничений в процессе систематизации внешнего и внутреннего опыта субъекта, понятия 'схема' и 'схематизация' обретают известную универсальность и широкий диапазон использования с охватом всех уровней взаимодействия субъекта с внешним миром. Процессы схематизации, которые первоначально происходят из потребности обобщения результатов перцепции и когниции с отражением в языке окружающей действительности, проявляются через процедуры профилирования и перепрофилирования в рамках концептосфер и в режиме тесного взаимодействия концептуального и семантического аспектов организации знаний. Указанное взаимодействие рассматривается с учётом прототипической организации соответствующих категорий. Ср., напр., работы Л.Талми [1; 2], Дж.Тейлора [3], У.Крофта и Д.Круза [4], Р.Лангакра [5], который акцентирует категоризирующую функцию 'схемы', а также её более специализированное понимание через термин 'образ-схема', введённый Дж.Лакоффом [6]. Алгоритмы отражения процессов схематизации со смещением акцентов на когнитивный или семантический аспект в структуре единиц определяются при этом целым рядом внутриязыковых и экстралингвистических факторов, включая их комбинации.

Анализ статистически устойчивых дву- и трёхкомпонентных предложных сочетаний из текстов информационных сообщений агентства Рейтер производился на основе следующих ЧС: (1) предлог + лексема; (2) предлог + две лексемы; (3) лексема + предлог + лексема. Списки двукомпонентных единиц сопровождалась значениями меры связанности t-score. Путём наложения ЧС (1) и (2), а также (3) + (1) + (2) для каждого предлога получены двусторонние расширения текстовых биграмм, которые первоначально представлены в виде таблиц с фиксацией устойчивых словосочетаний (УСС), семантически связанных сложных единиц (ССЕ), а также ядерных

идиоматичных структур (ЯС) в порядке убывания частот и значений параметра t-score. Отметим, что двукомпонентные идиоматичные ядерные структуры, как результат семантической реинтерпретации, завершающейся стативизацией, выступают в роли внутриязыковых семантических инвариантов и могут далее принимать участие в построении стилистически окрашенных или терминологических конструкций.

В результате последующего анализа УСС и ССЕ материал был поделён на фрагменты в соответствии с преобладающей тенденцией семантических изменений. Для определения порядка расположения фрагментов в таблице учитывались не только статистические показатели частоты и меры связанности, но также продуктивность соответствующих когнитивно-семантических или лексико-грамматических моделей, фреймов и схем. В графах таблицы представлены модели образования статистически и узуально устойчивых словосочетаний, а также фреймы и схемы коллигаций, коллокаций, ядерных структур и конструкций. Количество и наполняемость разделов, подразделов и разветвлений для каждого из фрагментов определялись спецификой предлога и характером его использования в данном виде дискурса.

Для УСС и ССЕ с предлогом *in* были, например, выделены следующие фрагменты (с указанием наиболее значимых разделов и подразделов):

1-in. Деграмматиализованные предложно-именные УСС и ССЕ

Преобладающими тенденциями семантических изменений являются в данном случае лексикализация и грамматикализация. В фиксировании семантической структуры единиц принимают также участие процессы схематизации, абстрагирования и конвенциализации. Фрагмент включает три раздела, первый и второй из которых представлены правосторонними 'расширениями' биграмм по моделям <in + a/the + сущ.>, а также <in + детерминатив/квантификатор + сущ.>. Ср. примеры трёхкомпонентных сложных единиц: *in a {year/ month/ day}*; *in a {variety/ number} (of)*; *in {a/ the} way*; *in a {deal/ position}*; *in the {future/ past}*; *in the form (of)*; *in the middle (of)*; *in {this/ that/ any/ each} case*; *in {this/ that} regard*; *in {this/ that/ any/ no} way*; *in more detail*. Третий раздел представлен сочетаниями предлога с лексикализированными формами множественного числа. Примером тесного взаимодействия семантики предлога и имён служат предложно-именные единицы с фреймовой структурой <in + одушевлённое существительное во множественном числе + with/ who>, ср.: *in {patients/ adults/ children/ humans/ people/ infants} with(who)*.

2-in. Идиоматизированные предложно-именные ССЕ и конструкции

Преобладающей тенденцией семантических изменений для данного типа единиц служит идиоматизация, хотя в процессе градуальных преобразований участвуют схематизация, конвенциализация, лексикализация, а также отчасти метафоризация. Фрагмент включает следующие четыре раздела:

2.1. ядерные структуры, напр., *in part, in power, in effect, in force, in question, in group, in law, in check, in motion, in use, in person*;

2.2. конструкции, образованные за счёт левостороннего расширения ядерных структур, напр., *(put/ remain/ is) in place, (just/ point) in time*;

2.3. лексикализованные текстовые связки, сложные предлоги и стативные конструкции, которые имеют вид трёхкомпонентных фреймов, включающих ядерные структуры, напр., [in + N + of]: (*is*) *in respect of*, *in terms of*, *in charge of*, (*be*) *in excess of*; [in + N + to]: *in addition to*, *in response to*, *in proportion to*; [in + N + with]: (*is*) *in accordance with*, *in partnership (partnering) with*, (*is/ was/ are*) *in talks with*; [in + N + for]: *in exchange for*, *in return for*; [in + N + on/upon]: *in reliance on/upon*;

2.4. трёхкомпонентные идиомы, напр., *in full swing*, *in good faith*, *in due course*, *in short supply*, *in thin trade*.

3-in. Узуализированные УСС, ССЕ и конструкции

3.1-in. Узуализированные единицы на основе прототипических пространственно-временных представлений. Поскольку на передний план в структуре соответствующих единиц выступает когнитивный аспект, преобладающими тенденциями в ходе их семантических изменений являются схематизация и узуализация с элементами метонимизации и отчасти метафоризации. В разделе 3.1. выделены 10 подразделов и разветвлений, основой для которых служат экспериенциальные схемы, напр., «в рамках временных границ», «в начале/конце периода», «в рамках территориальных границ». Метонимические смещения на фоне узуализации экспериенциальных представлений с их последующей терминологизацией показательны для схемы «в рамках территориальных границ», ср.: *in China* → *in {town/ downtown}* [территориальные и функциональные границы] → *in {prison/ hospital}* [функциональные и временные границы] → *in {court/ bank}* [функциональные границы] → *in {media/ education/ science}* [условность функциональных границ] → *in {financial/ credit} markets* [условные границы + внешняя специализация]. Для сложных единиц данного типа характерны фреймовые структуры с полнозначными компонентами в препозиции к предлогу, напр., *change(s) + in + Ving*, *{interested/ used} + in + Ving*, *engage + in + процессное существительное*.

3.2-in. Узуализированные единицы на основе имплицитивных эффектов. Экспериенциальная схема «часть – целое», имплицитно сопровождающая прототипические представления, связанные с «размещением в пределах/ внутри», эксплицитно узуализируется через социально обусловленную схему «участие в». Результат узуализации фиксируется на уровне денотата благодаря добавленному семантическому компоненту в структуре УСС, обозначающих организации с долевым участием в бизнесе, напр., *in joint ventures*; *holding(s) in company* + назв. Для новостных текстов характерна также регулярно используемая фреймовая структура с правосторонней коллигацией *dealt in* в составе конструкций для описания деловых операций в акционерных компаниях: *dealt in* + назв. компании, напр., *dealt in {reuters group/ resolution plc/ biffa plc/ abbot group}*.

3.3-in. Узуализированные единицы оценки количества/ качества/ параметров. Типовые коллигации оценки количества с предлогом *in* предполагают использование правосторонних комбинаций с наречиями количественных оценок, напр., *in over*, *in nearly*, *in just*, *in up to*. Для оценки

тенденций к повышению/понижению количества или интенсивности используется, например, конструкция *lower {decline} in price {violence}*. Характерными являются также лексикализованные коллигации оценки параметров объекта, напр., *less {in size/ scope/ volume/ length}*.

3.4-in. Узуализированные единицы на основе системных метафорических смещений. Категориальная метафора содержания, которая основана на экспериенциальной схеме *<in situ>* со смещением акцента на внутреннее пространство выделяемой позиции, представлена в новостных текстах через статистически устойчивые словосочетания в связи со ссылками на документы и деловые бумаги в сфере бизнеса, ср.: *in paragraph F, in appendix F, in section i*. Следует также отметить дальнейшую узуализацию на фоне метафоризации указанной экспериенциальной схемы с фиксацией через семантику УСС метонимических смещений на форму представления содержания, напр., *in quotation marks, in certificated form, in adr form*.

3.5-in. Узуализированные единицы на основе системных категориальных сдвигов. Кардинальный сдвиг содержания сложных единиц на более высокий уровень абстрактности и 'переходом' на категорию образа действия, является регулярным для ССЕ с предлогом *in*. В узуализированном виде указанный 'переход' проявляется в конструкциях условий оплаты и способа представления информации, ср.: *in local currency, in {sterling/ yen}; in writing, (available) in {English/ Spanish}*.

4-in. Терминологические конструкции

Преобладающей тенденцией семантических изменений для данного типа единиц служат их терминологизация и узуализация при участии, в той или иной степени, схематизации, абстрагирования, идиоматизации, лексикализации, грамматикализации, а также конвенциализации. Характерной структурной особенностью данного фрагмента является двустороннее расширение текстовых биграмм с образованием конструкций и количественными оценками. Фрагмент включает следующие разделы:

4.1. конструкции с ядерными терминологическими структурами, напр., *{shares/ units/ securities} in issue; {increase/ decrease/ change} in cash;*

4.2. конструкции с атрибутивно-именными терминологическими коллигациями, напр., *{positions/ dealings} in relevant securities;*

4.3. конструкции со смещением акцента на левосторонние коллигации, напр., *{changes/ increase/ growth/ billion} in asset;*

4.4. конструкции с двусторонними коллигациями, напр., *{increase/ billion/ million} in annual revenue(s); {changes/ fluctuations/ transactions} in foreign currency(ies); {movement/ decrease/ million} in net income.*

Литература

1. Talmy L. How language structures space // H. Pick, L. Acredolo (eds). Spatial Orientation: Theory, research and application. N.Y.: Plenum, 1983. P. 225-282.
2. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1: Concept structuring systems. Cambridge, MA: The MIT Press, 2000. 565 p.
3. Taylor J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in linguistic theory. Oxford: Clarendon, 1995. 270 p.

4. Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
5. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 540pp.
6. Lakoff G. The invariance hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1/1 P. 39-74.

Середина Е.В.

к.ф.н., НИУ «БелГУ», Россия

СИМВОЛЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ

Данная статья посвящена анализу политических символов в американской политической карикатуре, с помощью которых автор создаёт динамичный сюжет и показывает общественно-политические проблемы. В статье приводится классификация символов, которая характеризует особенности американской политической карикатуры как формы отражения проблем мирового сообщества.

Ключевые слова: политическая карикатура, символ, невербальные средства.

Seredina E.V.

Belgorod National Research University, Russia

SYMBOLS IN POLITICAL CARTOONS

The article is devoted to the analysis of political symbols in the American political cartoon. The author creates a dynamic plot and shows social and political problems with the help of political cartoons. The author comes to a conclusion that political symbols in cartoons play very important role. They draw attention to actual problems of the international community and help to analyze present situation.

Key words: political cartoon, symbol, nonverbal means.

Политическая карикатура в настоящее время является неотъемлемой частью общественной жизни. В широком смысле под карикатурой понимается любое изображение, где сознательно создается комический эффект, где художник совмещает реальность и фантастику, преувеличивает, акцентирует специфические черты людей, изменяет их отношения с окружающим миром и использует неожиданные сравнения. В более узком смысле карикатура – это сочетание графики и текста, которое имеет социальную направленность.

Сочетание вербальных и невербальных средств передачи информации создает смешанный тип текст. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический тексты обеспечивают целостность и связность семиотического текста, его коммуникативный эффект, поскольку сочетание разных сообщений дополняет и в тоже время поясняет друг друга. Визуальный компонент играет важную роль в понимании основной интенции карикатуры – критики актуальных политических явлений, выражая общественно-политическую жизнь страны в намеренно-комичном виде. Для достижения этой цели карикатуристы

используют набор средств вербальных и невербальных в обоих компонентах карикатуры. Одним из приёмов, применяемых как в вербальном, так и в визуальном компонентах, является символ. С одной стороны, каждый образ содержит в себе информацию, о которой нет необходимости напоминать, одним символом можно сказать многое, что удобно, поскольку текст в карикатуре сведен к минимуму. А с другой стороны, данный приём рассчитан на аудиторию, которая знакома с символикой страны, при этом подписи служат дополнением к образу.

Понятие «символ» довольно широко представлено в современных терминологических словарях по лингвистике, но его трактовка отличается, как правило, многозначностью и противоречивостью. Это можно объяснить, прежде всего, объективной сложностью его содержания. Аверинцев С.С. понимает под символом – универсальную категорию эстетики, лучше всего поддающуюся раскрытию через сопоставление со смежными категориями образа, с одной стороны, и знака – с другой [1:155]. Ученые исследуют символ в сопоставлении со словом, по существу отождествляя понятия слова и символа и указывая на их генетическое родство [3:25]. Слово и символ представляют собой знаки, которые воспринимаются чувственно, зрительно и на слух, замещают другой предмет и используются для производства, передачи и хранения информации. Символы, которые автор использует в карикатуре, относятся к политическим.

Политическую символику можно определить, как совокупность выразительных средств, придающих политической жизни, политическому действию, различным формам материализации политики явный, особенно очевидный, подчеркнутый либо, напротив, скрытый смысл. Символ, в том числе и политический, представляет собой специфический социальный код, посредством которого передается социальная информация. Следует отметить, что символы представляют собой аллюзию, ссылку на события прошлых лет или недавно произошедших, которые оказали существенное влияние на мировое сообщество.

Классификацию политической символики в карикатуре можно представить следующим образом:

1. *Национально-государственная политическая символика, к которой можно отнести герб, флаг.* На карикатуре представлен новый флаг Ливии после революции. Автор предлагает свое видение будущего страны с использованием государственной символики. На трехцветном поле нарисован эмодзи (по-другому «смайлик»), который отражает настроение и надежду жителей Ливии на светлое и счастливое будущее, он делает сюжет карикатуры ярким и создаёт комический эффект. Использование флага и эмоционального символа создают несоответствие, которое служит ироническим отображением будущего Ливии со стороны автора.

2. *Архитектурные комплексы* – яркие достопримечательности каждой страны, которые символизируют ту или иную страну. На карикатуре люди снимают с пирамиды «AUTOCRACY» верхнюю часть «AUTO» и подносят две другие «DEMO» и «THE». Данный пример говорит об изменениях в жизни

Египта, когда к власти пришла партия «Братья Мусульмане». Страна путём революции, получившей название Арабская Весна, пытается сменить тоталитарный режим в стране и добиться демократии и равноправия. Тем не менее, автор не случайно показывает пирамиду как символ смены режима, люди всего лишь поменяли название, но сущность осталась как прежде, данная революция ничего не принесла нового в страну, от автократии страна перешла к теократии, форме правления, где лидер государства является одновременно и религиозным главой.

3. *Памятники политическим деятелям, мемориалы историческим событиям* могут отражать реальную картину происходящих в мире событий. Ярким примером может служить карикатура, где статуя Свободы показана в бронежилете. Символ, репрезентирующий обретение свободы и независимости Америки от Европы, помогает выразить авторскую позицию по отношению к произошедшим событиям в США, а именно убийству детей в школе, которое вызвало бурную реакцию не только в американском обществе, но и в мировом сообществе. На следующей карикатуре нарисованы монументы с надписями стран Евросоюза – «IRELAND», «ITALY», «AUSTRIA», «SPAIN», «PORTUGUEL». «GREECE» собирается метнуть диск «DEBT». Все монументы пригнулись, боясь, стать жертвой такого броска. Автор вводит аллюзию на древнегреческого героя Персея, который метал диск и поразил насмерть Акрисия, своего деда, указывая на нестабильную политическую и экономическую ситуацию в Греции и неизвестные последствия этих проблем на страны Евросоюза.

4. *Знаки отличия, регалии высших лиц государства, форма одежды, ордена, медали, значки* помогают автору воссоздать картину реальных событий. На карикатуре в первом кадре «DREAM» представлен действующий президент Египта Мохаммед Мурси с символами власти фараонов, на втором кадре – «REALITY» в руках у него «PRESIDENTIAL DECREE» и «REFERENDUM». Такое сравнение на визуальном уровне служит ироничным объяснением последствий революции в Египте. Народ стремился к демократии, выбрал президента, который обещал построить демократическое государство, но на самом деле этот президент мечтает о полной власти над народом. Его закон о непрекословной власти вызвал массовые протесты по всей стране, поэтому чтобы остаться у власти и утвердить конституцию на референдуме, ему пришлось отказаться от своих притязаний на полноценную власть и согласиться на требования народа. Данной карикатурой автор пытается сказать, что революция в Египте не принесла никаких положительных результатов для страны.

5. *Денежные знаки*, на которых часто нанесены символы, имеющие отношение к стране, их положение среди других валют может символизировать экономический и политический статус государства или союза. Примером является карикатура, на которой показана валюта достоинством в одно евро. Данная валюта репрезентирует собой политическую стабильность и экономическую независимость Европейского Союза. Эта монета постепенно рассыпается на «SPAIN», «ITALY», «GREECE». Данная карикатура

символично отражает экономическое положение в странах Евросоюза. Страны этого союза переживают экономический и политический кризис. Евро, как символ, теряет свою силу и стабильность.

6. *Политическая топонимика* – наименования улиц, городов, стран помогает читателям интерпретировать адекватно карикатуру согласно идее автора. На карикатуре «WALL STREET» представлены три человека, один в костюме протягивает руку другому «WE ARE THE 99%» с транспарантом «OCCUPY WALL STREET». Последний обращается к девушке со словами «YOU GOT A FEW BUCKS? THE DEMOCRATS WANT TO HELP US WALL-STREET PROTESTERS». Ссылка на общественную кампанию «Оккупируй Уолл-стрит», которая подчеркивает недопустимость того, что большую часть национального богатства США контролирует всего один процент населения. Сами демонстранты причисляют себя как раз к оставшимся 99 процентам. Их самым популярным лозунгом является «Мы - 99 процентов!». Президент Барак Обама, который принадлежит к демократической партии в США, неоднократно подвергался критике со стороны республиканцев за чрезмерную, по их мнению, симпатию по отношению к участникам движения. Демонстрации против засилья корпораций и социального неравенства, начавшиеся 17 сентября 2012 в Нью-Йорке, стремительно распространились по многим городам США.

8. *Люди как политические символы* – политические лидеры – В.В. Путин, Барак Обама, Баша Ассад, Ахмадинежад; легендарные герои – Вильгельм Телль, Робин Гуд; вымышленные персонажи – Джон Буль в Англии, дядя Сэм в США – все они обладают сематической значимостью, а также ряд свойств, которые помогают читателям раскрыть авторский замысел. Например, теме предвыборной кампании в США, а именно созданию образов кандидатов в президенты, посвящено множество карикатур, каждая из которых создаёт свое видение кандидатов. Рассмотрим карикатуру на предполагаемого кандидата в президенты 2012 года, Сару Палин. На карикатуре Сара на белом коне мчится по дороге со словами «I'M COMING!», рядом прохожий комментирует её слова: «I THINK SHE'S WARNING THE REPUBLICANS TOO», при этом ещё автор ставит вниз карикатуры свой комментарий «HISTORIANS CHASING IN A PRESS VAN NOT SURE WHERE THIS IS GOING...». Иронический комментарий автора служит пояснением ситуации: Сара Палин неоднократно выступала с заявлением баллотироваться на пост президента, однако, к конкретным действиям она не переходила.

9. *Прочие символы, к которым относятся животные, символизирующие страны или различные явления, символы жизни, смерти, горя, радости.*

На карикатуре показан крокодил «NRA», проливающий слезы и поющий песню «CRY ME A RIVER». Автор выбрал крокодила для образа Национальной Стрелковой Ассоциации, который пускает слёзы, тем самым показывая сожаление со стороны ассоциации. Однако крокодиловы слезы ассоциируются с ничего не значащими и не имеющими смысла слезами. Организация, выступающая за запрет ношения оружия, не может защитить

население от вооруженных нападений, которых с каждым годом становятся все больше и больше. В результате таких инцидентов гибнут мирные жители.

Подведя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что политические символы в карикатурах являются украшением карикатуры. Политические символы усиливают эмоциональное воздействие на читателя, тем самым служат основной интенции карикатуры – воздействовать на мировосприятие читателя.

Литература

1. Аверинцев, С.С. Символ [Текст]/ С.С. Аверинцев //София-Логос. Словарь. Дух и Литература — Киев ,2001. – С. 155—161. – Библиогр.: с.160-161.
2. Нагорная, Л.К. Политический символ в системе общественных отношений [Текст]/ Л.К. Нагорная, И.В. Чепашева// Ползуновский Вестник – 2006. – №3. – С.15-18. – Библиогр.: с.18.

Шеховцева Т.М., Раздабарина Ю.А.

к.ф.н., НИУ «БелГУ», Россия

ОЦЕНОЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА СИЛА (на материале современного английского языка)

В статье рассматривается оценка как информация о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого. В фокусе внимания находится сегмент «Физическая сила», входящий в энциклопедическое поле концепта СИЛА. Анализ сочетаемости лексем-репрезентантов данного концепта позволяет констатировать наличие оценочного компонента в его содержании.

Ключевые слова: концепт, вербализация концепта, оценочные характеристики, концептуальный признак, гендер.

Shekhovtseva T.M., Razdabarina Yu.A.

Belgorod National Research University, Russia

EVALUATIVE CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT *STRENGTH* (in the modern English language)

The present article deals with an evaluation as an attitude of a speaker towards a certain feature of a denotation. The segment “Physical strength” belonging to the encyclopedic field of the concept STRENGTH in the modern English language is in the focus of our attention. The analysis of the lexeme-representatives of the concept under investigation proves the presence of an evaluation component in its contents.

Key words: concept, representation of a concept, evaluative characteristics, conceptual feature, gender.

Знание средств и способов оценки предметов и явлений окружающего мира является неотъемлемой частью языкового знания, которое входит в общую концептуальную систему человека и формируется по тем же законам, что и другие типы знания. Как и любое знание, получаемое человеком, оно есть

результат действия основных познавательных процессов – концептуализации и категоризации [2: 47]. Под оценкой в лингвистике понимают «результат оценочной деятельности индивида, выраженный вербально, то есть закрепленное в высказывании или элементах языковой системы отношение говорящего к предмету речи с точки зрения противопоставления – положительное/отрицательное» [4: 24]. Категория оценки является универсальной: во всех языках представлена не только объективная реальность, но и «взаимодействие действительности и человека в самых разных аспектах, одним из которых является оценочный» [3: 5].

Специфика познавательных процессов оценочного характера заключается в том, что они направлены на поиск и выделение определенных (дополнительных, утилитарных, с точки зрения человека) характеристик в уже познанном объекте. Это интерпретация полученных знаний, вторичная концептуализация и вторичная категоризация в рамках другой системы координат: системы мнений, оценок, ценностей, стереотипов, которую осуществляет человек как отдельный индивидум (личная оценка) или как член конкретного сообщества (общепринятая, коллективная оценка), оперируя уже существующими, вербализованными концептами [2: 48]. Таким образом, «главной отличительной особенностью оценки является ее внутриязыковая природа и связь с конкретным индивидом или языковым сообществом, т.е. ее антропоцентричность» [2: 47].

Проиллюстрируем вышеизложенное на примере концепта СИЛА в современном английском языке. Ранее нами было установлено, что указанный концепт является многокомпонентным образованием со сложной структурой, включающей ядро (образный компонент и энциклопедическое поле) и периферию (интерпретационное поле). В фокусе нашего внимания находится энциклопедическое поле (ЭП) исследуемого концепта. Очертить ЭП позволяют результаты анализа словарных дефиниций его лексем-репрезентантов, которые не поддаются описанию в терминах ядра, ближней и дальней периферии, поскольку распадаются на четыре понятийные области и могут быть структурированы в виде четырех сегментов: «Физическая сила», «Жизненные силы», «Психическая сила», «Социальная сила».

Цель настоящей работы – рассмотреть актуализацию оценочных смыслов в контекстах, репрезентирующих сегмент «Физическая сила». В содержании данного сегмента мы выделяем ряд концептуальных признаков (КП):

1. КП «Мускульная сила»

В большинстве толковых англоязычных словарей (OALD, MEDAL, CALD, AHDEL) понятие силы человека трактуется прежде всего через его мышечную способность производить физические действия: семантический признак «мускульная сила» представлен как ЛСВ 1, что свидетельствует о наибольшей частотности его в языке и, следовательно, его значимости.

(1) Jamie held her in **his strong arms**, and she wished she could be there forever [BNC]. (2) Tall, broad-shouldered, with lean hips and **muscular legs**, he was

magnificent to look at [BNC]. (3) His young teammates called him “Zeus”, a mixture of respect and teasing affection for his **powerful physique** and charisma [11].

Положительная оценка физической силы в приведенных примерах выражена эксплицитно. Мужчины, обладающие мускульной силой, (*strong arms, broad shoulders, muscular legs*) представляются великолепными (*magnificent*), вызывают уважение и симпатию (*respect and affection*), сравниваются с греческими богами (*Zeus*).

Отметим, однако, что чрезмерная (*immense*) физическая сила не привлекает, а скорее пугает, в частности, вкупе с эмоциональной несдержанностью человека:

(4) At last he became the terror of the village for he is a man of **immense strength**, and absolutely uncontrollable in his anger [10].

Мужчина, наделенный физической силой, но не обладающий интеллектом, не пользуется успехом:

(5) She had known it from the very first moment she had met him, however more comfortable it would have been to dismiss him as **all brawn and no brain** [BNC].

Очевидно, что современное общество ориентировано на информацию, и поэтому физическая сила и агрессивность уже не столь важны для достижения успеха:

(6) The information society **substitutes brain for brawn**: 70 per cent of its jobs require intellectual skills [BNC].

Как показывает фактический материал, физическая сила получает однозначную положительную оценку при наличии ее у мужчин, не представляя при этом особой ценности для большинства женщин (исключение составляют спортсменки). Отсюда выводится следующий КП, коррелирующий с категорией гендера.

2. КП «Маскулинность»

Под маскулинностью мы, вслед за Т.М.Беловой, понимаем совокупность норм, ценностей, черт характера, которые предписываются обществом мужчине через системы социализации, разделения труда, культурные ценности и символы [1: 10]. Проведенное на материале английского языка исследование Е.В. Мистрюковой показало, что физическая сила относится к ядерным признакам в содержании концепта МУЖЕСТВЕННОСТЬ [5: 127]. Е.Е. Сапогова пришла к аналогичным выводам, проинтерпретировав мужскую концептосферу и выделив несколько признаков зон, в которых осмысление и переживание себя маскулинным оказывается наиболее очевидным и ценностным. КП *сила, отцовство и власть* входят в ядро архетипической мужской концептосферы, однако ключевым концептом является все-таки сила, причем не только физическая, но и моральная, сексуальная, социальная (лидерство, права) [6: 182].

Обладание физической силой женщинами трактуется скорее как исключение:

(7) He never ceased to be amazed by her physical strength [9]. Физическая сила женщины вызывает у мужчины изумление, на что указывает употребление выражения *to be amazed*.

3. КП «Здоровье»

Крепкое телосложение, свойственное физически сильному человеку, является типичной формой проявления общего физического здоровья, представляющего одну из ключевых ценностей человеческой жизни. Семантический признак «здоровый, крепкий» выделяется в структуре лексем *strong, stalwart, robust* и *sturdy*. В следующем примере иллюстрируется взаимосвязь здоровья и силы:

(8) John is **young**, and **exceptionally strong** and **healthy** [10].

4. КП «Насилие»

Данный КП актуализируется в контекстах, описывающих чрезмерное использование физической силы, в которых достаточно частотна сочетаемость существительного *strength* с прилагательным *brute*:

(9) **Brute strength**, she thought disgustedly [BNC].

В приведенном примере негативная оценка грубой силы, выводимая из семантики словосочетания *brute strength*, усиливается в результате употребления наречия *disgustedly*. Достаточно рекуррентна актуализация данного КП лексемой *force*, в частности, ее ЛСВ «принуждение, насилие, грубая физическая сила»:

(10) But this man who had walked into her life so roughly, **mastered her by physical force** [BNC]. Лексема *force* имеет негативное коннотативное значение, что подтверждается употреблением в предложении наречия *roughly*, описывающего действия субъекта. Выражение “*to master smb by physical force*” имплицитно КП «насилие», являясь, по сути, толкованием лексемы *violence*.

Рассмотрим контекстуальную реализацию других лексем-репрезентантов:

(11) Knuckle-Bone was a strong man, **a very strong man**, and **he knew not law ... He knew only his own strength** [10].

(12) Johnny was drinking in a bar alongside **a brawny brute** who'd never lost a bar fight in his life [10].

(13) She had a husband, **a big brawny brute** who knocked her about [BNC].

В примерах (12), (13) субъекты, обладающие физической силой, номинированы существительным *brute*, имеющим выраженную негативную коннотацию. Контексты, в которых функционируют рассматриваемые лексемы, представляют собой ситуацию агрессии и грубого применения физической силы, воссоздаваемую с помощью сочетаний *knocked her about* и *never lost a bar fight*.

Однако наиболее ярко КП «Насилие» в содержании концепта СИЛА репрезентируют имена *violence* и *violent*. Указанные лексемы фигурируют в описаниях драк, схваток, борьбы:

(14) Both were **stabbed with such violence** that ribs were broken with the force of impact [11].

Таким образом, феномен проявления силы как насилия имеет в сознании носителей языка выраженный отрицательный характер и однозначно представляет собой проблему, требующую эффективных мер ее разрешения:

(15) In 1937 he expressed **alarm about the spread of violence** in the world, and spoke of the need for international action to "quarantine" the aggressors [BNC].

Феномен физической силы в целом оценивается носителями английского языка положительно, приобретая негативную оценку в тех случаях, когда она не контролируется интеллектом и морально-этическими нормами, трансформируясь в насилие. Аналогичные выводы были получены при анализе метафорических и паремических средств репрезентации концепта СИЛА.

По мнению И.В. Чекулая и О.Н. Прохоровой, оценка является формой ценности, а ценность – содержанием оценки, вследствие чего они не существуют друг без друга [7: 96]. Учитывая многочисленные примеры, содержащие ту или иную оценку феномена силы, мы можем утверждать, что сила, несомненно, имеет большую ценность для носителей английского языка.

Литература

1. Белова, Т.М. Гендерная метафора как отражение культурного концепта «Маскулинность» во французском языке [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19/ Т.М. Белова. – Кемерово, 2007. – 20 с.
2. Болдырев, Н.Н. Языковая оценка в контексте познавательных процессов [Текст] / Н.Н. Болдырев // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: Сб. научных трудов в честь В.Ф. Новодрановой. – М.: Авторская академия, 2010. – С. 47-56.
3. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
4. Ильюшина, Е.С. Лексические средства положительной оценки человеческих качеств: психолингвистический анализ [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.С. Ильюшина. – М., 2001. – 185 с.
5. Мистрюкова, Е.В. Средства репрезентации концептов «Мужественность» и «Женственность» в современном английском языке [Текст]: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04/ Е.В. Мистрюкова. – Самара, 2005. – 226 с.
6. Сапогова, Е. Е. Опыт психологической интерпретации мужской
7. концептосферы [Текст] / Е.Е. Сапогова // Известия ТулГУ. – Серия «Психология». – Вып. 5. – Тула: ТулГУ, 2005. – С. 178-200.
8. Чекулай, И.В. Категории времени и пространства как отражение онтогенеза и филогенеза ценности и ценностного отношения [Текст] / И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова // Научные ведомости БелГУ. – Серия Гуманитарные науки, Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – № 12 (83), выпуск 6. – 2010. – С. 92-99.
9. British National Corpus [Electronic resource] / Mode access: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
10. London, Jack. Strength of the strong [Electronic resource] / Mode access: <http://www.gutenberg.org/etext/1075>
11. The Times [Electronic resource] / Mode access: <http://www.timesonline.co.uk>

Секция 2
«ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ,
ФРАЗЕОЛОГИИ, ЛЕКСИКОГРАФИИ»

Гарькавая Л.Н.
НИУ «БелГУ», Россия

ГЛАГОЛЫ С ОТДЕЛЯЕМЫМИ ПРИСТАВКАМИ КАК ФЕНОМЕН
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Глаголы с отделяемыми частицы представляют собой спорный и активно дискутируемый феномен немецкого языка. В некотором смысле данные конструкции ведут себя как слова, но так же в некоторой степени и как фразы, что является основанием для теоретических исследований взаимодействий между морфологией и синтаксисом. Ученым, анализирующие глаголы с отделяемыми частицами как фразовые конструкции, необходимо принимать во внимание тот факт, что данные конструкции обладают способностью к словообразованию. Морфологические исследования, с другой стороны, должны учитывать отделяемость данных глагольных соединения.

Ключевые слова: отделяемые глагольные частицы, префикс, морфология, синтаксис, отделяемость, словообразование, вторичная предикация, немецкий язык.

Garkavaya L.N.
Belgorod National Research University, Russia

THE PARTICLE VERBS AS A SPECIFIC PHENOMENON OF THE
GERMAN LANGUAGE

Resume: The particle verbs are controversially discussed phenomenon of the German. These constructions behave like words in some sense, but sometimes they behave more like phrases, which make them a good test case for theories about syntax-morphology interface. Those researchers that analyze particle verbs as phrasal constructions have to account for the fact that they undergo productive word formation, for instance. Morphological analyses, on the other hand, have to account for the separability of particle verbs.

Key words: Particle verbs, prefix, morphology, syntax, separability, word formation, second predication, German.

The particle verbs are controversially discussed phenomenon of the German. These are quite common constructions that consist of a preverb and a verb, adjacent in V-final sentences but separated in other configurations, as exemplified in (1).

- (1).a. daß der Student die Studie anfängt
that the student the study on (*preverb*)+catches(*V*)
“that the student begins the study.”
b. Der Student fängt die Studie an.
the student catches(*V*) the study on (*preverb*)
“The student begins the study.”

These constructions behave like words in some sense, but sometimes they behave more like phrases, which make them a good test case for theories about syntax-morphology interface.

There seems to be a shared intuition among speakers of German about which constructions should be called particle verbs, at least for the “core case”. [4] But how do speakers of German distinguish particle verbs intuitively? What is at the roots of this intuition? It can be assumed that this intuition is sensitive to the fact that those constructions that we call particle verbs are not fully transparent and that are to a lesser or greater degree lexicalized. This again might be due to the fact that many of those elements that we call particles are highly ambiguous. Some of them have adverb, adjective, or prepositional readings.

Particle verbs are interesting because they show a behavior that is ambiguous between that of phrases and that of words. Accordingly, some researchers have analyzed them as phrasal constructions [3; 5; 8] and others have analyzed them as morphological objects [1; 7]. In either analysis it is difficult to account for the ‘untypical’ behavior. Those researchers that analyze particle verbs as phrasal constructions have to account for the fact that they undergo productive word formation, for instance. Morphological analyses, on the other hand, have to account for the separability of particle verbs.

But still what are particle verbs? There is no generally agreed definition or even consensus on the notion of particle verbs. Nevertheless most people would probably agree with the following rough approximation:

Particle verbs are constructions that consist of a verb and a preverb and that behave like words in some respects and like syntactic constructions in others.

The problem that is investigated in this paper is already visible in this characterization.

Structure problem deals with the structural properties of particle verbs. The question is: if particle verbs behave like words in some respects and like phrasal constructions in others, are they structurally words that are formed in morphology and that behave like phrases under certain circumstances? Or are they phrasal constructions that sometimes behave like words?

The constructions (2) below are considered typical particle verbs. What they have in common is, roughly speaking that (a) they consist of a verb and something else in front of it (which can be called *preverb*, *particle* or *prefix*) and (b) that they are lexicalized, or non-transparent.

2. a. an (*preverb*)+fangen(V) → anfangen “to begin”
- b. auf (*preverb*)+hören(V) → aufhören “to stop, to finish”
- c. zu (*preverb*)+hören(V) → zuhören “to listen”

Particle verbs are, however, not simply lexicalized verbal compounds. Although the preverb and the verb are obligatorily adjacent in V-final sentences (V-final being the structure of subordinate clauses and the underlying sentence structure in German), they have to be separated under V-second or V-first, as shown for

anfangen in (3). Here the verb moves to its designated position and the preverb obligatorily stays clause-final [3].

3. a. daß die Erzählung anfängt.
 that the story on+catches
 “that the story begins.”
 b. Die Erzählung fängt an.
 the story catches on.
 “The story begins.”
 c. *Die Erzählung anfängt.

The problem is immediately obvious. The separability of particle verbs seems to suggest that they are not ‘words’ but rather syntactic constructions consisting of a verb and a “a phrasal preverb”. [5:3]

Why should such statement be assumed? First, words are generally not separable. And, second, in German there are similar constructions consisting of clearly phrasal constituents and verbs that behave like particle verbs with respect to the placement of the secondary predicate, like, e.g., resultative constructions or certain adverbial constructions. Let me illustrate this with one example of a resultative construction. In (4) the resultative AP *weich* “soft” or the PP *zu Brei* “to mush” behave just like the preverb in (3): they are strictly adjacent to the verb in V-final sentences, while under V-second, only the verb moves and the resultative predicate stays clause-final.

- (4). a. daß die Mutter die Kartoffeln {weich/ zu Brei} kocht.
 that the mother the potatoes {soft/ to mush} boils.
 “that the mother boils the potatoes {soft/ to mush}.”
 b. Die Mutter kocht die Kartoffeln {weich/ zu Brei}.
 the mother boils the potatoes {soft/ to mush}
 “The mother boils the potatoes {soft/ to mush}.”
 c. *Die Mutter {weich/ zu Brei} kocht die Kartoffeln.

However, particle verbs have word-like properties as well, and they are generally *felt* to be words. [5:3]. One factor for this might be the non-transparency of constructions like the ones in (2) but there are other factors as well which can be noticed here: word formation and modification of the preverb.

Particle verbs undergo productive word formation, as shown in (5a), just like simplex verbs (5b). The adjective *unaufgekocht*, “unboiled”, is formed by prefixing the negation prefix *un-* to the past participle *aufgekocht*, “boiled”, from *aufkochen*, “to bring to a boil”. The adjective *abwaschbar* “washable” is a suffix derivation with the suffix *-bar* from *abwaschen*, “to wash”. Resultative constructions, on the other hand, are often assumed to not undergo productive word formation processes (5c). □

- (5) a. *unaufgekocht* “unboiled” ← *aufkochen* “to bring to the boil”
abwaschbar “washable” ← *abwaschen* “to wash off”
 b. *ungekocht* “uncooked” ← *kochen* “to cook”
waschbar “washable” ← *waschen* “to wash”

- c. *unweichgekocht “unsoftboiled” ← weich kochen “to boil soft”
 *weichkochbar “softboilable” ← weich kochen “to boil soft”

The preverbs in particle verbs also behave like parts of words rather than like phrasal constituents in that they cannot be modified. Compare (6a) and (6b). In (6a) the preverb *auf* cannot be modified by the degree particle *zu*, “too”, whereas the resultative predicate *weich* in (6b) can.

- (6) a. *Die Mutter kocht die Milch zu auf.
 the mother boils the milk too on.
 b. Die Mutter kocht die Kartoffeln zu weich.
 the mother boils the potatoes too soft.
 “The mother boils the potatoes too soft.”

It is often claimed that only words can undergo word formation processes like un- prefixing and -bar derivation. It is also claimed that it is not possible to modify parts of words [6; 7]. Thus, the fact that the separable complex verbs can undergo productive formation and that the preverbs cannot be modified could easily be explained if separable complex verbs were to be analyzed as words and preverbs consequently as parts of words.

Particle verbs are therefore good test cases for the relationship between syntax and morphology, and it is exactly this dilemma that has initiated most research about particle verbs [3; 4; 5; 7; 8].

References

1. Зиндер Л.Р., Т.В. Строева. Историческая морфология немецкого языка. Пособие для студентов педагогических институтов [Текст] / Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева. – Ленинград, Издательство “Просвещение”, Ленинградское отд. 1968. – 263 с.
2. Duden, Die Grammatik (2009) Band 4, 8., überarbeitete Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Mannheim: Bibliographisches Institut AG.
3. Groos, A. 1989. Particle-verbs and adjunction. In H. Bennis and A. van Kemenade, eds., *Linguistics in the Netherlands 1989*, pages 51-60. Dordrecht: Foris.
4. Hundsnurscher, Franz (1997): *Das System der Partikelverben mit aus in der Gegenwartsprache*. Hamburg: Buske.
5. Lüdeling, A. 2001. On particle verbs and similiar constructions in German. CSLI Publications. Center fort he study of Language and Information. Leland Standfors Junior University.
6. Neeleman, A. and F. Weerman. 1993. The balance between syntax and morphology: Dutch particles and resultatives. *Natural Language and Linguistic Theory* 11:433-475
7. Stiebels, B. and D. Wunderlich. 1992. A lexical account of complex verbs. *Arbeiten des Sonderforschungsbereiches 282 30*, Heinrich-Heine Universität, Düsseldorf.
8. Zeller, Jochen (2000): *How syntax restricts the lexicon*. *Linguistische Berichte* 181, Hamburg: Helmut Buske Verlag.

Гудзь О.В.
НИУ «БелГУ», Россия

АББРЕВИАЦИИ И ИХ РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ТВИТТЕР

В данной статье рассмотрены проблемы словообразования в английском языке интернет коммуникации и освещены основные способы создания аббревиаций, ее основные типы, задачи и функции. Проанализированы некоторые примеры аббревиаций на материале языка социальной сети Твиттер, показаны их значения и варианты использования в речи.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, аббревиация, апокопа, сокращение, социальная сеть.

Gudz O.V.
Belgorod National Research University, Russia

ABBREVIATIONS AND THEIR ROLE IN THE PROCESS OF WORD FORMATION THE ENGLISH LANGUAGE OF INTERNET COMMUNICATION IN THE SOCIAL NETWORK TWITTER

This article considers the problems of word formation in the English language of Internet communication, and highlights the key ways to create abbreviations, its main types, objectives and functions. Some examples of abbreviations are analyzed on the material of social network Twitter language, their meanings and speech use cases are shown.

Key words: Internet-communication, abbreviation, apocope, shrink, social network.

В условиях популяризации и развития компьютерных технологий и интернета, язык интернет-коммуникации все быстрее входит в бытовое употребление. Как наиболее популярное на сегодняшний день средство массовой информации, интернет требует простого и подходящего языка для людей, использующих его в условиях современного темпа жизни. Английский язык, являясь самым привычным в условиях использования сети интернет, привлекает внимание людей из-за своих специфических языковых особенностей. По большому счету сегодняшний виртуальный английский язык-это язык e-mail сообщений, форумов чатов, различных электронных страниц и т.д. Языковое многообразие представляет собой различные формы речи, используемые одним говорящим или группой. [5: 275] Учитывая сегодняшнее число пользователей всемирной интернет паутины можно смело сказать, что язык интернет коммуникации можно рассматривать в качестве новой разновидности английского языка. Кроме того, разнообразие словообразовательных механизмов, представленных в языке интернет сайтов имеет свои отличительные черты, что представляет огромный интерес для лингвистов по всему миру. Зная особенности виртуальной коммуникации, нас представляется уникальная возможность не только расширить наш словарный запас, но и, что более важно, научиться свободно владеть ресурсами интернет

сети, а так же достичь больших успехов в искусстве эффективного общения при помощи интернета.

Для того, что бы лучше понимать систему английского языка, в первую очередь необходимо знать какие способы словообразования являются основными в условиях виртуальной речи. По большому счету интернет язык пользуется ключевыми способами стандартного английского языка при образования новой лексики. Были унаследованы такие способы словопроизводства, как деривация, аббревиация, словосложение и т. д. Тем не менее уже сформировался ряд уникальных характеристик, которые в настоящем становятся основной тенденцией в словообразования в сфере интернет коммуникации английского языка.

На сегодняшний день, в условиях информационно интенсивно развивающегося общества в области науки и техники, длинные и сложные слова неизбежно будут заменяться на более краткие и лаконичные варианты. Современный интернет «юзер» просто не имеет право тратить драгоценное время на набор сложных предложений. Именно поэтому аббревиатура применяется наиболее часто при образовании новой или сокращении лексики интернет коммуникации английского языка. Данный способ не только обогатил словарный запас английского языка, но и представил собой большое удобство для англоязычных пользователей, став своего рода трендом в способах упрощения в основном письменной, а все чаще и устной речи. Типичным и очень символичным примером аббревиации является начало строки всех веб-сайтов – «www», что расшифровывается как всем известное выражение World Wide Web, а именно Всемирная паутина.

Аббревиация — «способ словообразования, объединяющий все типы сложносокращенных и сокращенных образований». Е. С. Кубрякова дает следующее определение аббревиации: «Аббревиация есть процесс создания единиц вторичной номинации со статусом слова, который состоит в усечении любых линейных частей источника мотивации и который приводит в результате к появлению такого слова, которое в своей форме отражает какую-либо часть или части исходной мотивирующей единицы» [1: 200].

В английском языке аббревиации в первую очередь делятся на устные и письменные варианты сокращения слов. Однако сеть интернет подразумевает под собой виртуальное общение в гиперпространстве, соответственно устная речь не является доступной для данного вида коммуникации. Соответственно внимание акцентируется на письменных вариациях аббревиации. [4: 140]

В письменном варианте английского языка интернет коммуникации выделяется несколько наиболее распространённых типов аббревиации.

Сокращение представляет собой вид аббревиации а которых начало или конец слова усекается. Аббревиации данного типа могут затрагивать различные сферы деятельности пользователей интернет сообщества, но чаще всего такими являются уже давно устоявшиеся выражения как в устной, так и в письменной речи, такие как, например *burger – hamberger; cello – violoncello; flu – influenza; ad – advertisement; blog – weblog; rhino – rhinoceros; telly – television; bike – bicycle.*, Классифицируются подобные сокращения в зависимости от усекаемой

части слова. Стоит отметить, что в английском языке морфологический корень слова чаще всего находится в начале лексической единицы и следовательно несет в себе основную ее смысловую составляющую. [3: 24] Именно поэтому вариант усечения окончания слова является наиболее популярным в случае сокращения и вид такой аббревиации называется апокопой: *disco – discothèque; expo – exposition; intro – introduction*. Примечательно, что в случаях подобных интернет сокращений наиболее распространенным суффиксом, формирующим новую лексическую единицу, является «о» как в следующих примерах: *intro (introduction) ; combo (combination) Afro (African)* и т.д. В других случаях начальная часть слова усекается, оставляя только конец. В этом случае мы можем наблюдать такое явление, как афреза: *chute – parachute; varsity – university; copter – helicopter; thuse – enthuse* и многие другие. Реже случается, что усекается середина слова, подобные случаи называются синекопой: *mart – market; fanzine – fan magazine; maths – mathematics*. Иногда происходит одновременное явление апокопы и афрезы, когда усекаются и начало и конец слова: *tec – detective; van – avanguard*.

На сегодняшний день инициальные аббревиатуры и акронимы являются наиболее популярными формами упрощения лексических единиц в процессе интернет коммуникации. Их преимущество заключается в том, что при условии наименьшего затрата энергии на сообщение необходимой информации или же, как это чаще бывает, выражения эмоций, подобная аббревиация способна одним словом донести необходимый нам информационный объем, что чрезвычайно важно в условиях активного ритма жизни интернет пользователей. [2: 240]

Инициальные аббревиатуры – это тип сокращения длинного выражения, в котором каждое слово выражено его первой буквой: *atb – all the best; bb – bye-bye; ot – off topic; rn – right now; tfn – thanks for nothing; tm – trust me; wc – who cares* и т.д. При произношении подобной аббревиатуры каждая буква произносится отдельно, что отличает ее от акронима.

Примерами апокопы в интернет речи могут быть следующие выражения: *lol – laughing out loud; tia – thanks in advance; tic – tongue in cheek; ya – yet another* и многие другие. Особенность акронима заключается в том, что данное сокращение произносится одним словом, поэтому столь удобно в использовании. [6: 103]

С учетом того, что различные социальные сети являются на сегодняшний день являются неотъемлемой частью жизни большинства интернет пользователей наиболее яркие примеры использования аббревиаций в сфере интернет коммуникации можно на подобных сайтах. Одним из наиболее популярных социальных сетей является Twitter. Здесь интернет пользователи выражают свои мысли, следят за высказываниями интересующих их людей и следят за новостями по всему миру. В связи с тем, что сообщение в данном ресурсе вмещает в себя лишь 140 символов, аббревиация является довольно удобным способом изложения большего объема информации в малом пространстве.

Популярным выражением в сети интернет является лексема *bae*, которая на сегодняшний день является двойной аббревиатурой: с одной стороны это усечение, а именно синекоса слова *babe* – «детка», с другой же это апокоса выражения *before anyone else* – «раньше всех». Данная лексема довольно часто встречается в просторах всемирной паутины, и значение ее определяется непосредственно от контекста. Употребление представленной аббревиатуры можно наблюдать в следующей цитате, взятой непосредственно из социальной сети Twitter:

@Lmao: « when bae acts moody but u don't know what u did» - Funny Tweets™ [10]

« когда твоя детка ведет себя странно, но ты не понимаешь что ты натворил».

Еще одной распространенной аббревиатурой является лексема *HIFW*, которая включает в себе следующее выражение: *How I Felt When* – «Что я чувствую когда..», или же в русском языке есть подобный вариант выражения «*Мое лицо когда я..*». Это инициальная аббревиатура, которая зачастую употребляется с «интернет- мемами»- видео, изображениями, видео или изображением формата gif, несущих в себе определенную информацию. В основном это выражение чувств и эмоций по поводу какой-либо ситуации. Пример использования данной аббревиатуры в речи можно видеть в следующем высказывании:

Amanda Jean @RealAmanda : «HIFW I forget to pack toothpaste and don't realize until bedtime.» [9]

«Мое лицо, когда перед тем как идти спать я понимаю, что забыла взять зубную пасту».

Как известно Twitter – это особая сеть, где пользователи часто делятся различными новостями со своими подписчиками. Одним из способов привлечь внимание к информации, находящейся в сообщении, является инициальная аббревиатура *ICYMI*, которая расшифровывается как выражение *In Case You Missed It* - «*В случае, если вы пропустили*». Данное сокращение является просто предосторожностью в случае если автор не знает обладает ли уже подписчик данной информацией или же когда он повторяет ранее сказанные слова. Примером может служить следующее сообщение:

Jonathan Capehart @CapehartJ : «ICYMI: Donald Trump didn't like my Monday column.» [8]

«В случае, если вы пропустили: Дональду Трампу не понравилась моя понедельничная колонка».

Еще одним ярким примером сокращений сети Twitter является аббревиатура *JSYK*. Эта инициальная аббревиатура расшифровывается как выражение *Just So You Know*- «*Что бы ты знал*». Данная аббревиатура чаще всего носит в себе отчасти агрессивный и вызывающий характер, что моментально позволяет привлечь внимание читателя. Увидеть ее использование можно в следующем примере:

Jo Graham @thejoannagraham: «Jsyk if you support the removal of maintenance grants you're essentially saying folks like me shouldn't have a right to education, so bye!» [7]

«Что б ты знал, если ты поддерживаешь исключение стипендий, то ты по сути говоришь, что такие как я не имеют права на образование, так что до свидания!»

В заключение можно сказать, что на сегодняшний день аббревиация является наиболее продуктивным способом словообразования в интернет сфере, а в особенности в социальных сетях. Примером тому является один из самых популярных сайтов Twitter, в условиях которого пользователю приходится прибегать к различным способам сжатия информации, в том числе и к аббревиациям.

Литература

1. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений// Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – с. 200
 2. Нургалева Т.Г. Аббревиация как средство экспрессивного словообразования: дис. . канд. филол. наук, специальность 10.02.04 // Т.Г. Нургалева. Москва, 2010. - 240 с.
 3. Сытникова Т. А. Англоязычная компьютерная техническая терминосистема: автореф. дис. . канд. филол. наук: 10.02.04 / Т.А. Сытникова. Владивосток, 2011. - 24 с.
 4. Хуснуллина Ю.А., Абрамов В.Е. Коммуникативная аббревиация компьютерного дискурса [Монография] // Ю.А. Хуснуллина, В.Е. Абрамов. – Самара: УИНЛ ПГУТИ, 2012. – 140 с.
 5. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. - 275 p.
 6. Sun Hong-mei. A Study of the Features of Internet English from the Linguistic Perspective / Sun Hong-mei. Studies in Literature and Language Vol. 1, № 7, 2010, p. 98-103
- Список источников фактического материала:
7. [https://twitter.com/thejoannagraham/status/618767210190913536?ref_src=twsrc%5Etfw]
 8. [https://twitter.com/CapehartJ/status/618732821474099200?ref_src=tw_src%5Etfw]
 9. [https://twitter.com/RealAmanda/status/618254804268281856?ref_src =twsrc%5Etfw]
 10. [pic.twitter.com/IyOFEJqL5n]

Дрога М.А., Фуникова С.В.
к.ф.н., НИУ «БелГУ», Россия

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОСТАВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Данная статья посвящена исследованию имени собственного, которое является частью составного наименования. Анализ газетных текстов показал, что имя собственное как компонент составной номинации частотно в заголовках газетных материалов. Собственные имена в этом случае могут являться обозначениями известных людей, великих событий, а также выступать в качестве источника прецедентности.

Ключевые слова: язык газеты, заголовок, имя собственное, прецедентное имя, составные наименования.

Droga M.A., Funikova S.V.
Belgorod National Research University, Russia

THE PROPER NOUN IN MODERN MASS MEDIA (ON THE MATERIAL OF COMPOUND NAMES OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

The article is devoted to the study of the proper noun, which is part of a composite names. The analysis of newspaper texts has showed that a proper noun as a component of a composite category in the headlines of newspaper articles is rather frequent. Proper names in this case may be signs of famous people, great events, and to act as a source of precedent.

Key words: newspaper language, headline, proper noun, case name, compound names.

Новообразования являются продуктом креативной деятельности носителей языка. В современной газете происходит поиск журналистами новых, более выразительных номинаций. По словам В.Г. Костомарова, «основными функциями экспрессии в газетно-публицистических текстах являются: информационно-содержательная функция, функция убеждения, воздействия» [1: 35]. Исследование показало, что эти функции выполняет газетный заголовок, выступающий главным источником составных наименований с именем собственным. Слова-заглавия типа *Ленин-фараон*, *Куршевель-захватчик*, *Путин-мóлодец* и т.п. поражают воображение читателя и привлекают своей неожиданностью и новизной.

В арсенале средств массовой коммуникации существует несколько категорий, обращение к которым является как едва ли не обязательным. «К числу подобных феноменов относится имя собственное в его противопоставлении имени нарицательному и в его многообразных коммуникативных модификациях, результатом которых может быть превращение в прецедентное имя, сохраняющее многие признаки имени собственного и вместе с тем в той или иной степени приближающееся к имени нарицательному» [2].

Использование имени собственного в специфических коммуникативных смыслах издавна привлекало внимание ученых-лингвистов. Собственные имена в различных аспектах рассматривались в работах Т.Н. Кондратьевой, А.В. Суперанской, Н.В. Васильевой, Ф.Л. Агеенко, Д.И. Ермоловича и других исследователей. Однако специфика исследуемого объекта, неоднозначность его толкования, а также особенности функционирования в языке последних десятилетий пока еще не получили должного освещения. Научная новизна проведенного исследования состоит в том, что имена собственные рассматриваются в рамках функционального подхода как базовые компоненты составных наименований.

В современной ономастике разграничивается несколько видов онимов - антропонимы, зоонимы, топонимы, астрономы, урбонимы, названия событий, кораблей и др. Поскольку основная проблематика массовой коммуникации – это человеческая деятельность, то вполне закономерно, что «здесь ведущее место занимает использование прецедентных антропонимов» [2]. Анализ заголовков газетных текстов выявил употребление собственных имен, которые обозначают художественные или иные произведения, а также литературных художников:

Гоголь-переселенец (заголовок): *Памятник классику хотят перенести на новое место. Авторы письма предлагают «восстановить историческую справедливость» и перенести памятник Гоголю работы скульптора Андреева, который сейчас стоит во дворе д. 7 на Никитском бульваре, на его прежнее место - Гоголевский бульвар. Именно здесь он был установлен в 1909 г. - во время празднования 100-летия писателя.* АиФ, 2008, №49. Имя собственное «Гоголь» использовано в необычном темпоральном контексте: представление деятеля прошлого как ныне живущего или даже способного воскреснуть. В подобных контекстах фамилии политических лидеров прошлого используются в контексте будущего или настоящего времени, что предопределяет неденотативность речевого смысла соответствующих антропонимов:

Ленин-фараон (заголовок): *Мумия Ильича лишает страну жизненной силы. Проведённый недавно фондом «Общественное мнение» опрос показал: большинство россиян выступает за захоронение тела Ленина. Вслед за этим глава пресс-службы патриарха протоиерей Владимир Вигилянский призвал отдать останки Ильича коммунистам. А историк Владимир Авдеев убеждён: «мощи» вождя пролетариата нужно сжечь, так как над ними был проведён настоящий сатанинский обряд.* АиФ, 2012, №20.

Исследователи отмечают тот факт, что правописание прецедентных антропонимов можно отнести к числу вариантных. Вместе с тем можно заметить, что чем более общеизвестным и высокочастотным становится тот или иной антропоним, тем выше вероятность его написания со строчной буквы, в форме множественного числа и без использования кавычек. Так, например, определенное влияние на предпочтение написания со строчной буквы может оказать и наличие в контексте негативной эмоциональной оценки соответствующих людей.

В материалах газетных СМИ было зафиксировано употребление имени собственного (знаменитого персонажа классической литературы) в новом необычном значении:

Шалтай-болтай (заголовок). *Почему излишняя гибкость тела может быть опасна? 5–7% населения Земли могут без труда не только встать на мостик или сесть на шпагат, но и выделять со своим телом поистине цирковые трюки. Но не спешите завидовать каучуковым людям, ведь эта их особенность – не талант, а наследственное заболевание под названием «синдром гипермобильности суставов» (СГМ). АиФ, 2014, №40.* По сути, перед нами имя собственное, за которым стоит прецедентная ситуация, описанная в художественной литературе (персонаж, упавший со стены, которого никто не мог собрать). В русском языке это слово перешло в разряд наречий и употребляется, когда речь идет о бесцельном времяпровождении [3: 891]. В английском языке именем Humpty-Dumpty обозначают «толстячка-коротышку» или «разбитую вещь». В газетном тексте имя «Шалтай-болтай» выступает уже в значении «гибкий человек». Интересным представляется то, что компоненты составной номинации являются рифмованными как в русском, так и в английском варианте. В отношении антропонимов такого типа М.В. Сухих отмечает: «Имя – это всегда часть ритуала, сложный знак, символ, маркирующий человека в ряду ему подобных и в то же время причисляющий его к определенной родовой или социальной общности» [4: 113].

Как показывает рассмотренный материал, наиболее частотной группой среди имен собственных как компонента составных номинаций являются антропонимы. Что касается второго места, то его уверенно удерживают топонимы. Возможно, это связано с тем, что в русской речи прецедентные топонимы способны образно обозначать самые разные события, так или иначе связанные с соответствующим городом. Рассмотрим конкретный пример (обозначение большой, богатой и авторитетной части света):

Старушка-Европа (заголовок): *Старушка-Европа стонет под натиском иностранцев. Тем, кто сегодня ищет лучшей жизни за рубежом, богатая Европа шлет свое главное послание, состоящее из двух взаимоисключающих сообщений: «нужны рабочие руки» и «въезд закрыт». А что делать? Европа сама дезориентирована. С одной стороны, резко снизившаяся рождаемость, и, как следствие, демографическое старение наций грозят общеевропейским опустошением. Собеседник, 2008, №12.*

Анализ газетных заголовков позволил выделить собственные имена, которые обозначают получившие широкую известность географические объекты:

Амур-каток (заголовок): *Во всех населённых пунктах Амурской области работают бригады спасателей - откачивают воду и сушат дома, которые ещё могут быть пригодными для жизни. Наводнение превратится в обледенение? АиФ, 2013, №37.*

Идентификатором островного государства в Средиземном море выступает имя собственное «Кипр». Актуализирующий компонент «праздник» выражает характеристику объекта, названного в первой части составного слова:

Кипр-праздник (заголовок): *Кипр по праву можно назвать «Музеем под открытым небом!».* Многочисленные туристы, приезжающие на остров для отдыха, порой, не подозревают, по какой земле ходят и в каких водах купаются... Люди живут здесь от праздника к празднику! Несмотря на хитросплетения исторических событий, Кипр не утратил своей природной красоты, насыщенности достопримечательностей, а самое главное, необыкновенного гостеприимства. КП, 2013, №122.

В текстах газетной периодической печати отмечены имена собственные в метафорическом употреблении. В следующем примере имя собственное «Олимп» не связано с божественным древнегреческим названием, а представляет другое значение, указывающее на объект Олимпиады в Сочи:

Олимп-аврал (заголовок): *«Меня несколько тревожит фактор времени и готовности олимпийских объектов», - заметил, вернувшись из командировки в Сочи, министр спорта Виталий Мутко.* АиФ, 2012, №45.

Общеизвестное имя собственное, под которым имеют в виду местность к западу от Москвы, можно также характеризовать как прецедентное имя, обозначающее «дорогое жильё»:

Рублевка-стройплощадка (о масштабном строительстве в самой богатой «деревеньке» России): *Приезжих наше место удивляет не только красотой и шиком, приличными дорогами, но и размахом строительства. И даже заставляет по-хорошему завидовать!* КП, 19.01.2007.

В составе составных наименований не менее употребительными являются собственные имена, которые обозначают объекты бизнеса - компании, заводы, банки (например, «Лукойл»-предатель, «БАМ» - неудачник). Приведем контекст:

Домодедово-полиглот (заголовок): *Буквально с каждым днем языковой диапазон дикторов в аэропорту расширяется. На сегодняшний день объявления делают на 7 языках: русском, английском, азербайджанском, французском, немецком, итальянском и узбекском. Но, по заверению представителей Домодедова, к 2008 году их количество дойдет до 20.* Имя собственное, обозначающее объект городской инфраструктуры, реализуется в новом значении: «аэропорт, который знает много языков», которым обычно характеризуются только люди. Особенность употребления имени собственного – его указание на сходство объектов.

Нередко журналисты используют интригующий заголовок, который представляет собой некую загадку и сразу привлекает внимание. Иллюстрацией является метафорическое использование имени собственного по фонетическому сходству с религиозной лексикой путем добавления букв:

Ангела-хранитель (заголовок): *Ангела Меркель остаётся канцлером на третий срок подряд. Почему же никто не говорит, что это недемократично?* АиФ, 2013, №39. На наш взгляд, фактом является наличие смысловых преобразований в имени собственном «Ангел» («тот, кто оберегает от бед»), и как следствие, слово «Ангела» в представленном контексте можно считать прецедентным антропонимом в функции культурного смысла. Специальные статистические данные говорят: 80% народа Германии верят, что Меркель

удастся сохранить евро, и они не задумываясь выбрали бы ее на досрочных выборах. Немцы любят своего канцлера, чувствуют себя как за каменной стеной.

Выводы. Объемный языковой материал, извлеченный из текстов массовых печатных изданий, позволил выявить некоторые особенности. Функция имен собственных заключается не только в указании на называемый ими объект, данные языковые единицы всегда несут дополнительную экстралингвистическую информацию. «Выполняя ряд социальных функций, имя живет и развивается по законам языка, хотя причины, стимулирующие развитие именных систем, по своему происхождению социальные, т.е. лежат вне сферы действия лингвистики» [8: 26]. Использование имени собственного в языке СМИ часто имеет характер своего рода языковой игры: автор задает загадку, а читатель ищет на нее ответ.

Являясь базовым компонентом составного слова, имя собственное обозначает известных личностей, знаменательные события, исторические сражения, географические объекты. Однако герой современного словообразования – человек, поэтому большая часть рассматриваемых наименований – антропонимы. Актуализирующий компонент служит характеристикой объекта, чаще негативной.

В словах-заголовках имя собственное может выступать в метафорическом значении, становясь для потребителя массовой культуры именем прецедентным. «В этом случае контекст предопределяет появление нового составного слова, а читатель понимает значение составного наименования, исходя из фоновых знаний и жизненного опыта» [9: 38].

Отметим, что методика исследования подобного рода слов еще не разработана, что представляет перспективное направление в дальнейшем исследовании.

Литература

1. Костомаров, В.Г., Бурвикова, Н.Д. Как тексты становятся прецедентными [Текст] / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. - №1. – С. 35.
2. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т.; Институт социального образования, 2007. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm> (дата обращения 15.09.2014).
3. Ожегов, С.И. и Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. – М.: «Азбуковник», 1999. – 944 с.
4. Сухих, М.В. Символика личного имени в русской культуре [Текст] / М.В. Сухих // Русская словесность в системе высшего образования. – СПб.: СПбГУТД, 2009. – С. 113.
5. Флейшер, Е.А. Основы прецедентности имени собственного [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / Е.А. Флейшер. – С.-П., 2014. – 164 с.
6. Солганик, Г.Я. Стилистика текста [Текст] / Г.Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 256 с.
7. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры [Текст] / В.З. Санников. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 552 с.
8. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного [Текст] / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 367 с.
9. Дрога, М.А. Имя собственное на газетной полосе [Текст] / М.А. Дрога // Мир русского слова. – 2014. - №4. – С. 34-38.

Калинина Н.А., Команова А.Ю., Ширлина Е.Н.
НИУ «БелГУ», Россия

РОЛЬ МОДИФИКАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ

Язык прессы отличается высокой частотностью фразеологических единиц, которые служат для связи частей текста, выполняют экспрессивную и оценочную функции и привлекают внимание читателей. Фразеологические единицы характеризуются устойчивостью, поэтому их модификация приводит к усилению экспрессивности. В статье описаны различные варианты модификации фразеологических единиц в текстах англоязычной и немецкоязычной прессы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, устойчивость, модификация, контаминация, дефразеологизация, немотивированное значение, автономизация, языковая игра.

Kalinina N.A., Komanova A.Y., Shirlina E.N.
Belgorod National Research University, Belgorod

ROLE OF MODIFICATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN ENGLISH- AND GERMAN-LANGUAGE PRESS

Language of mass media has a high frequency of phraseological units that serve to connect parts of the text, perform the expressive and evaluative functions, and attract readers' attention. Phraseological units are stable, so modification gives expressivity to their meaning. This article describes the various options for phraseological modifications in texts of English-speaking and German-speaking press.

Key words: phraseological unit, stability, modification, contamination, dephraseologization, unmotivated value, autonomy, language game

Основными признаками фразеологических единиц являются устойчивость, идиоматичность, образность, воспроизводимость, частотность употребления и способность к вариативности [7: 27-28].

Устойчивость фразеологических единиц можно наблюдать на разных уровнях:

1. Устойчивость в употреблении фразеологизмов: они воспроизводятся целиком, а не производятся говорящим.

2. Структурно-семантическая устойчивость: фразеологическая единица имеет особое значение.

3. Морфологическая устойчивость: компоненты фразеологизма нельзя заменить другими элементами парадигмы.

4. Синтаксическая устойчивость: компоненты фразеологизма имеют фиксированный порядок, возможность изменения порядка слов ограничена.

5. Устойчивость значения и лексического состава: определённые лексические изменения возможны, но общее значение остаётся прежним [7: 37].

Именно благодаря устойчивости фразеологических единиц их модификация неизбежно создаёт особый эффект, привлекая внимание читателей, чем часто пользуются авторы публицистических текстов.

Следует различать изменения, происходящие с фразеологическими единицами, и их модификацию. Изменения со временем входят в систему языка, в то время как модификации носят индивидуальный характер и остаются на уровне употребления в конкретных текстах. Фразеологические единицы могут подвергаться следующим изменениям:

1. Появление фразеологизированного значения: *von Kopf bis Fuß, in Reih und Glied*.

2. Изменение фразеологизированного значения: *im Zuge sein* – раньше: „*mit etwas beschäftigt sein*“.

3. Изменение формы: *vom Wirbel bis zur Sohle* – устаревшая фразеологическая единица, сегодня: *vom Scheitel bis zur Sohle*.

4. Компонент фразеологизма перестаёт функционировать как самостоятельная языковая единица, следовательно, значение фразеологизма становится немотивированным: *aus dem Stegreif* – „*ohne Vorbereitung, ohne Textvorlage*“, существительное „*der Stegreif*“ имело значение «стремя»; „*die Hut*“ – «защита», также устаревшее слово, в настоящее время употребляется только как компонент устойчивых выражений, например, *auf der Hut (sein)*.

5. Универбация: *vorderhand iz vor der Hand* – „*einstweilen, zunächst, vorläufig*“ („пока“) [3: 140-152].

Модификации фразеологических единиц бывают трёх видов:

1. Формальная модификация без семантической модификации.

2. Формальная и семантическая модификация.

3. Семантическая модификация без формальной модификации [3: 159].

В публицистических текстах, чаще всего, встречаются модификации второго и третьего типа. Одним из примеров формальной и семантической модификации может служить появление фразеологизма „*rote Socken*“ в значении «члены социалистической партии». Он возник в результате автономизации компонента образного предложно-именного сочетания „*auf roten Socken*“: „*Auf in die Zukunft... aber nicht auf roten Socken*“ (слоган на предвыборных плакатах христианско-демократического союза в 1994 году против социалистической партии) [9: 250]. Благодаря чему возможно (и главное, понятно) формирование метафоризированного значения в данном случае? Во-первых, красный цвет, с 19 века используется во многих языках как символ коммунизма. Во-вторых, в немецком языке встречается презрительно-насмешливое обозначение „*Socke*“ применительно к человеку (обычно с прилагательным, например, *faule Socke*) относится к области разговорного языка, в котором представлены различные метафоры, связанные с предметами одежды (*Geizkragen, Schlafmütze, Stinkstiefel*) [9: 250-251]. И, наконец, выражение „*auf roten Socken*“ образовано в результате метафорического переосмысления другого метафоризированного предложно-именного сочетания – „*auf Socken*“ (бесшумно).

In Gates we trust. С нами Гейтс. Пословица-источник: *In God we trust.* Билл Гейтс — основатель корпорации «Майкрософт». Вторые компоненты аллитерируют: “*God*” — “*Gates*”. Структура параллельной конструкции исходной пословицы сохранена и в новообразовании с заменой одного значимого компонента. Сравнение Б. Гейтса с Богом свидетельствует о популярности не только программного обеспечения, выпускаемого его корпорацией, но и его самого как «бога» в области компьютерных технологий. [1:99].

Благодаря своей лаконичной форме фразеологические единицы особенно часто встречаются в заголовках. „*Klasse statt Masse*“ – заголовок статьи в „*Uniglobale*“ (сентябрь 2015: 20), посвящённой консалтинговым услугам. Неудивительно, что модифицированные фразеологические единицы также нередко встречаются в заголовках: „*Mit Klasse und Masse*“ – заголовок статьи в „*Starting Up*“ (декабрь 2014, январь/ февраль 2015: 20-24), про фирму, занимающуюся программным обеспечением для краудсорсинга. Как видно из данного примера, модифицированная фразеологическая единица выполняет двойную функцию: с одной стороны, сохраняется семантическая связь с исходным фразеологизмом, с другой стороны, благодаря изменению компонентного состава происходит изменение лексического значения фразеологизма – компонент „*Masse*“ в связи с содержанием текста можно понимать в его прямом значении.

Модификации фразеологических единиц является основой языковой игры. Нередко наблюдается замена компонента фразеологической единицы. Автору статьи “*Crimea and Punishment*” удалось передать аллюзию на «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского благодаря замене компонента и омофонии. [4:16].

Ещё одним видом языковой игры является контаминация нескольких фразеологических единиц: *Lieber am Busen der Natur als am Arsch der Welt* [7: 113]. В английском языке контаминация осуществляется, в основном путем наложения двух фразеологических единиц, однородных по структуре. Например, контаминации подвергаются фразеологические единицы английского языка *master of one's own* и *master of one's destiny*, имеющие общий первый компонент *master*:

He felt vital, increasing in consequence, master of himself and of his destiny [2].

Дефразеологизация представляет собой самый распространённый вид модификации фразеологических единиц: *Auge um Auge. Hunderte Millionen Menschen sind kurzsichtig, bei Milliarden ist die Seeschärfe gefährdet. Im Kindesalter ließe sich die Beeinträchtigung leicht eindämmen, aber es passiert nicht genug* [8]. *Carol has always been a black sheep in the class: her parents were Afro-Americans.* Фразеологическая единица *a black sheep* фиксируется словарями в значении ‘*a person considered to have brought discredit upon a family or other group; a bad character*’. Ее дефразеологизация осуществляется за счет употребления в придаточном предложении существительного *Afro-Americans*, которое является эвфемизмом, обозначающим чернокожее население Америки. Таким образом, компонент *black* в составе

фразеологизма и, как следствие, второй компонент фразеологизма, приобретают исходное, прямое значение [6: 24].

Таким образом, модификация фразеологических единиц играет особую роль в публицистических текстах, обладают повышенной экспрессивностью. Использование модифицированных фразеологических единиц позволяет авторам осуществлять языковую игру с прямыми и переносными значениями выражений, создавать эффект обманутого ожидания и привлекать внимание читателей к содержанию статьи.

Литература

1. Абуханова А. Г., Зубкова Е. С. Модификации паремических единиц в интернет-дискурсе // Современная филология: материалы III междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.). — Уфа: Лето, 2014. — С. 97-103.
2. Семушина Е.Ю. Субституция, контаминация и эллипсис как способы преобразования субстантивных фразеологических единиц и сложных слов английского и русского языков(С.222-227) [электронный источник] URL: <http://old.kpfu.ru/f10/bibl/resource/articles.php?id=6&num=52000000>
3. Burger, H. Phraseologie. 4. Auflage. – Berlin: ErichSchmidtVerlag, 2010. – 240 S.
4. CrimeaandPunishment. TheEconomist, 03.03.2014. – p. 15-16
5. Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig: VEB Biographisches Institut Leipzig, 1982. – 252 S.
6. Grahame K. Wind In the Willow. Wordsworth Edition Limited, 2008.–p.24.
7. Schowe, U. Mit Haut und Haar. Idiomatisierungsprozesse bei sprichwörtlichen Redensarten aus dem mittelalterlichen Sprachrecht. – Frankfurt/M. usw.: Peter Lang, 1994. –396 S.
8. Süddeutsche Zeitung. Auge um Auge. [электронный источник]URL: [http://www.sueddeutsche.de/wissen/kurzsichtigkeit-auge-um-auge].
9. Von „aufmüpfig“ bis „Teuro“. Die Wörter der Jahre“ 1971-2002. Herausgegeben von Jochen A. Bär. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2003. – 352 S.

Конопелько И.П.

к.ф.н., доц., Воронежский государственный педагогический университет,
Россия

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО КОНТРАСТИВНОГО ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОГО СЛОВАРЯ

В XX веке из сопоставительного языкознания выделилось особое лингвистическое направление – контрастивная лингвистика. Контрастивные исследования позволяют провести процедуру дифференциальной семантизации контрастивных пар двух языков с целью выявления национальной специфики семантики лексических единиц. В языках выявляются национально-специфические семемы, которые: являются безэквивалентными; содержательно отличаются в сравниваемых языках; полностью отсутствуют в изучаемом языке по сравнению с языком сравнения. На базе полученных описаний может быть создан контрастивный дифференциальный двуязычный словарь.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, семантика, лексическая единица, национально-специфические семемы, контрастивный дифференциальный словарь.

Konopelko I.P.

Voronezh State Pedagogical University, Russia

DEVELOPING A RUSSIAN-FRENCH CONTRASTIVE DIFFERENTIATING DICTIONARY

In the 20th century Contrastive linguistics gave birth to a separate new linguistic trend-contrastive linguistics. Contrastive studies can help to carry out a procedure of differentiating seme analysis of the contrastive pairs of two languages in order to discover the national peculiarities of the lexical units' semantics. Languages contain nationally specific sememes which are equivalent-lacking, differ in their content in the two languages, are absolutely absent in one language in comparison with the other one. The resulting descriptions may serve as a basis for creating a contrastive differentiating dictionary.

Key words: Contrastive linguistics, semantics, lexical units, nationally specific sememes, Contrastive Differentiating Dictionary.

XX век ознаменован появлением такого разнообразия исследований по проблемам контрастивной лингвистики, что можно констатировать возникновение новой отрасли языкознания. Контрастивная лингвистика изучает отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными средствами передачи их в изучаемом языке. Цель контрастивного исследования – сопоставительное изучение переводных соответствий двух языков для выявления их сходств и различий [2; 3].

В качестве материала нашего исследования избраны наименования лиц по отношению к труду и глагольные наименования процесса труда в русском и французском языках. Эти две лексические группировки являются отдельными подгруппами тематического поля «трудовая деятельность» (т.е. выступают как тематические микрогруппы). Они избраны в качестве материала исследования в

связи с тем, что предварительный анализ показал наличие в этих тематических подгруппах заметной национальной специфики семантики.

Мы применили следующую методику для описания национальной специфики семантики наименований лиц по отношению к труду и глагольные наименования процесса труда в русском и французском языках:

Этап 1. Выделение лексической группировки в исходном языке: Шаг 1. Установление базового списка. Шаг 2. Синонимическое расширение базового списка. Шаг 3. Структурно-семантическая классификация выделенной лексики.

Этап 2. Установление лексических соответствий исследуемых единиц двух языков. Шаг 1. Установление переводных соответствий. Шаг 2. Установление межъязыковых соответствий.

Этап 3. Компонентный анализ семем контрастивных пар в сопоставляемых языках. Шаг 1. Компонентный анализ единиц исходного языка в рамках выделенных подгрупп методом анализа словарных дефиниций. Шаг 2. Компонентный анализ единиц языка сравнения методом анализа словарных дефиниций.

Этап 4. Опрос информантов по выявлению и верификации отдельных сем.

Этап 5. Семантическое описание контрастивных пар.

Этап 6. Дифференциальная семантизация слова [1].

В случае нашего исследования исходным был избран русский язык. По результатам первого этапа нами был описан состав и структура лексической группировки наименований трудовой деятельности в русском языке. В результате исследуемая лексика была расклассифицирована на 8 подгрупп:

глагольные наименования, называющие общие понятия трудовой деятельности (*делать, работать и др.*); субстантивные наименования, называющие общие понятия трудовой деятельности (*дело, труд и др.*); субстантивные наименования, называющие отрицательное отношение к труду (*бездействие, лень и др.*); глагольные наименования, называющие отрицательное отношение к труду (*барствовать, отлынивать и др.*); глагольные наименования, называющие трудовую деятельность по степени ее тяжести (*вкалывать, горбатить и др.*); субстантивные наименования, называющие добросовестного работника (*ас, виртуоз и др.*); субстантивные наименования, называющие недобросовестного работника (*белоручка, дармоед и др.*); глагольные наименования, называющие достижение мастерства в трудовой деятельности (*наловчиться, понатореть и др.*). Всего выявлено 122 единицы лексической группировки наименований трудовой деятельности в русском языке.

В результате второго этапа выявлен корпус межъязыковых соответствий наименований трудовой деятельности в русском и французском языках. В результате третьего этапа было произведено семное описание исследуемых единиц русского и французского языков. В процессе четвертого этапа был проведен эксперимент, который заключался в обращении к информантам – носителям русского и французского языков - с просьбой: верифицировать (то есть подтвердить или опровергнуть) наличие выделенных в результате

компонентного анализа сем в словах; добавить те или иные семантические компоненты, если они отсутствуют в списках сем, отражающих результаты компонентного анализа.

В эксперименте принимали участие 100 русских и 70 французских информантов. Если сема отклонялась более чем 50% информантов, то она исключалась из описания. Результат четвертого этапа – уточненное, верифицированное носителями языка семное описание исследуемых семем.

В результате пятого этапа было произведено контрастивное семное описание русских и французских единиц, а результатом шестого этапа явилась дифференциальная семантизация слова, которая представляет собой сопоставление семной структуры русского слова и его соответствий во французском языке с дифференциацией выделенных сем и описанием национально-специфических компонентов.

Национальная специфика семантики слова, выявляемая в рамках контрастивного описания, проявляется в следующих основных формах: безэквивалентность семем; несовпадение сем по семным конкретизаторам; безэквивалентность сем; лакунарность сем.

Исследование показало, что для русского языкового сознания характерна более расчлененная номинация трудовой деятельности по коннотативно-оценочному признаку, в то время как для французских наименований характерна более широкая дифференциация лексем по характеру выполняемой деятельности и по признаку трудовой деятельности в разное время суток. Для русских и французских наименований трудовой деятельности характерен низкий уровень эквивалентности.

Национальная специфика языка особенно ярко проявляется в сфере семантики. В языках выявляются национально-специфические семемы, которые либо:

1) являются безэквивалентными (есть в исходном языке, но отсутствуют в языке сравнения):

<i>баклушничать</i>	<i>0</i>
отсутствие стремления работать	
ведение праздного образа жизни	
стремление заниматься пустяками	
неодобрительное	
пренебрежительное	
разговорное	
малоупотребительное	
устаревшее	

2) содержательно отличаются в сравниваемых языках:

<i>горбатить</i>	<i>chiader</i>	
интенсивно работать	интенсивно работать	ЭКВ.
длительность действия	длительность действия	ЭКВ.

выполнять большой объем работы	0	безэкв.
преимущественно на кого-либо	0	безэкв.
преимущественно в сфере физического труда	преимущественно в сфере физического труда	экв.
во имя материальной цели	во имя материальной цели	экв.
0	с упорством	безэкв.
0	очень качественно	безэкв.
0	целенаправленно	безэкв.
неоценочное	неоценочное	экв.
неэмоциональное	неэмоциональное	экв.
просторечное	арго	несовп.
употребительное	употребительное	экв.

3) полностью отсутствуют в изучаемом языке по сравнению с языком сравнения:

0	<i>grandeur</i>
	лицо
	сознательно уклоняется от работы
	занимается пустяками
	не делает ничего полезного
	неодобрительное
	отрицательно-эмоциональное
	фамильярное
	употребительное

На базе полученных семных описаний может быть создан контрастивный дифференциальный двуязычный словарь. В словаре такого типа приводятся семантические компоненты, дифференцирующие переводные соответствия и составляющие национальную специфику семантики данных лексических единиц. Толкования значений слова исходного языка не приводятся.

Приведем фрагмент такого словаря:

выкладываться неоценочное = **se défoncer**; ср. **s'acharner** не думать о получении вознаграждения, одобрительное; ср. **s'adonner** не думать о получении вознаграждения, жить работой, одобрительное, положительно-эмоциональное; ср. **s'absorber** не думать о получении вознаграждения, жить работой, углубляться в работу, одобрительное, положительно-эмоциональное
выцарапывать = **tirer**

головотяп невнимательный; ср. **ganache** не хватает профессиональных знаний
горбатить преимущественно на кого-либо, преимущественно в сфере физического труда, во имя материальной цели, просторечное = **bossier**; ср.

plancher преимущественно в сфере умственного труда, разговорное; ср. **chiader** с упорством, очень качественно, целенаправленно, арго, сниженное, одобрительное, положительно-эмоциональное

гореть = brûler

дармоядничать просторечное, устаревшее, малоупотребительное – ср. **écornifler** желание поживиться за чужой счет, разговорное, современное, употребительное

делать межстилевое, неценочное, неэмоциональное = **faire**; ср. **bacler** делать наспех, работать некачественно, пренебрежительное, отрицательно-эмоциональное; ср. **bricoler** преимущественно ручной труд, одобрительное, положительно-эмоциональное; ср. **ficher** фамильярное, грубое, отрицательно-эмоциональное; ср. **foutre** фамильярное

дело = affaire

дока ловкий, иногда проявляет хитрость, просторечное, малоупотребительное – ср. **connaisseur** межстилевое, употребительное; ср. **matois** проявляет хитрость, отрицательно-эмоциональное, употребительное

заниматься с применением личных знаний и умений = **s'occuper**; ср. **étudier** с применением личных знаний, преимущественно в сфере учебы; ср. **s'appliquer** с применением личных знаний, в узкой области знаний, без отдыха, старательно; ср. **s'attacher** с применением личных знаний, старательно, без отдыха, изучать детально; ср. **s'escrimer** с применением личных знаний, старательно, без отдыха, изучать детально, делать все возможное для достижения цели.

Целесообразна практическая разработка подобных двуязычных словарей.

Литература

1. Зленко И.П. Национальная специфика семантики слова / И.П. Зленко. - Автореф. дис....канд. филол. наук. - Воронеж, 2004. - 24с.
2. Стернин И.А. Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии / И.А. Стернин, К. Флекенштейн. - Галле: ун-т Мартина Лютера Галле, 1989. - 129 с.
3. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика / В.Н. Ярцева. - М.: Наука, 1981. - 111с.

Копытина Н.Н.
к.ф.н., НИУ «БелГУ», Россия

ОЦЕНОЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ АРГО

В статье раскрывается содержание понятия «заимствование», определяется его роль в современном французском аргю, рассматриваются примеры оценочных заимствований из разных языков и их основные типы.

Ключевые слова: оценочные заимствования, арготическая речь, семантико-оценочный признак.

Kopytina N.N.
Belgorod National Research University, Russia

ESTIMATED BORROWINGS IN THE MODERN FRENCH ARGOT

The article reveals the content of the notion «borrowing», defines its role in modern French argot. The article deals with examples of estimated borrowings from different languages and their main types.

Key words: estimated borrowings, argotic speech, semantic-estimated characteristic.

Одним из важных аспектов изучения феномена лексической оценки в повседневной речи является исследование конкретных проявлений языковых контактов, выражающихся в отборе и употреблении иноязычных слов и выражений носителями языка в зависимости от их субъективного отношения к предметам реальной действительности [6; 1].

Заимствование – элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов. Под заимствованием понимается также сам процесс перехода элементов одного языка в другой. В отдельных трудах заимствования трактуются как иноязычные вкрапления либо иноязычные единицы. Для устранения расхождений в терминологии в настоящей статье эти термины используются в качестве синонимов.

Влияние одних языков на другие связано обычно с различными внеязыковыми факторами: территориальной экспансией (франкофония в бывших французских колониях), лидерством в определенных областях науки и техники (русская космическая или английская морская терминология, французские кулинарные термины, американская компьютерная лексика, имеющие международное хождение), экономическим и политическим развитием государств (американизмы в сфере деловой и общественной жизни, избыточные в языковой практике многих европейских стран), историческими и культурными связями (французский язык в России XIX века) [3: 136]. Соприкосновение разных культур находит отражение в процессе лексического заимствования.

Употребление заимствований непосредственно в арготической речи относится к сфере осознанных действий и напрямую связано с языковым сознанием личности, говоря о которой, нужно учитывать особенности речевого поведения индивида, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности.

Молодые люди, например, практически не употребляют в своем лексиконе французского слово *signature*, в то время как арготизм *tag*, заимствованный из английского языка, активно используется ими, а также и другими возрастными категориями. Существование в разговорном языке лексемы *tag n.m.*, обозначающей «стилизованную подпись молодого человека», зафиксировано словарями арготического языка. Наличие производных *tager, tagger, v., tagueur n.m.* свидетельствует о языковом развитии рассматриваемого арготизма. Несмотря на незакрепленность словарями общенационального французского языка арготизмов *tag, tager* и *tagueur*, они часто появляются на страницах газет и журналов вследствие отсутствия в письменно-литературном языке лексического эквивалента, который бы образно и ярко передавал значение объекта номинации. Обращение людей к иностранным словам объясняется стремлением достичь наибольшего воздействующего эффекта, выразительности. Причем различные социальные и возрастные слои вкладывают в данное понятие неодинаковый смысл. Со стороны молодого поколения *tag* – это не просто надпись, это стильный отпечаток своего присутствия. Иначе говоря, арготизм носит для них положительную направленность. Для людей старшего поколения – это проявление бескультурья и хамства и, следовательно, слово содержит в себе отрицательное значение.

Очень распространено в современной сниженной речи употребление английских форм «yes», «OK» вместо соответствующих французских прототипов «oui», «d'accord». Подобные словоупотребления являются одновременно и маркером неформальности, и признаком образованности.

Заимствования приспосабливаются к системе заимствующего языка и зачастую настолько им усваиваются, что иноязычное происхождение таких слов не ощущается носителями этого языка и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа [5: 158]: *flic* – из нем. – «полицейский», *rocker* – из англ. – «музыкант, исполняющий рок», *rocket* – из англ. – «группа злоумышленников», *hippie (hippy)* – из англ. – «хиппи», *c'est super! C'est extra! C'est class!* – из англ. – «классно, превосходно» и т.п.

На протяжении последних десятилетий французский язык испытывает нарастающее влияние английского. Англицизмы и американизмы получают широчайшее распространение в речи в связи с активным обменом информацией, развитием средств связи, взаимопроникновением культур и интернационализацией экономики. Ж.Ж.Шрейбер, французский общественный и политический деятель, назвал английский язык в его американской разновидности «агрессором номер один» в сегодняшнем мире. Именно из США во все современные языки вторглись лексика электронно-вычислительной

техники, птичий язык рок-музыки и тяжеловесная терминология менеджмента [4: 179]. Данное явление во французском языке получило название «franglais».

Статистические данные, полученные в ходе исследования, подтверждают факт активного проникновения англицизмов во французский язык, в частности, во французское арго. Из всех отобранных оценочных арготизмов, пришедших в арго из других языков, более половины являются заимствованиями из английского (в эту же категорию включены и американизмы): *destroy* n.m. – «всеразрушающая деятельность», *flop* n.m. – «неудача», *groupie* n.f. – «юная фанатка», *kid* n.m. – ребенок, подросток в возрасте 10-16 лет, *loser* n.m. – «невезучий человек», *stif* n.m. – «бродяга». Из немецкого – *matz* n.m. – «сутенер, муж, мужчина», *Schwartz* n.m. – «скрытые от полиции деньги», *loche* n.f. – «ухо»; из итальянского – *presto* adv. – «быстро», *lozagne* n.f. – «письмо, послание»; из испанского – *vista* n.f. – «хорошее видение ситуации», *matador* n.m. – «сомнительная личность», *nada* adv. – «ничего»; из цыганского – *loumi* n.f. – «женщина». *Pagnin* n.m. – «вода»; из арабского – *toubib* n.m. – «доктор», *souk* n.m. – «магазин»; из польского – *polka* n.f. – «женщина», русского – *кореск* n.m. – «деньги, су».

По семантико-оценочному признаку арготизмы-заимствования в современном французском арго можно распределить следующим образом:

1. Оценочные заимствования, сохранившие исходную иноязычную форму без изменения. Это перенос во французское арго как звуковой формы, так и смыслового содержания (либо полностью, либо измененного наложением метафорического переноса). Например: *sexu* adj. (из англо-амер.) – «возбуждающая», *кореск* (из рус.) – «мелкая монета, су», *driver* (из англ.) – «вести автомобиль», *trip* (из англо-амер.) – «путешествие», *doper* (из англ.) – «употреблять допинг, стимулятор», *fun* (из англ.) – «смешной», *hard* (из англ.) – «тяжелый, экспрессивный», *naturlich* (из нем.) – «естественно».

2. Усеченные оценочные заимствования, в которых смысл выражения сохраняется, а сложное иноязычная звуковая форма претерпевает усечение одного из элементов, например, лексическая единица *self* от *self-service*. Служебная частица *self* получила в речи молодых французов статус полнозначного слова и функционирует едва ли не чаще, чем исконно французское *réfectoire*: *je vais au self* = *je vais au self-service* = *je vais au réfectoire* [2: 51].

3. Псевдозаимствования – заимствование из другого языка звуковой формы или ее элемента, например корня (ни начальный смысл, ни сама форма не сохраняются). Например, не существующая в английском языке форма конструируется во французском арго из английских элементов: *raddock* n.m. (из англ.) – «кровать», *pick-up* n.m. (из англ.) – «сборище проституток (на языке полицейских)», *relax(e)*, *stick* (из англ.) – «сигарета с гашишем».

4. Трансформированные заимствования, представляющие собой иностранное слово, интегрированное в систему французского арго и претерпевшее различные графические и морфологические изменения, приближающие его к французской языковой норме. Например: *louquer* v. (от

англ. To look) – «смотреть, наблюдать», speedé (от англ. speed) – «беспокойный, нервный», speeder – «принимать наркотики».

5. Кальки, характеризующиеся подменой звуковой формы без изменения смысла, при которой в процессе перевода каждый элемент иноязычной формы заменяется французским эквивалентом. Например: après-rasage, haute-fidélité и numéro un скалькированы с английских словосочетаний after shave, high fidelity, number one.

6. Семантические заимствования, образующиеся от французского слова, которому придается иной смысл, сопоставимый с каким-либо иностранным словом. То есть создается новая смысловая единица при сохранении старой звуковой формы. Например, французский глагол réaliser под влиянием английского relies принято значение «осознавать» вдобавок к первоначальному значению «осуществлять», «реализовать».

7. Оценочные арготизмы, в которых одна композита представлена корневой морфемой, заимствованной в одном языке, иные – взяты из других языков (в том числе и французского): macho (испан.+амер.) – «мужчина, деспотично ведущий себя по отношению к женщине», overdose (англ.+фран.) – «большое количество».

Фиксируя в сознании понятие overdose, реципиент сразу чувствует установку коммуниканта на непринужденное общение, его внутреннее эмоциональное состояние. Человек, даже не владеющий английским языком, понимает, что речь идет об изменении количества. Соответствующий французский эквивалент grande quantité передает нейтральное значение, не имея в своей структуре экспрессивно-оценочного компонента.

8. Оценочные заимствования из иностранных арготизмов. Из амер. сленга: rapèr n.m. «полицейский», shit n.m. – «гашиш», junk n.m. – «наркоман»; из англ.сленга: joint n.m. – «сигарета с гашишем», speed (speedball, speedy) n.m. – «амфетамины, используемые в качестве наркотиков»; из итальянского арготизма: ruff n.f. – «пистолет», fourline n. – «карманный вор», mec n.m. – «мужчина».

9. Арготизмы, заимствованные из провинциальных говоров. Из провансальского: arpion n.m. – «рука», baratin n.m. – «вранье, ложные увещевания», guss n.m. – «человек»; из анжуйского: daron n.m. – «отец, начальник»; из юго-восточного: pantre n.m. – «простак».

10. Заимствования из технического словаря определенной социальной группы: être garé en double file (из автом.) – «ожидать проститутку, занятую с другим клиентом», gicleur n.m. (из автом.) – «рот», mat (из шахмат.) – «уставший», partant(e) (из спорт.) – «соглашающийся», passer l'arme à gauche (из солд.) – «умереть». Последний пример ярко демонстрирует оценочную суть заимствования, пришедшего из солдатского вокабуляра. Держать оружие в левой руке для большей части военных нехарактерно и возможно лишь когда человек недееспособен. Таким образом, нереальность ситуации вносит элемент парадоксальности и указывает на наличие образной оценки в семантической структуре арготизма.

11. Заимствования из древних языков: arton (из греч.) – «рука», pédibus (из латин.) – «пешком», type (из греч.) – «мужчина».

Результаты, полученные в ходе исследования, подтверждают мысль, высказанную Гильфором: «Au niveau linguistique, la volonté politique de “protéger” et de “défendre” le français existe formellement» [7 : 135]. Французы активно используют в обиходно-разговорной речи заимствованные элементы, что является своеобразным протестом в адрес большей части консервативного французского общества.

Литература

1. Еренков А.С. Функционирование иноязычных вкраплений в устной речи молодежи // Современные прагматические исследования романских, германских и русских языков. – Воронеж, 1996. – С.72-76.
2. Петрова Т.С., Понятин Э.Ю. Особенности речи современной французской молодежи // ИЯШ – М., 1993. - № 2. – С. 47-51.
3. Тайманова Т.С., Джусоева Е.Н., Легенькова Е.А. Современная языковая политика Франции // Ученые записки Экономического факультета – СПб., 1997. – Вып. 3. – С. 136-139.
4. Шрейбер Ж.-Ж. «Закон Тубона» - закон о защите французского языка от англо-американской языковой агрессии // Российский обозреватель. – М., 1996. - № 2. – С. 178-180.
5. Языкознание. БЭС. Под ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
6. François-Geiger D. Panorama des argots contemporains // Langue française. Parlures argotiques. – P., 1991. - № 90. – P. 5-9.
7. Guilford J. Les attitudes des jeunes Français à propos des emprunts à l'anglais // Linguistique. – P., 1997. – Vol. 33, fasc. 2. – P. 117-135.

Лютова О.В., к.п.н.,
Кулешова Р.В., к.п.н., доц.,
Свойкина Л.Ф., к.п.н., доц.
НИУ «БелГУ», Россия

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ТЕКСТАХ МАСС-МЕДИА

Данная статья посвящена исследованию эмотивной лексики в текстах масс-медиа. Анализируя эмотивную лексику статей, посвященную современным проблемам, авторы делают вывод о сильном эмотивном потенциале, вызывающем желаемую реакцию у читателей.

Ключевые слова: эмотивная лексика, эмотивность, масс-медиа, медийный дискурс.

Lyutova O.V., Kuleshova R.V., Svoikina L.F.
Belgorod National Research University, Russia

EMOTIVE LANGUAGE IN TEXTS OF MASS MEDIA

This article is devoted to the study of emotive language in texts of mass media. Analyzing emotive language articles on contemporary issues, the authors conclude that strong emotive potential, causing the desired reaction in readers.

Key words: emotive vocabulary, emotiveness, mass media, media discourse

Чувства и эмоции – неотъемлемая часть человеческой жизни, форма отражения действительности. Эмоциональные процессы в разное время были объектами изучения психологии, лингвистики, философии и других наук. Формирование эмотивной лингвистики произошло на стыке психологии и языкознания. В настоящее время эмотивным компонентом лингвистики занимаются такие ученые-лингвисты как И.В. Арнольд, Э.С. Азнаурова, С.Б. Берлизон, Е.М. Галкина-Федорук, М.Д. Городникова, В.А. Мальцева, Н.М. Михайловская, Н.М. Павлова, В.И. Шаховский и др.

Начиная с 80-х гг. XX в. отмечается особый интерес ученых к вопросам эмотивности языка, роли эмоций в языковом поведении человека, эмоциональной языковой личности, эмоциональных концептах. Данными вопросами посвящены работы проблемами занимались А. Вежбицкой, Н.А. Красавского и т.д.

Повышение интереса к эмоциональной стороне речи, к способам и формам выражения чувств и эмоций в тексте обусловлено тем, что эмоциональная жизнь человека преломляется в языке и его семантике. Язык номинирует их, выражает, описывает, имитирует, симулирует, категоризирует, классифицирует, структурирует, комментирует человеческие эмоции. Язык формирует эмоциональную картину мира языковой личности той или иной лингвокультуры.

Эмоциональность пронизывает всю речевую деятельность человека и закрепляется в семантике слов в качестве определителей его различных эмоциональных состояний. Именно поэтому при исследовании языка текста помимо логико-предметной семантики, отражающей какое-либо понятие человеческого мышления, важно учитывать и эмотивную.

Эмотивная лексика не просто имеет в своем значении коннотативный, эмоционально-экспрессивный компонент, но и, демонстрируя чувства и эмоции, вызывает ответную реакцию, сходную репрезентируемой.

Эмоциональная информация в тексте может быть выражена единицами всех уровней языка, начиная от фонетических и просодических, заканчивая синтаксическими. В речи максимальную нагрузку по выполнению эмотивной функции несет интонация, не малую роль играют междометия и только на третьем месте находится лексика с эмоциональной коннотацией.

Исследователи отмечают, что не все типы текстов выражают эмоции в одинаковой мере. Так, деловое письмо, научный текст не содержат эмоций, в отличие от них «вся художественная литература является депозитарием эмоций: она описывает эмоциональные категориальные ситуации, вербальное и авербальное эмоциональное поведение человека, способы, средства и пути коммуникации эмоций, в ней запечатлен эмоциональный видовой и индивидуальный опыт человека, способы его эмоционального рефлексирования» [4: 188].

Однако нельзя считать, что исключительно художественный текст обладает экспрессивностью, эмоциональностью и эмотивностью.

Не будем подвергать сомнению, что текст представляет собой единство процесса и результата деятельности – «речевого действия» и «языкового

произведения» [1: 102]. По формулировке А.Е. Кибрика, в рамках каждого речевого акта текст объективно существует в текущем сознании говорящего, создающего текст, и в текущем сознании адресата, воссоздающего текст [2: 296]. Как языковое произведение текст представляет собой связную цельную последовательность знаковых единиц, объединенную смысловой связью [3]. Письменный текст как отсроченная форма коммуникации имеет ряд специфических характеристик: предварительная подготовленность, развернутость, последовательность, обработанность, связанность, законченность. Все это позволяет рассматривать письменный текст как реализацию авторского замысла. Будучи социокультурным феноменом, письменный текст является воплощением ценностных констант данной культурной системы конкретного исторического периода (Бахтин М.М., Степанов Ю.С., Якобсон Р.). В этом качестве он предопределяет возможность проникновения в глубины массового и индивидуального сознания, что представляет большую ценность для исследований.

На современном этапе развития общества время, которое человек проводит за просмотром лент новостей в интернете, прослушиванием радио, просмотром телевизионных программ значительно превышает время, уделяемое чтению книг, если не заменяет вообще. Трудно поспорить, что тексты медийного дискурса доминируют над другими видами текста, зачастую вытесняя их абсолютно (не считая устной бытовой коммуникации). Тексты медийного дискурса представляют собой социально значимые сообщения, основным назначением которых является не только информирование но и формирование общественного мнения. Немалую роль при этом играет как сама организация текста, так и отбор языковых средств. Эмотивная составляющая играет здесь одну из важнейших ролей, поскольку тексты СМИ таким образом воздействуют на аудиторию, чтоб сформировать абсолютно определенную реакцию, т.е. смоделировать эмоционально-оценочное восприятие текстового содержания аудиторией и обеспечить коммуникативно-прагматический эффект, служащий адресату стимулом и ориентиром для дальнейших действий. Адресат, как доказали исследования Р. Брауна, воспринимает в первую очередь эмоционально-оценочный план, а уже потом осознает предметное содержание текста. Таким образом, эмотивная составляющая текстов СМИ становится одной из самых актуальных в регулятивной функции медийного дискурса.

Анализируя содержание медийных текстов последнего года, мы обратили внимание на значительное увеличение количества материалов, напрямую или опосредованно посвященных проблемам миграции и мигрантов. Безусловно причины этого кроются в международной обстановке: очаги военных действий на Ближнем Востоке, неблагоприятная ситуация на Украине и толпы беженцев в странах Европы дают обширный материал для журналистов. Миграция и мигранты стали доминирующей темой газет, журналов, радио, телевидения и интернета.

Анализируя газетные тексты, посвященные кругу обозначенных тем, мы увидели обилие лексических репрезентантов лексико-семантического поля «Интолерантность», относящихся к существительным, обозначающим черты

характера, связанные с проявлениями интолерантности (жестокость, агрессия, презрительность и т.д.); существительных, обозначающих отрицательные чувства и эмоции человека, проявляющего интолерантность (ненависть, ярость и т.д.); прилагательных, обозначающих характеристики лица, проявляющего нетерпимость (враждебный, неприязненный и др.); глаголов, называющих действия, связанные с проявлениями нетерпимости (преследовать, ликвидировать и др.). Все эти лексемы содержат негативную коннотацию и обладают сильным эмотивным потенциалом, тем более накладываясь на реалии современной действительности.

Общий семантический признак всех репрезентантов лексико-семантического поля «Интолерантность» – нечто свое, нетерпимое, отрицательное, негативное, деструктивное. В совокупности со страхом за свое будущее и будущее своих близких у читателей репрезентанты с указанным семантическим признаком вызывают сильные негативные эмоции, как минимум усиливают страх и готовность к агрессии.

Таким образом, репрезентанты лексико-семантического поля «Интолерантность», встречающиеся в медийных текстах обладают большим эмотивным потенциалом.

Литература

1. Бюлер К. Теория языка. - М.: Прогресс, 1993. - 528 с.
2. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). - М.: Изд-во Московского ун-та, 1992 - 336 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - 685 с.
4. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М: Гнозис. – 2008. – 416 с.
5. Brown K. et al. Language. Thought and Culture. Michigan : The University of Michigan Press, 1958.

Макаревич И.И.

магистр филологических наук, Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ СЛОВАРЕ-СПРАВОЧНИКЕ

Рассматривается специализированная терминология подъязыка профессиональной сферы государственного управления как одного из активно развивающихся в настоящее время направлений научных знаний. Освещаются некоторые проблемные лингвистические аспекты терминологии государственного управления путем анализа эмпирического материала, полученного при составлении словаря-справочника по государственному управлению “English for Civil Servants”. На примере терминов и околотерминологических слов, входящих в частную терминологическую систему государственного управления, описываются принципы организации терминосистемы государственного управления в специализированный словарь-справочник для государственных управленцев.

Ключевые слова: терминосистема государственного управления, подъязык государственного управления, словарь-справочник для государственных управленцев

Makarevich I.I.

Belarus State University, Belarus

SPECIFICITY OF ORGANIZATION OF THE TERM SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION IN A SPECIALIZED REFERENCE BOOK

Special-purpose terminology of the sublanguage of public administration as one of the most actively developing scientific areas is the focus of attention in the thesis in question. Some problem terminological issues in the sphere of public administration are being revealed through analyzing the empirical material having been obtained in the process of making the reference book in public administration “English for Civil Servants”. The principles of organization of the term system of public administration in a specialized reference book for public administrators are being described. The findings are exemplified with terms and terminological words close to terms both forming a specialized terminological system of public administration.

Key words: term system of public administration, sublanguage of public administration, reference book for civil servants

Профессиональная сфера государственного управления характеризуется междисциплинарностью и интегративностью компонентов своих понятийных и терминологических составляющих. Эта особенность происходит из разнонаправленности, многозадачности и многоаспектности той роли, которую играет государство в жизнедеятельности общества.

Наряду со сложным предметом и объектом государственного управления как научной и учебной дисциплины, имеющей практико-ориентированную направленность, наука государственного управления – это новая и динамично развивающаяся область современных знаний. Регулирование политического, экономического, правового, идеологического, социального, религиозного, культурного и иных аспектов жизни общества, деятельности организаций,

политических партий, общественных объединений и каждого гражданина в отдельности представляет собой единый и вместе с тем многоукладный процесс.

Активное развитие сферы государственного управления порождает свои специальные термины. В результате, терминология государственного управления составляет часть специальной лексики, образуя замкнутый словарный контекст, границы которого обусловлены определенной социальной организацией действительности. На настоящее время термины государственного управления связаны с научными концепциями государственного управления как отдельно сформировавшейся научной дисциплины. В них отражаются как наблюдаемые исследователем факты, так и дается их теоретическое осмысление. На данный момент можно совершенно точно утверждать, что существует тесная связь терминологической работы с предметным знанием области государственного управления, понятия которой терминируются.

В словарной статье словаря-справочника [1] при необходимости дается информационно-аналитическое толкование употребления лексических единиц. Также приводятся аутентичные примеры использования терминов профессиональной области государственного управления в минимальном контексте. Например:

(1) **charismatic leadership** – *упр.* харизматичный тип руководства; лидерство, основанное на харизме (тип руководства, который основан на исключительных способностях и личностных качествах руководителя, согласно концепции М. Вебера)

(2) **capacity to govern** – *упр.* способность, умение руководить: *The capacity to govern is strengthened to provide the necessary support in planning, implementation, monitoring and evaluation of policies and strategies.* – Умение руководить направлено на оказание необходимой помощи при планировании, осуществлении, контроле и оценке проводимой политики и выбранной стратегии.

Характерной чертой для науки управления как новой, активно формирующейся и развивающейся научно-прикладной сферы, является проблема размежевания тесным образом связанных с ней правовых, экономических, политических и иных профессиональных дисциплин.

Эта характеристика находит отражение в современной терминосистеме государственного управления, куда входят термины и околотерминологические единицы из целого комплекса профильных дисциплин, образующие лексико-семантическое поле государственного управления со своим ядром и периферией. В результате, в словарной статье словаря-справочника для государственных управленцев термины из управленческой, политической, экономической, правовой и иных областей профессиональной деятельности обозначены соответствующими пометами – *упр.*, *эл. упр.*, *полит.*, *эк.*, *юр.*, *соц.* и т. д. Например:

(3) **organization** – 1) *упр.* организация (административная и функциональная структура); 2) *упр.* устройство, структура, объединение:

governmental ~ – правительственная организация; 3) *эл. упр.* организация чего-л, приведение в систему: ~ *of data, tasks, resources* – организация данных, задач, ресурсов; 4) *соц.* формальная или неформальная группа людей, объединившаяся для совместного достижения какой-нибудь цели (управление такого рода организацией является предметом управленческой науки); 5) (*AmE*) *упр., эк., юр.* организация (понятие организации включает корпорацию, правительственное или административное подразделение или агентство, трест, деловой траст, имущественное владение, товарищество, ассоциацию, объединение двух или более человек, имеющих совместные или общие интересы, а также любую другую законодательно образованную или коммерческую общность)

В словаре-справочнике широко используются дефиниции, исходя из того, что термин – имя понятия, а дефиниция – развернутое толкование этого имени [2]. Для своего правильного понимания термин требует специальной дефиниции, а именно: точного научного определения. К примеру:

(4) **organization theory** – *упр.* теория организации (1) ответвление управленческой науки, изучающее структуру и принципы функционирования, необходимые для эффективной организации; 2) междисциплинарный и многоаспектный анализ структуры организации и развития в ней социальных отношений, с учетом формальной и неформальной структуры управления, принятия решений, распределения заданий, технологических и организационных изменений)

В словаре-справочнике нашла свое отражение проблема адекватности передачи лакунарных терминов как с английского языка на русский, так и с русского на английский, отражающих специфику соответствующих концептов в области систем управления и государственной службы в Российской Федерации (*The Russian Federation*), Республике Беларусь (*The Republic of Belarus*), Соединенном Королевстве (*the UK*) и Соединенных Штатах (*the USA*), а также в британском (*BrE*) и американском (*AmE*) вариантах английского языка. Приведем несколько примеров как их англо-русской, так и из русско-английской частей словаря-справочника:

(5) **государственный управленец** – 1) (*The Republic of Belarus*) ‘business and public administrator’; 2) (*AmE, BrE*) ‘public administrator’, ‘civil servant’, ‘public manager’

(6) **государственное управление** – 1) (*the Republic of Belarus*) business and public administration, public management; 2) (*AmE, BrE*) public administration, civil service

(7) **Государственная Дума** – 1) (*The Russian Federation*) the Duma; 2) State Duma (нижняя палата парламента Российской Федерации): *созвать ~y* – to convene the Duma; *думское заседание* – a sitting of the Duma; *думец* – a member of the Duma

(8) **civil service** – 1) (*the UK / the USA*) государственная служба (объединяет всех правительственных чиновников и служащих; аппарат не меняется при смене правительства и в него не входят чиновники, являющиеся

военнослужащими) **Syn.** *public service*; 2) государственная гражданская служба; 3) чиновничий аппарат министерств

(9) **administration** – 1) *ynp.* управление, ведение дел, администрирование; 2) *ynp.* правительство (все политические назначенцы, которые приходят и уходят с выборами президента); 3) *ynp. (the USA)* исполнительная власть: *public* ~ – государственное управление; *business* ~ – управление делами, деловое администрирование; *President's* ~ – администрация президента

С учетом международного характера современных научных знаний в области современной терминологии, стремления к международной унификации терминов в отдельных областях знания, планирования и языкового строительства, направленных на преодоление языковых барьеров данный пласт специализированной лексики в рамках международной стандартизации, возникновения и развития международных организаций может получить дальнейшее развитие. Как, например:

(10) **Евразийский экономический союз (ЕАЭС)** – Eurasian Economic Union (EEU) (международное интеграционное экономическое объединение, договор о создании которого на базе Таможенного союза ЕврАзЭС подписан 29 мая 2014 года между Российской Федерацией, Республикой Казахстан и Республикой Беларусь; ЕАЭС создано для укрепления экономик стран-участниц и «сближения друг с другом», для модернизации и повышения конкурентоспособности стран на мировом рынке; в дальнейшем в союз планируют войти Республика Армения и Республика Кыргызстан)

Проблема межотраслевых омонимов решалась путем определения лексико-семантического поля государственного управления и его периферии. Вслед за А. В. Суперанской мы называли одинаково звучащие термины разных полей омонимами [3] и исходили из того, что если на базе одного и того же слова формируются термины разных областей знания, они оказываются межотраслевыми омонимами, поскольку с данным объемом понятия и внутри данной иерархической группировки понятий термин может употребляться только в одном определенном терминологическом поле [4].

Выступая в качестве основного понятийного элемента языка для специальных целей изучение терминов государственного управления обеспечивает взаимодействие анализа и синтеза информации [5], а также способствует эффективной практической реализации тезиса, выдвинутого С. Г. Бархударовым, согласно которому обилие информации непреложно нуждается в «обуздании материала» [цитируется по 6 : 65]. Принимая во внимание интегративный характер предметной области науки государственного управления на последующих этапах развития и совершенствования управленческой науки вопросы профессиональной терминологии будут играть важнейшую роль.

В свою очередь, создание специализированных словарей-справочников для государственных управленцев различных уровней власти будет способствовать формированию понятийного и развитию терминологического аппарата профессиональной области государственного управления.

Литература

1. Макаревич И. И. English for Civil Servants: Reference Book. Английский язык для государственных служащих [Текст] / Макаревич И. И., Макаревич Т. И. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2014. – 262 с.
2. Лейчик, В. М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX-XXI веков / В.М. Лейчик [Текст] // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. М. – Рязань: Рязанск. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 2007. – С. 121 – 132.
3. Суперанская, А. В. Общая терминология: Терминологическая деятельность [Текст] / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. — 248 с.
4. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке [Текст] / Е. И. Голованова. – М.: ООО «Элпис», 2008. – 304с.
5. Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова [Текст] / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. – Воронеж : Воронежский гос ун-т, 2001. – С. 25-36.
6. Алимуратов, О. А. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий) [Текст] / О. А. Алимуратов, М. Н. Лату, А. В. Раздуб. – Пятигорск: СНЕГ, 2011. – 112 с.

Маркова Е.И., к.ф.н.,
Платошина В.В., к.ф.н.,
Сагалаева И.В., к.п.н.
НИУ «БелГУ», Россия

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ СОКРАЩЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РУКОПИСИ «ТРАКТАТ О СОХРАНЕНИИ ЗДОРОВЬЯ»

В статье была проанализирована система сокращений (аббревиатур), принятая во французской рукописи XV века и установлено влияние латинской письменной традиции на графику рукописи.

Ключевые слова: аббревиатура, контракция, суспенсия, тильда, средневековая письменная традиция.

Markova E.I., Platoshina V.V., Sagalayeva I.V.
Belgorod National Research University, Russia

ANALYSIS OF THE ABBREVIATION SYSTEM ADOPTED IN THE MEDIÉVAL FRENCH MANUSCRIPT “TREATISE ABOUT PRESERVATION OF HEALTH”

The author of the present paper examines the abbreviation system adopted in the French manuscript of the XVth century. There was established the influence of the Latin written tradition on the orthography and graphics of the manuscript.

Key words: abbreviation, contraction, suspensions, tilde, medieval written tradition.

Известно, что сложная и разнообразная система сокращений была унаследована средневековыми мастерами письма из латинского и греческого языков. Исследователи-палеографы [1; 2; 3] считают, что применение сокращений было обусловлено фактом хронического недостатка писчего материала (сначала папируса, затем – пергамента) и стремлением к его экономии, а также потребностью в сокращении времени написания манускриптов.

Уникальная рукопись XV века, хранящаяся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина под шифром Fr.Q.v.VI.1. «L'enseignement ou la maniere de garder et conserver la sante» («Поучение или способ (как) следить и сохранять здоровье»), далее – «Трактат о сохранении здоровья», характеризуется использованием традиционно принятых сокращений или аббревиатур.

Разнообразие и частота сокращений, употребляемых в указанной рукописи, обусловили необходимость их классификации. За основу была взята классификация, разработанная О. А. Добиаш-Рождественской [1]. Все аббревиатуры, зафиксированные в рукописи «Трактат о сохранении здоровья» были систематизированы нами по трем основным группам: суспенсии, контракции и специальные знаки, ведущие свое происхождение со времен античности.

1) Значение слова «суспенсия» происходит от лат. < *suspendo (pendī, pēnsūm, ere)*, что значит 'останавливать, прерывать', т.е., слово (существительное, глагол, местоимение) переписчик сокращал отбрасыванием окончания – это простая суспенсия:

vous

pous

Более

сложная получалась при отбрасывании и

части корня слова:

assavoir

Заметим, что написание конечного *-us* в виде арабской цифры 9, обычное в латыни, в графике среднефранцузского периода вообще, и в указанной рукописи в частности, ограничивается немногими, но зато очень распространенными словами: *nous, vous, tous*.

2) Слово «контракция» ведет свое происхождение от лат. слова < *contraho (trāxī, tractum, ere)*, что означает 'стягивать, сжимать'. Используя сокращения через контракцию, переписчик как бы стягивал слово, оставляя его начало и конец:

monseigneur

В

некоторых

случаях

сокращения

были

незначительны, т.к. сокращались одна или две буквы: *-ur, -eu*, изредка – три буквы: *-eur*.

pour

poʔ

pluiseurs

pluisʔs

Поясним, что сокращение слога с буквосочетанием *-ar-* начинается от предшествующей этому слогу буквы (p) и представляет собой поперечную черту под ней:

parties

paʔce

parle

paʔle

Горизонтальная черта над буквой сокращает слог с *-ra-*:

grant

graʔt

Знак сокращения, начинающийся от предшествующей буквы (p, t, m) и представляющий собой дугу, поднимающуюся вверх по или против часовой стрелки, обозначает сокращение слогов *-re-*, *-er-*, *-ri-*:

premier

premier

Контракции в исследуемой рукописи подверглись существительные, местоимения, предлоги.

Следует признать, что суспензия и контракция встречаются в рукописи гораздо реже, чем сокращения с помощью специальных знаков, на основании чего мы можем предположить, что переписчик отдавал себе отчет в определенной трудности восприятия этих достаточно сложных знаков. Для него, как высокообразованного человека они были привычны и просты, но, вероятно, иначе обстояло дело с его современниками. Именно поэтому переписчик старается не перегружать ими графику рукописи, чтобы не препятствовать легкому чтению, что, по нашему мнению, свидетельствует о его профессионализме.

3) Сокращения с помощью специальных знаков в исследуемой рукописи, как это было сказано выше, довольно многочисленны, и представлены в виде символов так называемой тиронской системы.

Тиронские значки представляли собой элементы, извлеченные из букв латинского алфавита, но измененные с целью наибольшей быстроты письма. Это – своеобразная латинская стенография [3:149].

Считается, что эта система была изобретена Туллием Тироном, вольноотпущенником Цицерона, чтобы быстрее записывать его речи. Туллий Тирон изобрел около 200 знаков, их число впоследствии увеличили Випсаний, Филагрий, а также Аквила, вольноотпущенник Мecenата, а Сенека, соединив все знаки вместе, довел их количество до 5 тысяч. В каролингскую эпоху насчитывалось почти 13 тысяч подобных знаков. Некоторые из них нашли широкое употребление во многих текстах средневековых рукописей и даже сохранились в первых печатных книгах [1:185].

Так, в рукописи «Трактат о сохранении здоровья» часто встречается сокращение местоимения *qui* в виде буквы "q" с расположенной над ней вертикальной или зигзагообразной чертой:

Местоимение *que* имеет идентичное написание, но с горизонтальной чертой:

В латинской графике подобные сокращения использовались для слов *qui*, *quae*, *quod* и других, основанных на букве "q".

Некоторые элементы тиронской системы сохранились во французском языке в виде специальных знаков, получавших иногда самостоятельное употребление.

Так, союз *et* часто изображается в исследуемой рукописи с помощью специального знака:

Позднее союз *et* при печати стали изображать лигатурой &, оставшейся в повсеместном применении вплоть до конца XVIII века [4:56].

К специальным знакам, усвоенным переписчиками в период XIV-XV веков, мы относим сокращение с помощью тильды³¹: волнообразной (~) или прямой линии, которую переписчик ставит над гласными буквами "e", "a", "o", "i", "u".

Тильда чрезвычайно часто применяется в «Трактате» для того, чтобы заменить собой написание согласных *n* и *m*: *venât*, *flairât*, *generalemêt*, *tressongneusemêt*, *hardemêt*, *meismemêt*, *longuemêt*, *joieusemêt*, *doucemêt*, *souvêt*, *diligãmêt*, *argêt*, *argumêt*, *cômêt*, *se maintiêt*, *persõne*, *bõne*.

bien

en santé

personne

Однако эти же или подобные слова переписчик часто пишет полностью: *venant*, *generalement*, *meismement*, *souvent*, *comment*, *personne*, *bonne*.

Мы полагаем, что переписчик использует тильду, тиронские знаки и другие сокращения в соответствии с обстоятельствами, возникающими на страницах манускрипта: поместить слово в конце строки, сделать более выразительной графику слова, ускорить его написание и др.

Заметим, что слова, для которых переписчик применяет сокращенную графику, почти всегда имеют свой развернутый вариант, т.е. сокращенная форма слов с *-ar-*, *-ra-*, *-er-*, *-re-*, *-ri-*, *-ur-*, с окончанием *-us*, или с тильдой является эквивалентом развернутой формы этих же слов, и представляет собой коммутацию усеченной графики и графики развернутой.

Думаем, стремление к экономии дорогих чернил и пергамента традиционно относилось к положительным качествам переписчика,

³¹ От исп. *tilde* – 'знак сверху'.

свидетельствовало о его профессионализме и могло оказывать влияние и на выбор типа письма, и на применение им различных сокращений.

Таким образом, на основании проведенного анализа написаний слов в рукописи «Трактат о сохранении здоровья» мы можем сделать вывод о том, частое и привычное использование сокращений, в большинстве своем основанных на латинской графической системе, свидетельствует о длительной истории существования французской рукописной традиции и ее тесной связи и взаимодействии с латинской письменной традицией.

Литература

1. Добиаш-Рождественская, О. А. История письма в средние века : руководство к изучению латинской палеографии : с 7 таблицами образцов письма [Текст] / О. А. Добиаш-Рождественская; – Изд. 3-е, доп. – М. : Книга, 1987. – 320 с.
2. Киселева, Л. И. Письмо и книга в Западной Европе в Средние века : лекции по латинской палеографии и кодикологии [Текст] / Л. И. Киселева; – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 309 с.
3. Романова, В. Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII-XIV в.в. : по материалам собрания рукописных книг Государственной Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина [Текст] / В. Л. Романова; – М. : Наука, 1975. – 240 с.
4. Grevisse, M. Le bon usage / M. Grevisse; – Onzième édition Revue. – Paris; Gembloux : Duculot, 1980. – 1519

Машкова Е.В.

к.ф.н., НИУ «БелГУ», Россия

НЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ВИДЫ СПОРТА И ИГРЫ

В данной статье рассматриваются неологизмы, появившиеся в английском языке в начале 21 века и обозначающие новые виды спорта и игры. Среди них можно выделить tombstoning – прыжки в воду с опасной высоты, cage diving – погружение в воду, кишасую акулами, slacklining – слэक्лайн (практика в балансировании при хождении по специальным нейлоновым стропам, натянутым между стационарными объектами) и zorbing – зорбинг.

Ключевые слова: неологизм, слово, спорт, слэक्лайн, зорбинг, кейдж дайвинг.

Mashkova E.V.

Belgorod National Research University, Russia

NEOLOGISMS DENOTING SPORTS AND GAMES

This article deals with neologisms of the beginning of the 21th century denoting new sports and games. They are tombstoning, cage diving, slacklining and zorbing.

Key words: neologism, word, sport, slacklining, zorbing, cage diving.

Лексический состав языка динамичен и меняется исторически в соответствии с новыми задачами коммуникации и практическим использованием языка. Существенной особенностью словарного состава

является его непосредственная обращенность к явлениям действительности, поэтому именно в лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни, что неизбежно влечет за собой создание новых наименований, то есть неологизмов [2].

Неологизм – это слово, недавно появившееся в языке и ощущаемое говорящими как новое слово, связанное именно с текущим моментом жизни данного народа. Слово до тех пор считается новым, пока в нём ощущается новизна [1].

Основные факторы, влияющие на появление неологизмов, можно условно разделить на экстралингвистические (внешние) и лингвистические (внутренние).

К экстралингвистическим факторам относятся: появление новых предметов, понятий; развитие экономики; развитие науки и техники; политика; появление заимствования в результате языковых контактов; влияние культуры другой страны; психолингвистическая причина: появление аббревиации в целях экономии, индивидуально-авторских неологизмов и др.

К лингвистическим факторам относятся: отсутствие слова в языке для обозначения новых реалий, предметов, понятий; изменение семантических значений слов, например, появление нового значения слов; возникновение синонимов; заимствование словообразовательных элементов из других языков.

Далее обратимся к неологизмам, появившимся в английском языке в начале 21 века и обозначающим экстремальные виды спорта.

Tombstoning – томбстони́нг (прыжки в воду с огромной высоты, например, с балкона отеля, скалы, моста, высокой стены, крыши и т.д. Несмотря на неоднократные предупреждения о серьезных рисках, связанных с подобными прыжками, желание выплеснуть адреналин толкает экстремалов в плен такого опасного увлечения как томбстони́нг. Подобное занятие становится все более и более популярным, и спасателям все чаще приходится идти на помощь тем, кто прыгнул не совсем удачно. Противники данного увлечения неоднократно предупреждали, что неудачный прыжок может привести к перелому позвоночника, ушибу головного мозга и даже смерти. Ведь прыгающий не всегда точно знает глубину того места, куда он собирается совершить прыжок. Кроме того, на дне могут быть камни, да и можно просто растеряться и не выплыть из глубины.

Впервые томбстони́нг привлек внимание семь лет назад, и масса роликов на YouTube увеличила популярность этого экстремального занятия. Желание испытать острые ощущения просто вдохновляет людей на подобные прыжки.

Данное занятие популярно не только среди молодежи, но и среди людей более преклонного возраста. Так в июле 2010 года 75-летний Кристофер Ирвин, отставной майор, стал старейшим британцем, совершившим прыжок со скальных ворот Дердл-дор, высота которых составляет чуть больше 12 метров. К сожалению, при погружении в воду смельчак сильно ударился животом, и его отвезли в больницу с различными травмами.

Увлечение томбстони́нгом, скорее всего, имеет британские корни. Свое название оно получило после того, как в 1995 году в газетах появилась статья о

прыжках со скалы Tombstone Rock неподалеку от деревни Вембери, расположенной на южном побережье графства Девон. Хотя томбстони́нг носит несколько шутливое название, оно имеет и негативный оттенок, ведь слово *tombstone* переводится как надгробие, большой камень на могиле. Более безопасным, но в тоже время популярным занятием, является *coasteering*. Это смесь плавания, скалолазания, прыгания со скал в воду, исследования береговой линии под контролем обученных специалистов.

(1) *Tombstoning* is the practice of plunging into open water from a high point. Coastguards have warned tombstoners they are dicing with death ... [3].

Cage diving – погружение в кишашую акулами воду в клетке. В 2005 году исполнилось 30 лет фильму «Челюсти». Это известный фильм, снятый по роману Питера Бенчли, об ужасных нападениях акул на людей на пляже в Америке. Одним из мероприятий, посвященных празднованию юбилея, стало погружение актера Ричарда Э. Гранта и олимпийского чемпиона Колина Джексона в воду у побережья западной Южной Африке. Примечательно то, что в этих местах полно акул, поэтому смельчаков погрузили в специальной клетке.

Но сейчас этим могут заниматься не только знаменитости. Такое увлечение носит название *Cage diving* – погружение в воду, где обитают акулы, в клетке. Это одно из последних увлечений туристов, желающих испытать острые ощущения. Акул специально приманивают кровью и мясом к клетке, в которой находится человек. Затем акулы плавают вокруг клетки с возбужденными туристами, а те их фотографируют. Такое занятие популярно в Южной Африке, Австралии, Сан-Франциско и на Багамских островах. Однако данное увлечение вызывает споры, ведь еще не доказано, что клетка полностью может уберечь от акул. Так в Калифорнии погружение в клетку в воду, кишашую акулами, запрещено. В ЮАР экологи и туроператоры считают, что возросшее количество нападений акул на человека отчасти связано с новым увлечением.

(2) ... He has also gone *cage diving* off the coast of South Africa to see the Great Whites in action and declares it an “amazing” not life-threatening experience ... [3].

Slacklining – слэक्лайн (практика в балансировании и развивающийся вид спорта, который заключается в хождении по специальным нейлоновым или полиэстровым стропам (лентам), натянутым между стационарными объектами – и станциями, хождение по слабо натянутой стропе.

Этот новый вид досуга становится все более популярным по всему миру и привлекает людей всех возрастов. Длина строп может различаться. Ширина нейлоновой ленты составляет 1-2 дюйма (2,5-5 см). Поскольку стропы изготовлены из эластичного материала, который балансирует под ногами, создается впечатление, что вы идете по очень узкому батуту. Эластичность строп также позволяет выполнять различные прыжки и трюки.

Но может меняться и высота, над которой натянуты стропы. Она составляет от полуметра и выше. Тогда необходимо использовать специальную страховку и ремни безопасности. Существует разновидность подобного вида

спорта, которая называется *waterlining* – хождение по нейлоновым стропам над водой.

Слэклайн впервые появился в Великобритании примерно три года назад, хотя изначально возник в США, когда группа скалолазов решила натянуть нейлоновые стропы и пройти по ним. В данном виде спорта есть уже и свои мировые рекорды. Так самая дальняя прогулка по канату составила 306 метров, а высота размещения стропов составила 1000 метров.

(3) ‘... the three-day event taking place at the famous Dublin venue showboats Ireland’s most thrilling and terrifying outdoor activities, including zorbing, extreme trampoline and *slacklining*’ [3].

Zorbing – зорбинг. Это вид спорта и экстремального отдыха, в котором для передвижения по ровной либо же наклонной поверхности используется круглый прозрачный шар (зорб). Изюминка такого вида спорта заключается в том, что вы бесконтрольно катитесь на огромной скорости, но шар создает эффект воздушной подушки, поэтому вы чувствуете себя в безопасности.

Зорб представляет собой шар из поливинилхлорида около 13 кубических метров в объеме. Весит он 70-80 кг, и состоит из двух сфер: внутренней (диаметр – 1,8 метра), и внешней (диаметр – 3,2 метра), расстояние между которыми составляет около 70 см. Во внутренней сфере располагается зорбонавт (человек, занимающийся зорбингом), либо закрепленный в специальной страховочной системе, либо имеющий полную свободу действий.

Попасть в зорб можно через входное отверстие, соединяющее внешнюю сферу с внутренней и имеющее диаметр 60 см. В некоторых случаях это отверстие закрывается специальным клапаном.

Зорб был изобретен в 1973 году, однако повсеместное распространение получил в 90-х годах прошлого века. Существует несколько разновидностей зорбинга: спуск с холмов или «холмовой зорбинг»; катание в зорбе по ровной поверхности, причем в движение шар приводится самим пассажиром, который бежит во внутренней сфере; гидрозорбинг, когда зорб наполняется водой, которая и держит человека в определенном положении, потому зорбонавт не закрепляется; катание в зорбе по поверхности воды или «водный зорбинг», причем в шаре можно заниматься не только ходьбой или бегом, но и различными упражнениями; «снежный зорбинг» – спуск на зорбе с возвышенностей, покрытых снегом и льдом; «аэрозорбинг» – катание в зорбе внутри аэротрубы (устройстве, созданном для тренировок парашютистов и создающем мощный восходящий поток воздуха, находясь в котором человек испытывает ощущение свободного падения, не рискуя при этом разбиться).

В зорбе могут располагаться от одного до трех зорбонавтов. Зорбинг не требует специальной подготовки.

(4) From the folks who brought you bungee jumping (sort of) and glow worm cave tubing, not to mention Kiwi fruit and the knock your socks off scenery of the Lord of the Rings, now comes *Zorbing* ... imagine yourself taking momentary leave of both your senses and the little cubicle you call your office, and harnessing yourself into a VW-sized, transparent ball of plastic. Then imagine someone rolling you down a steep hill at 25 mph [3].

Таким образом, в начале 21 века появился ряд новых видов экстремального спорта, таких как зорбинг, томбстоуниинг, слэक्лайн и кейдж дайвинг. Исследованные неологизмы первого десятилетия XXI вв. показывают, что английский язык является динамично развивающейся системой, продуктивно использующей словообразовательные модели внутри языка для образования новых слов, отражающих состояние и развитие современного общества.

Литература

1. Амосова, Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка / Н.Н. Амосова. – Москва : URSS, 2010. – 218 с.
2. Антюфеева, Ю.Н. Английские новообразования в развитии: потенциальное слово, окказионализм, неологизм: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю.Н. Антюфеева. – Тула, 2004. – 184 с.
3. Dictionary Macmillan (MD) / eds.: W. D. Halsey, C. G. Morris ; Macmillan Pub. Co. – N. Y. ; London, 2015. – Mode of access: <http://www.macmillandictionary.com/>.

Рядинская О.П., к.ф.н.,
Григоренко С.Е., к.п.н.,
Маркова Е.И., к.ф.н.
НИУ «БелГУ», Россия

СОЮЗ КАК ЧАСТЬ ПОЛИПРЕДИКАТИВНОГО ПАРАТАКТИЧЕСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ

Целью данной статьи является раскрытие специфики особенностей функционирования сочинительных союзов в структуре полипредикативных паратактических конструкций с фразеологическими единицами.

Ключевые слова: полипредикативное предложение, паратаксис, фразеологические единицы, союз

Ryadinskaya O.P., Grigorenko S.E., Markova E.I.
Belgorod National Research University, Russia

THE CONJUNCTION AS PART OF MULTIPLE COMPOUND SENTENCES WITH PHRASEOLOGICAL UNITS

The purpose of this article is to reveal the specifics of the functioning of coordinative conjunctions in Multiple Compound sentences with phraseological units.

Key words: Multiple Compound, parataxis, phraseological units, coordinative conjunctions

Полипредикативное предложение мы рассматриваем как конструкцию, объединяющую три и более предикативные единицы посредством союзной связи. Полипредикативные предложения, образованные при помощи союзной связи, формируют три больших класса конструкций, которые строятся

посредством паратаксиса (сочинения), гипотаксиса (подчинения) или создаются на основе сочетания паратаксиса и гипотаксиса.

Любая полипредикативная конструкция может быть ядерной (минимальной), состоящей из минимального количества конститuentов и определённого набора синтаксических связей, и расширенной, с увеличенным количеством предикативных единиц и синтаксических связей, не меняющих свойств модели.

Сложносочинённые предложения характеризуются разветвлённой системой значений (отношений), в формировании которых, помимо сочинительных союзов, участвуют некоторые стороны структуры соединившихся предложений и типизированные элементы их лексического состава» [2: 471-472]. Классификации сложносочинённых предложений традиционно строятся, исходя из смысловых отношений всей конструкции, выраженных его лексическими компонентами и союзными средствами.

В.А. Белошапкина рассматривает два типа сложносочинённых предложений: конструкции открытой и закрытой структуры, различающиеся своим количественным составом и рядом связанных с этим особенностей. «Союзы, используемые в сложносочинённых предложениях открытой структуры, делят по значению на две группы: соединительные и разделительные. Различия между этими группами союзов состоят не только в выражаемых ими смысловых отношениях, но и в их функции в структуре предложения» [1: 835].

Класс предложений закрытой структуры объединяет в сложносочинённые конструкции множество разрядов и подразрядов, различающихся наличием или отсутствием второго союзного элемента. Предложения без второго союзного элемента включают определённый ряд разновидностей, основанием которого являются значения, связанные с типовыми особенностями лексического состава и, соответственно, определяющие структурные особенности сложного предложения.

Подавляющее большинство англоязычных авторов классифицируют паратактические предложения в основном в зависимости от типа союза, объединяющего части паратактической конструкции: “Coordinate clauses have conjunctions of four kinds: COPULATIVE conjunctions, coupling or uniting words and expressions in the same line of thought as and, also, as well as, moreover, etc. ADVERSATIVE, connecting words and expressions that are opposite in thought as but, yet, still, however, while, only, etc. CAUSAL, introducing a reason or cause. The chief ones are for, therefore, hence, then. ALTERNATIVE, expressing a choice, usually between two things. They are or, either, else, nor, neither, whether. Alternative conjunctions imply that there is a choice to be made. (S.R. Anderson, J. Bresnan, D.S. Brooks, B. Comrie, W. Dressler, E. Sweetser). В данном случае рассматриваются копулятивные (соединительные), адверсативные (противительные), каузальные (причинные) и альтернативные или дизъюнктивные (разделительные) союзы, которые репрезентируют паратактические отношения. В отдельную группу входят конструкции с так называемыми коррелятивными (парными) словами: both...and, either...or, neither...nor, not only...but also (L. Bryson).

Полипредикативные предложения с паратаксом в определённой степени отличаются от сложносочинённых предложений (двучастных конструкций) своей более сложной формальной и содержательной, информационной организацией.

Доминантная функция паратакса (показать порядок следования предикативных элементов в общей синтаксической цепи) отличается от гипотакса, когда акцент делается на субординации компонентов.

Известно, что основными разновидностями сочинительной связи являются соединительная, противительная и разделительная. С точки зрения характера сочинительных отношений выделяют копулятивную (соединительную) связь, противительную (адверсативную), разделительную (дизъюнктивную), пояснительную. Значение этих связей выражают определённые коннекторы (союзы), которые носят названия, соответствующие этим отношениям, то есть копулятивные, адверсативные, дизъюнктивные и пояснительные (И.Н. Кручина, Ю.А. Левицкий, L. Faigley, D. Megginson).

К копулятивным союзам относятся *both...and*, *and*, *nor*, *as well as*; к противительным – *and*, *but*, *whereas*, *while*; к разделительным – *either...or*, *neither...nor*, *or*; к пояснительным – *so*, *for*. Кроме того, для соединения предикативных конструкций служат также наречия *moreover* (кроме того, сверх того), *therefore* (поэтому), *so* (так что, итак), *yet*, *however* (однако), *similarly* (или), *alternatively* (или), *nevertheless* (тем не менее), *still*, *yet* (тем не менее, всё же), *besides* (кроме того), *otherwise*, *else*, *or else* (в противном случае, иначе), *thus* (таким образом), *hence*, *thence* (следовательно) (К.Н. Качалова, Е.Е. Израилевич, L. Bryson, E. Sweetser).

Известно, что сочинительные коннекторы являются полисемантическими в английском языке и способны выражать оттенки как сочинительной, так и подчинительной связи, что порождает классификационные группы не только в рамках союзной связи, но и внутри какого-либо класса. В отличие от двучастного сложносочинённого предложения части полипредикативного предложения объединяются несколькими союзами и не всегда одними и теми же.

В процессе исследования было выявлено, что в 95,5% случаев полипредикативные паратактические предложения, в которых зафиксированы фразеологизмы, строятся по трёхчастной модели, соответственно в этих конструкциях сочетаются два типа связи.

Фразеологические единицы чаще всего появляются в предложениях, сочетающей копулятивные и адверсативные отношения; данные конструкции образованы при помощи сочетания союзов *and* и *but*; такие предложения составляют 51%, например:

Nothing's definite and *it's all down to you* to make the final decision,
but how do you feel about switching horses [7 : 96]?

Предложение состоит из трёх предикативных блоков, инициальный и интерпозитивный блоки соединены копулятивной связью и скрепляются союзом *and*, а интерпозитивный и финитный блоки выражают адверсативные отношения, о чём свидетельствует противительный союз *but*.

Использование различных коннекторов – достаточно характерное явление для полипредикативных паратактических конструкций, причём союзы *and* и *but* почти в равной степени встречаются для соединения как первого и второго, так и второго и третьего блоков.

Второе место по частоте употребления занимает тип трёхчастного полипредикативного предложения с повторяющимися копулятивными отношениями (части предложения соединены союзом *and*) насчитывает 37,7% от всего корпуса паратактических предложений, например:

She stayed noticeably away from Mark, and Jess kept her distance from her, and after a while, Peter went to his oldest son and gave him twenty dollars and told him to take the others to the cafeteria and get something to eat [9: 320].

Части анализируемой полипредикативной конструкции объединены союзом *and*, который выражает копулятивные отношения между всеми паратактическими блоками, причём между первым и вторым паратактическим блоками возникают отношения одновременности [она (главная героиня Мел) стояла в стороне от Марка и Джес, держась на значительном расстоянии от неё], а между вторым и третьим блоком реализуются отношения следования [затем Питер подошёл к старшему сыну, и дал ему двадцать долларов и предложил повести всех в кафетерий, чтобы купить что-нибудь поесть].

Исследователи паратактики отмечают самую высокую частотность союза *and* по сравнению с остальными сочинительными союзами, что подтверждается и нашим исследованием, проведённом на материале полипредикативных предложений.

На третьем месте по частоте употребления находятся предложения, отвечающие модели сочетания копулятивной и дизъюнктивной связей. Традиционно разделительные союзы рассматриваются как союзы, выражающие отношения взаимоисключения и чередование действий, событий, явлений и т. д. (О.С. Ахманова, В.А. Белошапкина, Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова). Анализируемая связь обеспечивается союзами *or, either...or, neither...nor*, из которых в корпусе наших примеров были выявлены предложения, где актуализировался лишь союз *or*.

Структурно-реализованные модели предложений с сочетанием копулятивных и дизъюнктивных связей представлены двумя вариантами: конструкции с повторяющимися копулятивными отношениями (следование или одновременность) и дизъюнктивными отношениями (взаимоисключение и чередование): одновременность – взаимоисключение, одновременность – чередование, следование – взаимоисключение, следование – чередование.

В ходе исследования было выявлено, что практически реализованной конструкцией является единственная из этого ряда: предложения с отношениями следования и взаимоисключения. Исследуемые конструкции малочисленны и составляют 7,7% от всего корпуса паратактических конструкций.

Пример. *I mustn't break now or they'll begin crying too, and then the darkies will begin screaming and we'll all go mad [8 : 1018].*

В четырёхчастной паратактической структуре между первым и вторым блоком возникают дизъюнктивные отношения, о чём свидетельствует союз *or*, выражающие взаимоисключение. Между остальными блоками складывается такой тип копулятивных отношений, как следование, а между третьим и четвёртым блоками возникает оттенок следствия [and then the darkies will begin screaming and we'll all go mad / ...и затем чернокожие начнут реветь, и мы все сойдём с ума]. Языковым выражением копулятивных отношений является союз *and*.

Четвёртую позицию по частотности типов паратактических полипредикативных предложений занимает конструкция, которая построена на сочетании двух видов связи: дизъюнктивной и адверсативной.

Предложения, образованные по данной модели, составляют 3,6% от всего корпуса собранных полипредикативных паратактических конструкций с фразеологизмами. Например:

It may be years hence, or it may be only months, but I shall come to that *at last* [4: 435].

Между первой и второй паратактическими частями данного предложения реализуются дизъюнктивные отношения (в данном случае отношения чередования), о чём свидетельствует союз *or*; между вторым и третьим паратактическим блоками складываются отношения адверсативности (а именно сопоставительные отношения), что выражается в использовании союза *but*.

Таким образом, анализ паратактических полипредикативных предложений с фразеологическими единицами показал, что наличие фразеологизмов не накладывает ограничений на употребление различных коннекторов. Сочинительная связь представлена всеми основными союзами: копулятивными, адверсативными, дизъюнктивными и пояснительными.

Литература

1. Белошапкина В. А. Сложное предложение в современном русском языке: некоторые вопросы теории. – М. : Просвещение, 1967. – 160 с.
2. Кручинина И. Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энцикл., 2000. – С. 471-472.
3. Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 234 с.
4. Dickens Ch. Oliver Twist. – London : Penguin Books, 1994. – 511 p.
5. Dressler W. U. Textlinguistik: kommentierte Bibliographie. – München : Fink, 1973. – 120 p.
6. Faigley L. Fragments of rationality : postmodernity and the subject of composition. – Pittsburgh ; London : University of Pittsburgh Press, 1992. – 285 p.
7. James E. A sense of belonging. – London : Orion, 1998. – 514 p.
8. Mitchel M. Gone with the Wind. – New York : Macmillan, 1964. – 1037 p.
9. Steel D. Changes. – London : Sphere, 1983. – 380 p.
10. Sweetser E. From etymology to pragmatics : metaphorical and cultural aspects of semantic structure. – Cambridge [England]; New York : Cambridge University Press, 1990. – 174p.

**Синельников Ю.Г., к.ф.н., доц.,
Андросова С.А., к.ф.н.,
Синельникова И.И., к.ф.н.
НИУ «БелГУ», Россия**

ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФРАНЦУЗСКИХ АРГОТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, СЛУЖАЩИХ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ПСИХИЧЕСКИХ ОТКЛОНЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена анализу внутренней формы французских арготических фразеологизмов, используемых при передаче интеллектуально-психических отклонений человека. Выявляются основные образные основы исследуемых единиц. Исследование показывает, что многие арготические фразеологизмы фразео-тематической подгруппы "Интеллектуально-психические отклонения человека" являются двуобразными. Особое внимание уделяется также рассмотрению частотных структурных типов анализируемых фразеологизмов.

Ключевые слова: французское арго, фразеологизм, характеристика человека, интеллект.

Sinelnikov Yu.G., Androsova S.A., Sinelnikova I.I.
Belgorod National Research University, Russia

IMAGE-BEARING COMPONENT OF FRENCH ARGOTIC PHRASEOLOGICAL UNITS WHICH TRANSFER PERSON'S INTELLECTUAL AND MENTAL DISORDERS

The article is devoted to the analysis of the inner form of the French argotic phraseological units which are used for the transmission of person's intellectual and mental disorders. The main image-bearing components of the units under study are determined. The research demonstrates that many argotic phraseological units of the phraseo-thematic subgroup "Person's intellectual and mental disorders" have two images. A special attention is paid to the study of the frequent structural types of the analyzed phraseological units.

Key words: French argot, phraseological unit, person's characteristic, intellect.

В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к изучению лексических и фразеологических средств языка, используемых при передаче характеристики человека, к исследованию языка с точки зрения отражения в нём человека. Объектом исследования всё чаще выступают именно характерологические единицы, то есть такие единицы, которые содержат в своей семантике характеристику человека.

В языковой системе характеристик внутреннего мира человека одно из базовых мест принадлежит характеристике интеллектуальных особенностей человека, которая изучается на лексическом и фразеологическом уровнях на материале различных языков такими учёными, как Ю.Д. Апресян, С.А. Андросова, Ю.Г. Синельников, Й. Дапчева, Д.Ю. Дронь, О.В. Коняхина, А.В. Крюков, Т.В. Леонтьева и др.

Оценка интеллектуальных свойств человека осуществляется в основном в двух направлениях: по степени умственных способностей человека и по способности человека мыслить, рассуждать рационально, адекватно оценивать действительность [2: 173]. Степень умственных способностей человека колеблется в очень широких пределах: от максимальной до минимальной, граничащей с полным отсутствием интеллектуальных способностей. Выделяют также интеллектуально-психические отклонения, под которыми понимают ухудшение умственного здоровья человека, «интеллектуальный регресс» [3: 61].

Арготические фразеологизмы французского языка в большинстве своём служат для передачи отрицательной оценки интеллектуальных особенностей человека. Один из самых длинных синонимических рядов в арготической тематической группе «Интеллектуальные особенности человека» образуют фразеологизмы, служащие для выражения интеллектуально-психических отклонений человека [1: 23].

В ходе исследования было выявлено 73 арготических фразеологизма с общим семантическим признаком «быть сумасшедшим».

Наиболее прозрачной мотивированностью обладают характерологические фразеологизмы, в компонентный состав которых входят фразеолексы-субстантивы со значением ‘сумасшествие, безумие’: «avoir un (petit) grain (или répin) de folie (dans la tête)» (букв. «иметь (маленькое) зёрнышко безумия (в голове)») – «быть не совсем в своём уме, быть чокнутым, с приветом, немного того».

«De grâce, ne faites jamais d'allusion indirecte, et de moi seul comprise, à ce grain de folie». (Stendhal, «Lucien Leuwen».) – «Прошу вас, никогда не делайте даже косвенных, мне одному понятных намёков на моё безрассудство».

Опорными компонентами многих фразеологизмов, служащих для выражения интеллектуально-психических отклонений, выступают причастия, которые в ходе переосмысления приобрели арготическое значение ‘тронутый, придурковатый’. При этом глаголы, от которых образованы эти причастные формы, не расширили свой семантический потенциал, т.е. не имеют аналогичного значения. К таким характерологическим арготическим фразеологическим единицам, первичным образом для многих из которых является удар (по голове), относятся, например, «être (complètement) sonné», «être timbré», «être siphonné», «être tapé», «être givré» – «быть сумасшедшим, чокнутым».

«Mon frère et ma belle-sœur sont, bien entendu, assez sonnés par cette histoire». (G. Simenon, «Maigret se fâche».) – «Мой брат и невестка, естественно, чокнулись из-за всей этой истории».

Для образования фразеологизмов, характеризующих человека с ментальным расстройством, продуктивен образ ‘работать тем или иным предметом’, построенный по аналогии с известным образом ‘работать головой, шевелить мозгами’, служащим для образования мелиоративных единиц, характеризующих умственные возможности человека. Опорными компонентами фразеологизмов этой серии выступают лексические единицы со

значением предметов, которые носят на голове: «travailler du chapeau» (букв. «работать шляпой»), «travailler du bigoudi» (букв. «работать бигуди»), «travailler de la visière» (букв. «работать козырьком») – «психовать; спятить; быть чокнутым».

«Je vous énumère ça, Monsieur le Docteur, pour que vous ne me considériez pas comme un va-nu-pieds, un énergumène, un... un qui travaille du chapeau». (A. Arnoux, «*Réveries d'un policier amateur*».) – «Я вам перечисляю это, господин Доктор, чтобы вы не смотрели на меня как на бродягу, на бешеного, как на того... того, кто спятит».

Многие фразеологизмы фразео-тематической подгруппы «Интеллектуально-психические отклонения человека» являются двуобразными. Две образные основы имеют, как правило, такие характерологические фразеологизмы, в состав которых входят переосмысленные единицы письменно-литературного языка. Так, все знаменательные компоненты аргологических фразеологизмов «bouillonner du couvercle» и «frissonner du couvercle» – «быть немного не того, не в себе, быть с приветом» представляют собой нейтральные лексические единицы, но при этом лексическая единица 'couvercle', помимо своего нейтрального значения 'крышка', имеет значение 'голова', регистрируемое в словарях с пометами «arg.» и «fam.». Именно со своим вторым значением данная лексическая единица легла в основу создания фразеологизмов «bouillonner du couvercle» и «frissonner du couvercle». Следовательно, у этих фразеологизмов можно выделить две образные основы: первичный (образ, потроенный на ассоциации с кипящей кастрюлей: «кипеть (или содрогаться) из-под крышки») и вторичную (образ, выраженный соматизмом («кипеть (или содрогаться) в голове»), свидетельствующим об интеллектуально-ментальном отклонении человека). Образ, используемый в анализируемых выше фразеологизмах, сократился до подпрыгивания, колебания, наблюдаемого в отношении любых предметов, соотносимых с головой: «onduler de la coiffe (или de la toiture, de la touffe)» (букв. «колыхаться (колебаться) из-под головного убора (или кровли, пряди волос)») – «быть немного не того, не в себе, быть с приветом».

Для образования фразеологизмов, характеризующих человека с ментальным расстройством, т.е. передающих значение «свихнуться, спятить, быть чокнутым, сумасшедшим», продуктивны также следующие образы:

а) 'неправильно работать, работать с перебоями': «ne pas tourner rond».

«Jean avait dû lui dire «Gilles ne tourne pas rond» et elle regardait avec intérêt cet homme qui ne tournait pas rond». (F. Sagan, «*Un peu de soleil dans l'eau froide*».) – «Жан должно быть ей сказал: «У Жюльи не все дома», и она с любопытством смотрела на человека, у которого не все дома»;

б) 'потерять голову': «perdre la boussole» (букв. 1) «потерять компас», 2) «потерять голову»), «perdre la boule» (букв. 1) «потерять шар», 2) «потерять голову»), «être dévissé de la toiture» (букв. «быть отвинченным от кровли (крыши)»).

«Si j'avais envoyé Mac Leod par le fond la nuit du partage des femmes, y aurait pas eu d'guerre avec les Noirs, et Ropati serait encore en vie! Bon Dieu! C'est

à perdre la boussole!». (R. Merle, «Un animal doué de raison».) – «Если бы я в ночь распределения женщин отправил Мака Леода на морское дно, не было бы войны с чёрными, и Ропати был бы всё ещё жив! Боже мой! Можно сойти с ума!»;

в) образ наличия различного рода повреждений в мозге: «avoir le cerveau (или le crâne) fêlé (или brouillé, dérangé, détraqué, malade, timbré, troublé, blessé)»;

г) образ наличия в голове паука или майского жука: «avoir une araignée (или un hanneton) dans la tête (или dans le cerveau, dans le crâne)» (букв. «иметь паука (или майского жука) в голове (или в мозге, в черепе)»), «avoir une araignée dans la tourte» (букв. «иметь паука в сладком пироге»), «avoir un hanneton au sel» (букв. «иметь майского жука в соли»).

«La femme à Marjotte a une araignée dans la tourte». (Claude, «Mémoires».) – «Жена Марьотта не в своём уме»;

д) образ совершения размашистых движений: «battre des ailes» (букв. «бить крыльями»).

«T'es l'aviateur qu'est tombé, s'pas! – J'en ai vu, des choses..., répond l'aviateur péniblement. – Moi aussi, j'en ai vu! interrompt le soldat. Y'en a qui battraient des ailes, s'ils avaient vu ce que j'ai vu». (H. Barbusse, «Le Feu».) – «Ты тот летчик, который упал, да? – Чего я только не насмотрелся..., – с трудом ответил летчик. – И я тоже! – перебил его солдат. – Многие бы спятили, если бы увидели то, что видел я».

Для фразеологизмов рассматриваемой тематической подгруппы, как и для характерологических фразеологизмов фразео-семантической группы «Глупость», продуктивным выступает образ заполнения головы различными предметами: «avoir un (или le) répin dans la timbale» (букв. 1) «иметь семечко (зёрнышко) в кубке», 2) «иметь семечко (зёрнышко) в голове»), «avoir un (petit) vélo (dans la tête)» (букв. «иметь (небольшой) велосипед (в голове)») – «быть чокнутым».

В образовании предикативных и непредикативных фразеологических сочетаний, выражающих интеллектуально-психические отклонения человека, активно участвуют ЛЕ-глагол 'yooyer' и ЛЕ-существительное 'yooyote', которые представляют собой единицы с закреплённым употреблением: «yooyer de la touffe (или de la mansarde)» – «сбрендить, свихнуться, быть сумасшедшим»; «tu es yooyottes de la mansarde (или de la toiture, de la touffe, du trolley)?» – «ты что, с ума сошёл, свихнулся?».

«Bref le genre de mec qui a la mansarde qui yooyotte!» (G. Legrand, «Matou d'Pantruche».) – «Короче говоря, парень, у которого не всё в порядке с головой!»

В составе анализируемой подгруппы имеются и другие предикативные фразеологические единицы с замкнутой структурой: «t'es pas (un peu) malade?» (букв. «не болен ли ты?»), «ça va pas la tête?» (букв. «не всё в порядке с головой?»), «tu n'es pas singlé?» – «ты что, рехнулся, с ума сошел, спятил?», и построенные на образе получения травмы в детском возрасте: «t'as eu un accident de poussette?» (букв. «с тобой произошёл несчастный случай в детской коляске?») – «у тебя не все дома?, тебя что, мама в детстве уронила?».

Таким образом, анализ французских арготических фразеологизмов, используемых при передаче характеристики интеллектуально-психических отклонений человека, показал, что в большинстве своём они построены на метафоричных образах. Многие анализируемые единицы содержат в своём компонентном составе лексические единицы, которые имеют переосмысленное значение 'голова', вследствие чего представляют собой двуобразные конструкции. Исследуемые единицы часто используются в виде характеристики-обращения, многие фразеологизмы исследуемой подгруппы представляют собой предикативные единицы с замкнутой структурой. Многие анализируемые пейоративные фразеологизмы созданы путём вариативности, синонимии, субституции и интенсификации, в то время как фразеологические единицы, отражающие характеристику с положительной коннотацией, чаще всего представляют собой отдельные образования, построенные каждое на основе своего образа, которые почти не имеют вариантов, синонимов и не подвержены интенсификации.

Литература

1. Андросова С.А. Объективация характеристики человека во французской арготической фразеологии: 10.02.05: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Светлана Александровна Андросова; [Воронеж. гос. ун-т]. – Воронеж, 2011. – 25 с.
2. Дапчева Й. Фразеологизмы, обозначающие интеллектуальные свойства человека в болгарском и русском языках: (семантический и лингвокультурологический аспекты) / Й. Дапчева // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2006. – № 1. – С. 172-184.
3. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в зеркале «растительных» метафор / Т.В. Леонтьева // Вопросы языкознания. – М., 2006. – № 5. – С. 57-77.

Синельникова И.И., к.ф.н.,
Синельников Ю.Г., к.ф.н., доц.,
Андросова С.А., к.ф.н.
НИУ «БелГУ», Россия

ЭМОТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ГРУСТЬ / ПЕЧАЛЬ / ГОРЕ»

Статья посвящена изучению фразеологических единиц французского языка со значением отрицательных эмоций «грусть», «печаль», «горе». В статье предпринят полевой подход исследования и систематизации языковых данных. Выявляются ядро и периферия поля.

Ключевые слова: Фразеологическая единица, фразеосемантическое поле, идеограмма, структура поля, ядерная единица, периферийная единица.

Sinelnikova I.I., Sinelnikov Yu.G., Androsova S.A.
Belgorod National Research University, Russia

THE FRENCH EMOTIVE IDIOMS IN THE STRUCTURE PHRASEOSEMANTIC FIELD "SADNESS / SORROW / GRIEF"

The article deals with the study of the French phraseological units meaning negative emotions, such as "sadness", "sorrow", "grief." The article attempted field approach research and systematization of language data. The core and the periphery of the field are revealed.

Key words: Phraseological unit, semantic field, ideogram, field structure, the nuclear unit, a peripheral unit.

Всякое семантическое поле имеет свою специфическую структуру, которая предполагает взаимообусловленность компонентов системы. Э. Бенвенист считал, что "...трактовать язык как систему – значит анализировать его структуру. Поскольку каждая система состоит из единиц, взаимно обуславливающих друг друга, она отличается от других систем внутренними отношениями между этими единицами, что и составляет ее структуру" [2: 64].

Структуры разных семантических полей различаются в зависимости от культуры и развития сознания языкового коллектива, от уровня развития материальных условий, в которых протекает общественная жизнь, и тех принципов, по которым осуществляется сегментация действительности [3: 20]. Из отечественных лингвистов, занимающихся теорией поля, следует назвать такие имена, как: Л.М. Васильев, В.Н. Денисенко, Н.Г. Долгих, С.В. Кезина, В.И. Кодухов, И.А. Стернин, Ф.П. Филин, Г.С. Щур и др.

Фразеологический состав языка, так же как и лексический, может быть представлен в виде полевой модели. Фразеосемантическое поле (ФСП) является одной из частей языковой картины мира, в создании которой, наряду с лексическими единицами, активное участие принимают фразеологизмы. Под термином "фразеосемантическое поле" нами понимается *совокупность*

фразеологических единиц (ФЕ), объединенных общим семантическим признаком [5: 82]. Фразеосемемы как единицы плана содержания фразеологизмов имеют в качестве денотата, то есть фрагментов внеязыковой действительности, вторичный десигнат. Единицей изучения фразеосемантического поля может выступать *идеограмма* – "нейтральный эквивалент фразеологической единицы, представляющий собой слово или словосочетание, содержащее классему и основные элементарные смыслы (семы) фразеологизма [4: 167]. В настоящей статье под идеограммой понимается ядерная фразеологическая единица в структуре исследуемого ФСП. Характерным семантическим признаком идеограммы является сема, содержащая нейтральное значение эмоционального состояния и не имеющая дифференциальных признаков, влияющих на усиление или ослабление значения фразеологизма.

Понятие идеограммы применяется в основном во фразеологии, прежде всего потому, что фразеологизмы нуждаются в переводе не только с одного языка на другой, но и внутри одного языка, в силу его национальной специфики. Роль идеограммы велика при семантическом описании языка, которое, по мнению Ю.Н. Караулова, должно начинаться с установления единицы описания, в качестве которой он предлагает "элементарное значение" [3: 314]. Во фразеологической семантике элементарному значению соответствует идеограмма. По мнению Н.Н. Кирилловой, значение идеограммы элементарно, так как оно сохраняет высшую степень обобщенности. Идеограмма универсальна. Это свойство вытекает из универсальности самой фразеологии. Поскольку фразеология представляет собой одну из универсальных категорий языка, а идеограмма является неотъемлемым элементом фразеологизмов, то и ей присуще свойство универсальности [4: 169].

Фразеологическую систему можно представить в виде фразеологического пространства, ограниченного числом фразеологических значений, то есть идеограмм. Использование идеограммы в качестве единицы описания семантического поля определяет ономазиологический подход в исследовании: от объективной реальности к фразеологическому выражению.

В данной статье предпринята попытка представить эмотивные фразеологизмы французского языка со значением «грусть, печаль, горе» в виде фразеосемантического поля с соответствующим названием и исследовать его структуру. Сложное наименование поля, состоящее из трех слов - названий эмоций, объясняется тем, что эти состояния, проявляя себя в форме грусти, печали и горя, тем самым репрезентируют оценочное изменение отношения субъекта к действительности в неблагоприятную сторону. По сути, грусть и печаль выступают как различные модальности одного эмоционального состояния – горя. Поэтому в настоящей статье фразеологические единицы, выражающие разные градации этого состояния, объединены в одно поле.

Внешнее проявление изменения состояния от грусти к печали и горю состоит в парализующем действии на двигательный аппарат. Печальный человек узнается по внешнему виду. Движения он совершает с усилием, ходит медленно, голос его слаб, он часто неподвижен и молчалив.

С другой стороны, в состоянии печали вазо-моторные мышцы сокращаются сильнее, чем обычно. Кровь выталкивается из сосудов, в результате чего для грустного человека характерна бледность кожных покровов, осунувшиеся черты лица. Следствием анемии кожи является ощущение холода, озноб. Чем серьезнее огорчение, тем больше усугубляется физическое состояние, и его проявления становятся более заметными: во рту становится сухо, появляется ощущение горького вкуса, как результат сухости языка. Присутствует чувство недостатка воздуха и стеснения в груди. Французский исследователь Лакруа характеризует это состояние как «le chagrin profond, intime, domestique, léger, petit, grand, gros, immense»[6: 53].

Для выявления структуры фразеосемантического поля "Грусть / Печаль / Горе" внешние проявления данного эмоционального состояния имеют лишь частичное значение. Фразеология располагает обширным арсеналом средств для выражения грусти / печали, используя, с одной стороны, единицы, в семантике которых отражены телесные проявления состояния, а с другой – фраземы, метафорический образ которых базируется на иных ассоциативных признаках (например, на цветообозначениях).

Идеограммой, которая служит семантическим инвариантом для исследуемого поля, является архисема "находиться в плохом настроении". В соответствии с этим ядро поля составляют фразеосочетания *être en dehors de son assiette, ne pas être (ne pas sentir) dans son assiette* 'быть не в настроении'.

Первую оппозицию составляют фразеологические единицы с дифференциальной семой, манифестирующей изменение интенсивности состояния в сторону его усиления. Это, например, предикативные выражения с местоименным глаголом в роли доминирующего компонента, который указывает на присутствие субъекта состояния: *se faire des idées noires* 'быть в мрачном настроении'.

Синонимичные выражения с функциональной дифференциальной семой: *être de mauvais poil* (разг.), *avoir le cafard* (разг.) 'быть в плохом настроении' помещаются в центр поля. Как и единицы ядра, они являются предикативными. Их отличие от ядерных ФЕ состоит не только в наличии дифференциальной семы, но и в своеобразном метафорическом переосмыслении с использованием образов *le poil* 'шерсть' и *le cafard* 'хандра'. В данном случае имеет место манифестация национального языкового сознания в плане выражения фразеологизма.

Во второй оппозиции проявляется градуальная связь конститuentов поля. Она предполагает, что синонимические единицы обозначают различную степень интенсивности одного и того же эмоционального состояния. Так, ФЕ имеют дифференциальную грамматическую сему, которая реализуется при помощи прилагательных *gros* 'наполненный', *bas* 'низкий', *lourd* 'тяжелый': *avoir le cœur gros, avoir gros sur le cœur* 'быть печальным, расстроенным', *avoir le cœur bas* 'быть в угнетенном, подавленном состоянии', *avoir le cœur lourd* 'быть очень печальным, сокрушаться'. Семантические различия этих прилагательных позволяют градуировать состояние по шкале его усиления. Наличие определения при существительном влияет на семантику каждой ФЕ.

По утверждению Ш. Балли, когда существительное (в данном случае "*cœur*"), сохраняя свою независимость, кажется связанным с другим словом, обозначающим качество (*bas, gros, lourd*), роль этого слова нередко сводится к тому, что оно усиливает основное значение существительного, не добавляя никакого нового оттенка [1: 93]. Результатом такого взаимодействия компонентов фразеологической единицы является увеличение интенсивности передаваемого эмоционального состояния. В рассматриваемых выражениях каждое определение при компоненте "*cœur*" изменяет значение фразеологизма в сторону усиления состояния от печали: *avoir le cœur gros* до депрессии: *avoir le cœur bas* и даже до отчаяния: *avoir le cœur lourd*. Печаль, депрессия и отчаяние предстают как разные градации горя.

В рассматриваемом фразеосемантическом поле выделяются ближняя и дальняя периферии. В ближней периферийной зоне поля рассматриваются две оппозиции. Первую составляют фразеологические единицы с дифференциальным семантическим признаком "испытывать сильное горе", "очень грустить, печалиться". Например: *triste à pleurer* 'грустный до слез', *perasavoirrassezdesesyeuxpourpleurer* 'выплакать все глаза'.

Вторую оппозицию составляют ФЕ с потенциальной семой, указывающей на дополнительные характеристики состояния, такие, как, например, высокая степень погружения в него. Таким является выражение *pleurercommeunevache (unveau)* (разг.) 'реветь как корова, реветь белугой'. Оно также содержит функциональную дифференциальную сему, на что указывает словарная помета (разг.) – 'разговорное'.

В дальнюю периферию поля "Грусть / Печаль / Горе" входят фразеосочетания, имеющие фазовую взаимосвязь. Они содержат дифференциальный семантический признак "вызвать состояние грусти, печали, горя" и репрезентируют начальную фазу состояния. Например: *attacher (déchirer, fendre) le cœur, blesser qn au cœur* 'причинить большое горе'; *faire gros cœur* 'печалить, огорчать', *ficher (filer, foutre) le bourdon à qn* 'испортить кому-л. настроение, нагнать тоску'; *faire du chagrin* 'огорчать кого-л.'.

В зоне дальней периферии выделяются две оппозиции конститuentов поля. Первую составляют полисемичные ФЕ, например: *être sur le côté* '1) сидеть на мели; 2) лежать больным; 3) находиться в трудном положении; 4) попасть в немилость; 5) чувствовать себя подавленным'. Они покрывают периферийные зоны различных фразеосемантических полей, таких, как: "Физическое состояние", "Материальное положение", "Эмоциональное состояние". Примечательно, что все перечисленные поля входят в состав одного макрополя "Человек".

Вторую оппозицию представляют полиэмоциональные фразеологизмы, т.е. устойчивые выражения, манифестирующие различные эмоции, соответственно относящиеся к различным семантическим полям. Например: *briser le cœur* '1) разбить сердце, причинить душевную боль; 2) растрогать'; *crever le cœur* '1) разрывать сердце, 2) растрогать'. Таким образом, выражение *briser le cœur* может быть отнесено не только к периферийной зоне поля "Грусть / Печаль / Горе", но и к полю "Волнение / Тревога".

Итак, в составе исследованного нами фразеосемантического поля "Грусть / Печаль / Горе" доминируют фразеологизмы предикативного типа, в которых семантический перенос осуществляется по метафорическому признаку. Кроме единиц, объективирующих отрицательные эмоциональные состояния, для конstituентов данного поля характерен дифференциальный семантический признак "приведение субъекта в то или иное эмоциональное состояние". Границы поля размыты и пересекаются с периферическими зонами других семантических полей. Ядро поля представляет собой полицентричное образование, состоящее из ядерных единиц.

Полевой метод является одним из наиболее продуктивных способов при проведении лингвистического исследования. При изучении эмоциональных состояний он позволяет представить язык как систему с взаимозависимыми компонентами. Фразеосемантическое поле способствует представлению фразеологического состава языка как системы и выявлению специфических характеристик фразеологических единиц. Учет принципа антропоцентризма при полевом подходе к исследованию позволяет отразить особенности национального языкового сознания и национально-обусловленные лингвистические способы выражения человеческих чувств с использованием средств фразеологии.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли ; пер.с фр. К. А. Долинина ; под ред. Е. Г. Эткинда. – 2-е изд., стер. – М. :Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; пер. с фр. Ю. Н. Караулова и др. ; общ.ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – 2-е изд., стер. – М. :Эдиториал УРСС, 2002. – 444 с.
3. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов ; АН СССР, Отд-ние литературы и языка, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1976. – 355 с.
4. Кириллова Н. Н. Фразеология романских языков : этнолингвист. аспект / Н. Н. Кириллова ; Рос.гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб. : Изд-во РГПУ, 2003. – Ч. 1: Природа и космос. – 319 с.
5. Сабурова Н. А. Структура фразеосемантического поля пространства / Н. А. Сабурова // Филологические науки. – 2002. – № 2. – С. 81-88.
6. Lacroix U. Les Mots et les idées :dictionnaire des termescadrant avec les idées / U. Lacroix. – Paris : F. Nathan , 1961. – 319 p.

Слепцова С.В., к.ф.н.,
Свищев Г.В., к.ф.н., доц.
НИУ «БелГУ», Россия

ФРАНЦУЗСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

В статье анализируются пословицы, отобранные из произведений французских писателей. Анализ направлен на выявление специфики их функционирования в коммуникативном аспекте в плане установления типичных групп пословиц для выражения определенных интенций. Являясь речевым актом говорящего, французские пословицы эффективно воздействуют на восприятие читателем информации.

Ключевые слова: пословицы, фразеология, интенции, оценочная и стилевая окраска, имплицатуры.

Sleptsova S.V., Svishchev G.V.
Belgorod National Research University, Russia

FRENCH PROVERBS IN COMMUNICATIVE ASPECT

The article analyzes proverbs selected from the works of French writers. The analysis aims to identify the specifics of their functioning in the communicative aspect in the establishment of typical groups of proverbs to express particular intentions. As a speech act of the speaker French proverbs effectively influence the perception of the information by the reader.

Key words: proverbs, phraseology, intentions, evaluative and stylistic colouring, implicatory.

Вопрос определения термина «пословица», ее места и статуса среди сходных языковых явлений, на сегодняшний день, остается актуальным. Многочисленные попытки дать полное научное определение термину «пословица» не привели к единому мнению. Сам термин по-разному трактуется исследователями, а вместе с ним и суть исследуемого явления [Караджев, 2009: 9]. Трудность определения понятия «пословица» заключается в общеупотребительности и исторической многозначности этого слова, а также в том, что пословица является объектом изучения разных наук: фольклористики, поэтики, лингвистики [Савенкова, 1996: 56].

В современной лингвистике остается открытым вопрос и о языковом статусе пословиц, их отношении к фразеологии. Существует два противоположных подхода к данным единицам: нефразеологически ориентированный и фразеологически ориентированный [Караджев, 2009: 10].

Исследователи (В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, Н.М. Шанский, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и др.) включают пословицы в состав фразеологического корпуса языка и выделяют ряд общих свойств, присущих как ФЕ, так и пословицам: известность выражения в данном языке и социуме; воспроизводимость в речи как самостоятельной языковой единицы; устойчивость; образная мотивированность; эмоционально-экспрессивная, оценочная и стилевая окраска и др.

В данной статье пословицы рассматриваются как объект исследования фразеологии. Вслед за Б.И. Караджевым под пословицей понимается «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи образное, иносказательное народное изречение с синтаксической структурой предложения, обобщающее различные явления жизни и имеющее назидательный смысл» [Караджев, 2009: 10].

Н. Норрик впервые высказал мысль о том, что пословица дважды является косвенным речевым актом: во-первых, это цитируемое высказывание, во-вторых, оно содержит имплицатуры [Norrick, 1994]. В большинстве случаев пословицы в своей семантике эксплицитно или имплицитно выражают совет, рекомендацию, указание на то, как нужно вести себя в определенных ситуациях [Абакумова, 2010: 105].

Пословицы могут широко употребляться в речи в различных видах, формах и вариантах. Так же, как и количество этих форм, число речевых актов, которые могут выражаться в виде пословиц, поистине огромно. Этот факт объясняется тем, что говорящими создаётся бесчисленное количество разнообразных речевых ситуаций, в силу субъективных и объективных факторов, образующих каждую из них, поэтому автор того или иного высказывания может варьировать и форму, и способ осуществления речевого акта через пословицу. Классификация таких речевых актов может быть бесконечной.

Опираясь на классификацию русских пословиц Б.И. Караджева, в данной статье анализируются пословицы, отобранные из французских литературных произведений, характеризующиеся широким диапазоном оттенков интенциональных значений, например, для выражения утешения. Такие пословицы призваны сгладить боль, разочарование, неудачи. Чаще всего интенция утешения близко соседствует с успокоением, подбадриванием.

Например, пословица «*Au (royaume) pays des aveugles les borgnes sont rois*» – «*На безрыбье и рак рыба; в поле и жук мясо*» – это успокоение кого-то о том, что за неимением кого-то (чего-то) лучшего, годится и тот (то), кто (что) есть:

Il y a là le gros Romantin, fils de boucher engagé à la suite d'une dispute avec sa famille, le caporal Quentier, rempli par faiblesse, cette longue asperge de Maximet, volontaire par manque d'imagination, nommé radio du poste parce qu'au pays des aveugles les borgnes sont rois (J.-P. Chabrol, «La dernière cartouche»).

Пословица «*Comme à brebis tondue Dieu mesure le vent*» – «*Бог по силе крест налагает*» говорит о том, что человеку под силу выполнить какое-то сложное дело, например:

Je me suis enrhumé horriblement les premiers jours de mon arrivée. Au reste, comme à brebis tondue Dieu mesure le vent, je n'ai plus eu mes douleurs dès que je me suis mis à tousser (P. Mérimée, «Lettres à une inconnue»).

Анализ исследуемого материала позволил выделить группу пословиц, для выражения предупреждения/предостережения. Как правило, такие высказывания носят перспективный характер, например, пословица «*L'ignorance de la loi n'est pas une excuse*» – «*Незнание закона не*

освобождает от ответственности» означает то, что адресата предупреждают о неприятностях заранее, например:

– *Non, Orlgans, n'espérez aucune pitié: l'ignorance n'est pas une excuse. Les Hibernanthes vous ont justement condamné. Sans appel* (K.-H. Scheer, C. Darlton, «L'étoile en exile»).

Следующая пословица «**Il n'y a pas de fumée sans feu**» – «**Нет дыма без огня**» – это предостережение о том, что без причины ничего не бывает. Чаще всего она произносится тогда, когда верят, что в распространившихся слухах есть доля правды, например:

Avec tout ce qu'on en dit! Madame Delavignette, l'épicière prétendait que c'était des menteries: il n'y a pas de fumée sans feu (L. Aragon, «Servitude et grandeur des Français»).

Исследование позволило выделить группу пословиц, содержащих **совет, наставление, назидание**. Речевая интенция совета делает отношения партнеров более расположенными друг к другу, поскольку адресату направляется информация, целью которой является корректировка действий адресата в его же пользу. Примером может служить пословица «**Aide-toi, le ciel t'aidera**» – «**На Бога надейся, а сам не плошай**». Это наставление на то, что надо рассчитывать только на свои силы при выполнении какого-то ответственного поручения или в принятии решения, например:

– *Aide-toi, le ciel t'aidera. Prie de tout ton cœur, mon enfant, mais n'oublie jamais qu'il faut subordonner tout de même tes prières, tu entends? – au traitement d'hygiène que je vais te donner* (R. Martin du Gard, «Jean Barois»).

В пословице «**Il ne faut pas mélanger les torchons et les serviettes**» – «**Не надо все валить в одну кучу, не нужно смешивать разные вещи; не надо смешивать божий дар с яичницей**» имеется в виду то, что говорящий в своих рассуждениях соединяет главное, важное с чем-то незначительным, неважным:

Mon père regarda mon oncle droit dans les yeux et lui dit avec fermeté: – Ne mélangeons pas les torchons avec les serviettes, s'il te plaît. Il y a le clergé ... et il y a la religion! (J. L'Hôte, «Confessions d'un enfant de chœur»).

Часто пословицы употребляются в общении в качества совета проявить осторожность перед тем, как сделать, или решить что-то ответственное, серьезное, например, «**Le trop de précautions ne nuit jamais**» – «**Излишняя предосторожность не повредит**»:

– *Tu ne connais pas encore Paris, mon camarade, et crois-moi, le trop de précautions ne nuit jamais. On en est quitte pour ôter sa cotte de mailles quand elle devient gênante* (P. Mérimée, «Chronique du règne de Charles IX»).

Пословицы, относящиеся к группе **побуждение** на энергичное, решительное действие, например, «**Prendre le taureau par les cornes**» – «**Взять быка за рога**»:

En général, ce sont les courtiers qui colportent les faux. – Alors je fais une proposition, dit Brice. Il faut prendre le taureau par les cornes. Faisons une liste de courtiers sûrs: nous les connaissons tous. Toute toile qui viendra des brebis galeuses sera soumise à une double ou triple expertise (H. Parmelin, «Le Diplodocus»).

Интерес для исследования представляет группа пословиц, содержащих упрек, критику, обличение. Упреком адресант, как правило, выражает отрицательную оценку поведения адресата. Поводом для упрека может послужить поступок, нарушение правил взаимодействия в кругу людей, нарушение заведенного порядка, например, пословица «*Dis-moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es*» – «*Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты*» означает, что человек выбирает себе друзей так, чтобы ему было легко и интересно общаться с ними, следовательно, друзья имеют некое духовное родство, их внутренний мир похож. Данная пословица говорит о том, что достаточно узнать человека, чтобы иметь представление о его друзьях, например:

– *L'ancien proverbe qui dit: «Dis-moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es», est très juste et mérite d'être médité et bien compris (Stendhal, «Lettres intimes»)*.

Следующая пословица «*Être amoureux de cent mille vierges*» – «*Бегать за каждой юбкой*» адресуется мужчинам, которых называют «бабник», «женолюб», «ходок».

– *Ce sera un autre gaillard que son père. Elle entendait par là que ... je serais amoureux de cent mille vierges (A. France, «Le Livre de mon ami»)*.

Исследование позволило выделить пословицы, выражающие призыв к равноценному воздействию за нанесенный ущерб, несущий негативный оттенок, связанный с мезьтью, борьбой, дракой, выяснением отношений и т.п., например: «*Œil pour œil, dent pour dent*» – «*Око за око, зуб за зуб*»:

– *J'espère que tu vas employer les grands moyens? – Qu'appelles-tu les grands moyens? – Se défendre de la même façon. Œil pour œil, dent pour dent, comme on dit (A. et S. Golon, «Angélique et le Roi»)*.

Таким образом, исследование позволило выделить французские пословицы, отобранные из произведений писателей, в группы для выражения следующих интенций: *утешение*, призванное сгладить разочарование, неудачи; *предупреждения (предостережения)*, имеющего своей целью предостеречь от неприятностей; *совет, (наставление, назидание)*, способствующий корректировки действий адресата в его же пользу; *побуждение*, призывающее действовать более решительно в определенных ситуациях; *упрек (критика, обличение)*, выражающий отрицательную оценку поступку или поведению адресата, *призыв* к воздействию, связанный с мезьтью, борьбой. Французские пословицы, как ФЕ, являются речевым актом говорящего, производящим эффект воздействия на читателя.

Литература

1. Абакумова О.Б. Семантика и прагматика пословиц и поговорок в дискурсе / О.Б. Абакумова // Филология. – ОГУ, Орел, 2010. – С. 105-107.
2. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 140-161.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
4. Караджев Б.И. Коммуникативно-прагматический потенциал русских пословиц : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – М., 2009. – 24 с.

5. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М., 1998. – 260 с.
6. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов, унта. 1996. – 240 с.
7. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1969. – 231 с.
8. Norrick N.R. Proverbial Perlocutions. Ho to do things with proverbs // Wise Words. Essays on the proverb / ed. By W.Mieder. – N.Y. 1994. – P. 211-252

Сурова В.А.,
Андросова С.А., к.ф.н.,
Синельников Ю.Г., к.ф.н., доц.
НИУ «БелГУ», Россия

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАНЦУЗСКИХ МЕЛИОРАТИВНЫХ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена исследованию французских компаративных фразеологизмов, передающих положительную характеристику внешности человека. Представлен анализ внутренней формы фразеологизмов рассматриваемого типа с целью определения их национальной специфики. Выявляется наиболее частотная структурная модель большинства фразеологизмов рассматриваемой тематической группы. Особое внимание уделяется анализу фразеолекс, играющих роль внутреннего интенсификатора опорного компонента, а также анализу символических образных основ в представленных фразеологизмах.

Ключевые слова: компаративный фразеологизм, характеристика человека, внешность, французский язык, красота, символ.

Surova V.A., Androsova S.A., Sinelnikov Yu.G.
Belgorod National Research University, Russia

NATIONAL SPECIFICITY OF FRENCH POSITIVE COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS USED FOR CHARACTERISTICS OF PERSON'S APPEARANCE

The article is devoted to the study of French comparative phraseological units which transfer positive characteristics of person's appearance. The analysis of the inner form of the phraseological units under study is given to determine their national peculiarities. The most frequent structural model of the majority of the phraseological units of the thematic group under consideration is revealed. Special attention is paid to the analysis of the components playing the role of the internal intensifiers of the head element and to the analysis of the symbolic image-bearing bases in the presented phraseological units.

Key words: comparative phraseological unit, person's characteristic, appearance, French language, beauty, symbol.

Фразеология, особый раздел науки о языке, наиболее ярко отражающий мировоззрение, быт, нравы, поведение людей, представляет собой важнейший уровень языковой системы, в котором из поколения в поколение передаётся

специфика этнокультурных норм. Фразеологизмы относятся к языковым средствам, заключающим в себе логическое отражение мира в сознании людей.

Во французской фразеологии особо выделяются компаративные фразеологические единицы. Они составляют большую часть фразеологического фонда современного французского языка и относятся к одним из наиболее употребительных устойчивых словосочетаний в разговорной речи.

Анализу компаративных фразеологических единиц на материале различных языков посвящены работы таких исследователей, как Е.Ю. Волкова, Л.Г. Гаджиева, В.М. Касьянова, Н.В. Куликова, В.В. Панин, Е.Ю. Попова, А.Н. Шадрин, Т.В. Шмелёва и др.

Во французском языке под компаративными фразеологическими единицами понимают устойчивые сравнительные обороты, возникшие на образной основе, члены которых соединены между собой союзом «comme» [4: 113]. Основной чертой компаративных фразеологизмов французского языка является их антропоцентричность, так как в большинстве своём они являются характерологическими, то есть служат для передачи характеристики человека.

Материалом для исследования послужили 396 французских характерологических фразеологизмов компаративного типа, отобранных методом сплошной выборки из словаря «Новый большой французско-русский фразеологический словарь» (под редакцией В. Г. Гака) [3].

Исследование показало, что большое количество компаративных фразеологизмов французского языка служит для передачи характеристики внешности человека.

Оценку внешнего вида человека относят к оценкам «первовидения», которые являются наиболее значимыми в процессе установления контактов между людьми, так как сознательно или подсознательно человек определяет ценность другого человека по его внешнему виду [2: 27]. По мнению М.Б. Саниной, внешний облик человека следует определять как сложное концептуальное представление, формирующееся с помощью внешне проявляющихся и зрительно воспринимаемых физических, психоэмоциональных и интеллектуальных признаков [6: 178]. Внешний облик человека является предметом эстетической оценки, и его характеристика осуществляется чаще всего с позиции «красивый – некрасивый» [2: 27].

Лексемы, объединённые общим семантическим признаком «красивый», отличаются друг от друга сочетаемостью, степенью интенсивности положительной оценки, эмоциональной окраской. Такие единицы имеют общую сему «нравящийся, приятный на вид» [5: 127].

С древних времён понятие красоты являлось одним из важнейших в философии восприятия мира и продолжает оставаться объективным явлением, связанным с совершенством. Красота – это что-то впечатляющее, великолепное, что доставляет эстетическое и нравственное удовольствие, то, что заслуживает восхищения.

Концепт «Красота» относится к числу важнейших ценностных ориентиров любого народа, оказывает влияние на человеческое поведение, определяет роль и отношение человека к окружающему его миру и другим

людям [5: 126]. Данный концепт в той или иной форме свойственен всем культурам, но в каждой лингвокультуре он выражается по-разному, так как у каждого народа свои представления о красоте.

Анализ внутренней формы французских мелиоративных компаративных фразеологизмов, характеризующих внешний облик человека, позволил выявить национальную специфику французов в отношении восприятия и передачи характеристики человека, обладающего красивой, привлекательной внешностью.

Большинство мелиоративных фразеологизмов рассматриваемой тематической группы построены по модели: 'beau' или 'joli' ('красивый') + компаративная фразеолекса. У таких фразеологических единиц компаративная фразеолекса выполняет лишь роль внутреннего интенсификатора опорного компонента [1: 41]. Фразеологизмы именно этого типа и будут проанализированы в настоящей статье.

Для французской фразеологии характерно обожествление красивого человека. При передаче характеристики внешнего вида красивого человека сравнивают с ангелом 'ange' и богом 'dieu': «beau comme un dieu» (букв. «красив как бог») – «божественно красивый»; «beau comme l'ange» (букв. красивый как ангел) – «очень красивый». Восхищаясь красотой ребёнка, обычно используют фразеологизм, в котором компаративная фразеолекса также представлена библеизмом: «beau comme Jésus» (букв. «красивый как Иисус») – «прехорошенький (о ребёнке)».

«Une fille de Paris, belle comme les anges, avait été chargée par la police de se faire aimer du marquis de Montauran» [7: 222]. – «Молоденькой парижанке, прекрасной как ангел небесный, было поручено полицией влюбить в себя маркиза де Монтوران».

Внешне красивого мужчину французы сравнивают с финикийским богом, который, согласно мифу, после мучительной смерти воскрес и вознёсся на небо (один из дохристианских образов Христа): «beau comme Adonis» (букв. «красивый как Адонис») – «невероятно красивый (о мужчине)». Адониса представляли в виде прекрасного юноши, возлюбленного богини любви.

Проведённое исследование позволило выявить, что во французском языковом сознании символом неземной красоты выступает 'небесное светило' 'astre': «beau comme un astre» (букв. «прекрасный как небесное светило») – «невероятно красивый». Известно, что к небесным светилам относят Солнце и другие звёзды, Луну, планеты, их спутники, а также астероиды, кометы и другие тела. Французы сравнивают красивого человека и с восходом солнца: «beau comme un lever du soleil» (букв. «красивый как восход солнца») – «необыкновенно красивый».

Символом как внешней, так и внутренней красоты является 'сердце' 'cœur'. Под фразеолексой 'сердце' понимается не только центральный орган кровеносной системы человека, но и его внутреннее «я», его душа. «joli comme un cœur» (букв. «красивый как сердце») – «наикрасивейший».

«Quand il parut, habillé de neuf des pieds à la tête par le tailleur de son père, elle poussa un cri de surprise joyeuse: il était joli comme un cœur» [8: 87]. –

«Когда он появился, одетый с головы до ног во всё новое портным своего отца, она вскрикнула от радостного изумления: он был очень хорош собой».

Высшую степень красоты передают фразеологизмы, у которых компаративная фразеолекса представлена местоимением 'tout' 'всё': «beau comme tout» (букв. «красивый как всё») – «редкой красоты»; «joli comme tout» (букв. «красивый как всё») – «невероятно красивый».

Анализ мелиоративных компаративных фразеологизмов французского языка, направленных на передачу характеристики внешности человека, показал, что такие фразеологические единицы чаще всего построены на сравнении красивого человека с божествами, мифологическими персонажами, небесными светилами, сердцем. Фразеологизмы, имеющие в качестве компаративной фразеолексы местоимение 'tout', передают наибольшую степень интенсивности значения. Контекстуальный анализ использования исследуемых в работе фразеологических единиц позволил сделать вывод о том, что подавляющее большинство мелиоративных компаративных фразеологических единиц французского языка используется для передачи характеристики женщин, что вполне объяснимо тем фактом, что внешность имеет превалирующее значение именно для лиц женского пола.

Литература

1. Андросова С.А., Синельников Ю.Г. Интенсификаторы в структуре характерологических арготических фразеологизмов французского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 39-42.
2. Андросова С.А., Синельников Ю.Г. Структура лингвистической категории «характеристика человека» // Вестник Воронежского государственного университета, серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. №1. С.27-32.
3. Гак В. Г., Мурадова Л. А. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М, 2006. 1624 с.
4. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. М., 1987. 281 с.
5. Окунева И.О. Концепт «Красота» в русском и английском языках с точки зрения рецептивной и продуктивной деятельности // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9). Ч. 2. С. 126-133.
6. Санина М.Б. К вопросу об исследовании концепта «Внешность» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (3). Ч. 1. С. 177-179.
7. De Balzac H. La vieille fille. Éditions Rencontre, 1968. 276 p.
8. Zola E. La Curée. In Libro Veritas, 2005. 275 p.

Тамразова И.Г.

к.ф.н., доц., Московский государственный машиностроительный университет,
Россия

ЯДЕРНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ДЕЛОКУТИВОВ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье говорится о том, что кроме аналитической формы делокутивного акта «сказать (говорить/повторять и т.д.) X», словообразовательная модель делокутивов в русском языке складывается из двух синтетических форм: X - ать (ся) и X - к-ать. Во французском языке представлены три словообразовательные формы делокутивов: синтетическая общеглагольная — X-er и две аналитические — dire X и faire X.

Ключевые слова: делокутивный акт, словообразование, глагольные междометия, мультипликативы.

Tamrazova I.G.

Moscow State University of Mechanical Engineering, Russia

NUCLEAR DERIVATIONAL MODEL OF DELOCUTIVES IN FRENCH AND RUSSIAN

The article says that in addition to analytical forms delocutive act "to say (to tell/repeat, etc.) X" derivational model of delocutives in the Russian language consists of two synthetic forms: X – at' (sja) and X - k-at'. In the French language presents three derivational forms of delocutive: synthetic of verb — X-er and two analytical — dire X and faire X.

Key words: delocutive act, word formation, verbal interjections, multiplicative

В русском языке основными регулярными моделями делокутивного словообразования являются две синтетические модели X - ать (ся) и X - к-ать:

1) чертых-ать-ся, извин-ять-ся, бож-ить-ся, матер-ить-ся (= говорить «черт!», «извините!», «ей богу!», «мать!») и т.д. и

2) бе-к-ать, ме-к-ать, да-к-ать, а-к-ать, вя-к-ать, мам-к-ать, «за-мерси-к-ать» (А.П. Чехов) и т.д.

Вторая словообразовательная модель более свойственна разговорной речи, приближающейся к просторечию, и объединяет глаголы речи (делокутивы) и ономатопеические дескриптивы: «X - к - ать», где X, как и во французской модели «X- er», представляет определенное речение, речевой акт: «Мама!» — «мамкать»; «Мерси!» — «мерсикать» (А.П.Чехов); а также «дакать», «некать», «нукать» — ср.: «бекать», «мекать», и т.д. В модели используется соединительный словообразовательный элемент -к-, который рассматривается как интерфикс [1, 90].

Продуктивность данной словообразовательной модели «X - к - ать» (ср. «дескать») объясняется, на наш взгляд, агглютинативной природой явления интерфиксации. Так, например Н.Б. Мечковская отмечает как один из факторов легкости и универсальности эсперанто агглютинативно-аналитическую грамматику: «Большую часть лексики эсперанто составляют слова с корнями классических языков европейской культуры, (латынь и греческий);

используются также славянские и германские, а в последнее время и неиндоевропейские элементы» [2, 212-213].

Как указывает Е.А. Земская, интерфиксы столь распространены в составе современного русского производного слова, т.к. увеличивается структурное разнообразие производящих основ. В словообразовательную систему русского языка в качестве производящих широко вовлекаются основы сложносокращенных слов, аббревиатуры, заимствования разнообразного строения, многочисленные сложные наименования, в том числе и речения. Непременное условие их вхождения в состав производного слова — сохранение внешней формы производного слова неизменной, для чего широко используются интерфиксы. Интерфикс, соединяя простой суффикс и основу, формирует словообразовательную модель, в которую производящее слово включается *целиком, без изменения своего звукового состава* [1, 36]. Такая модель идеально воплощает механизм делокутивной деривации.

С точки зрения словообразовательной семантики ядерные делокутивные глаголы относятся к мультипликативам — многоактным предикатам типа *булькать, мяукать, мамкать, дакать, якать* и т. п., которые обозначают процессы из неопределенного множества однородных актов, повторяющихся с относительно высокой периодичностью. При этом одновременно воспринимается как единство всей серии, так и ее подразделимость на более или менее идентичные отдельные компоненты (ср. говорить / сказать). Иначе говоря, мультипликативы обозначают действия, которые «состоят в серии идентичных актов» или, в другой формулировке, «складываются из неопределенного множества однородных актов, связанных друг с другом как звенья одной цепи» [3, 143].

С мультипликативами обычно (хотя и далеко не всегда) соотнесены средства выражения отдельных актов мультипликативной серии — семельфактивы. В русском языке они характеризуются равной мерой морфологической сложности: место суффикса, выделяемого в мультипликативе (чаще всего это фактически асемантический суффикс -а-), в семельфактивном (одноактном) глаголе занимает суффикс -ну- ср.: *булькать — булькнуть, махать — махнуть, акать — акнуть, охать — охнуть* и т. п. Тем не менее, в соответствии с общепринятой точкой зрения, производными в подобных парах считаются именно семельфактивы, из чего делается вывод, что «с точки зрения славянской наивной картины мира не цепь собирается из (исходных) звеньев, а, напротив, звено извлекается из (исходной) цепи путем ее "редукции"». В связи с этим нужно заметить, что в славянских языках широко употребляются и производные мультипликативы, в частности, глаголы типа *покрикивать*. С другой стороны, как отмечает Ю.П. Князев, в английском языке наряду с глаголами типа *to kick* 'толкнуть, толкать', совмещающими мультипликативное значение с семельфактивным, сформировались особые конструкции типа *to give a kick*, специализированные на выражении семельфактивного значения. Аналогичная аналитическая модель свойственна и французскому делокутивному словообразованию: *faire/dire oui*.

Наконец, если принять во внимание механизм делокутивной деривации, лежащий в основе образования так называемых «глагольных междометий» типа

бульк, то окажется, что во многих случаях в русском языке мультипликативы и соотносительные с ними семельфактивы включены в триады типа *бульк* — *булькать* — *булькнуть*, *чмок* — *чмокать* — *чмокнуть*, *ой* — *ойкать* — *ойкнуть*, «мам» — *мамкать* — *мамкнуть*, в которых морфологически исходным является междометный (ономатопеический) семельфактив.

Как указывает С. В. Воронин, мультипликативы и соотносительные с ними семельфактивы составляют значительную часть обширных списков звукоподражательных слов различных языков, список которых он приводит в своей работе [4, 44-68]. Эту закономерность В. С. Храковский формулирует следующим образом: «одна из универсальных особенностей лексических мультипликативов (и семельфактивов) заключается в том, что это, как уже было замечено, слова преимущественно, если не исключительно, звукоизобразительные в своей основе» [5, 26].

Кроме того, звучание очень часто (а с точки зрения физики — всегда) является побочным результатом колебательного движения некоторого физического объекта: *шаркать*, *хлопать*, *чмокать*, *щелкать*, *пыхтеть*, *бренчать*, *стучать*, *звенеть*, *скрипеть*, *топать*, *трещать*.

То же относится и к русским «глагольным междометиям»: бам, бах, бац, бом, бряк, бултых, бульк, бум, бух, вжик, динь, стук, топ, трах, тук, тюк, хлоп, хлюп, хрусть, хрясть, чик, чирк, чмок, шарк, шлеп, шмяк, шорк, шорх, щелк.

Однако, если в делокутивах типа «дакать», «мамкать» и «якать» явным образом «прочитывается» прецедентная локуция, то в мультипликативах «бряцать» и «булькать» отражается лишь мультипликативность производства звука. Это происходит благодаря дифференциации прежде всего субъекта действия. *Субъект делокутивных мультипликативов*, в отличие от остальных мультипликативов/семельфактивов, — это всегда «произносящий субъект», *локутивный субъект*. Однако и этого еще не достаточно. Если основанием для разграничения делокутивов и мультипликативов принимаются таксономические свойства их субъекта, определяемые характером типичной ситуации, с которой соотносится глагол, то по этому признаку можно различать следующие три группы мультипликативов: а) мультипликативы с неодушевленным субъектом: *громыхать*, *моросить*, *звякать*, *капать*, *мерцать*, *тикать*, *булькать*, *журчать*, *шелестеть*, *шуршать*; б) мультипликативы с субъектом-животным, обозначающие движения или звуки, характерные для отдельных их представителей: *лягать*, *скакать*, *клевать*, *мяукать*, *крякать*, *чирикать*, *квакать*, *каркать*, *цокать*, *блеять*, *куковать*, *жужжать*, *ворковать*, *щебетать*, *хрюкать*, *рычать*, *лаять*, *стрекотать*; в) мультипликативы с субъектом-лицом, обозначающие произвольные действия (обычно сопровождающиеся звуком) или искаженную неразборчивую речь: *икать*, *сонеть*, *стонать*, *кашлять*, *храпеть*, *чихать*, *плакать*, *зевать*, *бормотать*, *визжать*, *бурчать*, *мямить*, *хрипеть*, *лепетать* [6, 219] и, наконец, делокутивы, обозначающие произвольное речевое действие, знаковое действие. Это порождает выделение следующего дифференциального признака делокутивов: делокутивы есть цитация произвольного, осознанного произнесения звука как определенной локутивной формы («формулы» в

терминах Ж.К. Анскомбра), т.е. в конечном итоге *речевого воспроизведения* готовой (конвенциализированной) формы — языкового знака.

Во французском языке для образования делокутивов, наряду с синтетической регулярной глагольной моделью X-er:

1) re-mercî-er, (s')excus-er, hu-er (от «Hou!») - [7, 101]

существуют две равноправные аналитические:

2) dire X: dire adieu (= прощаться - досл. «говорить 'к богу'»), dire merde (пожелать удачи / «ни пуха, ни пера» - досл. «говорить 'дерьмо'») и

3) faire X: faire fi (= осудить досл. «сделать 'фи'»), faire ouf (= вздохнуть с облегчением - досл. «сделать 'уф'»), faire oui (de tête) (=кивнуть - досл. «сделать 'да'» головой).

С точки зрения словообразовательной семантики оппозиция мультипликатив/семильфактив во французском языке отсутствует, уступая место контекстуально-временным формам, проявляющим множественность / однократность действия, которые в свою очередь коррелируют с дескриптивностью / перформативностью употребления: Il ne remercie jamais (=Он никогда не благодарит) — On ne dit plus bonjour? (= А здороваться не надо?) vs Je vous remercie de votre courage (= Благодарю за смелость!) — Je vous salue, Marie! (= Приветствую Тебя, Мария!) — Je vous dis merde! (= Ни пуха, ни пера!) и т.д.

Глагол *faire*, обладает широкой семантикой, благодаря которой, стремится к десемантизации и превращению в «морфему», служащую для образования любого делокутива и перевода русских мультипликативов / семильфактивов: *буль-к-ать (-нуть)* — *faire glouglou*; *чирик-ать (нуть)* — *faire un répiement*; *ой-к-ать (-нуть)* — *faire ouille*; *мам-к-ать (нуть)* — *faire Maman*:

(1) «Je m'suis fait tout p'tit devant un' poupée

Qui fait Maman quand on la touche».

Многие русские делокутивы имеют отрицательную коннотацию, которая часто, как это видно в примере (1), теряется во французских коррелятах.

Литература

1. Земская, Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь [Текст] / Е.А. Земская – М.: Языки славянской культуры, 2004.- 688с.

2. Мечковская, Н.Б. Метаязыковые глаголы в исторической перспективе: образы речи в наивной картине языка [Текст] / Н.Б. Мечковская // Язык о языке. – М.: Языки русской культуры, 2000.- С.364-380.

3. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии [Текст] /А. В.Бондарко - Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1983.-208 с.

4. Воронин, С.В. Основы фоносемантики [Текст] / С. В. Воронин - Л.: Изд-во ЛГУ , 1982. - 244 с.

5. Храковский, В.С. Типология итеративных конструкций. [Текст] / В.С. Храковский (отв. ред.). - Л.: Наука: Ленингр. отд-ние , 1989. - 310с.

6. Князев, Ю.П. Мультипликативные предикаты: значение и форма [Текст] / Ю.П. Князев // Типологические обособления в грамматике: К 70-летию проф. В.С. Храковского.-М.: Знак, 2004.- С.216-223.

7. Larcher, P. Vous avez dit "délocutif"?// Langages, N 80, 1985.- P. 99-124.

Таранова Е.Н., к.ф.н.,
Бубырева Ж.А., к.ф.н.,
Таранов А.О., магистр
НИУ «БелГУ», Россия

АНТОНИМЫ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье рассматриваются антонимические отношения в терминологии на примере терминов ландшафтоведения. В терминологии антонимия стала средством выражения явлений науки и техники, противоположных в концептуальном содержании. Антонимия терминов не только не затрудняет обмен информацией, а наоборот поддерживает системность терминологии, помогает в свою очередь термину выполнять его коммуникативную функцию.

Ключевые слова: термин, терминология, антонимы в терминологии, антонимические отношения, синонимы, противоположные значения.

Taranova E.N., Bubyreva Zh.A., Taranov A.O.
Belgorod National Research University, Russia

ANTONYMS IN PROFESSIONAL TERMINOLOGY

This paper deals with the antonymous relationship in terminology of landscape study. In terminology antonyms have become the medium of scientific and technical facts, which are opposite in conceptual meanings. Antonyms don't only make it difficult to exchange of information, they also support complexity of terminology, help terms to perform their communicative function.

Key words: term, terminology, antonyms in terminology, antonymous relationship, synonyms, opposite meanings.

Явление антонимии достаточно часто представляет собой предмет пристального внимания лингвистов. Научные исследования в области терминологии свидетельствуют, что терминологическая антонимия достаточно распространена в терминологической лексике. Как признают некоторые лингвисты, «лексике языка науки антонимия свойственна не менее, а скорее более чем общелитературной» [2: 79].

В отличие от синонимов антонимы не образуют рядов (синонимические ряды), а находятся в отношении гипо-гиперонимии. Возникающие в научной терминологии понятия часто имеют свою антонимичную пару. И это вполне очевидно, так как большинство явлений характеризуются своей противоположностью, а большинство процессов имеют свои обратные процессы. Антонимы в языке специалиста любой отрасли знания не только выявляют противоположный смысл в содержании, но и играют значительную роль в структурировании понятий. Антонимия в терминологии является регулярным и необходимым средством, с ее помощью выражается противоположность в содержании терминов.

По мнению Т.М. Николаевой, антонимия терминологических единиц явление более устойчивое, нежели синонимия и полисемия [4: 467]. Лингвист

Н.З. Котелова считает, что антонимов-терминов не меньше, чем антонимов-нетерминов [3: 124].

При систематизации собранного фактического материала в исследуемой нами отрасли знания, ландшафтоведения, мы пришли к заключению, что содержательная сторона терминов данной научной области имеет те же универсальные свойства, что и слова общелитературного языка.

Как известно, термин представляет собой знак, с присущей ему формой и содержанием. Что же касается формы, то по форме большинство терминов не отличаются от общелитературной лексики, а основное различие термина и общелитературной лексики заключается в содержательном плане. Так, лексика общелитературного языка соотносится с общеизвестным объектом, а термин с объектом конкретной области специального знания.

Еще одно свойство, которое необходимо отметить в отношении термина – это системность. Системность характерна для терминов в большей степени, чем для общелитературной лексики. В терминологии слова группируются не в произвольном порядке, а в соответствии с систематикой конкретной научной области.

Термины, связанные антонимическими отношениями обозначают полярные элементы терминологического поля и имеют одинаковые родовые соответствия. Так для терминов рус. *зональный ландшафт* и *азональный ландшафт*, находящихся в антонимических отношениях, родовым термином является *ландшафт*.

Для терминологических антонимов характерны как оппозиции, максимально приближенные к языковым, например, рус. *низкогорные ландшафты* - *высокогорные ландшафты*, так и характерные только для терминологии, например рус. *нижняя граница фации* - *верхняя граница фации*, *доминирующие урочища* - *подчиненные урочища*, *малодинамичные ландшафты* - *полидинамичные ландшафты*; нем. *landschaftliche Vertikalstruktur* - *landschaftliche Horizontalstruktur*. В данном случае мы говорим не только об антонимах, но и о понятийных терминологических оппозициях.

Для выявления функционирующих в терминологии ландшафтоведения терминов-антонимов мы считаем целесообразным использовать классификацию Л.А. Новикова [5: 6]. Следуя предложенной ученым классификации, в терминосистеме ландшафтоведения в зависимости от выражаемого понятием типа противоположности нами были выявлены семантические классы антонимов:

1) антонимы, выражающие качественную противоположность: рус. *простые урочища* - *сложные урочища*, *природные компоненты ландшафта* - *антропогенные компоненты ландшафта*, *моносистемная модель ландшафта* - *полисистемная модель ландшафта*, *гумидный ландшафт* - *аридный ландшафт*.

Рассмотрим некоторые указанные нами в качестве примеров термины. Термин «гумидный» происходит лат. *humidus* и означает «сухой», термин «аридный» также имеет латинское происхождение *aridus* и значит «влажный». Таким образом, очевидна качественная противоположность значений,

выражаемая антонимическими парами: *гумидный ландшафт - аридный ландшафт*.

Как демонстрируют отдельные примеры, добавление приставок, в том числе иноязычного происхождения к прилагательным, придает им противоположное значение - рус. *моносистемная модель ландшафта - полисистемная модель ландшафта*. Приставка «*mono-*» греч. означает (один, единственный)», а приставка «*poly-*» греч. (большое количество, множество).

2) антонимы, выражающие противоположную направленность действий, свойств, признаков, основанную на логически противоположных понятиях (векторная противоположность): рус. *внутриландшафтные взаимосвязи - межландшафтные взаимосвязи, вертикальная структура ландшафта - горизонтальная структура ландшафта*; нем. *die Landschaftszusammensetzung - die Landschaftszerschneidung, homogene Landschaften - heterogene Landschaften*.

Терминологические номинации *homogene Landschaften - heterogene Landschaften* включают в себя слова «гомогенный» и «гетерогенный» греческого происхождения. Так, *homogenes* – значит однородный, *heterogenes* - разнородный. С помощью терминологических номинаций *homogene Landschaften - heterogene Landschaften* противопоставляются ландшафты однородной и разнородной структуры.

Среди терминов-антонимов встречающихся в терминологии ландшафтоведения можно выделить следующие основания для противопоставления понятий:

1) по месту: рус. *зональные ландшафты - интразональные ландшафты*;

2) по количеству: рус. *одновозрастные ландшафты - разновозрастные ландшафты, мелкомасштабная ландшафтная карта - крупномасштабная ландшафтная карта*;

3) по положению в пространстве: рус. *бореальные ландшафты восточносибирского семейства - бореальные ландшафты западносибирского семейства*.

В терминологии ландшафтоведения, как и в любой другой терминологической системе, антонимия представляет собой явление понятийное, которое в свою очередь обусловлено необходимостью противопоставления различных денотатов, с целью их дальнейшей классификации.

Как показывают результаты исследования, в терминосистеме ландшафтоведения антонимические пары терминов образуются двумя способами:

1) лексическим путем: рус. *простые урочища - сложные урочища*; нем. *die Landschaftszusammensetzung - die Abgrenzung von Landschaftselementen, die Landschaftszerschneidung*;

2) словообразовательным путем: рус. *зональные ландшафты - интразональные ландшафты*; нем. *landschaftstypische endogene Formen der Oberflächengestalt - landschaftstypische exogene Formen der Oberflächengestalt, strukturarme Landschaften - strukturreiche Gebiete*.

Рассмотрим некоторые термины в немецком языке. Der Begriff «*homogene Agrar-Landschaften*» bezeichnet in der Regel Landschaften, die von landwirtschaftlichen Betrieben dominiert werden. Der Begriff „*heterogene Agrar-Landschaften*“ bezieht sich hingegen auf Agrar-Landschaften mit Agrarbetrieben, in denen und in deren Umkreis naturnahe und natürliche Lebensräume vorhanden sind [6].

Как показывают примеры, при образовании терминов словообразовательным путем возможно чередование префикса или его отсутствие. В данном случае префиксы выполняют роль определителя противоположности.

В русском языке обычно используются многословные терминологические номинация в виде сочетаний:

- 1) прилагательное с постпозитивным существительным ландшафт/ландшафты;
- 2) прилагательное + существительное + существительное в косвенном падеже;
- 3) прилагательное + прилагательное + существительное;
- 4) прилагательное + существительное + прилагательное + существительное в косвенном падеже;
- 5) существительное + прилагательное + существительное в косвенном падеже.

В немецком языке антонимические пары выражены сложными существительными, одним из компонентов которых представлен корневой морфемой *Landschaft*-. Однако терминологические словосочетания с различной структурой образования также широко встречаются среди терминов-антонимов:

- 1) прилагательное с постпозитивным существительным;
- 2) прилагательное + прилагательное + существительное;
- 3) существительное + существительное в косвенном падеже с предлогом с морфемой *Landschaft*-;
- 4) прилагательное + прилагательное + существительное + существительное в косвенном падеже с предлогом.

Таким образом, термины-антонимы в русском и немецком языках представлены разным структурным оформлением. Что касается способов образования антонимов, то они на наш взгляд в равной степени присутствуют в обоих анализируемых языках.

В заключении позволим себе обобщить вышеизложенное. При изучении вопроса, касающегося явления антонимии в специальной терминологии, мы, как и многие другие лингвисты пришли к заключению, что антонимия в терминологии не только неизбежное, а скорее необходимое явление. Поэтому вполне справедливо, что оно признается учеными как один из важных факторов упорядочения терминологической системы. В данном случае речь идет о классификации и систематизации понятий, что в свою очередь позволяет специалисту в любой области науки и техники выйти на уровень анализа сущности тех или иных понятий, явлений и процессов [1: 2].

Можно также с полной уверенностью констатировать, что антонимия в терминологии существенно не отличается от антонимии в общелитературном языке и доказательством этого является то, что термины-антонимы представляют собой лексические единицы с противоположным значением.

Литература

1. Горохова, Н.В. Антонимия в англоязычной терминологии нефтегазового дела [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/16.html>
2. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания [Текст] / В.П. Даниленко. - М.: Наука, 1977. - 246 с.
3. Котелова, Н. З. К вопросу о специфике термина [Текст] / Н.З. Котелова // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. - М.: Наука, 1970. - С. 122-126
4. Николаева, Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста [Текст] / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. Лингвистика текста. - С. 467-472.
5. Новиков, Л. А. Типология учебных словарей [Текст] / Л.А. Новикова // Учебные словари. Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы: доклады сов. делегации (Болгария. Варна). - М.: МГУ, 1973. – С. 3-34.
6. Greenpeace International [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.greenpeace.org/austria/Global/Austria/dokumente>.

Тимралиева Ю.Г.
к.ф.н., доц., СПбГЭУ, Россия

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ КАК СПОСОБ ОБОГАЩЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ В НЕМЕЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЭКСПРЕССИОНИЗМЕ

Статья посвящена немецкому экспрессионизму. На основе анализа лирики и малой прозы в статье рассматривается словосложение, ставшее в экспрессионизме одной из самых продуктивных словообразовательных моделей, проводится структурный и семантический анализ композит, анализируется их роль в формировании поэтического языка экспрессионизма.

Ключевые слова: экспрессионизм, словосложение, сращение, структурный анализ, окказионализм

Timralieva Yu.G.
Saint Petersburg State University of Economics

WORD COMPOSITION AS A METHOD OF ENRICHMENT OF THE POETIC VOCABULARY IN GERMAN LITERARY EXPRESSIONISM

The article is devoted to the German literary expressionism. The article discusses the word composition as one of the most productive derivational models of expressionism, reveals structural and semantic features of the composite words and analyzes their role in the creating of the poetic language of expressionism.

Key words: expressionism, word composition, fusion, structural analysis, occasionalism

Экспрессионизм – литературное течение начала XX века, существенно повлиявшее на становление последующих литературных школ и направлений, и сегодня характеризуется многими исследователями как один из самых интересных и радикальных языковых экспериментов в истории немецкой литературы. Главным достижением экспрессионизма становится изменение художественного сознания, попытка отображения действительности принципиально новыми методами, кардинальное обновление языка [1; 2]. Активный поиск новых форм затрагивает все уровни языковой структуры, обуславливая среди прочего невероятное обогащение поэтического словаря, появление в языке огромного количества авторских неологизмов. Многие из них возникают путем словосложения, ставшего в экспрессионизме одной из самых продуктивных словообразовательных моделей.

Обилие сложных слов создает «ритмическую и содержательную плотность» текста [5: 17], делает его более сложным, информативным, «интенсивным», особенно если речь идет о метафорических образованиях. Отсюда и любовь экспрессионизма, стремящегося к максимальной семантической насыщенности, к словосложению, позволяющему сделать каждое слово носителем целого ряда наслаивающихся друг на друга значений, вступающих друг с другом в сложные отношения:

Ihr Dünnelwichte, Dinge im Vernunftgewand,/ Es wickelt Euer Himmelswink euch an den Wicken./ Die Schlingen fallen ab: es nagt der Fragebrand.// Es schlagen Wagnisschlangen auf zu Weltgeschicken! (Däubler, „Der Baum“)

Согласно результатам структурного анализа чаще всего такие композиты разложимы на группу «существительное + aus/von + существительное» либо «существительное + существительное (Gen.)», с написанием как слитно, так и через дефис: *Menschenschwarm, Nebelmücken, Blutregen, Bleichblut, Lenzgespenst, Lichtmensch, Strophen-Hydra, Hollen-Kurve, Gold-Frass, Insel-Exil.*

Und es wird Trostnacht, Mutterstille, Kinderblume. (Otten, „Für Martinet“)

Ihr langer Schatten schwankt im Häusermeer/ Und löscht der Strassen Lichterreihen aus. (Heym, „Die Dämonen der Städte“)

В большинстве случаев речь идет о двусложных композитах, однако нередки и сочетания из трех и более корней: *Worte-Wolkenbrücken, Malaien-Lippen-Küsten, Eisenfeurgeldgott, Todesengel Flügel, Blutorkankrater, Blutregenmeer, Blütenfrühlingspracht, Glanznachtsage, Maschinengewehrschüsse.*

Verwandtes Blut aus Elternliebesnacht... (Wolfenstein, „Kameraden!“)

Der Eisenfeurgeldgott fuhr aus ihnen/ In euer Herz. (Otten, „Arbeiter!“)

Ein Quellenstrudelschwarm zum Himmel hetzet/ Bei Kellertunnelnot und Krach der Speicherböden... (Becher, „Berlin“)

По своей семантической природе эти словообразования различны, строятся как на прямых, так и на переносных значениях слов, так что их классификация по семантическому признаку крайне затруднительна. Однако если рассматривать отдельно корни, участвующие в образовании этих сложных слов, то наиболее часто они могут быть условно отнесены к одной из следующих лексико-семантических групп:

- обозначения людей (*Menschenschar, Menschenmeer, Menschenherde, Muttertränen, Vaterbrünste, Kinderblume, Mädchenduft, Kinderhaufen*)
- городская лексика (*Grossstadtstrassen, Zuchthauszelle, Kugellampen, Häuserfronten, Gaslaternen, Strassenbogenlampen, Flammengassen*);
- природная лексика (*Möwenschwerme, Ackerscholle, Wolkensturm, Luftdichte, Astermeer, Wassermasse, Nebelluft, Kirschenblüten, Dämmerfarben*);
- анатомическая лексика (*Lebermänner, Fettleibigkeit, Stirnzerfluss, Mutterblut, Gesichtshaut, Fleischermund, Dämonschulter, Kinderschädel*);
- временная лексика (*Traumstunde, Abendschein, Nachtstunde, Sommerflecken, Wintermorgen, Herbsttag, Dezembernacht, Morgenröte, Abendbett*);
- эмотивная лексика (*Trostnacht, Einsamkeitsstunde, Schmerzenzeit, Sehnsuchtseden, Heimwehwind, Wehgeheul, Notschrei, Glücksgesang*);
- компоненты *Todes-*, *Toten-*, *Sterbe-*, *Mord-* и прочие единицы лексико-семантического поля «смерть» (*Totenschiffe, Totenreich, Totenkammer, Todesauge, Todesregen, Sterbelied, Giftmord, Nekromanten-Spiel*).

Именно эта лексика образует ядро поэтического словаря экспрессионизма, отражая или поддерживая его ключевые темы и мотивы, работая на решение ключевых проблем, поднимаемых данным литературным течением [3].

Однако не только существительные выступают значимыми элементами экспрессионистской поэтики и участвуют в образовании сложных слов. Частотны также композиты, образованные путем слияния основ существительного и прилагательного:

Er ist ein Urwald, der sich flammennackt beseelt. (Däubler, „Der Baum“)

Dann blühten bronzedunkle, rosenzarte, gelbgetönte oder auch schneeige Mädchenleiber unter ihm, die sich liebten. (Döblin, „Mariä Empfängnis“)

Такие композиты, как правило, чрезвычайно экспрессивны, поскольку образуются на основе сравнения, путем сближения признака с определенным образом, и по сути являются краткими сравнениями:

Ein alter Schädel flattert aus der Gruft,/ mit einem feuerroten Haar beschwingt... (Heym, „Die Heimat der Toten“)

Die Weiber erscheinen mit mondbleichen Sichel,/ <...> Es helfen Matrosen mit mondweißen Fischen. (Däubler, „Überraschung“)

Некоторые из них, такие как *wassernass, eiskalt, turmhoch, himmellang, himmeloffen, mauerhart, steinhart, steinschwer, windwild, totenblass, mondbleich, sternklar, baumbraun, feuerrot, rosenrot, blutrot, taubengrau, mondweiß, schneeweiß, kalkweiß, korngelb, sonnengolden*, вполне традиционны:

O ihr sonnengoldenen Abende... (Ehrenstein, „Stimme über Barbaropa“)

Rosenrot und warm flutet das Blut... (Klemm, „Erfüllung“)

... er legte ihr die harte Hand auf den Mund in dem eislakten Wunsch, mit einem schlanken Messer ihre Lippen zu umschneiden... (Döblin, „Der Dritte“)

Другие, как, например, *grabesschwer, feuergross, rutenhart, pfeilerhart, spiegelblank, knospenrot, schmarotzerrot, altersgrau, pfeffergrau, sekundenweiß, maskenheiß, jungfrauweiß, malaiengelb, psalmengrün, schneeballblütengross, machtheiter, Verbrecher-hell*, неожиданны и могут расцениваться как авторские окказионализмы:

Mir herzu/ die Jugend wieder, die ich nie besaß,/ nur eines Vaters rutehartes Du. (Zech, „Aus den Fenstern eines Kesselhauses“)

... dein Name schwebt feuergrößer auf dem Himmel... (Rubiner, „Denke“)

Die Sterne, schneeballblütengross und schwer... (Benn, „Gesänge“)

В целом словосложения из корней существительного и прилагательного представлены в экспрессионизме довольно широко, одинаково часто появляясь как в лирических, так и в прозаических текстах:

Ein Königreich? Provinzen, korngelb aufgegangen?/<...> Gott gab euch Odem psalmengrüner Harfen. (Zech, „Die neue Bergpredigt“)

Die schnurrgraden Alleen herunter sausten die Wagen, die Automobile, sie lenkten in weitem Bogen vor das Portal der Rennbahn. Der Himmel war stahlblau... (Döblin, „Der Ritter Blaubart“)

Словосложения из двух прилагательных встречаются гораздо реже. Такие композиты образуют чаще всего прилагательные, обозначающие цвет, ставшие важнейшим элементом экспрессионистского мифотворчества [4: 164-165]:

Du staunst, denn ich beginne rostigbraun! (Däubler, „Die Buche“)

Häufig stolperte er, hüpfte unruhig, mit blaubleichen Lippen weiter.<...> Die Bäume standen tiefschwarz in der grauen Luft am Wege und überall herum. (Döblin, „Die Ermordung einer Butterblume“)

Однако среди подобных словосложений встречаются и сочетания, не связанные с цветом:

Nehmt euch in acht vor mir, heimtückisch-kalt! (Becher, „Der Wald“)

Kinder sind unsere Herzen,/ Die möchten ruhen müdesüß. (Lasker-Schüler, „Versöhnung“)

Du streichelst der Weidenkatzen tierisch-süßen Samt... (Werfel, „Das Mass der Dinge“)

Не менее часто, чем сложение основ существительного и прилагательного, в экспрессионизме происходит сложение основ существительного и причастия. И здесь, в отличие от первых, мы находим исключительно окказиональные авторские неологизмы: *nachtgefangen, baumgestreift, sturmüberflagt, nachentrissen, sommerentlaubt, mordgesegnet, todrasselnd, göttüberströmt, taufrierend, bluttränen, schwarzpressend, grünschillernd, herbsrverloren, mordvergiftet, leibverlötet* и многие другие.

Dein Willen will mich an mich binden,/ Gottüberströmt will ich den Ursprung finden/<...>Stern meiner Seelenheimat glanzumflossen! (Heynicke, „Lieder an Gott“)

Freiheit: allen Ehrgeiz weckende,/ kraftentzückende,/ krafterfüllende,/ sehnsuchtreckende... (Schickele, „Der rote Stier träumt“)

Dem Werk entritten, leibverlöteter Geist,/ Stallwachend beriechen Rossäpfel zur nächtlicher Stunde./<...> Was klirrt deine schicksalbehangene Schulter? (Ehrenstein, „Die Götter“)

Гораздо реже причастие соединяется с прилагательным:

Wie lange küsst dein Mund den meinen wohl/ Und Wang die Wange buntgeknüpfte Zeiten schon? (Lasker-Schüler, „Ein alter Tibetteppich“)

Анализ композит с позиций функциональности позволяет выделить две основные функции рассматриваемых единиц: уточняющая, основанная на прямых значениях слов и экспрессивная, основанная на переносных значениях слов. Если словосложения первой группы понятны и, как правило, общеупотребительны, то среди сложных слов второй группы находим большое количество ярких, неожиданных окказиональных новообразований:

Doch wenn mich die, die ich verließ, in Gräbern meint,/ und sich durch Witwennacht und Waisenfremdheit weint... (Zech, „An meinen Sohn“)

Artikeltanz zückt nett die Pendelbeinchen./ In Kicherrhythmen schaukelt ein Parkett. (Becher, „Die neue Syntax“)

Наконец, кроме случаев чистого словосложения в экспрессионизме часто наблюдаются случаи смешанного словосложения и сращения, представленные здесь в самых разнообразных вариациях:

Wir waren ein Indenhimmelschaun... (Werfel, „Gesang“)

In der Wind-ins-Gesicht-Gasse wohne ich... (Ehrenstein, „Der Wanderer“)

Oh! Und dann wieder dies Bei-sich-selbs-sein!/ Diese Stummheiten! Dies Getriebenwerden! (Benn, „D-Zug“)

Noch ein wenig blind und wie betäubt vom langen Eingeschlossensen...
(Stadler, „Abendschuss“)

Unsere Füße ruhen auf der Kostbarkeit,/ Maschentausendabertausendweit.
(Lasker-Schüler, „Ein alter Tiebetteppich“)

Und das Dunkelwerden des Himmels, das Zerreißen des Tempelvorhanges, das Heraufkommen der Toten aus den Gräbern, es war nichts gewesen als die armseligen Requisiten einer schlechten und sinnlosen Komödie. (Heym, „Der Dieb“)

Таким образом, словосложение становится значимым инструментом обогащения поэтического словаря экспрессионизма, выступает здесь в различных структурных и лексико-семантических вариациях и выполняет различные стилистические функции, содержательно насыщая поэтический текст, делая его более сложным и экспрессивным.

Литература

1. Павлова Н.С. Экспрессионизм// История немецкой литературы: в пяти томах. – М.: Наука, 1968. – Т.4 (1848-1918). – С. 536-564
2. Пестова Н.В. Немецкий литературный экспрессионизм: учебное пособие по зарубежной литературе: первая четверть XX века. – Екатеринбург: Уральский гос. педагогический университет, 2004. – 336 с.
3. Тимралиева Ю.Г. Художественные методы, мотивы и герои экспрессионистской лирики как отражение общественного кризиса начала XX века// Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. ст., вып.15. – СПб, 2013. С. 142-149
4. Тимралиева Ю.Г. Определение в поэтическом языке экспрессионизма// Вестник Тверского государственного университета: научный журнал. Серия: Филология. 2014, № 4. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2014. – С. 162-169
5. Grote Chr. Wortarten, Wortstellung und Satz im lyrischen Werk Geog Heyms: Dissertation. – München, 1962. – 361 S.

Толстолицкая Е.В., к.ф.н.,
Кузьмина О.В., к.ф.н., доц.,
Шерстюкова Е.В., к.ф.н., доц.
НИУ «БелГУ», Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОЖНЫХ СЛОВ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

В статье рассматривается функционирование сложных слов современной французской прессе, которые определяются как конкретные существительные с разнообразной семантикой. Они образуются путём простого присоединения второго компонента к первому, без уточнения их отношений, где существительное₂ теряет свою предметность, подвергаясь процессу адъективации. Если второе существительное в составе сложного слова приобретает значение признаковости, то наблюдаются семантические сдвиги. Данное явление обогащает язык современной французской прессы экспрессивными элементами, способствующими созданию образности, оригинальности, нестандартности, оказывая определенное воздействие на читателя.

Ключевые слова: французская пресса, газетный текст, сложное слово, семантика, адъективация, экспрессивность, образность, метафоризация.

Tolstolutskaia E.V., Kuzmina O.V., Sherstyukova E.V.
Belgorod National Research University, Russia

USE OF COMPOUND WORDS IN MODERN FRENCH PRINT MASS MEDIA TEXTS

The article deals with the functioning of compound words of modern French press which are defined as concrete nouns with various semantics. These words are formed by simple adding up the second component to the first one without specification of their relation, where the second noun loses its meaning of “thingness”, falling under adjectivization process. Should the second noun in a compound word acquire the meaning of “featuring”, semantic changes can be observed. This phenomenon enhances the language of modern French press by adding expressional features which contribute to creation of figurativeness, originality and novelty producing extra impact on the reader.

Key words: French press, newspaper text, compound word, semantics, adjectivization, expressivity, figurativeness, metaphorization.

Употребление в текстах французских печатных СМИ сложных слов является весьма распространённым явлением. Такие словосочетания образуются путём простого присоединения второго компонента к первому, без уточнения их отношений, где N₂ теряет свою предметность, подвергается процессу адъективации. Такими словами являются конкретные существительные с разнообразной семантикой. Чаще всего они обозначают животных: «*vache*» «*корова*», «*chien*» «*собака*», «*mule*» «*осел*», «*dinde*» «*индюк*», растения: «*poix*» «*орех*», «*chou*» «*капустка*», «*poire*» «*груша*», «*prune*» «*слива*», части тела: «*piéd*» «*нога*», «*crâne*» «*чепен*», людей и их профессии: «*femme*» «*женщина*», «*enfant*» «*ребенок*», «*artiste*» «*художник*», «*pilote*» «*пилот*», «*journaliste*» «*журналист*»:

«*Sophie Gourion, journaliste Web, a enquêté...*» (*Marie Claire (MC)*, № 711, 2011, p. 38). – «Софи Гурьон, журналист в сети интернет, провела опрос...».

В ходе анализа фактического материала в составе конструкций «N₁+N₂» были обнаружены редкие для них абстрактные существительные: «*amour*» «любовь», «*nature*» «природа», «*mode*» «мода», «*culture*» «культура», «*esprit*» «ум, рассудок; дух»: «*Une pause culture après leur victoire face à Luxembourg ...*» (*Paris Match (P.M.)*, № 3228, 2011, p. 43). – «*Культурная пауза после победы над Люксембургом...*»; «*... L'avenir de l'esprit jazz ne se passera pas d'elle*» (*P.M.*, № 3228, 2011, p. 34). – «*... Будущее джазового духа не обойдется без неё.*».

В процессе исследования французской письменной прессы были зарегистрированы случаи употребления в составе сложных слов таких, например, слов-онимов, как «*Prix Nobel*» «Нобелевская премия», «*James Bond girl*» «девушка Джеймса Бонда» и топонимов «*déco Brooklyn*» «декорирование под Бруклин» и т.д.: «*Barack Obama lui a demandé de jouer à Oslo lors de la remise de son prix Nobel ...*» (*P.M.*, № 3228, 2011, p. 43). – «*Барак Обама попросил её сыграть во время вручения ему Нобелевской премии...*»; «*Avant d'être élue nouvelle James Bond girl, Olga régna sur les podiums, les pubs et les pages mode...*» (*M.C.*, № 675б 2008, p. 78). – «*До того как её выбрали новой девушкой Джеймса Бонда, Ольга царила на подиумах, в рекламе и на страницах модных изданий.*».

«*Déco Brooklyn, capital de la Chine ... Brooklyn est une mine pour les déco-addicts!* (*Elle*, novembre 2010, № 3385, p. 162). – «*Декорирование под Бруклин столицы Китая... Бруклин – это неисчерпаемый источник для декоративных привычек.*» В этом примере малоформатного текста, помимо сложносокращённого топонима «*déco Brooklyn*», отмечен случай употребления сложного слова «*déco-addicts*» с усечением обоих компонентов: «*déco* < *décoration*» «декорирование», «*addicts* < *addictions*» «привычки, склонности».

В процессе приобретения вторым существительным в составе сложного слова признаковости наблюдаются семантические сдвиги. Выбор главной лексической семы N₂ находится в зависимости от семантики стержневого слова [1: 7]. Например, «*une robe brique*» – сема цвета «платье кирпичного цвета», «*une santé brique et or*» – сема интенсивности, прочности, стабильности «здоровье твёрдое как кирпич и прочное как металл».

Одним из важнейших факторов адъективации существительных является необходимость восполнения лакун языка. Прежде всего, это относится к словам-цветообозначениям. Одним из средств обогащения словаря цветообозначений являются N₂, входящие в состав сложных слов: «*citron*» «лимон», «*framboise*» «малина», «*grenat*» «гранат», «*coquelicot*» «мак» и др.: «*Le charme bucolique d'un regard vert tendre et d'une bouche coquelicot*» (*M.C.*, № 715, 2012, p. 193). – «*Буколический шарм в нежном зелёном взгляде и маковом рте.*».

В ходе исследования современной французской периодики были зарегистрированы факты употребления в газетных текстах сложных слов во множественном числе (N₁ pl. + N₂ pl.), что подчёркивает грамматическую вариативность такого вида слов: «*... Se dénommant les «éléphants roses», les*

«*mamas grizzlies*», les «*femmes musclées*», ces mères fouettardes détestent les hommes qui ne débordent pas de testostérone et aussi, évidemment, les gays» (Elle, novembre 2010, № 3385, p. 7). – «... Называя себя «розовыми слонами», «*мамами гризли*», «*мускулистыми женщинами*», эти матери «с рогами» ненавидят мужчин, которые не наполнены тестостероном, а также гомосексуалистов». В сложном слове данного примера малоформатного газетного текста «*mamas grizzlies*» N₂ – конкретное существительное, обозначающее животное – медведя, подвергается процессу адъективации.

Следует также отметить роль процесса адъективации в обогащении языка французской прессы экспрессивными элементами, способствующими созданию образности, оригинальности, нестандартности текстов французских газет и журналов. Всякое необычное построение привлекает внимание читателя, становится более ярким для запоминания, воздействуя на реципиента: «*un succès boeuf*» «бычий успех», «*un baiser ventouse*» «поцелуй в засос» и т.д.

Исследование французской периодики позволило выявить случаи использования англицизма в составе сложного слова: «*débat fashion*» «модный спор, модные дебаты»: «*Comment élever le débat fashion sur le tapis rouge?...*» (Elle, décembre 2010, № 3389, p. 30). – «Как поднять модный спор на красной дорожке?...». Заимствования из английского языка встречаются довольно часто в составе сложных слов, обнаруженных в ходе изучения современной французской прессы: «... Et quand il n'y a pas *Photoshop*, la beauté «naturelle» se gonfle au Botox ou à la chirurgie plastique» (P.M., № 3115, 2009, p. 32). – «...Без фотошопа естественная красота раздувается из-за Ботокса или пластической хирургии». Английский термин «*photoshop*» «компьютерная программа» состоит из слов «*photo*» «фото» и «*shop*» «магазин», представляя собой сложное слово.

В отдельную группу сложных слов выделяются словосочетания, где оба компонента связаны разнообразными отношениями подчинения, выражаемые предлогами, которые опускаются. Опущению подвергаются предлоги «*de*» («*une vente véhicules*» «продажа автомобилей»), «*pour*» («*fauteuil relaxe*» «кресло для отдыха», «*fauteuil clubs*» «клубное кресло», «*lait corps*» «молочко для тела»), «*en*» («*jure cuir*» «кожаная юбка», «*robe jersey*» «трикотажное платье»), «*à*» («*couture main*» «ручная работа»), «*sur*» («*assurance maladie*» «страхование на случай болезни»). Использование в сообщениях современной французской прессы эллиптических конструкций такого рода объясняется действием «принципа экономии», позволяющего легче достигнуть поставленную автором цель воздействия на читателя путём упразднения промежуточных звеньев: «*Canapés, canapé-lits, fauteuils relaxe, fauteuils clubs sont présentés sur quatre niveaux d'exposition...*» (Monde (M.), juillet 2006, p. 10). – «На четырёх уровнях экспозиции представлены диваны, диван-кровати, кресла для отдыха, клубные кресла ...»; «*Robe jersey de viscose Mango...*» (M.C., № 675, 2008, p. 42). – «Трикотажное платье из вискозы фирмы Манго...».

В ходе исследования французских газет и журналов, наряду со сложными словами с опущенным предлогом, так же были отмечены случаи употребления сложных слов, с помощью которых именуются артефакты по признакам

«фасон», «расцветка», «устройство», «объём», «вместимость»: «*Cet hiver, du dernier bateau est une petite robe façon «Cotton Club»»* (М.С., № 711, 2011, р. 47). – «*Этой зимой в последней моде маленькое платье фасоном из фильма «Клуб Коттон»*». В этом малоформатном тексте наблюдается использование двух сложных слов, одно из которых является названием фильма 1984 года «Клуб Коттон».

Исследование французской периодики позволило выявить высокую частотность употребления в текстах современной французской прессы сложных слов, первый элемент которых французские лингвисты называют «сложным предлогом» [2: 115; 3: 46]. Такие существительные утрачивают своё лексическое значение, полностью десубстантивируются и выступают в роли служебных слов-предлогов, выражающих квалификативную номинацию на базе собственных признаков «цвет», «жанр», «фасон», «материал»: «*couleur*» «цвет», «*côté*» «сторона», «*question*» «вопрос», «*genre*» «жанр», «*façon*» «фасон», «*catégorie*» «категория, разряд» в выражениях «*côté public*» «в отношении общественного», «*question femme*» «вопрос, относящийся к женщинам», «*catégorie cuisine*» «относящийся к кухонным принадлежностям».

Важно отметить, что количество N1 ограничено, а количество N2, способных сочетаться с N1, продолжает расти. Так, например, лексема «*côté*» с эллиптированным предлогом и артиклем, находясь в препозиции к другому существительному, получает значение «*relativement à, quant à*» «в отношении ..., что касается; черта, свойство». Например, в сложном слове «*côté tragédie*» «в отношении трагического; трагическое свойство»; лексема «*catégorie*» получает значение «относящийся к разряду, входящий в класс чего-либо»: «*catégorie société*» «относящийся к разряду социального», «*catégorie beauté*» «относящийся к разряду красоты, категория красоты»: «... *Ce que j'adore, c'est qu'il aborde côté tragédie avec humour*» (Elle, décembre 2010, № 3389, р. 30). – «*Что мне нравится, так это то, что он подходит с юмором в отношении трагического*»; «... *C'est pour tout ça et aussi pour ses incroyables vidéos de make-up qu'on retourne sur son blog dans la catégorie beauté*» (Elle, décembre 2010, № 3389, р. 41). – «... *Из-за всего этого, а также из-за её невероятных видео макияжа, относящихся к разряду красоты, мы возвращаемся на её блог*».

Механизм процесса метафоризации в комплексах N1+N2 сводится к тому, что одна из сем прямого/производного значения, соотнесённая с тем свойством денотата, которое служит основой метафорического сопоставления, становится ведущим компонентом преобразованного значения. Такие сложные слова-метафоры создаются с целью именованя объектов окружающего мира. Сюда относятся названия живых существ, растений, предметов по специфической форме «*verre-ballon*» «стакан в форме шара; круглый стакан», окраске, размерам «*oiseau-touche*» «птичка, маленькая как муха»; названия предметов по таким свойствам, как вес, материал, состав, выделка: «*Savon crème parfumé rose...*» (М.С., № 675, 2008, р. 72). – «*Крем-мыло с запахом розы ...*»; «...*Realisée en polyamide, cette robe-armature sculptée a nécessité quatre semaines de travail*» (Р.М., № 3243, 2011, р. 59). – «*Реализованное в полиамиде,*

это собранное платье-каркас потребовало 4 недели работы». Сложное слово «robe-armature» выступает в данном примере в качестве семантического конденсата, в котором весь комплекс свойств, связей и отношений включается в свёрнутом виде в значении адьюнкта «armature» «арматура». Адьюнкт в данном случае становится носителем смысла, гораздо более насыщенного, чем его прямое значение.

Данные примеры употребления сложных слов в современной французской периодике демонстрируют сочетание экспрессии и стандарта, выступая основным свойством газетного языка, что придаёт высказыванию оттенок непринуждённой разговорной речи, способствуя коммуникации с реципиентом.

Литература

1. Александрова, Л.В. О классификации именных словосочетаний N1 + N2 в современном французском языке [Текст] / Л.В. Александрова // Иностранные языки: теория и методика преподавания: сб. ст. – Архангельск: Изд-во Поморского университета, 2004. – С. 5-11.
2. Martinet, A. *Éléments de linguistique générale* [Text] / A. Martinet. – Paris: «Librairie Armand Colin», 1970. – 223 p.
3. Sauvageot, A. *Portrait du vocabulaire français* [Text] / A. Sauvageot. – Paris: «Larousse», 1964. – 287 p.

Хаза М.А.М.,
Михайлова Е.Н., д.ф.н., проф.
НИУ «БелГУ», Россия

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ В ГРАММАТИКЕ ЖАНА МАССЕ (1606)

В статье рассматриваются принципы описания именных частей речи во французской грамматике Жана Массе (1660). На основании проведенного анализа выявлено общее и частное в принципах грамматического описания класса имен и класса местоимений. Обращается внимание на универсальный подход автора к описанию категории падежа применительно к разным типам имен.

Ключевые слова: французские грамматики XVI века, принципы грамматического описания, части речи, грамматические категории, имя, местоимение.

Haза M.A.M., Mikhailova E.M.
Belgorod National Research University, Russia

NOMINAL PARTS OF SPEECH IN JEAN MASSET'S GRAMMAR (1606)

The article focuses on the principles of describing the nouns in Jean Masset's French grammar (1606). The general and the particular in the principles of grammatical description of the noun class and the pronoun one are revealed. The author's universal approach to the case category description for various types of names is considered.

Keywords: French grammars of the XVI century, principles of grammatical description, parts of speech, grammatical categories, nouns, pronouns.

XVI в. является временем появления первых грамматик французского языка. В течение этого века их было создано около пятидесяти, не считая переизданий. В результате этого сложилась французская национальная грамматическая традиция. Она представлена несколькими десятком работ, в которых по-разному дано описание французского языка. Как пишет Е.Н. Михайлова, наряду со зрелыми грамматическими концепциями и оригинальными авторскими компиляциями эта эпоха оставила немало элементарных руководств по языку, которые не отличаются ни строгой системностью в изложении материала, ни всесторонним освещением французского узуса [1: 60-61].

В системе обучения латинскому языку элементарные грамматики изначально занимали важное место. К этому жанру принадлежит одна из самых известных грамматик латинского языка – «Ars Major» (Малое руководство) Элия Доната (IV в.) [7]. Эта работа, как отмечают историки языкознания, послужила эталоном для многих грамматик более позднего времени, в том числе и для грамматик новых языков в эпоху Возрождения [9; 8; 5; 4].

Во французской ренессансной грамматической традиции к числу ранних элементарных грамматик относится работа Ж. Массе «Exact et Tres-facile Acheminement a la Langve Francoise» (=Точный и очень простой путь к французскому языку). Это небольшая по объему грамматика – в ней 32 страницы размером в четверть листа. Не только сравнительно небольшой объем, но и название работы, позволяют отнести ее к жанру элементарных учебных пособий. Первое издание этой грамматики относится к 1606 г., а второе – к 1625 г. Несмотря на то, что по времени публикации она относится к началу XVII в., историки языкознания относят ее к числу ренессансных грамматик [8; 9; 5; 1].

В историографии лингвистики грамматике Массе уделено достаточно мало внимания. Е.Н. Михайлова объясняет это особыми принципами отбора материала для исследования лингвистических сочинений этой эпохи: ученые в большей степени интересуют сочинения наиболее типичных представителей ренессансной гуманистической мысли. Кроме того, компилятивные работы и элементарные учебные пособия также остаются за рамками историколингвистических исследований [2: 73-74]. Действительно, в грамматике Массе слишком кратко описывается система французского языка. Кроме того, в ней содержится небольшое количество примеров, что не позволяет судить по ней о норме и узусе эпохи. Всё же она представляет собой интерес с точки зрения строгих принципов отбора материала для краткого изложения основ французского языка.

Рассмотрим принципы описания именных частей речи (имени и местоимения) в грамматике Массе. Выбор для анализа данных частей речи продиктован тем, что они содержат как общие, так и частные черты. Они отличаются по значению, по форме и по особенностям функционирования. Отсюда и различия в подходах к их описанию в лингвистической традиции, начиная с античных грамматик.

Остановимся на следующих вопросах: 1) какой была степень воздействия греко-латинского канона на принципы описания имен в грамматике Массе; 2) какие типы имен получили в ней отражение; 3) каким образом французский узус был представлен в системе примеров для этих частей речи; 4) какие приемы были использованы автором для их систематизации. Наш анализ базируется на методике, которая была предложена Е.Н. Михайловой для изучения грамматического наследия французского Возрождения [1].

Согласно канону, грамматическое описание частей речи должно содержать определение части речи, перечень ее грамматических категорий, характерные для нее правила словоизменения и / или словообразования, примеры к приводимым правилам и замечания об особенностях ее употребления в речи. Структура описания частей речи у Массе во многом отстает от этой схемы. Первое, что отличает его от канонического, это отсутствие определения для частей речи. Как отмечают известные ученые, такой прием был одной из характерных черт грамматического описания данной эпохи [6; 4; 3]. Кроме того, отсутствие определений обусловлено жанром данной грамматики, для которой главным было краткое изложение материала.

При анализе грамматики Массе выявлено, что в описании частей речи автор отстает от канонического деления классов слов на восемь частей речи и вводит девятую – артикль. Он пишет: «Мы выделяем девять частей речи: артикль, имя, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз, предлог и междометие» [10: 4]. Как отмечают ученые, расширение номенклатуры частей речи за счет артикля стало одним из механизмов кардинальных преобразований греко-латинского канона при его переносе на французский язык [5; 4]. Е.Н. Михайлова обращает внимание на то, что сдвиг в номенклатуре и иерархии верхнего уровня грамматического описания частей речи привел к качественным и количественным преобразованиям глубинного уровня грамматического анализа, т.е. к трансформации в описании системы грамматических категорий [1: 112-114].

В работе Массе нет перечня грамматических категорий для именных частей речи. Однако, зная основные положения канонических грамматик, можно увидеть, что Массе описывает класс имен с опорой на такие категории, как качество (*qualité*), род (*genre*), число (*nombre*), фигура (*figure*), лицо (*persone*), склонение (*declinaison*). Из всех именных категорий наиболее подробно описано склонение, а другие категории описаны в основном с помощью простого перечисления примеров. Они представлены в виде парадигм, которые расположены в столбик и совмещают разные признаки.

Верхнюю позицию в иерархии именных частей речи у Массе занимает артикль. Он представлен формами определенного и неопределенного артиклей (*articles finis et infinis*). Описание данной части речи дано исключительно через категорию падежа. Такие категории, как род и число, только упоминаются, а о таких канонических категориях, как качество, вид, фигура, автор не упоминает совсем. Наличие латинской версии показывает эквиваленты описываемых французских форм. Однако нельзя говорить о том, что Массе приводит падежные формы, которые являются эквивалентами латинских парадигм. Как

показывает анализ грамматики, в парадигмах представлены только формы рода и числа. Например:

le, du, au	ille ; illius ; illi
les, des aux	illi ; illae ; illorum ; illarum ; illis
la, de la, à la	illa ; illius ; illi [10: 4].

Второе место в иерархии именных частей речи в грамматике Массе занимает имя. О том, что это неоднородный по своему составу класс слов, Массе не пишет, поэтому наряду с именами существительными приводятся формы имен прилагательных без объяснения разницы между ними. Для класса имен наряду со склонением (*declinaison*) представлены такие категории, как род, число и степени сравнения с очень кратким описанием основных правил образования форм. Например: «Чтобы образовать множественное число, надо добавить [к слову окончание] *s, bon, bons* [10: 6]. «Род определяется частично по значению слова, ... частично по окончанию. Так, названия деревьев, месяцев, монет мужского рода. Существительные на *b, c, d, f, g, l, p, q, r* также мужского рода» [10: 6-7]. «Степени сравнения образуются с помощью наречий *plus, moins, trop, peu, tres, fort, bien, grandement*» [10: 7].

Третье место в иерархии именных частей речи занимает класс местоимений. При этом в описании отсутствует четкое разделение местоимений по типам, а также описана небольшая часть местоимений: личные, притяжательные и некоторые указательные местоимения. При этом автор отмечает, что все другие местоимения изменяются так же, как те, которые описаны [10: 8-10]. Так называемые «склоняемые» формы приводятся и в строчку, и в столбик. Например:

Je, moy, de moy, a moy,
Nous, de nous, a nous,
Tu, toy, de toy, a toy, etc. [10: 8].

Интересно, что в парадигмах у Массе падежные формы представлены по горизонтали, а формы лица и числа по вертикали:

Le mien, du mien, au mien,
Le tien, du tien, au tien,
Le sien, du sien, au sien, etc. [10: 10].

Можно заметить, что при описании разных грамматических категорий дано описание разных разрядов местоимений. Однако наиболее подробно описаны притяжательные местоимения. Для них приведено наибольшее количество примеров и грамматических комментариев.

В ходе анализа выявлено, что в качестве примеров для разных типов имен – артиклей, имен существительных, прилагательных и местоимений – используются разные подходы. В основном в качестве примеров артиклей и имен представлены именные словосочетания. Например: *Le manteaux de Pierre; le profound des sieux; le Dieu viuant eternal* [10: 4-6]. Предложения в качестве примеров представлены мало. Например: *Il y a medecin en cete ville qui vous guairira ; Je n'au point d'argent; Donnez moy de l'argent; c'est vn habit de gentillomme* [10: 4-6]. При этом некоторые примеры отражают вариативность

узуса того времени. Например: Il est a vn mien cousin, ou A vn de mes cousins; Ie cherche vn home qui ou le quel puiſſe exercer cette office [10: 9].

Как показал анализ грамматики Ж. Массе, принципы описания именных частей речи (имен и местоимения) в ней обусловлены ее жанром, т.е. принадлежностью к элементарным грамматикам. Воздействия греко-латинского канона на характер описания данного класса слов в ней особенно видно на примере категории падежа. Именно она описана наиболее подробно по сравнению с другими именными категориями. Французский узус представлен для имен в виде предложений, а для местоимений в виде именных словосочетаний. В качестве основного приема для систематизации имен использован принцип аналогии. Результаты проведенного исследования дают представления об особом характере описания частей речи в так называемых «элементарных» грамматиках эпохи Возрождения.

Литература

1. Михайлова Е.Н. Грамматическая традиция французского Возрождения: класс имен [Текст] / Е.Н. Михайлова: Дисс. ... докт.филол.наук. – СПб., 2000. – 291 с.
2. Михайлова Е.Н. Грамматики эпохи Возрождения: проблема связи и смены научных парадигм [Текст] / Е.Н. Михайлова // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2012. № 4. – С. 73-76..
3. Степанова Л.Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков (от Данте до позднего Возрождения) [Текст] / Е.Н. Михайлова. – СПб., 2000. – 504 с.
4. Auroux S. (dir.). Histoire des idées linguistiques. T. 2. Le développement de la grammaire européenne [Texte] / S. Auroux. – Liège, Mardaga, 1992. – 399 p.
5. Chevalier J.-Cl. La notion de complément chez les grammairiens. Etude de grammaire française (1530-1750) [Texte] / J.-Cl.Chevalier: Thèse. – Genève: Droz, 1968. – 776 p.
6. Dumont-Demaizière C. La grammaire française au XVI-e siècle : Les grammairiens picards [Texte] / C. Dumont-Demaizière. – Paris: Didier-Erudition, 1983. – VIII, 1096 p.
7. Donatus Aelius. Ars Minor ; Ars Major: [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.intratext.com/Catalogo/Autori/AUT138.HTM>
8. Kukenheim L. Contribution à l'histoire de la grammaire italienne, espagnole et française à l'époque de la Renaissance [Texte] / L. Kukenheim: Thèse. – Amsterdam, 1932. – 215 p.
9. Loiseau A. Histoire de la grammaire en France depuis l'époque de la Renaissance jusqu'à nos jours [Texte] / A. Loiseau. – P.: E.Thorin, 1873. – 215 p.
10. Masset Jean. Exact et Tres-facile Acheminement a la Langve Francoise (1606) [Texte] / J. Masset. – Paris, chez David Dovcevr, 1625. – 32 p.

Шайхутдинова Х.А.

к.ф.н., Самарский государственный архитектурно-строительный университет,
Россия

ЗНАЧИМОСТЬ СИНХРОННО-ДИАХРОННОГО АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ СЕМАНТИКИ НЕОЛОГИЗМОВ

Статья исследует семантические неологизмы, или новые значения слов, функционирующие на страницах немецкоязычной прессы в последние два десятилетия. Они развились в семантической структуре слов латинского и греческого происхождения. В результате исследования автор приходит к выводу, что новые значения анализируемых слов представляют собой не что иное как «ожившие» этимологические значения. Отсюда представляется важным изучать семантику новых значений слов в синхронно-диахронном аспекте.

Ключевые слова: новое значение слова, семантический неологизм, семантическая инновация, этимологическое значение, синхронно-диахронный подход.

Shaykhutdinova Kh.A.

Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Russia

SIGNIFICANCE OF THE SYNCHRONIC-DIACHRONIC APPROACH IN THE ANALYSIS OF SEMANTICS OF NEOLOGISMS

The article focuses on semantic neologisms in German media sources in the last 20-25 years. They are the result of the development of the semantic structure of Latin and Greek words. The author concludes that new meanings of the analyzed words are “revived” etymological meanings. That is why it is very important to study the semantics of new meanings of words in the synchronic-diachronic aspect.

Key words: new meaning of the word, semantic neologism, semantic innovation, etymological meaning, synchronic-diachronic approach.

Лексический состав - самая операционная система языка, ибо он быстрее всего реагирует на все новейшие изменения в обществе и отражает их в языке. В данной статье мы рассмотрим новые значения слов, появившиеся в немецком языке за последние 20-25 лет и функционирующие на страницах СМИ. В работах по неологии новые значения слов называются семантическими инновациями или семантическими неологизмами. Разница в терминах «семантическая инновация» и «семантический неологизм» заключается в том, что первые еще не вошли окончательно в словарный состав языка, а вторые уже укоренились в нем, стали общеупотребительными и в лексикографических источниках представлены как новый ЛСВ слова. Кроме того, термин «семантическая инновация» предполагает любую степень обновления слова, например, изменение управления слова. Новые значения, еще не зафиксированные словарями, имеют шанс войти в словарь в случае их регулярного употребления, но это вопрос времени. В любом случае мы фиксируем и изучаем все новые значения, которые были употреблены неоднократно в различных текстах, принадлежащих разным авторам. Заметим,

что в данной статье мы будем употреблять термин «новое значение» для выражения содержательной стороны языкового знака, а «семантическая инновация» для выражения двустороннего характера языкового знака – содержания и формата.

Итак, объектом рассмотрения статьи являются семантические инновации последних 25 лет, функционирующие в общеупотребительном языке на страницах печати. Предметом исследования является анализ семантической связи между этимологическим и новейшим значением слова в семантической структуре слова.

Заметить появление новых значений сложнее, чем появление неолексем, поскольку первые в отличие от новых слов имеют лишь новое содержание, а форматив остается прежним. Процесс выявления семантических инноваций в контексте и идентификации их как новых значений слов представляет определенные трудности, если только они не обозначают совершенно новые понятия и предметы [1; 2; 3]. Незавершенность этого вопроса и наличие сложности при обнаружении инноваций в контексте отмечается как отечественными [4], так и зарубежными лингвистами [5]. Заметим, что при идентификации семантических инноваций как новых значений слов применяется, как правило, синхронный подход, при котором исследуется семантическая преемственность нового (производного) значения от исходного (производящего) значения. Для этого исследователь сравнивает семантику слова, в рамках которого появилось новое значение, с семантической структурой этого слова в словарях более ранних лет изданий, например, 10-20 лет назад. И если в этих словарях данное значение слова отсутствует, то исследователь приходит к выводу, что оно является новым. Для нас точкой отсчета послужил одноязычный толковый словарь «Deutsches Universalwörterbuch A-Z. Duden» [сокращенно – DUW] 1989 года издания, поскольку заметные изменения в лексическом составе немецкого языка начались с объединения Германии. Наряду с этим событием на бурное развитие лексического состава в языке повлияли объединение Европы, глобализация, миграционные процессы, информатизация, а также достижения науки и техники. Итак, если в словаре Дуден 1989 года мы не обнаруживали нового значения, то это свидетельствовало о том, что это значение появилось позже. Далее мы изучали структуру слова в последующих изданиях словаря Дуден: 1996, 2002, 2007. Если нового значения нет ни в одном из этих словарей, но оно неоднократно встречается в новых контекстах, то этот факт говорит в пользу того, что мы имеем дело с новым значением слова, находящимся в стадии становления. Однако наряду с изложенной выше методикой мы сочли необходимым применять при анализе семантических инноваций наряду с синхронным подходом также и диахронный и проследить семантическую структуру слова, в составе которого сформировалось новое значение, вплоть до этимологического значения.

Исследование связи между этимологическим значением производящего слова и новым значением слов из нашего корпуса привело автора к гипотезе, что новое значение слова представляет собой не что иное, как «ожившее»

этимологическое значение, что подтверждается, прежде всего, семантическими структурами слов латинского и греческого происхождения.

Ярким примером приведенного суждения служит слово *der Primus*, в словарной статье которого в разных изданиях словаря Дуден [1989, 1996, 2002, 2007 гг.] приводится лишь одно единственное значение с пометой «устаревающее»: *Primus, der* [lat. *primus* = *Erster, Vorderster*] (*veraltend*): *Klassenbester, bes. einer höheren Schule*. Сегодня это слово довольно часто употребляется в текстах СМИ именно в значении первый, лучший, которое, как видно из дефиниции, и есть прямое отражение этимологического значения слова:

Im S&P 500 liegt das Gewinnwachstum für das vierte Quartal 2011 zur Halbzeit des Bilanzreigens bei 7,9 Prozent; das entspricht noch in etwa den Vorhersagen. Doch wenn man den größten Wert im S&P 500 herausrechnet - das ist der **iPhone-Primus** Apple, der seinen Gewinn um 118 Prozent steigern konnte... [Ztg. 2012]. **Software-Primus** Microsoft verkraftet die schwächelnden PC-Verkäufe weitgehend unbeschadet. ... [Ztg. 2011]. Nach Angaben des Herstellers haben mehr als 700 Fitness-Einrichtungen in Deutschland eine Power-Plate. **Branchen-Primus** Fitness Company bietet das Gerät vor allem in seinen gehobenen Clubs an [<http://www.bild.de/tipps-trends/gesund-fit/ratgeber/power-plate-1958786.bild.html>]. **Europa-Primus** Lufthansa macht wie die großen Konkurrenten Air France/KLM und die IAG um British Airways vor allem im Kurz- und Mittelstreckenbereich die meisten Verluste [www.faz.net]. **Italien ist Primus**, Luxemburg Vorletzter [<http://www.tageblatt.lu/nachrichten/luxemburg/story/23038874>].

Диахронный анализ семантики некоторых медицинских терминов латинского и греческого происхождения убеждает нас в том, что процесс порождения новых значений в их структуре происходит также за счет «оживления» этимологического значения. Например, слова *Kollaps*, *Sklerose*, *Koma*, *Erosion*, имеющие значения: *Kollaps* – Zusammenbruch infolge des Kreislaufversagens (lat. *colapsus* – 'zusammengebrochen', zu *collabi* – 'zusammenbrechen'); *Sklerose* – Verhärtung, Verkalkung eines Organs (griech. trocken, starr, hart zu 'skellein' – trocknen); *Koma* – tiefe Bewusstlosigkeit (griech. *koma* 'tiefer Schlaf', zu *keisthai* – 'liegen, daliegen', *Erosion* Auswachsung (lat. *erosio* – 'das Zerfressenwerden' zu *erodere* – 'abnagen', 'anfressen', 'ätzen') (HWb), широко используются на страницах прессы для обозначения катастроф и общественных катаклизмов:

Die RBS gehört zu 83 Prozent dem britischen Staat, seit dieser die Bank in der Finanzkrise 2008 vor dem **Kollaps** bewahrte [Ztg. 27.10.11]. München. Anfang letzter Woche noch vor dem **Kollaps**, scheint der Euro aktuell wieder voll im Rennen zu sein ... Werder steht unmittelbar nach dem Beginn einer Rückrunde, die über die mittelfristige Zukunft des Vereins entscheiden kann, vor einem **personellen Kollaps** [Ztg. 2011]. Die niedersächsischen Städte und Gemeinden stünden vor dem finanziellen **Kollaps**, sagte der Präsident des niedersächsischen Städtetages, Salzgitter Oberbürgermeister Frank Klingebiel, am Donnerstag in Hannover [<http://www.newsclick.de>].

Der neue SPD-Bundesgeschäftsführer spricht von Vorgängen der inneren **Sklerose...** Ein Land in **Koma** [Sp.28/2002]. Im Gespräch mit unserer Zeitung bekannte Beck seine Sorgen um **die Erosion** des Amtes des Bundespräsidenten ... [Rhein-Zeitung 2011].

Слово латинского происхождения der Infarkt (lat. infarktus 'verstopft', zu: infarcire 'hineinvollstopfen'; aus: in 'in, hinein' und farcire 'vollstopfen, füllen') имеет в словаре Дуден лишь одно значение: (Med.) das Absterben eines Gewebestücks oder Organteils nach Unterbrechung der Blutzufuhr. Тем не менее, широкое употребление этого слова именно в «ожившем» этимологическом значении, воспринимаемом в то же время как метафорический перенос, возможно пока только в составе композитов: Verkehrs-, Finanz-, Müll-, Chip-Infarkt и др.:

Neue Investitionen, Vertiefung der Elbe, größere Schiffe, eine Verdreifachung des Umschlags und die Sorge vorm **Verkehrsinfarkt**: Das Herz der Stadt platzt bald aus allen Nähten [«Hamburger Morgenpost», 26.01.2012]. Sparpaket: SPÖ setzt sich beim Zeitplan durch Griechenland: "**Beinahe-Infarkt** nach IWF-Intervention"[«Die Presse», 23.01.2012]. Am Tisch saßen die Banken und Fonds auf der einen Seite, Athen auf der anderen, und im Hintergrund zieht Berlin an den Strippen. Morgen werden die Verhandlungen weitergehen. Der Einsatz ist hoch. Ohne Einigung bis zum Ende des Monats droht den Hellenen der **Euro-Infarkt** [„Der Bund“, 18.01.2012].

Сравнение семантических связей новых значений приведенных выше слов с их этимологическими значениями приводит нас к выводу о том, что в новых значениях актуализируются, по сути, этимологические значения слов Kollaps, Sklerose, Koma, Erosion и Infarkt.

То же можно утверждать в отношении других частей речи, например, глаголов. Глагол греческого происхождения amnestieren имеет в своей структуре лишь одно значение: begnadigen, jmdm. durch ein Gesetz Straferlass zubilligen [DUW]. Однако благодаря своему этимологическому значению, восходящему к греческому слову amnestia 'Vergessen, Vergessenheit' (aus griech.: a – 'nicht' und mnestis 'Gedächtnis, Erinnerung') оно проявляет способность к расширению значения, употребляясь в новых контекстах в сочетании с именами неодушевленными, например: die Schulden/Steuern/Parteispenden amnestieren:

Und Kohls Pannen-Liste wurde länger. Der unsäugliche Streit um die Steuerbefreiung für Flugbenzin, der ideologisch motivierte Kraftakt zur Einschränkung des Streikparagraphen 116 im Arbeitsförderungsgesetz und vor allem der hochnotpeinliche Versuch, Steuerhinterziehungen im Zusammenhang mit Parteispenden zu **amnestieren**, verdüsterten das Bild der Regierung weiter [Stern 39/92].

Как отмечалось выше, мы констатируем семантическое развитие слова также в случае наличия несущественных изменений в семантике слова, таких как актуализация нового управления глагола или новая дистрибуция слова. Например, небольшие сдвиги в значении мы можем наблюдать в структуре слова der Moderator, словарная статья которого включает значения:

Moderator, der; -s, ...oren [lat. Moderator = Mäßiger, Leiter]: **1.** (Rundf., Ferns.) jmd., der eine Sendung moderiert (1); **2.** (Kerntechnik) Stoff, der Neutronen hoher Energie abbremst. **3.** (ev. Kirche) Vorsteher eines Moderaments (2).

Слово Moderator (aus lat. moderator 'jmd., der ein Maß setzt, Lenker' zu moderari – 'ein Maß setzen, mäßigen, in Schranken halten, beherrschen', zu modus – 'Maß') употребляется сегодня не только для обозначения ведущего теле-и радиопередач, но и председательствующего на собрании или конференции, что можно рассматривать как производное от этимологического значения. Особенно показателен в этом отношении приводимый ниже пассаж, где слово Moderator заключается в кавычки, поскольку означает несколько новое содержание по сравнению с прежними употреблениями, а именно служит для обозначения человека, которому временно вверяются контролирующая и регулирующие функции, призванные уладить имеющиеся в коллективе театра конфликты:

Moderator für das Staatstheater benannt

Staatstheater – Der Wiesbadener Joachim Bauscher soll Intendant John Dew „begleiten“

DARMSTADT. Ein Kollege aus Wiesbaden soll's richten: Joachim Bauscher, scheidender Geschäftsführender Direktor des Staatstheaters Wiesbaden, ist vom Land als „**Moderator**“ für die hart kritisierte Darmstädter Theaterleitung benannt worden. Wie Kunstministerin Eva Kühne-Hörmann (CDU) gestern mitteilte, soll Bauscher die Darmstädter Führungsebene um Intendant John Dew ab 1. Februar überwachen. Zwei Tage pro Woche wird er **moderieren**. Er soll dabei „die gesamte Tätigkeit des Intendanten begleiten“. Regelmäßig wird Bauscher demnach an Sitzungen des Leitungsteams in Darmstadt teilnehmen. Die Befugnisse des Moderators reichen dabei recht weit: „Alle Besetzungen, Spielplanentscheidungen, Dispositionen und sonstigen wichtigen administrativen Entscheidungen werden von ihm mitgezeichnet und auf ihr rechtmäßiges Zustandekommen geprüft“, so die Ministerin. Einmal im Monat soll Bauscher der Ministerin berichten. Die Dauer **der Moderation** bleibt zunächst offen [Ztg. 2011].

Приведенный пример подтверждает факт, что движение словарного состава осуществляется по спирали. Преданное некогда забвению этимологическое значение "оживает" в новых значениях слов благодаря метафорическому переосмыслению и новому употреблению.

Итак, в рассмотренных нами примерах семантических инноваций, очевидно, действуют одновременно два языковых механизма: с одной стороны, образное переосмысление исходного значения и, с другой стороны, - актуализация этимологического значения. Яркий семантический сдвиг на основе образных ассоциаций «реанимирует» этимологическое значение и подтверждает тривиальный тезис о том, что новое – это хорошо забытое старое. В поисках выявления мотивированности нового образного значения мы приходим, в конечном счете, к этимологическому значению. Помещение слова в новый контекст позволяет реализовать скрытые потенции слова и приближает новые значения слова к его прототипу – этимологическому значению. «Оживление» этимологического значения свидетельствует о кумулятивной

функции языка и непрерывности познавательных процессов, соединяющих прошлое и настоящее. Исходя из этого, на наш взгляд, неправомерно строго разделять исследование на диахронное и синхронное, как это постулируют некоторые лингвисты. Напротив, совершенно необходимым является синхронно-диахронный подход при исследовании семантики слова с целью выявления объективной картины динамических изменений и тенденций, происходящих в словарном составе языка, поскольку любая подсистема языка «существует синхронно в том, и только в том виде, который подготовлен всей предшествующей историей ее развития» [6].

Литература

1. Шайхутдинова Х.А. Стратегия идентификации семантических инноваций в контексте // Слово в динамике: Сб. науч. тр. / Ред. Е.В. Розен. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – Вып. 3. – С.119–132.
2. Шайхутдинова Х.А. Языковые механизмы семантических инновационных процессов. – Дис. ... канд. филол. наук – Тверь, Тверской гос. университет, 2005. – 209 с.
3. Шайхутдинова Х.А. Динамика семантического развития глаголов латинского происхождения в современном немецком языке // Германистика сегодня - Материалы междунауч. науч. конфер. «Германистика сегодня», 14-16 октября 2015. –Казань, 2015. - С.180-186.
4. Розен Е.В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке. – М.: Просвещение, 1991. – 189 с.
5. Kinne M. Der lange Weg zum deutschen Neologismenwörterbuch // Neologie und Korpus. – Tübingen: Günter Narr Verlag, 1998. – S. 63-110.
6. Кубрякова Е.С. Прототипическая семантика и исторический экскурс в описании словообразования // Проблемы функциональной семантики: Сб. науч. тр. – Калининград: Калининградск. гос. ун-т, 1993. – С. 3-9.

Словари

- Duden. Deutsches Universalwörterbuch A – Z / Unter Leitung von G. Drosdowski. – Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag: 1989; 1996; 2002. – [DUW].
- Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 6., überarbeitete und erweiterte Auflage. – Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus, AG, Mannheim, 2007. – [DUW].
- Herkunftswörterbuch /von U. Hermann/ Etymologie und Geschichte von 10 000 interessanten Wörtern. - München: Orbis Verlag. – 1993. – [HWb].

Шейфель Н.А.
к.ф.н., доц., НИУ «БелГУ», Россия

ПОНЯТИЕ БЛЕНДИНГА И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ ДРУГИХ СМЕЖНЫХ СПОСОБОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

В данной статье автор рассматривает блендинг, как способ словообразования, активно развивающийся во многих языках, а также отмечает терминологические проблемы, возникающие при рассмотрении этого способа словообразования. В статье анализируются другие смежные способы словообразования и их отличие от блендинга.

Ключевые слова: блендинг, бленды, контаминация, телескопия, стяжение, слова-портмоне, аббревиатура, словослияние.

Sheifel N.A.
Belgorod National Research University, Russia

THE CONCEPT OF BLENDING AND ITS DIFFERENCE FROM OTHER DERIVATION METHODS IN LINGUISTICS

The article deals with blending as the word-building method, which is becoming popular in many languages. It also deals with some terminological problems connected with this word-formation process. The author analyses other similar derivation methods and how they differ from blending.

Key words: blending, blends, contamination, telescoping, contraction, abbreviation, composition.

Изучение блендинга, как самостоятельного способа словообразования, начинают появляться в XX веке, однако пика исследований этот способ достигает в конце XX в начале XXI веков. Этот интерес не случаен, так как именно в этот период данный способ словообразования переходит из разряда второстепенных в категорию основных, о чем свидетельствует большое количество регулярно появляющихся блендов.

Однако, несмотря на довольно долгую традицию изучения данного способа словообразования, проблема терминологии и отличия этого способа от смежных с ним, стоит в лингвистике довольно остро. С одной стороны, существуют термины, являющиеся синонимичными понятию блендинг – контаминация и стяжение. С другой стороны, некоторые авторы выделяют отдельно такие способы словообразования, как телескопия, образование слов-портмоне, которые на наш взгляд таковыми не являются.

Лингвисты, изучающие словообразование на материале французского языка, отдают предпочтение термину *телескопия*, однако с нашей точки зрения телескопия является только структурной разновидностью блендинга. Телескопия (от франц. *télescope*) – это образование слова, состоящего из частей двух исходных слов, при этом деление слов на составные части не связано с их подразделением на морфемы, или это могут быть два полных слова с обязательным наложением общего звукового элемента: *français* =

français (французский) + *anglais* (английский). Основным отличием телескопных слов от словосложения является то, что они могут состоять из произвольно усеченных слов – достаточно любой части основы.

Так, Т.Р. Тимошенко также предпочитает термин «телескопия», определяя этот процесс, как «такой способ словообразования, который представляет собой слияние двух (или более) *усеченных основ* или слияние *полной основы* с усеченной основой, в результате которого образуется новое слово, полностью или частично включающее в себя значение всех входящих в него структурных элементов» [5:26].

Исследователи телескопии на материале французского языка рассматривают этот способ с двух точек зрения: во-первых, как вид «игры слов», а во-вторых, как способ создания неологизмов, то есть как вид словосложения. При этом определение телескопного слова оказывается достаточно широким и несколько размытым.

Другие авторы, например, Г. Марчанд, отдают предпочтение термину контаминация. Г. Марчанд на базе английского языка дает определение контаминации, как методу слияния частей слов в одно новое слово.

Контаминация – (от лат. *contaminatio* – приведение в соприкосновение; смешение) – образование нового слова или выражения путем скрещивания, объединения двух слов или выражений, связанных между собой какими-либо ассоциациями. Зачастую, контаминация приводит к неправильным лексическим образованиям и конструкциям, как, например, в русском языке: играет роль + имеет значение = «играет значение». [4:172] Как видно из приведенного примера, термин контаминация употребляется для описания образования не только слов, но и словосочетаний.

Кроме того, термин *контаминация* используется в психологии для обозначения ошибочного воспроизведения слов, когда в одно слово объединяются слоги, относящиеся к разным основам (например, вместо слов «белок» и «виток» произносится «белток»).

Большая Советская Энциклопедия дает следующее определение: *контаминация в языкознании* – это образование нового слова или нового устойчивого словосочетания в результате скрещения двух различных слов или выражений, близких по звучанию, построению, значению [БСЭ 1969].

Явление контаминации часто используется авторами для создания комического эффекта, или каламбура даже на уровне предложения. В качестве примера можно вспомнить знаменитую шутку из фильма Леонида Гайдая «Куй железо, не отходя от кассы», которая появилась в результате «смещения» двух идиом «Куй железо, пока горячо» и «Считай деньги, не отходя от кассы».

Контаминация также наблюдается в разговорной речи и зачастую является отступлением от литературной нормы.

А.Ю. Мурадян отдает предпочтение термину *словослияние* и рассматривает его как «процесс образования слов по одной из пяти формальных моделей:

- начало первого слова и целое второе слово;
- целое первое слово и конец второго слова;

- два целых слова, частично накладывающихся друг на друга в месте соединения;
- начало первого слова и конец второго слова;
- слово или часть его помещается внутри другого исходного слова» [3:15].

Ю.П. Ермоленко, исследуя номинативные модели формирования новых слов в современном английском языке, использует термин *стяжение*. «Стяжение – это самостоятельный способ словообразования, заключающийся в слиянии двух и более слов с выпадением и возможным наложением букв/звуков в месте соединения или вложением одного слова/части слова в другое, при этом начальная и конечная часть полученной лексической единицы представлена начальным и конечным фрагментами исходных мотивирующих слов». [1:6]

Из всех приведенных выше определений становится понятным, что с одной стороны наше понимание блендинга обнаруживает с ними много общего, с другой стороны, есть некоторые принципиальные отличия.

Рассмотрим традиционное трактование термина блендинг зарубежными и отечественными лингвистами.

Английский лингвист Г. Бергстром рассматривает блендинг как слияние любых частей исходных слов, подчеркивая, что значительную роль при образовании блендов играет семантическое сходство исходных компонентов. А именно: «... due to association by synonymy or similarity of the meaning of the compromising element» - «благодаря ассоциации синонимичных или сходных значений составных элементов»³² [7:98].

Вслед за Г. Бергстромом лингвист Г. Кэннон также подчеркивает важность семантического сходства: «Blends <...> are caused by the rise of two or more words (often synonyms or near-synonyms) to one's consciousness at the same time». («Возникновение блендов обусловлено тем, что два или более слова (часто синонимы или близкие по смыслу слова) «всплывают» в сознании одновременно».) [8:165].

О.А. Хрущева отмечает, что помимо определенного структурно-семантического сходства, блендинг имеет свои, вполне конкретные особенности:

1) компонентами бленда являются единицы разных морфологических уровней – квазиморфы и морфемы, а в сложном слове – только морфемы;

2) в отличие от сложного слова, образованного сложением основ, бленд характеризуется морфонологической особенностью соединения компонентов на стыке – усечением, наложением и вставками морфов. При этом в бленде сохраняется акцентно-слоговая структура одного из исходных слов, выступающая морфологическим образцом;

3) членимость и семантическая прозрачность бленда менее выражены по сравнению со сложным словом [6:95].

³² Здесь и далее перевод автора

Мы определяем понятие *блендинг*, как способ словообразования, при котором происходит осознанное, целенаправленное или, наоборот, окказиональное слияние *двух или более* усеченных основ исходных слов, или полной основы с усеченной с целью создания нового слова, способного объединить и выразить суммарное значение входящих в него структурных элементов.

В нашей трактовке, термин *блендинг* включает себя следующие основные положения:

1) под блендингом понимается способ образования только новых *слов*, а не словосочетаний или предложений;

2) в бленде обязательно представлены, хотя бы одной буквой, все исходные слова;

3) в формировании бленда могут участвовать два-три исходных слова (например, название сайта Edutainme состоит из трех слов: *education + entertainment + me*);

4) в полученном значении бленда переплетаются и накладываются значения исходных слов; происходит, так называемое «кодирование» информации.

Теперь рассмотрим отличие блендинга от смежных способов словообразования. В первой половине XX века блендинг отождествляли с другими словообразовательными процессами – аббревиацией, сокращением, словосложением.

Данный подход, представляется не вполне оправданным, хотя и понятным, так как в блендинге присутствуют все данные процессы: и сокращение, и сложение элементов слов, и иногда сохранение всего одной буквы – что можно посчитать своего рода аббревиацией.

Основное различие между блендингом и аббревиацией заключается в том, что полученная аббревиатура представляет собой слово-заместитель, употребляющееся вместо соответствующего развернутого словосочетания, тогда как бленд функционирует как самостоятельное слово со всем комплексом входящих в него значений.

Так, и Ю.А. Жлуктенко указывает на то, что контаминация «в отличие от аббревиатур, не имеет соответствия в свободных словосочетаниях, а образуется вследствие установления ассоциативных связей между двумя синтаксически обособленными словами» [2:84].

Основное различие между блендингом и сложным словом, образованным путем словослияния, состоит в том, что бленд представляет собой единую корневую морфему. Это отмечают такие лингвисты, как Т.Р. Тимошенко и В.М. Лейчик. По мнению В.М. Лейчика, «создание такой морфемы из двух или нескольких корневых морфем является существенным отличием слова-стяжения от сложных слов».

В отличие от словосложения, для блендинга типичны усечения и комбинации усеченных компонентов; таким образом, наличие «осколочного» элемента, или согласно другому варианту терминологии – *квазиморфа*, в структуре бленда отличает блендинг от словосложения. Следствием

структурных особенностей является то, что сложные слова характеризуются четко выраженной членимостью, а бленды – зачастую неясной [6:97].

Кроме того, слова-бленды отличаются от слов, полученных путем словосложения тем, что при их образовании происходит соединение не значимых морфем, а произвольных частей, фрагментов слов. Таким образом, мы считаем, что блендинг представляет собой самостоятельную модель образования новых слов, не сводимую к смежным словообразовательным явлениям, таким как: аббревиация, сокращение, словосложение. Несмотря на наличие таких смежных терминов, как контаминация и телескопия, мы отдаем предпочтение термину блендинг, так как, во-первых, его использование является целесообразным для описания модели образования новых *слов*, а, во-вторых, на наш взгляд с точки зрения процесса словообразования и контаминация, и телескопия, это все разновидности блендинга.

В заключение, необходимо отметить, что на данный момент блендинг, широко применяется в художественной литературе для так называемого «терминотворчества», и как средство игры слов и кодирования информации в массмедиа и рекламе, поэтому нуждается в дальнейшем исследовании.

Литература

1. Ермоленко, Ю.П. Номинативные модели формирования новых слов методом стяжения в современном английском языке [Текст]: автореф. дис ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 24 с.
2. Жлуктенко, Ю.А. Английские неологизмы [Текст] / Ю.А. Жлуктенко. - Киев: Наукова думка, 1983. – 172 с.
3. Мурадян, А.Ю. Словослияние в современном английском языке (специфика, динамика, теория) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1978. – 15 с.
4. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Розенталь, Д.Э., Теленкова М.А. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. – 624 с.
5. Тимошенко, Т.Р. Телескопия в словообразовательной системе современного английского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1976. – 26 с.
6. Хрущева, О.А. Блендинг в системе словообразования [Текст] // Вестник ОГУ. – 2009. – №11 (105). – С. 95-101.
7. Bergstrom, G.A. On Blendings of Synonymous or Cognate Expressions in English: doctoral dissertation [Text]. Lund, 1906. 211 p.
8. Cannon, G. Blends in English word formation [Text] // Linguistics. – 1966. – № 24. – P. 725–75.

Секция 3
«ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ»

Беценко Т.П.

д.ф.н., проф., Сумской государственной педагогический университет им. А.С.
Макаренко, Украина

**ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКА КАК НОВОЕ ИНТЕГРАТИВНОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ**

В статье представлена попытка определить понятие *лингвофольклористика*, сформулировать цель, задачи, объект исследования новой отрасли научных знаний. Рассмотрен терминологический аппарат науки о языке фольклора. Обозначена проблематика, основные направления исследований. Показана взаимосвязь лингвофольклористики с другими сферами языковедения. Обосновано целесообразность выделения указанного направления научных поисков.

Ключевые слова: лингвофольклористика, язык фольклора, язык устного народного творчества, язык жанров фольклора, народнопесенный язык, фольклорно-песенные средства (тропы, формулы, конструкции, элементы, структуры, символы).

Betsenko T.P.

LINHVOFOLKLORYSTYKA AS THE LATEST TREND PHILOLOGY

The article presents an attempt to "clarify the concept *linhvofolklorystyka*, definition of goals, objectives and research facility. Describe terminology science of language folklore of problems new science, outlines the main areas of research. Expediency separation specified direction of scientific research.

Key words: *linhvofolklorystyka*, we folklore, oral traditions speech, speech genres of folklore, folk-song language, folk-song vehicles (tracks, formulas, designs, elements, structures, symbols).

Славянское языкознание сегодня находится на стадии глубинно-качественного становления и обновления. Подтверждением этого факта свидетельствует появление новых сфер научных знаний, которые возникают на базе уже существующих, но не повторяют и не дублируют их, а, наоборот, создают почву для дальнейших продуктивных изысканий. Одним из таких направлений есть лингвофольклористика. О целесообразности выделения лингвофольклористики в отдельное научное направление резонно заявил профессор русской филологии Курского государственного университета А. Т. Хроленко. Ученый пригласил принять участие в дискуссии и обсуждении перспектив развития данной науки. Ученый предложил парадигму становления и исследования лингвофольклористики как науки.

В России сложилась отдельная школа лингвофольклористики. В Украине также традиционно развивается это направление. В частности, в украинистике языку устного народного творчества посвящены работы А. Потебни, П.

Житецкого, И. Огиенко, Л. Булаховского, В. Ващенко, А. Коваль, С. Ермоленко, К. Шульжука, А. Поповского, В. Чабаненко, В. Жаворонка, Л. Мацько, Н. Данилюк, Н. Журавлевой, Т. Беценко, Н. Колесник и др. Последними исследованиями из лингвофольклористики стали докторские диссертации Нины Данилюк (монография "Поэтическое слово в украинской народной песне" (2010)) и Татьяны Беценко (монография "Текстово-образные универсалии думового эпоса: структура, семантика, функции" (2008)).

Полагаем, что сегодня пришло время конкретизировано сформулировать базовые положения науки о языке устного народного творчества, определить ключевые направления научного поиска в этой сфере.

Цель нашего исследования - сформулировать и охарактеризовать в общих чертах понятийный аппарат, основную проблематику и задачи лингвофольклористики как самостоятельного течения современной филологической науки.

Актуальность исследования состоит в необходимости систематизации сведений с указанной проблематики, в уточнении отдельных положений, что будет содействовать дальнейшему развитию этого направления гуманитарных знаний.

Анализ работ, посвященных языку народного творчества, неоднократно убеждает в неэффективности использования отдельно избранного или фольклористического, или лингвистического подхода для описания специфики словесно-образной организации текстов народной культуры. Постепенно становилось понятным, что изучение языка фольклора должно стать предметом специальной филологической дисциплины, которая и получила название лингвофольклористика. Как известно, этот термин предложил в 1974 году Александр Хроленко, в котором он определил сущность подхода к изучению языка устного народного творчества.

Итак, лингвофольклористика - междисциплинарная отрасль гуманитарной (филологической) науки, которая изучает разноуровневые языковые особенности структурной, жанрово-стилевой, словесно-образной организации текстов устного народного творчества; закономерности фольклорного стилеобразования.

В современных лексикографических источниках термин лингвофольклористика отсутствует. Хотя его и употребляют С. Ермоленко, Н. Данилюк и др. Вместо него используют термины язык фольклора, язык жанров народнопоэтического творчества (и то не для обозначения новой отрасли науки).

Объектом лингвофольклористики определяем языковые особенности структурной, художественно-образной организации фольклорного текста, его жанрово-стилевой и стилистический аспекты; лингвоэстетическую фольклорную деятельность носителей этнического языка; фольклорную коммуникацию; лингвосомиотическую систему разножанрового фольклорного континуума, **предметом** - разноуровневые языковые средства, словесно-образные единицы, лингвосомиотические знаки, формирующие текстовый

континуум произведений народного творчества и обеспечивающие фольклорную коммуникацию.

Основные задачи лингвофольклористики:

- целенаправленное конкретизированное подтверждение системного характера языка фольклорных памятников: встановление фактов системности, наблюдение за способами реализации системности, исследование механизмов обеспечения системности на жанровом и межжанровом уровнях;
- рассмотрение и изучение языка фольклора как специфического семиотического (лингвосемиотического) континуума;
- обоснование факта стабильности и вместе с тем динамики языка фольклора;
- аргументированное доказательство факта универсальности языка фольклора;
- разноаспектное описание фольклорной семантики, фольклорного словообразования, фольклорной грамматики памятников народного творчества;
- интерпретационный лингвостилевой и лингвостилистический анализ фольклорных текстов.

Придерживаемся мнения, что лингвофольклористику уже можно считать научной и учебной дисциплиной, в которой сложились тесные связи с другими науками: языковедческими: диалектологией, историей языка, стилистикой, теорией текста, этнолингвистикой, лингвокультурологией, лингвострановедением, с другими гуманитарными науками: этнографией, этнологией, фольклористикой, фольклорной текстологией. Более того, сама лингвофольклористика уже имеет отдельные отрасли: кросскультурную лингвофольклористику (занимается сравнением фольклорно-языковых явлений, принадлежащих устному народному творчеству двух и больше этносов) и музыкальную лингвофольклористику (исследует взаимосвязь текста и напева на всех уровнях - от фонетического до синтаксического и показывает способы членения текста в разных песенных жанрах (С. Никитина)).

Как отдельная отрасль лингвофольклористика использует свой терминологический аппарат, что также свидетельствует о ее независимом статусе среди других научных направлений. Основным считаем понятие **фольклоризм**. К

фольклоризмам относим "народнопоэтические символы, словономинации народных обрядов, этнографизмы, топонимы, историзмы, которые выполняют вторичную функцию в языке художественной литературы" (Ермоленко 1987, 180), а также характерные для языка фольклора словесно-образные формулы, обороты речи, стойкие сочетания слов (постоянные эпитеты, метафоры, тавтологические, плеонастические структуры и др., повторяющиеся канонические конструкции, общие места, приемы конструирования (архитектоники) текста и др.).

Потребность в лингвофольклористике как отдельной сфере научного творчества обусловлена, в частности, ее объектом и предметом исследования и состоит в необходимости познания глубинной специфики языка народной

словесности, что открывает возможности для осмысления природы фольклорного слова как закономерной реалия этнобытия.

Фольклорные тексты создают почву для возникновения множества путей научного поиска в сфере народного творчества. Так, в украинистике наблюдается целенаправленное исследование фольклорной ономастики (Н. Колесник, Т. Беценко).

Перспективным рассматриваем направление фольклорной диалектологии. Существенными есть работы А. Поповского "Мова фольклору та художньої літератури Південної України ХІХ - початку ХХ ст." (1988) и "Нормативні тенденції в мові фольклору Південної України ХІХ - поч. ХХ ст." (1988). Дискуссионным остается вопрос о связи фольклора с диалектным континуумом. Интересные наблюдения по поводу диалектного / сверхдиалектного характера народного творчества высказали С. Ермоленко, Н. Данилюк. Важно определить статус диалектизмов в фольклорных текстах. Диалектный компонент имеет некоторое место в фольклорных текстах, например: *Мала баба одну дочку, / Катеринов звала* [18: 279], *Не їдну дівчину да гей, з ума зводить* [18: 279], *Позволь, позволь дівку Явдошку / Хоч на їден рік* [18 : 315].

Требует осмысления проблема языка фольклора как средства коммуникации, выяснение специфики фольклорной коммуникации. В связи с этим сформировалось направление фольклорной коммуникации, которое в России возглавила М. Венгранович .

Неисчерпаемые возможности языка народного творчества в плане трансформации фольклорного слова в идиостиле писателя. Хотя и в украинистике, и в русистике имеются существенные наработки, все-таки, на наш взгляд, не изучены в полной мере и не описаны пути и способы возможной модификации, вариирования, творческого использования фольклорных единиц разных уровней в конкретной авторской интерпретации.

Заслуживает внимания явление окказионализации в народнопоэтическом континууме, о чем свидетельствует динамика и гибкость народнопесенного словообразования. Ср., например: *Да звів мене з розумочку та ще й чорноброву* [18 : 279] або *Дай же, Боже, в полі урожай, / В полі урожай - а в гумно звожай, / А в гумні хлібно, в оборі вбійно, / В домі весільно, на славу втішно* [20 : 30] . Лексемы *розумочок, звожай, хлібно, весільно, вбійно* отсутствуют в словарях. Вообще фольклорное словообразование - специфическая сфера языкового творчества, стилистической дериватологии. В украинистике фольклорное словообразование представлено в работах О.Потебні, Н. Журавльової, С.Я. Ермоленко, Г. Сагач, Н. Данилюк, Т. Беценко, Л. Михно и др. Но все-таки есть потребность в целостных исследованиях , посвященных указанной проблеме.

Отдельным направлением лингвофольклористических студий можно считать фольклорную лингвосимеотику. Проблему знаковости фольклорного слова начали рассматривать еще А. Потебня, Н. Костомаров. На современном этапе знаки-символы фольклорного континуума были в поле научного зрения С. Ермоленко, Н. Данилюк, Л. Дяченко, В. Жаворонка, В. Кононенко и др.

Кроме аспекта символичности, выделено эстетический и культурный компоненты фольклорно-песенных знаков.

Фольклорное текстообразование - мало изученная сфера. Интересные, многоаспектные исследования в этом направлении представили Е. Артеменко в России, - А. Дей - в Украине и др.

Новым подходом признаем восстановление разноуровневых закономерностей языкового конструирования фольклорных произведений: выявление языковых структур, специфики словесно-образной организации разных жанров устной словесности, что нашло воплощение в учении о **текстово-образных универсалиях** как структурных, текстообразующих, стилевых и жанрово закрепленных единиц фольклорного дискурса. (Т. Беценко 2008). На примере анализа языка дум показано принцип действия, использования в фольклорном импровизированном эпическом текстообразовании традиционно повторяющихся разноуровневых языковых структур, которые служили целям запоминания, идентификации, многократного воспроизведения текстов дум.

Перспективной считаем фольклорную лексикографию. К сожалению, почти нет словарей, посвященных языку фольклора. В украинистике - это словарь языка дум (Т. Беценко).

Резюмируя данную мысль, мы убеждаемся, что язык фольклора - явление объемное, обширное. Современный уровень научного поиска доказывает очевидность выделения лингвофольклористики в самостоятельную отрасль гуманитарного (филологического, междисциплинарного) знания.

Литература

1. Беценко Т.П. Мова думового епосу/ Тетяна Беценко. - Суми: Вид-во СумДПУ ім. А. .Макаренка, 2008 - 108 с.
2. Беценко Т. Мова українських народних дум у часовому вимірі / Тетяна Беценко // Рідний край . - 2012. - №2. - С.83-86.
3. БеценкоТ. Текстово-образні універсалії думового епосу: структура, семантика, функції/ Тетяна Беценко. - Суми: Вид-во СумДПУ ім. а. С. Макаренка , 2008. - 400 с.
4. Великий тлумачний словник сучасної української мови/ Уклад. і гол. ред. В. Т. Бусел . - Київ; Ірпінь: Перун , 2001. - 1440 с. (ВТССУМ)
5. Венгранович М. Фольклорный текст в аспекте специфики фольклорной коммуникации/ М. Венгранович // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2003. - Вып.4. - С. 80-90.
6. Венгранович М. Функциально-стилевая специфика фольклорного текста в аспекте экстралингвистической обусловленности/ Марина Венгранович // Stylistyka. - 2005. - XIV- - С. 601-614
7. Войтович В. Українська міфологія/ Валерій Войтович . - Київ: Либідь, 2002. - 664с.
8. Данилюк Н. Поетичне слово в українській народній пісні: монографія/ Ніна Данилюк. - Луцьк: Волин націон.університет ім. Лесі Українки, 2010. - 512 с.
9. Єрмоленко С.Я. Мовно-естетичні знаки української культури/ С. Я. Єрмоленко. - Київ: Інститут української мови НАН України, 2009. - 352 с.
10. Єрмоленко С. Нариси з української словесності (стилістика та культура / Світлана Єрмоленко. - Київ : Довіра, - 1999.- 431 с.
11. Єрмоленко С. Я. Фольклор і літературна мова /С. Я.Єрмоленко. - Київ: Наукова думка, 1987 . - 242 с.

12. Коваль А. П. Практична стилістика сучасної української мови, / А. П. Коваль. - Київ: Вища школа, 1978. - 378 с.
13. Колесник Н. Особові імена в українських народних обрядових піснях/ Н. Колесник // Автореферат ... канд. філол. наук, Тернопіль, 1998. - 20 с.
14. Лановик М., Лановик З. Українська усна народна творчість/ М. Лановик, З. Лановик. - Київ : Знання-прес, 2006. - 591 с.
15. Літературознавча енциклопедія: У двох томах. Т. 2 / Авт.-уклад. Ю. І. Ковалів. - К. : Академія, 2007. - 624с.(ЛЕ 2007)
16. Михно Л. Художньо-образна система пісень купальського циклу / Михно Людмила // Ukrainika. - Olomouc. - 2008. - С. 513-518
17. Мойсієнко А. Слово в аперцепційній системі поетичного тексту: Декодування Шевченкового вірша/ А. К. Мойсієнко. - Київ: Правда Ярославичів, 2006. - 200с.
18. Пісні кохання. - Київ: Дніпро, 1986 . - 367 с.(ПК) .
19. Смик Г. К. (1992). Корисні та рідкісні рослини України. Словник-довідник народних назв/ Г. К. Смик. - Київ: Українська радянська енцикл. ім. М.Бажана, 1992. - 416 с.
20. Таємна сила слова (Заговори, заклинання, замовляння). - : Дніпро, 1992. - 120 с. (ТСС)
21. Українська фольклористика. Словник-довідник / Укл. і заг. ред. м. Чернопиского. - Тернопіль: Підручники і посібники, 2008. - 448 с. (УФ 2008)
22. Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику. - М.: Наука - Флинта, 2010

Стручалина Г.В.
НИУ «БелГУ», Россия

**ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ИНТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И. БРОДСКОГО «ПАМЯТИ
КЛИФФОРДА БРАУНА»)**

Статья посвящена когнитивным механизмам создания художественного образа и его интерпретации и воссоздания при переводе на другой язык. Приводится анализ стихотворения И. Бродского «Памяти Клиффорда Брауна», существующего в двух авторских версиях: на английском и русском языках. С учётом лингвокультурологических различий исследуется ассоциативный потенциал перцептивных когнитивных метафор и его связь с авторской поэтикой.

Ключевые слова: когнитивная метафора, И. Бродский, автоперевод, художественный образ, синестезия

Struchalina G.V.
Belgorod State National Research University, Russia

**COGNITIVE INTENTIONS IN THE PROCESS OF IMAGERY
CREATION (ON THE MATERIAL OF J. BRODSKY'S POEM "IN
MEMORY OF CLIFFORD BROWN")**

The article is dedicated to some cognitive instruments that influence imagery creation, imagery interpretation and re-creation of the imagery in the process of translation into another

language. While analyzing Russian and English version of Brodsky's poem, the potential of associative perceptual metaphors is being investigated.

Key words: cognitive metaphor, Brodsky, self-translation, imagery, synesthesia.

Идея о познавательной ценности творчества, о его исследовательском характере, об обладании поэтом (в широком смысле этого слова) особого знания мира и человека является одной из приоритетных в теории художественного мышления. Специфический характер художественного познания в немалой степени определяет разноплановый характер его (мышления) исследований – это объект психологии и нейрофизиологии, философии и эстетики, истории и теории искусств, литературоведения, педагогики и других наук, изучающих субъектный потенциал личности.

Изучение познавательных интенций художественного мышления, актуальное и для лингвистических исследований, особый импульс приобретает в переводоведении, наблюдающем и изучающем процессы умышленной и неумышленной переводческой трансформации. Обращение к переводческой трансформации дает возможность для некоторых обобщений, касающихся 1) переводческой стратегии, направленной на сохранение художественного образа (как информационно-чувственного «ядра» художественного произведения) путём преобразования текста оригинала; 2) специфических характеристик национальной картины мира, представленной в тексте; 3) проявления когнитивных интенций переводчика, сначала – читателя, а затем, после личностной интерпретации («для себя»), интерпретатора этого текста для широкой публики.

Художественный образ является важной категорией художественного творчества, и, как и художественное мышление, и творчество в целом, получает разносторонние характеристики, в зависимости от того, с какой точки зрения он рассматривается. Например, с позиций семиотики художественный образ тождественен символу, так как может транслировать в различных направлениях смыслы и значения, характерные для той или иной культуры.

Поскольку, наряду с парадоксальностью, ассоциативность и метафоричность названы основными характеристиками художественного мышления [1:286], нам видится необходимым обращение в исследовании к когнитивной метафоре и когнитивным процессам, сопутствующим формированию художественного образа.

В качестве материала для изучения было выбрано стихотворение И. Бродского «Памяти Клиффорда Брауна» (джазового музыканта, трагически погибшего на взлёте карьеры). Выбору способствовало наличие двух авторских версий произведения: русской и английской. В этом случае минимизируются трактовки и разночтения образа, неизбежно возникающие у автора и переводчика. Обращение к английскому (американскому) варианту выявляет дополнительные акценты, проясняет авторские ассоциации, кроме того, оно позволяет ощутить и оценить разницу, которую создаёт инициированное автором преломление метафоры в призме языковой картины мира читателей, принадлежащих к разным культурам.

*Это не синий цвет, это – холодный цвет.
Это – цвет Атлантики в середине
февраля. И не важно, как ты одет:
все равно ты голой спиной на льдине.
Это – не просто льдина, одна из льдин,
но возраженьё теплу по сути.
Она одна в океане, и ты один
на ней; и пенье трубы как паденье ртути.
Это не искренний голос впотьмах саднит,
но палец примерз к дизелю, лишен перчатки;
и капля, сверкая, плывет в зенит,
чтобы взглянуть на мир с той стороны сетчатки.
Это – не просто сетчатка, это – с искрой парча,
новая нотная грамота звезд и полос.
Льдина не тает, словно пятно луча,
дрейфуя к черной кулисе, где спрятан полюс.*

И. Бродский «Памяти Клиффорда Брауна»

In Memory of Clifford Brown

*It's not the color blue, it's the color cold.
It's the Atlantic's color you've got no eyes for
in the middle of February. And though you a coat,
you're flat in your naked back upon the ice floe.
It's not a regular ice floe, meltdown-prone.
It's an argument that all warmth is foreign.
It's alone in the ocean, and you're on it alone.
And the trumpet's song is like mercury falling.
It's not a guileless tune that chafes in the darkness, though;
it's the gloveless, frozen to C-sharp fingers.
And a glistening drop soars to the zenith, so
as to glance at the space with no retina's interference.
It's not a simple space, it's a nothing, with
alts attaining in height what they lose in color,
while a spotlight is drifting into the wings,
aping the ice floe and waxing polar.*

В обоих вариантах как стилистическая доминанта представлена анафорическая отрицательная конструкция *Это не...* (*It's not...*). Это, пожалуй, жанровая стилизация: облик джазовой пьесы, построенной как серия импровизаций внутри монолога и постоянных возвращений к теме этих импровизаций, воссоздаётся поэтическими средствами. Формально неоднократный повтор задаёт определённые ритм и цикличность, при том, что анжабеман, напротив, «расшатывает» монотонность и монолитность конструкции.

В этом тексте употребление отрицательно-противительных конструкций (это не ..., а) обусловлено несоответствием ожидаемого действительному (это не синий цвет – это холодный цвет). Данный оборот служит не только форме; с

когнитивной точки зрения, противопоставление является приёмом двойного экспонирования каждого из образов, констатацией наличия диалектических противоположностей в любом явлении и освоением техники управления читательскими ассоциациями. Если принять во внимание, что текст посвящен памяти исполнителя, то есть имплицитно уже в название включен смысл 'смерть', то можно предположить, что члены оппозиции противопоставлены как жизнь (левая, известная часть – тема) и смерть (новая, неизвестная часть – рема).

Так, *синий* и *голубой* (*blue*) в английском языке и в джазовом международном сленге связаны с грустью, хандрой, меланхолическими раздумьями и воспоминаниями, а также с музыкальными терминами, имеющими соответствующую внутреннюю форму: *блюз* (*Blues* или *Blue Devils*), *блюзовые ноты* (пониженные III, V и VII ступени), *блюзовые лад*, *звукоряд*, *блюзовые гармонии*, *блюзовая сетка* (последовательность из определённых аккордов, закреплённых по времени звучания в тактовой метрической системе), *блюзовый удар* (непостоянная высота тона у исполнителей на духовых инструментах) и *блюзовое чувство* (*blue feeling*) – эмоционально-психологическое состояние музыканта или слушателя, появляющееся при исполнении или восприятии блюза.

И английское *blue*, и русское *синий* связаны также с цветом кожи, однако, если для носителя русского языка *синий* – цвет трупного окоченения и inferнальных существ (*синец* – табуистический синоним слова *черт* [Даль, www]), то для американцев *blue skin* (синяя/голубая кожа) выступает как синоним слов *темнокожий* (т.е. афроамериканец) и, изредка, *бледнокожий*.

В противопоставлении *это не синий цвет, это холодный цвет* поэт сравнивает символику цвета в американской культуре и традиционное суждение о синем цвете как о «холодном», основанное на синестетических ощущениях, параллели восприятия цвета и температуры, а затем развивает отрицательно коннотированный образ (*холодный*). Грусть блюза подразумевает участие, сочувствие, но из-за гибели артиста обмен эмоциями между ним и слушателями стал невозможен – теплота живых отношений сменилась холодом смерти.

Ассоциации, порождаемые словом *льдина*, снова раздваиваются, в соответствии с различными характеристиками объекта: глыба льда, сгусток холода и, одновременно, – недолговечное состояние воды (*meltdown-prone*, 'склонная к таянию', характеризует её Бродский).

Это не искренний голос впотьмах саднит,/ но палец примерз к диэзу... Болезненное ощущение является здесь образом-импульсом (следствие), от которого в разные перцептивные сферы, как в разные плоскости, разворачиваются сравнения (причины ощущения): звучащий голос (человеческий и/или музыкального инструмента) и примёрзший к металлическому клапану трубы палец.

Это – не просто сетчатка...и It's not a simple space... представляют два направления авторских ассоциаций, возникших после единого образа: капли (слезы), глядящей *на мир с той стороны сетчатки*. В русском варианте

Бродский подвергает двойному экспонированию образ сетчатки (глаза), в английском варианте то же происходит с другим образом – пространство (space). Стоит заметить, что слова *мир* и *space* можно расценивать как концепты, но не синонимичные, сближающиеся лишь в ассоциации с некоей обширной территорией. И. Бродский ощущает «населённость» слова *мир* и «пустоту» слова *space* так, как будут их воспринимать носители русского и английского языков.

Ассоциации с пустотой космоса удовлетворяют авторской идее и образному строю всего стихотворения, поэтому получают развитие, в то время как ассоциативный потенциал слова *мир* остаётся не востребуемым, и в русской версии образ формируется с опорой на другое слово.

В финале обеих версий автору удаётся вернуться к единому образу, сформированному для слова *льдина* (не тает, дрейфует к полюсу) и завершить стихотворение ассоциацией: льдина – пятно луча на опустевшей эстраде.

Разумеется, наблюдениями, представленными в данной статье, когнитивный потенциал стихотворения не исчерпывается. В рамках статьи мы сфокусировали внимание на сфере перцепции, которая включает не только зрительное восприятие и порождённую им визуальную образность, но и восприятие слуховое, осязательное, обонятельное, чувство положения в пространстве и во времени и т.п.

Наблюдения показывают, насколько органично могут быть вовлечены когнитивные процессы, связанные с перцепцией, в процесс формирования художественного образа, и насколько могут быть глубоки и различны ассоциативные связи, возникающие в момент создания художественного образа и интерпретации его через воплощение в тексте на том или ином языке, а также в момент прочтения такого текста.

Литература

1. Борев Ю. Б. Эстетика. В 2-х т. / Ю.Б. Борев. – Т. 1 – 5-е изд., допол.– Смоленск: Русич, 1997. — 576 с.: ил.
2. Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия//Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С. 231-291.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. –Спб., 1863-1866. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20Даля/СИНЕЦ> Дата обращения: 16.03.2016
4. Лосев Л.В Как работает стихотворение Бродского / Л.В. Лосев. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 303 с.

Топорова В.М.

д.ф.н., проф., Воронежский государственный университет, Россия

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются семантико-когнитивные аспекты художественного сознания. Особую актуальность имеют авторские описания творческого процесса.

Ключевые слова: творческая деятельность, художественное сознание, языковая репрезентация, когнитивный контекст, семантические структуры.

Toporova V.M.

Voronezh State University, Russia

COGNITIVE AND SEMANTIC STRUCTURING OF ARTISTIC CONSCIOUSNESS

The article discusses the cognitive and semantic aspects of artistic consciousness. Of particular relevance are the author's description of the creative process.

Key words: creative activity, artistic consciousness, language representation, cognitive and semantic structures.

Специфика процесса творчества всегда привлекала внимание исследователей из разных областей научного знания. Проникнуть в таинство творческого акта – значит проникнуть в самую суть человеческого существа, одаренного способностью к творческой деятельности.

В рамках когнитивного подхода исследование творческого процесса имеет особую актуальность не только в силу специфики методологических установок когнитивного направления, но и в связи с недостаточной разработанностью вопросов семантико-когнитивной реализации творческого потенциала мышления.

Одним из важных направлений исследования творческого процесса является изучение когнитивных оснований художественного сознания.

Лингвистические исследования художественной семантики, которые в последние годы приобрели особую значимость и высокий научный статус именно в рамках когнитивной лингвистики, обозначили круг важных проблем, актуальных для ряда современных научных разработок в области психологии научного творчества, принятия решений, развития творческого мышления, формирования метакогнитивных способностей и во многих других областях, занимающихся вопросами формирования и практической реализации креативного подхода.

Проникновение в художественный мир, в концептуально-образную систему сознания поэтов и писателей представляется реальным на основе изучения особенностей языковой репрезентации (объективации) когнитивных контекстов, стоящих за образной системой и концептуальными установками общего индивидуального мировосприятия автора. Особый интерес в связи с

этим представляют авторские характеристики и оценки их собственной творческой деятельности, акта творческого творения. Следует отметить, что подобного рода авторский самоанализ менее всего становился предметом научных исследований, по крайней мере, в лингвистике.

В данной работе мы остановим свое внимание на выявленные нами некоторые особенности концептуально-образного пространственного мировосприятия нескольких поэтов, а также их оценочные характеристики творческого процесса.

При всей индивидуальности проявления и разнообразии сфер реализации творческой деятельности, при всех особенностях творческого потенциала личности и используемого творческого инструментария, эта способность человека должна строиться на единых началах, основываясь на неких общечеловеческих, онтологически обусловленных, психологических принципах. С этой стороны изучение особенностей художественного сознания (поэтического мышления) на основе выявления системы образов индивидуального художественного мира автора позволяет проследить важные в рамках когнитивного направления общие механизмы проявления креативности мышления человека, семантического структурирования когнитивной сферы в целом.

Вместе с тем особенности индивидуального стиля автора, имеющие разнообразные формы проявления, дают возможность установить специфические основания мировосприятия, проявляемые в языковой оформленности индивидуальных когнитивных контекстов, формирующих и структурирующих художественное сознание.

Таким образом, нам представляется возможным рассмотреть семантико-когнитивные опоры художественного сознания в двух планах: со стороны общечеловеческой способности к осуществлению творческой деятельности и в аспекте индивидуальной креативно-психологической нагруженности сознания (когнитивной сферы).

При языковой объективации состояния творческого подъема, полной реализации творческих потенциалов принято употреблять номинации «вдохновение», «озарение», «инсайт» как обозначения наивысшего пункта творческого накала, связанного с живым актом творения нового, прорывом к ранее неведомым тайнам бытия, через познание совершенных истин и гармонии целостного мировосприятия.

В акте творчества всегда наличествует переход в иное измерение, иную реальность как следствие наивысшего эмоционального напряжения, приводящего к особому рода интеллектуальному «взрыву», воспринимаемому как симультанный, одномоментный прорыв в это (некое) иное измерение, порождающее целостный смысловой образ в гармонии составляющих его частей. В языковом отношении это слияние чувства и слова. Интересны заметки самих творческих личностей по этому поводу.

Обратимся в рамках лингвокогнитивного направления к стихотворению Максимилиана Волошина «Рождение стиха», посвященному Бальмонту,

которое не раз выступало предметом литературоведческих размышлений различного уровня.

Текст этого стихотворения Волошина с лингвокогнитивной (и психолингвистической) точки зрения воплощает целый ряд семиотически нагруженных релевантных кодов (моделей), развертывающих ассоциативно-образную карту составляющих творческого акта рождения поэтического слова.

В образной системе стихотворения фиксируются два этапа творческих усилий с моментом взрывного перехода одного в другой, предшествующих рождению стиха, предстающего в виде символического образа цветка гиацинта в совершенстве и законченности его форм.

Первый этап можно определить как «предсловесный». Это общее душевное состояние предощущения творческого прорыва, ассоциируемое в образной ткани стихотворения с предгрозовым состоянием природы. Предгрозово-мрачный с прорывающимися зарницами, горящие тревожным светом окна создают ощущение высокой степени напряженности, сочетаемой с предгрозовой предельной интенсивностью запахов растений. В такие моменты обостренное чувственное восприятие человека улавливает энергетические потоки, пронизывающие пространство. Тянущиеся во мраке *протяжно-невучие волокна* – это потоки формирующейся энергии предзвучания, энергии еще не оформленного в слово звука, прорывающегося из недр подсознания.

В точке наивысшего напряжения состояния природы (О, *запах цветов, доходящий до крика!*») мрак разрывается ударом молнии. Этот момент прорыва к свету фиксирует состояние озарения, связанное с ощущением свершения чуда гармонии («*Вот молния в белом излучьи.../ И сразу все стало светло и велико.../ Как ночь лучезарна!*»).

Второй этап – это прорыв к свету, прорыв в новую реальность ритмизированного звука, реальность порождения гармоничных созвучий слов («*Танцуют слова, чтобы вспыхнуть попарно / В влюбленном созвучьи*»), обрастаемых (расцвечиваемых) виденьями и образами («*Из недра сознанья, со дна лабиринта / Теснятся виденья толпой оробелой*»). Гармония чувства и слова (звука) порождается воспринимаемой (ощущаемой) поэтом пульсацией внутреннего музыкального ритма, организующего мир видений и слов в единую целостность – чистый и безупречный в своем совершенстве стих («*И стих расцветает цветком гиацинта, / Холодный, душистый и белый*»).

С точки зрения когнитивно-логического конструирования смысла здесь вырисовывается определенная схема, «алгоритм» творческого акта: *внутренняя напряженность – прорыв (взрывная разрядка напряженности) – порождаемый ментальный образ (стих)*.

В аспекте же выявления структурных элементов художественного сознания особую значимость приобретают когнитивные контексты реализации творческого акта, представляемые в языковой метафорической форме на чувственно-эмоциональной, перцептивно-образной основе. При этом, в свете матричного подхода, можно было бы также отметить важную роль когнитивной матрицы «природа» при формировании семантико-когнитивных опор художественного сознания в целом.

По нашему мнению, интерес представляют в рассмотренном стихотворении образы, представляющие, по сути, глубинные слои сознания, может быть, подсознания, то есть той части когнитивной сферы, которая функционирует на уровне нейронных связей, превращенная форма энергии которых выливается в зарождающиеся виденья, звучанья.

Творческое вдохновение может выступать в облачении разнообразных когнитивных контекстов, тем не менее, и в этом случае можно проследить некоторые параллели в изображении рождения поэтического слова-образа или слова-звучания. Представляется уместным привести здесь в качестве примера стихотворение Анны Ахматовой «Творчество»:

*Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг.
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава.
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже слышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки, -
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.*

В строках этого стихотворения реализуется в общем-то иной денотативно-образный фон. Но остается эффект стихающего грома, остаточные тревожные звоны, неясные голоса бездны, переходящие вдруг в один все победивший звук, открывающий путь словам, легко слагающимся в строчки. И снова возникает символ белого совершенства.

Художественное сознание тесно ассоциировано с процессом прорыва к свободе, маркирующим творческий процесс. При этом также можно проследить, наряду с общностью концептуальных установок, наличие индивидуальных когнитивных контекстов языковой (семантической) реализации художественного образа.

Так, в общем психологическом контексте индивидуально маркированного «органического» восприятия мира можно отметить у Осипа Мандельштама в качестве метафоры преодоления, вернее, снятия состояния напряжения с выходом в речь «выпрямительный вздох» и «дуговую растяжку», начинающую звучать «в бормотаньях» (Восьмистишия):

*Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.*

*И так хорошо мне и тяжело,
Когда приближается миг,
И вдруг дуговая растяжка
Звучит в бормотаньях моих.*

Сфера чувственная, эмоционально-образная, сфера душевной жизни человека, составляющая важнейший предмет художественного осмысления, определяет и общие черты, и особенности художественного мировосприятия, в том числе при характеристике творческой деятельности.

Так, при определении творчества Б. Пастернака встречаем такие строки:
И сады, и пруды, и ограды,

*И кипящее белыми воплями
Мирозданье – лишь страсти разряды,
Человеческим сердцем накопленной.*

(Определение творчества)

У Марины Цветаевой находим:

*Нам дар один на долю выпал:
Кружить по душам, как метель.
– Грабительница душ! – Сей титул
И мне опущен в колыбель!*

(Та же молодость, и те же дыры)

Огромный эмоциональный накал, энергия «взрыва», «взлома» - отличительные черты образов художественного мира М.Цветаевой. В эту систему органично вписывается динамика образа «волны», «пены морской» нестандартных определений («гривастая кривая»).

Пространственные образы имеют достаточно много разнообразных и разноуровневых «представительств» в художественном сознании. Следует отметить, что метафора пространства широко представлена и в обыденном сознании, в том числе в обличье «преодоления пространства», факт которого свидетельствует о всевластии человека, покорившего пространство своего обитания на Земле и стремящегося к покорению космоса.

Особенностью художественного мира многих поэтов является метафора «выхода из пространства» как символ свободы. Но есть еще один когнитивный контекст этой метафоры – стремление проникнуть в сферу чистого духа, в сущность бытия, «увидеть за зримости сдернутой завесой суть бытия», по определению Марины Цветаевой. Исходя из этой цели, в опоре на интуицию, художественное сознание выстраивает элементы постигаемого особым тонким способом «инонаучного» знания в законченные стихотворные образы.

Якимова Е.М.
к.ф.н., НИУ «БелГУ», Россия

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В ЖАНРЕ СЕМЕЙНЫХ РОДОСЛОВНЫХ

В статье представлено описание интертекстуальных предпочтений языковой личности посредством анализа контекстов родословных, содержащих афоризмы, реплики членов семьи, пословицы и поговорки, цитаты из песен и художественных произведений. Функционирование интертекстуальных включений в рассказах о семье обусловлено авторскими интенциями и ценностными установками, которые определяют приоритетные текстовые источники.

Ключевые слова: Семейные родословные, языковая личность, литературоцентричность, текст, интертекстуальность, цитата, афоризм.

Yakimova E.M.
Belgorod State National Research University, Russia

INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN THE TEXTS OF FAMILY GENEALOGY

In this article the intertextual preferences of a linguistic persona are described. The subject of our analysis is family genealogy contexts which contain aphorisms, family members' remarks, proverbs, songs and fiction citing. Functioning of the intertextual preferences in family stories depends on authors' intentions and values which determine textual sources according to their priority.

Key words: Texts of family genealogy, linguistic person, literature centricity, text, intertextuality, citing, aphorism.

В текстах семейных родословных находят отражение как особенности речи автора (богатство лексикона, синтаксические навыки, умение доступно, точно выразить собственные мысли), так и черты личности в целом: особенности логического мышления, характер акцентуации, особенности восприятия действительности. Некоторые характеристики, в том числе этнокультурные особенности языковой личности, могут быть проанализированы в рамках описания тех текстовых фрагментов, которые автор включает в ткань семейных родословных как значимые и необходимые для достоверного и выразительного повествования об истории семьи. Будучи результатом когнитивно-речевой деятельности автора, семейные родословные отражают культурные предпочтения языковой личности сквозь призму особенностей национального сознания.

Такую особенность национального сознания, как литературоцентричность, отмечают многие лингвисты, в том числе исследователи феномена прецедентности. Так, Е.А. Нахимова пишет: «Как известно, в нашей стране издавна литература и театр (а в XX веке еще и кино) служат своего рода «учебниками жизни» – источниками моральных ценностей, стереотипных представлений и репертуара прецедентных имен, ситуаций,

текстов и высказываний» [1: 170]. Исследование жанра семейных родословных в аспекте ономастики также позволило сделать вывод о том, что литературоцентричность «проявляется не только в подражании композиции и манере художественного произведения, но и в прямых включениях, в стремлении авторов родословных включить в свой текст афоризм <...> или крылатые слова из художественных произведений» [2: 91]. Фрагменты художественных произведений органично вплетаются в повествование о семье и, безусловно, свидетельствуют о творческом потенциале языковой личности. Афоризм Л.Н. Толстого: *«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»* – лидирует по частоте использования в силу соотнесённости с семейной темой, которая не является редкостью в художественных произведениях.

Цитаты (афоризмы), фиксируемые в семейном дискурсе, могут репрезентировать базовые концепты родословных, например: ПАМЯТЬ: *«Народ, не помнящий своего прошлого, не имеет и будущего»*. Эти слова обычно говорят о тех людях, которые не помнят и не знают своих корней (Б.Е.В.); РОДИНА: *Ты вспоминаешь не страну большую, / Какую ты извездил и узнал, / Ты вспоминаешь **родину** – такую, / Какой её ты в детстве увидал. К. Симонов (эпиграф) (Б.А.А.); СЕМЬЯ: *«**Семья** всегда будет основой общества»*. Так сказал великий Оноре де Бальзак. И с этим невозможно не согласиться (К.Ю.В.); ДОМ: *«**Домашний очаг** должен быть не местом пребывания, а местом, куда мы всегда возвращаемся»*. Как бы хорошо ни было в самых прекрасных местах, есть ни с чем не сравнимое **чувство возвращения домой**, где тебя всегда любят и всегда ждут... **Мой дом, моя семья...** (Щ.Ю.Е.). В рамках рассуждения подобные цитаты не только работают как средство выразительности, но и выполняют коммуникативную функцию: являются авторитетным источником знания и, следовательно, сильным аргументом, включаются в текст для подтверждения правильности авторской позиции. Приоритет афоризмов, репрезентирующих базовые концепты семейных родословных, обусловлен особой смысловой нагруженностью и ценностным потенциалом «чужого» слова.*

В процессе рассуждения сильным аргументом могут стать известные песенные строки: *И вот я решила заняться исследованием темы «Историческая память на страницах семейного альбома»*. Здесь уместно привести слова замечательной эстрадной певицы **Эдиты Пьехи**. *Чтобы все лучшие человеческие качества прорастали в наших душах, **загляните в семейный альбом*** (К.А.А.). На значимость и богатейший потенциал песенного творчества в семье указывает В.К. Харченко, приводя нарративные фрагменты о семейном пении из родословных [3: 147]. Показательно, что жанрообразующие контексты повествовательного и описательного характера нередко насыщены точно воспроизведёнными цитатами, ёмкими и запоминающимися песенными строками: *«Как поётся в известной песне, **«эх, дороги, пыль да туман, холода, тревоги да степной бурьян»***. Этими дорогами от Смоленска до Берлина прошагал мой прадед (К.Ю.В.); *А с фотографии внимательно смотрят на нас глаза солдата. Это единственная*

фронтальная фотография прадеда, которая сохранилась. На ней он ещё совсем молодой. И как в той известной песне, «...этот взгляд словно высший суд для ребят, что сейчас растут, и мальчишкам нельзя ни солгать, ни обмануть, ни с пути свернуть» (К.М.В.). В портретном описании можно отметить следующие речевые интенции автора: цитаты из песен способствуют выразительности речи, приближают текст к художественному, что свидетельствует о творческом потенциале языковой личности и стремлении писать о своей семье лучшим языком.

Использование пословиц и поговорок в описательных фрагментах семейного родословия обусловлено ситуацией сравнения лица с идеалом, принятым в обществе и отражённым в народной мудрости. *Мне очень нравится пословица «Хозяйкою дом стоит». Русский дом во все времена был крепок не только хозяйкой, но и доброй женой и заботливой матерью. Такой и является наша мама (Т.Ю.С.);* *Глядя на него, я понимаю смысл пословицы «Не место красит человека, а человек – место» (Ш.Е.В.).* Паремия, имея потенциал характеристики, дополняет описание человека, является своеобразным маркером положительной оценки родственника и его поведения.

Появление пословицы в сознании носителя языка может быть связано с её функционированием в кинотексте: *Моя младшая сестра очень любит смотреть мультфильмы, а потом повторять понравившиеся фразы. Ей очень нравится мультфильм «Серая шейка», а там есть такие слова: «Когда семья вместе, то и душа на месте». Когда она была маленькая, то все время спрашивала, что означает «душа на месте» (М.И.А.).* На значимость паремического фонда в языковом сознании личности указывает обращение к поговоркам в нарративных фрагментах, использование пословиц в качестве весомого аргумента в собственных рассуждениях (*Не нужен клад, коли в семье лад. Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает. Счастье не птица, само не прилетит. Где одному не справиться, там род поддержит*).

Источники, отражающие культурные предпочтения языковой личности, имеют не только письменную, но и устную (акустическую) традицию. Родословные нередко насыщены внутрисемейными прецедентными текстами, под которыми А.А. Павлова понимает «тексты (или их фрагменты), апеллирование к которым в процессе создания нового повествования об истории своей семьи имеет достаточно частотный характер; данные тексты являются хорошо известными определенному кругу субъектов – членам семьи, обладают действенным характером и легко дешифруются адресатом, принадлежащим к данной семье» [4: 35]. Некоторые фрагменты включают прямую речь, фиксирующую жизненный опыт предшествующих поколений: *На войне ей оторвало большой палец на ноге, но она сейчас про это говорит: «Главное жить осталась, а остальное – мелочи жизни!» (М.А.А.);* *Дедушка всегда мне говорил такие слова: «Жизнь одна, внученька, и надо прожить её достойно!» При этом он поглаживал меня по голове и крепко обнимал. Впоследствии слова дедушки стали для меня жизненным девизом (К.Я.Ю.).* Реплики из устной речи, которые не закреплены в письменном источнике и могут быть утрачены, попадают в тексты семейных родословных, что связано с

ценностными установками автора и постоянным пребыванием «чужих» слов в сознании носителей языка.

Использование афоризмов, песенных строк, пословиц в текстовом пространстве родословных не исчерпывается авторской интенцией разнообразить текст семейного родословия цитатами исключительно в целях выразительности. «Чужое» слово включается в текст, во-первых, в качестве авторитетного источника знания и весомого аргумента, во-вторых, как средство объективной оценки в контексте положительной характеристики человека. Интертекстуальные фрагменты, функционирующие в корпусе семейных родословных, не только свидетельствуют об эрудиции, творческом потенциале автора, но и отражают индивидуальные предпочтения, высвечивают значимые культурные доминанты в сознании личности.

Литература:

1. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
2. Харченко, В.К. Лингвогенеалогия: Имя собственное в жанре семейных родословных / В.К. Харченко, Е.М. Черникова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 192 с.
3. Харченко, В.К. Общение в семье: в поисках слов и интонаций / В.К. Харченко. – М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2014. – 240 с.
4. Павлова, А.А. Концептосфера внутрисемейных родословных / А.А. Павлова // Дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2004. – 212 с.

Ярцева О.А.

Воронежский государственный университет, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «РУССКАЯ КУХНЯ» НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В данной работе приводится описание названий пищи с точки зрения их происхождения, что дает возможность проследить историю становления русской кухни, которая прошла многовековой путь развития, пережив несколько этапов. Бытовая сфера жизни, с позиции истории её становления и эволюции приобретает особую значимость в связи с необходимостью исследования языка, хранения и передачи культуры.

Ключевые слова: культура, культурный компонент слова, заимствования, слова нерусского происхождения, художественная литература.

Yartseva O.A.

Voronezh State University, Russia

LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF THE THEMATIC GROUP “RUSSIAN CUISINE” IN FICTION

The article deals with the description of the names of the food concerning its origin, which makes it possible to trace back the history of the formation of the Russian cuisine, which has been developing for many centuries. The household sphere of life in terms of the history of its formation

and development is of particular importance due to the necessity of the language study and cultural transfer.

Key words: culture, cultural component of a word, loan words, foreign words, fiction.

Поскольку в процессе изучения языка подлежит усвоению и культура, то большое значение имеет овладение словами, своеобразная семантика которых отражает своеобразие этой культуры [1: 68]. Представление слова с культурным компонентом значения в процессе обучения иностранным языкам связано с проблемами человеческого общения, воспитания терпимости к чужим культурам, межкультурной коммуникации [5].

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выделили семь групп безэквивалентной лексики, которые, естественно, не исчерпывают всего богатства русского словарного состава: советизмы, слова нового быта, наименования предметов и явлений традиционного быта, историзмы, лексику фразеологических единиц, слова из фольклора, слова нерусского происхождения [2].

В данной работе мы рассматриваем слова нерусского происхождения и факты заимствования слов с учетом социально-исторических факторов (времени и условий заимствования, семантической специфики заимствованных слов, их функций).

Художественный текст также является носителем лингвострановедческой информации. В нашем случае из художественного текста можно выделить группу слов нерусского происхождения, а именно названий предметов и явлений русского быта.

Широкое использование текстов художественной литературы при обучении ИЯ способствует усилению коммуникативно-познавательной мотивации студентов, позволяет разнообразить приемы и формы работы, апеллировать к интеллекту и эмоциональной сфере студентов, наиболее эффективно реализовать общедидактическое требование сочетания обучения и воспитания [4].

Итак, различие условий заимствования проявляется, прежде всего, в том, каким путем осуществляется заимствование: в результате устных контактов или через посредство письменности.

Наиболее ранние заимствования осуществлялись в процессе устного общения русских с народами, непосредственно соседствующими с ними, в условиях частичного двуязычия.

БОРЩ заимств. в XIX в. из укр. яз., где *борщ* «суп из свеклы с капустой», «суп из борщевника». Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. Н. М. Шанский, Т. А. Боброва.

*«...Но лучше всего, благодетель мой, **борщок** из свеклы на хохлацкий манер, с ветчинкой и с сосисками. К нему подаются сметана и свежая петрушечка с укропцем...»* А.П. Чехов, «Сирена».

*«...Пелагея Антоновна внесла дымящуюся кастрюлю, при одном взгляде на которую сразу можно было догадаться, что в ней, в гущи огненного **борща***

находится то, чего вкуснее нет в мире, - мозговая кость...» М. Булгаков, «Мастер и Маргарита».

ГАЛУШКИ, галушек, ед. галушка, галушки, жен. Украинское кушанье: кусочки теста, сваренные в супе или молоке. Толковый словарь Ушакова.

«...Он наклонил слегка голову к миске и хлебал жижу, схватывая по временам зубами галушки...» Н.В. Гоголь, «Вечера на хуторе близ Диканьки».

ПЕЛЬМЕНИ (искаженное от пермяцкого пельняни; пель ухо и нянь тесто: тестяное ухо). Блюдо, пришедшее в русскую кухню с конца XIV начала XV в. с Урала и особенно после начала русской колонизации Зауралья. Кулинарный словарь В.В. Похлебкина.

«...Хочешь - пельмешков горяченьких дам? ...» М. Горький, «На дне».

Распространение письменности создало новые условия для лексических заимствований. К наиболее ранним заимствованиям можно отнести грецизмы, которые проникли в русский язык через посредство церковнославянской письменности. Киевская Русь вела оживленную торговлю с Византией, и проникновение греческих элементов в русскую лексику началось еще до принятия христианства на Руси и усилилось под воздействием христианской культуры в связи с крещением восточных славян, распространением богослужебных книг, переведенных с греческого языка на старославянский.

КУЛИЧ, кулича, муж. (от греч. kollikion круглый хлеб). Сладкий сдобный хлеб, высокий, цилиндрической формы. Толковый словарь Ушакова.

«...Когда по улице проезжал извозчик, бабушка очень пугалась: от малейшего сотрясения тесто могло «сесть», и тогда прощай высокие ноздреватые куличи, пахнувшие шафраном и покрытые сахарной глазурью...» К. Паустовский, «Далекие годы».

ПРОСФОРА (греч. prosphora приношение) (просвира) круглый хлебец из пшеничной муки особой выпечки, употребляемый в христианских обрядах. Большой Энциклопедический словарь.

«...доказывал именно тем, что в католической вере просвиры пекутся пресные, а не кислые...» М. Е. Салтыков-Щедрин, «Как кому угодно».

Так, заимствования из тюркских языков особенно активно осуществлялись в период монголо-татарского нашествия. Они относятся главным образом к кочевому быту этих народов.

ШАШЛЫК, шашлыка, муж. (тюрк. sislik). Кушанье из кусочков баранины, зажаренных в нанизанном на вертеле виде. Толковый словарь Ушакова.

«...Над жаром огня дозревали шашлыки, и оттуда уже доносился запах жареного мяса...» Ф. Искандер, «Морской скорпион».

БАЛЫК, балыка, муж. (тюрк., ср. тат. свежая рыба). Соленая и провяленная хребтовая часть красной рыбы. Толковый словарь Ушакова.

«...Помилуйте! щи из кислой капусты, поросенок под хреном, жаркое, рябчики, пирог из яблоков, а на закуску: икра и балык — вот мой образ мыслей...» М. Е. Салтыков-Щедрин, «Письма к тетеньке».

ЛАПША, лапши, мн. нет, жен. (тюрк.). Тесто из пшеничной муки, тонко раскатанное, изрезанное полосками и высушенное. Толковый словарь Ушакова.

«...Об обеде совещались целым домом... Всякий предлагал свое блюдо: кто суп с потрохами, кто **лапшу** или желудок, кто рубцы, кто красную, кто белую подливку к соусу...» И.А. Гончаров, «Обломов».

Во второй половине XVII – начале XVIII века в быт русского дворянства входит польский язык, заимствуемый через посредство польского общественного быта. Полонизмы получают распространение в бытовом языке, чем поддерживалось их употребление в литературном языке.

ЗРАЗЫ, зраз (зразов устар.), ед. (редк.) зраза, зразы, жен. (польск. zrazy) (кул.). Кушанье из мяса с фаршем из гречневой или др. каши. Толковый словарь Ушакова.

«...Не спрашивая их дозволения, я тотчас же заказал ещё три порции **зраз** и три рюмки очищенной; затем мы поздоровались, уселись и замолчали...» М. Е. Салтыков-Щедрин, «За рубежом».

Наибольшее число заимствований связано с эпохой Петра I, реформы которого сопровождались сильным расширением международных связей по экономическим, политическим и культурным линиям. В качестве источников здесь выступали европейские языки: немецкий, французский. Не менее интенсивно пополняется русский язык названиями бытовых предметов:

ВАФЛЯ, вафли, род. мн. вафель, жен. (нем. Waffel). Тонкое сухое печенье из муки на сливках и яйцах с клетчатым оттиском на поверхности. Толковый словарь Ушакова.

«...Шампанским **вафли** запивают;

И все на свете забывают

Средь вин, сладостей и аромат...» Г. Р. Державин, "Фелица".

КАРТОФЕЛЬ, картофеля, мн. нет, муж. (нем. Kartoffel). 1. Растение с растущими в земле и употребляемыми в пищу клубнями (бот.). Картофель родом из Южной Америки, в Зап. Европу ввезен в 16 в., в России известен с конца семнадцатого года. Толковый словарь Ушакова.

«...Пьер не ел целый день, и запах **картофеля** показался ему необыкновенно приятным...» Л. Н. Толстой, «Война и мир».

КР'ЕНДЕЛЬ, кренделя, мн. крендели-кренделя, кренделей, муж. (от нем. Krenzel). Сдобная витая булка в форме буквы В. Толковый словарь Ушакова.

«...Потом куриловские крестьяне поднесли Маше икону, а дубеченские большой **крендель** и позолоченную солонку...» А.П. Чехов, «Моя Жизнь».

Образ жизни русского дворянства во многом определялся французским влиянием:

БИСКВИТ, бисквита, муж. (франц. biscuit). Легкое сладкое сдобное печенье. Толковый словарь Ушакова.

«...Но человек подал ему чашку чаю и поднос с **кренделями**. Он хотел подавить в себе смущение, быть развязным и в этой развязности захватил такую кучу сухарей, **бисквитов**, **кренделей**, что сидевшая с ним рядом девочка засмеялась...» И.А. Гончаров, «Обломов».

РАГУ, нескл., ср. (франц. ragût) (кул.). Кушанье из мелко нарезанного мяса или рыбы с пряной и острой приправой. Толковый словарь Ушакова.

«...*Стол — смесь английского с французским: зелень, например, вся приготовлена по-французски, а мясо и рыба поданы по-английски, неразрезанными; к ним особо опять французские рагу, тут же и сои, пикули...*» И. А. Гончаров, «Фрегат «Паллада».

В XIX в. особенно продуктивным источником является английский язык:

КЕКС, кекса, муж. (от англ. мн. cakes пирожные). Сдобный сладкий хлеб с изюмом. Толковый словарь Ушакова.

«...*Вот пятеро — три дамы и двое мужчин — уселись за стол вокруг шумящего самовара; хозяйка вручила каждому по чашке чаю; пододвинула печенье, варенье, кекс, конфеты...*» А.Т. Аверченко, «Разговор за столом».

БИФСТЕКС [тэ], бифштекса, муж. (англ. мн. beefsteaks, букв. куски говядины) (кул.). Вид жаркого, толстый кусок говяжьего филе, обжаренный на сковороде. Толковый словарь Ушакова.

«... *Здесь дают настоящее мясо и очень хорошее красное вино. ...Мы заняли один столик, спросили себе бифштексы и вина...*» Н.С. Лесков, «Шерамур».

А.А. Реформатский в книге «Введение в языковедение» писал: «Нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами. В каждом языке имеются и слова заимствованные, иноязычные. В разных языках и в разные периоды их развития процент этих «не своих» слов бывает различным» [3].

Сопоставительное исследование лексики исконного и заимствованного происхождения выявляет значительное превышение в рассматриваемой нами тематической группе класса заимствованных единиц (см. например, А. Р. Шхумишхова), что обусловлено установлением тесных экономических и культурных отношений между Россией и другими странами.

На основании рассмотренных примеров лексики можно не только установить степень влияния других языков, но и сделать наблюдения относительно лингвокультурологической характеристики данного фрагмента словаря и связанных с ним традиций национального питания. Диахронический анализ примеров предоставляет возможность уточнить, какие продукты и блюда появились на русском столе в тот или иной период.

В рамках данной работы важно указать на роль художественного текста в актуализации элементов культурного компонента слова.

Русская классическая литература, являясь ценным источником познания мира, воспроизводит тот или иной этап развития русского общества с его социальными, моральными и бытовыми подробностями.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1976. - 248 с.
Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: руководство, 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983.
2. Реформатский А.А. Введение в языковедение: учебник для студентов филологических специальностей высших педагогических учебных заведений / А. А.

Реформатский; ред. В. А. Виноградов; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. - 5-е изд., испр. - Москва: Аспект-Пресс, 2004. - 536 с.

3. Серегина, М.А. Понятие лингвострановедения в современной науке / М.А. Серегина // Язык и межкультурная коммуникация : материалы междунар. науч.- практ. конф. – Ростов н/Д : Изд-во ИУБиП, 2005. – С. 76–79

4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово/Slovo, 2000. — 624 с.

5. Шхумишхова, А. Р. Номинации понятийной сферы "пища": структурно-семантический и функциональный аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01, 10.02.19 / Шхумишхова Асият Руслановна; [Место защиты: Адыг. гос. ун-т]. - Майкоп, 2011. - 178 с.

Секция 4
**«ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА, СТИЛИСТИКА,
ПРАГМАТИКА»**

Болсуновская Л.М.

к.ф.н, доц., Национальный исследовательский Томский политехнический
университет, Россия

**ИНЖЕНЕРИЯ В ПОЛЕВОЙ СИСТЕМЕ ИНТЕРДИСКУРСИВНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

В данной статье мы рассматриваем современную инженерию с точки зрения полевого взаимодействия. Термин дискурс используется в значении, которое он приобрёл в современной теории дискурс-анализа и рассматривается как система, требующая постоянного обновления в соответствии с современными глобальными вызовами. Рассматривается взаимодействие инженерного дискурса с другими институциональными дискурсами с точки зрения полевой теории и интердискурсивности.

Ключевые слова: инженерный дискурс, дискурс-анализ, теория поля, интердискурсивность

Bolsunovskaya L.M.

National Research Tomsk Polytechnic University, Russia

**ENGINEERING WITHIN THE FIELD SYSTEM OF INTERDISCOURSE
INTERACTION**

The article describes the modern engineering from the viewpoint of the field interaction. The term discourse is used as a meaning of the modern discourse analysis theory and is considered as a system that requires a constant renewal according to global challenges. The interaction of engineering discourse with other institutional discourses in the context of field theory and interdiscursivity is also described.

Key words: engineering discourse, discourse-analysis, field theory, interdiscursivity

Начало XXI века ознаменовалось постановкой перед обществом новых, серьезных задач. Процессы глобализации и компьютеризации поставили под вопрос традиционную структуру инженерного дискурса. Кроме изменения прагматических целей инженерной деятельности в настоящее время происходит ещё и переход к новой форме трансляции информации - глобальным компьютерным сетям. Соответственно инженерный дискурс необходимо рассматривать как систему, «технологический процесс» с заданными входными и выходными параметрами и с необходимостью постоянного обновления в соответствии с современными глобальными вызовами. Несмотря на то, что в вузах учебные предметы и программы технических специальностей по-прежнему тесно связаны с научными дисциплинами, они остаются в большой степени изолированными от практического применения инженерии как профессиональной деятельности.

Инженерная практика связана с социальными факторами технологического процесса, которые выборочно используют инженерно-технический опыт и определяют проблемы, которые инженеры должны рассматривать, а также условия приемлемых решений [1:121].

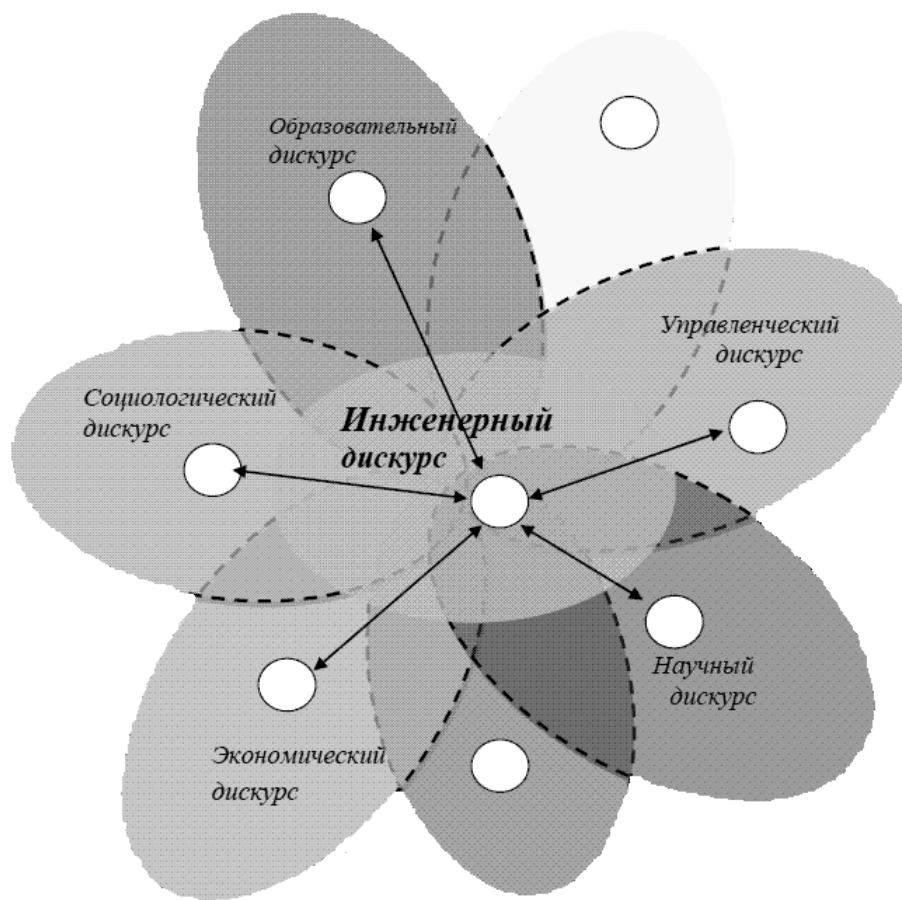
В данной статье мы используем термин дискурс с точки зрения подхода, разработанного в новой социальной теории. Социальные институты создают специальные стратегии письма и коммуникации об отдельных областях общественной жизни, относящихся к месту и природе института. Иначе говоря, в отношении определённой сферы общественной жизни, имеющей особую значимость для института, институт заставляет производить набор утверждений, которые в значительной степени определяют, описывают и устанавливают границы в отношении допустимых и недопустимых высказываний об этой сфере, и, следовательно, того, как следует говорить и писать о ней.

Дискурс обладает силой создавать реальность, называя её и наделяя её значением. По мнению Фокольта эта созидательная сила всегда является «дистрибутивной» политикой, то есть, «реальное» или «верное» определяет то, какая информация включается, а какая исключается. Проще говоря, для нас принципиально, что без более широкой дискурсивной парадигмы инженерии не может провести самооценку, необходимую для обновления и возрождения инженерной профессии [4].

Целесообразно начать рассмотрение возможности инженерии с более пристального взгляда на сегодняшний институциональный контекст. Очевидной становится «дискурсивная система» - термин, относящийся к сосуществованию в любом отдельно взятом институте множества дискурсов, обуславливающих природу и деятельность института. С возросшей диверсификацией отраслей знаний мы наблюдаем сложные и неявные взаимосвязи в интерпретации и описании реальности в текстах, которые создают специальные области знаний. Поэтому междискурсивный признак является ключевой характеристикой инженерного дискурса. В инженерии существует много дискурсов, находящихся в напряжённых отношениях, если не в конфликте, друг с другом. Они находятся на разных уровнях по распределению статуса и ресурсов. Кроме того, инженерный дискурс находится в тесном взаимодействии с другими институциональными дискурсами (см. рис. 1).

Исходя из показанного на рисунке 1 взаимодействия, необходимо отметить, что инженерия заимствует элементы риторических произведений из других институциональных дискурсов, например, менеджмента, включая управление инженерной деятельностью, а также кадровые и финансовые вопросы; бизнес, включая поддержку инноваций в системах, процессах и продуктах; экономика; промышленный дизайн; вопросы эстетики и эргономичности. социологии, включая положение инженерии в его социальном и культурном контекстах; политики и развития, включая выпуск акций на национальном и международном уровне; философии и этики (этикет);

экологические исследования (сама дискурсивная система) в значительной степени будут обусловлены потребностями пользователей и т.д.

Институциональность дискурса имеет различные варианты выражения – одни характерны для ядерных жанров, другие - периферийных жанров, присущих нескольким видам дискурса. Данные особенности позволяют говорить о полевой структуре дискурса, в том числе и инженерного. При этом ядерные жанры находятся в центре поля и являются прототипичными, а периферийные жанры располагаются на ближней и дальней перифериях. При этом жанры, находящиеся на дальней периферии непрерывно взаимодействуют, что говорит о прозрачности границ поля. Существуют различные точки зрения на понимание интердискурсивности, однако, как отмечает Данилова С.А. : «интердискурсивность как многомерное явление может проявляться в самых разных формах: и через языковые знаки, и через текстовые системы, и, возможно, через разные коды и какие-либо другие проявления» [2]. Мы не утверждаем, что один дискурс должен вытеснить другой, например, что бизнес должен заменить инженерную науку в вопросе определения того, что целесообразно или необходимо для инженерной деятельности. Однако, ограничивающим обстоятельством в определении инженерной деятельности является упор только на инженерную науку. Инженерные исследования уделяют основное внимание инновациям, направленным на рост продуктивности и разработку новых продуктов, процессов и систем, что легко объяснимо в рамках существующего дискурса инженерной науки.

Производство находится внутри дискурса, однако внимание к производству обходит стороной вопрос распределения доходов от реализации инженерной деятельности – аспект, рассматриваемый не на территории инженерии, а других дискурсов, таких как бизнес и политика.

Современная инженерная деятельность выходит за пределы национальных границ. Инженерия стала глобальной отраслью, последняя форма которой, вероятно, сродни тому, что Стивен Гольдман описывает как «гибкое производство» [1]. Насущной стала потребность в действительно международном языке, стандартизированном техническом языке – перспективное движение к системе глобальной коммуникации. Такая инженерная деятельность очень важна с точки зрения экономики. Инженерия должна расширить параметры своего дискурса и освободиться от своего «связанного» положения. Широко обоснованы последствия недооценки реальных контекстов инженерной деятельности. Профессия испытывает давление с двух сторон: с одной стороны, как результат социальных и политических ожиданий, что она будет более инклюзивной; а с другой стороны, как результат исключения из традиционных ролей и политической поддержки. Если инженерия претендует на успех в восстановлении положения, при котором профессиональные знания используются наилучшим образом, она должна развить дискурсивную компетентность, соответствующую все более и более сложной социальной среде, в которой она осуществляется. Радикальный сдвиг от практической стороны деятельности к управлению развитием и применению технологий доказывает правомерность нашего утверждения о развитии дискурса, ориентированного на анализ инженерной деятельности.

Наряду с более общими изменениями на рабочем месте современного инженера, произошли и частные изменения, а именно, то, что рабочая среда стала средой дискурса. В контекстах коммуникации и документации, инженеров всё больше привлекают к процессам объяснения, оценки, обсуждения и убеждения. Инженеры привыкли работать только в рамках своего собственного дискурса, где они убеждены в том, что факты говорят сами за себя. Эффективная междисциплинарная деятельность требует признания того, что факты являются составными элементами дискурса, и необходимо представить, объяснить и отстоять их значимость и целесообразность.

Основным вопросом инженерной профессии на сегодняшний день является вопрос реинженеринга, который, хотя и является желательным с технической точки зрения, вряд ли произойдёт, если инженерный дискурс фундаментально не изменится, включая политические, социальные, экономические и экологические аспекты. В настоящее время формируется новый инженерный дискурс, выходящий за пределы связанности, заданной как наукой, так и бизнесом. Для удовлетворения потребностей будущего нам необходим природосберегающий, социально значимый и инклюзивный инженерный дискурс, признающий глобальную природу инженерии.

Литература

1. Goldman, Steven L. "The Social Captivity of Engineering." In Durbin, Paul T., ed., *Critical Perspectives on Nonacademic Science and Engineering*. Bethlehem: Lehigh University Press, 1991. Pp. 121.
2. Данилова С. А. Институциональный дискурс, интердискурсивность и дискурсивная гетерогенность // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 30. – С. 316–320. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/65134.htm>.
3. Kress, G. "Socio-Linguistic Development and the Mature Language User: Different Voices for Different Occasions." In Wells, G. and Nicholls, J., eds., *Language and Learning: An International Perspective*. London: Palmer, 1985.
4. Foucault, M. "The Order of Discourse." In Shapiro, M., ed., *Language and Politics*. New York: New York University Press, 1984.

Воробьева А.Е.

к.ф.н., НИУ «БелГУ», Россия

РЕЧЕВОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ СЕТЕВОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются некоторые подходы к изучению речевого манипулирования, а также механизмы и способы его репрезентации, реализуемые адресантами в продуцируемых ими текстах электронной деловой корреспонденции.

Ключевые слова: речевое манипулирование, суггестивность, волюнтаривность, сетевой деловой дискурс.

Vorobyova A.E.

Belgorod National Research University, Russia

LINGUISTIC MANIPULATION IN THE ENGLISH TEXTS OF WEB-BASED DISCOURSE

The article deals with some approaches to the study of linguistic manipulation and some ways of its representation in the texts of electronic business correspondence.

Key words: linguistic manipulation, suggestion, voluntative function, web-based discourse

Феномен манипуляции стал выступать объектом междисциплинарных исследований относительно недавно, задействуя при этом все больше отраслей наук – психологии, философии, политологии, социологии, культурологи, менеджмента. Электронная деловая корреспонденция, как сфера реализации манипулятивных интенций адресантов, вызывает в этой связи особый интерес.

В бизнесе стратегически важно умение превратить текст обращения в инструмент убеждения, но без явного навязывания идеи. В этой связи искусство делового речевого общения требует овладения языком не только как средством общения, но прежде всего, как средством эффективного общения, служащего целям прагматического воздействия, с использованием имплицитного плана выражения [1:15]. Сообщение должно быть построено

так, чтобы адресат, которым может являться изощенный потребитель или целевая аудитория, не заметил «внушения», но оставался уверенным в том, что самостоятельно принял положительное решение.

Для нас представляет интерес использование языка как оптимального способа выражения ментальной деятельности, обусловленной психическими структурами коммуникантов (мотивами, установками, ценностями и так далее). Представляется значимым определить момент речевого воздействия в текстах сетевого делового дискурса с помощью интерпретации смысловых структур автора и реципиентов текста.

Речевое манипулирование есть некое влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических и паралингвистических средств в процессе речевого общения. Оно характеризуется особыми целями продуцента сообщения и призвано оказать влияние на эмоциональный настрой реципиента.

Манипулятивное воздействие определяется как скрытое программирование личного отношения к изображаемым или описываемым фактам или событиям [4], «неявное побуждение» [3], «скрытая трансакция» [2].

Среди приемов речевого воздействия, описанных в психолингвистике, в электронной деловой корреспонденции могут быть использованы следующие тактики:

1) чрезмерная эмоциональность, сопровождающая высказывания, когда адресант пытается «давить на чувства адресата»;

2) использование управляемых ассоциаций – связей между психическими явлениями, образующихся, когда актуализация (представление) одного из них влечет за собой появление другого;

3) использование вставленных команд и программирующих вопросов, при этом вместо прямых команд с модусом обязательства НЛП рекомендует давать команды с модусом предложения или пожелания. Важно отметить, что эффективность таких высказываний основана на создании иллюзии свободы выбора, а также на большей приемлемости для реципиентов речевых актов предложения и пожелания, чем приказа;

4) использование перефразирования с помощью смены модальных операторов, обеспечивающее иное восприятие действительности;

5) использование ассертивов – избегание негативных частиц и их производных позволяет расположить к себе собеседников и благоприятствует воздействию на них;

6) повторение слов и высказываний, призванное оставить мнемонические следы в памяти реципиента, в результате чего мысль глубоко врежется в подсознание и может влиять на чувства, мысли и поведение человека;

7) использование эмоциональной, оценочной и экспрессивной лексики [5: 75-79].

С позиций речевого манипулирования интересен следующий пример электронного делового письма.

Dear Mr. X,

Good day!

I thank you for having received your fax.

I am preparing all the samples now. I will send them by express-mail next week.

Our factory has the unique techniques. For you it means better products with the same materials. You can check it after receiving the samples. VELLON-J A and VELLON-H A are all A grade. They have the same material but different techniques, you will see it.

We have many customers in Italy and Germany. The customer in Slovenija is our biggest one. We also provide fiber backings to Luga in Russia.

Be sure in exceptional quality.

You are welcome to ask any questions about our product range.

Best regards,

Kathleen Xie

Данный текст представляется несколько неоднозначным с позиции канонов стандарта написания деловых писем. Однако, оно является очень эффективным по нескольким параметрам. Во-первых, несвойственное деловому письму приветствие *Good day!* сразу же заставляет обратить на себя внимание реципиента, выводя его из автоматизма восприятия деловых посланий, которые он получает ежедневно в огромном количестве. Согласно рекомендациям НЛП, нельзя допустить, чтобы начало письма было встречено с равнодушием, важно завладеть вниманием реципиента с первых строк, тогда письмо дочитают до конца. Во-вторых, приветствие *Good day!* несет в себе некий эмоциональный заряд: эти слова звучат дружелюбно. В-третьих, автор умело использует слова-трансляторы *For you it means ...*, которые переводят ключевые идеи на язык, понятный реципиенту. Кроме того, применение эпитетов *exceptional quality, unique techniques, better products, product range* направлены на реализацию суггестивности: адресат рисует в воображении картины успеха, достигнутого благодаря товарам или услугам адресанта. Ключевая информация *Be sure in exceptional quality*, которая призвана заверить адресата в благонадежности адресанта, выделена в отдельный абзац. Это грамотный тактический прием, позволяющий донести до реципиента важную информацию, выделяющуюся на основном фоне текста. Таким образом, автор эффективно продумал свое сообщение, используя приемы грамотной подачи деловой информации.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что речевое манипулирование в текстах электронной деловой корреспонденции выражается посредством воздействия на подсознание адресата через специфически маркированные компоненты текста, что призвано способствовать реализации намерений адресанта.

Литература

1. Безнаева, О. А. Когнитивно-прагматические особенности представления информации в деловом дискурсе: на материале англояз. деловой корреспонденции [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О. А. Безнаева. – Архангельск, 2009. – 183 с.
2. Берн, Э. Игры, в которые играют люди [Текст]: психология человек. отношений / Э. Берн; пер. с англ. М. Будыгиной, Е. Перцевой, В. Никандровой. – М.: ЭКСМО, 2002. – 314 с. – (Психологическая коллекция).
3. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита [Текст] / Е. Л. Доценко. – М.: ЧеРо : Юрайт, 2000. – 342 с.
4. Ермаков, Ю. А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия [Текст] / Ю. А. Ермаков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 203 с.
5. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Е. В. Шелестюк. – Челябинск, 2009. – 304 с.: ил.

Гайдукова Н.И., к.ф.н.,
Калюжная Е.В., к.п.н.,
Камышанченко Е.А., к.ф.н.
НИУ «БелГУ», Россия

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОГО, СЕМАНТИЧЕСКОГО, КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ РЕКЛАМНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация: В статье рассматриваются **Особенности синтаксического, семантического, коммуникативно-прагматического формирования рекламного высказывания.** В настоящее время современная реклама представляет собой развивающееся средство межкультурного общения, и перед лингвистами стоит проблема описания модели формирования рекламного высказывания, поиска онтологического основания рекламного стиля.

Ключевые слова: рекламное высказывание, межкультурное общение, рекламный стиль, коммуникативно релевантные позиции, денотативные значения, коннотативные значения.

Gaidukova N.I., Kalyuzhnaya E.V., Kamyshanchenko E.A.
Belgorod National Research University, Russia

THE PECULIARITIES OF SYNTACTIC, SEMANTIC, COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC FORM OF ADVERTISING STATEMENTS (ON GERMAN MATERIAL)

The article discusses the features of the syntactic, semantic, communicative and pragmatic form of advertising statements. Currently, modern advertising is a means of developing intercultural communication, and there is a problem the linguists should solve. They have to describe the model form of advertising statements, and search the ontological foundation of the advertising style.

Key words: advertising statement, intercultural communication, advertising style, communicatively relevant position, denotative meanings, connotative meanings.

Символический язык рекламы представляет собой сложный и многообразный объект изучения. Попытки описать и систематизировать синтаксические, лексико-семантические, коммуникативно-прагматические и стилистические особенности рекламного высказывания и установить их роль в реализации основной функции рекламного сообщения, заключающейся в воздействии на читателя адресата/потребителя, предпринимаются в работах современных исследователей рекламного текста (Ашурбекова Т.И., Борисова И.Н., Попова Е.С., Стернин И.А.). Основные задачи лингвистического описания рекламных конструкций это - выявление коммуникативных закономерностей, формирования определенного представления о действительности, нужного отношения к ней, необходимой адресанту эмоциональной реакции и выделение принципов отбора рекламно нагруженных фактов и их подачу в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферу адресата [3: 86].

Исследователи рекламных текстов отмечают зачастую агрессивную направленность рекламных текстов (Быкова О.Н., Панкова И.М., Попова Е.С.). Выполняя свою прямую задачу акцентирования реальных или символических свойств объекта, путем использования агрессивных образов и форм подачи текста (шрифтовые, графические особенности), использования различных синтаксических конструкций и ярких, броских лексических единиц – слов, словосочетаний и предложений в не свойственной им позиции, рекламные тексты характеризуются яркостью, лаконичностью, доходчивостью [4: 53]. Тексты данного типа состоят из более коротких предложений, отличающихся большей эмоциональной насыщенностью. Краткость – это необходимое условие эффективности рекламного текста. Чтобы привлечь внимание, рекламное сообщение должно быть интересным и оригинальным, однако адресат не должен затрачивать много усилий для понимания содержащейся в нем информации. Текст должен быть максимально простым и лаконичным. Данная характеристика перекликается с одной из основных тенденций развития современного немецкого языка – тенденцией стандартизации и упрощения языковых средств.

Анализ текстов рекламы показывает, что рекламный текст строится по особым правилам, содержит информационно нагруженные элементы, помещаемые в коммуникативно релевантные позиции. Рекламный текст - это особого рода информация, которая «заключает в себе не только денотативные, но и коннотативные значения – стилистические (эмоциональные, экспрессивные, образные) оттенки [2: 6], что относится в большей мере не к тому, *что сказано*, а к тому *как сказано*». Из всех компонентов структуры рекламного текста наиболее полно представлен аффективный компонент (там же, 6). Аспектуальная характеристика аффективного компонента, изучение интенции говорящего, прогнозирующей модель языковой деятельности, учет

синтаксической позиции формирования рекламного высказывания, становятся главными аспектами рассматриваемой проблематики.

Помещение рекламных элементов в конечную, коммуникативно сильную позицию в нормативном с синтаксической точки зрения предложении придает выделяемому компоненту большую весомость, значимость, акцентирует на него внимание потребителя: *Denken Sie an was Sie wollen. Nur nicht an Kopfschmerzen.* Vivimed [8: 193]. В приведенных примерах конечные элементы называют фирму-рекламодателя, рекламируемый продукт и его назначение.

Парцелляция является важным, эффективным средством оформления рекламных текстов. Единая коммуникативная структура рекламного предложения членится знаками препинания и выступает в качестве нескольких синтаксически самостоятельных единиц: *Stadtbibliothek Bremen - Die ganze Welt der Medien Bremens neue Adresse für Wissensindustrie. Die Zentralbibliothek im „Forum Am Wall“ 201. Gut erreichbar. Im Herzen der Stadt.*(Reclam) *Alle Wege - eine Bank. Egal, ob in München, Magdeburg oder Madrid: Die Postbank ist immer und überall erreichbar* [7: 56]. Парцелляты являются полностью рематическими высказываниями, что является отклонениями от нормы. Они всегда резко акцентированы и рематизированы. Парцелляты могут быть любые семантические компоненты, осуществляющие авторское намерение. Именно туда автор помещает наиболее информативные элементы. *Miele. Immer besser. Ein Programm für Jeans. Eins für Seide. Eins für Kaschmir. Gibt's auch eins für nichts* [8: 126].

Наибольшей частотностью обладает употребление экстраполированных компонентов в качестве рекламно нагруженных компонентов, вынесенных в позицию до начала развертывания субъектно-предикатной структуры. Вынос наиболее яркого, информационно насыщенного компонента в начало высказывания наряду с парцелляцией отмечался некоторыми исследователями как один из специфических приемов оформления рекламного высказывания.

Экстраполяция рекламного компонента повышает отделенность важной, новой, броской информации от основного высказывания, призванного уточнить, объяснить, пояснить вынесенный компонент: *Schnelle Schmerzreduzierung und verbesserte Beweglichkeit – mit Apotheker Dr. Imhoff's Arnika Schmerzfluid bekämpfen Sie den Schmerz genau dort, wo er entsteht....* [6:46].

Внесение экстраполированного компонента в синтаксическую структуру основного высказывания способствует потере важного преимущества. В начало рекламного текста попадает рематическая информация. Высказывание, являющееся полностью рематическим, становится перегруженным, и внимание слушающего на первый компонент ослабляется, что противоречит замыслу рекламодателя. Поэтому, целесообразнее вынести информационно, семантически нагруженный компонент за пределы высказывания: *Von Porsche bis Panda – fünf aktuelle Modelle für jeden Geldbeutel und Geschmack stehen....*[8: 9] → *fünf aktuelle Modelle von Porsche bis Panda für jeden Geldbeutel und Geschmack stehen.... Der Wissenschaftsrat ermittelte Hitliste der Universitäten, wo am intensivsten geforscht wird.* Подчеркнуть незыблемость бытия,

долгосрочность пребывания товара на рынке, надежность рекламируемого товара призваны частицы, усиливающие данное значение: Wieder in vogue: Das aufregendste aller Jahrzehnte ist zurück [8: 134].

ЭК может иметь оценочное значение: An erster Stelle die passende Mode natürlich - von den trendigsten Kleidern zum Ausgehen bis zu den passenden Accessoires verraten Ihnen unsere Beauty-Redakteurinnen das glamouröseste Party-Make-up... Rot wie die Liebe: der perfekte Begleiter bietet für die Wassermann-Frau Laurel an [8: 14]; инструктирующее значение: Licht aus, Spot an: Die Party-Saison geht los! Unser Party-Servise für Sie: Tolle Produkte machen die Nacht unvergesslich! [8: 7]. Sie möchten zum großen Befreiungsschlag ansetzen. Aber Vorsicht- machen es nicht [8: 6].

Анализ рекламных текстов с ЭК показывает, что в ходе рекламных кампаний широко используется цитирование высказываний известных личностей, апеллирование к поступкам и личностным /внутренним и внешним/ качествам известных личностей, книжных и кино героев, упоминание сюжетов широко известных произведений и кинофильмов, создающих положительный эффект. В психологии данный прием носит название «механизм ореола»: Ah, so wunderbar retro: Für diese Accessoire hätte Leutnant Uhura von „Raumschiff Enterprise“ auf der Stelle ihre geheimen Rezepte ... herausgerückt [9: 18]. Ob beim Apré's-Ski oder zum Frühstück bei Tiffaniy's – diese getupfte Brille macht jeden Tag zum Holly-Day [8: 16]. Экстрапозиция представляет собой нелинейную языковую структуру, конструкцию, основной функцией которой является преодоление линейного развертывания речи-мысли и одновременное выражение нескольких смыслов. Презентативная стратегия автора накладывается в ЭП на оценку продукта, агитацию за него, инструкцию по его применению и т.д. Редко, некоторые компоненты формируются на основе двусторонних связей, двусмысленности, тем самым привлекая внимание потребителя, заставляя его думать, решать простые нелинейные цепочки-связи: Literatur für die Ohren: Audio Books haben Hochkonjunktur (D., 4, 1997, 56). Weniger ist mehr: Das optimale Training ist für Figur und Gesundheit nützlicher [7: 76].

Стилистическая фигурация, как лингвостилистическая характеристика рекламного текста, применяемая в рекламных высказываниях, создает неповторимые рекламные образы, управляя потребительскими намерениями и активностью адресата. Der «grüne Türke» im Bundestag: Für seine Partei ein «Aushängeschild», für die zwei Millionen in Deutschland lebenden Türken ein Hoffnungsträger [6: 56]. Das Besondere im Alltäglichen: Leicht,, mit feinem Sprachwitz und überraschend neu erzählt Birgit Vanderbeke die alte Geschichte von Liebe und Enttäuschung [6: 59].

Процесс упускания логических кусков из своей речи, подразумевая, что они понятны для собеседника (теория коммуникативной компетенции [1: 48], использование скрытых возможностей языка для навязывания слушающему определенного представления о действительности [3:99], «конденсация текста» [2: 5], с одной стороны, предполагает сокращение языкового содержания текста, с другой стороны, приводит к большей степени выделения оставшихся

компонентов. Механизмом формирования рекламного высказывания в ЭП является редукция предтекста или апелляция к посттексту: 70 Jahre Lacoste. Krokodilsgeburtstag: Die Sportmarke Lacoste, bei Trendsettern genauso beliebt wie bei Sportlern, blickt auf 70 erfolgreiche Jahre zurück. [8: 134].gesponnene Visionen aus fließendem Stoffe mit klaren Linien und glitzernde Träume aus Geweben in Gold- und Silber-Optik. Leichtmetal-Look auch zu Hause: Das gemeinsame Loft glänzt vollständig in mattem Silber [8: 134].

Неформальный характер диалога с читателем устанавливается между потребителем и рекламодателем посредством употреблений местоимений «ты»/«вы»: Plaudern Sie nicht unter ihrem Niveau. Immer ein Ereignis, а также употреблением вопросительных конструкций: Der Neue Duft von Chanel. Ihre Chance ist da, ganz nah... können Sie sie erkennen? [8: 47].

Анализ рекламных экстраполированных компонентов, их синтаксической и семантической функции в построении высказывания дает право считать экстрапозицию наиболее типизированной позицией формирования рекламного жанра публицистического стиля. Характерными признаками рекламного типа ЭК является позиция большей отделенности от основного высказывания, вынос за пределы субъектно-предикатной структуры высказывания, специфическая коммуникативная организация – вынос ремы в несвойственную позицию, глубинные отношения тождества, являющиеся онтологическим основанием формирования данной семантико-синтаксической конструкции.

Литература

1. Ашурбекова Т.И. Коммуникативная организация предложения в рекламном тексте. Сб. науч.статей, Пятигорск, изд-во ПГЛУ, 2004.
2. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики.// Текст. Структура и семантика. Т.1.- М., 2001.
3. Быкова О.Н. Языковое манипулирование: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи»//Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестн. Российской риторической ассоциации. Вып.1(8). Красноярск, 1999.
4. Панкова И.М. Агрессивная направленность рекламного текста. Сб.науч.статей., изд-во ПГЛУ, 2004.
5. Пирогова Ю.К. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. - М.: Изд. дом Гребенникова, 2000.
6. Deutschland. Zeitschrift für Politik, Kultur, Wirtschaft und Wissenschaft.1993-1999.
7. Focus 12. 2002. №33.
8. Petra. Das Mode und Trend Magazin. Nr. 12,2003.
9. Spiegel. 12. 2003. №33

Донец С.М., Нешко С.И.

к.ф.н., доц., Украинский Государственный Университет Железнодорожного
Транспорта, Украина

ИМПЛИКАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПОРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОБРАЗА

Статья рассматривает скрытые механизмы функционирования образа в художественном произведении, его особенности с точки зрения передаваемой имплицитной информации и различных типов имплицитивных отношений в образном процессе. Представлена попытка моделирования имплицитивных отношений в метафорическом образном процессе с помощью понятия имплицитивного потенциала образа.

Ключевые слова: импликация, имплицитность, метафора, образ, принцип экономии, имплицитивный потенциал, импликации по линиям референта/ агента/основания.

Donets S.M., Neshko S.I.,

Ukrainian State University of Railway Transport, Ukraine

IMPLICATION AS THE MECHANISM OF IMAGE GENERATION AND DEVELOPMENT

The article deals with the hidden mechanism of image functioning in fiction, its specifics in terms of implicit information conveyed and different types of implicative relations in the image process. An attempt to model implicative relations in metaphorical image process using the notions of image implicative potential has been made.

Key words: implication, implicitness, metaphor, image, the economy principle, implicative potential, tenor-related/vehicle-related/ground-related implications.

Возрождение интереса к риторике и активная разработка проблемы имплицитного в лингвистике последних десятилетий не случайно совпали по времени. Новые ракурсы рассмотрения традиционной проблематики образа обнаружили область совместных исследовательских интересов, в частности, для изучения скрытых процессов порождения, функционирования и понимания метафоры, ее когнитивного механизма. Характерной особенностью образа является его смысловая емкость, способность передавать большой объем информации небольшим количеством знаков и, как следствие, имплицирование значительной части этой информации. Необходимость разработки проблемы имплицитного в образе диктуется также все возрастающей актуальностью проблемы понимания текста как деятельности, продолжающей творческие усилия автора и способствующей, в результате, возрастанию его информативной емкости.

«Экономичность» образа (понимаемая также как его свернутость, емкость, суггестивность) замечена лингвистами давно и анализируется с разных позиций. Традиционно явление экономии рассматривается как экономия средств выражения в синтагматике, структурная незавершенность речевой цепи высказывания. На принципе экономии базируется имплицитность как структурная недооформленность предикативного узла. Экономичность

языка вынуждает его избегать количественного приращения единиц плана выражения и обращает номинативную деятельность в русло вторичной номинации. С этой точки зрения невыраженность отдельных компонентов логической структуры образа может рассматриваться как реализация принципа экономии.

Многоплановость языковой экономии в образе связана с проблемой плотности информации, информационной насыщенности знаков кода. Образ, особенно метафорический, выполняет функцию своего рода пресса, уплотнителя информации, когда вся информация свертывается, сжимается как пружина в заводном механизме. Этот эффект может достигаться различными путями, в том числе путем линейной компрессии сообщения, употребления более свернутых, сжатых структур, что ускоряет процесс коммуникации. Так, В.Н.Телия рассматривает образ как имплицитную синтагму, «промежуточный член которой служит транспортирующим, полностью подразумевается» [2: 83]. Это явление, позднее получившее название синкретизма метафоры, рассматривалось в работах М.В.Никитина, В.К.Тарасовой и др. Экономичность образа достигается также путем сгущения смысла при помощи выдвижения достаточного признака референта. Под достаточным признаком понимается такой признак, по которому можно построить целостное представление, а по представлению воссоздать недостающие признаки объекта и его окружения. Тем самым образ кодирует целый комплекс ощущений, эмоций, сведений.

В художественной метафоре с присущей ей синергией когнитивная обработка протекает на очень сложном подобии, исходящем из почти невозможных, абсолютно нестандартных соответствий. Имплицитность и имплицитивность являются двумя существеннейшими характеристиками образа, в значительной степени определяющие специфику образного процесса в художественном тексте. Необходимо подчеркнуть отличие механизмов имплицитного и имплицитивного, т.к. эти понятия часто используются как взаимозаменяемые. Термин имплицитный в значении “не(явно) выраженный, скрытый” противостоит эксплицитному, полному. В отличие от имплицитного, характерным признаком имплицитивного является взаимообусловленность, выводимость, рематичность, и в этом смысле имплицитивное знание как выводное противостоит данному, кодифицированному. Имплицитность и имплицитивность соотносятся друг с другом как отношения выраженности (статический признак) и отношения следования (динамический, разворачивающийся признак) [3: 10].

Метафорический образ – это “верхушка затопленной модели” [1:155]. Имплицитность образа связана с его структурно-семантической организацией, компрессией самой языковой формы (невыраженность отдельных компонентов образной структуры, гиперсемантизация языковых единиц, совмещение функций). Вместе с тем, образ по сути своей имплицитивен, что и позволяет логическим грамматикам рассматривать его в качестве универсальной номинативной модели выводного знания. Имплицитивные потенции метафорического образа во многом обусловлены тем, что его содержание относится не столько к реально существующим объектам, сколько к

отношениям между соответствующими понятиями, их имплицативными ассоциативными комплексами, в результате чего выводится новое знание. Образный процесс отражает все многообразие конкретных видов имплицативных связей по общей формуле импликации “Если А, то В”, например, *действие* → *результат*, *причина* → *следствие*, *цель* → *действие*, *часть* → *целое*, *действие* → *субъект, его выполняющий*. Чем неожиданнее сопоставление, чем более скрыто сходство, тем шире сеть имплицативных связей, разнообразнее диапазон имплицитной информации, а значит – информативнее образ.

Возможности имплицативного смыслового развертывания метафорического образа весьма многоплановы. Представляется целесообразным объединить всю совокупность средств и возможностей передачи неявно выраженной информации, которыми располагает динамический механизм образа, с помощью понятия имплицативного потенциала (ИП). ИП определяется как способность художественного образа имплицировать дополнительную, неявно выраженную информацию, предметно-логического и субъективно-оценочного характера, синтезируемую на основе универсальных отношений следования – импликаций, с опорой на единицы различных языковых уровней, а также знание мира и текста, и в значительной мере определяющую коммуникативный экспрессивный эффект образа. Центральное место в реализации ИП образа занимают внутриобразные импликации, а именно, импликации по линиям агента, референта и основания (традиционно выделяемым компонентам образной структуры).

Референтные импликации занимают наиболее важное место в системе внутриобразных импликаций и непосредственно направлены на формирование коммуникативного эффекта образа. Импликации по линии референта являются преимущественно прагматическими; они связаны с реализацией номинативно-прагматической интенции, выражением авторского отношения к референту и формированием определенного к нему отношения. Если рассматривать образ с точки зрения его замысла и цели, т.е. коммуникативного намерения, то отношение автора к референту выступает в роли антецедента, а сам образ – в качестве консеквента. При этом предварительное знание о референте, референтной ситуации играет активную роль в выборе агента среди ряда возможных, использовании разных аспектов антропометричности языковых средств.

Имплицативные по линии агента обусловлены так называемой инерцией образа, т.е. способностью агента вызывать вторичные, “отраженные” образные действия по принципу имплицативного развертывания “Если А, то В, то С” и т.д. Механизм реализации агентных импликаций может быть объяснен в рамках семантики фреймов [4], когда упоминание какого-либо предмета или явления имплицитно вводит в ситуативный и тезаурусный контекст сообщения некоторую предметную область с присущими ей реальными связями. В процессе развертывания образа по линии агента актуализируется ассоциативный имплицативный комплекс агента на базе фрейма конкретного понятия, устанавливаются межфреймовые связи. В результате может

возникнуть сложный развернутый образ с многоуровневой иерархией связей и отношений по линии агента. При этом ключевой образ определяет тематическую заданность, отбор языковых единиц всего образного контекста.

Импликации по линии основания связаны с развитием и углублением признаков, по которым сопоставляются агент и референт, т.е. со смысловым развертыванием, углублением намеченного сходства. Выявление основания сопоставления (которое может быть имплицитным, частично имплицитным или эксплицитным) является часто лишь первым этапом, который ведет к открытию новых глубинных признаков. Для художественных текстов характерны образы с усложненным основанием, изначальной аморфностью, многоаспектностью признаков. Логическая затемненность таких образов, компоненты которых едва соотносимы ассоциативно, порождает многочисленные импликации по линии основания, с опорой на элементы контекста. Эти импликации связаны с поиском необходимых соответствий и имеют, как правило, вероятностный характер, что соответствует коммуникативному намерению автора создать множественность восприятия образа.

Необходимо особо подчеркнуть, что все три основных имплицитных измерения ИП образа взаимообусловлены; их раздельное рассмотрение возможно лишь в целях более глубокого анализа. При этом из трех выделяемых типов внутриобразных импликаций, импликации по линиям агента и референта наиболее тесно переплетены и взаимосвязаны, также как переплетены ассоциативные комплексы взаимодействующих агента и референта. Приводимый ниже пример демонстрирует сложные агентные имплицитные отношения в составе развернутого образа; две параллельные изотопные цепочки перекрещиваются, порождая идентифицирующую метафору *centaur*, которая является логическим результатом имплицитного агентного развития.

Upon Captain Delano's approach the man at once hung his head below the previous level, the one necessary for business. Being addressed, he glanced up, but with what seemed a furtive, diffident air, which sat strangely enough on his weather-beaten visage, much as if a grizzly bear, instead of growling and biting, should simper and cast sheep's eyes. As the negroes about became talkative, he by degrees became mute, and at length quite glum, seemed morosely unwilling to answer more questions, and yet, all the while, this ursine air was somehow mixed with the sheepish one. Despairing of getting into unembarrassed talk with such a centaur, Captain Delano glanced around for a more promising countenance. [5: 199]

Подчеркнутое образное сравнение вводит общее двуплановое сопоставление референта по противопоставляемым друг другу признакам: *sheepish, furtive, diffident*, с одной стороны, и *ursine, morose, glum*, с другой стороны. Развертывание образа идет соответственно этим двум намеченным тематическим рядам, которые, взаимно отталкиваясь, сходятся в идентифицирующей метафоре *centaur*. Метафора вбирает в себя и объединяет признаки внешнего и внутреннего сходства: *sheep's eyes, sheepish air* и *ursine air, visage as if a grizzly bear, growl, bite*, синтезируя принципиально новое содержание. При этом словарное значение слова *centaur* – *half-man, half-horse*

служит как бы моделью для его трансформации в контекстуальное метафорическое значение *half-bear, half-sheep* на основании внешнего, поверхностного признака *of dual appearance*. Причем, если обычно идентифицирующей метафоре предшествует сравнение, а она лишь закрепляет намеченное сходство, то в данном случае метафора логически развивает намеченные сравнением две линии сопоставления. Метафора является качественно новым этапом развития образного сравнения, и ее однозначная семантизация возможна только в данном контексте логического развития с учетом агентных импликаций. Роль референтных импликаций в данном примере не велика, т.к. авторская позиция и его эмотивно-субъективная оценка референта не доминируют в приведенных образах. ИП метафоры складывается из многих факторов: культурно-фоновых ассоциаций (мифологический персонаж *кентавр*), эмоционально-оценочных характеристик зооморфизмов *sheep* и *bear*, логических импликаций по линии агента.

Приведенная в статье классификация разных типов импликативных отношений в процессе текстовой реализации образа позволяет, с одной стороны, представить образ как сложную взаимодействующую систему и, с другой стороны, выявить значительный объем коммуникативно значимой имплицитной информации.

Литература

1. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – с. 153-173.
2. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
3. Донец С.М. Импликативный аспект речевого образа (на материале английской и американской художественной прозы XIX – XX в.в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, МГИИЯ им. М.Тореза. –1990. – 26 с.
4. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Когнитивные аспекты языка. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 281–309.
5. Melville H. Benito Cereno // American Romantic Tales. – Moscow: Progress, 1978. – P. 4-113.

Кислякова Е.Ю.

к.ф.н., доц., Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия

МОДАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ *ИНАКОСТИ* В ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ ДЕТЕЙ

Разработка лингвистической теории инакости напрямую связана с проблемой манифестации модальности в коммуникации. Коммуникация ребенка всегда субъективно модальна, поскольку, усваивая язык, он осознает позицию Другого и формируется как отдельная языковая личность под воздействием модуса инакости, о чем свидетельствует наличие модальных средств в контекстной речи ребенка, в частности, в вербализованных тактиках самопрезентации.

Ключевые слова: категория, инакость, модальность, детская речь, модус инакости.

Kislyakova E.Y.

Volgograd State Social Pedagogical University, Russia

MODAL ASPECT OF ALTERITY IN CHILDREN'S EVERYDAY COMMUNICATION

The linguistic theory of alterity is connected with the issue of modal manifestations in communication. Children's communication is always subjectively modal, since in acquiring the language, they realize the position of the Other, thus forming themselves as separate linguistic individuals. It happens within the modus of otherness, being illustrated by the use of modal words and expressions in contextual children's speech, particularly, in self-presentation tactics.

Key words: category, alterity, modality, children's speech, modus of otherness.

В коммуникативном сознании носителей языка выделяются особые ментальные единицы – коммуникативные категории, разработкой содержательной стороны которых занимаются такие исследователи, как И.А. Стернин, В.И. Шаховский, Т.В. Ларина, Е.П. Захарова, Н.Н. Панченко, С.С. Тахтарова, С.А. Недобух и др.

Вслед за Е.П. Захаровой [2], мы рассматриваем коммуникативную категорию как единство структурно организованного коммуникативно значимого содержания и комплекса лингвистических и паралингвистических средств его выражения. Основной функцией коммуникативной категории является регулирование процесса коммуникации.

Ранее нами было установлено, что **инакость** как феномен объективной действительности является категорией [4], т.е. базовой ментальной единицей, интегрирующей другие субординатные ментальные единицы. Лингвистическое описание **инакости** позволяет установить ее репрезентированность в русском языке (более 200 единиц), что подтверждает категориальный статус исследуемого феномена, свидетельствует, что данная категория является значимой для процесса мышления, а также устойчивой в ментальном аспекте, поскольку имеет «обширные языковые средства объективации» [7].

Инакость является эвристическим категориальным понятием, под которым мы понимаем общенаучную категорию субъектно-субъектных и/или субъектно-объектных отношений в рамках оппозиции “Я – Другой”, реализуемых на следующих уровнях:

- 1) отдельного индивида (проблема идентичности);
- 2) диалога Я и Ты (проблема взаимопонимания);
- 3) социума (проблема множественности и вариативности нормы);
- 4) взаимодействия культур (проблема этнокультурных различий).

Несмотря на общенаучный характер исследуемой категории, она также имеет собственно лингвистический ракурс описания.

Категория **инакости** в русском языке носит в процессе коммуникации преимущественно имплицитный характер. Представляется полностью невозможным вычленив статистически точный набор лексико-грамматических средств объективации данной категории, как, например, это возможно в случае с языковыми категориями, такими, как время, залог и т. д. Тем не менее, с учетом стохастических особенностей языка, обнаруживается ряд лингвистических способов, которые в определенном контекстуальном окружении индуцируют семантический признак *иной* или один из его конкретизаторов, тем самым актуализируя в коммуникации категорию **инакости** посредством одного из ее параметров: единство – множественность (многообразие), тождественность – подобие, сходство – различие, нормативность – ненормативность, свойственность – чуждость, определенность – неопределенность, реальность – гипотетичность (возможность) [3].

Разработка лингвистической теории **инакости** напрямую связана с проблемой манифестации модальности в коммуникации, поскольку наличие мира Другого часто экплицируется на языковом уровне с помощью модальных средств (*может, должен, обязан, наверное* и т. д.). Согласно Ш. Балли следует разграничивать диктум и модус в высказывании. Диктум – предметно-логическое содержание высказывания – соотносится с описанием некоторой ситуации. Модус отражает отношение описанной ситуации к действительности (объективная модальность), а также отношение к ней говорящего (субъективная модальность).

Отправным тезисом в исследовании категории **инакости** в модальном аспекте является следующее суждение: в категории «субъективной модальности естественный язык фиксирует одно из ключевых свойств человеческой психики: способность противопоставлять Я и не-Я» [5: 303].

Следовательно, как отражение свойства человеческой психики противопоставлять «Я» и «не-Я», модальность – это оязыковленная грань между «Я» и «Другим», это та наблюдаемая языковая реальность, в телесности которой можно различить латентные признаки категории **инакости**. Обращение к материалу, составленному из повседневных высказываний детей 3-5 лет (младший дошкольный возраст), объясняется тем, что в этом возрасте в речи ребенка появляются модальные слова как маркеры его способности отделять факты объективной действительности от своего собственного отношения к ним [6], иными словами, на этом этапе онтогенеза можно

наблюдать становление категории **инакости**, поскольку грань между «Я» и «Другой» еще максимально диффузна в сознании ребенка. При этом, как отмечает исследователь А.М. Шахнарович, к 3-5 годам речь ребенка практически не отличается от взрослой речи ни по грамматическим признакам, ни по лексическому наполнению, ни по структуре предложения [8].

Представляется, что коммуникация ребенка всегда субъективно модальна, поскольку в процессе речевого онтогенеза ребенок усваивает языковые образцы, воспринимаемые от Другого (который может быть представлен любым лицом из окружения ребенка), и в результате такого присвоения чужой речи у ребенка формируется Я-позиция как исходная для последующих коммуникативных актов. В речи младшего дошкольника возможны модальные слова-связки между заимствованными у Другого речевыми формулами и собственным языковленным видением и пониманием происходящего. Например, ребенок слышал от взрослого фразу: «Машина застряла в пробке». Через некоторое время ребенок воспроизводит эту фразу в следующем контексте: «Что-то гудят машины. Наверное, они застряли в пробке» (Ксения, 3 года).

Механизм модальности в процессе актуализации категории **инакости** (модус инакости) в коммуникации позволяет ребенку осознавать позицию Другого через заимствование его речевого поведения и формировать позицию собственного «Я» с помощью включения нового языкового опыта в последующих коммуникативных ситуациях. При этом модальность является своеобразной «буферной зоной» между сферами «свой» и «чужой». Рассмотрим следующий пример: «А можно я хочу взять с собой сумку» (Ксения, 3 года). В данной фразе модальные глаголы указывают на одновременную актуализацию сферы «Я» («хочу») и сферы «Другой» («можно»).

Кроме собственно модальных глаголов языковыми средствами выражения субъективной модальности выступают вводно-модальные слова и словосочетания, синтаксические конструкции с измененным порядком слов. Например: «Оказывается, я не лягушка» (Лариса, 4 года).

К наиболее типичным способам экспликации модуса инакости в детской речи могут быть отнесены высказывания «от первого лица», имеющие своей целью прямое выражение впечатлений и эмоциональных реакций ребенка, возникающих в определенной ситуации. В таких ситуациях, как правило, имеет место коммуникативная стратегия самопрезентации, проявляющаяся в следующих тактиках: эксплицитная самооценка, обращение к авторитету, указание на свой «имущественный статус» [1].

Первая из перечисленных тактик может быть проиллюстрирована следующим примером: «Мама, я быстро бегаю, давай я тебя домчу» (Вета, 3 года). В следующем примере интересен способ подачи самооценки глазами Другого: «Мама, хорошо, что вы такую девочку нашли, которая умеет рисовать. И придумали слово – Лиза» (Лиза, 4 года). Вместо формулировки от первого лица самооценка («хорошо», «умеет рисовать») осуществляется с

позиции стороннего наблюдателя, для которого субъект оценки трансформируется в объект («девочку»).

Обращение к авторитету для придания своему высказывания большего коммуникативного веса можно наблюдать в следующем речевом фрагменте: «Нет, баба, скажи маме, что она неправильно произносит слово» (Лиза, 3 года). Здесь позиция Другого доминантна по отношению к «Я» позиции ребенка. Девочка слышала новое слово на английском языке от бабушки, и когда это слово было озвучено мамой, ребенку оно показалось искаженным, но для убеждения мамы в ее «неправоте» потребовалось прибегнуть к авторитетному знанию бабушки.

Указание на «имущественный статус» обычно сопряжено с модальной сферой «возможности, способности». Например: «Я умею на велосипеде кататься. У меня он есть. Мне папа подарил» (Никита, 4 года).

Таким образом, коммуникация ребенка субъективно модальна, поскольку, усваивая язык, он осознает позицию Другого и формируется как отдельная языковая личность под воздействием модуса инакости, о чем свидетельствует наличие модальных средств в контекстной речи ребенка, в частности, в вербализованных тактиках самопрезентации.

Литература

1. Амзаракова И.П. Ребенок: язык, текст, коммуникация. – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2012. – 332 с.
2. Захарова Е.П. Типы коммуникативных категорий // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – с. 12–19.
3. Кислякова Е. Ю. Параметры коммуникативной категории *инакости* // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 185–191.
4. Кислякова Е.Ю. Инакость в системе лингвистических категорий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – № 7. – 2011. – С. 7-11.
5. Ляпон М.В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
6. Мальцева Н.Г. Модальные слова в детской речи (на материале русского и английского языков). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.academia.edu/> (дата обращения: 22.02.2016).
7. Шаманова М.В. Коммуникативная категория и коммуникативный концепт // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – № 10. – 2008. – С. 15-18.
8. Шахнарович А.М. Когнитивные и коммуникативные компоненты грамматики (на материале детской речи). – М.: Эдиториал УРОС, 2000. – С. 55-57.

Кушнерук С.Л.

к.ф.н., доц., Челябинский государственный педагогический университет,
Россия

ТЕКСТОВЫЕ МИРЫ КАК ФОРМЫ МЕНТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕКЛАМНОЙ «ВЛАСТИ»

Статья посвящена анализу языковых механизмов репрезентации рекламной «власти», предполагающей воздействие на мнения и оценки потребителей. Текстовые миры – ментальные репрезентации, активируемые рекламными образцами, рассматриваются как формы ментального контроля, которые направляют восприятие дискурса, предлагая интерпретировать положение дел с ориентацией на значимые составляющие маркетинговых коммуникаций – продукт, торговую марку, производителя и покупателя.

Ключевые слова: текстовые миры, ментальный контроль, репрезентация власти дискурса, реклама

Kushneruk S.L.

Chelyabinsk State Pedagogical University, Russia

TEXT-WORLDS AS FORMS OF MENTAL CONTROL: REPRESENTATION OF ADVERTISING POWER

Text-worlds are analyzed as forms of mental control of the “powerful” advertiser over the target audience. Alterations in the world-building parameters of a text-world lead to generating alternative mental constructs in several basic perspectives directing perception of discourse for the benefit of the advertiser.

Key words: text-worlds, mental control, representation of discourse power, advertising

Реклама – это убеждающая дискурсивная форма, власть которой основана на «экономических, финансовых или, в целом, корпоративных и институциональных ресурсах и реализуется за счет доступа к масс-медиа и вниманию широкой аудитории» [1: 58]. Под властью понимается «символическая власть», которая осуществляется институциональным агентом, контролирующим публичный дискурс. *Цель* статьи – охарактеризовать языковые механизмы репрезентации рекламной власти, которая проявляется на уровне конструирования значений в текстовых мирах, активируемых рекламными образцами, которые транслируются в коммерческой рекламе с целью воздействия на клиента.

Рекламный дискурс воспроизводится и понимается с помощью ментальных моделей, «объединяющих индивидуальные и общепринятые убеждения, что объясняет с одной стороны уникальность дискурсного производства и понимания, а с другой стороны – сходства в индивидуальном понимании одних и тех же текстов у различных субъектов» [1: 267]. Контроль над мнениями клиентов осуществляется в идеологических формах, отражающих механизмы формирования, трансляции, трансформирования знаний, мнений и оценок, выгодных экономическому институту.

В рамках когнитивно-дискурсивного миромоделирования (С. Брауз, П. Верт, Д. Гевинс, Л. Идальго Даунинг, Э. Лахей, Е. Семино, Н. Тинчева, П. Тримарко и др.), идеи которого мы разделяем, человек имеет дело не с объективной реальностью как таковой, а с ментальными репрезентациями о ней, медиатором между которыми оказывается человеческое сознание. Выделяются три концептуальных уровня, значимых для конструирования значений – дискурсивный, текстовый и производные текстовые миры. *Дискурсивный мир* (ДМ) рассматривается как ментальный конструкт, возникающий у коммуникантов в результате проективного отношения сознания к окружающему миру. Это ментально-семиотическое пространство, определяемое условиями широкого контекста рекламной деятельности. ДМ составляет неустранимый фон любого отдельно взятого текстового мира, который, как бы «кристаллизуется» в нем, вводя в поле актуального внимания характеристики, релевантные в конкретных коммуникативных условиях. Под *текстовым миром* (ТМ) понимается когнитивно-прагматическая ментальная репрезентация, активируемая текстом в употреблении, которая обеспечивает ориентацию реципиента в отдельной коммуникативной ситуации [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

ТМ представляет собой «уменьшенную модель мира референции», где объекты и свойства «отобраны» в соответствии с потребностями коммуникации. По справедливому замечанию У. Эко, текстовый мир не может быть «столь же глобальным и целостным, как сам мир референции», он есть «некая проекция этого мира или взгляд на него в определенной перспективе» [3: 392]. Вместе с тем ТМ – понятие родовое, которое содержит представления о базовом ТМ и производных от него ментальных конструктах, возникающих в ходе развития дискурса.

Базовый текстовый мир (БТМ) – первичный ТМ, связанный ситуативной необходимостью соответствовать фрагменту вещного мира, избранному в рекламных целях. Это релевантное ментальное пространство, в котором, благодаря дескриптивному содержанию или индексальной референции, можно выделить один или несколько центральных объектов. ТМ могут существовать в двух разновидностях, – *ТМ, инициируемые агентом*, и *ТМ, инициируемые персонажем*. Агент – это «властный агент», выступающий инициатором данного типа публичного дискурса, имеющий контроль над его производством и реализующий свою власть за счет управления информацией и мнениями [1: 49]. Именно он решает, что окажется выделенным в коммуникативной ситуации, опосредованной текстом. ТМ, инициируемый агентом, находится в зависимости от дискурсивных условий общения, формирует фокус на определенных элементах или объектах.

Важно, что агент, формируя мнения и оценки клиентов, конструирует различные перспективы осмысления рекламного произведения с ориентацией на наиболее значимые составляющие маркетинговых коммуникаций – продукт, торговую марку, производителя и адресата, фигуры которых целенаправленно объективируются в текстовых образцах. В следующем примере, отражающем традиционную форму рекламирования продуктов питания в России в

перспективе *ПРОДУКТ – ТОРГОВАЯ МАРКА*, мир интерпретации (ТМ) тождествен фрагменту действительного мира, то есть представленное положение дел моделируется как имеющее место в вещном мире, хорошо известном участникам коммуникации. ТМ требует обращения к обыденному опыту. Для интерпретации прилагаются критерии «реалистической эстетики»: адресат должен воспринимать его, исходя из своей «энциклопедии», как одно из реальных состояний известного ему действительного мира. В таком случае ТМ совпадает с БТМ, располагаясь на оси настоящего, место может быть не определено, варьируется набор сущностей, переключения в альтернативные ментальные пространства не происходит. Ср.: *Торговая марка «Мастер блеск» существует на рынке уже более пяти лет и на сегодняшний день насчитывает около тридцати наименований товаров. Благодаря демократичному соотношению цены и качества, «Мастер Блеск» пользуется популярностью как у экономных хозяйшек, так и у экономных чистюль!* В единой временной перспективе (настоящее) действующими лицами выступают торговая марка и адресат (экономные хозяйшки, чистюли). БТМ транслирует «фрагмент» мира действительного, выступающего в качестве критерия верифицируемости передаваемого содержания.

ТМ, иницируемые агентом, контролируются, то есть проверяются на соблюдение принципов речевого общения, ведущим из которых, по Г. П. Грайсу, является принцип кооперации, реализуемый категориями количества, качества, отношения и способа [2: 222–223]. При конструировании ТМ агент отсылает к ментальному миру, который он описывает, с точки зрения реального мира, в котором он находится. В зависимости от «степени оглядки» на вещный мир, выражающейся в той или иной мере автономности от действительности, в прагматических целях рекламистами конструируются разные типы ТМ. В рамках отдельного рекламного произведения описываемое положение дел может представляться как «действительно» имеющее место в реальности (настоящей, прошлой или будущей), или как возможное или необходимое по отношению к тому, что введено в поле актуального внимания.

Другой разновидностью являются *ТМ, иницируемые персонажами*. В качестве персонажей нередко выступают люди, которых участники коммуникации помещают в создаваемый текстовый мир. Они могут представлять реальных участников общения, или людей, им известных, а также вымышленные существа, рекламируемые продукты и пр. Функция ТМ, иницируемого персонажем, заключается в «производстве реальности» вне параметров БТМ [10: 215–216]. ТМ, иницируемые персонажем, отклоняются от базовых параметров БТМ и имеют свои конструктивные элементы. Так, в рекламе петрушки (ТС «Tesco») в ТМ, иницируемом агентом, содержится информация о свойствах продукта (калорийность, содержание сахара, жиров и пр.). Дополнительные смыслы (рекомендация о хранении продукта) актуализируются в рамках альтернативного ментального пространства: *A serving contains the following of your guideline daily amount: calories..., sugar..., fat..., saturates..., salt.... At home, for maximum freshness, keep me in the fridge.* Личное местоимение указывает на «говорящего», однозначно определяя, от

кого исходит рекламное послание, и маркирует появление ментального конструкта, в котором различим антропоморфный продукт (*keep me in the fridge* – «храните меня в холодильнике»). Очевидно, что изменение конструктивных параметров ТМ и порождение ментальных репрезентаций, с параметрами, отличными от первоначально заданных, ведет к появлению производных текстовых миров (ПТМ). Это своеобразные «окна», встроенные в «здание» ТМ, которые открываются, чтобы обеспечить необходимую детализацию представленного положения дел. Так, производный текстовый мир, иницируемый рекламируемым продуктом, от лица которого описывается ситуация, предполагает представление того, как выглядят вещи или события с точки зрения неодушевленного объекта. Представляется, что специалисты обращаются к такому приёму не случайно, ведь современный потребитель демонстрирует стойкий иммунитет к императивному модусу рекламного убеждения. Коммуникативно искушенный представитель целевой аудитории не желает, чтобы ему навязывали товар или услугу. Поэтому вместе с характеристикой продукта и его свойств рекламисты стремятся найти что-то большее, чтобы удовлетворить развитую интерпретативную компетенцию покупателей. Ср. рекламу фруктового хлеба (торговая сеть «Tesco»): *Deliciously squidgy energy. Low in saturated fat, less than 1.5%. Moist fruit loaf. Bursting with yummy banana. The secret's in the squidge. Squeeze me. Come on, don't be shy. There. Feel that? That's squidgy power, that is. Deliciously chewy fruitiness bursting with energy to help keep you fuelled up and ready for action. But don't take my squidginess too literally I'm low in saturated fat too.*

Текстовый мир проектируется на оси настоящего, о чём свидетельствует непредикативная конструкция – именное словосочетание (*deliciously squidgy energy*), сегментированная конструкция с именительным темы, представленная субстантивным словосочетанием (*moist fruit loaf*) и последующей частью, которая содержит описательную характеристику продукта (*Bursting with yummy banana*), а также двухкомпонентная предиктивная конструкция (*The secret's in the squidge*). Очевидно, что переключение в производный мир осуществляется за счет введения чужой речи, которая, однако, не оформляется кавычками как традиционной формой её передачи. Глагольные конструкции с императивом (*Squeeze me. Come on, don't be shy.*), личные местоимения 1-го (*me, I*) и 2-го лица (*you*) моделируют ситуацию общения продукта с покупателем, которому предлагается сжать булку, чтобы почувствовать мягкость и влагу (*squidgy power*), принципиально отличающие данную разновидность фруктового хлеба (формулируется уникальное торговое предложение). Употребление продукта с низким содержанием насыщенных жиров заряжает человека энергией и повышает работоспособность. Переключение в производный мир, иницируемый продуктом, создает фамильярную тональность, вовлекает адресата в игру, что в целом оправдывает стратегию поиска нестандартных решений для обновления интерпретативных практик потребителя, живущего в современном обществе.

Текстовые миры как формы ментального контроля над сознанием клиента «властным» агентом, имеющим доступ к публичному дискурсу, являются

динамическими когнитивными структурами, которые претерпевают изменения в ходе развития дискурса, что обусловлено ситуативной необходимостью соответствовать фрагменту вещного мира, избранному в рекламных целях. ТМ объективируются в нескольких перспективах, обеспечивающих ориентационные программы, согласно которым представленное положение дел надлежит рассматривать. ТМ, в которых субъектом действия выступает агент, проверяются на соблюдение принципов речевого общения, предопределяются спецификой прагматически-ориентированного дискурса, задающего конструирование ментальных репрезентаций с ориентацией на *рекламируемый продукт, клиента, производителя* или *торговую марку*. ТМ с субъектом действия персонажем не контролируются, поскольку, главным образом, конструируются для выражения оценочно-субъективных смыслов и мнений.

Литература

1. Ван Дейк, Тён А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 344 с.
2. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – 1985. – С. 217–237.
3. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., 2007. 502 с.
4. Browse, S. (Mega-) metaphor in the text worlds of economic crisis: towards a situated view of metaphor in discourse // Thesis submitted to the University of Sheffield...for the degree of Doctor of Philosophy. September, 2013. 307 pp.
5. Gavins, J. The Text World Theory: An Introduction. Edinburgh University Press, 2007. 193 p.
6. Semino, E. Language and World Creation in Poems and Other Texts. Longman: London and New York, 1997. 273 p.
7. Hidalgo Downing, L. Negation in discourse: a text-world approach to Joseph Heller's «Catch-22» // Language and Literature. № 9(3). 2000. pp. 215–40.
8. Tincheva, N. Contexts, Discourse Worlds, Text Worlds // On Man and Language. Sofia: St. Kliment Ohridski Press, 2007. Available at SSRN [<http://papers.ssrn.com/>].
9. Trimarco, P. Digital Textuality. UK: Palgrave, 2015. 176 pp.
10. Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. London: Longman, 1999. 390 p.

Куксова Е.Л.
к.ф.н., НИУ БелГУ, Россия

ПОРЯДОК СОСТАВЛЕНИЯ ПИСЬМА-РЕКЛАМАЦИИ НА ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматриваются структурные и лингвистические особенности письма-рекламации на французском и русском языках. Установлено, что рекламация на рассматриваемых языках характеризуется безэмоциональностью, четкой структурой и строгой последовательностью изложения. Также в ходе работы были выявлены стандартные формулировки, характерные для написания письма-претензии на французском и русском языках.

Ключевые слова: деловое письмо, деловая переписка, делопроизводство, рекламация, французский язык

Kuksova E.L.
Belgorod National Research University, Russia

DRAWING UP A COMPLAINT LETTER IN FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES

This article explores the structural and linguistic features of a complaint letter in French and Russian languages. It was found that the complaint in mentioned languages is unemotional, with a clear structure and a strict presentation sequence. The author identified a standard wording used as a base for writing a letter of claim in French and Russian languages.

Key words: business email, business correspondence, office work, reclamation, French language

Письмо-рекламация представляют собой документ, содержащий претензию в связи с неудовлетворительным исполнением или нарушением адресатом взятых им деловых обязательств. Обычно рекламации могут быть предъявлены в отношении качества товара, например, в случае несоответствия качеству, указанному в контракте. Также письмо-претензия может быть направлено вследствие нарушения сроков поставки или платежа, недоброкачественной упаковки товаров, а также при нарушении других условий контракта.

Конкретными требованиями стороны, предъявляющей претензию, могут быть, например: требование замены некачественного товара качественным; требование уценки товара, возврата части уплаченной суммы; требование допоставки недостающего количества товара или возврата уплаченной суммы за недостающее количество товара; требование расторжения контракта и возмещения убытков в связи с невыполнением контракта [1].

Структура рекламации предполагает четкое разделение на абзацы.

Во вводном абзаце адресант формулирует претензию:

Настоящим извещаем Вас о рекламации на... – Nous vous avisons par la présente de...;

Направляем в Ваш адрес рекламацию... – Nous vous adressons la réclamation de...;

Вынуждены предъявить Вам рекламацию в связи с... – Nous sommes obligés de vous présenter la réclamation en raison de...

Следующие абзацы служат для изложения конкретных нарушений договорных обязательств, допущенных адресатом. Многие ученые отмечают, что при этом необходимо прикрепить к письму документы, подтверждающие рекламацию и имеющие полную доказательную силу для обеих сторон [2, 4, 5], например, ссылки на нормативные акты, документы (акт экспертизы, акт приемки, акт испытаний, нормативный акт).

Так, для изложения обстоятельств дела используются следующие стандартные формулировки:

Нами зарекламирована партия товара, высланная в наш адрес по накладной от ... №... Nous avons soumis à la réclamation le chargement expédié à l'adresse de notre compagnie par la facture du ... N ...;

Рекламация распространяется на предоставленные нашей организации услуги по договору от ... №... – La réclamation touche les services données à notre société par contrat du... N....

Указав обстоятельства дела, автор излагает суть рекламации:

В результате было установлено несоответствие фактического количества поставленного товара указанному в сопроводительных документах... – En résultat nous avons révélé le désaccord de la quantité de fait des articles livrés à celui qui a été indiquée dans les documents d'accompagnement;

Переданный нам товар оказался более низкого качества, чем присланные нам ранее образцы – La marchandise livrée s'est trouvée de la qualité moins haute que les échantillons envoys la veille.

Также в абзацах, посвященных объяснению причин рекламации, необходимо документальное подтверждение претензий:

Рекламационный акт прилагается... – Nous envoyons le procès-verbal de réclamation ci-joint;

Протокол испытаний будет выслан в Ваш адрес... – Le procès-verbal d'essais vous sera adressé...;

Экспертное заключение направлено вашему представителю... – L'avis est adressé à votre représentant.

Затем адресант сообщает о санкциях, которые могут быть предприняты в отношении недобросовестного поставщика в случае его отказа удовлетворить требования потерпевшей стороны (заказчика), с указанием конкретных действий и сроков, которые адресант ждет от адресата:

Мы намерены потребовать от Вашей сторон возместить стоимость поврежденного товара в размере... - Nous avons l'intention de réclamer de votre part le remboursement de la valeur des marchandises endommagées;

Мы имеем намерение просить Вас предоставить нам дополнительную скидку с фактурной стоимости изделий - Nous avons l'intention de vous demander de nous accorder une remise complémentaire de la valeur facturée des produits.

Изложив свои требования, адресант вправе указать, какие именно санкции ожидают адресата, в случае его отказа от вышеизложенных предложений, например:

В случае отказа выполнить изложенные в рекламации требования, мы обратимся в Госарбитраж – En cas de refus de réaliser les exigences exposées dans la réclamation nous serons obligés de nous adresser à l' arbitrage;

Если мы не сможем достичь взаимопонимания по порядку урегулирования данного вопроса, мы будем вынуждены пересмотреть условия сотрудничества – Si nous ne pouvons aboutir à la compréhension mutuelle dans le règlement de cette question, nous serons obligés de revenir sur les conditions de notre collaboration.

Важно отметить, что тон письма-рекламации должен остаться безэмоциональным и деловым, что, однако, не лишает адресанта возможности выразить свои переживания и надежды при помощи стандартных формулировок:

К нашему большому сожалению... – A notre grand regret;

К нашему чрезвычайному неудовольствию... – A notre mécontentement excessif...;

Мы надеемся на полное и своевременное удовлетворение наших претензий... – Nous espérons la satisfaction complète et opportune de nos pretention...;

Мы рассчитываем на ваше понимание и готовность устранить недостатки, отраженные в рекламации... – Nous comptons à votre compréhension et bonne volonté d'écarter les défauts décrits à la réclamation.

Мы рассмотрели порядок составления письма-рекламации на французском и русском языках. Было установлено, что данный тип письма отличается безэмоциональностью, структурированностью, логичностью и последовательностью изложения. Письмо-претензия снабжено большим количеством стандартных формулировок, облегчающих процедуру предъявления претензии, ввода дополнительной информации. Отметим, что сопровождающие рекламацию клишированные конструкции на французском и русском языках отличаются схожими лексико-грамматическими свойствами.

Литература

1. Рогожин М.Ю. Деловая переписка / М.Ю. Рогожин. – М.: ГроссМедиа: РОСБУХ, 2007. – 216 с.
2. Albert L., Desmarais B., Gorla T., O'Sullivan M. Le grand livre de votre correspondance / L. Albert, B.Desmarais, T. Gorla, M. O'Sullivan. – V.: Éd. De Vecchi, 1995. – 395 p.
3. 26. Amherst P. Guide de la correspondance commerciale / P. Amherst. – V.: Éd. De Vecchi, 2003. – 267 p.
4. 27. Andréani G. Manuel pratique de la correspondance / G. Andréani. – H.: Éd. Hachette, 2005. – 512 p.
5. Martraire J.-Y., Moussouris L. Comment rédiger une lettre d'affaires convaincante / J.-Y. Martraire, L. Moussouris. – P.: Éd. De Vecchi, 1987. – 261 p.

Пугач В.С.

к.ф.н., доц., НИУ «БелГУ», Россия

ХАРАКТЕРИСТИКА ТИПОВ РЕАГИРУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ПО СПОСОБАМ ИСПОЛЬЗУЕМОГО В НИХ УКЛОНЕНИЯ

В статье рассматриваются типы реагирующих высказываний, исходя из способов уклонения, используемого в них. Все типы высказываний возможно разделить на три группы: 1) интеррогатив и побуждение к речевому действию; 2) побуждение к невербальному действию; 3) повествовательное и эмоциональное высказывания. Возможно использование превентивных мер и подключение механизма корректировок для изменения у собеседника установки на некооперативное поведение.

Ключевые слова: реплика-стимул, реагирующее высказывание, вербальное/невербальное действие, открытое/скрытое уклонение

Pugach V.S.

Belgorod National Research University, Russia

TYPES OF RESPONSES DEPENDING UPON MEANS OF EVASION USED IN THEM

The article deals with types of responses depending upon means of evasion used in them. All types of responses can be divided into three groups: 1) interrogatives and illocutions to verbal actions; 2) illocutions to non-verbal actions; 3) narratives and emotionals. It is possible to use preventive measures and correctional mechanism to avoid interlocutor's non-cooperative conduct.

Key words: stimulus, response, verbal/non-verbal action, overt/covert evasion

Закономерно говорить об установке субъекта на кооперативное поведение, т.е. его готовности к адекватным формам реагирования на иницирующее высказывание для решения определенной коммуникативной задачи.

В нашей работе мы определяем уклонение как форму игнорирования коммуникативной установки, как способ, используемый адресатом сообщения для предотвращения её реализации в связи с неприятием уклоняющимся (по объективным или субъективным причинам) коммуникативной программы собеседника при наличии у реципиента потенциальной возможности адекватного реагирования на реплику-стимул. Когерентность диалогического единства при этом нарушается намеренно.

Несмотря на то, что механизм уклонения всегда приводится и действие адресатам сообщения, ответственность за возникновение уклонения в ходе дискурса может нести как получатель сообщения (например, если он неадекватно реагирует по причине его нерасположенности к беседе из-за плохого настроения), так и инициатор общения (если он, например, затрагивает в беседе личную тему, нарушая принцип Вежливости).

Уклонение как неадекватный способ реагирования может использоваться в качестве реакции на все коммуникативные типы высказываний. Кроме того, в ходе дальнейшего исследования нами было выяснено, что все типы

высказываний можно разделить на три группы в зависимости от того, использование каких способов уклонения возможно в реагирующем высказывании: 1) интеррогатив и побуждение к речевому действию (объединение двух коммуникативных типов происходит на том основании, что от адресата ожидается сообщение запрашиваемой информации); 2) побуждение к невербальному действию (адекватной реакцией на иницирующее высказывание является выполнение этого действия); 3) повествовательное и эмоциональное высказывания (оба коммуникативных типа имеют интенцию «сообщение», в первом случае говорящий передает какую-то информацию, а во втором – свое отношение к субъектам, объектам, явлениям, процессам и т.п.; от второго коммуниканта ожидается прием этой информации, а также дальнейшее построение своей речевой деятельности с учетом изменения фонда знаний).

Интеррогатив и побуждение к вербальному действию в иницирующей реплике характеризуются тем, что для них возможно использование открытых и скрытых уклонений [см. 1: 86,139]. Под открытым уклонением понимается такое уклончивое высказывание, в котором говорящим более или менее прямолинейно и открыто сигнализирует, что не собирается давать ответ, претендующий на ответ сотрудничества [1: 88]. В зависимости от того, прямо или косвенно коммуникант заявляет о своем нежелании адекватно реагировать, выделяется два вида открытого уклончивого действия: «отвод» и ответ с использованием имплицатуры. В случае скрытого уклонения говорящий дает псевдоответ, стремясь убедить адресата, что своей репликой он отвечает на вопрос, в то время как фактически этого не происходит.

Существуют различные способы «отводов». Коммуникант может 1) «отводить» вопрос, не соглашаясь с его пропозициональным содержанием, заявляя, что он ошибочен, задается из ложной предпосылки или содержит ложную пропозицию, в то время как это не соответствует действительности [там же: 131]; указывая на невежливость вопроса, его ненужность или несвоевременность; объявляя вопрос неверно адресованным или гипотетическим; утверждая, что не понимает вопроса, хотя его интенция в данной коммуникативной ситуации однозначно прочитывается; 2) «отводить» ответ, заявляя, что ответ невозможен, труден, неуместен, глуп и т.п.; 3) отказываться от сотрудничества, открыто заявляя, что он не собирается вносить вклад, требуемый от него в соответствии с принципом Кооперации, неожиданно вместо ответа меняя направление беседы, игнорируя вопрос, отвечая на вопрос неадекватной эмоциональной реакцией; 4) задавать встречные нарочитые вопросы, имеющие целью избежать ответа на вопрос. Рассмотрим следующий пример:

(1) “Do you like it? Can you feel the pep in the air?”

“Oh, Harry”, she laughed, “you’ll have to give me time. You can’t just fling questions at me” [Fitzgerald. The Ice Palace: 18].

В коммуникативной ситуации (1) Салли Кэрролл отклоняет вопрос Харри Беллами, своего жениха, ссылаясь на то, что она, прожившая всю жизнь в маленьком Талертоне, еще не успела освоиться в шумном оживленном городе, в который они только что переехали. Салли просит Харри дать ей время, чтобы

привыкнуть к новой жизни. Данная частная КН характеризуется нереализацией коммуникативной интенции иницирующей реплики (запрос информации), нарушением обмена информации на участке «отправитель сообщения – реципиент», несмотря на верную передачу и восприятие коммуникативной установки. Причиной сбоя в общении выступает нежелание девушки делиться своими переживаниями, поскольку она чувствует себя некомфортно среди незнакомых ей людей, но не хочет огорчать этим своего жениха. Её неприятие коммуникативной программы партнера по общению заставляет Салли использовать в качестве способа уклонения «отвод» вопроса с провозглашением его несвоевременности.

Рассмотрим коммуникативные ситуации с «отводами» ответов:

(2) “You mean you won't talk because you've been told to protect somebody. Is it the ambassador, who might be embarrassed by the truth?”

She shook her head. “*I can't answer that either.*”

Partridge, growing angry, bored in hard... [Hailey. The Evening News: 47].

В примере (2) Джессика уклоняется от ответа на вопрос, поскольку ей, как и другим служащим, было отдано распоряжение не обсуждать с журналистами тему распространения наркотиков среди военнослужащих американской армии во Вьетнаме, поскольку руководство отрицает существование данной проблемы. Само собой разумеется, информация о том, кто является инициатором проведения такого рода политики, также не должна быть предана огласке. Данная частная КН характеризуется нереализацией коммуникативной интенции иницирующей реплики (запроса информации) и возникновением незапланированного эмоционального эффекта, нарушением обмена информации на участке «отправитель сообщения – реципиент», несмотря на верную передачу и восприятие коммуникативной установки. Сигналом о сбое в общении служит «отвод» ответа с указанием на его невозможность.

Наряду с вышеупомянутыми способами «отвода» ответа и их эквивалентами, такими как “That's something I can't talk about”, “I can't tell you” и т.п., встречаются указания на неправдоподобность ответа – “If I told you, you wouldn't believe” и невозможность ответить кратко – “Oh, it's a long story. I hate long stories, don't you?”

Следующий тип уклонения – отказ от сотрудничества. Уклонения такого рода – “I do not wish to discuss this now”, “Not a word of it”, “All that's my private business”, “The reason is none of your concern” и т.н. различаются по степени вежливости.

Другим способом отказа от сотрудничества является смена направления беседы. Так, например, в коммуникативном контексте (3) Ломбард, не зная, что именно он должен ответить, и не имея времени для раздумий над более или менее правдоподобной историей, меняет тему разговора, переводя его на воображаемую осу, которая якобы ползет по рукаву собеседника, уклончивый речевой акт при этом является обманчивым:

(3) “Oh, really? The Owens are frightfully keen on it, I suppose. What are they like? Do tell me.”

Lombard thought:

“Awkward, this – am I supposed to have met them or not?” he said quickly:

“*There’s a wasp crawling up your arm. No – keep quite still.*” He made a convincing pounce. “*There. It’s gone!*” [Christie. *Ten Little Niggers*: 25].

Адресат может игнорировать вопрос, реагируя на него молчанием. Как видно из следующей коммуникативной ситуации (пример глобальной КН), молчание может сопровождаться жестами:

(4) “Have you heard from the kidnappers?”

“How’s Sloane holding up?”

“Can we talk to Crawford?”

“Who are you?”

In response Havelock shook his head and waved his hands dismissingly [Hailey. *The Evening News*: 202].

Если реагирующий коммуникант заявляет о своем нежелании адекватно реагировать косвенно, то мы ведем речь об ответе с использованием имплицатуры. Например:

(5) “Something on your mind, old friend?” Partridge asked.

“*A few things.*” The answer was typical. Van Canh and Partridge knew better than the press his question. Minh would respond with more detail in his own way, in his own good time [Hailey. *The Evening News*: 43].

Транспонированный общий вопрос в иницирующей реплике является побуждением собеседника поделиться задуманным им планом. Минх, не желая рассказывать о действиях, которые он собирается предпринять для того, чтобы разыскать террористов, эксплуатирует реплику-стимул, поскольку реагирует на её формальную структуру, игнорируя факт транспонированности высказывания. Неадекватный ответ Минха даёт косвенным образом понять инициатору общения, что в данный момент он не собирается вносить вклад в диалог в соответствии с принципом Кооперации.

В случае использования скрытого уклонения адресат не показывает, что он не даёт ответа, претендующего на ответ сотрудничества, наоборот, он стремится убедить адресанта, что своей репликой он отвечает на вопрос, в то время как фактически этого не происходит. КН имеет место в том случае, если инициатор общения идентифицирует ответ как уклончивый и сигнализирует о том, что ответ его не удовлетворяет. Если запрашивающий информацию коммуникант не показывает, что реагирующая реплика не реализует перлокутивного эффекта, намеченного репликой-стимулом, то мы говорим о потенциальной нескрытой КН. В коммуникативном контексте (13) инициатор общения указывает, что он рассматривает реагирующую реплику как псевдоответ. Его замечание одновременно выступает в качестве механизма корректировки, поскольку стимулирует собеседника дать повторный, на этот раз адекватный, ответ.

(6) “Who put you on to me?”

“*We’d been watching you for quite a time.*”

“That’s not an answer.”

Berger smiled. "You know as well as I do that it's all the answer you'll get, my friend" [Allbeury. *Shadow of Shadows*: 170].

В данной ситуации имеет место частная КН, поскольку даже подключение механизма корректировки не приводит к достижению ожидаемого перлокутивного эффекта. Бергер вторично уклоняется (теперь уже открыто) от ответа, используя для этой цели «отвод» ответа.

В отличие от интеррогатива и побуждения к вербальному действию, побуждение к невербальному действию характеризуется тем, что для него возможно использование только открытого уклонения. Скрытое уклонение с имитацией уклоняющимся выполнением требуемого от него действия теоретически возможно, однако, в отобранных нами из художественных произведений контекстах с проблемным дискурсом обнаружено не было. Как правило, коммуниканты 1) используют «отвод» просьбы с указанием на её несвоевременность, ненужность или неверную адресованность; 2) «отводят» выполнение просьбы, заявляя, что это невозможно, трудно, глупо и т.п.; 3) отказываются от сотрудничества, открыто заявляя, что они не собираются выполнять требуемое от них действие; неожиданно меняют направление беседы; игнорируют просьбу; отвечают на просьбу неадекватной эмоциональной реакцией; 4) реагируют на побуждение к действию встречной просьбой. Использование имплицатур также возможно. Общим для КН и КЗ, возникающих вследствие такого рода уклонений, будет неосуществление коммуникативного намерения на фоне верной передачи и восприятия установки инициатора общения.

Коммуникативная интенция повествовательного и эмоционального высказываний является реализованной, если адресат принимает передаваемую в сообщении информацию и строит дальнейшую речевую деятельность с её учетом. Уклоняясь от иницирующей реплики, представленной этими двумя коммуникативными типами, слушающий может: 1) прервать собеседника, не дав ему договорить, в том числе обнаруживая при этом неадекватные эмоциональные реакции; 2) сообщить о неприятности для него затронутой темы для предотвращения развертывания диалога в этом направлении; 3) не согласиться с пропозициональным содержанием сообщения, оценив его как ложное; 4) для избежания учета переданного сообщения в своей дальнейшей речевой деятельности сделать вид, что не слышал реплики собеседника. Проиллюстрируем данные положения на следующем примере:

(7) "You'll be all right – everybody here believes in you. Why, Doctor Gregory is so proud of you that he'll probably —"

"I hate Doctor Gregory" [Fitzgerald. *Tender Is the Night*: 38].

Частная КН, имеющая место в коммуникативном контексте (7), характеризуется непередачей и, соответственно, невосприятием в полной мере коммуникативной установки в связи с нарушением обмена информацией на участке «отправитель сообщения – реципиент», ведущим к нереализации коммуникативной интенции иницирующей реплики. Ответственность за сбой в коммуникации несёт получатель сообщения, поскольку он прерывает собеседника, не давая ему закончить свое высказывание.

Анализ вышеперечисленных положений и примеров позволяет сформулировать ряд рекомендаций, соблюдение которых в ряде случаев даст возможность предотвратить появление уклонений в ходе развертывания диалога и, соответственно, избежать возникновения хезитаций дискурса.

Литература

1. Пугач В.С. Уклонение от прямого ответа на вопрос как тип речевого реагирования: дис. ... канд. филол. наук.– Белгород, 2002. –208 с.

Список источников фактического материала

1. Allbeury F. Shadow of Shadows.– N.Y., 1982.– 392p.
2. Conan Doyle. Playing with Fire and Other Stories.–М., 2000.–288p.
3. Fitzgerald F. Scott. Selected Prose. – М., 2000.–304p.
4. Fitzgerald F. Scott. Tender Is The Night. – L., 1977.–392p.
5. Hailey A. The Evening News.–L., 1991.–650p

Сиротенко А.Д.

(научный руководитель: д.ф.н., проф. Михайлова Е.Н.)

НИУ «БелГУ», Россия

ТРАКТАТ АБЕЛЯ МАТЬЕ О ЯЗЫКЕ: ИСТОРИЯ ОДНОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается история создания и формальные особенности текста трех изданий трактата Абеля Матье «Devis de la langue francoyse» (1559/60/72). Особое внимание уделяется изучению его жанрового своеобразия, особенностей шрифта, а также структуры и тематического содержания.

Ключевые слова: французская лингвистическая традиция, Абель Матье, рассуждения о языке.

Sirotenko A.D.

Belgorod National Research University, Russia

ABEL MATTHIEU'S TREATISE: HISTORY OF THE TEXT

The article is devoted to the history and formal features of Abel Matthieu's treatise «Devis de la langue francoyse» (1559/60/72). The particular attention is focused on it's genre, print and structural singularity.

Key words: French linguistic tradition, Abel Matthieu, dissertation on language.

Внимание к общим закономерностям развития науки заметно возросло за последние десятилетия. История такой науки, как языкознание, не является исключением. Это связано, с одной стороны, с достаточным накоплением ранее не известных текстов, по тем или иным причинам оставшихся за рамками научных изысканий. С другой стороны, как пишет В.И. Вернадский, перед каждым научным поколением непременно возникает необходимость вновь исторически уходить в прошлое как с целью его повторных переоценок, так и с целью поиска в нем отражений научного течения своего времени [1: 12].

Специфической чертой, характерной для истории языкознания, является ее тесная связь с субъективной стороной социально-исторического процесса. Как подчеркивает С.Д. Кацнельсон, история языкознания представляет собой персонифицированную теорию языка, в которой каждое научное понятие и теоретическое положение снабжено ярлыком с указанием лиц, дат и конкретных обстоятельств, связанных с их появлением в науке [2: 5]. В этом плане несомненный интерес историографов представляет ренессансная европейская лингвистическая традиция как период активных языковых поисков, обилия мнений, идей и теорий, носителями которых выступали ведущие представители эпохи.

Как правило, в рамках исследования французской лингвистической мысли XVI в., ученые традиционно обращаются к текстам Л. Мегре, Ж. Дю Белле, Р. и А. Этьенов, П. де ля Раме. Имени Абеля Матье (1520? – 1572?) и его трактату «Devis de la langue francoyse» при этом не уделено столь же пристальное внимание в работах по романскому языкознанию.

Цель данной статьи состоит, таким образом, в ознакомлении с историей создания этого филологического документа, а также в изучении его жанрового своеобразия и структуры.

Прежде чем приступить к изучению текста «Devis de la langue francoyse», необходимо пролить свет на личность его создателя. Работы по историографии, энциклопедии и справочники содержат мало сведений о его биографии. Как пишет А. Жактен-Годе, незначительные факты жизненного пути А. Матье были получены из откровений, оставленных самим автором в текстах своих сочинений, что, по мнению исследовательницы, позволяет изобразить лишь «эскиз» его жизни [5: 14]. Он родился, предположительно, в 1520 г. в Шартре. Его отец, верховный судья и по совместительству губернатор региона Тимере, скончался, когда А. Матье был подростком. Но, обеспокоенный будущим своего сына, отец успел дать ему достойное образование и направить на изучение юриспруденции. После обучения в университете г. Бурже, А. Матье поступил на службу в качестве юрисконсульта.

Исследователи наследия А. Матье единодушно характеризуют его как человека эрудированного и разностороннего, что он не раз демонстрировал на страницах сохранившихся до настоящего времени сочинений [8: 593; 5: 26]. В их числе рассуждения о гражданском праве «Ars iuris» (1552), посвященные Ф. Оливье, канцлеру Франции и бывшему начальнику отца А. Матье, перевод поэмы Д. Периегета «Opus de situ orbis...» (1556), адресованный кардиналу Карлу Лотарингскому, а также поэтический сборник «Musae Palladium...» (1562). Но наибольшую известность имя А. Матье приобрело в области языкознания, благодаря написанному им трактату о французском языке.

Трактат «Devis de la langue francoyse» вышел во Франции в двух авторских редакциях с интервалом в двенадцать лет. Первая редакция включила два издания, вышедшие под названиями «Devis de la langue francoyse» (1559) и «Segond devis et principal propos de la langue francoyse» (1560). Их печать была доверена автором Р. Бретону, потомственному парижскому издателю. Обе книги, объемом в 44 и 39 листов, автор посвятил

Жанне д'Альбре, королеве Наваррской. Выбор А. Матье не вызывает удивления. Во-первых, из других публикаций и посвящений автора видно, что он был вхож в окружение королевы Наварры и ее матери Маргариты и мог рассчитывать на их протекцию. Во-вторых, Жанна д'Альбре выделялась на фоне других возможных кандидатур для посвящения блестящим умом, твердой моралью и красотой.

Вторая редакция трактата была опубликована в Париже в 1572 г. под тяжеловесным названием «Devis de la langue francoyse, fort exquis, et singulier. Avecques un autre Devis, & propos touchant la Police, & les Estatz: ou il est contenu (oultre les sentences, & histoires) un brief Extraict du grec de Dion, surnommé Bouche-dor: De la comparaison entre la Royauté, & la Tyrannie» («Исключительные в своем роде рассуждения о французском языке. Вместе с другими рассуждениями, касающимися Порядка и Государств: в которых содержится отрывок из речи Д. Хрисостома о разнице между Монархией и Тиранией»). Как пишет Т. Пич, несмотря на большую ясность изложения и упорядоченность по сравнению с первыми двумя, данное издание, объемом в 68 листов, является менее известным французским лингвистам и историкам языка [8: 591].

Что касается посвящения, на этот раз А. Матье воздержался открыто назвать своего адресата. Свое имя автор также предпочел скрыть, оставив только свои инициалы «А.М». Такую осторожность автора А. Жактен-Годе связывает с тем, что год завершения последней редакции трактата совпал с периодом наивысшей политико-религиозной напряженности во Франции, предшествовавшей Варфоломеевской ночи. Тем не менее, как отмечает исследовательница, по некоторым аллюзиям, оставленным А. Матье в эпитафии, можно предположить, что его адресатом стала королева Елизавета Австрийская, супруга короля Карла IX [5: 23]. В связи с кончиной Р. Бретона, А. Матье пришлось сменить издателя данной редакции. На сей раз его выбор пал на парижского печатника Жана де Бордо.

Приступая к изучению формы текста «Devis», в первую очередь следует обратить внимание на не совсем привычную литеру, имитирующую готическое письмо. Она была создана Р. Гранжоном, одним из известнейших граверов французского Возрождения, и, как пишет Н. Каташ, явила собой националистическую реакцию на повсеместное распространение латинского шрифта [4: 215-216]. После получения в 1557 г. королевской привилегии, «французские буквы», как называл их сам Р. Гранжон, молниеносно распространились во Франции, где использовались для издания поэтических, музыкальных и педагогических сочинений [6: 6-23].

Остается неизвестным, чья именно литера была использована для печати «Devis». Как пишет Х. Картер, у «письма» Гранжона имелся свой парижский имитатор – гравер Ф. Данфри, как раз сотрудничавший с издательским домом Р. Бретона [3: 22-26]. Вероятно, именно он изготовил литеру для трактата А. Матье. Неизвестно также, был ли сам А. Матье инициатором использования «французских букв» в первых двух «Devis» или же это был случайный выбор издателя. Тем не менее, учитывая националистический тон автора, а также

целевую направленность данного сочинения, можно предположить, что именно он настоял на выборе готического шрифта, стремясь тем самым укрепить собственные доводы и аргументы. Однако, третья книга трактата А. Матье была напечатана уже с использованием латинского курсивного шрифта, так как смерть Р. Бретона знаменовала конец использования готического шрифта для издания литературных произведений во Франции [3: 33].

Другой отличительной чертой «Devis» является его жанровое своеобразие. В своем сочинении А. Матье совместил две качественно разные задачи: дать общую характеристику французскому языку и описать его грамматический строй. Соответственно, его сочинение должно находиться на стыке двух жанров – трактата о языке и грамматики. Однако, форма подачи идей в грамматической части «Devis» значительно отличается от других французских ренессансных грамматик, что подчеркивал еще Ш. Ливе. Он писал, что А. Матье представил всего лишь рассуждения о французском языке, даже если местами можно увидеть «проблески» грамматики [7: 271].

Таким образом, трактат А. Матье может быть отнесен к редкому для филологических сочинений XVI в. жанру «рассуждений о языке», на что указывает, в первую очередь, широкий спектр рассматриваемых проблем, начиная с вопроса о происхождении языков, заканчивая проблемами перевода, поэтики и грамматики. В этом трактат А. Матье схож с сочинениями П. Бембо (1525) и Ш. Де Бовеля (1533). Во-вторых, рассуждения автора отличает полемический тон и смелость в защите собственных доводов, что сближает трактат А. Матье с манифестом Ж. Дю Белле (1549). Кроме того, как отмечает А. Жактен-Годе, в некоторых пассажах «Devis» отдаленно напоминает беседу [5: 30]. Действительно, даже если в тексте четко обозначен только один ее участник (сам автор), о присутствии второго участника (Жанны д'Альбре) можно судить косвенно, через обращения «Vous, Madame». Вполне возможно, что автор по памяти изложил в своем трактате содержание одного из светских разговоров.

Избранная А. Матье манера изложения своих лингвистических воззрений всецело предопределила структуру «Devis». Подобно свободно льющейся речи говорящего, текст трактата не имеет никаких форменных ограничений: в нем полностью отсутствуют заголовки и подзаголовки, практически нет разделительных абзацев. Иллюзию рассуждений сохраняют также плавный, едва незаметный переход от одной темы к другой, частые авторские отступления и экскурсы, а также сбивчивость повествования и тавтологии.

При этом текст трактата позволяет реконструировать его вероятный план. Так, первое издание «Devis» (1559), возможно, задумывалось А. Матье как вводная часть ко второму изданию. В нем он обратился к рассмотрению общих вопросов языка. Три темы составили его содержание: проблема «хорошего узуса», происхождение французского языка и проблема перевода. Несмотря на то, что в этом же издании А. Матье вскользь затрагивает некоторые грамматические вопросы, они носят скорее фрагментарный характер и анонсируют те вопросы, которые будут освещены автором во второй книге

«Devis» (1560). В ней основное внимание уделено описанию частей речи, а также проблемам фонетики, графики, орфографии и пунктуации.

Что касается третьего издания «Devis» (1572), его тематическое содержание не претерпело особых изменений. Однако, благодаря внесенным А. Матье дополнениям к отдельным вопросам, его лингвистическая концепция стала более глубокой и законченной. К этим дополнениям относятся ремарки автора относительно путей пополнения лексики французского языка, некоторых аспектов поэтики, а также особых случаев образования женского рода существительных и звукоподражательных слов.

Таковыми являются история создания и формальные особенности текста трактата «Devis de la langue francoyse». Этот филологический документ, долгое время забытый, вновь обрел пристальный интерес историографов лингвистики, о чем свидетельствует появление за последние десятилетия нескольких его переизданий, в том числе комментированных (1972, 2008, 2011). Текст «Devis» предоставляет наглядные сведения о существовании форм французского национального литературного языка на начальном этапе его формирования, содержит в себе достоверные сведения о многих исторических событиях, проливающих свет не только на характер языковых воззрений автора сочинения, но и на специфику лингвистической ситуации во Франции в XVI в.

Литература

1. Вернадский В.И. Очерки и речи. Т. 2. [текст] / В.И. Вернадский – Пг.: Научхимтехиздат, 1922. – 123 с.
2. Кацнельсон С.Д. История лингвистических учений. Древний мир [текст] / А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, Ленингр.отд-ние, 1980. – 263 с.
3. Carter H. Civilité types [текст] / H. Carter, H. Vervliet. – Oxford: University Press, 1966. – 138 p.
4. Catach N. L'orthographe française à l'époque de la Renaissance [текст] / N. Catach. – Genève: Librairie Droz, 1968. – 495 p.
5. Jacquetin-Gaudet A. Devis de la langue française, 1559; suivi du Second Devis et principal propos de la langue française, 1560 / Abel Matthieu; texte original transcrit, présenté et annoté [текст]. – Paris: H. Champion, 2008. – 279 p.
6. Jimenes R. Les Caractères de civilité. Typographie et calligraphie sous l'Ancien Régime [текст] / R. Jimenes. – P.: Atelier Perrousseaux, 2011. – 119 p.
7. Livet Ch.-L. La grammaire française et les grammairiens du XVI-e siècle [текст] / Ch.-L. Livet. – P.: Didier et Cie, 1859. – 536 p.
8. Peach T. Le «Devis de la langue française» d'Abel Matthieu (1572) [текст] / T. Peach // В.Н.Р. – 1993. – LV/3. – p. 591-602.

Источники

9. Matthieu A. Devis de la langue francoyse [текст] / A. Matthieu. – Paris, chez Richard Breton, 1559. – 44 f.
10. Matthieu A. Second devis et principal propos de la langue francoyse [текст] / A. Matthieu. – Paris, chez Richard Breton, 1560. – 39 f.
11. Matthieu A. Devis de la langue francoyse fort exquis et singulier. Avec un autre Devis touchant la Police et les Etatz [текст] / A. Matthieu. – Paris, chez Jean de Bordeaux, 1572. – 68 f.

**Сопова И.В., к.ф.н.,
Шатова О.А.,
Колесникова К.А., к.ф.н.
НИУ «БелГУ», Россия**

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЦИОЛЕКТ

Статья посвящена исследованию специфики лексического и фразеологического состава политического социолекта институционального дискурса. В данной работе предпринимаются попытки выявления специфической лексики политического социолекта, а также рассматривается явление интердискурсивности, размытости границ между различными типами дискурса. Появление политического социолекта ознаменовано характером социально-политических изменений в обществе.

Ключевые слова: социокультурные факторы; политический социолект; институциональный дискурс; лексикология; фразеологизмы.

Sopova I.V., Shatova O.A., Kolesnikova K.A.
Belgorod National Research University, Russia

INSTITUTIONAL DISCOURSE AND POLITICAL SOCIOLECT

The article explores the lexical and phraseological composition of the political sociolect institutional discourse. In this paper, attempts to identify specific vocabulary of the political sociolect, it also examines the phenomenon of interdiscursivity, the blurring of the boundaries between different types of discourse. The emergence of political sociolect is marked by socio-political changes in society.

Key words: socio-cultural factors; political sociolect; institutional discourse; lexicology; phraseology.

В рамках реализации дальнейших перспектив научной деятельности многих вузов РФ, одним из которых является НИУ «БелГУ», основным направлением в развитии должны стать междисциплинарные исследования. На стратегической сессии по управлению реализацией программ развития НИУ «БелГУ», состоявшейся накануне, было принято решение выделить гуманитарные науки в отдельное приоритетное направление и наполнить его конкретным содержанием. Таким образом, интерес и перспективы к развитию гуманитарного знания после некоторого перерыва опять заняли почётные позиции в сфере научного поиска.

Вместе с тем, междисциплинарная основа гуманитарных исследований позволяет рассматривать любую дисциплину, в данном случае филологию, в тесной взаимосвязи и взаимозависимости с этнолингвистикой, политологией, психоллингвистикой, социологией, лингвокультурологией и другими смежными дисциплинами. Благодаря этому симбиозу изучение лингвистических аспектов речевой деятельности человека получает прикладной характер, рассматривается с позиций социальных, культурных и психологических аспектов использования

языка в процессе речевой коммуникации и индивидуальной речемыслительной деятельности.

В последние десятилетия XX в. возрос интерес к проблеме социолекта как языка того или иного социально-ролевого коллектива некоторого культурно-этнического сообщества. В свою очередь начало XXI в. обусловлено живым интересом не только специалистов лингвистического профиля, но и смежных дисциплин к изучению институционального дискурса. Социолект определяется использованием языковых форм, синтаксических конструкций, лексического и фразеологического состава языка, стилистического оформления речи в рамках определённой социальной группы: сословной, профессиональной, возрастной и других. При этом отмечается гетерогенность лексического состава любого социолекта (студентов, школьников, солдат, моряков, рыбаков, политиков и т.д.), включающего лексические единицы из различных «пластов» лексической системы (термины, жаргонизмы, коллоквиализмы, профессионализмы и т.д.). Но социолект не представляет собой целостную коммуникативную систему, а рассматривается как совокупность языковых особенностей какой-либо социальной группы.

Данная статья посвящена исследованию лексического состава социолекта русских политиков. Ф. Клуге отмечает: «... чтобы исследовать и описывать какой-либо социолект, не нужно быть членом данной социальной группы: со стороны специфика морского, молодёжного, студенческого, «охотничьего» языка наиболее остро ощущается, а для лингвистического описания социолекта важны прежде всего процессы словотворчества, а также заимствования слов из различных слоёв литературного языка или из других ассимиляций в рамках ограниченного коллектива»; «...denn Geist und Wesen der Muttersprache enthüllt sich nur dem, der ihr Verhältnis zu der Gesamtheit des deutschen Lebens versteht» [10: 104].

Т.А. ван Дейк рассматривает воздействие социокультурных факторов на механизм употребления языка, исследуя коммуникацию с точки зрения социальной психологии [3]. В работах Д.Н. Галимовой предстаёт перед нами диалектный дискурс как специфическое явление, отражающее картину мира диалектоносителей, который возникает и существует в особых условиях коммуникации, а именно в ситуации бытового общения деревенских жителей [4]. Согласно В.В. Красных можно трактовать социолект как отдельный тип дискурса, как «некоторую «модификацию» дискурса, «определённым образом «адаптированную» в соответствии с той сферой, в которой он функционирует» [7: 14]. Согласно утверждению В.И. Карасика дискурс бывает персональный и институциональный, то есть личностно-ориентированный, когда коммуниканты выступают как личности, раскрывая друг другу богатство своего внутреннего мира, и статусно-ориентированный, когда участники выступают как представители какой-либо общественной группы, причём каждый из них в своей роли [6: 278]. Любой институциональный дискурс отражает характерные черты общения определённого социального института. Но, говоря о политическом дискурсе, нельзя исключать и так называемое явление как интердискурсивность, которая предполагает размытость границ между

различными типами дискурса, а именно (по О.С. Иссерс) вкрапления в политическом дискурсе специфических явлений (отдельных лексем, фразеологических единиц, оборотов речи и другого) из других типов дискурса [5: 39; 45-50]. В среде лингвистов принято в последнее время выделять политический социолект, появление которого ознаменовано характером социально-политических изменений в обществе.

Е.В. Бакумова определяет институциональный дискурс как «дискурс, задающийся типами социальных институтов, сложившихся в обществе» [1].

Термин «социолект» представляет собой универбацию (стяжение) словосочетания «социальный диалект» [2: 47]. Однако термин «диалект» является весьма условным, поскольку социолект дефинируется как совокупность особенностей речи определённой социальной группы, заключающихся в своеобразном сочетании лексических единиц и фразеологизмов, относящихся к различным пластам лексики общенационального языка; поэтому вместо термина «социолект» нередко используются понятия *Sonderlexik*, *Sonderwortschätze* [8: 190]. В настоящее время в отечественной лингвистике социолект (студенческий, солдатский, спортивный, школьный, гендерный, политический и пр. лексиконы) противопоставляется профессиональной и терминологической лексике, а также профессиональным жаргонам [8: 191], однако следует отметить, что понятие «жаргон» в отечественной науке является термином дискуссионным и нередко трактуется как синоним понятия «социолект», или *Sonderlexik* (школьный, солдатский, студенческий, молодёжный и др. жаргоны). В немецкой лингвистике социолекты трактуются как особые языки (*Schüler-, Studenten, Seemanns-, Soldatensprachen*), а жаргон (*Jargon*) в основном понимается как «сниженная» (грубая, вульгарная) лексика, смыкаясь с русским термином «арго». Нередко термины «социолект», «*Sondersprache*» идентифицируются с понятием сленга (а в ряде концепций вытесняются данным термином). Однако в настоящее время наблюдается тенденция к дифференцированному употреблению данных понятий: сленг, жаргон, арго рассматриваются как группы лексики в составе социолекта (языка определённой социальной группы общества) [2: 48].

В рамках концепций Ю.М. Скребнева и Л.Ф. Парпарова отмечается «пересекаемость» рубрик, неоднозначность классификации лексики по характеру принадлежности к социолекту, либо научному (профессиональному) языку, а также отнесённости к одному из функциональных стилей языка [9: 290] отмечается полевая структура, иерархическая организация лексического состава в рамках социолектов и функциональных стилей, по принципу: «ядро» (специфический для данного социолекта или стиля вокабуляр) – «периферия» (лексикон, характерный для разных социолектов или стилей).

Хотелось бы отметить, что мы попытались, взяв за основу, например, концепцию Л.Ф. Парпарова, конструировать лексическое поле социолекта политиков, и выяснили следующее: основной лексический состав (литературно-нормативная лексика) выступает в тесной взаимосвязи с терминами (научная,

специальная лексика), иногда даже трудно разграничить данные типы лексем. Сложной представляется и задача выделения профессионализмов из политического дискурса, поскольку политика соприкасается с различными сферами жизни и деятельности представителей социума и, исходя из подобного тесного сотрудничества, в политической коммуникации весьма часто встречаются примеры из других профессиональных областей. Что касается жаргонизмов (Sonderlexik, сленг на основе диалектизмов и разговорной лексики), то следует обратить внимание на то, что данные лексические единицы находят применение в рамках спонтанной речи политических деятелей. Иногда в их выступлениях наблюдаются и арготизмы (бранные и вульгарные слова), что в классическом варианте неприемлемо для представителя власти. Объяснить данное явление можно лишь желанием политиков добиться более высоких рейтингов среди большинства населения в рамках предвыборных компаний, оказавшись «своим» среди народных масс.

В заключение следует отметить, что грамматические особенности речи в основном остаются в пределах литературной нормы.

Литература

1. Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса // Дисс. Канд. филол. наук, - Вологоград, 2002.
2. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика: Учебник для вузов.- М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001.- С.47-52.
3. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.
4. Галимова Д.Н. Неконтролируемость жизни как одна из ключевых характеристик диалектной картины мира. // Слово: фольклорно-диалектологический альманах – Амурский Государственный университет, Вып 8, 2010, Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/nekontroliruemost-zhizni-kak-odna-iz-klyuchevykh-harakteristik-dialektnoy-kartiny-mira-1> (дата обращения: 12.03.2016)
5. Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени. Изд.2-е, испр. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 272 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, Перемена. 2002. – 477 с.
7. Красных В.В. Свой среди чужих: миф или реальность? // М.: Гнозис, 2003. — 375 с.
8. Ольшанский И.Г., Гусева А.Е. Лексикология: Современный немецкий язык//Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache.– М.: Academia, 2005.- S.190-195.
9. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. С.290 с.
10. Kluge F. Unser Deutsch: Einführung in die Muttersprache (Vorträge und Aufsätze).- Dritte Auflage.- Leipzig: Verlag von Quelle und Meyer, 1914.-S.102-152.

Терентьева Е.Б.

Волгоградский государственный университет, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ САЙТОВ РЕСТОРАНОВ

В докладе проанализированы языковые средства, репрезентирующие лингвокультурную специфику британского ресторанного интернет-дискурса. Установлены аксиологически маркированные номинации, номинации с национально-культурным компонентом, актуализирующим культурно-специфические аспекты физического и социального мира, показано, что метафоры, эпитеты, сравнения, идиомы носят преимущественно универсальный характер и акцентируют положительные оценочные значения.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, англоязычный ресторанный дискурс, лингвокультура питания, лингвостилистические особенности.

Terentyeva E.B.

Volgograd State University, Russia

LINGUISTIC, STYLISTIC AND CULTURAL ASPECTS OF ENGLISH- LANGUAGE RESTAURANT WEBSITES TEXTS

The report analyzes linguistic means which represent the linguistic cultural identity of the British restaurant online discourse. It determines axiologically marked nominations. The report also determines some nominations with national and cultural component which actualizes culturally specific aspects of the physical and social world; it shows that the metaphor, epithets, similes, and idioms are mostly universal and accentuate positive estimates.

Key words: online communication, English-language restaurant discourse, linguoculture of nourishment, linguistic and stylistic features.

Англоязычный ресторанный интернет-дискурс представляет собой перспективный исследовательский объект с точки зрения присущих ему лингвостилистических и лингвокультурных особенностей. Анализ аксиологической парадигмы британской культуры общественного потребления пищи через призму лингвостилистики позволяет сделать несколько обобщений относительно специфики интернет-общения в данном сегменте, поскольку гастрономические практики регулярно демонстрируют национальную и культурную ориентированность [2; 3; 4].

В качестве материала исследования использовались интернет-сайты лондонских ресторанов высокой и средней ценовой категории, маркетинговое позиционирование которых связывается преимущественно с национальной британской кухней.

Анализировался контент сайтов наиболее известных лондонских ресторанов высокой и средней ценовой категории:

<http://www.rules.co.uk/restaurant>; <http://www.chenestons-restaurant>;
<https://www.stjohnsgroup.uk.com>; <http://www.dinnerbyheston.com>;

<https://www.thewolseley.com>; <http://www.corrigansmayfair.co.uk>;
<http://www.thegilbertscott.co.uk>; <http://www.launcestonplace-restaurant.co.uk>;
<http://www.fivefieldsrestaurant.com>; <http://www.anglerrestaurant.com>,
<http://theandoverarms.com>; <http://feraatclaridges.co.uk>;
<http://rouxatparliamentsquare.co.uk>; <http://www.terryscafe.co.uk>;
<http://www.thepeasant.co.uk>; <http://craft-london.co.uk>.

Аксиология традиционной лингвокультуры питания Британии предполагает высокую оценку продуктов и напитков, требующих длительного приготовления и выдержки [1: 167]. Данный лингвокультурный посыл находит отражение на страницах интернет-сайтах ресторанов высокой ценовой категории, предлагающих национально-ориентированное классического меню из дичи, требующей особой обработки, рыбных блюд, пирогов, пудингов и десертов сложного приготовления: *We specialise in classic game cookery, oysters, pies and puddings; the finest game, meat and fish dishes as well as wonderful puddings and desserts* (<http://www.rules.co.uk>);

Необходимо отметить культурно-специфическую составляющую лексемы *game* в значении «дикие птицы и звери как предмет охоты». Национально-культурный компонент этой номинации носит референциальный характер, актуализируя культурно-специфические аспекты физического и социального мира. Как известно, охота с древнейших времен остается одним из традиционных видов времяпрепровождения англичан, а дичь является маркером высокого социального статуса ее добытчика и потребителя. В аксиологической парадигме британской культуры питания особую ценность представляют также натуральные сезонные продукты местного происхождения и производства. Сезонность продуктов как основа национальной британской кухни и в то же время модный маркетинговый ход акцентируется следующими формулами: *seasonal menus; seasonally-inspired British menu; interesting seasonal choices*, характерными для сайтов ресторанов всех ценовых категорий.

На сайтах заведений общественного питания невысокой ценовой категории, в которых подаются блюда быстрого приготовления типа *fish and chips*, особый аксиологический статус имеет домашняя еда, приготовленная по семейным рецептам: *All our food is cooked on the premises to our family's recipes. Home cooking at its best!* (<http://www.terryscafe.co.uk>), а также натуральная еда из свежих продуктов известных местных производителей: *At Terry's we pride ourselves on using only quality, locally sourced produce. Our meats are from London's Smithfield Market, where Terry worked prior to opening the cafe, while our fresh produce is from the famous Borough Market* (<http://www.terryscafe.co.uk>).

В подобных заведениях совмещается традиция длительной домашней обработки продуктов, медленного потребления блюд и современная тенденция к ускорению и рационализации процесса поглощения пищи. Реализация тенденции еды «на бегу» на сайтах заведений общественного питания средней ценовой категории подчеркивается быстротой обслуживания, возможностью выбора из нескольких унифицированных вариантов: *At lunchtime you can enjoy one of our home-cooked daily specials from £8, such as traditional roast dinners, fish*

and chips (<http://www.terryscafe.co.uk>). При этом аксиологически маркированными остаются концептуальные области, эксплицирующие в контенте сайтов высокое качество традиционной естественной обработки натуральных продуктов и стремление ко всему новому.

Анализ лингвостилистических средств показал, что в британском интернет-дискурсе активно используются имеющие национально-культурную специфику номинации времени приема пищи *breakfast, lunch, brunch, dinner*, номинации традиционных блюд *roast beef, beefsteak pie, pudding, fish and chips*, а также заведений общественного питания *gastro-pub, pub*. Для актуализации национально-культурного колорита концепции ресторана, его интерьера широко употребляются названия исторических событий, топонимов, лиц, деятелей литературы, объектов искусства (*Tudors, Napoleon, The Great War, campaign in Egypt, Victorian artwork*).

Среди стилистических средств, маркирующих ресторанный интернет-дискурс, отмечены лексические единицы с положительными эмоционально-экспрессивными и оценочными значениями: *superb quality, highest quality, finest kitchens, wonderful puddings and desserts, delightfully fresh simplicity, quality ingredients, excellence, luxurious, generous portions; elegant, discreet, charming, fantastic*. Широко распространены метафорические употребления: *A Star-Studded Past; in the heart of Westminster; the key to the taste; in the heart of London's Fitzrovia; Our menus are a showcase of the historical British cuisine*, идиомы: *a birds-eye view*, сравнения: *his team compose dishes as carefully as songs*.

На морфологическом уровне отмечается доминирование суперлативов, местоимений-наречий, личных местоимений, форм глагола в повелительном наклонении, модальных глаголов; на синтаксическом уровне представлены вопросно-ответные, отрицательные конструкций без негативного оттенка значения, вставные конструкций (*drumroll, please*).

Проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам:

1. В ценностной парадигме британской лингвокультуры сферы общественного питания представлены национально-культурные номинации, вербализующие приоритет национального типа кухни, длительность приготовления и потребления традиционных блюд, ориентацию на местные и сезонные продукты, наличие тенденции к модернизации кухни за счет соединения европейских и мировых кулинарных культур. Названные особенности характерны для ресторанов как высокой, так и средней ценовой категории. На сайтах заведений общественного питания невысокой ценовой категории (*all-day restaurant, gastro-pub, pub, café*), в которых подаются блюда быстрого приготовления типа *fish and chips*, особой ценностной характеристикой обладает домашняя еда, приготовленная по традиционным семейным рецептам.

2. Контент интернет-сайтов ресторанов средней ценовой категории в большей степени демонстрирует тенденцию к глобализации национальной кухни. В ресторанах организуется быстрое обслуживание в рамках комплексного меню с сокращением времени приготовления пищи. При этом сохраняются традиционные блюда из местных сезонных продуктов,

приготовленные по домашним рецептам, а также предлагаются блюда средиземноморской и континентальной кухни.

3. Среди лингвостилистических средств выделяются номинации с национально-культурным компонентом, актуализирующим культурно-специфические аспекты физического и социального мира. Метафоры, эпитеты, сравнения, идиомы носят преимущественно универсальный характер и акцентируют положительные оценочные значения. На грамматическом уровне отмечено преобладание суперлативов, местоимений, форм глагола в повелительном наклонении, модальных глаголов, вопросно-ответных, вставных конструкций, конструкций с отрицанием без негативного оттенка значения. Как стилистический прием используется обыгрывание клишированных фраз с целью создания эффекта неожиданности.

Литература

1. Козько Н. А., Пожидаева Е. В. Современный британский ресторанный дискурс // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия Филология. – 2012. – № 4. – Том 1. – С. 166-175.
2. Марушкина Н. С. Концепт «еда» в контексте диалога культур : автореф. ... дис. канд. культурологии: 24.00.01– теория и история культуры. – Иваново: [б.и], 2014. – 25 с.
3. Сохань И.В. Фаст-фуд как актуальная гастрономическая практика потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. XIV. – С. 260–269.
4. Шамне Н. Л., Актуальные проблемы межкультурной коммуникации : учебное пособие. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2014. – 195 с.

Секция 5
«ИССЛЕДОВАНИЯ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ»

Белова Л.В.
НИУ «БелГУ», Россия

**ОЦЕНКА ПОВЕДЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА
«БРИТАНСКАЯ КОРОЛЕВА» В КОЛЛЕКТИВНОМ ЯЗЫКОВОМ
СОЗНАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ
БРИТАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Лингвокультурный типаж «Британская Королева» репрезентирует систему взглядов современного британского общества, характеризуясь национальной спецификой и изменчивостью во времени. Оценка поведения данного лингвокультурного типажа, актуализирующаяся в коллективном языковом сознании британцев, обусловлена классовой принадлежностью его представителей. Оценка поведения лингвокультурного типажа «Британская Королева» представителями политической элиты Великобритании многопланова; обладает как позитивными, так и негативными характеристиками.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, коллективное языковое сознание, национальный культурный концепт.

Belova L.V.
Belgorod National Research University, Russia

**THE ESTIMATION OF THE LINGUOCULTURAL ARCHETYPE'S
«THE BRITISH QUEEN» BEHAVIOR WHICH CORRESPONDS TO THE
COMMUNAL LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF THE BRITISH RULING
ELITE REPRESENTATIVES**

Linguocultural archetype «The British Queen» corresponds to the system of viewpoints. It has national specificity and it changes in the course of time. The estimation of the linguocultural archetype's «The British Queen» behavior which exists in the communal linguistic consciousness of the British depends on the social class a person comes from. The estimation of the linguocultural archetype's «the British Queen» behavior by the British ruling elite representatives is various. It exhibits both positive features and negative ones.

Key words: linguocultural archetype, communal linguistic consciousness, national cultural concept

В свете современных научных исследований понятие «лингвокультурный типаж» представляет собой когнитивный феномен, а его формирование и бытование связано с коллективным языковым сознанием. Лингвокультурный типаж «Британская Королева», актуализирующийся в коммуникативном сознании целого народа, представляет собой национальный английский культурный концепт, воплощаемый в британской национальной культуре. Лингвокультурный концепт является единицей исследования языкового сознания народа, обладая национально-культурной спецификой и проявляясь в

языке через понятийные, образные и ценностные элементы [2]. Данный лингвокультурный типаж является частью языкового мира каждого поколения британцев, всегда имея непосредственную связь с современной ему монархией. Лингвокультурный типаж «Британская Королева», существующий в коллективном языковом сознании народа, характеризуется способностью претерпевать ряд изменений за годы царствования того или иного монарха.

Системный анализ лингвистических трудов, касавшихся исследования лингвокультурного типажа «Британская Королева», проявляет тот факт, что, несмотря на гипотезы об амбивалентности оценки исследуемого концепта в коллективном языковом сознании британцев, в лингвистических изысканиях прослеживается тенденция говорить либо об уклонении от оценки поведения королевы, либо о придании ему положительной оценки британскими подданными [3]. Лингвокультурный типаж «Британская Королева», по утверждению лингвистов, сориентирован на повседневное поведение и оценивается по моральным и утилитарным критериям [2; 3].

В связи с многоплановостью британского общества, наличием социальной градации не только по сословному, классовому принципу, но и по профессиональному, уместно говорить о вариативности языковой картины мира, присущей представителям британской нации, и о языковом сознании отдельных социальных групп, в котором лингвокультурный типаж «Британская Королева» актуализируется индивидуально. Так, коллективному языковому сознанию высшего класса британского общества, так называемой «правлящей элите», свойственна особая система оценок данного лингвокультурного типажа.

Ссылаясь на мнение когнитивистов о том, что лингвокультурный типаж «Британская Королева» является жестко фиксированным [2; 3], мы выявляем наиболее типичные для концепта признаки, так или иначе отражающиеся в языковом сознании британцев в рамках языковой картины мира, присущей исключительно представителям правящей элиты. Однако следует оговорить, что, поскольку мы рассматриваем лингвистические характеристики данного лингвокультурного типажа, соотносящегося в языковом сознании британцев с именем современной Королевы Елизаветы II, перенос оценки данного типажа на совокупность оценок, связанных с личностью других британских монархов, нами рассматриваться не будет.

Прежде чем перейти к рассмотрению индивидуальной оценки поведенческих характеристик лингвокультурного типажа «Британская Королева» представителями элиты британского лингвокультурного сообщества, необходимо установить общие основания оценки поведения индивида в социуме. Оценка поведения любой личности предполагает его сравнение с какой-либо нормой. В социальных науках используется термин «социальная норма», который определяется как предписание общепринятого способа поведения людей в социально значимых ситуациях, применительно к различным социальным ролям. Иными словами, норма – это совокупность общественных ожиданий по поводу поведения людей в той или иной сфере деятельности [1]. Таким образом, оценка поведения лингвокультурного типажа «Британская Королева» строится на соответствии такового общественной

норме. Формальным выражением данной нормы, демонстрирующим связь языковой картины мира народа и ее лексического выражения, может служить словарные статьи касательно лингвокультурного концепта «Британская Королева», соотносящегося с лексемой *Queen*.

С целью наглядности приведем определения, предложенные англоязычными толковыми словарями для характеристики данного слова:

1) 1. the female ruler of an independent state, especially one who inherits the position by right of birth;

2. a woman or thing regarded as the finest or most outstanding in a particular sphere or group [7];

2) 1. a woman who rules a country because she has been born into a royal family, or a woman who is married to a king;

2. any woman who is considered to be the best at what she does [4];

3) 1. a woman who rules a country because she belongs to a royal family;

2. a woman who does something very well [6].

Анализ приведенных определений позволяет обнаружить ряд значимых качеств, соотносящихся в языковом сознании британского народа с лингвокультурным типажом «Британская Королева», а именно: правительница государства, наследующая власть как член королевской семьи, (...the female ruler..., who inherits the position by right of birth [7]; ... a woman who has been born into a royal family [4]; ... a woman who belongs to a royal family [6]). Кроме того, в тексте словарных статей уже содержится ряд оценочных определений, касающихся личностных качеств и ожидаемого социумом поведения данного лингвокультурного типажа. Так, лексема «королева» соотносится с определением «выдающаяся представительница особой группы», (... the most outstanding in a particular group [7]), а также оценочной характеристикой «лучшая в том, что она делает», (...the best at what she does [4]; ... a woman who does something very well [6]). Таким образом, в ходе анализа словарных статей англоязычных толковых словарей, дающих определение концепту *Queen*, проявляется тенденция к фиксации в их определении общепринятых норм социального поведения того или иного лингвокультурного типажа и закреплению коллективной оценки жестко фиксированных лингвокультурных типажей, таких как «Британская Королева». Несомненно, фиксированная оценка данного типажа, соотносящегося с личностью современной британской Королевы Елизаветы II, сформированная в коллективном языковом сознании правящей элиты, являет собой рефлексию наблюдаемых общепринятых и формально зафиксированных в толковых словарях оценочных характеристик, свойственных всем представителям британской нации.

Несмотря на неоднократно отмечаемую лингвистами тенденцию к положительной или нейтральной оценке поведения лингвокультурного типажа «Британская Королева» жителями Соединенного Королевства [2; 3], в ряде высказываний, интервью представителей правящей элиты (Премьер-министра, членов Парламента, личных секретарей) прослеживается употребление слов, имеющих негативный оценочный характер, что свидетельствует, с одной стороны, о наличии многоплановой, а не амбивалентной оценки данного

лингвокультурного типажа, а также, с другой стороны, о возможном изменении оценки поведения Елизаветы II с течением времени и обусловленности такой оценки классовой принадлежностью представителей коллективного языкового сознания.

Одним из репрезентативных оценочных характеристик негативного значения является прилагательное *folly*, которое происходит от древнефранцузского *folie*, что соответствует современному *fool* и первоначально имеет буквальное значение «пример глупости» [5]. Помимо заявленного значения, этимологический словарь свидетельствует также о референции существительного *folly* и значения «расточительность», «затратный процесс», «непродуманные действия» в отношении сферы строительства и датирует эту референцию 1650 годом. В современном английском языке лексема *folly* имеет значение «глупый», «безрассудный», «имеющий много прихотей» [4; 6; 7]. Данное прилагательное с течением времени, переходя из узкого профессионального дискурса в общедоступную дискурсивную среду современности, становится оценочным и несет в своей семантике отрицательную коннотацию. Применение представителем политической элиты Соединенного Королевства, лидером Лейбористской партии и парламентской оппозиции Эдом Милибэндом данного прилагательного с негативным значением при оценке поведения лингвокультурного типажа «Британская Королева» [9] свидетельствует о существовании отрицательной оценки данного типажа в среде политической элиты британского общества.

В данном контексте и существительное *literalness*, употребленное членом той же Лейбористской партии [9], становится оценочным и имеет в своей семантике аналогичную отрицательную коннотацию, означая в современном английском языке «буквальность», «буквализм» [4; 6; 7]. Применительно к оценке поведения лингвокультурного типажа «Британская Королева», связанного с личностью Елизаветы II, данная лексема может, на наш взгляд, передавать добавочное значение, а именно: «прямолинейный», «резкий в высказываниях», даже «грубый», что снова указывает на негативную оценку поведения лингвокультурного типажа «Британская Королева»

В контексте современных высказываний британских политиков негативное значение способны приобретать и семантически нейтральные лексемы. Так, употребленный в эмоциональной речи Премьер Министра Великобритании Дэвида Кэмерона по поводу поведения Королевы в период шотландского кризиса 2012 года глагол *purr* [11], означающий в современном английском языке «мурлыкать», «урчать» [4; 6; 7], переходит в другой семантической дискурс и приобретает характер косвенной негативной оценки. В данном случае, по нашему мнению, целесообразно говорить о референции семантики глаголов *purr* и *tumble*, так как последний обладает фиксированным прямым негативным значением: «мямлить», «говорить неразборчиво» [4; 6; 7], в то время как глагол *purr* являет собой пример добавочного контекстуального переносного значения.

В то же время, несмотря на наличие примеров как прямой, так и косвенной отрицательной оценки поведения лингвокультурного концепта

«Британская Королева», опровергающих утверждение о бытовании исключительно позитивных его характеристик, необходимо упомянуть и случаи употребления положительных оценок типажа представителями британской политической элиты.

Прилагательное *stable*, определяемое в англоязычных толковых словарях как «стабильный», «постоянный», «надежный» [4; 6; 7], имеет положительную семантическую коннотацию и употребляется политиками для выражения позитивной оценки поведения типажа «Британская Королева» [8].

Следующее прилагательное *unrivalled* иллюстрирует эмоциональную положительную оценку поведения данного типажа в ситуации переживания говорящим членом парламента эмоциональной чувства восторга, радости [10]. Упомянутое прилагательное имеет значение «не имеющий себе равных», «непревзойденный», «отличный» [4; 6; 7], что указывает, на наш взгляд, на высшую степень положительной оценки говорящим предмета высказывания, то есть на существование в коллективном языковом сознании правящей элиты британского общества достаточно высокой позитивной оценки поведения лингвокультурного типажа «Британская Королева».

Таким образом, обзор семантических репрезентаций лексем, номинирующих два основных типа оценки поведения лингвокультурного типажа «Британская Королева» представителями политической элиты, показывает, что система таких оценок характеризуется многоплановостью, с преобладанием, однако, лексем с отрицательной семантической коннотацией. Такие выводы обращают нас к объяснению с опорой на постулаты когнитивной лингвистики системных различий в оценке одних и тех же лингвокультурных типажей представителями единого коллективного языкового сознания, принадлежащих к различным социальным классам.

Литература

1. Залевский Г.В., Личность и фиксированные формы поведения / Г.В. Залевский. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 336 с.
2. Карасик В.И., Дмитриева О.А., Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В.И. Карасик, О.А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 310 с.
3. Мурзинова И.А., Лингвокультурный типаж «Британская Королева»: постановка проблемы / И.А. Мурзинова // Вестник ВолГУ. – 2008. – № 7. – С. 46 – 49
4. Cambridge Dictionary. –Cambridge Dictionaries Online [Electronic resource]. – Cambridge University Press, 2016. – Mode of access: <http://dictionary.cambridge.org/>
5. Douglas, Harper. An Etymological Dictionary of Modern English. – Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – 2001-2016. – Mode of access: <http://etymonline.com/>
6. Macmillan Dictionary [Electronic resource]. – Macmillan Publishers Limited, 2009–2016. – Mode of access: <http://www.macmillandictionary.com/>
7. Oxford Dictionaries [Electronic resource]. – Oxford University Press, 2016. – Mode of access: <http://www.oxforddictionaries.com/>
8. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=iP7EbNdH8Ak>
9. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.bbc.com/news/uk-18237280>

10. [Electronic resource]. – Mode of access:
<http://www.bbcamerica.com/anglophenia/2012/05/royal-roundup-queen-delivers-address-to-parliament-windsor-pageant-kicks-off-jubilee>

11. [Electronic resource]. – Mode of access:
<http://www.independent.co.uk/news/uk/scottish-independence/david-cameron-apologises-for-saying-the-queen-purred-over-referendum-9754123.html>

Бондаренко Е.В., д.ф.н., проф.,
Радович М.А.
НИУ «БелГУ», Россия

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ БЕРЛИНСКОГО ДИАЛЕКТА ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Данная статья посвящена описанию влияния внешнего фактора воздействия на диахронию Берлинского диалекта: падению Берлинской стены. Анализируется специфика его употребления в текстах комиксов после объединения Восточной и Западной Германии. Рассматриваются характерные языковые черты Берлинского диалекта на всех уровнях его системы.

Ключевые слова: Берлинский диалект, городской язык, графическая новелла, комиксы

Bondarenko E.V., Radovich M.A.
Belgorod National Research University, Russia

SPECIFIC FEATURES OF BERLIN DIALECT USAGE AFTER THE REUNIFICATION OF GERMANY

The article deals with the influence of extra linguistic factor on the usage of the German language Berlin dialect: the Fall of The Berlin Wall. The research analyzes the Berlin dialect specific features after the reunification of Germany and describes the effects of the dialect usage in the graphic novels.

Key words: Berlin dialect of German, urban language, graphic novel, comics

Берлинский диалект считается наиболее изученным в немецкоговорящем языковом пространстве. После падения Берлинской стены у лингвистов появилась уникальная возможность изучать развитие диалекта в новых экстралингвистических условиях. В данной статье мы анализируем работы профессора Университета им. Гумбольдта Рут Райер, а также профессора Ганноверского Университета им. Лейбница Петера Шлобинского. В связи с тем, что Берлинский диалект (или городской язык, как обозначают его некоторые исследователи) является разговорным вариантом, основным методом исследования в рассматриваемых нами работах является интервьюирование.

Рут Райер описывает употребление Берлинского диалекта непосредственно после падения Берлинского стены следующим образом: «Если

в начале 90-х годов все еще существовала значительная разница в употреблении и оценке Берлинского диалекта жителями Восточной и Западной части Берлина, то во второй половине 90-х годов происходит уже некоторая ассимиляция в использовании языка жителями Восточного Берлина, которые все больше тяготеют к языковому стандарту жителей Западного Берлина».

Берлинский диалект, по словам Рут Райер, оценивается жителями Западного Берлина как языковой вариант нижних слоев населения, что профессор Райер связывает с обособленным положением Западного Берлина, а также выраженным социальным разделением в обществе. [2].

Жители Западного Берлина используют Берлинский диалект только в неофициальной обстановке, при этом диалект жителей Восточного Берлина они отмечают как катастрофический, вульгарный и пролетарский.

В то же время в Восточной части Берлина употребление диалекта ограничивалось не только частным общением, но также активно использовалось в полуофициальных и официальных кругах.

Исследования, проведенные профессором Райер спустя 12 лет после объединения Германии, показывают, что в Восточном Берлине диалект имеет по-прежнему больше хождение, чем в Западном. Как и прежде, он используется не только в частной жизни, но и в официальной обстановке. В то же время наблюдается тенденция к снижению употребления диалекта. Рут Райер объясняет это тем, что возможность социального роста в Германии тесно связана с владением стандартного немецкого языка. Таким образом, Западная часть Берлина, являясь доминирующей в первую очередь за счет своего ведущего экономического развития, заставляет жителей Восточного Берлина приспосабливаться к новой реальности.

В 2014 году профессором Шлобински проводится исследование (также в форме интервьюирования), в ходе которого в Берлине были опрошены порядка 1 000 мужчин и женщин в возрасте от 14 лет. Исследования показали, что большинство респондентов (62%) периодически используют в речи Берлинский диалект. Чаще всего это жители Восточного Берлина (66%), мужчины в возрасте более 45 лет, малообразованные или имеющие среднее образование, а также те, кто до 1990 года (год объединения Германии) уже проживали в Берлине. В меньшей степени диалект используют опрошенные возрастом до 30 лет, имеющие аттестат зрелости или высшее образование, а также жители города, приехавшие в Берлин после 1990 года.

Респонденты, использующие диалект, наделяют его такими эпитетами как дерзкий, нахальный, «свойский» и остроумный. Те же, кто в меньшей степени использует диалект, считают его пролетарским и вульгарным. [3].

В нашей работе мы обратились к комиксам Герхарда Зайфрида, в которых часто фигурирует Берлин и его жители. Мы рассмотрели 3 произведения: “Invasion aus dem Alltag”, “Das schwarze Imperium”, “Flucht aus Berlin”. Формат данных произведений (рисованные истории с прямой речью персонажей) хорошо демонстрируют использование диалекта. Набор приемов для описания персонажа сводится к минимуму, персонаж представляется только путем графического описания, а также стилистического оформления

прямой речи. Поэтому в прямой речи автор стремится к оптимальному выражению экспрессии отчасти и за счет использования Берлинского диалекта.

В произведении “Invasion aus dem Alltag” главными персонажами являются молодые люди без работы и без жилья, проводящие время за просмотром телевизора, бесцельным хождением по улицам Берлина и курением марихуаны. В состоянии наркотического опьянения они засыпают перед телевизором и видят себя в центре событий вокруг нашествия инопланетян. Ниже мы приводим примеры использования Берлинского диалекта, основанные на его фонетических отличиях от стандартного немецкого языка (Hochdeutsch).

1. В сочетании -er в последнем слове слога (простой части, а также в морфеме) согласный -r переходит в гласный -a, при этом -e исчезает.

Jetzt schalt'n wa n' Fernseha ein und gucken... (Fernseher - Fernseha).

Da bin ick optimistischa! (optimistischer- optimistischa).

Da is ja die Sintflut noch wahrscheinlicha! (wahrscheinlicher - wahrscheinlicha).

2. Происходит монофтонгизация. Дифтонг -au переходит в -oo.

Ich komm ooch mit. (ooch - auch)

Warum hasten det gekooft? (gekauft – gekooft)

Du merkst ooch allet. (auch – ooch)

Диалектные выражения в произведении используют главные персонажи в общении между собой, что указывает на их принадлежность к одной социальной группе.

В серии комиксов “Das schwarze Imperium” Берлинский диалект практически отсутствует. Главный персонаж является успешным карикатуристом, который владеет крупным печатным издательством. Он изъясняется на стандартном немецком языке. В его издательстве появляется неопрятного вида уборщик, который жалуется, что не получает главной роли в новой книге карикатуриста потому что не хочет стричься. Именно в его уста автор вкладывает диалектный вариант, также указывая на его низкий социальный статус.

3. Ich переходит в ick, в конце слова происходит выпадение -t, herum переходит в rum, дифтонг -au переходит в -oo.

Bloss weil ick nich rumloofen will wie der letzte Spiesser (ich-ick; nicht – nich; herumlaufen - rumloofen).

“Flucht aus Berlin” является наиболее интересным с точки зрения изучения Берлинского диалекта. В графической новелле непосредственно затрагивается тема падения Берлинской стены и возникновения непонимания между Восточными и Западными берлинцами. Персонажи Восточного Берлина такие же маргинальные личности, как и персонажи произведения “Invasion aus dem Alltag”. У них нет стабильного дохода, а порой и места жительства. Они бродят по улицам города в поисках приключений. Чем ниже социальный статус персонажа, тем чаще используется Берлинский диалект. Так, персонажи захватывают пустующий дом, явление, часто встречавшееся в Западном Берлине. (**Hausbesetzung die:** Substantiv, feminin - widerrechtlicher gemeinschaftlicher Einzug in ein leer stehendes, zum Abbruch bestimmtes Haus). [1].

4. Согласный -b выпадает перед -n, при этом -n переходит в -m, -s в конце слова переходит в -t, при этом гласная -a переходит в -e.

Hey, Zwille! Hilf uns mal! Wir ham det Haus besetzt. (haben -ham; das – det).

5. S в конце слова переходит в -z, selber переходит в selwa, происходит слияние gehen wir – gehenwa.

Unz gehoert das Maua-Haus, von selwa gehnwa da nich raus! (плакат на захваченном доме). (uns – unz; selber – selwa; gehen wir – gehenwa).

Таким образом, базируясь на исследованиях разных лет профессора Рут Райер, а также профессора Петера Шлобински можно сделать вывод о том, что как в начале 90-х годов, так и в последние годы, использование диалекта носит негативную стилистическую окраску, понижая социальный уровень носителя диалектного варианта языка. Это также подтверждается использованием диалекта в вышеописанных художественных произведениях.

Литература

1. Онлайн Словарь DUDEN [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.duden.de/woerterbuch>

2. Reiher R. Schrippe, Stulle und Molle – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.huberlin.de/de/pr/medien/publikationen/presse/tsp/ws02_03/dialekt_html

3. Schlobinski P. Der Berliner Dialekt in der Einschätzung der Bürger der Stadt. Eine repräsentative Umfrage der Gesellschaft für deutsche Sprache. - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mediensprache.net/de/literatur/show.aspx?id=9704>

4. Seifried G. Das Schwarze Imperium. - Rotbuch Verlag GmbH, 1986 – 82 S.

5. Seifried G. Invasion aus dem Alltag. - Rotbuch Verlag GmbH, 1981 – 96 S.

6. Seyfried G. Flucht aus Berlin. - Rotbuch Verlag GmbH, 1990 – 63 S.

7. Woerterbuch Berlinerisch-Deutsch [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.berlin-and-more.de/Berlinerisch-Deutsch.html>

Дзене Н.И.
к.ф.н., доц., НИУ «БелГУ», Россия

СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА КОНСТРУКЦИИ MAN + VERBUM FINITUM ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье предпринимается классификация имплицитных семантических субъектов конструкции *man + verbum finitum* на основании учёта прагматического аспекта их функционирования в рамках дискурса, в терминах социальных ролей; систематизируются случаи передачи имплицитного субъекта предложения посредством экспликации его социально-ролевой характеристики при переводе на русский язык.

Ключевые слова: имплицитность, семантический субъект, неопределённость субъекта, обобщённость субъекта, социальная роль, ролевая группа, эксплицирование имплицитного субъекта.

Dzens N.I.
Belgorod National Research University, Russia

EXPLICATION MEANS OF SEMANTIC SUBJECT OF “MAN + VERBUM FINITUM” CONSTRUCTION WHEN TRANSLATED INTO RUSSIAN LANGUAGE

The article is devoted to the typology of implicit semantic subjects of the construction “*man + verbum finitum*” on the basis of pragmatic aspects of their functioning in discourse, in terms of social roles. The article deals with the methods of explicating the social roles of the implied subjects when translated into Russian language.

Key words: implication, semantic subject, indefinite personal subject, generalized personal subject, social role, role group, explication of the implied subjects.

Предложения с местоимением *man* с позиций функционально-семантического подхода относятся к числу имплицитно-личных конструкций, способных репрезентировать свой субъект (как «скрытую» категорию), при поддержке контекста и коммуникативно-прагматических условий ситуации общения, в категориях неопределённо- и обобщённо-личности, в связи с чем в рамках данной структурной модели разграничиваются два функционально-семантических варианта, которые обычно трактуются как два самостоятельные типа предложений: неопределённо- личное и обобщённо-личное предложения [2: 164].

В немецкой германистике местоимение *man* отграничивается от других неопределённых местоимений с семантикой антропонимичности субъекта (так называемых «специфицированных» индефинитов, обозначающих «неопределённость меры и объёма»: *jemand, jeder, manche, viele, alle*) на основании инвариантного признака «генерализированной (обобщительной) неопределённости», «очень обобщённого представления некоего существа в неопределённой форме» [4: 357-358], чем и объясняется высокий функциональный потенциал местоимения *man*, позволяющий представлять

имплицитный семантический субъект в рамках лингвистического контекста «от замещения 'Я' до обозначения целых групп людей и всего человечества в целом» [3: 292].

В работах российских германистов неопределённо-личность и обобщённо-личность субъекта и соответствующих типов предложения трактуется в опоре на отечественную традицию, восходящую к концепции лингвистов психологического направления (А.А.Потебни, Д.Н.Овсянико-Куликовского, А.М.Пешковского и др.), исследовавших предложения русского языка с учётом поверхностной и глубинной структуры предложения (грамматической и «психологической» предикации). При этом в качестве основного признака НЛП обычно констатируется неизвестность, неопределённость носителя действия либо его «устранённость», «завуалированность», в связи с чем поиск семантического субъекта объявляется излишним, ибо в фокусе внимания находится действие, а мысль о субъекте отсутствует [2: 164]. Анализ субъектной сферы обычно сводится к «исчислению» неопределённых субъектов (на оси «кто-то, некоторые, многие, все»). Однако следует отметить, что подобный подход основан, как кажется, на определённом недоразумении, поскольку системные признаки НЛП, наиболее чётко изложенные в концепции А.М.Пешковского в опоре на формально-грамматические признаки соответствующих грамматических структур, исследователями второй половины XX в. были перенесены на семантический уровень. Остановимся коротко на этой проблеме.

Основываясь на базовых характеристиках двусоставного, субъектно-предикатного предложения, для которого характерно согласование глагольной формы с подлежащим в формах лица и числа, Пешковский сопоставляет с ним два типа односоставных предложений: неполные личные и неопределённо-личные предложения, которые он рассматривает в аспекте трансформации исходной, двусоставной грамматической структуры посредством «устранения» формального элемента в позиции грамматического субъекта (подлежащего). Остановившись затем на характере «проекции» сказуемого этих типов предложения к отсутствующему субъекту, на степени явственности значений лица и числа, репрезентируемых глаголом без поддержки местоимения в позиции подлежащего, А.М.Пешковский для неполных личных предложений (НЛ) констатирует «прозрачность» отсутствующего подлежащего, которое легко может быть восстановлено из окружающего контекста (здесь субъект как бы «случайно» опущен), в то время как отсутствие субъекта в неопределённо-личных предложениях он трактует в плане специфической интенции предложения, отражающей особую коммуникативную установку говорящего. Подтвердим сказанное цитатой: «Здесь подлежащее не случайно недосказано, как в неполных личных предложениях, а намеренно устранено из речи, намеренно представлено как неизвестное, неопределённое» [1:371]. Таким образом, если неполное предложение он рассматривает лишь как контекстуальный вариант двусоставного, личного предложения, то неопределённо-личное предложение, с его точки зрения, представляет собой самостоятельный парадигматический тип предложения, самостоятельную

структурную модель со своими системными характеристиками, как-то: «устранённость» грамматического субъекта, неопределённость лица и числа глагольной словоформы в позиции предиката (поскольку в этих предложениях используется только форма третьего лица ед. числа, категориальная оппозиция в данном типе предложений нейтрализуется: субъект грамматической конструкции является «не-определённым», глагольная форма третьего лица также утрачивает свою определённость): «...при сравнении с безличными предложениями эти предложения оказываются личными, а при сравнении с обычными личными предложениями выделяются неопределённостью подлежащего. Вот почему их можно называть **неопределённо-личными**» [1: 371].

Как представитель психологического направления в лингвистике, А.М.Пешковский довольно явственно акцентирует внимание на глубинном уровне неопределённо-личных предложений (именуя его «психологическим» уровнем): «... предложения нашего нового типа: *в парламентах много **говорят**, в этой пьесе много **поют**, его завтра **хоронят** и т.д.* В них действующее лицо далеко не так ясно, как в предыдущих, и эта неясность как раз очень важна для них. Мы могли бы перечислить, кто в парламентах говорит (депутаты, министры), кто в пьесе поёт, кто хоронит, но такое перечисление совершенно исказило бы фразу. В то время как в прежних предложениях добавление опущенного подлежащего создало бы в худшем случае лишь стилистическую неловкость (потому что ввело бы лишнее слово), здесь оно бы стёрло самый синтаксический облик фразы, изменило бы строй её» [Там же].

Анализ субъектной сферы конструкций *map + vf* в когнитивно-прагматическом аспекте, с учётом как лингвистического контекста, так и прагматических условий дискурса, позволил выявить определённую специфичность семантического субъекта в рамках как неопределённо-личного, так и обобщённо-личного варианта этой конструкции: носители действия условиями конситуации конкретизируются как носители определённой социальной роли, представители различных «социально-ролевых» групп, характер которых обоими коммуникантами осознаётся с достаточной долей адекватности, чем и обусловлено «устранение» имени субъекта из поверхностной структуры предложения.

На основании учета прагматического аспекта (репрезентируемых в НЛП и ОбЛП денотативных ситуаций и условий дискурса) можно выделить следующие типы возможных социальных групп в качестве субъектов конструкции *map + vf*: 1. статусные РГ (представители классово-иерархических, профессиональных, территориальных, этнических, «малых статусных» РГ: феодалы, крестьяне, духовенство, рабочие, горожане, граждане страны); 2. позиционные РГ (субъекты выступают как представители социальных статусов, составляющих бинарную оппозицию в конкретной ситуации общения: руководитель – подчинённый; родители – дети; учителя – ученики и т.д.); 3. ситуационные / бытовые РГ (коллективы случайного, временного характера: покупатели, гости, попутчики и т.д.); 4. гетерогенные РГ (субъект является неопределённым в плане принадлежности к РГ: он может

быть представителем любой из нескольких возможных РГ в данной конкретной ситуации); 5. неизвестное лицо или РГ (в нашем материале составляет 4% от выборки в 10.000 примеров).

В научных исследованиях до сих пор широко распространено мнение, что поиски семантического субъекта применительно к НЛП нецелесообразны в силу «устранённости» субъекта, согласно коммуникативной установке автора. С этим мнением трудно согласиться: анализ эмпирического материала показал, что адресант, используя краткую и ёмкую форму конструкции *man + vf*, рассчитывает именно на пресуппозиции (фоновые знания) адресата (читателя, слушателя); в тех случаях, когда он предполагает, что мысленная интерпретация адресатом субъектной сферы высказывания может оказаться неполной или неадекватной, он даёт эксплицированную репрезентацию носителей действия в последующем контексте (иногда перечисление субъектов занимает несколько строк, особенно в текстах древних хроник).

При переводе конструкции *man + vf* с имплицитным семантическим субъектом широко используются имплицитно-личные конструкции русского языка (односоставные предложения с глаголом третьего лица ед.ч., пассивные, безличные агентивные, инфинитивные или императивные предложения), однако в целом ряде случаев отсутствие в русском языке адекватного узуального соответствия с имплицитным субъектом вынуждает переводчика обращаться к личным конструкциям с экспликацией семантического субъекта. Приведём некоторые примеры:

I. Статусные РГ: 1. [В здании ратуши – тишина: идёт заседание.] *Man war hier, um festzustellen, ob das ständische Prinzip in der Volksvertretung beizubehalten oder das allgemeine und gleiche Wahlrecht einzuführen sei (Th.Mann).* – *Городская дума собралась здесь для того, чтобы обсудить..*

II. Позиционные РГ (оппозиция статусных ролей): 2.[У актёров театра и кино совершенно различный характер отношений с режиссёрами.] *Als Filmschauspieler unterliege man einer totalen Bemutterung, beim Theater werde man zwar bei den Proben an die Hand genommen, müsse danach aber in größter Selbstverantwortung handeln (Kulturchronik).* – *В кино актёр вынужден полностью подчиняться чужой воле, а в театре подобный патернализм имеет место только на репетициях;* 3. [Господин Б. рассказывает о методах допросов и психического давления следователей на узников.] *Ich wurde nicht zu jenen Unglücklichen getrieben, an denen man mit körperlichen und seelischen Erniedrigungen ein lang aufgespartes Ressentiment austobte (St.Zweig).* – *Меня не поместили с теми несчастными, на которых гитлеровцы всеми способами – терзая их душу и тело – вымещали накопившуюся злобу.*

III. Ситуативные / бытовые РГ: 4. [Хозяева и гости вспоминают за праздничным столом своих родственников.] *Man erwähnte die in Frankfurt und die in Hamburg, man gedachte auch des Pastors Tiburtius in Riga (Th. Mann).* – *Сотрапезники поговорили о франкфуртских и гамбургских родственниках, вспомнили... о пасторе Тибуртиусе в Риге;* 5. [Хозяин излагает гостям программу вечера]. *Man äußerte lärmende Genugtuung (H.Mann).* – *Гости шумно выразили своё удовлетворение;* 6. [Небо затянуло тучами. Гости

забеспокоились, засобирались домой. Хозяева приказали подать карету.] *Man trat auf die Straße hinaus (Th.Mann)*. – **Вся компания** вышла на улицу; 7. [Акция протеста. Речь одного из ораторов заинтересовала собравшихся.] *Man machte sich aufmerksam, stieß sich in die Seiten und sagte gedämpft...*(Th.Mann). – **Толпа** насторожилась, затопталась на месте, заговорила приглушёнными голосами..; 8. *Die ganze Horde der Reisenden verteilte sich auf den Wegen zu den Wirtshäusern. Man staunte die Obstbäume an (H.Mann)*. – **Вся эта огромная толпа** разбрелась по дорогам...**Люди** дивились, глядя на фруктовые деревья.

При переводе обобщённо-личных предложений также используются номинации ролевых групп (**мужчины, женщины, солдат, зритель**), лексемы с квантором всеобщности (**человек, люди, все, все люди**), а также личные местоимения **ты, вы, мы**: 9. [В современной позиционной войне от солдата требуется большее мастерство, чем раньше] *Man muss Verständnis für das Gelände haben...*(E.M.Remarque). – **Солдат** должен разбираться в местности..; 10. *Ohne Schonung kommt man vom Fleisch (E.Strittmatter)*. – **Человек**, которого не жалеют, спадает с тела; 11. *Ach, was man ist, kann und hat, scheint arm, grau, unzulänglich und langweilig (H.Mann)*. – **Ах, то, что мы** есть, то, что **мы** можем и что имеем, кажется нам жалким, серым, недостаточным и скучным.

Литература

1. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. [Текст] / А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
2. Цыганова, И.А. Неопределённо-личные предложения. [Текст]. / И.А.Цыганова // А.В.Фёдоров и др. Немецко-русские языковые параллели. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1961. – С. 140 - 165.
3. Duden. Grammatik. [Text]. – Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1973. – 764 S.
4. Jung, W. Grammatik der deutschen Sprache. [Text] / W.Jung. – Leipzig: Bibl. Inst.,1966. – 518 S.

Каменская И.Б., Каменский А.И.

к.п.н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Россия

ИЗОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТАХ РОМАНА СТЕФАНИ МЕЙЕР «СУМЕРКИ»

Статья посвящена апробации степени изофункциональной лексической синонимии как критерия адекватности перевода на материале синонимического ряда глаголов перемещения человека в пространстве оригинального и переводного текстов романа Стефании Мейер «Сумерки». Установлена высокая степень релевантности апробируемого критерия адекватности перевода по параметрам реализации в тексте перевода функций уточнения семного состава денотативного значения, модификации эмоционально-оценочной и стилистической коннотаций.

Ключевые слова: изофункциональность, лексическая синонимия, критерий адекватности перевода, глаголы перемещения в пространстве

Kamenskaya I.B., Kamenskiy A.I.

Crimean Federal University named after V.I. Vernadskiy, Russia

ISOFUNCTIONALISM OF LEXICAL SYNONYMS IN THE ORIGINAL AND TRANSLATED TEXTS OF STEPHANIE MEYER'S NOVEL "TWILIGHT"

The paper is devoted to the approbation of the degree of isofunctionalism of lexical synonyms as the criterion of the translation adequacy on the material of the synonymic row of the verbs denoting human movement in space of the original and translated texts of Stephanie Meyer's novel "Twilight". There has been determined high relevance of the approbated criterion according to the parameters of implementing the functions of specifying the seme composition of the denotative meaning, modifying emotive-evaluative and stylistic connotative meaning in the translated text.

Key words: isofunctionalism, lexical synonyms, the criterion of the translation adequacy, verbs denoting movement in space.

Семасиологический и функциональный аспекты синонимии, реализуемые в художественном тексте, не могут не учитываться при определении степени адекватности перевода художественного произведения. Проблемой критериального анализа степени адекватности перевода занимались В. Н. Комиссаров, У. Куайн, В. А. Нуриев, В. Д. Радчук, П. Рикер, В. В. Сдобников, А. В. Федоров, А. Д. Швейцер. Исследователями признается релевантность сохранения коннотативного компонента семантической структуры слова для достижения адекватности перевода. Однако изофункциональность лексической синонимии не рассматривалась в качестве критерия адекватности перевода. Вышеизложенное обусловило **выбор** темы статьи и составило ее **актуальность**.

Цель статьи – определить степень изофункциональности лексической синонимии в оригинальном и переводном текстах романа Стефани Мейер «Сумерки» на материале синонимического ряда глаголов с семантикой передвижения человека в пространстве.

Изофункциональность предусматривает максимальное совпадение функциональных параметров соотнесенных языковых знаков текста оригинала и перевода. Лингвокогнитивную функцию явления синонимии можно определить как дифференциацию референтов, обладающих значительной денотативной общностью [1]. Реализация этой функции в дискурсе носит прагматический характер, детерминируется контекстом и конкретизируется рядом функциональных вариантов, включающих: функцию уточнения семного состава денотативного значения; функцию модификации эмоционально-оценочной коннотации; функцию модификации стилистической коннотации.

Предпереводческий анализ оригинального текста романа Стефани Мейер «Сумерки» [3] позволил определить высокую степень релевантности синонимического ряда глаголов с семантикой передвижения человека в пространстве для актуализации авторской картины мира.

Трудности для перевода и интерес для анализа представляют те микроконтексты глаголов этого синонимического ряда, которые несут определенную эмоциональную или оценочную информацию, например: «... I didn't want to go into the dark» [3: 67] – «... нет, не желаю *возвращаться* во тьму!» [2:48]. За счет переводческой трансформации конкретизации изменяется пресуппозиция оригинального высказывания, что не оправдано контекстом, равно как и помещение вариантного соответствия *возвращаться* в эмоционально окрашенный контекст за счет добавления частицы *нет* и преобразования повествовательного предложения в восклицательное.

В переводческом факте «... some of the boys wanted to *hike* to the nearby tidal pools» [3: 60] – «... парни решили *исследовать* местные заводы» [2: 43] глагол *to hike* переведен с помощью контекстуальной замены *исследовать*. Семный состав *to hike* не включает целевого компонента, однако цель прогулки вытекает из контекста абзаца, поэтому примененная переводчиком трансформация развития значения представляется оправданной. Однако данная контекстуальная замена не соответствует соотнесенной лексической единице оригинала по стилистической окраске, контрастирует с разговорным «парни» и вносит дополнительную ироничную оценочную коннотацию, отсутствующую в оригинале.

Переводческий факт «Mike and Jessica and Eric ... to *converge* on us [3: 34]» – «... к нам *приближаются* Майк, Джессика и Эрик [2: 24] демонстрирует переводческую трансформацию генерализации: вариантное соответствие *приближаться* не содержит семного компонента *to move towards the same point*. Изменяется типовой референт всего высказывания (движущиеся к точке пересечения маршрутов субъекты), в переводе не реализуется уточняющая функция синонима, искажаются признаки описания внеязыковой ситуации.

В переводческом факте «Jasper, too, seemed to have no urge to *pace* ... the way I did [3: 215]» – «Хейл тоже был спокойней мамонта и в отличие от меня не *мерил* комнату *шагами*» [2: 158] присутствует переводческая трансформация конкретизации, вытекающая из контекста оригинала. В данном случае применение вариантного соответствия *to pace* – *мерить шагами* является оправданной, присутствующая в русскоязычном аналоге эмоциональная коннотация передает соответствующую коннотацию компонента англоязычного высказывания *to have an urge*.

Переводческий факт «... I began to *stride off* into the forest [3: 186]» – «... я *зашагала* обратно в лес [2: 136]» служит еще одним примером неоправданной генерализации значения языковой единицы исходного текста переводчиком. Семантика глагола *to stride* включает значение *to walk in a hasty or vigorous way*, усиленное послелогом *off*, указывающим на направленность движения прочь от чего-либо / кого-либо (по контексту оригинала, от обидчика). Этот компонент значения отсутствует в семантике глагола *зашагать*; не реализуется функция эмоционально-оценочной модификации лексической синонимии.

В переводческом факте «I straightened up swiftly, turned away from him again, and *stalked off* to Gym ... [3: 39]» – «Я быстро выпрямилась и, гордо расправив плечи, *зашагала* к спортзалу [2: 28] потеря эмоционального компонента семантики глагола *to stalk* – *to walk with a stiff, haughty, or angry gait* – компенсирована в переводе добавлением *гордо расправив плечи*. Однако пространственно-динамическая характеристика внеязыковой ситуации, эксплицитно выраженная в оригинальном высказывании словами *turned away from him again* и послелогом *off*, в переводе переходит в имплицитный план.

Тенденция к снижению экспрессивности оригинального текста наблюдается в следующих переводческих генерализациях: 1) «I *stomped* along in a southerly direction, toward some glass-fronted shops» [3: 80] – Я *шла* в южном направлении к магазинам с большими витринами» [2: 57]; 2) «I pulled up my hood as we *tramped*...» [3: 66] – «Натянув капюшон, я *пошла* к машине...» [2: 47]. Синонимы *to stomp* (*to walk with forcible, heavy steps*) и *to tramp* (*to walk with a firm, heavy step*) значимы для косвенной характеристики героини, помогают создать ее зримый образ, передать настроение и характер.

Та же тенденция прослеживается и в следующем примере: «you're *creeping* into my room ... at midnight to check on me» [3: 152] – «... в полночь, когда ты *придешь* проверить, не сбежала ли я [2: 109]. Контекстуальная замена *приходить* не передает негативной оценочной коннотации глагола *to creep* в силу потери компонента значения «прокрасться». Тем самым в тексте перевода обедняется характеристика взаимоотношений персонажей.

Переводческий факт «... he *lumbered* into the living room to watch TV while I worked [3: 19]» – «... он *прошел* в гостиную и включил телевизор [2: 13] служит еще одним примером неоправданного применения трансформации генерализации, не передающей отношения говорящего к объекту речи: глагол *to lumber* обладает экспрессивным компонентом значения (идти грузно), который не передан переводческим соответствием *пройти*, являющимся гиперонимом по отношению к *to lumber*.

В переводческом факте «... she ... *glided* through the back door [3: 11]» – «... брюнетка... *выпорхнула* из столовой [2: 7] в тексте и оригинала, и перевода глаголы движения *to glide* и *выпорхнуть* употреблены в переносном значении, однако создаваемый автором образ значительно модифицируется в переводе, ассоциация с чем-то таинственным, неуловимым подменяется ассоциацией с чем-то крайне легкомысленным.

Нейтрализация оценочной коннотации глагола движения прослеживается в переводческом факте «No doubt he would be listening carefully all evening, waiting for me to try to *sneak out*» [3: 152] – «Наверняка весь вечер он будет прислушиваться, не пытаюсь ли я *выскользнуть* из дома» [2: 109], поскольку семантика *to sneak* включает компонент *to behave in a cowardly manner*.

Соотнесенные глаголы движения *to slouch* и *брести* в переводческом факте «He *slouched off*, back toward the school» [3: 40] – «Он *побрел* к школе» [3: 28] содержат различные компоненты денотативного значения: «*to walk with an awkward, drooping posture*» и «идти бесцельно, медленно». Различна и степень выраженности эмоциональной составляющей семантики этих глаголов: *slouch off* сильнее акцентирует подавленное состояние героя.

В предложении «Jacob *strolled* to a nearby driftwood tree» [3: 64] глагол *to stroll* несет в себе оценочный компонент (идти неторопливо ради удовольствия), передает внутреннее состояние персонажа, чего не делает глагол *подойти* в переводе: «Джейкоб *подошел* к лежащему у воды дереву» [2: 46]. Прием генерализации вновь ничем не оправдан.

В переводческом факте «The hunter smiled in a friendly way as he *sauntered* forward to me [3: 2] – «Ищейка ласково улыбнулся и медленно *подошел* ко мне» [2: 2] утраченная уточняющая функция глагола *to saunter* (наличие семы неторопливого, праздного движения) частично компенсируется в переводе добавлением наречия *медленно*.

Анализ приведенных переводческих фактов показывает, что синонимический ряд глаголов передвижения в тексте перевода значительно беднее, чем в тексте оригинала. Переводчик злоупотребляет приемами генерализации, что приводит к потере и обеднению опосредованной авторской характеристики персонажей, их душевного состояния и взаимоотношений. Распространенный в тексте перевода прием лексической компенсации, когда переводческим соответствием глаголу движения служит глагольное словосочетание, снижает динамику повествования, лишает его экспрессивности. Таким образом, степень изофункциональности лексической синонимии, устанавливаемая по параметрам реализации в тексте перевода функций уточнения семного состава денотативного значения, модификации эмоционально-оценочной и стилистической коннотаций, может служить критерием адекватности перевода художественного текста.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды : в 2-х т. / Ю. Д. Апресян. – Т. 1 : Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.

2. Мейер, С. Сумерки / С. Мейер ; пер. с англ. А. Ахмеровой. – Москва : АСТ, 2008. – 187 с.
3. Meyer, S. Twilight / S. Meyer. – New York : Little : Brown, 2006. – 253 p.

Корнева Е.В.

к.ф.н., Воронежский государственный университет, Россия

НЕМЕЦКИЕ ЖЕСТОВЫЕ ИДИОМЫ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена проблеме перевода жестовых идиом с немецкого языка на русский. Рассматриваются их специфика: «межкодовое положение», национально-культурные различия, многозначность, возможные переводческие решения.

Ключевые слова: жестовая идиома; кинема (жест); псевдокинема; соматизм; переводческие соответствия

Korneva E.V.

Voronezh State University, Russia

TRANSLATION OF GERMAN GESTURE IDIOMS

The article is devoted to the translation of gesture idioms from German into Russian. Their specifics such as "intercode position", national cultural differences, polysemy, possible translation solutions are considered.

Key words: gesture idioms; kineme; pseudokineme; somatism; translation equivalents

Во всех культурах в коммуникации наряду с вербальными используются невербальные средства общения: жесты, мимика, интонация, тембр голоса. В лингвистике и семиотике изучается их семантика, исполнение, создаются словари жестов. Для переводчика эти средства, несомненно, обладающие национальной спецификой, представляют определенную проблему, поскольку, жесты, принятые в одной культуре, могут не совпадать по значению и исполнению или отсутствовать в иной культуре. Таким образом, переводчику нужно не только распознать жест, но интерпретировать его и передать номинацию жеста; при этом происходит переход от вербального кода к невербальному и снова к вербальному, они накладываются друг на друга, что дополнительно усложняет задачу переводчика.

Предметом нашего исследования являлись жесты, или кинемы [3], и их вербальные репрезентации - жестовые идиомы (фразеосочетания, внутренняя форма которых содержит жест) в немецкоязычных текстах и способы их передачи при переводе на русский язык. Жесты усиливают речевое воздействие, передают эмоциональное состояние говорящего, его отношение к собеседнику, выполняют дейктическую функцию. Словосочетание, номинация жеста, само по себе является идиомой, как считает А.Д.Козеренко [2: 324], оно обладает высокой степенью устойчивости и идиоматичности и является жестовой фраземой (например, махнуть рукой (в знак прощания, приветствия;

указывая на что-л; отчаявшись, махнуть рукой на все)). «Его значение является результатом переинтерпретации исходного свободного сочетания (например, махнуть рукой) и его невозможно восстановить без обращения к языку жестов» [2: 235]. Жестовые фразеологизмы, как правило, содержат соматический компонент и построены по модели Verb + Som. (соматизм). В нашем материале, включающем в себя 200 микроконтекстов с жестовыми идиомами, отмечается три таких компонента: Hand (50%), Arm (10%), Kopf (20%), другие менее частотны.

Жесты, происхождение которых во многом связано с животным миром (например, поцелуй связан с ритуалом кормления самкой детеныша, когда она разжевывала во рту пищу, а он ее забирал), с течением времени проходят путь от иконических знаков до символических, от выражения конкретных «простых» значений до абстрактных идей. Под жестом понимают «осознанно исполняемое, видимое телесное действие, которое воспринимается адресатом как знаковое, т.е. несущее определенный смысл» [3:58]. В отличие от других форм кинетического поведения, мимики (выражение лица), поз, телодвижений (главная роль отводится корпусу тела) жесты исполняются руками или, реже, ногами. В каждой жестовой форме выделяют три стадии: экскурсия готовит движение, придавая ему нужную форму, центральная стадия – реализация, кульминация этой стадии – пик, и рекурсия – выход из движения) [3: 72]. Жесты могут подразделяться на типично мужские и женские. Мужские жесты и позы: сидеть, развалившись в кресле, стоять, широко раздвинув ноги, чесать в затылке, потирать руки; стукнуть кулаком по столу. Женские: поправлять волосы, чуть наклонять голову, сидеть, сомкнув колени, ходить, покачивая бедрами и т. д. [3].

Жесты обладают также и национальной спецификой. С этой точки зрения немецкие и русские жесты можно подразделить на 3 большие группы: совпадающие по исполнению и значению, совпадающие по значению, но расходящиеся по исполнению, совпадающие по исполнению, но расходящиеся по значению, не совпадающие ни по одному из признаков (таблица 1).

Таблица 1

Возможные типы соответствий между немецкими и русскими жестами

Немецкая кинема(жест)	Исполнение	Значение в немецкой культуре	Сходные русские жесты и их значение
1. j-m die Hand geben/reichen Die Hand drücken/schütteln «протянуть кому-л. руку, пожать руку, «потрясти» руку»	Die Handflächen greifen ineinander und es wird einmal kurz zgedrückt/die Hand des Gegenübers wird sacht und fast unmerklich zwei, drei Mal auf und abbewegt.	Приветствие прощание Знакомство поздравление примирение заклучение договора.	Подать руку, протянуть руку. Пожать руку Приветствие/прощание/знакомство/поздравление/примирение/заклучение договора. В русской культуре женщины пользуются рукопожатием реже

2. j-m einen Vogel zeigen «постучать пальцем по лбу»	Hierbei tippt man sich meist mit dem Zeigefinger gegen die eigene <u>Schläfe</u> oder die Stirn	Оскорбительный жест, быть не в своем уме	Покрутить пальцем у виска, так же оскорбительный жест, быть не в своем уме. Отличается по исполнению.
3. mit den Füßen trampeln «топать ногами»	Mit den Füßen stampfen	Выражение положительной оценки, приветствия в цирке, варьете.	Топать ногами (на кого-л), выражение угрозы, возмущения
4. mit den Fingerknochen auf die Tischplatte klopfen «стучать костяшками пальцев по столу»	Mit den Fingerknöcheln auf den Tisch klopfen	Традиционное выражение одобрения после лекции в университетах Германии	«постучать рукой (костяшками пальцев) по столу» – призыв соблюдать тишину

Анализ перевода жестовых фразем показал, что лишь для небольшой части (23%) можно подобрать полные эквиваленты, т.е. фраземы, совпадающие по семантике, имеющие те же коннотации и описывающие тот же жест: mit dem Kopf wiegen – покачать головой. Однако даже при казалось бы полном соответствии фразем, необходимо учитывать, что русская фразеокинема «качать головой» многозначна и ей соответствуют две немецких: den Kopf wiegen (небольшое по амплитуде движение головой от одного плеча к другому) и den Kopf schütteln (подразумевает поворот головы вправо-влево), обладающих разным значением: «покачать головой» как знак сочувствия, печали или внутреннего несогласия и «покачать головой», открыто не соглашаясь с собеседником, выражая отказ, отрицательно ответить на заданный вопрос.

Sie wiegte mit dem Kopf.

»Wir könnten mit dem Nachtzug fahren. Kommen Sie. Jede Stunde ist kostbar. An ein Fortleben nach dem Tode glaube ich nämlich nicht recht.« [E. Kästner. Drei Männer im Schnee]

Она покачала головой.

— Можем уехать вечерним поездом. Собирайтесь. Дорог каждый час. В загробную жизнь я не очень-то верю. [Э. Кестнер. Трое в снегу]

В приведенном контексте героиня сердита, раздражена, жест выражает отрицательное отношение к словам собеседника; интерпретация жеста вытекает из самой ситуации коммуникации.

Среди переводческих решений (мы использовали классификацию переводческих эквивалентов, предложенную для фразеологии Foldes [5]), более распространена замена жестовых идиом частичными соответствиями разного рода (50% из 200 идиом): структурными синонимами (sich verabschieden rasch, mit warmen Handedrücken – быстро попрощался, пожав всем руки), идеографическими синонимами (die Hand heben – поднять руку (на уроке в школе с целью привлечь внимание учителя), лексическими вариантами (hinters Ohr kratzen – почесать затылок; in die Hände klatschen – хлопать в ладоши).

Понятие идеографической синонимии мы использовали для жестовых идиом, имеющих одно и то же значение и передающих жесты, различающиеся по исполнению. Немецкий жест *die Hand heben* отличается от русского тем, что при исполнении жеста ладонь обращена вперед и вытянут вверх указательный палец, в русском жесте – ладонь повернута ребром вперед.

Перевод лексическим синонимом (4% микроконтекстов) применим в том случае, когда в одном языке жест передается жестовой идиомой, а в другом – одной лексемой с тем же значением: *mit dem Kopf nicken* – кивать. Иногда переводчики прибегают к приему «опущение», например, когда это коммуникативный диалогический жест, связанный с речью: *den Kopf schütteln* со значением отрицания сопровождается дополнительно словесным «*nein*». При переводе диалога переводчик счел фразеологизм излишним.

Endlich fragt sie: „Und die beiden haben bis dahin nichts voneinander gewusst?“

Die junge Frau **schüttelt den Kopf**. „Nein . Mein Mann und ich haben’s damals so vereinbart, weil wir es für das Beste hielten.“ „Und auch Sie haben von dem Mann und Ihrem anderen Kind nie wieder gehört?“

„Nie.“ [E. Kästner. Das Doppelte Lottchen]

И, наконец, спрашивает:

— И обе девочки до сих пор ничего друг о друге не знали?

— **Нет**. В свое время мы с мужем решили, что так будет лучше.

— И вы никогда ничего больше не слышали о вашем бывшем муже и втором ребенке?

— Никогда. [Э.Кестнер. Проделки близнецов]

Нулевой эквивалент в классификации Foeldes относится к уникальным, специфичным только для данной культуры жестовым идиомам. Как и фразеологизмы с ярко выраженной национальной и исторической спецификой, такие жестовые идиомы передаются калькированием или описательно. Например:

« Er **streckte den Arm aus**. »An die Arbeit! **Heil Hitler!**« [E.M. Remarque Der Funke Leben]

— Он **вытянул руку перед собой**. — За работу! Хайль Гитлер! [Э.М. Ремарк Искра жизни] С нашей точки зрения, возможен и вариант перевода «вскинул руку», т.к. жест короткий и энергичный.

Еще одну интересную проблему для переводчика представляют так называемые псевдокинеграммы [4]: жестовые фразеологизмы внутренняя форма которых сохранила жесты, вышедшие из употребления и имеющие только метафорическое значение: *j-n übers Ohr hauen*, *die Hände ringen* и др., а их исполнение известно только студентам театральных училищ.

»Das ist Wucher!« rief Blaschke. »Willst du mich auf den Hund bringen?«

Er verdrehte die Augen, er **rang die Hände**.

»Hast du kein Herz im Leib?« [O.Preußler. Krabat]

Грабеж среди бела дня! Ты меня по мирупустишь! - Бляшке вращал глазами, **размахивал руками**. - Сердца у тебя нет! [О.Пройслер. Крабат]

Жесты в тексте оригинала и перевода не совпадают; возможно, это связано с тем, что жест ломать руки, заламывать руки является типично женским, а не мужским [1], поэтому чтобы передать возмущение и недовольство героя переводчик прибегает к кинеме «размахивать руками», что более соответствует русскому кинетическому поведению в этой ситуации.

Правильный (адекватный) перевод жестовых идиом позволяет передать эмоционально-экспрессивную и национально-культурную специфику оригинала. Однако на успешность работы переводчика влияет целый ряд объективных факторов. Трудности возникают из-за многозначности (один и тот же жест может иметь несколько значений в одной культуре), омонимичности жестовых фразеологизмов (один и тот же жест может иметь в другой культуре иное значение), или просто непонимания переводчиком знакового характера жеста, что может вызвать «ошибочную, неполную или избыточную интерпретацию жеста» [3:92] при «переходе» из одной культуры в другую.

Литература

1. Баженова И.С. Обозначение эмоций в художественном тексте: прагматический аспект: Автореф. дис. докт. филол. наук. – М., 2004. - 48 с.
2. Козеренко А.Д. Жестовые идиомы и жесты: типы соответствий // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы Межд.конф. «Диалог» (Бекасово 25-29 мая 2011). – М.: 2011. - С.324-332 .
3. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 592 с.
4. Burger, H. Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / H. Burger, D. Dobrovolskij, P. Kühn, Neal R. Norrich. – Berlin-New York: Walter de Gruyter, 2007. – 418 S.
5. Földes, Cs. Deutsche Phraseologie in Sprachsystem und Sprachverwendung. - Wien: Praesens, 1992 – 256 S.

Ляшенко И.В., Федюнина И.Э.
к.ф.н., доц., НИУ «БелГУ», Россия

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ПРОЗВИЩ ЧЕРНОКОЖИХ В ЯЗЫКЕ АМЕРИКАНСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается прагматическая маркированность этнических прозвищ чернокожих – слов-прагмем, в семантике которых закреплён элемент значения, связанный с выражением оценочного отношения той или иной этнической группы к афро-американцам. Затрагиваются проблемы изменения коннотаций и социального контекста прозвищ, а также диапазон оценки, связанный с условиями коммуникации.

Ключевые слова: этнофолизм; этническое прозвище; экспрессивность; коннотация; афро-американцы; стереотип; фольклор; политкорректность

Lyashenko I.V., Fedyunina I.E.
Belgorod National Research University, Russia

PRAGMATIC MARKEDNESS OF ETHNIC NICKNAMES GIVEN TO AFRO-AMERICANS IN THE LANGUAGE OF AMERICAN SUBCULTURE

The article covers the issues of pragmatic markedness of ethnic nicknames given to Afro-Americans. Ethnic nicknames are regarded as pragmeme, or the words whose semantics possess an element of meaning associated with evaluative attitudes of different ethnic groups towards Afro-Americans. The article also discusses the problems of changing connotations and social contexts of nicknames, as well as the scope of evaluation associated with communication.

Key words: ethnophaulism; ethnic nickname; expressivity; connotation; Afro-Americans; stereotype; folklore; political correctness

Многочисленные авторы, работающие в сфере mass media, социологи, психологи, лингвисты активно участвуют в происходящих в обществе процессах, давая имена общественным явлениям. Время от времени эти имена, включая этнические прозвища, проникают в повседневную речь, и, в конце концов, закрепляются за объектами и индивидами на бытовом уровне. Благодаря приверженности к “political correctness” подобные слова используются сегодня гораздо меньше, многие из них нацелены уже совершенно на другие этнические группы; многие прозвища сменили свою эмоциональную окраску. Однако несмотря на то, что на смену многим этническим прозвищам приходят эвфемизмы, например, *the N-word (nigger)*, *ethnic*, *Hispanic*, *Hyphenated-American (Afro-, Anglo-, Mexican-American, Japanese-American)*, *inner-city-youth* (чернокожие), прозвища продолжают употребляться, чему способствуют СМИ и интернет-культура.

Все расовые и этнические группы, населяющие США, становились и по-прежнему становятся жертвами этно-расовых оскорблений. Однако, согласно исследованиям, больше всего оскорбительных эпитетов по-прежнему употребляется в отношении чернокожих. Среди них: *Coon*, *Tom*, *Savage*, *Picanniny*, *Mammy*, *Buck*, *Sambo*, *Jigaboo*, *Buckwheat* и многие другие. Все эти прозвища, проникая в язык улиц, литературы, кино, интернета, превратились в

псевдонаучные карикатуры, наполненные предубеждениями и предрассудками по отношению к афро-американцам. По мнению И.Л.Аллена, слова – это «средство борьбы,...а оскорбительные эпитеты служат универсальной характеристикой межгрупповых отношений» [1: 15]. По его словам, «этнические прозвища – это политическая лексика, с помощью которой происходит узаконивание этнических групп в качестве мишеней проявления агрессии, а также способ установления контроля посредством нейтрализации любых попыток добиться влияния в обществе» [1: 15].

Этно-расовые предрассудки являются результатом создания в США расовой иерархии, в которой белые были «наверху», а черные «внизу». Данная иерархия подкреплялась идеологией, оправдывающей обман, насилие и другие манипуляции, направленные на то, чтобы удержать чернокожих «на своем месте» [3]. Расовая иерархия узаконивалась всеми государственными институтами: священнослужители проповедовали мысль о том, что Бог обрек чернокожих на вечное рабство; ученые производили замеры головы, мозга, лица и других органов чернокожих в поисках доказательства генетического превосходства белых; преподаватели учебных заведений считали чернокожих психологически и социально недоразвитыми, неспособными к обучению; средства массовой информации от водевиля до телевидения изображали черных послушными слугами, беспечными идиотами и опасными головорезами; система правосудия использовала систему двойных стандартов, в тайне поощряя агрессию толпы, направленную на афро-американцев.

Социальная несправедливость и расовая сегрегация, обусловленные законами Джима Кроу, действовавшими на территории США в 1860-1960-е годы, были подкреплены отрицательным изображением чернокожих как в языке, так и в предметах повседневного быта – игрушках, открытках, пепельницах, рыболовных приманках, пищевых упаковках и т. д. Эти и многие другие предметы изображали черных с выпученными глазами, огненно-красными выпяченными губами, черной как смоль кожей, неопрятно одетыми, либо вообще нагими. Некоторые материальные и культурные объекты, изображающие чернокожих, содержат в своих названиях и прозвища, обычно оскорбительные и унижительные по своему характеру. Среди примеров: "*Chopped Up Niggers*" (настольная игра), *NiggerHair Smoking Tobacco* (фабричная марка курительного табака), *Gollywog* и *Little Black Sambo* (детские игрушки), *Uncle Ben's* (торговая марка, под которой выпускаются рис, кетчуп и т. д.), *Rastus* (хлопья к завтраку), *Coon Chicken Inn* (столовый сервис с изображением чернокожих), *Aunt Jemima* (кувшин с изображением негритянки), *Jolly Nigger Bank* (копилка) и мн. др.

Особое место среди прозвищ, адресованных чернокожим, занимает прозвище "*nigger*". Хотя оно изначально употреблялось по отношению к индивидам африканского происхождения, сейчас им чаще называют афро-американцев, обладающих определенными отрицательными характеристиками. Подобными характеристиками, являющимися результатом многочисленных стереотипов, обладают и близкие по значению прозвища *Coon*, *Tom*, *Brute* и *Mammy*. Например, прозвище *Coon* наделяет чернокожих такими чертами как

лень, невежество, потворство своим желанием; прозвище *Brute* изображает чернокожих злобными, физически сильными, склонными к беспричинной ярости животными; прозвища *Tom* и *Mammy* имеют как положительные, так и негативные характеристики, рисуя чернокожих добрыми, любящими «друзьями» белых, но в то же время инфантильными, физически непривлекательными и бесшабашными. Слово “*nigger*” обладает нравственными, интеллектуальными, социальными и физическими характеристиками, присущими вышеперечисленным прозвищам, являясь по своей семантической значимости и эмоциональной окраске их комбинацией.

Этимология слова “*nigger*” восходит к латинскому прилагательному “*niger*”, означающему «черный». В английском языке это прилагательное превратилось в существительное “*negro*” (чернокожий мужчина), а в испанском и португальском стало обозначать черный цвет. Во французском прилагательное “*niger*” стало существительным “*negre*”, а позже – “*negress*” (чернокожая женщина). В одном лексико-семантическом ряду со словом “*negre*” в английском языке стояли его варианты – *negar*, *neegar*, *neger* и *niggor*. Вполне вероятно, что слово “*nigger*” возникло в результате неправильного произнесения белыми южанами слова “*negro*”. Какой бы спорной ни была этимология этого слова, очевидно, что к началу 19-го века оно прочно утвердилось в качестве унижительного эпитета, который спустя два столетия остается главным символом белого расизма.

Прозвище “*nigger*” в большей степени, нежели любое другое этническое прозвище несет в себе ненависть и отвращение по отношению к чернокожим вообще и афро-американцам в частности. Употребляемое в любой форме – в виде глагола, существительного или прилагательного, слово “*nigger*” значительно усиливает стереотипы, связанные с чернокожими, изображая их ленивыми, глупыми, грязными и никчемными паразитами. Ни один американский этнофолизм не содержит столько целенаправленной злобы как, например выражения, содержащие слово “*nigger*”: *to nigger* – портить, ломать; *niggerish* – праздный, безответственный; *nigger luck* – невероятная удача; *nigger stick* – дубинка полицейского; *nigger work* – унижительная работа и т. д.

Слово “*nigger*” используется в словообразовании как элемент, обозначающий более темный оттенок (*nigger-brown*, *nigger-black*); статус белых, взаимодействующих с чернокожими (*nigger-breaker*, *-dealer*, *-driver*, *-killer*, *-stealer*, *-worshipper*, *-looking*); все, что связано с чернокожими (*nigger-baby*, *-boy*, *-girl*, *-mouth*, *-feet*, *-preacher*, *-job*, *-love*, *-culture*, *-college*, *-music*) и т. д. *Nigger* – самое унижительное в США слово, которое используется в качестве оскорбления по отношению и к другим этническим группам, например: *white-niggers* – евреи; *sandniggers* – арабы; *wiggers* – белые исполнители рэпа; *yellow-niggers* – японцы и т. п.

Nigger давно используется средствами массовой информации, причем не всегда, с точки зрения белых, в оскорбительном контексте, хотя любое упоминание этого слова уже расценивается чернокожими как оскорбление. Например, в одном из журналов 1916-го года была помещена рекламная картинка изображавшая негритенка, пьющего чернила. Надпись ниже гласила:

"*Nigger Milk*". В 30-е года прошлого столетия в продажу поступили открытки, изображающие десять черных щенят с надписью: "*Ten Little Nigger Boys Went Out To Dine*" (первой строкой из известного детского стихотворения "*The Ten Little Niggers*"). Эта же строка легла в основу названия романа А. Кристи, опубликованного в 1939 г. Позже этот роман публиковался под другими названиями – "*Ten Little Indians*" и "*And Then There Were None*", но в 1978 г. все публикации выходили под оригинальным названием "*The Ten Little Niggers*".

Слово "*nigger*" встречается в названиях песен, среди которых "*Hesitate Mr. Nigger, Hesitate,*" и "*You're Just A Little Nigger, Still You're Mine, All Mine*" (последняя была объявлена «колыбельной»); в названиях городов – *Nigger Run Fork (Virginia)*; кличках домашних животных темного окраса – собак кошек и лошадей. Радикальные представители белого большинства используют Интернет в качестве незаменимого средства пропаганды своих расистских идей. Если ввести слово "*nigger*" в поле "*Search*" поисковых серверов Netscape или Alta Vista, результатом будут тысячи веб-страничек, на которых выплескивается расовая ненависть. Среди подобных страничек – "*Niggers Must Die*", "*Hang A Nigger For America*", "*Nigger Joke Central*" и многие другие.

В фильмах "*Pulp Fiction*" (1994), "*Jackie Brown*" (1997) и "*Training Day*" (2001) слово "*nigger*" стало символом принадлежности к настоящему миру улицы и богемы. В произведении чернокожего поэта Теда Джоуна встречаются такие эпитеты, как "*Smart Black Nigger*", "*Knife Carrying Nigger*", "*Gun Toting Nigger*", "*Military Nigger*", "*Clock Watching Nigger*", "*Poisoning Nigger*", "*Disgusting Nigger*", "*Black Ass Nigger*". Интересно, что эти эпитеты можно услышать в современном американском обществе, даже в общении между чернокожими.

Движение чернокожих Америки за свои права во второй половине 20-го столетия пошатнуло расовую иерархию, но слово "*nigger*" продолжает жить, хотя связь между этим словом и расистскими предрассудками становится несколько прозрачной. Иначе говоря, расистское общество породило и продолжает питать прозвище "*nigger*", но оно утрачивает расистский оттенок, поскольку употребляется теперь по отношению к любым, не обязательно чернокожим индивидам, чей образ жизни выходит за общепринятые рамки поведения и мышления.

Одним из интереснейших феноменов речи американцев является употребление слова "*nigger*" самими афро-американцами. В их устах "*nigger*" означает: «чернокожий» ("*A nigger can't even get a break.*"); «чернокожие мужчины» ("*Sisters want niggers to work all day long.*"); «чернокожий, чье поведение подпадает под стереотипы» ("*He's a lazy, good-for-nothing nigger.*"); «предметы» ("*This piece-of-shit car is such a nigger.*"); «враги» ("*I'm sick and tired of those niggers bothering me!*"); «друзья» ("*Me and my niggers are tight.*"). *Nigger* выступает и в качестве обращения. Например, выражение "*Zup Niggah*" употребляется городскими чернокожими в качестве приветствия. Отсюда следует, что значение и эмоциональная окрашенность слова и его вариантов находятся в неразрывной связи с контекстом и особенностями произнесения (белые произносят "*nigger/niggers*" чернокожие – "*niggah/niggaz*").

Еще одним объяснением употребления слова “*nigger*” самими афроамериканцами может служить самобичевание, являющееся результатом насаждения в их сознании отрицательных образов, порождаемых и пропагандируемых белым большинством. Однако какой бы эмоциональной окрашенностью ни обладало слово “*nigger*”, независимо от расовой принадлежности индивида, использующего его в своей речи, а также способа его произнесения, это слово остается крайним выражением белого расизма и превосходства и может быть приравнено к нецензурной брани.

Э.С. Азнаурова справедливо считает, что «множественное, повторяющееся употребление слова в типизированной ситуации речевого общения вызывает узуальное закрепление в слове прагматической информации» [2: 38]. Это в полной мере относится и этническим прозвищам чернокожих. Закрепление прагматически релевантной информации на уровне системы языка означает формирование слов-прагмем, связанных с постоянно присутствующим в их семантике оценочным компонентом. Слова-прагемы, в семантике которых закреплён элемент значения, связанный с выражением оценочного отношения одной этнической группы к другой, образуют в ономаσιологическом поле американского варианта английского языка особый пласт – пласт этнических прозвищ. Слова, выступающие в этой функции, приобретают прагматическую маркированность на уровне системы.

Литература

1. Allen, I.L. The Language of Ethnic Conflict. Social Organization and Lexical Culture [Text]. – NY.: Columbia University Press, 1983. P. 15.
2. Азнаурова, Э.С. Прагматика художественного слова [Текст]. – Ташкент: ФАН, 1988. С. 38.
3. Ляшенко, И.В. Языковая сущность и прагматические функции этнических прозвищ [Текст] : Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2003. 207 с.

Милованова М.В., Шамне Н.Л.

д.ф.н., проф., Волгоградский государственный университет, Россия

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В АСПЕКТЕ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ

В статье рассматриваются проблемы межкультурной коммуникации в аспекте интеграции мигрантов в полиэтничное пространство отдельно взятого региона. Приводятся данные проведенных исследовательских мероприятий на территории Волгоградской области с целью выявления закономерностей адаптации мигрантов в инокультурной среде. Характеризуется роль языка в обозначенном процессе.

Ключевые слова: полиэтничный регион, языковая ассимиляция мигрантов, полуструктурированное интервью.

Milovanova M.V., Shamne N.L.

Volgograd State University, Russia

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN THE ASPECT OF POLYETHNICITY

The article deals with the problems of cross-cultural communication in the aspect of the migrants integration in the space of a particular multi-ethnic region. The results of research operations conducted on the territory of the Volgograd region with the aim of finding out the principles of migrant's adaptation in the other cultural environment are given. The role of language in the marked process is characterized.

Key words: multi-ethnic region, the linguistic assimilation of migrants, semi-structured interview.

В современный период развития общества одной из актуальных и ярко проявляющихся в рамках межкультурной коммуникации является проблема миграции, миграционные потоки формируют определенное полиэтничное пространство в отдельном социуме. Миграцию можно рассматривать как интегральный фактор для описания политико-экономической обстановки в отдельно взятом регионе в сравнении с остальной территорией страны [1; 2]. В центре нашего внимания находятся такие аспекты межкультурной коммуникации, как проблемы и перспективы языковой ассимиляции мигрантов, роли русского языка и иных языков в их жизни, отношения коренного русскоязычного населения к иммигрантам. Данные аспекты характеризуются нами на примере Волгоградской области.

Для установления отношения коренного русскоязычного населения к иммигрантам был проведён опрос жителей Волгоградской области, в частности, анкетирование на тему «Отношение к иммигрантам». Всего было опрошено 348 человек различных возрастных групп. Проведенный опрос выявил невысокий уровень терпимости местного населения по отношению к иммигрантам. Среди основной массы горожан бытует стереотип представлений об иммигрантах как об абсолютно ненужных их городу людям, создающих только дополнительные проблемы. Эти типичные мнения, как правило,

сводятся к трем моментам: 1) иммигранты приехали преимущественно для того, чтобы улучшить свое материальное положение; 2) иммигранты снижают уровень доходов населения тех мест, куда они прибыли, нанимаясь на работу за более низкую оплату и получая пособия от государственных программ социальной помощи; 3) иммигранты создают социальные проблемы.

В противоположность горожанам, сельское население относится к иммигрантам более терпимо. Отношение к приехавшим лицам иной национальности (особенно к иноверцам), как правило, настороженное, но почти всегда невраждебное. В районах с пестрой этнической структурой население административных центров районов, как правило, многонационально, что снижает остроту соответствующих проблем. Возможность конфликтов выше там, где иммигранты создают свои этнические и/или религиозные «кварталы» и где речь идет о сложившихся компактных поселениях с устоявшимся, автономным климатом. Последняя форма общежития рано или поздно порождает конфликт по линии «закрытого-открытого» обществ. В то же время фиксируется и вполне терпимая к иммигрантам прослойка (составляющая примерно четверть населения). В частности, более высоким уровнем терпимости обладает студенческая молодежь.

При этом, учитывая, что в основании отношения к иммигрантам лежит спектр устойчивых стереотипов (национальные предубеждения, определенная неконкурентная трудовая культура, городской снобизм и др.), трудно прогнозировать в ближайшем будущем позитивную динамику общественного настроения.

Одновременно с проведенным опросом нами были организованы глубинные интервью, имеющие одной из задач определить значение языка в жизни населения Волгоградской области. Интервью содержат иллюстрацию того, что язык является, по существу, каналом формирования социальных практик. Это проявляется, в частности, в соблюдении определенных требований к языку, реализующихся при общении со старшими родственниками, не владеющими русским языком, либо в общении в полиэтничных компаниях сверстников.

На последующем этапе исследования был проведен опрос «Языковая ассимиляция мигрантов», в котором приняли участие различные категории мигрантов, выразившие желание избрать своим постоянным местом жительства территорию РФ, а именно Волгоградскую область. В состав респондентов были включены учебные и трудовые мигранты из стран Ближнего и Дальнего Зарубежья, а также члены их семей. Общее количество респондентов составило 60 человек. Отбор респондентов производился методом «снежного кома» по принципу разнообразия выборки по полу, возрасту, а также национальностям и странам исхода. Кроме того, критерием отбора являлось желание респондента избрать РФ в качестве постоянного места жительства.

В результате по национальному составу респонденты были представлены не только представителями титульных наций стран Ближнего Зарубежья (Средней Азии, Закавказья, Молдавии, Украины, Белоруссии), но и Дальнего Зарубежья (Китай, Болгария). В выборку были также включены мигранты,

этническая принадлежность которых фиксируется в категории «русские». Исследовательский интерес к данной категории граждан был вызван тем, что местом рождения родителей и части самих мигрантов не является РФ. Этот факт позволяет, с одной стороны, проследить способность членов семьи сохранить знание русского языка на должном уровне. А с другой, – проанализировать возможности иностранных государств (посредством национальных систем образования) в предоставлении услуг и их качества по изучению иностранных языков, в том числе и русского.

Следует отметить, что перед данной выборкой не ставились задачи с большой точностью репрезентировать генеральную совокупность (опросить всех мигрантов Волгоградской области). Целью являлось проведение исследования для сканирования ситуации распространенности русского языка в среде мигрантов и обнаружения каналов, способствующих овладению знаниями в этой сфере.

В качестве основного метода сбора первичных данных использовалось полуструктурированное интервью с мигрантами. Интервью проводилось по анкете, состоящей из 46 вопросов, разделенных по блокам: социально-демографический портрет респондентов (пол, возраст, национальность, семейное положение); миграционная биография респондента (страна исхода, миграционные перемещения, родственные связи, в том числе национальность и место рождения родителей, супруга/супруги; место знакомства с брачным партнером); языковые практики мигранта (знание национального и иностранных языков, в том числе русского; их классификация по степени применения; субъективная оценка уровня знания русского языка до приезда в Россию и в настоящее время; значимость русского языка для мигранта и перспективы его использования имеющимися и будущими детьми); хронотопы освоения русского языка мигрантами (изучение русского языка мигрантом в странах исхода и в России: в семье, в среде сверстников; в национальной и российской системах образования; в трудовых коллективах и т.д.).

Полученная в результате опроса информация обрабатывалась в программе SPSS с использованием различных техник анализа данных: частотного анализа, таблиц сопряженности, группировок, элементов корреляционного анализа и др.

Подавляющее большинство респондентов составили мужчины – 70% от общего числа опрошенных. Кроме того, и по национальному составу мужчины представлены более широко по сравнению с женщинами. По количеству представителей от этнической группы самыми большими являются армяне и русские (по 15% каждая), затем азербайджанцы и туркмены (по 11,7%), затем следуют таджики (10,0%), узбеки (8,3%), казахи и украинцы, которые поделили между собой пятое место (по 4,0%). И хотя выборка респондентов носила случайный характер, представленность их по национальному признаку в принципе подтвердила неоднократно фиксируемый факт о преобладании в потоке мигрантов граждан юго-восточных стран СНГ.

Показательным является также факт широкого возрастного диапазона мигрантов: от 16 до 70 лет. При этом большее количество мигрантов является

людьми в возрасте от 17 до 20 лет: их доля от общей совокупности респондентов составляет 48,4%.

Анализ соответствия имен национальности выявил наличие русских имен (Вадим, Дмитрий, Назар, Татьяна) у представителей других этнических групп: молдаванина, узбека, таджика и казашки, что свидетельствует о наличии в семье русских корней.

Важным является также тот факт, что из 60% респондентов, родившихся до 1991 г., лишь один назвал СССР страной своего рождения. Данный факт свидетельствует о самоидентификации граждан с национальными государствами.

Собранные данные о месте рождения родственников респондентов (матери, отца, бабушки и дедушки) показывают, что в России родилось незначительное количество людей (10% матерей, отцов и бабушек – 8,3%, а дедушек – 1,7%).

Анализ вышеприведенных фактов позволяет проследить перемещение лиц в основном славянской принадлежности по территории бывшего СССР, представители неславянских народов ограничивались перемещениями в соседние республики. Предположительным объяснением данного обстоятельства может служить упоминание о проведении советским правительством целевых программ по освоению ресурсных возможностей республик.

Более 27% респондентов отметили, что до приезда в Волгоградскую область проживали в других регионах страны. В Волгоградской области 25% мигрантов проживают менее года; два года – 18,3% респондентов, три года – 10%, шесть лет – 5,0%; 14 лет – 6,7% (армяне, грузины, азербайджанцы), 20 лет и более лет – по 1,7% (азербайджанцы, молдавانه и таджики).

Большая часть респондентов овладела русским языком в учреждениях системы образования (дошкольных – 31,7%; в школах, лицеях и гимназиях – 20%). Следует обратить внимание, что общение с родственниками на русском языке и обучение языку в образовательных учреждениях были выделены респондентами как равноценные по степени значимости категории. По степени важности национальные языки по сравнению с другими респонденты не выделили. Причем в качестве основного русский язык отметили все респонденты за исключением болгар, грузин, киргизов и китайцев. Родным языком русский назвали 33,3% респондентов. Более того, подавляющая часть респондентов не считает русский язык иностранным (лишь 11,7% русский язык выделили в качестве иностранного).

Таким образом, проведенное обследование миграционной ситуации в полиэтническом регионе (Волгоградская область) – анкетирование, опросы, интервью – позволяет утверждать следующее. Волгоградская область в силу географического положения и климатических условий является привлекательной для мигрантов. Однако экономическое положение в области не обеспечивает высокий уровень проживания граждан, что не приводит к увеличению потоков мигрантов. В то же время сравнение возрастно-полового состава прибывших и выбывших мигрантов показывает, что

непропорционально большая доля в миграционном оттоке приходится на трудоспособное население. Мигранты в целом обладают достаточно высоким уровнем знания русского языка. Отсутствие же языкового барьера позволяет относительно легко адаптироваться в условиях проживания в области.

Русский язык мигранты не считают иностранным. Более того, многие из них считают русский язык родным. Однако изменение качества подготовки учащихся по русскому языку в учебных заведениях в странах Ближнего Зарубежья позволяет отметить снижение уровня знаний (по оценке самих мигрантов). Ситуация меняется в том случае, если у мигранта имеется возможность практиковаться в использовании русского языка в условиях ближнего окружения (семья, соседи, друзья).

Подводя промежуточный итог проведённым мероприятиям по обследованию многоязычного пространства региона, следует отметить высокую роль языка как социального явления в экосистеме общества. При этом язык далеко не всегда служит средством национальной самоидентификации, в то время как хорошее знание языка большинства рассматривается как представителями этого большинства, так и представителями диаспор в качестве статусного инструмента.

Литература

1. Милованова, М.В. Пути и способы улучшения экологии русского языка в полиэтническом регионе [Текст] / М.В. Милованова // Власть. Общенациональный научно-политический журнал. Институт социологии РАН. – № 7. – М., 2012. – С.45–48.
2. Шамне, Н.Л. Культурно-языковая и социальная адаптация мигрантов [Текст] / Н.Л. Шамне // Власть. Общенациональный научно-политический журнал. Институт социологии РАН. – № 6. – М., 2013. – С. 44–47.

Перевышина И.Р.
к.ф.н., доц., НИУ «БелГУ», Россия

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И АДЕКВАТНОСТЬ В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Адекватность перевода ориентирована на процесс, эквивалентность – на результат. В то же время некоторые современные переводоведческие модели рассматривают эквивалентность и адекватность как взаимозаменяемые понятия.

Ключевые слова: функциональная эквивалентность, коммуникативно-функциональная эквивалентность, двуязычный коммуникативный акт, эквивалентность коммуникантов, скопос-теория.

Perevyshina I.R.
Belgorod National Research University, Russia

THE EQUIVALENCE AND THE ADEQUACY IN THE LIGHT OF LINGUISTIC AND TRANSLATION MODELS

The adequacy of translation is aimed at the process while the equivalence is aimed at the result of the translation. At the same time several modern translation models review the adequacy and the equivalence as interchangeable notions.

Key words: functional equivalence, communicative -functional equivalence, bilingual communicative act, equivalence of the communicators, Scopus – theory.

Перевод как разновидность языковой коммуникации тесно связан с лингвистикой и включен в круг ее важнейших проблем, проблема перевода переплетается с самыми актуальными проблемами современной теории языка. Именно это делает изучение теории перевода одной из центральных задач не только прикладного, но и теоретического языкознания.

В теории перевода одним из ключевых вопросов является проблема эквивалентности и адекватности. Ученые переводоведения выдвигают различные парадигмы, модели и по-разному рассматривают оппозицию эквивалентность/ адекватность.

Известно, что понятие «парадигма знания», было введено Т.Куном, и, как отмечает Е.С. Кубрякова, является «достаточно простым и направленным, прежде всего, на объяснение причин научных революций как кардинальных перестроек в системах научных знаний, определявших до поры до времени состояние тех или иных конкретных наук и уровень их развития» [4: 5]. «Под парадигмами, - писал в связи с этим Т.Кун, - я подразумеваю признанное всеми научное достижение, которое в течение определенного времени дает научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [5: 11]. По мнению Е.С. Кубряковой, «такое определение имплицитно сразу несколько важных идей: во-первых, парадигма строится на достигнутых результатах в определенной науке, во-вторых, на идее признания этих результатов определенным научным сообществом, в-третьих, на идее моделирования проблем и их решений по

определенному образцу и, значит, идее существования таких образцов моделирования и т.п.» [4: 6].

В переводоведении имеется значительное число моделей, парадигм перевода, по которым устанавливаются соответствия в области словообразования, грамматики, лексикологии, в описании различных предметных ситуаций. Эти парадигмы имеют непосредственное отношение к исследованию глубинных структур как абстрагированных формул смысла и их репрезентации в синтаксической поверхностной структуре предложения (трансформационная модель, семантическая модель, ситуативная модель). Они разработаны лингвистами, занимавшимися «порождающей грамматикой», «порождающей семантикой», создавшими модели смысл→ текст, ситуация→ текст, анализирующих механизм порождения речевых высказываний. Наличие таких моделей, парадигм объясняется лингвистической теорией перевода.

Существуют также модели перевода, разработанные теоретиками переводоведения (теория закономерных соответствий Я.И. Рецкера; теория уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова; теория функциональной эквивалентности А.Д. Швейцера; динамическая модель перевода Ю. Найды, скопос-теория Г. Фермеера и К. Райс).

Термины «эквивалентность»/ «эквивалентный», «адекватность»/ «адекватный» в ряде случаев рассматриваются как взаимозаменяемые, равнозначные, но, в основном, авторы разграничивают эти понятия, вкладывая в них разное содержание. Вместе с тем представляется возможным выделить некоторые общие черты, характерные для многих работ в области лингвистического переводоведения. В оппозиции терминов эквивалентность/ адекватность находит свое воплощение двойственная природа перевода. Как известно, перевод – это результат, это речевое произведение в его соотносительности с оригиналом. Перевод – это и процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, вид речевой деятельности, в котором удваиваются компоненты коммуникации: переводчик выступает и в роли получателя и в роли отправителя текста перевода. Адекватность перевода ориентирована на процесс перевода, эквивалентность – на результат перевода.

Основоположник лингвистической теории перевода, Я.И. Рецкер выделил эквиваленты как равнозначные переводческие соответствия, не зависящие от контекста, вариантные соответствия (позднее контекстуальные эквиваленты) и адекватные замены [7].

А.В. Федоров предлагает заменить термин «адекватность» термином «полноценность», который означает исчерпывающую точность в передаче смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему [8].

Заслуга В.Г. Гака в том, что он разработал ситуационную модель в теории перевода, эквивалентность предметных ситуаций. Аналогичных взглядов на переводческую эквивалентность придерживается английский ученый Дж. Кэтфорд. При описании предметных ситуаций различные языки предпочитают те или иные способы изображения предметных ситуаций. Ситуативная модель переводческой эквивалентности ориентирована лишь на одну функцию –

денотативную, связанную с описанием предметных ситуаций, но функциональных характеристик речевых произведений много, выделяют эстетическую, поэтическую, фатическую и другие функции. Модели переводоведения, рассматривающие перевод как двуязычный коммуникативный акт, в котором коммуникативная установка и функциональные характеристики определяют выбор тех или иных языковых средств условно можно назвать коммуникативными. В этом отношении интерес представляет динамическая модель Ю. Найды, модель функциональной эквивалентности А.Д. Швейцера, модель эквивалентных коммуникантов О. Каде, коммуникативно-функциональная модель Л.К. Латышева.

Рамки статьи не позволяют перечислить многочисленные определения понятий «эквивалентность» и «адекватность», раскрыть сущность многих моделей переводоведения. Остановимся на важном для понимания переводческого процесса принципе переводческой адекватности. Ю. Найда определяет динамическую эквивалентность как свойство перевода, в котором содержание исходного сообщения передано таким образом, что реакция иноязычного получателя во всех существенных чертах соответствует реакции получателя сообщения на исходном языке. Понятие динамической эквивалентности соответствует пониманию функциональной эквивалентности А.Д. Швейцера.

По А.Д. Швейцеру «Адекватным можно считать лишь такой перевод, который отражает коммуникативную установку отправителя». При этом имеется в виду, что реакция получателей...должна соответствовать коммуникативной установке отправителя. А.Д.Швейцер рассматривает эквивалентность как ориентацию «на соответствие создаваемого в итоге межъязыковой коммуникации текста определенным параметрам, задаваемым оригиналом», а «адекватность связана с условиями межъязыковой коммуникации, с ее детерминантами и «фильтрами» (селекторами, определяющими выбор конкретного варианта), с выбором стратегии перевода, отвечающей данной коммуникативной ситуации. ... эквивалентность всегда в известной мере нацелена на идеальный эталон. Она подразумевает исчерпывающую передачу содержания оригинала на всех семиотических уровнях и в полном объеме его функций (полная эквивалентность), или, по крайней мере – применительно к тому или иному семиотическому уровню или той или иной функции (частичная эквивалентность). ... Адекватность нацелена на лучшее из того, что возможно в данных условиях» [9: 34-35].

А. Нойберт и Г. Егер рассматривают прагматическую адекватность как основу переводческого процесса, адекватный перевод должен сохранять прагматику оригинала. Г. Егер обращает внимание на одинаковую коммуникативную значимость для текстов исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ).

Интересно решают проблему соотношения эквивалентности и адекватности К. Райс и Г. Фермеер: «Эквивалентность в теории перевода можно объяснить как отношение между отдельными языковыми знаками текстов и как отношение между целыми текстами. (Если между элементами

текстов существуют эквивалентные отношения). Если отдельные элементы текстов эквивалентны, это еще не значит, что эквивалентны сами тексты. И напротив, если тексты эквивалентны, это не означает, что существует эквивалентность между всеми сегментами текста или между всеми элементами текста. Эквивалентность текстов включает в себя языковую и культурную эквивалентность». Адекватность - это такое соотношение исходного и конечного текстов, при котором последовательно учитывается цель перевода [15: 131]. Г. Фермеер и К. Райс единственным критерием, определяющим адекватность перевода, считают деятельность переводчика – скопос-теория. Переводчик в коммуникативном акте, по мнению Г. Фермеера и К. Райс это не просто посредник, а консультант, специалист, принимающий во внимание все факторы межкультурной коммуникации. В отличие от Г. Фермеера и К. Райс, О. Каде определяет детерминированность перевода и переводческую адекватность как обусловленные оригиналом и коммуникативной ситуацией, в которую включен получатель перевода. В.Н.Комиссаров вкладывает в понятие «адекватный перевод» более широкий смысл, чем в понятие «эквивалентный перевод». Адекватный перевод, по мнению автора, - это «хороший перевод, обеспечивающий необходимую полноту межъязыковой коммуникации в конкретных условиях» [3: 152].

В связи с выделением таких феноменов, как функция и содержание все фразы, функционирующие в речи, мы вслед за Л. К. Латышевым подразделяем на функциональные и функционально-содержательные [6: 33-34].

К функциональным фразам можно отнести застывшие, стандартные речевые формулы, используемые в стандартных ситуациях, с целью вызвать определенную опять же стандартную реакцию. В этих фразах очень трудно отделить функцию от содержания. В значительной мере они потеряли содержание и получили чисто функциональный характер. В этом смысле они напоминают сигналы, для которых характерно то, что они непосредственно вызывают реакцию получателя.

К их числу относятся:

- команды (ср.: *Augen rechts!* – *Равнение направо!* *Marsch!* – *Марш!*);
- служебные пометки (ср.: *Redaktionsschluß* – *Подписано к печати*);
- формулы приветствия, прощания, поздравления.

(*Guten Tag!* *Griß Gott!* *Servus!* *Willkommen!* – *Здравствуй!* *Добрый день!* *Привет!* *Добро пожаловать!*; *Auf wiedersehen!* *Tschüs!* *Bis dann!* – *До свидания!* *Пока!*; *Wir beglückwünschen Sie!* – *Мы поздравляем Вас!*);

- некоторые другие стандартные речевые формулы (*Hilfe!* – *Караул!*)

В функционально-содержательных фразах функция реализуется через содержание. В них, в отличие от чисто функциональных фраз, содержание представляет самостоятельную коммуникативную ценность. В функционально-содержательных фразах и текстах функция, как правило, теснейшим образом связана с содержанием, и существенные изменения в содержании ведут к существенным в функции фразы (текста).

Обратимся к примеру:

Чисто урevelась вся, с лица похудела, одни глаза остались [1: 57].

Sie zerfloß in Tränen, ihre Wangen waren eingefallen, nur die Augen standen ihr groß und strahlend im Gesicht [9: 29]. Основную коммуникативно-функциональную ценность предложения представляет описание внешности девочки. Если перевести предложение почти дословно, то станет очевидным, что такой перевод нельзя называть коммуникативно-функционально эквивалентным, ср.: *Sie zerfloß in Tränen, ihre Wangen waren eingefallen, nur die Augen blieben* (auf ihm). Вряд ли такой перевод способен произвести впечатление у носителей ПЯ, вызвать у них тот же коммуникативный эффект, что и у носителей ИЯ. В тексте на ИЯ коммуникативный эффект достигается специфической, свойственной русским «упаковкой» содержательных компонентов высказывания: чисто уречелась вся, с лица похудела, одни глаза остались - употребление просторечных и разговорных лексических единиц, словосочетаний при описании ситуации, когда изменения во внешнем облике человека происходят в связи с каким-либо горем, утратой, болью, нелегко актуализировать в переводе. От умелого решения переводчика, от правильного выделения содержательных компонентов высказывания, зависит создание у немецкого читателя определенного образа, впечатления. В вышеприведенном примере переводчику удалось, на наш взгляд, создать адекватный перевод.

Таким образом, эквивалентный перевод – более точный перевод, воспроизведение структурных и содержательных элементов, план выражения в ПЯ может не совпадать, поскольку конкретное распределение сем в ИЯ и ПЯ происходит по-разному из-за несовпадения языковых систем ИЯ и ПЯ, языковых норм ИЯ и ПЯ и узусов ИЯ и ПЯ.

Адекватный перевод – иными словами хороший перевод, ориентированный на процесс. Важным, обуславливающим фактором переводческих изменений является функциональная направленность высказывания, текста, прагматическая адаптация, ориентация на получателя.

Литература

1. Бажов, П.П. Малахитовая шкатулка [Текст] / П.П. Бажов – М.: Правда, 1976.
2. Гак, В.Г. Теория и практика перевода [Текст] / В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев – М.: Интердиалект, 2000. – 456 с.
3. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение [Текст]: учеб. пособие / В.Н. Комиссаров – М.: ЭТС, 2001. – 424 с.
4. Кубрякова, Е.С. Понятие «парадигма» в лингвистике: Парадигмы научного знания в современной лингвистике [Текст] / Е.С. Кубрякова – М., 2008.
5. Кун, Т. Структура научных революций [Текст] / Т. Кун – М., 1977. – 320 с.
6. Латышев, Л.К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения [Текст] / Л.К. Латышев – М.: Международные отношения, 1981 – 241 с.
7. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода [Текст] / Я.И. Рецкер – М.: «Р. Валент», 2004. – 240 с.
8. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода [Текст] / А.В. Федоров – М.: Высшая школа, 1983. – 416 с.
9. Швейцер, А.Д. Перевод и лингвистика [Текст] / А.Д. Швейцер – М., Воениздат, 1973 – 280 с.
10. Bashow, P.P. Die Malachitschatulle [Текст]: [übertragen von M. Schick] / P.P. Bashow – М.: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1952. (Übertr. von M. Schick).

11. Jäger, G. Kommunikative und maximale Äquivalenz vom Texten. Äquivalenz bei der Translation [Текст] / G. Jäger, D. Müller – Leipzig, 1982.
12. Kade, O. Zufall und Gesetzmässigkeit in der Übersetzung [Текст] / O. Kade – Leipzig, 1968.
13. Neubert, A. Pragmatische Aspekte der Übersetzung. Grundfragen der Übersetzungswissenschaft [Текст] / A. Neubert – Leipzig, 1968.
14. Nida, E. Toward a science of translating [Текст] / E. Nida – Leiden, 1964.
15. Reiss, K. Grundlegung einer allgermeinen Translationstheorie [Текст] / K. Reiss, H.J. Vermeer – Tübingen, 1984.

Профатилова С.М.
к.ф.н., НИУ БелГУ, Россия

СИСТЕМНО-ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКОЙ НОМИНАЦИИ MANTEL

Статья указывает на необходимость синхронно-диахронного подхода к анализу лексических единиц с целью выявления тенденции в развитии отношения «слово-вещь», что необходимо в процессе обучения иностранному языку и для достижения успешной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: национально-культурный концепт, системно-диахронный подход, этимологический и линвокультурологический анализ, этимология, межкультурная коммуникация.

Profatilova S.M.
Belgorod National Research University, Russia

SYSTEM-DIACHRONIC ANALYSES OF THE SEMANTIC DEVELOPMENT OF THE GERMAN NOMINATION «MANTEL»

The article points out the necessity of synchronic-diachronic approach to the analysis of lexical units with the purpose of revealing the tendency in the development of relation «word-thing». It is necessary by the foreign language teaching and successful cross-cultural communication.

Key words: national-cultural concept, synchronous-diachronous approach, etymological and linguocultural analysis, etymology, cross-cultural communication.

Известно, что основная функция лексических единиц – обозначение предметов и явлений действительности. Но лексическая система языка не является статичным, «застывшим» образованием, а представляет собой наиболее динамичную часть языкового фонда, являя собой разновременные пласты слов, отражающие своеобразие культурной и социальной жизни конкретного этноса в каждую историческую эпоху. Появление одних и утрата других слов, изменение значения тех или иных лексем отражают определенные изменения в культурной картине мира (исчезновение одних и появление других культурных предметов, понятий, представлений, изменения социальной структуры общества, этических норм, эстетических канонов и т.п.). В связи с

этим О.Н. Трубачев отмечал необходимость синхронно-диахронного подхода к анализу лексических единиц, т.е. распространения системного подхода к диахронии и сочетания этимологического анализа с учетом статуса соответствующей лексики в соответствующем семантическом (концептуальном) поле лексической системы конкретного языка на разных этапах его развития, что позволяет внести бóльшую ясность в понятие динамического аспекта развития значения слова и является неотъемлемой частью предварительного анализа при переводе и межкультурной коммуникации [1].

Для исследования лексем концептуальной сферы «Одежда» системно-диахронный подход является довольно актуальным и насущно необходимым, поскольку тот или иной предмет моды, меняя форму (покрой, детали и т.п.), ведет к модификации понятийного содержания обозначающего его слова и устаревший термин начинает мешать осмыслению (идентификации) обозначаемой вещи (нарушается отношение «слово – вещь»): относясь к определенному ряду предметов, меняя в нем свой статус, меняющийся предмет моды требует своего нового обозначения, которое либо создается вновь, либо заимствуется из другого языка (на основании переноса наименования, на основании значительного сходства формы и функции соответствующих модных предметов в рамках обеих культур).

«Национально-культурный концепт», выделяемый относительно другого языка и другой культуры и не обнаруживаемый соответствий внутри другого языка, играет огромную роль в межъязыковой и межкультурной коммуникации, в том числе при переводе и при обучении иностранному языку. За основу нашего концептуального анализа возьмем метод Ю.С. Степанова, который направлен на анализ становления культурного концепта и оживление «культурной памяти», с привлечением широкого филологического и культурного контекстов. Прежде всего, необходимо выявить «буквальный смысл» (внутреннюю форму) слова, который представлен «в виде этимологии». На втором этапе выявляется «исторический» (пассивный) слой концепта. И только на последнем этапе изучается его актуальный слой, который называется «новейшим» [2: 55]. В нашем исследовании мы предлагаем дополнить анализ Ю.С. Степанова рассмотрением не единичного национально-культурного концепта, а комплексным рассмотрением словообразовательных гнезд, а также анализом фразеологического фонда языка, непосредственно связанного с анализируемым национально-культурным концептом.

Проиллюстрируем данный метод на примере немецкого национально-культурного концепта *Mantel*

I. Этимология (форма и первичное значение)

Не все исследователи едины во мнении о первоначальной форме и значении слова и о путях его заимствования в немецкий язык. Это объясняется тем, что в древнегерманских языках данное слово имеет два варианта: с умлаутом (a>e) и без умлаута: а) дивн. *mantal/mandal*, *mantil/mantel*, *mandil/mandal*; свн. *mantel/mandel*; среднениж-нем., др.англ. *mantel*, др.сканд. *mattul* (с 950 г); б) др.герм. **mantil* > др.фриз., англосакс. *mentel*. Преобладает

мнение, что слово *Mantel* восходит к одному из вариантов латинской номинации верхней одежды со значением «накидка, покрывало» (=Hülle, Decke): *mantum, mantulum, mantellum* [3: 376; 4: 422; 5: 1607; 6 : 392]. В словаре под редакцией братьев Гримм отмечается первичность общегерманской и общеиндоевропейской формы **mantil* (отсюда позднее: *mentil/mentel*), которая затем вытесняется под влиянием лат. *mantellum* [5: 1607]. Не исключено, что заимствование данных слов (а точнее: предметов одежды и их номинаций) осуществляется в два этапа, о чем свидетельствуют и данные романских языков: к более раннему *mantum* восходят испан. и итал. *manto*, к *mantellum/mantulum* – итал. *mantello*, испан. *mantilla* [3: 376; 6: 392]. Совершенно очевидно, что формы *mantulum/mantellum* представляют собой диминутивные формы слова *mantum*, что свидетельствует о различных периодах заимствования, чем и обусловлено различие денотативных значений этих слов не только в немецком языке, но и в романских (итальянском, французском, испанском).

II. Лингвокультурологические аспекты развития значения (изменение отношения «слово – вещь»)

1. Первоначальная форма *mandal/mantal* предположительно представляет собой древнегерманскую форму, восходящую к общеиндоевропейскому периоду и вплоть до VIII в. н.э. обозначающую древнегерманскую накидку из звериной шкуры либо грубой ткани [7: 170].

2. Более поздняя форма *mantal/mantil/mentil* представляет собой результат второго (древневерхненемецкого) перебора согласного *d>t* и умлаута краткого «а» перед узким гласным *i* (регрессивная ассимиляция). Данные лексемы, вероятно, восходят к лат. *mantellum* (Hülle, Decke = «покрывало», «накидка»): в VIII-X вв. данный вид одежды покрывал все тело человека, включая и голову; вероятно, это было цельное полотнище, драпирующее все тело и закрепляемое в области головы либо груди и шеи. Позднее головной покров обретает характер капюшона, и данное слово постепенно начинает конкурировать с лексемой *Kappe*. В эпоху раннего средневековья (IX-XI вв.) плащи и мантии изготавливаются из ткани, меняя – в зависимости от вкусов – форму, цвет, длину и аксессуары.

3. В эпоху классического и позднего средневековья (XII-XVI вв.) уже формируется родовое значение слова *mantel/mentel*, поскольку оно обозначает целый ряд моделей, последовательно сменяющих друг друга, а нередко и сосуществующих на определенном этапе развития немецкой культуры. Об этом свидетельствует целый ряд видовых обозначений: (1). *Nuschenmantel* – плащ или накидка округлой формы, которая закреплялась впереди застежкой [8: 128-129]; (2). *Heuke* (fem./masc.) или *Hoike, Houke* (ниж.нем) – плащ, накидка полукруглой формы, вошедшая в моду в XIV в., верхняя одежда курфюрстов [8: 128-129]; (3). *Husse* – тоже своего рода плащ, разновидность *Heuke*, с прорезями по бокам, задняя часть накидки была в два раза шире, чем передняя ее часть [8: 128-129], при этом данный вид плаща вначале является частью женского, а затем мужского костюма [5: 1731]; (4). *Glocke* (fem.) – плащ округлой формы, часто с капюшоном, похожий на *Heuke*; (5). *Tappert/Trappert, Tabard* – длинная верхняя

одежда типа кафтана, конструкция которой сформировалась на основе накидки *Glocke* (6). *Houppelande* (fem.) или *Talar* – одежда типа *tappert*, сшитая по французской или бургундской моде [7: 128]; (7). *Schaube* (fem.) – широкая длинная или полудлинная немецкая мужская парадная одежда феодалов и крупных бюргеров; подобную же одежду носило и духовенство. (8). В XVI в., с возрастанием влияния Франции, в моду входит *mantel d'epouse* (мантель д'эпузэ) – «мантя новобрачной», свадебный наряд богатой аристократки, вышедшей замуж в первый раз: оно представляет собой платье с длинными рукавами различной формы и мантией, пришитой к вороту и плечевым швам спинки, расширенной книзу и переходящей в длинный шлейф. Женщины, вступавшие во второй, а тем более в третий брак, не имели права венчаться в мантель д'эпузэ [9: 531].

4. Начиная с XVII в. и по сегодняшний день тематическая подгруппа *Mantel* обогащается значительным числом видовых обозначений, являющихся либо заимствованиями, либо композитами с детерминатом « - *mantel*», ср.: *Schultermantel*, „*Brandenbourg*“, *Manteau*, *Redingote*, „*GreatCoat*“, „*Surtout*“, *Mantelet*, *Wickler*, *Paletot*, „*Hänger*“, *Ulster*, „*Raglanmantel*“, *Trenchcoat*, *Dufflecoat*, *Regenmantel*, *Caban-Mantel*/, „*KapGwenn*“, „*Stutzer*“, *Peachcoat*, „*Colani*“, *Cape* „*Pelerine*“, *Capuchon*, *Crombie Coat*, *Garrick*, *Havelock*, *Inverness-Mantel*, *Lackmantel*, *Ledermantel* („*Gestapo-Mantel*“), *Kleppermantel*, *Ledertrenchcoat*, *Lodenmantel*, *Pelzmantel*, *Poncho*, *Radmantel*, *Macintoshmantel*, *Plastikregenmantel*, *Bozenermantel*, *Navytrenchcoat*, *Staubmantel/Duster*, *Kotze*, *Burberry*, *Automantel*, *Schlüpfer*, *Stutzer*, *Benny*, *Caban*, *Blüchermantel*, *Slipon*, *Chesterfield*, *Gehpelz* и мн. др.

Как видим, номинации (и, соответственно, модели одежды), охватываемые родовым понятием *Mantel*, являются довольно многочисленными, что объясняется быстрым темпом развития текстильной промышленности, появлением новых орудий производства, началом проектного дизайна в одежде, появлением новых моделей одежды и необходимостью именованя этих новых моделей. Лексема *Mantel* в немецком языке часто заменяется английским вариантом *coat*, а различные виды одежды обозначаются английскими словами, что обусловливается процессами заимствования культурных предметов вместе с обозначающими их словами, с одной стороны, и процессами языковой глобализации (характерной для многих европейских языков), когда немецкая продукция получает «модные» английские названия.

5. Специфический случай представляет собой диминутивная форма *mantellum*, *Mantille* (от лат. *mantellum*), сузившая свое значение и обозначающая кружевную накидку, закрывающую голову и плечи. В немецкий язык данная номинация заимствована из испанского языка [6: 392; 10: 2460]. Однако вместе с тем *Mantille* в XVIII-XIX вв. обозначала короткую плечевую накидку без рукавов [11: 122], к которой дамы надевали *Kapotthut* (*Kapotte*) [12: 2440 - 2441].

6. Уже с XI-XIII вв. и вплоть до настоящего времени лексема *Mantel* используется также и в переносном (метафорическом) значении, переходя в

терминосистемы архитектуры, техники, математики, биологии, экономики, юриспруденции и т.д.: *Manteltier, Mantelblech, Mantelrohr/ – draht/ – transformator, Mantelgesetz* и мн. др.

7. Значение «покрова» характерно для целого ряда образных метафорических оборотов с лексемой *Mantel*:

- *etwas mit dem Mantel der Vergessenheit/des Schweigens einhüllen/bedecken*;
- *eine Verfehlung mit dem Mantel der Nächstenliebe verhüllen*;
- *unter dem Mantel der Nacht*,
- *um etwas (Akk.) ein schönggeistiges Mäntelchen umhängen* и мн.др. [5: 1607-1612; 10: 2460; 12: 2440 - 2441].

Анализ лексикографических источников (лингвокультурологических, этимологических и толковых словарей), а также монографий по истории костюма и моды, позволяет сделать вывод о том, что сведения лингвокультурологического характера являются основным условием успешности процесса межкультурной коммуникации и при переводе необходимо знание не только исторической эпохи и характера обозначаемого соответствующим словом культурного предмета в рамках исходного языка, но и знание исторической эпохи и характера культурных предметов страны переводящего языка с целью выбора соответствующего приема перевода.

Литература

1. Трубачев О.Н. Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. – М.: Наука. – 1980. - № 3. – С. 3 – 14.
2. Степанов Ю.С. «Слова», «понятия», «вещи». К новому синтезу в науке о культуре // Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс/Универс, 1995. – С. 5 – 25.
3. Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin/Leipzig: de Gruyter, 1934. – 740 S.
4. Duden – 7: Das Herkunftswörterbuch. Die Etymologie der deutschen Sprache. – Mannheim/ Wien/ Zürich: Dudenverlag, 1963. – 816 S.
5. Grimm - Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm (in 32 Teilbänden) – Leipzig: S.Hirzel, 1854 – 1971.
6. Paul H. Deutsches Wörterbuch. – Halle/Saale: Niemeyer, 1959. – 752 S.
7. Wisniewski C. Kleines Wörterbuch des Kostüms und der Mode. – Stuttgart: Philipp Reclam, 2005. – 284 S.
8. Thiel E. Geschichte des Kostüms. – Berlin: Henschel, 2004. – 464 S.
9. Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов в 4 –х томах. – М.: Академия моды. – Т. 1, 1993. – 544 с.
10. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. – München: Mosaik, 1984. – 4358 S.
11. Meyers Neues Lexikon, Band 7. – Leipzig: Bibl. Institut, 1973.– 564 S.
12. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache/ Hrsg. R. Klappenbach, W. Steinitz. – Berlin: Akademie, 1977. – 3212.

Свинкина М.Ю.

Волгоградский государственный университет, Россия

**СТРАТЕГИЯ СУБЪЕКТИВИЗАЦИИ ЧУЖОГО И ТАКТИКИ
РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
(НА ПРИМЕРЕ НОВОСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКИХ И
НЕМЕЦКИХ СМИ)**

В статье рассматривается специфика реализации стратегии субъективизации «чужого» в новостном дискурсе российской и немецкой прессы. Обосновывается идея о том, что обострившаяся в мире проблема миграции, а также политическое и экономическое противостояние России и Запада обусловили репрезентацию «чужого» как представляющего угрозу для безопасности. Анализ материала позволяет утверждать, что стратегия субъективизации «чужого» реализуется при помощи тактик фокусирования, идентификации, партитивности и баланса.

Ключевые слова: чужест, новостной дискурс, коммуникативная стратегия, коммуникативные тактики, СМИ.

Svinkina M.Y.

Volgograd State University, Russia

**STRATEGY OF “FOREIGN” SUBJECTIVISATION AND TACTICS OF
LINGUISTIC MANIPULATION (IN RUSSIAN AND GERMAN NEWS
DISCOURSE)**

The article discusses the particular features of “foreign“ subjectivisation strategy in Russian and German news discourse. The present study provides a starting-point that the acute migration problem worldwide, as well as Russia and the West new political and economic confrontation cause present media representation of “foreign” as security threat source. Findings suggest that “foreign“ subjectivisation strategy is embodied by such communicative tactics as focusing, identification, partitive and balanced description.

Key words: foreignness, news discourse, communicative strategy, communicative tactics, mass media.

В известном сатирическом диалоге «Чужие», написанном в 1940 году, немецкий писатель Карл Валентин задается вопросом: «Есть ли еще чужие в глобализованном мире?» Диалог происходит между учителем и учениками в классе. Ниже приводится отрывок из него.

Учитель: Что представляет собой чужой?

Ученики, перебивая друг друга: мясо китов, тараканов, заплесневелые утиные ножки, пауков...

Учитель: Да нет же! Не что он ест (нем. *Was isst er?*), а кто он есть? (нем. *Wer ist er?*)

Ученики: Чужак не всегда является чужим (в пер. с нем. *fremd* – далекий, другого происхождения).

Феномен «чужести без чужака» как диссонанс мировосприятия при столкновении с другим независимо от его этнического происхождения был

позднее описан немецким социологом А. Ханом [4]. Современное мировое общество характеризуется как общество риска, где стерты границы однозначности и предсказуемости. Прогресс коммуникативных технологий открыл доступ к непосредственному взаимодействию с представителями других стран и культур, в то же время увеличив возможности влияния СМИ на потенциального получателя информации.

Наше исследование посвящено анализу стратегии субъективизации *чужого* и установлению тактик речевого воздействия в новостных статьях немецких и российских журналистов.

Как отмечает О.С. Иссерс, любая коммуникация "стратегична", поскольку люди не общаются без цели [1]. При этом достижении коммуникативной цели осуществляется с учетом трех факторов: социальной приемлемости, эффективности и адаптации к меняющимся условиям. В ситуации усилившихся миграционных потоков, противостояния экономических, политических интересов России и Запада в российской и немецкой прессе наблюдается акцентирование образа чужого как возможной угрозы безопасности. В рамках нашего исследования мы придерживаемся теории чужого Г. Зиммеля («Экскурс о чужом»), согласно которой *чужест* является релятивной величиной, характеризующейся противопоставлением партнеров по коммуникации по принципу близость – отдаленность. По мнению М.В. Миловановой, категория отношения или релятивности – одна из наиболее объемных среди универсальных понятийных категорий, ее содержание могут составлять разнообразные субъектно-объектные отношения [2]. Чужой – пространственно близок, но в силу особых качеств, несвойственных местному населению, он является далеким, не входящим в данную группу. Пространственное, физическое сближение не означает, что должно возникнуть доверие. И наоборот: пространственное отдаление необязательно сводится к чужести [6]. Особого внимания заслуживает тот факт, что феномену *чужест* Г. Зиммель приписывает положительное значение, описывая его как особую форму взаимодействия. *Чужой* вследствие своей относительной независимости, непринадлежности к группе оказывается не только в теории, но и на практике свободнее, чем *свои*. Он способен оценивать окружающие его объекты, ситуации трезво и без предрассудков, обращаясь к общим идеалам. Однако чужой платит немалую цену за свой непредвзятый взгляд на вещи. В случае возникновения конфликта или неблагоприятной обстановки в обществе он становится первой мишенью, «виновником» происходящего [6].

Последнее положение теории о *чужом*, описанной Г. Зиммелем еще в 1908 году, не теряет своей актуальности и сегодня. Рассмотрим контексты репортажей немецких и российских СМИ, где на первый план выходит стратегия субъективизации чужого, под которой мы понимаем намеренное выделение группы лиц, носителей определенных свойств, и приписывание им роли активного производителя действия.

В ночь с 31 декабря на 1 января 2016 на улицах Кельна были зафиксированы массовые нападения на женщин. Беспрецедентность подобного случая для Германии вызвала большой резонанс общественности, став одним

из ключевых информационных поводов как национальной, так и международной прессы.

Первые упоминания о случившемся появились в немецких СМИ спустя пару дней. Так, online издание газеты «Bild» опубликовало первую статью под заголовком *«Сексуальные нападения в Новогоднюю ночь: 40 преступников действовали сообща?»* 03.01.16, где были описаны многочисленные случаи приставаний к женщинам без уточнений личности подозреваемых. На страницах «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (FAZ) первое сообщение в контексте произошедших событий появилось 04.01.16 под заголовком *«Кельн. Гамбург. Штутгарт: что мы знаем на сегодняшний момент?»* В источнике была приведена информация об экстренном заседании мэра Кельна с представителями полиции по причине *чудовищных инцидентов* в крупных немецких городах с упоминанием о подозреваемых как *мужчинах североафриканской внешности*. В данном случае автор статьи прибегает к тактике фокусирования как обращению внимания читателей на конкретные качества субъекта. Позже к описанию подозреваемых добавилось *мужчины арабского происхождения*, через несколько дней в газетах «Bild» и «FAZ» фигурировало исключительно понятие *мигранты североафриканского и арабского происхождения* или *нелегальные иностранцы*. Уточнение этнической принадлежности и правового статуса субъектов можно расценивать как реализацию тактики идентификации. 06.01.16 журналист «FAZ» в своей статье обвинил полицию Кельна, а также центральное телевидение ФРГ в сбое коммуникации (*ein „Kommunikationsproblem“ war für die irreführende Pressemitteilung verantwortlich*), вменив им в вину умалчивание информации и неточность формулировок. *«Испытание стрессом для немецкой политики гостеприимства»* – под таким заголовком вышел в «FAZ» обзор зарубежной прессы в фокусе событий в Кельне.

Российская пресса также откликнулась на события в Германии с участием беженцев. В статье *«Страха нет»* специальный корреспондент «Новой газеты» А. Минеев попытался представить реконструкцию ночных событий в Кельне. Статья начинается с утверждения *«Европа не намерена отказываться от своих ценностей ни после теракта в Париже, ни после событий в Кельне»*, в котором эксплицируется противопоставление европейской приверженности политике толерантности и реальной угрозы для жизни граждан. Фактологическая информация передается преимущественно посредством лексики с эмоционально-экспрессивной окраской: *женщинам пришлось пережить кошмар, обстановка вышла из-под контроля, привокзальная площадь стала ареной насилия и страха, полиция оказалась бессильной перед криминальными группами*. В качестве виновников нападений фигурирует *толпа молодых людей* с двойным уточнением, *более тысячи человек, в основном арабского происхождения*. Данный пассаж выступает наглядным примером реализации тактики идентификации. Образность формы выражения усиливают лексические единицы разговорного стиля речи *хулиганы, негодяи*, а также глаголы *срывать, отнимать, окружать* с признаком неожиданности действий и решительности агенса. Отсылка к истокам чужести как к дикому и пугающему содержится в

утверждении «такой дикости Кельн не помнит со времен средневековых усобиц». Ссылаясь на немецкую полицию, журналист приводит более точную информацию о подозреваемых: *31 подозреваемый (в том числе 18 соискателей убежища)*. Среди них — алжирцы, марокканцы, сирийцы, иранцы, иракец, серб, граждане ФРГ и даже американец... С.И. Потапенко характеризует данную тактику как партитивную, т.е. опирающуюся на отношение целое – часть [3].

Числительное 31 обозначает общее число подозреваемых по делу, при этом автор статьи выделяет 18 человек, не имеющих гражданства Германии, акцентируя внимание читателя на их национальности. Представляется интересным употребление частицы *даже* для выделения последней части сообщения и выражения противоречия ожидаемому. Многоточие в конце предложения выбрано автором неслучайно. Здесь его следует интерпретировать как сигнал паузы для осмысления неожиданной мысли и переходу к другой внутри смысловой синтагмы.

Спустя десять дней после событий в Кельне на страницах «FAZ» была опубликована статья «Islamisten, Terroristen – jetzt sollen wir auch noch Angrabscher sein» с подзаголовком *Kölns Araber in Sorge*, в которой журналист пытается представить события новогодней ночи уже с точки зрения трудовых мигрантов, долгое время проживающих в Кельне. Прецизионная лексика *Gespräch im Acima-Markt, marokkanische Lebensmittelläden und mehrere Mahgreb-Cafes*, описание быта *niedrige Sofas und bunte Lampen, kleine Moschee an der Ecke* воплощают тактику фокусирования на субъектах коммуникации и позволяют читателю лучше представить себе образы мигрантов, с которыми беседует автор. В абсолютно ином ключе, нежели в описанных выше примерах, реализуется тактика идентификации. *Hedi Sghir spürt die Aufregung. „Alle reden nur noch über diese Ereignis“, weiß der 67-jährige, der mit einem roten, borstigen Besen den Vorplatz der Moschee bearbeitet. Seit 36 Jahren wohnt er auf der Taunusstraße, 1970 kam er als Gastarbeiter aus Tunesien.* В статье упоминается не только «арабское происхождение мужчины», но приводится его полное имя, возраст, национальность. Прямая речь позволяет сделать вывод, что мужчина свободно говорит по-немецки, интегрирован в немецкое общество (имеет работу, убирает территорию перед мечетью). Автор статьи ясно дает понять, что мужчина не разделяет ценностей и не поддерживает поведение своих предполагаемых соотечественников, приводя цитату г-на Шгира *„Das sind für mich gar keine Menschen. Das sind irgendwelche Tiere!“* Таким образом, автор статьи идентифицирует трудового мигранта скорее с полноправным гражданином ФРГ, нежели с чужим, представляющим угрозу для общества. На наш взгляд, в последнем примере автор помимо тактик фокусирования и идентификации, использует также тактику сбалансированного повествования, противопоставляя описанию подозреваемых в беспорядках арабского происхождения положительный образ трудового мигранта из Туниса, ощущение угрозы сменяется чувством уважения и несправедливости общества по отношению к конкретному мигранту (*Wir Muslime haben doch sowieso schon einen schlechten Ruf. Islamisten, Terroristen, jetzt auch noch Angrabscher. Ich steige in die U-bahn und die Leute fangen an, ihre Taschen zu umklammern.*)

Проведенный анализ новостных статей показал, что стратегия субъективизации *чужого* реализуется при помощи тактик фокусирования, идентификации, партитивности и баланса. Чужесть выступает релятивной величиной, следовательно, преобладание положительных или отрицательных оттенков значения в когнитивных образах другого определяется позицией автора.

Литература

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
 2. Милованова М.В. Поссесивные отношения приобщения-отчуждения в русском и немецком языках / М.В.Милованова // Ментальность и изменяющийся мир: к 75-летию проф. В.В.Колесова: коллективная монография/ отв. ред. М.В.Пименова. – Севастополь, 2009. – Вып.1. – С. 443 - 456.
 3. Потапенко С. И. Организация англоязычного новостного дискурса: взаимодействие мотивационных и текстовых стратегий // Вестник МГЛУ. 2012. №639. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-angloyazychnogo-novostnogo-diskursa-vzaimodeystvie-motivatsionnyh-i-tekstovyh-strategiy> (дата обращения: 02.02.2016)
 4. Hahn A. Die soziale Konstruktion des Fremden. in Walter M. Sprondel (Hg.): Die Objektivität der Ordnungen und ihre kommunikative Konstruktion. –Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1994. – S. 140 - 163.
 5. Karl V. Sämtliche Werke :. in 8 Bd. / hrsg. von Helmut Bachmaier u. Manfred Faust. – München : Piper Verlag, 1995. B.4.: Dialoge. – 485 S.
 6. Simmel G. Soziologie (sechste Auflage). Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. – Berlin: Duncker & Humboldt, 1983. – S. 168 – 205.
- Источники примеров
6. Bös N. „Islamisten, Terroristen – jetzt sollen wir auch noch Angrabscher sein“ [Электронный ресурс] // Frankfurter Allgemeine Zeitung. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/fluechtlingskrise/was-koelner-mit-marokkanischer-herkunft-ueber-die-silvester-uebergrieffe-denken-14003958.html> (дата обращения: 15.01.2016)
 7. Scheer U. Das ist der Stresstest für den deutschen Willkommenskurs [Электронный ресурс] // Frankfurter Allgemeine Zeitung. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/wie-auslaendische-medien-die-silvesternacht-in-koeln-sehen-14002442.html> (дата обращения: 15.01.2016)
 8. Минеев А. Страха нет [Электронный ресурс] // Новая газета. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/71376.html> (дата обращения 18.01.2016)

Шевченко Е.М.
НИУ «БелГУ», Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА В ДИАХРОНИИ

В фокусе внимания данной статьи находится категория рода с позиций лингвокультурологии в диахронии. Лингвокультурологический анализ позволяет вскрыть некоторые механизмы формирования родоотнесенности в русском и английском языках. Автор рассматривает вопросы категоризации окружающей действительности и формирование грамматических категорий как ее результат, соотношение лексем род и gender в индоевропейских языках.

Ключевые слова: род, категория рода, диахрония, категоризация, культура, родоотнесенность

Shevchenko E.M.
Belgorod National Research University, Russia

LINGVO-CULTURAL ASPECT OF RUSSIAN AND ENGLISH GENDER CATEGORY IN DIACHRONY

In the focus of research is the category of gender in the light of lingvocultural analysis in diachrony. Lingvocultural analysis helps to reveal some mechanisms of gender category formation in Russian and English. The author spotlights on the problem of reality's categorization and grammatical categories formation as its result, the correlation of lexeme "gender" in Indo-European languages.

Key words: gender, the category of gender, diachrony, categorization, culture, gender relation

На заре развития цивилизации в период формирования семьи и рода происходило формирование древнейшей лексики, актуализирующей родовые взаимоотношения. Сходство наиболее древней родовой лексики в индоевропейских языках подтверждает ее «палеонтологичность» (Г.А. Хабургаев), общность языковых корней и «общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура» [4], что подтверждает сравнение родственных основ в русском и санскрите: Мать – матр; Сын – суну; Брат – бхратар; Жена – сватва; Зять – джата; Свояк – свака; Шурин – швашурья [2]. По выражению А. Вежбицкой, в грамматике закодировано значение [1:44]. Действительно, при концептуальном анализе родственных номинантов, можно идентифицировать, что, к примеру, склонение несло определенную семантическую нагрузку. Так, кровную связь можно выявить по древнему склонению на *er* в немецком языке: *Vater*, *Mutter*, *Bruder*, в английском языке: *father*, *mother*, *brother*, в русском языке *матери*, *дочери* [3:68]. Данный пример наглядно демонстрирует, как древняя грамматическая категория кодирует определенную информацию, вскрытие которой дает представление о культуре отдельно взятого этноса. Аналогичным образом и «родовое деление не могло возникнуть вне смыслового значения, вероятно, оно имело его некогда, но впоследствии утратило» [3:65]. Так, например,

референты, соотносимые с флорой и номинирующие видовые понятия, связаны с женским родом, в то время к мужскому роду принадлежат общие родовые понятия: в древнеанглийском *bearo* – лес, *beam* – дерево являются мужским родом, в то время как лексемы, репрезентирующие конкретные разновидности деревьев, относятся к женскому роду: *ас* – дуб, *beorc* – береза [5]. Однако у разных языковых культур существует различное восприятие общих понятий. К примеру, в отличие от англоязычного культурного сообщества, для восточных славян дуб – символ мужской мощи и, безусловно, относится к мужскому роду. Лингвокультурологический анализ дает объяснение такой родоотнесенности, поскольку дуб ассоциировался с пантеоном Перуна – повелителя грома и огня.

Происхождение категории рода является дискуссионной проблемой в лингвистике и существует несколько концепций относительно ее возникновения. Морфологическая гипотеза связывает происхождение рода с внешней формой существительного, синтаксическая указывает на развитие системы согласования и символично-семантическая указывает на семантические основания родовой классификации [4]. Мы полагаем, что истоки родоотнесенности существительных тесно взаимосвязано с зарождением мифологического мышления. Обратимся к мифологии представителей индоевропейской культуры.

Древние славяне чтили бога по имени Род, который был верховным в пантеоне богов до Перуна и повелевал небесными явлениями дождя, громами и молниями. Род – источник жизни, покровитель передачи в поколениях руды (крови) как носителя жизни. Отсюда «*руда*» – «*рудный, рдяный*» – красный [2]. Интересно отметить, общность индоевропейских корней, поскольку индусы почитают бога-осеменителя Рудру, слившегося с культом Шивы – бога с темно-бурым цветом кожи. Бог Род дуалистически взаимосвязан с культом рожениц, которым поклонялись как покровительницам плодородия. Для этого позднего периода «двоеверия» можно предполагать и непосредственную связь культа рожаниц с идеей продолжения рода и судьбой новорожденного, которому роженицы (хорв. роженицы, словен. *rojnice*) определяют долю [6].

Результаты этимологического и лингвокультурологического анализа показывают, что древнерусская лексема «родъ» происходит от индоевропейской основы *Hordhu-*, что родственно с хеттским «*hardu*» в значении «потомок» и иероглифическ. лувийск. *hartu* – «потомок», в славянской мифологии воплощение рода, единства потомков одного предка. Для раннего периода, реконструируемого на основании совпадения терминологии восточнославянских и хетто-лувийских мифологических и обрядовых текстов можно предполагать, что в культе Рода отразился индоевропейский культ *Hordhu* – рода, собрания потомков [6]. Вышеуказанная лексема на русском звучит как «орду», что бесспорно коррелирует с «ордой». Интересно отметить, что восточнославянская лексема «*pod*», которая на санскрите звучит как «*paca*», в латинской транскрипции «*rasa*» [2]. В данном ключе очевидно толкование русской лексемы «народ» как наш род, то есть представители нашей расы. Лексема «род» получила широкое распространение и лежит в основе таких однокоренных слов в русском языке как: *народ,*

Родина, природа, родник, родители, родной, родство, родичи, родственники, родоначальник, роды, зародыш, борода, дородный и другие. Внутренняя форма указанных лексем прозрачна и очевидна для носителей языка. К примеру, человек, отступивший от своей родовой традиции и утративший связь со своим семейным древом репрезентируется лексемой «выродок». Лексема «урод», которая в современном русском языке несет негативную коннотацию, первоначально означала «находящийся у Рода» – Бога, создавшего землю. Существовала древнейшая традиция, согласно которой первенец в семье древних славян посвящался богу Роду, получал все знания предков, он был первый у Рода. Интересно, что в польской лексеме «уро́да» доминантным актуализируется первоначальное значение «красавица», связанное с нахождением у истоков рода и соблюдением его традиций. Следует отметить, что любая категория формируется посредством оппозиции, так, в русском языке категория рода представлена двухуровневой оппозицией: «мужской – женский» и «мужской, женский – средний», причем наиболее ранние мифологические номинации относятся к мужскому и женскому роду, что, вероятно обусловлено вышеуказанными экстралингвистическими данными.

Многие древние языки, такие, как санскрит, общеславянский, греческий, латынь имеют трехродовую систему. Категория рода в данных языках выхолощена и представлена формально за исключением личных имен существительных, принадлежность к роду которых детерминирована гендерными отношениями, то есть имеет место, как и в английском языке «естественный род», когда формы грамматического рода коррелируют с семантикой пола [3:66]. В английском языке категория рода передается лексемой *gender*, а протоевропейский корень *gen-*, к которому восходит славянское *жена*, тесно взаимосвязан с женщиной – землей – рождением. Мифологические представления о женщине как плодоносящей земле имели широкое распространение. Так, нижегородское название материк – «чернозем» происходит от основы *mater-* [3:119]. Примечателен тот факт, что на санскрите *rodas* «*rodas*» означает «землю», это однозначно коррелирует с лексемой «род», рождением и женщиной, которая обладает природной способностью даровать жизнь. Кроме того, в данном контексте невозможно не обратиться к греческому топониму, номинирующему остров Родас, что подтверждает общность индоевропейских корней.

Этимологический анализ лексемы «gender» в английской лингвокультуре восходит к позднеанглийскому средневековому языку, связанному с древнефранцузской лексемой «gendre» (modern genre), которая основана на латинском «genus» в значении 'birth, family, nation'. Наиболее ранние значения были 'kind, sort, genus' and 'type or class of noun, etc.' [8]. Словарный анализ лексемы gender не показал богатой представленности дериватов. Согласно определению Оксфордского словаря лексема «gender» это: 1. The state of being male or female (typically used with reference to social and cultural differences rather than biological ones): traditional concepts of gender; 2. Each of the classes (typically masculine, feminine, common, neuter) of nouns and pronouns distinguished by the different inflections which they have and which they require in words syntactically

associated with them. Grammatical gender is only very loosely associated with natural distinctions of sex.[8] Существование грамматической категории рода в английском языке является спорным вопросом в науке. Одни ученые (А.И. Смирницкий, Л.С. Бархударов, И.П. Иванова, Б.А. Ильиш) отрицают ее как самостоятельную грамматическую категорию, указывая на то, что, например, в таких словах как *wife* – *husband* нет морфологических маркеров, идентифицирующих род, а только лишь лексические. В то время такие ученые как В. Whorf, Р. Robins указывают на латентный характер данной категории. Поскольку одним из условий реализации грамматической категории рода является местоименная отнесенность существительного, М.Я. Блох рассматривал категорию рода как формируемую посредством двух оппозиций верхнего и нижнего уровней, где первая представлена личностными (сильными) /неличностными (слабыми) членами оппозиции и вторая репрезентирована личностными именами, противопоставляя женский и мужской род, при этом категория женского рода, имея дополнительные морфологические маркировки (*countess, baroness, tigress*) является сильным членом оппозиции. Грамматическая категория рода в английском является лексико-семантической, поскольку к мужскому роду (*masculine gender*) относятся лица, принадлежащие непосредственно к биологически мужскому полу: *man, gentleman, boy, king, brother, husband*, в свою очередь, особи женского пола относятся к женскому роду (*feminine gender*) и репрезентируются лексемами: *woman, lady, girl, queen, sister, wife*. Таким образом, категория рода, являясь семантически наполненной, выражена опосредованно либо с помощью местоимений: *he-goat, she-goat*, либо морфологически: *tiger - tigress, actor-actress*; либо лексически: *boy-friend, tom-cat, cock – hen, cow- bull*. Ряд существительных относится к существительным общего рода (*common gender*), как и в русском языке, они, как правило, связаны с профессиями: *teacher, professor, doctor*, экспликация их родовой отнесенности происходит в контексте. Все неодушевленные существительные соотносятся с местоимением *it* и относятся к среднему роду (*neuter gender*). Интересно отметить, что в английском языке возможна персонификация животных и неодушевленных предметов и явлений с помощью местоимений *he/she* языковым культурно сложившимся традициям. Так, названия транспортных средств, стран, слабых животных – *she – Nature, Peace, Liberty, Fortune*, название корабля - *Queen Mary*, а все, что связано с силой, злые потусторонние сущности коррелируют с местоимением *he – War, Time, Love, Death, the Sun*. Лингвокультурологический анализ позволяет вскрыть некоторые механизмы формирования родоотнесенности в английском языке. Так, например, названия всех кораблей связано с женским родом, этому есть историческое объяснение. Во времена древних мореплавателей считалось, что большинство из них повенчано с морем из-за огромной любви к данной стихии. Корабли являлись для них домом, семьей, любовью. И как комплимент женщине, они называли корабли женскими именами в напоминание о тех, кого они оставили на суше [9].

В заключении хотелось бы отметить, что род – ключевое понятие в мировоззренческой картине индоевропейских народов и формирование грамматической категории рода как структурирующей окружающей действительность тесно взаимосвязано с мифологическими представлениями наших предков, что имеет безусловный интерес для исследования в свете различных направлений.

Литература

1. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] моногр. / А. Вежбицкая – М., 1999.
2. Гусева Н.Р. Русские сквозь тысячелетия. Арктическая теория. Издание второе расширенное. – М.: Белые альвы, 2007. – 240с.
3. Кошарная С.А. Миф и язык [Текст]: моногр. / С.А. Кошарная – Белгород, 2002.
4. Попкова, Е.М. Категория рода в современном английском языке: лингвистический и социокультурные аспекты [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.М. Попкова. – Москва, 2005. – 18 с.
5. Попкова, Е.М. Эволюция категории рода в истории английского языка [Electronic resource] – Mode of access: <http://pandia.ru/text/78/369/580.php>
6. Трубачев О. Н., К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства, «Вопросы языкознания» [Electronic resource], 1957, N 2 – Mode of access: http://gufo.me/content_mifenc/rod-88115.html#ixzz447CJmdyp
7. Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка Имена. [Текст]: моногр. / Г.А. Хабургаев – М., 1990.
8. Oxford dictionaries. Language matters [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/gender>
9. wiki. answers [Electronic resource] – Mode of access: (src (http://wiki.answers.com/Q/Why_do_we_use_feminine_pronouns_for_ships))

Секция 6
«КОНТАКТНЫЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Ли Бин
НИУ «БелГУ», Россия

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Настоящая статья посвящена изучению и системному анализу экстралингвистических и лингвистических оснований процессов глобализации. Полученная информация актуальна для последующего описания особенностей модификации китайского языка и некоторых традиций соответствующей лингвокультуры, объяснения появления иноязычной лексики в традиционном китайском языке.

Ключевые слова: глобализация, лингвистические основания, экстралингвистические основания, современный китайский язык.

Li Bing
Belgorod National Research University, Russia

LINGUISTIC AND NON-LINGUISTIC BASIS OF GLOBALIZATION

This article is devoted to the study and analysis of the systemic analysis of linguistic and extra-linguistic foundations of globalization. The information is relevant for the following description of the features of the modification of the Chinese language and some traditions of the linguistic culture, explanation of the lexical change in the traditional Chinese language.

Key words: globalization, linguistic basis, extralinguistic basis, the modern Chinese language.

В переломную эпоху конца 90-х на социологическом Олимпе появилось и закрепилось понятие глобализации. Оно прочно вошло в научный обиход социологов, политологов, экономистов, а впоследствии лингвистов и специалистов в области других отраслей знания. И удобство этого понятия заключается именно в том, что оно вмещает в себя целую парадигму эпохальных метаморфоз и мировых перемен, когда речь идет о целой совокупности разнообразных процессов, позволяющих стянуть весь мир едиными рамками и характеристиками, сделать прозрачными и условными все исторические и территориальные рубежи нынешнего этапа развития человечества [2].

Ученые полагают, что такие необратимые мировые изменения характеризуются целой системой специфических факторов глобализации, к которым, прежде всего, относят:

- появление современных электронных устройств, обеспечивающих беспрепятственное общение и соединение людей независимо от нахождения в любой точке земного шара, а также общие принципы пользования этими устройствами по всему миру;

- развитие экономических, политических, социологических, экологических сфер взаимодействия между членами мирового сообщества, обеспечение беспрепятственного общения между странами посредством ИТ-технологий и личного контакта за счет развития инфраструктуры транспортной сферы;

- формирование и популяризация общемировых идеологий, направленных на сохранение экологии, защиту прав человека и животного мира;

- стремительное приобщение всех стран мира к благам цивилизации посредством средств массовой информации, развития единой мировой идеологии [2].

Таким образом, каковы бы ни были последствия глобализации, современный мир стремительными темпами следует ее курсу, создавая единое информационное, социологическое, политическое, экономическое мировое пространство.

Основными отличительными принципами «на ура» воспринятого мировым сообществом процесса глобализации являются:

- появление мировых торговых сетей и компаний, предлагающих свои услуги в разных странах;

- популяризация, рост и постоянное пользование людьми глобальной паутиной Интернет для обеспечения жизнедеятельности и существования во всех сферах;

- рост и развитие, постоянное увеличение мегаполисов за счет притока иностранных граждан;

- стандартизация мер, создание общей для всех функционирующих в контакте стран и мировых сообществ системы измерений;

- появление сертификации, единой для всех стран и континентов;

- создание манипулятивных средств для работы с массовым сознанием, в том числе и посредством глобальной виртуальной сети и масс медиа;

- провозглашение общих принципов о правах, экологии, защите вымирающих видов животных, ресурсосбережению и т.п.;

- появление лингва франка [2].

Последний фактор особенно актуален для настоящего исследования, которое в перспективе посвящено специфике развития так называемого «языка мирового общения» и его проникновению во все лингвокультурные традиции, языки стран мира, влияние на их развитие и территориальные, экономические, социальные и политические варианты.

Итак, забегаая вперед, отметим, что современным лингво франка в эпоху глобализации является английский язык, который, несмотря на то, что является вторым по численности говорящих на нем носителей после китайского, уже долго и упорно удерживает у себя пальму первенства самого распространенного в плане функциональной распространенности языка. Его приоритетное положение обусловлено следующими факторами:

- могущество и передовое положение стран, жители которых говорят на английском языке;

- свершение научно-технической революции с учетом английского языка как универсального кодового языка трансляции соответствующих изобретений;
- существование бывших английских колоний, в которых английский язык признан в качестве официального мирового языка;
- распространение продукции выпускаемой англоговорящими странами, в том числе не только технической, но и социальной, виртуальной и прочих видов;
- распространение в массовом сознании мирового сообщества культурных ценностей американцев и англичан [2].

С учетом таких факторов, соответственно, нельзя не отметить тот факт, что количество англоязычных граждан (в том числе и неносителей, а пользователей) неуклонно растет. Это обуславливает, в свою очередь, появление большого количества медиатекстов на английском языке. Последние транслируются по каналу всемирных новостей *CNN*, который считается одним из самых популярных для мировой аудитории. Равно как и *BBC*, этот канал вещает по всему миру, и считаясь авторитетным, несет в мировые культурные массы собственную идеологию, равно как и целый пласт новой, ассоциированной с последними мировыми событиями, лексики. Данное обстоятельство позволяет с полной уверенностью говорить о процессе интеграции и глобализации информационных систем вещания (лингвистических и манипулятивных систем), которые диктуют речевые нормы и стереотипы человеческого поведения [5].

Описывая английский язык в качестве *лингва франка* Дэвид Кристалл в книге *English as a Global Language* отводит особую роль СМИ, вещающим на английском языке. В ту же группу попали и известные на весь мир благодаря мобильности музыкальные группы и английские ученые, приобретшие статус «мировых имен» [5].

Распространение английского языка как *лингва франка* предполагает, прежде всего, интерлингвистический уровень исследований контактной и сопоставительной лингвистики. При этом особым образом учитываются механизмы воздействия языковых средств языка донора на язык реципиента, ассимиляция этих вербальных средств в чужеродной иноязычной среде. Соответственно, на первый план выходят типы заимствований, их стратификация, учет стилового тонирования, регистра и функциональная таксономия [1; 3-4].

Отметим, что английский язык в большей степени отличается свойством проникновения в иноязычную среду и способами максимально быстрой ассимиляции и адаптации собственных заимствований в европейском языковом пространстве. Однако нельзя забывать тот факт, что любые восточные языки не так податливы к разного рода метаморфозам, нежели европейские. И объяснением этому являются не просто факты консервативности лингвокультуры, обусловленные стремлением сохранить историю и традиции восточной народности, но и, прежде всего, сложностью иерографической письменности и спецификой письменной, по сравнению с устной, речи.

Тем не менее, несмотря на множество запретов, со стороны государства, и осторожности населения, в эпоху глобализации все попытки сохранить абсолютную самобытность и неизменность восточных языков дали трещину. Поскольку отказ от вступления в процесс глобализации грозит нации некоторой изоляцией от мирового прогресса, а, следовательно, стагнацией в сфере экономики, политики, социальных вопросов.

Таким образом, как бы глобализация не была оценена как факт, происходящий в мировой культуре, имеет место быть в современном обществе. Это необратимый и неизменный процесс, ход развития мировой истории, метаморфоз и динамики общества. Результаты этого процесса очевидны во всех сферах жизнедеятельности человека, в том числе политической, экономической, социальной. Они заключаются в стирании границ, распространении массовой идеологии и навязывании определенных стереотипов поведения. В таком случае реально говорить о последующей унификации не только культур мировой цивилизации, но и соответствующих языковых канонов.

Литература

1. Борисова О.С. Пути и источники заимствования в китайском языке // Альманах современной науки и образования [Текст] / О.С. Борисова. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 8 (15): в 2 ч. С. 21–25.
2. Глобализация [Электронный ресурс] / Grandars.ru, 2016. – Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/posledstviya-globalizacii.html>
3. Паршин П. Языки мира через сто лет [Электронный ресурс] / П. Паршин. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit01.php>
4. Семенас А.Л. Лексика китайского языка [Текст] / А.Л. Семенас. М.: Восток–Запад, 2005. 310 с.
5. Phillipson R. Linguistic Imperialism [Text] / R. Phillipson. - London, - 1992, p.10

Ли Бин

НИУ «БелГУ», Россия

ПРИЧИНЫ И СПЕЦИФИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья посвящена рассмотрению путей, способов и причин попадания иноязычных вкраплений в современный китайский язык. Интерес к такой проблеме обусловлен процессом глобализации и постоянным пополнением лексического состава за счет слов иностранного происхождения для называния несуществующих в лингвокультуре инноваций и неязыковых реалий.

Ключевые слова: глобализация, иноязычные вкрапления, заимствования, современный китайский язык.

Li Bing

Belgorod National Research University, Russia

THE CAUSES AND SPECIFIC FEATURES OF THE LEXICAL BORROWING IN MODERN CHINESE

This article deals with the ways, means and reasons for borrowing from foreign languages in the modern Chinese language. Interest in this issue is caused by the process of globalization and constant replenishment of the lexical level by words of foreign origin for the naming of non-existent in the linguistic culture innovations and non-linguistic objects of reality.

Key words: globalization, foreign language inclusions, borrowing, the modern Chinese language.

Современное развитие языкознания, накопленный к сегодняшнему дню опыт контактной лингвистики и сопоставительных исследований показывает, что процесс глобализации набирает обороты как никогда прежде. При этом в разработках отмечается, что указанный процесс очевиден в появлении большого количества заимствований на разных уровнях языковой системы и это явление касается практически всех языковых групп. Не исключением из общего списка является и такой консервативный язык как китайский, который по-настоящему можно назвать хранителем ценностей китайской лингвокультуры. Однако, забегаая вперед, отметим, что если любой другой европейский язык легко встречает инновации и позволяет иноязычным влияниям быстро распространяться на своей лингво территории, то китайский язык способен обогащаться новыми лексемами только за счет характеризующего его морфологического строительного материала. Кроме того, известно, что наиболее лабильным пластом в любой лингвокультуре, подверженной метаморфозам в процессе глобализации, является лексическая страта. Именно в нее поступают иностранные заимствования *wailaici* или лексические единицы, приходящие извне.

Под заимствованием в нашем исследовании понимается полное или частичное попадание в язык реципиент лексических единиц языка донора по объективным причинам. Этот процесс, как предполагается в настоящей работе, происходит вместе с унаследованием самих несуществующих в такой лингвокультуре реалий [3-5].

Отмечая процесс лексического пополнения китайского языка, нельзя не учесть тот факт, что на протяжении длительного времени в сам китайский язык постоянно, несмотря на некоторую осторожность, поступали новые слова, называющие артефакты и явления в научной, политической, экономической сферах, а также для описания области виртуального пространства. Однако, такой процесс пополнения словарного состава не является исключительно отрицательным, он позволяет традиционной китайской лингвокультуре интегрироваться в мировое сообщество. Таким образом, китайский язык выступает в качестве языка-реципиента, английский язык как *лингва франка* – языка-донора. Как правило, последний носит характер более распространенного американского варианта. Однако, адаптируясь в соответствии с канонами аналитического китайского языка поступающие иноязычные лексемы проходят процесс ассимиляции с учетом внутренних закономерностей его развития, меняя звуковой облик, подстраиваясь под фонетические каноны китайского языка. И именно последнее обстоятельство

влияет на способность того или иного иностранного слова прочно закрепиться в лексической системе китайского языка.

Описывая историю развития лексического состава исконно китайского языка и его метаморфозы, следуя отметить в ней несколько этапов. Этот процесс берет начало во второй половине XIX в период правления династии Цинь, Хань, Тань и активно продолжается до сих пор. И если во всех языках процесс заимствования довольно быстро протекал ввиду «приветливости» языка реципиента, то в китайской лингвокультуре к иноязычным вливаниям относились и относятся с опаской. Это, скорее всего, обусловлено психологией и традициями китайского народа и культуры в целом. Однако при этом нельзя говорить, что традиции и стремление их сохранить помешали китайскому языку пополнять словарный запас словами, которые называют предметы и явления постепенно появляющиеся в китайской лингвокультуре. Это касается, например, таких артефактов как: *tanke* «танк», *kafei* «кофе», *weishengsu* «витамин», *kekou kele* «кока-кола», *aizibing* – «СПИД» и так далее [2].

Таким образом, необходимо отметить, что в ряду причин постепенного восприятия китайским языком английских вкраплений, которые впоследствии ассимилируются с китайским являются следующие. Во-первых, это необходимость называть новые понятия, которые служат лексическими лакунами в современном китайском языке. В числе таких лакун встречаются лексические единицы, называющие артефакты и явления таких сфер жизни как:

- научно-техническая;
- бытовая (продукты питания, напитки, одежда, транспортные средства);
- политическая;
- экономическая;
- образования;
- досуг, культура и спорт [4].

Сюда относятся такие слова и выражения, которые не имеют даже синонимов в традиционном китайском языке (*Qiǎokèlì* «шоколад»; *Pútáo* «виноград»; *zì dòng biān mǎ* «автокод», *shēng jí* «апгрейд», *diàn zǐ yóu jiàn* «электронная почта») [2].

Второй причиной заимствования и некоторого нарушения консервативности китайского языка является необходимость в обновлении лексической системы за счет постепенно архивации старых лексических единиц (*Délùfēng* - *Diànhuà* «телефон»). Данная причина мотивирует появление большого количества синонимов и специфики рекуррентности тех или иных лексем для номинации того или иного понятия [2].

Третьей по распространенности причиной изменения китайского языка в угоду процесса глобализации является податливость модным тенденциям, популярности того или иного предмета, моде на иностранные слова, которая особенно ярко проявляется в глобальной сети Интернет (*Shèyǐngjī* «фотоаппарат») [2].

Китаеведы отмечают, что такие причины естественным образом влияют на сам китайский язык и позволяют ему не отставать от всеобщих и мировых тенденций развития. Тем не менее, сравнительно с другими языками, китайский

язык даже сейчас с традиционным для него упорством допускает метаморфозы. Это обстоятельство также можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, исторически сложившимися принципами. Так, существование феодального строя и его неизменность на протяжении долгого времени обусловили закрытость и замкнутость Китая.

Второй причиной, которая влияет на скорость пополнения словарного состава китайского языка, является его сложный лингвистический характер, обусловленный спецификой аналитического строя и иероглифической письменностью [1].

Здесь также необходимо отметить тот факт, что своеобразие элементов китайского письма обусловлено наличием особого отличия письменного и устного китайского языка, которые имеют свой особый грамматический и стилистический регистры. Так, письменная китайская речь характеризуется лаконичностью и ритмичность предложений, отсутствием пунктуации, которая в свою очередь запрещается особыми штампами в построении фраз, наличием, так называемых, пустых иероглифов, выполняющих функции служебных грамматических единиц. Эти специфические особенности настолько осложняют сам китайский язык, что по регламенту лингвистического сопровождения официальных мероприятий китайский язык не переводится синхронно. Такой перевод возможен исключительно, если переводчик в курсе специфики мероприятия, его плана и протокола, он заведомо знает содержание высказываний оппонентов.

Подытоживая рассмотрение особенностей китайского языка как языка реципиента для пополнения собственного лексического состава с учетом заимствований, необходимо отметить некоторую податливость рассматриваемой лингвокультуры в эпоху глобализации, позволяющей китайской лингвокультуре больше и быстрее ассимилировать в мировую цивилизацию.

Литература

1. Иностранные заимствования в китайском языке [Электронный ресурс] // Linguistics Konspect, 2016. – Режим доступа: <http://linguistics-konspect.org/?content=2282>
2. Ли Сяндун. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics4/li_siandun-03.htm
3. Паршин П. Языки мира через сто лет [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit01.php>
4. Пронина Т.В. Английские заимствования в китайском языке как результат процесса глобализации [Текст] / Т.В. Пронина // Филологические науки. – Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 166-169.
5. Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность [Текст] / Аошуан Тань. М.: Языки славянской культуры. 2004. 240 с.

Блажевич Ю.С., к.ф.н.,
Бойчук И.В., к.ф.н.,
Гусакова Н.Л., к.п.н.
НИУ «БелГУ», Россия

ИНОЯЗЫЧНЫЙ АКЦЕНТ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЭМИГРАНТОВ В ПОРТУГАЛИИ

В статье рассматривается проблема иноязычного акцента как проявление языковой интерференции. Анализируются причины возникновения фонетической интерференции в речи говорящего на иностранном языке с точки зрения теории языковых контактов и билингвизма. Описаны виды фонетической интерференции, приведены примеры их проявления в речи русскоязычных эмигрантов Португалии.

Ключевые слова: фонетическая интерференция, билингвизм, акцент, русскоязычные эмигранты, португальский язык

Blazhevich Yu.S., Boychuk I.V, Gusakova N.L.
Belgorod National Research University, Russia

FOREIGN ACCENT AS MANIFESTATION OF INTERFERENCE IN THE SPEECH OF RUSSIAN-SPEAKING EMIGRANTS IN PORTUGAL

The article focuses on the problem of foreign accent as manifestation of linguistic interference. The main reasons of phonetic interference in the speech of a foreign-language speaker are analyzed from the point of view of contact linguistics and bilingualism theory. Various types of phonetic interference are described and the examples of their manifestation in the speech of Russian-speaking emigrants in Portugal are given.

Key words: phonetic interference, bilingualism, accent, Russian-speaking emigrants, Portuguese language

Иноязычный акцент, т.е. фонетические нарушения вторичной языковой системы в речи билингвов, представляет собой языковую интерференцию на фонетическом уровне. Изучение данного явления состоит в выяснении того, как носитель языка воспринимает и воспроизводит звуки одного языка, который можно назвать вторичным, с точки зрения другого, называемого первичным. Ранее явление фонетической интерференции описывалось как «звуковая субституция». У. Вайнрайх предложил строить описание на терминах избыточных и различительных признаков. В результате восприятия языка тот или иной признак может быть избыточным, что приводит к *недоразличению*. С другой стороны, избыточный признак может быть принят за различительный, что ведет к *сверхразличению*. На основе данной терминологии были выделены четыре типа интерференции:

- 1) недодифференциация фонем;
- 2) сверхдифференциация фонем;
- 3) реинтерпретация различий;
- 4) субституция звуков [1: 45].

Необходимо уточнить, что не все типы интерференции одинаково способны вызывать неправильное понимание даже в условиях одного и того же контекста. Фонетическая субституция, т.е. непривычное произношение опознаваемой фонемы, представляет собой тип интерференции, наименее подверженный непониманию. Несущественными также окажутся явления сверхдифференциации, тогда как даже незначительная недодифференциация фонем может привести к дезориентации слушающего. Хотя одноязычные слушающие обычно четко воспринимают звуковую субституцию и почти не замечают сверхдифференциации, их представление о том, какое из явлений, относящихся к двум остальным типам звуковой интерференции, составляет иноязычный акцент, часто бывает совершенно превратным. Иностранец, допускающий недодифференциацию, то есть замещающий две фонемы одной, в то же время реализует ее иначе, руководствуясь правилами аллофонии своего родного языка, которые его одноязычному слушателю неизвестны. В случае реинтерпретации фонологических различий, проводимой иностранцем по собственной модели релевантных различительных признаков, артикулируются звуки, которые иногда представляются одноязычному слушателю правильными фонемами, а в других случаях приводят к недоразумениям. Следует заметить, что такие типы интерференции, как недодифференцированность, сверхдифференцированность и реинтерпретация, связаны с нарушением различительных дифференциальных признаков фонем. Напротив, субституция объединяет различного рода нарушения на уровне интегральных признаков [2: 67].

Неправильное понимание речи иностранца обусловлено фонемной системой одноязычного лица. Таким образом, можно говорить о том, что интерференция, сближающая фонетические системы контактирующих языков, независимо от того, являются ли они родственными или нет, возникает везде, где существует различие между этими фонетическими системами. Такое сближение может приводить к значительному сходству между целыми фонетическими системами языков, принадлежащих к зоне, для которой характерны особенно интенсивные языковые контакты.

Существуют два основных способа изучения акцента: сопоставление фонетического строя контактирующих языков в целях выявления системных сходств и различий и прогнозирования возможных ошибок и изучение фактических фонетических ошибок говорящего в речи на неродном языке [3: 40]. В данном случае приведем пример некоторых наиболее часто встречающихся ошибок в речи русскоязычных эмигрантов на неродном для себя португальском языке. Среди наиболее распространенных ошибок можно отметить следующие:

– замена португальских звуков похожими русскими. Например, в португальском языке есть согласный звук [ɫ] как в словах *lar, parada, abril*. Он напоминает ослабленное русское «р». При произнесении кончик языка касается альвеол быстрым однократным движением. В конце слова у него появляется легкий призвук, похожий на беглое «ы». В отличие от звука [ɫ] и русского «р», согласный [r], является вибрирующим многоударным звуком (как *река* и *p-p-p-*

река). Его можно встретить в начале слова, между гласными, перед сонантами и после носовых: *russo, parra, turno, tenro*. Часто наиболее распространенным проявлением интерференции является замена одного из данных звуков или оба русским «р».

В португальском языке существуют определенные оппозиции звуков, которые необходимо четко различать, поскольку неверное произношение может поменять смысл высказывания.

Рассмотрим оппозицию [ɔ] и [o]. Открытое [ɔ] похоже на русское ударное «о» в слове «он». При артикуляции губы округлены, спинка языка приподнята к нёбу. При артикуляции закрытого [o] губы вытянуты вперед и округлены, язык отодвинут назад, кончик языка касается нижних альвеол. Этот звук более закрытый, чем русское «о». Поскольку у русскоязычных говорящих возникают трудности в произношении [ɔ], его зачастую замещают на звук [o]. Так, невозможность правильного произношения [ɔ] в слове *avó* – «бабушка» меняет смысл на противоположный – *avô* [o] – «дедушка».

Вызывают определенные трудности и оппозиции: [a] – [ɐ], а также [e] – [ɛ]. В первом случае зачастую происходит замещение [ɐ] на [a]. А в последнем – [e] на [ɛ] или наоборот. В любом случае неправильное произношение значительно затрудняет акт коммуникации [4: 36].

Хотелось бы обратить внимание на отклонение от норм произношения, которые могут быть не связаны с трудностями восприятия или артикуляции, а скорее вызваны незнанием реалий или определенными привычками в произношении на родном языке. Это могут быть ошибки в географических названиях, личных именах существительных, интернационализмах. Например, в португальском языке буква *h* немая, но по привычке русскоязычные говорящие произносят русский звук «х». Например, *Helsinki, Havai, Hong-Kong*.

Аббревиатура DVD «ди-ви-ди», в португальском языке звучит, как «дэ-вэ-де», а русскоязычные говорящие продолжают употреблять «ди-ви-ди». Это же касается и CD – «сэ-дэ».

Особенно отличается произношение названий всемирно известных марок. Так, марка стирального порошка «*Tide*» звучит как «*Тид*», название шампуня «*Pantène*» – «*Пантэн*», «*Head & Shoulders*» как «*Эд энд Шелдерс*», а название автомобиля «*Honda*» как «*Онда*». Интересно, что со временем мы начинаем наблюдать обратную интерференцию: под влиянием португальского окружения русскоязычные эмигранты начинают произносить слова-интернационализмы и названия известных марок на португальский манер: «*варанда*» вместо «*веранда*», «*Ажакс*» вместо «*Аякс*», *Ситроэн* «*Шара*» вместо «*Ксара*». Однако в данном случае речь идет скорее о лексической интерференции, когда заимствуется слово, обозначающее реалию, вместе с его фонетической оболочкой.

Неправильное произношение значительно затрудняет акт коммуникации, поскольку фонетически неправильная речь требует от слушающего определенных усилий при восприятии ее содержания, не стимулирует интереса к общению не только со стороны слушающего, но и со стороны самого говорящего, испытывающего дискомфорт и закрепощенность при общении.

Литература

1. Вайнрайх, У. Языковые контакты [Текст] / У. Вайнрайх. – Киев : Вища шк., 1979. – 263 с.
2. Багана, Ж. Контактная лингвистика: взаимодействие языков и билингвизм: монография [Текст] / Ж. Багана, Е.В. Хапилина. – М.: Флинта : Наука, 2010. – 128 с.
3. Блажевич, Ю.С. Лексическая интерференция в условия языкового контакта (на материале языка русскоязычных эмигрантов в Португалии) : дис. [...] канд. филол. наук [Текст] / Ю.С. Блажевич. – Белгород, 2011. – 170 с.
4. Галеева М.М. Механизм произношения в динамике его формирования в процессе обучения РКИ [Текст] / Преемственность при обучении иностранцев русскому языку. Сборник научных трудов. Отв. ред. Г.Ф. Жидкова, О.И. Меншутина. – М.: Изд-во РУДН, 1981.

Браташова Э.В., Луханина А.Н.
НИУ «БелГУ», Россия

ЧЭНЬЮЙ И ИДИОМЫ - ОДИН ИЗ ВИДОВ ФРАЗЕОЛОГИИ В КИТАЙСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье мы будем рассматривать фразеологизмы китайского и английского языков, в частности чэньюй и идиомы, их происхождение и разновидности. Цель данной работы - более подробно рассмотреть один из основных видов фразеологизмов. В статье приводятся примеры из классических произведений и примеры, связанные с важными историческими событиями. Описываются основные признаки и особенности чэньюй и идиом, рассматривается их роль в обществе.

Ключевые слова: фразеологизмы, чэньюй, идиомы английского языка, признаки и особенности, конструкции.

Bratashova E.V., Lukhanina A.N.
Belgorod National Research University, Russia

CHENGYU AND IDIOMS AS A PHRASEOLOGICAL UNIT

In this article, we examine fixed phrases in Chinese and English languages, in particular chengyu and idioms, their origin and varieties. The aim of the study is to examine one of the main class of fixed phrases. The article includes some examples from classical works and ones connected with significant historical events. The main attributes and features of chengyu and idioms are described. The role of chengyu and idioms in society is considered.

Key words: fixed phrases, chengyu, idioms in English, attributes and features, constructions.

Известно, что фразеология во всех языках – это самое ценное наследие в лингвистики, в котором отражаются не только обычаи, традиции, национальная культура и юмор, но и история народа. Фразеологизмы – это устойчивые обороты речи, которые не подвергаются каким-либо изменениям с течением времени. Происхождение фразеологизмов уходит в глубину веков. Источником многих фразеологизмов в китайском языке является народная и классическая литература, а английские фразеологизмы тесно связаны не только с литературой, но и с античной мифологией и историей.

По мнению лингвиста Ма Гофань (马国凡), фразеологизмы китайского языка делятся на пять основных разрядов: чэньюй (成语 [chéngyǔ] - идиомы), гуаньюньюй (惯用语 [guànyòngyǔ] - фразеологические сочетания), яньюй (颜语 [yányǔ] — пословицы), сехоуэй (歇后语 [xiēhòuyǔ] — недоговорки-иносказания), суюй (俗语 [súyǔ] — поговорки).

В английском языке фразеологизмы делятся на четыре типа: фразеологические сращения, фразеологические единства, **фразеологические выражение**, фразеологические сочетания.

В данной статье мы более подробно рассмотрим китайские идиомы - чэньюй и английские идиомы - фразеологические сращения. Анализ имеющейся литературы по идиоматике китайского и английского языков позволяет сделать заключение, что чэньюй в китайском языке - это фразеологически связанные, устойчивые лексико-синтаксические единицы современного китайского языка, которые в краткой форме четырехсложных ритмических словосочетаний и предложений ярко и выразительно отображают различные понятия реальной действительности китайского этноса.

В английском языке фразеологические сращения, или идиомы – это тоже абсолютно неделимые, неразложимые устойчивые сочетания, в которых общее значение не зависит от значения составляющих их слов. Английский лингвист Л.П.Смит впервые ввел термин «идиомы». Он считал, что идиомы нужны для обозначения грамматической структуры сочетаний, характерных для английского языка, хотя очень часто значения этих сочетаний невозможно объяснить как с грамматической, так и с логической точки зрения. Интересным признаком идиом является то, что элементы фразеологических единиц - это минимум два слова. С этим признаком согласны почти все исследователи, но одни настаивают на том, что оба этих слова должны быть полнозначительными, а другие полагают, что одно из этих слов может быть полнозначительным, а второе – служебным, третьи, же допускают наличие и таких фразеологических единиц, которые представляют собою объединение двух служебных слов.

Более подробно рассмотрим китайские чэньюй, чхэньюй (кит. trad. 成語, упр. 成语, пиньинь [chéngyǔ], буквально "готовое выражение"). Чэньюй - это устойчивое фразеологическое словосочетание, которое построено по нормам древнекитайского языка вэньяня, семантически монолитное, имеющее обобщенное переносное значение. Для понимания чэньюй необходим не только их перевод на современный китайский язык, но также дополнительные смысловые комментарии. В Китае издаются специальные словари чэньюй, в которых объясняется не только их смысл, но и приводятся первоисточники. Знание самых распространенных чэньюй служит признаком образованности, к наиболее употребительным относятся 3000 чэньюй, китайские словари чэньюй содержат около 18 000 оборотов, а всего насчитывается более 50 000 выражений.

Одним из признаков чэньюй является архаичность лексики. Авторы первых работ по чэньюй отмечают, что компонентами этих идиом, в основном,

являются односложные слова древнего языка. Помимо этого, некоторые чэньюй сохранили особенности старой грамматики и старого произношения, все эти специфические черты, с позиции диахронического развития китайского языка, обусловлены историческим развитием. Основными источниками чэньюй являются фольклор, древняя устная речь, исторические события, произведения китайских философов и известных писателей.

Любая специфика чэньюй обусловлена логической маркированностью, а своеобразие чэньюй объясняется социо - и этнокультурологической особенностями, таким образом, они напрямую связаны с национальным колоритом, с менталитетом и традициями древнего Китая.

Английским идиомам также свойственна архаичность, однако, идиомы можно встретить не только в поэзии или в произведениях Шекспира и Библии, но и в формальном стиле речи и даже в сленге. Это говорит о том, что идиомы английского языка были популярны не только в прошлом, но и оказывают большое влияние на развитие современного английского языка. Большинство фразеологических сращений возникли в результате переноса значений их компонентов.

Главной особенностью чэньюй и идиом, по мнению профессора А.И.Смирницкого, является экспрессивность и эмоциональная окрашенность, благодаря этому они доступны для восприятия. Использование чэньюй и идиомы в текстах и разговорной речи придают им эмоциональную окраску, которая приобретается благодаря лаконичности и идиоматической насыщенности.

Существуют чэньюй параллельной конструкции, они образуются по принципу параллельного соотношения частей, состоящих из четырех слогов и четырех морфем, каждая из которых обычно является словом. К примеру возьмем, 水落石出 [shuǐluòshíchū] — вода спала - камни обнажились (все тайное становится явным), в английском варианте - what is done by night appears by day, дословный перевод - что сделано ночью, видно днем. В английском языке проводится параллель между ночью и днем и количественный состав идиомы больше, чем в китайском языке.

Чэньюй непараллельной конструкции нередко представляют собой четырехсложные образования, хотя встречаются и в другом составе. В данной конструкции допускаются служебные слова, союзы. Например чэньюй, 不劳而获 [bùláo érhuò] — не трудиться, но получать, пользоваться плодами чужого труда, русское соответствие — чужими руками жар загребать, в английском - to pull the chestnuts out of the fire for somebody - таскать каштаны из огня для кого-либо.

Идиомы являются богатейшим источником познания языков, истории и культуры стран, они заслуживают особое внимание при изучении английского и китайского языков, так как могут раскрыть много интересных моментов не только в языке, но духовной культуре народа, национальном характере наций.

Идиомы китайского языка, подобны идиомам русского и английского языков, являются неразложимыми фразеологическими сращиваниями, как

«крылатые выражения». Они на протяжении времени используются в языках, неизменно сохраняя свою самобытную форму и яркую своеобразную национальную окраску, вследствие чего мы можем сделать вывод о том, что идиомы тесно связаны с историческим развитием языка. Религиозные верования, обычаи и образ жизни, а также нравы оставляли и оставляют свой след в образовании идиом.

Все пословицы, фразеологизмы, поговорки отличаются остроумностью, своеобразием и простотой в использовании. Здесь отражается особенность повседневной живой речи народа с ее необычной и яркой лексикой, гармоничными оборотами. Большинство китайских и английских пословиц и поговорок близки к русским, возьмем, к примеру, «не учи ученого» на китайском это будет выглядеть как, 班门弄斧[bān mén nòng fǔ], английский вариант never offer to teach fish to swim, дословный перевод - не учи рыбу плавать. Как мы видим, что одна и та же пословица несет одинаковый смысл в трех языках. Китайцы и англичане часто употребляют пословицы и поговорки в лаконичном, усеченном виде для придания выразительности. Этот усеченный вид представляет собой своего рода намек, подсказывающий значение всей идиомы в целом.

В заключении, мы можем придти к выводу о том, что идиомы и чэньюй – это своеобразные и важные артефакты культуры Китая и Англии, многовековая история с неповторимыми национально- культурными чертами.

Основной признак чэньюй и идиом - архаичность лексики. Часть чэньюй имеет особенности старой грамматики и старого произношения. В английских же идиомах, в большинстве случаев также недопустима перестановка компонентов. Основной особенностью идиоматических выражений является эмоциональная окрашенность. Чэньюй и идиомы тесно связаны с историческим и литературным наследием народов, вследствие чего отличительными чертами фразеологизмов являются поучительность, языковое своеобразие и легкость восприятия.

Литература

1. Баранова, З. И. Чэньюй как разряд фразеологизмов китайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / З. И. Баранова. – М., 1969 г.
2. Корнилов, О. А. Жемчужины китайской фразеологии / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2005. – 336 с.
3. 马国凡 1983г., 林为进 1959г.
4. 张璜文 1991, 成语故事
5. Педагогический институт [Электронный ресурс] Режим доступа: www.igpu.ru.

Коч К.И.

БГТУ им. В.Г. Шухова, Россия

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ КОНГО

Данная статья посвящена проблеме языковой политики в Демократической Республике Конго. Рассматриваются положения официального языка, национальных и этнических языков ДРК.

Ключевые слова: языковая политика, официальный язык, национальный язык, статус языков.

Koch K.

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

LANGUAGE POLICY IN THE DEMOCRATIC REPUBLIC OF THE CONGO

This article deals with the problem of language policy in the Democratic Republic of the Congo. The situation of the official language of national and ethnic languages of DRC is considered.

Keywords: language policy, official language, national language, status of languages.

Целью нашей статьи является обзор языковой политики в Демократической Республике Конго. Языковая политика в данной республике неразрывно связана с политической ситуацией в стране. Именно поэтому мы вынуждены коснуться и этого вопроса.

Для начала рассмотрим, что такое языковая политика. По мнению А. Д. Швейцера языковая политика это «совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения лингвистических норм» [1].

Постоянное состояние гражданской войны в Демократической Республике Конго привело к общей административной дезорганизации, длительное невмешательство нового режима в этот процесс еще больше усилило его. Из всех имеющихся политических и административных структур только новые военные трибуналы, как и местные, работают эффективно.

В соответствии с Указом 172 все вопросы, обычно относящиеся к гражданскому правосудию, теперь находятся под юрисдикцией военных судов, по крайней мере, в провинциях, где было объявлено военное положение. Никакая процедура обжалования невозможна для тех, кто приговорен к смертной казни, которая, как мы знаем, запрещена в соответствии с международными нормами права, но такая практика обеспечивает чрезвычайно эффективное правосудие.

В этих условиях языковые проблемы были несколько отодвинуты на второй план, но 30 июня 1997 года глава государства объявил о создании

конституционной комиссии, ответственной за разработку проекта Конституции. В марте 1998 года члены этого Комитета представили проект новой Конституции на утверждение президенту. В мае следующего года правительство Кабилы создало учредительное собрание, чтобы пересмотреть проект Конституции, но оно так и не было сформировано. В итоге рассмотрением проекта Конституции занималась "техническая комиссия» во главе с министром юстиции [2]. Новая Конституция была ратифицирована Президентом Республики 18 февраля 2006 года в Киншасе.

Остановимся на проблеме статуса языков подробнее.

Последняя Конституция 1994 года, провозгласившая французский язык официальным языком страны "без ущерба для национальных языков", прекратила свое существование. Ни одно из ее положений не обсуждало четыре национальных языков – суахили, киконго, тшилуба и лингала. Напомним также, что во время правления Патриса Мобуту ни один закон не поддерживал официально эти языки. Национальный статус этих языков был фактическим, а не юридическим, так как нигде это документально не подтверждалось.

В любом случае новая конституция 2006 года отменила все предыдущие конституционные постановления. Помимо признания четырех государственных языков, напомним тот факт, что французский язык остался единственным языком, имеющим статус официального языка. Между тем, на французский язык было оказано давление, в результате чего ему пришлось поделить свой статус с английским языком. Такова была цена за «оказанные услуги» захвата армии союзниками. Фактически же, все сложилось иначе: учитывая что, количество говорящих на английском языке в конголезской элите составляет менее 1 %, кроме того, население игнорирует все эти языки. Даже после отступления граждан Руанды, Уганды, Зимбабве и Намибии, «англофоны» продолжали контролировать огромную часть этой страны.

Таким образом, конституция признает официальным французский язык, а остальные четыре языка – национальными. Она классифицирует языки на три категории и определяет статус каждого типа языка.

Французский язык является официальным языком и используется в различных политических, юридических, административных, учебных, научных и технических сферах [3].

Национальными языками признаются киконго, лингала, тшилуба и суахили [3]. Эти языки разграничивают страну на четыре лингвистические зоны. Все они пользуются официальным признанием, но действующая конституция только обещает их продвигать. Эти языки также используются в сфере средств массовой информации.

Последняя, третья категория – это «другие языки страны», которые конституция обещает защищать. Их социальной функцией является по существу интеграция и идентификация с местным сообществом. Тем не менее, эти языки не имеют никакого авторитета в стране.

При существующем положении дел конголезское правительство не сумело решить имеющиеся языковые проблемы и отрегулировать свою языковую политику, поскольку решало многие другие проблемы, требующего

немедленного решения. Ситуация такова, что сегодня любой конголезец, говорящий на родном языке, обязательно должен знать также национальный и французский язык. Деятельность в сфере образования требует знания английского языка.

Литература

1. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М.: Высшаяшкола, 1978.
2. J. Gérard-Libois. L'avant-projet de Constitution pour la République du Congo// Revue Nouvelle.- Bruxelles, 1962- P. 1-27
3. Constitution de la Republique Democratique du Congo

Петрова Л.Г., Мартиросян А.Г.
к.п.н., доц., НИУ «БелГУ», Россия

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ВЫРАЖЕННЫЕ ПРИЧАСТИЕМ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье исследуются характерные черты атрибутивных конструкций в русском, английском и французском языках, выявляются способы использования причастия в качестве определения в рассматриваемых языках.

Ключивые слова: контрастивный анализ, атрибутивные отношения, причастие, синтаксис, французский, русский, испанский.

Petrova L.G., Martirosyan A.G.
Belgorod National Research University, Russia

THE DEFINITIONS EXPRESSED BY THE PARTICIPLE IN THE RUSSIAN, ENGLISH, FRENCH LANGUAGES: LINGUISTIC AND METHODOICAL ANALYSIS

The paper examines the specific traits of attribute represented by the participle in Russian, French and Spanish. The research reveals ways of use of a participle as determination in the considered languages.

Key words: contrastive analysis, attribute, participle, syntax, French, Russian, Spanish.

Одной из основных задач, стоящих перед преподавателями РКИ, является задача обучения иностранных студентов широкому спектру синтаксических отношений в русском языке, в котором на обучение способам выражения определительных отношений следует обратить особое внимание.

Процесс познания русских определительных отношений иностранными студентами долог и полон трудностей, так как способы их выражения чрезвычайно многообразны: от простых (элементарных) словосочетаний – до сложных предложений, в которых представлены различные виды определений и определительных связей. В качестве примера приведём лишь одно не слишком

длинное предложение, насыщенное большим количеством разного вида определений: *Женщина с револьвером тридцать восьмого калибра в руке и чёрной хозяйственной сумкой на коленях, сидевшая абсолютно неподвижно на жёстком деревянном стуле с прямой спинкой [З: 7], безучастно смотрела на входящих людей...* Что надо делать иностранному студенту, чтобы не заблудиться во всём этом разнообразии определительных конструкций?

Чтобы ответить на этот вопрос, считаем целесообразным прибегнуть к сопоставительному анализу как языковых составляющих определительных отношений, так и способов их реализации в речи, полагая, что сравнение грамматических категорий русского и иностранного языков позволяет грамотно подходить к отбору и презентации учебного материала, предупреждать сложные для усвоения и использования языковые и речевые конструкции, естественным образом избегать в ходе изучения возможной, но нежелательной интерференции, а также выявлять примеры положительного переноса.

Целью данной работы является сравнить способы выражения определительных отношений в контактирующих языках (в данном случае, русском, английском, французском языках), так как эти языки для студентов-иностранцев являются либо родными, либо языками-посредниками.

При построении определительных конструкций как в русском, так и английском или французском языках используются практически все части речи (существительные, прилагательные, числительные, наречия, причастия, глаголы, предлоги), языковые категории (число, лицо, падеж, род). В сопоставляемых языках существует пре- и постпозиция определительных конструкций по отношению к определяемому слову. Однако на этом полное соответствие между данными конструкциями в анализируемых языках заканчивается, что обусловлено принадлежностью сравниваемых языков к разным языковым группам: русский язык является языком флективным, синтетическим, французский и английский – аналитическими).

В рамках данной работы, рассмотрим в качестве определения причастия.

Причастия русского, английского и французского языков являются плодами процесса деривации. Причастия сочетают в себе свойства как глагола, так и прилагательного, поэтому некоторые учёные, подразумевая синтаксическую роль причастий, называют их «действиями-определениями».

Так называемое «действие-определение» может быть активным или пассивным.

Синтаксическую роль активного «действия-определения» в русском языке выполняют действительные причастия (субъект, сам выполняющий данное действие). Эквиваленты действительных причастий русского языка имеются и в английском, и во французском. Приведём примеры:

Студент, читающий (читать) учебник. – The student reading (to read) the text-book. - L'étudiant lisant (lire) un manuel.

Человек, бегающий (бежать) по улице. – The man running (to run) down the street. - L'homme courant (courir) dans la rue.

Пассивные «действия-определения» в русском языке представлены страдательными причастиями (действие выполняется над объектом).

Страдательные причастия русского языка имеют эквиваленты в английском и французском языках:

Переведённый (перевести) текст. – *The translated (to translate) text.* - *Le texte traduit.*

Изученный (изучить) предмет. – *The studied (to study) subject.* - *Le sujet étudié.*

Из примеров видно, что и действительные, и страдательные причастия русского языка имеют свои соответствующие эквиваленты в английском и французском языках, знание которых значительно облегчает процесс презентации данного грамматического материала, а также упрощает его использование в речи англоговорящими и франкоговорящими студентами.

Однако могут возникнуть явные трудности, связанные с формами причастий, т. к. в русском языке имеется 4 формы причастий соответствующих активному/пассивному залогу и настоящему/прошедшему времени. В английском и французском же существует две явных причастных формы для активного и пассивного залогов.

Именно этот факт дает плодотворную почву для предупреждения типичных ошибок у англоговорящих и франкоговорящих студентов.

Имея отглагольное происхождение, причастия обладают категорией времени и категорией залога.

Рассмотрим действительные причастия настоящего и прошедшего времени в русском, английском и французском языках.

Таблица 1

Действительные причастия настоящего и прошедшего времени в русском, английском и французском языках (активный залог)

<i>Студент, читающий (читать) учебник</i>	<i>The student reading (to read) the text-book L'étudiant lisant (lire) un manuel</i>
<i>Человек, бегущий (бежать) по улице</i>	<i>The man running (to run) down the street L'homme courant (courir) dans la rue</i>
<i>Студент, читавший (читать) учебник</i>	<i>The student reading (to read) the text-book L'étudiant lisant (lire) un manuel</i>
<i>Человек, бежавший (бежать) по улице</i>	<i>The man running (to run) down the street L'homme courant (courir) dans la rue</i>

Таблица 2

Действительные причастия настоящего и прошедшего времени в русском, английском и французском языках (пассивный залог)

<i>Переводимый (перевести) текст</i>	<i>The translated (to translate) text Le texte traduit (traduire)</i>
--------------------------------------	---

<i>Изучаемый (изучить) предмет</i>	<i>The studied (to study) subject Le sujet étudié (étudier).</i>
<i>Переведённый (перевести) текст</i>	<i>The translated (to translate) text Le texte traduit (traduire).</i>
<i>Изученный (изучить) предмет</i>	<i>The studied (to study) subject Le sujet étudié (étudier)</i>

Как видно из примеров, представленных в таблице, английские и французские причастия, в отличие от русских, не видоизменяются в зависимости от времени. Для изучающих английский/французский язык русскоговорящих студентов такая особенность английских/французских причастий только «облегчает жизнь», но для изучающих русский язык англоговорящих и франкоговорящих студентов разнообразие временных форм русских причастий становится реальной проблемой.

Дело в том, что суффикс *-ви*, который является для причастий индикатором прошедшего времени в русском языке, не имеет английского и французского эквивалента.

Примеры демонстрируют существенные различия между причастиями активного и пассивного залогов во французском и английском языках. Для выражения причастия пассивного залога в английском языке используется форма Participle I, а во французском языке – Participe Passé. Что касается активного залога, то наблюдается употребление *gerund* в английском языке и употребление формы *gérondif* во французском языке.

Таким образом, в английском и французском языках указать на то, что причастный оборот в предложении относится к прошедшему времени, можно двумя способами:

1) контекстуально. Так как предложение с причастным оборотом является частью связного текста, то говорящий или слушающий должен по смыслу определить, к какому времени относится используемое причастие:

Таблица 3

Контекстуальные индикаторы причастий настоящего и прошедшего времени в русском, английском и французском языках

<i>Он очень хорошо знает этого человека. Человека, бегущего вниз по улице.</i>	<i>He knows that man very well. The man running down the street. Il connaît (connaître) bien cet homme-là. L'homme courant dans la rue.</i>
<i>Он очень хорошо знал этого человека. Человека, бежавшего вниз по улице.</i>	<i>He knew that man very well. The man running down the street. Il connaissait (connaître) bien cet homme-là. L'homme courant dans la rue.</i>

Т.е., распознать временную принадлежность причастий помогает форма глагола предшествующего предложения.

2) при помощи личной формы другого глагола в предложении:

Таблица 4

Личная форма глагола как индикатор причастий настоящего и прошедшего времени в русском, английском и французском языках

<i>Я вижу человека, бегущего вниз по улице.</i>	<i>I see the man running down the street. Je vois (voir) l'homme courant dans la rue.</i>
<i>Я видел человека, бежавшего вниз по улице.</i>	<i>I saw the man running down the street. Je voyais (voir) l'homme courant dans la rue.</i>

В заключение отметим, что сравнительный анализ способов выражения определительных отношений в контактирующих языках, позволяя определить случаи положительного переноса и способствуя уменьшению интерференции, направлен на формирование и развитие лингвистической компетенции как базовой составляющей коммуникативной компетенции студентов в процессе обучения.

Литература

1. Steinberg N. // Grammaire française, М. Просвещение, 1966, С. 236 – 251.
2. Петрова Л.Г. Причинно-следственные конструкции в РКИ и контактирующих языках: принципы и подходы к обучению иностранных студентов. – Монография. – Белгород 2013. –152 с.
3. Петрова Л. Г., Мартиросян А. Г. // Определительные отношения в РКИ: от теории обучения к речевой практике. Монография. – Белгород, – 2012. – 160 с.

Печий И.Н.

НИУ «БелГУ», Россия

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СТРАНАХ ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ АФРИКИ

В статье анализируется языковая ситуация, сложившаяся в странах Африки, подвергшихся влиянию европейских языков, в частности – французского языка. Вместе с тем, рассматривается сам термин «языковая ситуация». Приводятся факты из истории страны. Рассматриваются факты как языкового, так и культурного влияния европейских стран в процессе колонизации.

Ключевые слова: языковая ситуация, Африка, французский язык, колонизация, коммуникация, двуязычие, трилингвизм, многоязычие.

Pechy I.N.

Belgorod National Research University, Russia

LANGUAGE SITUATION IN THE COUNTRIES OF FRENCH-SPEAKING AFRICA

This article analyzes the language situation in the countries of Africa under the influence of European languages, especially – French. It also analyzes the term “language situation”. There are some historical facts. This article analyzes the facts of language influence and also cultural influence by European countries during the colonization.

Key words: language situation, Africa, French, colonization, communication, bilingualism, trilingualism, multilingualism.

As far as language always occupied a big place in the culture of each nation, the question of language situation is still very popular. Every single language – is the unique and distinctive phenomenon, created by especial features of the nation, but it also has an impact on them. The languages could be differentiated by their metaphoric aspect determine the mentality of nation [4: 48]. The language situation in the countries of French-speaking Africa is very important because of very dynamic process of building the language picture in this region. At first, it was caused by the internal movements of tribes, but also there were the consequences of the colonization by the Europeans, which brought new languages and also new culture.

According to the opinion of the scientists, language creates and shows especial features of national spirit, national conceptions of the world, and it's also a quintessence of the traditions and culture of society. The langue not only gives an ability to communicate but also maintains a succession, passing the information, knowledge from generations to generations. That's why the collapse of language, even with a small number of native speakers, is a very meaningful loss, because there is also a culture of nation to disappear with language [1: 98].

As for a term “language situation”, the dictionary by T. B. Jerebilo sais that the language situation is the system of the forms of existence of one, two or many languages in their social and territorial interrelations and functional interactions at the borders of the geographic regions or administrative and political formations [8].

There are other definitions of this term. The hierarchical system (so-called language situation) is created by the languages in multi-cultural county and the forms of existence of the national language in mono-cultural country [3].

It also important that the cause of this hierarchy is an unequal functional burden on the language formations or their forms of existence – the common governmental language or the literary language has more spheres to be used in than the language with a small number of speakers or regional dialect.

The language system in common and the functional burden of its parts depend on the social status of the group which use it. As the result of social and political changes during the social development the status of these groups changes and it's necessary to make equal their new status with the functional burden of formations. Choosing of the language formation for the communicational goals is a competence of language policy described as a corpus of arrangements to change and save the language situation [7: 160].

Only unique corpus of languages could be “language situation”. The languages are unique not only because of the close contact between the language societies, but also it attitude to the continuum of communication in this society and to each other. The languages could be used in every spheres of communication in the single country

or its region and belong to the one functional type being in equal relations between them.

The languages could divide the continuum of communication on non-equal parts creating hierarchical relations between them and belonging to different functional types (as for example, many African countries).

The second type of the relations concerns the languages, serving to one society, and the language subsystems, serving to mono-language society. according to this there are two groups of language situations: exoglossia (corpus of languages) and endoglossia (corpus of subsystems of one language).

This way in general the language situation could be described as the system of language systems and subsystems, social and functional dispersed and being in hierarchical relations, which exist and interact in the ethnic society or in the administrative and territorial union, and the members of the language groups follow some social rules [4: 51].

Speaking about this Africa could be very interesting for the scientists because there are more than a quarter of all languages.

It's hard to make a complete classification of the languages because of large variety in language picture of Africa. Lots of scientists mark that at this moment African studies can't provide an exhaustive knowledge in this sphere; there are many regions when the information about them too poor and the facts are too random to use them [9: 34].

Another difficulty is the variety of the names of some closely-related nations and their languages, created by their-selves and it's also impossible at this moment to divide the languages and dialects of many language groups.

The language situation in Africa has at first the ethnic basis: usually single language is attached to single nation. There is no a complete coincidence but still it gives a reason to speak about ethnic-language situation in this region. From one hand there are languages used by many nations, and from other hand there are nations which use not only one language. It's also an important feature of the language situation in Africa that the languages have many dialects [6: 92-93].

The language situation changed when Africa became a European colony. During this process the colonists was making borders without taking into account ethnic and language difference.

According to the opinion of V. T. Klovov bilingualism and multilingualism in this region have not psychological but historical basis. Africans speak many languages not because of psychological reasons but because of their history. Usually the second language gravely differ from native language [5: 57].

This pressure of the European languages, as well as social pressure, decreased the local languages. The European languages (as everything which came from Europe) are more valuable than unappreciated African languages, even if its using not match for current situation. The definition of elites is also depend on the education and the level of possession of the European language. It was necessary for big part of people to learn French (English in other parts) because this language became the single language used in administrative spheres, education, information, industry. [4: 52-53]

Some scientists mark an existence of so-called triglossia (or double diglossia) in African countries: languages of interior ethnic communication; languages of interethnic communication and African languages; European languages.

According to J. Bagana triglossia means the language situation when each language in group (one of them is adopted world language) has equal functions [2: 58].

It's important that the social status of European language in Africa is privileged not only because of obtrusion of language during colonization, but also because of poor level of development of local languages which were not able to carry out some communicational functions. There was another problem after gaining an independence - between all autochthonic languages which of them it would be better to choose as an official. It's also a national question and this time European languages not only serve for communication and bring a modern culture; they serve to unite African nations [4: 53].

The process of historical development in Africa is still interesting for scientists. The question of language situation here is still open. This region gives a lot of material to look though the process of changing the language and also culture as well.

References

1. African cultures in the world civilizational process [text] – M.: pub. Vostochnaya literature RAS., 1996. – 335 p.
2. Bagana J. The European language in Africa (sociolinguistics and linguo-cultural especial features of French in Congo) [text] / J. Bagana // R. V. T. Klokov. – S.: pub. Saratov., 2003. – 192 p.
3. Basis of the theories of communication [text] : manual // R. M. A. Vasilik. – M.: Gardariki, 2003. – 615 p.
4. Khapilina E.V. Contacts of the European languages on the territory of Africa: on the material of English adoptions in African versions of French [text] : dis. Ph. D. of Philological Science : 10.02.19 / Elena Vladimirovna Khapilina. – S., 2005. – 161 p.
5. Klokov V. T. Special course of Romania philology. Collection of educational-methodical materials [test] / V. T. Klokov. – S., 2003. – 128 p.
6. Klokov V. T. French language in Africa [text] / V. T. Klokov. – S., 2000. – 284 p.
7. Samoylova M. N. Language situation and language policy in modern society [text] / M. N. Smoylova. – V.: pub. Vestn. Volgogr. Nat. univ. Ser. 2, ling., 2009. №1 (9). – p. 160-165
8. Terms and conceptions in linguistics: common linguistics. Sociolinguistics: dictionary [internet resource] / T. V. Jerbilo. – N.: pub. ООО “Pilgrim”, 2011 URL: http://sociolinguistics_dictionary.academic.ru/910/Языковая_ситуация (23.03.2016)
9. Vinogradov V. A., Koval A. I., Porkhomovsky V. Y. Sociolinguistics typology: West Africa [text] / V. A. Vinogradov, A. I. Koval, V. Y. Porkomovsky. – M.: pub. Nauka., 1984. – 128 p.

Печий И.Н.
НИУ «БелГУ», Россия

ДВУЯЗЫЧИЕ И ДИГЛОССИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЛИЯНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА ЯЗЫКОВУЮ КАРТИНУ ГАБОНА

В статье анализируется процесс формирования языковой картины Габона. Приводятся факты из истории страны. Вместе с тем, исследуется уровень влияния французского языка и появление двуязычия. В рамках этого исследования изучаются явления двуязычия и диглоссии на материале различных ученых, как отечественных, так и зарубежных.

Ключевые слова: Габон, двуязычие, билингвизм, диглоссия, языковая картина, французский язык, франкофония.

Pechy I.N.
Belgorod National Research University, Russia

BILINGUALISM AND DIGLOSSIA AS THE RESULT OF THE INFLUENCE OF FRENCH ON THE LANGUAGE PICTURE OF GABON

This article analyzes the process of development of the language picture of Gabon. There are some historical facts. It also analyzes the level of influence of French and the appearing of bilingualism. As the part of this analyze this article also look through the terms “bilingualism” and “diglossia” using the works of different scientists.

Key words: Gabon, bilingualism, diglossia, language picture, French, Francophonie.

В настоящее время официальным языком в Габоне является французский. Всего же в государстве насчитывается 41 язык. На оставшиеся языки приходится значительно меньше – по несколько тысяч человек, что составляет незначительный процент [8].

Изначально, на территории современного Габона проживали пигмеи. Языковая картина начала меняться в X-XIII вв., когда началась миграция племен банту к побережью. На востоке и юге расселилось племя теке (батеке). Языком батеке является китеке, относящийся к языковой семье банту. на севере – мпонгве. На севере региона образовалось племя мпонгве, также относящееся к группе банту. Язык – мпонгве, возможно, диалект языка мьене. В XIX в. пришло племя фанг. Оно оттеснило местных жителей, став при этом самой многочисленной этнической группой населения страны. Язык фанг относится к северо-западной (бебондной) подгруппе языковой группы банту бенуэ-конголезской семьи нигеро-конголезской макросемьи языков [9].

Большим лингвокультурологическим сдвигом можно считать появление племени орунгу в дельте реки Огове в н. XVII в. и последующее создание ими Королевства Орунгу (1700-1927 гг.). Языком племени был мьене, аналогичный языку племени мпонгве, которое было вытеснено из данного региона. Основной причиной возникновения данного государства были развивающиеся отношения со странами Европы, в частности – торговля. Орунгу занимались экспортом слоновой кости, черного дерева, железа и т.д. Помимо этого, некоторая роль

отводилась трансатлантической торговле рабами. Экспорт в данной области приобрел значительные масштабы только в к. XVIII в. Отношение европейцев к государству во многом не было негативным. Что же касается орунду, они были привержены собственной культуре. Следствием стало позднее слабое приобщение к европейскому образованию и слабое участие в управлении колонией и постколониальной политике Габона. Упадок пришелся на к. XIX в., в 1873 г. значительная часть была отдана французским колонизаторам, а в 1927 г. остатки королевства также стали французской колонией [5].

Что же касается влияния французской культуры, то начало приходится на 1839-1940 гг. это были влияние как лингвистическое, так и лингвокультурологическое. В данном регионе использование французского языка наиболее распространено именно в Габоне [10].

По данным ученых всего в Габоне насчитывается 63,12 % франкофонов [4: 85]. Из локальных языков можно выделить три самых значимых: фанг, мбере и сира. Каждым из них владеет 25-30% населения. Практически все население Габона является двуязычным (мультиязычным) [8].

В процессе колонизации французский язык вытеснил местные в религиозной сфере [6: 612], политике и экономике [6: 608 – 609]. С момента получения независимости в 1960 г. правительство Габона проводит образовательную реформу, ориентированную также на французскую систему и французский язык [7: 30].

Что же касается местных языков, они поддерживают традиции, и используются в духовных делах, ритуалах, массовой культуре и т.д. В исключительных случаях региональные власти допускают официальное использование габонского языка. Помимо этого, локальные языки используются в распространенных здесь традиционных африканских религиях, тесно связанных с этническим языком [6: 612]. Вместе с тем, локальные языки занимают большое место в институте семьи [8].

Из данных, приведенных выше, можно заключить, что существует некоторое разделение функций языков. Не смотря на то, что официальным языком является только французский, региональные языки не исчезли полностью. Таким образом, можно говорить о диглоссии в данном регионе. В соответствии с определением С.А. Фергюсона, диглоссией является две или более разновидности одного и того же языка, которые используются говорящими при различных обстоятельствах, или две разновидности языка, одновременно существующие в одном коллективе, каждой из которых отводится определенная роль [3: 116]. При этом одна разновидность может обладать более «высоким» статусом, а другая – более «низким» [2: 67].

Американский социолингвист Дж. Фишмана, рассуждая о билингвизме и диглоссии, говорит о трех типах их взаимодействия: билингвизм, диглоссия и сочетание билингвизма и диглоссии. В соответствии с таким делением, Габон можно отнести к третьему типу – сочетание билингвизма и диглоссии. Так, значительная часть населения может оперировать более чем одним общественно признаваемым кодом, при этом имеется не только

функциональное распределение между кодами, но и согласие относительно того, что один из них должен оцениваться выше, чем другой [2: 67].

Для описания языковой ситуации в Габоне можно также обратиться к определению Владимира Беликова. Ученый говорит о диглоссии в современной лингвистике, как о форме владения двумя самостоятельными языками (подсистемами одного языка), при которой эти языки (подсистемы) функционально распределяются. Например, в официальных ситуациях используется официальный (государственный) язык (в многоязычном обществе) или литературная форма национального языка (в одноязычных обществах). В бытовых, повседневных ситуациях, в семейном общении применяются другие языки, не имеющие статуса официальных или государственных, иные языковые подсистемы — диалект, просторечие, жаргон [1: 59]. Что касается языков Габона, то здесь французский язык вытеснил местные именно в официальных сферах, оставив локальным языкам лишь бытовые ситуации. Исходя из этого, можно говорить о том, что Габонской Республике присуще не просто двуязычие, а диглоссия.

Тек же, несмотря на официальный статус французского языка, начиная с 1970 гг. правительство Габона финансирует исследования языков банту.

Лингвистическая ситуация в Габоне остается не однозначной. Длительная история формирования языковой картины Габона порождает множество вопросов, связанных с взаимодействием языков в данном регионе.

Литература

1. Беликов В.И. Социоллингвистика: учеб. для вузов [текст] / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 439 с.
2. Блажевич Ю. А. Лексическая интерференция в условиях языкового контакта (на материале языка русских эмигрантов в Португалии) [текст] / Ю. А. Блажевич. – Б., 2011. – 170 с.
3. Швейцер, А.Д. Современная социоллингвистика [текст] / А.Д.Швейцер. – М., 1977. – 208 с.
4. Couvert Cl. Synthèse Afrique équatoriale francophone [текст] // Commissariat général de la langue française/ Institut de Recherches sur l’Avenir du français. – 1984.
5. Gray, Christopher J. (2002). Colonial Rule and Crisis in Equatorial Africa: Southern Gabon, CA. 1850—1940. Rochester: University of Rochester Press. pp. 304 Pages.
6. MOUSSIROU-MOUYAMA A., DE SAMIE TH. La situation linguistique du Gabon [текст] // D. de Robillard / M. Beniamino Le français dans l'espace francophone. – Paris champion, 1996. – tome II.
7. Principaux resultants // RPGH (recensement général de la population et de l’habitat). – Bureau des recensements, du 1er au 31 juillet 1993.
8. Lewis, Paul M., Gary F., Charles D. Fenning (eds.) / Ethnologue: Languages of the World, Nineteenth edition // Dallas , Texas. – 2016. – (<http://www.ethnologue.com/country/GA/languages>)
9. <http://www.worldtravelguide.net/gabon>
10. <http://www.nationbynation.com/Gabon/History1.html>

Ромашина О.Ю.

к.ф.н., доц., НИУ «БелГУ», Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕИФИКАЦИЯ ЭМОЦИЙ И ЧУВСТВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В работе рассматриваются особенности процесса реификации эмоционально-чувственных конструкторов в английском и русском языках, уточняется содержание терминов «реификация» и «гипостазирование», устанавливаются основные случаи семантической конвергенции и дивергенции реификаторов эмоций и чувств в английской и русской языковых культурах.

Ключевые слова: реификация, реификатор, гипостазирование, лингвистическая объективация.

Romashina O.Yu.

Belgorod National Research University, Russia

LANGUAGE REIFICATION OF EMOTIONS AND FEELINGS IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

The article deals with the cases of emotional reification in the Russian and English languages. The terms of «reification» and «hypostasizing» are determined, the main cases of semantic convergence and divergence within the Russian and English reificators of emotions and feelings are analyzed.

Key words: reification, reificator, hypostasizing, linguistic objectivation.

Исследуя процесс объективации эмоционально-чувственной картины мира в языке, мы встретили весьма интересный феномен, который, скорее, можно отнести к разряду психологических, нежели лингвистических. Однако возможность обнаружить большинство эмоций и чувств связана именно с лингвистическими особенностями их объективации, а, следовательно, существует некий процесс, способный гипостазировать эмоционально-чувственную сферу, вывести ее на уровень непосредственного восприятия и наблюдения. В данной статье мы предлагаем использовать термин *реификация*, понимая под ним процесс объективации эмоционально-чувственных конструкторов на языковом уровне в определенных *реификаторах*, то есть таких лингвистических единицах, семантика которых способна вызвать у реципиента определенное эмоциональное состояние или чувство.

Цель настоящего исследования – рассмотреть особенности процесса реификации эмоционально-чувственных конструкторов в английском и русском языках и установить основные случаи семантической конвергенции и дивергенции реификаторов эмоций и чувств в английской и русской языковых культурах.

Онтология процесса реификации близка к онтологии процесса гипостазирования, который представляет собой «наделение самостоятельным существованием в пространстве и времени абстрактных сущностей – признаков

и классов» [1] и нередко относится к логической (семантической) ошибке. Понимая и принимая классический подход к пониманию гипостазирования и реификации как ошибочного овеществления чувственно невоспринимаемых объектов, мы в то же время разделяем и поддерживаем мнение ученых о том, что в гуманитарных исследованиях их присутствие эпистемологически оправдано. Это обусловлено особой природой объектов гуманитарных исследований по сравнению с объектами естественных наук и «предполагает переосмысление многих традиционных для науки когнитивных форм и развитие эпистемологии, специфицирующей методы и принципы, критерии оценки и оправдания знания» [2]. Несмотря на то, что процессы реификации и гипостазирования онтологически конвергентны, в нашем понимании, их основное отличие заключается в том, что реификация объективирует абстрактные сущности в реальных материальных объектах, в то время как гипостазирование лишь утверждает реальное существование определенного абстрактного объекта. В лингвистике реификаторами абстрактных феноменов выступают языковые единицы.

Рассмотрим особенности процесса реификации эмоционально-чувственных конструкторов в русском и английском языках.

И в русском, и в английском языках мы находим реификаторы, например, чувства обоняния. Изучение процесса реификации запахов в русском, и в английском языках привело нас к выводу о том, что в них вообще отсутствуют «самостоятельные» единицы, которые реифицировали бы только данное чувство и более никакой другой объект. Семантика реификаторов запахов построена в основном на метонимических переносах, в основе которых лежит процесс объективации ряда синестетических конструкторов [3]. Наиболее распространенной по количеству представленных в языках примеров является реификация конструктора «Вкус – Запах»:

1) Англ.: *bitter-sweet smell; salty tang; sour smell;*

2) Рус.: *сладко-горький аромат; соленый запах; кислый запах.*

Подобный конструктор реализуется и в метонимических реификаторах запаха, в последнем случае процесс реификации наиболее интенсивен и вызывает даже некие вкусовые ассоциации у реципиентов:

3) Англ.: *the smell of freshly baked apple pie; smells of caramel; smell of cut grass;*

4) Рус.: *сладкий запах скошенного сена, запах малины, запах мандаринов.*

Интересно сопоставление реификаторов конструктора «Осязание – Запах», где запах реифицируется на основе метафорического переосмысления чувства осязания:

5) Англ.: *moist (wet) smell* (в русском не употребляется «мокрый запах»); *dry smell* (выражение «сухой запах» в русском используется очень редко, практически не употребляется).

Подобную дивергенцию можно объяснить тем, что в основном данные реификаторы встречаются в специальном мореходном жаргоне, который значительно шире представлен в разговорном английском языке, чем в

разговорном русском. Семантическая конвергенция у реификаторов данного конструкта наблюдается в следующих примерах:

6) Англ.: *pungent smell*. – Рус.: *острый запах*. Интересно, что в случае с переводом сочетания «*mild smell*» чаще используется замена «*легкий запах*», а не калькирование «*мягкий запах*». Подобные сопоставления представляют собой случаи частичной семантической дивергенции у реификаторов эмоционально-чувственных конструктов.

Семантика значительного количества английских и русских реификаторов чувства обоняния отражает психологический процесс эмоционального переживания вызываемых ощущений:

7) Англ.: *exciting smell; frightening smell; comforting smell, sad smell*.

8) Рус.: *волнующий запах; пугающий запах; успокаивающий запах; омерзительный запах*.

В русском языке мы не встречаем реификаторов конструкта «Эмоция – Запах», типа «*печальный (радостный) запах*», а в английском подобные реификаторы встречаются более рекуррентно, например: «*sad smell*».

Процесс реификации прослеживается и на примере других эмоционально-чувственных конструктов: «Цвет – Звук», «Цвет – Вкус», «Звук – Вкус», «Осязание – Цвет», «Эмоция – Цвет», «Эмоция – Звук» и т.д. Поскольку в рамках настоящей статьи рассмотреть все случаи реификации эмоционально-чувственных конструктов не представляется возможным, подведем итоги и покажем основные случаи конвергенции и дивергенции семантики реификаторов данных лингвокогнитивных феноменов в русском и английском языках.

Конвергенция семантики реификаторов наблюдается в случаях реификации конструкта «Осязание – Эмоция (Чувство)», где элемент, реифицирующий температуру или иное качество материи, и элемент, реифицирующий эмоциональное состояние или чувство, находятся в отношениях полной семантической эквивалентности в английском и русском языках:

9) Англ.: *Burning grief*. – Рус.: *Жгучее горе*.

10) Англ.: *Hot love*. – Рус.: *Горячая любовь*.

11) Англ.: *Cold rage*. – Рус.: *Холодный гнев*.

Подобные примеры, иллюстрирующие случаи полной конвергенции семантики эмоционально-чувственных реификаторов, достаточно распространены в русском и английском языках, что свидетельствует, на наш взгляд, об определенной универсальности представления эмоционально-чувственных конструктов в языках различных типов, о единстве процесса отражения эмоционально-чувственной картины мира в языковом сознании представителей разных языковых культур.

Несмотря на достаточное количество примеров, иллюстрирующих сходство процесса реификации в двух языковых культурах, имеют место и случаи частичного или полного расхождения в семантике реификаторов эмоций и чувств:

12) Англ.: *burning as whisky; cherry-red*.

13) Рус.: *медово-желтый; медовый характер; сливочно-розовый.*

Подобные случаи дивергенции обусловлены особенностями русской и английской культур, наличием определенных реалий в каждой из них, экспрессивных вкусо-цветовых или осязательно-цветовых прототипичных конструктов, таких как «мед», «сливки» для русского языка и «cherry», «whisky» для английского языка.

Еще одним примером семантической дивергенции у реификаторов эмоциональных состояний является разное ассоциативное наполнение лексем-реификаторов. Так, в русском языке «горячий» ассоциируется с интенсивностью эмоционального состояния или чувства (так же как и в английском «hot love»), однако в английском языке реификатор «hot» «подтягивает» к себе еще и эмоциональный конструкт «злость»: *to be hot* – злиться; *to be hot under the collar* – «горячо под воротничком, злиться».

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу о том, что и русская, и английская языковая культура изобилует множеством реификаторов эмоционально-чувственных конструктов, имеющих как сходную, так и различную семантическую структуру. Общность семантики реификаторов эмоций и чувств обусловлена универсальностью эмоционально-чувственной сферы личности в исследуемых языковых культурах, а также наличием в языках единиц, способных передавать эмоционально-чувственные конструкты с использованием одинаковых ассоциативных, перцептивных и оценочных средств. Расхождения в семантике эмоционально-чувственных реификаторов связаны с особенностями культуры в целом, например, с наличием (или отсутствием) в ней определенных реалий, способных реифицировать то или иное чувство, ощущение или эмоциональное состояние.

Литература

1. Левин Г.Д. Гипостазирование // Новая философская энциклопедия. Т.1. [Электронный ресурс] URL: <http://iph.ras.ru/elib/0790.html> (дата обращения: 02.04.2016).
2. Микешина Л.А. Эпистемологическое оправдание гипостазирования и реификации // Вопросы философии [Электронный ресурс] URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=236 (дата обращения: 02.04.2016).
3. Ромашина О.Ю. Специфика объективации синестетических конструктов в английском языке [Текст] // Научные Ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. - № 12 (107). – Вып.10. – 2011. – С. 139-145.

Тренина В.С.
(научный руководитель: д.ф.н., проф. Прохорова О.Н.)
НИУ «БелГУ», Россия

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ И ЯПОНОЯЗЫЧНЫЙ КОМПЬЮТЕРНЫЙ ДИСКУРС. СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ И ОСОБЕННОСТИ

Компьютерный дискурс — феномен, ставший предметом исследования лингвистов сравнительно недавно вследствие широкого развития компьютерных технологий и последовавших за ним значительных изменений в языке. Одной из его наиболее ярких характерных особенностей является использование так называемого компьютерного сленга, или нетспика — лексики, очень часто употребляющейся в рамках компьютеро-опосредованного общения. Настоящая работа нацелена на исследование этого нового языкового феномена в английском и японском языках, выявление его лингвокультурологических особенностей, а также сходств и различий в современном процессе развития компьютерного дискурса в английском и японском языках.

Ключевые слова: дискурс, сленг, компьютер, интернет, компьютерный сленг, компьютерный дискурс, английский язык, японский язык.

Trenina V.S.
Belgorod National Research University, Russia

THE DIFFERENCES AND SIMILARITIES OF THE CONTEMPORARY COMPUTER DISCOURSE DEVELOPMENT IN ENGLISH AND JAPANESE LANGUAGES

Rapid development of information technology in the 20th century resulted in great linguistic changes, which gave linguists reason to mark out computer discourse as a special type of discourse. Among its specific characteristic features computer slang must be mentioned. Computer slang (netspeak) is a type of slang which is used in computer-mediated communication very often. The research presented is aimed to investigate this new linguistic phenomenon in English and Japanese languages, to find its cultural and linguistic features and to expose the similarities and differences in the contemporary process of computer discourse development in English and Japanese languages.

Key words: discourse, slang, computer, Internet, computer slang, computer discourse, English language, Japanese language.

Растущая значимость компьютерных технологий как средства коммуникации явилась причиной цепи последовательных изменений в языке, что дало лингвистам повод выделять компьютерный дискурс как особый тип межличностной коммуникации. За последние два десятилетия компьютерный дискурс стал очень популярным объектом исследования. Ведётся изучение как специфики этого типа коммуникации в целом, так и частных проявлений его особенностей в различных языках. Среди исследователей, занимающихся проблемой компьютерного дискурса, в свете настоящей работы следует отметить в первую очередь Дэвида Кристала, посвятившего свои многочисленные работы изучению англоязычного компьютерного дискурса [Crystal 2001, 2011] и Юкико Нисимура, которая одной из первых занялась изучением японского компьютерного дискурса [Nishimura 2003, 2008].

Настоящая работа нацелена на исследование этого нового языкового феномена в английском и японском языках, выявление его лингвокультурологических особенностей, а также сходств и различий в современном процессе развития компьютерного дискурса в английском и японском языках. Компьютерный дискурс разделяет некоторые общие черты, не зависящие от языка коммуникации. Тем не менее, несмотря на значительное количество общих черт, японоязычный компьютерный дискурс существенно отличается от англоязычного, в особенности в том, что касается современных тенденций развития. Однако в связи с тем, что компьютерный дискурс является комплексным феноменом, которому присущи множество специфических особенностей, данное исследование сфокусировано исключительно на лексических особенностях, присущих компьютерному дискурсу – а именно на компьютерном сленге.

Компьютерный сленг (нетспик) – это тип сленга, использующийся в рамках компьютеро-опосредованного общения. Так как компьютерные технологии изначально зародились и быстрее всего развивались в англоговорящих странах, термины, связанные с этими технологиями, первыми появились в английском языке. Кроме того, английский – общепризнанный глобальный язык, на котором ведётся коммуникация между носителями совершенно разных языков, в том числе в процессе общения в Интернете. В связи с этим англоязычное пространство доминирует в Инетрнете по объёму.

В настоящем исследовании были рассмотрены словари англоязычного (около 4000 слов) и японоязычного (около 500 слов) компьютерного сленга. Для сбора лексического материала были использованы наиболее современные словари компьютерного сленга, в том числе доступные в инетрнете. В процессе анализа лексического материала были выявлены основные черты англоязычного и японоязычного компьютерного сленга. Также было обнаружено влияние англоязычного компьютерного сленга на японоязычный. После анализа лексического материала было проведено анкетирование носителей японского языка с целью собрать информацию о том, как именно используется японоязычный компьютерный сленг, в особенности тот, который был позаимствован из английского языка или образовался под влиянием англоязычного компьютерного дискурса.

Компьютерный дискурс и компьютерный сленг. Определения, происхождение и особенности

Интеграция компьютерных технологий в процесс межличностного общения в последние годы достигло столь высокого уровня, что это позволило лингвистам выделять особую среду, в которой проходит коммуникация посредством компьютерных технологий – инфосферу. Инфосфера (информация + сфера) – это совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений. Интернет представляет собой один из примеров инфосферы, хотя понятие инфосферы вовсе не ограничено исключительно онлайн-средой. Глобализация инфосфер различных стран

оказывает влияние на межличностную коммуникацию. Она создаёт особое коммуникативное пространство, в котором развивается новый тип дискурса – компьютерный дискурс.

Компьютерный дискурс (англ. СМС – computer-mediated communication) – это особый тип коммуникации, основная особенность которой заключается в том, что она происходит через посредство компьютерных технологий. У компьютерного дискурса есть некоторые общедискурсивные признаки, такие как динамичность, коммуникативность, социальная и культурная маркированность и другие.

Компьютерный Интернет-сленг, или нетспик – это лексика, используемая в рамках компьютерного дискурса. Ему присущи следующие характерные черты:

1) Тенденция к сокращению. Этому есть ряд причин. Во-первых, некоторые сайты и мессенджеры ограничивают лимит количества символов в сообщении очень небольшим числом. Во-вторых, так как Интернет предоставляет возможность общения в режиме реального времени, коммуникации в Интернете присущи некоторые черты устного общения, одной из которых является тенденция экономии речевых усилий.

2) Тенденция к конспирации. Компьютерные технологии стали доступны широким массам относительно недавно, в связи с чем они до сих пор наиболее популярны среди тех, кто выросли вместе с ними – детей и подростков. Поэтому они зачастую используются в качестве средства передачи определённой информации, которую подростки пытаются скрыть от взрослых. В таких случаях появляется специальный Интернет-жаргон, который зачастую впоследствии становится широко известным и повсеместно используемым.

3) Тенденция к широкому использованию каламбуров и шуток. Так как компьютерный сленг в основном используется молодыми людьми, ему присуща шутливость, характерная для любого молодёжного сленга.

Таким образом, компьютерному сленгу присущ определённый набор особенностей, не зависящий от языка общения. Однако есть и специфические особенности образования и использования компьютерного сленга, присущие определённым языкам. Следующая часть исследования посвящена описанию этих специфических черт англоязычного и японоязычного компьютерного сленга.

Англоязычный компьютерный сленг

Английский не только является первоначальным языком коммуникативного пространства Интернета, но также ещё и глобальным языком, наиболее распространённым в Интернете в настоящее время. Это ведёт к тому, что коммуникация – в том числе используемый коммуникантами компьютерный сленг – в неанглоязычных частях Интернета развивается под влиянием английского языка. Таким образом, для того, чтобы исследовать особенности японоязычного компьютерного сленга, необходимо в первую очередь изучить англоязычный компьютерный сленг.

Ранее нами был проведён количественный и качественный анализ состава словарей англоязычного компьютерного сленга на материалах нескольких

словарей компьютерного сленга, содержащих в общей сложности около 4000 лексических единиц. Анализ выявил некоторые специфические черты англоязычного компьютерного сленга: большое количество сокращений, конспиративный характер, а также обилие заимствований из других языков [Тренина 2014]. Однако ещё одной важной его чертой является то, что англоязычный компьютерный сленг активно заимствуется другими языками, в том числе японским.

Японоязычный компьютерный сленг и воздействие на него англоязычного компьютерного сленга

Японоязычный компьютерный сленг разделяет некоторые общие черты компьютерного сленга. Так же, как и англоязычному, ему присущи тенденции к сокращению и к конспирации. Однако у него есть и свои специфические черты:

1) Использование латиницы для написания аббревиатур японских слов. В японском языке есть своя особенная слоговая система письма, поэтому такой лингвистический феномен является абсолютно беспрецедентным. В результате него возникают, например, такие сленговые единицы: ku = kuuki yomenai (空気読めない). Этот процесс сходен с процессом аббревиации в англоязычном компьютерном сленге, однако нехарактерен для японского языка, что может служить доказательством факта влияния англоязычного компьютерного сленга на японоязычный.

2) Использование одновременно западных смайлов и японских каомодзи (kaomiji, 顔文字) – иконических изображений эмоций в рамках компьютеро-опосредованного общения. Японские каомодзи – ещё один не представленный в других языках феномен. Использование как обыкновенных смайлов, характерных для англоязычного компьютерного сленга, так и каомодзи, делает японоязычный компьютерный сленг уникальным в своём роде. Тем не менее, тот факт, что стандартные смайлы используются несмотря на наличие эквивалентов для них в языке, в очередной раз иллюстрирует значительное влияние англоязычной среды на японский компьютерный сленг.

3) Использование англоязычных заимствований. Заимствуются, например, следующие популярные лексические единицы: lol = laughing out loud (используется для передачи смеха); b/c = because. Это в очередной раз иллюстрирует инвазивность англоязычного компьютерного сленга по отношению к другим используемым в Интернете языкам, в данном случае к японскому.

4) Использование гяру модзи, японского эквивалента литспика. Например: ケイタイ = ケイタイ;]:メωネ = ごめんね. Здесь процесс изменения графической формы слов аналогичен английскому; таким образом, это также иллюстрирует влияние английского языка на японский.

5) Использование (гу – идзё рьяку (яп. 以上略 – «что-то вроде» в значении «и так далее»). Используется для сокращения длинных фраз: (гу помещается после минимального необходимого для декодирования объёма информации, после чего все последующие слова опускаются. Например:

今日はいいい天 k (ry = 今日はいいい天気ですね – «погода сегодня отл...» вместо «погода сегодня отличная, вы так не думаете?»)

Как мы можем заметить, анализ материала словарей японоязычного компьютерного сленга не только выявил специфические уникальные черты японского компьютерного сленга, но также отразил некоторое влияние англоязычного компьютерного сленга на японоязычный.

Современные тенденции развития японоязычного компьютерного сленга (по результатам анкетирования)

Так как сленг, и в особенности компьютерный сленг – это одна из наиболее динамично и непрерывно развивающихся областей языка, невозможно прийти к какому-либо стабильному заключению при проведении исследования без сбора наиболее актуальных данных от собственно пользователей этого сленга. Итак, для того, чтобы подтвердить или опровергнуть результаты анализа словарного материала, нами было проведено анкетирование среди студентов-носителей японского языка от 19 до 22 лет. В процессе анкетирования респондентам было предложено ответить на определённые вопросы: сколько часов респондент проводит в Интернете каждый день, каков его уровень владения английским языком, какие разновидности компьютерного сленга он использует чаще всего. Также респондентам были предложены вопросы, касающиеся их отношения к использованию компьютерного сленга: какие слова они считают наиболее грубыми, милыми или модными; стали бы они использовать компьютерный сленг при общении с преподавателями, родителями или друзьями; считают ли они употребление компьютерного сленга в общении вежливым и другие. Анкетирование показало следующие результаты:

1) Все участники опроса заявили, что используют каомодзи и считают, что каомодзи являются наиболее распространёнными в настоящее время из всех упомянутых разновидностей компьютерного сленга. Это может послужить иллюстрацией тенденции к эмоциональной маркированности, характерной для компьютерного дискурса.

2) По утверждению респондентов, они никогда не использовали гяру модзи. Если учесть, что гяру модзи, так же, как и литспик, были популярны несколько лет назад, результаты анкетирования показывают, что в японском компьютерном сленге происходит тот же процесс, какой происходил в английском в аналогичном случае: графическое кодирование гяру модзи сходно с кодированием литспика, и при этом литспик, как и гяру модзи, был популярен некоторое время назад, но вскоре практически перестал использоваться. Кроме того, идзё рьяку, аббревиатуры с использованием латиницы и использование цифр и других небуквенных символов вместо букв или слов также оказались наименее известными и наиболее редко используемыми, что может стать свидетельством сходного процесса.

3) Большинство респондентов сочли компьютерный сленг англоязычного происхождения (как смайлы, например, :D, так и заимствованную лексику, например, lol или ok) наиболее благозвучными и модными в настоящее время. Это ещё раз подчёркивает важность позиции англоязычного компьютерного сленга в неанглоязычных областях Интернета.

4) Большинство респондентов обоего пола заявили, что считают жару модзи наиболее грубой разновидностью компьютерного сленга, что в очередной раз иллюстрирует угасание популярности этого вида.

5) Большинство респондентов, независимо от пола, сочли использование компьютерного сленга невежливым. Никто из них не выразил готовности использовать компьютерный сленг при общении с преподавателем; большинство также заявили, что не стали бы использовать его при общении с родителями, старшими товарищами по университету или с руководящим персоналом на работе. Большинство из них, однако, признали, что непременно используют компьютерный сленг при общении с друзьями, одноклассниками или младшими товарищами. Это ещё раз доказывает, что компьютерный сленг является преимущественно молодёжным сленгом. Тот факт, что компьютерный сленг меньше используется по отношению к старшим поколениям, делает его для них ещё менее понятным, что усиливает его конспиративный характер.

В целом исследование показало преимущественно положительное отношение со стороны носителей японского языка по отношению к англоязычным заимствованиям, а также их желание использовать эти заимствования в повседневном общении в Интернете.

Таким образом, наше исследование выявило основные черты компьютерного сленга в целом и англоязычного и японоязычного компьютерных сленгов в частности. Так как компьютерный сленг до сих пор развивается достаточно быстро, данное исследование отражает особенности компьютерного сленга только на настоящем этапе его развития. Тем не менее, оно по-прежнему отражает базовые неизменные черты компьютерного сленга, а также для иллюстрации основных шаблонов формирования японоязычного компьютерного сленга и, соответственно, для предсказания дальнейшего хода его развития.

Литература

1. Crystal D. (2001) "Language and the Internet" *Cambridge: Cambridge University Press*
2. Crystal, D. (2011) "O brave new world, that has such corpora in it! New trends and traditions on the Internet" *Plenary paper to ICAME 32, 'Trends and Traditions in English Corpus Linguistics'*. Available: <http://www.davidcrystal.com/books-and-articles/internet-language>
3. Danet B., Herring S. C. (2007) "The multilingual Internet: Language, culture, and communication online" *Oxford, UK: Oxford University Press*
4. Nishimura Y. (2003) "Linguistic Innovations and Interactional Features of Casual Online Communication in Japanese" *Journal of Computer-Mediated Communication, Volume 9, Issue 1*. Available: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.2003.tb00356.x/full>
5. Nishimura Y. (2008) "Japanese BBS Websites as Online Communities: (Im)politeness Perspectives" *Language@Internet, 5, article 3*. Available: <http://www.languageatinternet.org/articles/2008/1520/nishimura.pdf>
6. Papershurikens (2013) "On Japanese Netspeak and Kaomoji" *Japanese Appreciation Club*. Available: <http://clubs.ntu.edu.sg/ntujac/index.php/2013/09/on-japanese-netspeak-and-kaomoji/>
7. はてなキーワード (2014) "(ryかつこあーるわい)". Available: <http://d.hatena.ne.jp/keyword/ry>

8. Тренина В. С. Сходства и различия современных тенденций развития русскоязычного и англоязычного компьютерного дискурса. [Текст] / В. С. Тренина // Англистика XXI века: материалы VII всеросс. межв. науч.-мет. конф. — Санкт-Петербург, 2014. — С. 280-284.

Использованные словари

1. Chat slang // Computer hope: free computer help and information. 2014. Available: <http://www.computerhope.com/jargon/c/chatslan.htm>
2. Computer Slang A B C. Available: http://www.englishbaby.com/lessons/3016/member_submitted/computer_slang_a_b_c
3. Cool cyberslang terms. Available: <http://www.planetpals.com/coolkidz.html#2>
4. Internet Slang Dictionary & Translator. Available: <http://www.noslang.com/dictionary/>
5. Text Messaging and Online Chat Abbreviations. Available: http://www.webopedia.com/quick_ref/textmessageabbreviations.asp
6. 「ネット王子」 - 5,000語以上の意味や元ネタ収録のネット用語辞典サイト. Available: <http://netyougo.com/>
7. ネットスラング | 若者言葉辞典～あなたはわかりますか?～. Available: <http://boresound.blog133.fc2.com/blog-entry-70.html>
8. ネットスラングの一覧とは (ネットスラングノイチランとは) [単語記事] - ニコニコ大百科. Available: <http://dic.nicovideo.jp/a/%E3%83%8D%E3%83%83%E3%83%88%E3%82%B9%E3%83%A9%E3%83%B3%E3%82%B0%E3%81%AE%E4%B8%80%E8%A6%A7>
9. ネット用語の意味辞典. Available: <http://imiimiimi.seesaa.net/>

Гэ Цзиншэнь

НИУ «БелГУ», Россия

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-СОМАТИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «HAIR/ВОЛОСЫ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья посвящена рассмотрению семантических особенностей фразеологизмов-соматизмов современного английского языка. В фокусе внимания находятся фразеологизмы-соматизмы с компонентом «hair/волосы», относящиеся к большой семантической группе соматизмов с фразообразующим компонентом «head/голова». Посредством компонентного, дефиниционного видов анализа и интерпретации словарных статей и источников фактических данных в статье становится возможным выявить специфику мотивированности и обусловленности значения рассматриваемых фразеологизмов и траектории развития их семантики.

Ключевые слова: фразеологизм, соматизм, фразообразующий компонент «волосы», современный английский язык.

Gje Czinshjen

Belgorod National Research University, Russia

SEMANTIC FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE SOMATIC COMPONENT HAIR IN MODERN ENGLISH

This article is devoted to the semantic features of phraseological units with the somatic component in modern English. The main focus is idiomatic expressions with the component *hair* belonging to a large semantic group of phrases with the somatic component *head*. Due to component, definitional analysis and interpretation of the entries in the dictionaries it is possible to identify the specifics of motivation of semantics of such phraseological units and the trajectory of their semantics development.

Key words: phraseological units, somatic components, the main component of the phrase *hair*, modern English.

Говоря о специфике британского лингвокультурного сообщества, здесь нельзя не отметить тот факт, что, как и все европейцы, англичане довольно традиционно интерпретируют семантику фразеологизмов-соматизмов, ассоциированных с понятием «*hair/волосы*». Проиллюстрируем данное обстоятельство на примерах фактического материала, которые подвергнем дефиниционному, компонентному анализу, интерпретации полученных данных. Для этого сначала обратимся непосредственно к описанию основного фразообразующего компонента «*hair/волосы*» и специфике его толкования в современном английском языке.

Итак, согласно лексикографическим источникам современного английского языка, слово *hair* трактуется как *the thin, thread-like parts that grow on your head* («тонкое образование на коже головы») и в таком случае оно непосредственно соотносится со словом *head* и как *one of the thin thread-like parts that grow on a person's or animal's skin* («тонкое образование кожи и тела человека»), что ассоциирует рассматриваемую лексему с волосистой частью тела человека и животного. Исходя из целей и задач настоящей работы, при выявлении ФЕ опираемся на первое определение слова *hair*, ассоциирующее его со словом «*hair/волосы*».

Сплошная выборка ФЕ из толковых словарей английского языка *The Longman Dictionary of Contemporary English Online*, *Macmillan Dictionary Online*, *Merriam-Webster Online Dictionary*, *Oxford Online Dictionary* [1-4] показывает, что наиболее рекуррентными устойчивыми словосочетаниями с компонентом-соматизмом «*hair/волосы*» являются следующие: *bad hair day*, *in one's hair*, *out of one's hair*, *full head of hair*, *hair of the dog (that bit you)*, *hair's breadth*, *hair slide*, *hide or hair*, *keep your hair on*, *let one's hair down*, *not turn a hair*, *split hairs*, *not a hair out of place*, *be tearing/pulling your hair out*, *get in somebody's hair*, *make somebody's hair curl*, *make somebody's hair curl*, *get/keep out of someone's hair*, etc.

Обратимся непосредственно к анализу структурных и семантических особенностей каждого из представленных ФЕ.

Итак, слово «*hair/волосы*» являясь фразообразующим в ФЕ *bad hair day*, *hair's breadth*, *hair of the dog (that bit you)* выступает в качестве определения. Так, ФЕ *bad hair day (used to indicate that one's hair is not looking neat <I'm having a bad hair day>)* [3] «все валится из рук» дословно означает, что человек не может сделать себе прическу по причине того, что «волосы его не слушаются». Такая «плохая прическа» является ключевым определением

отрицательного отношения к ситуации, что позволяет говорить о негативной коннотации ФЕ.

Фразеологизм *hair's breadth* (*a very small distance or amount : very close*) [3] обозначает «маленькое расстояние, незначительное количество чего-либо», является интенсификатором того или иного признака, что позволяет ему образовывать прилагательное путем слияния двух полноправных знаменательных слов *hairbreadth*. В своей основной традиционной графической форме фразеологизм встречается в таких предложениях как, например:

He came within a hair's breadth of winning the race [3].

Мотивированность семантики представленного фразеологизма вполне очевидна, поскольку дословно он переводится как «ширина волоса», что уже говорит о достаточно незначительном количестве чего-либо.

Следующая ФЕ *hair of the dog* (*that bit you*) (*an alcoholic drink that is taken by someone to feel better after having drunk too much at an earlier time*) довольно сложна для интерпретации без знания ее этимологии. В таком источнике как *Urban Dictionary* находим следующее пояснение *The phrase comes from the expression "hair of the dog that bit you", meaning that the best cure for what ails you is to have some more of it. In ancient times it was literally used to say that if a dog were to bite you, putting the dog's hair into the wound would heal it. "Like cures like". This hangover remedy is not recommended because a) it leads to a bad habit of drinking during the day and b) it doesn't really work very well. Still, this method works about as well as most other hangover remedies* [5]. В данном источнике сообщается, что рассматриваемый фразеологизм берет начало от классического выражения «подобное лечится подобным» и, соответственно, после тяжелого опьянения человека можно вылечить только некоторой дозой алкоголя, по резкости сравнимого с собачьим укусом. Такое выражение, его употребление характерно для устной речи, например:

Steve: Man, I'm really paying for all those keg stands I did last night.

Tony: Yeah, I'm hurting too. Hair of the dog?

Steve: Why not, man. We got a few beers left in the fridge [5].

Другая условно выделенная нами группа ФЕ по структурному признаку включает слово «*hair/волосы*» в качестве существительного в косвенном падеже. Опишем наиболее рекуррентные из них более подробно.

Итак, ФЕ *in one's hair* (*persistently and annoyingly in one's presence <can't work with you in my hair all day>*) [3] обозначает «надоедать, донимать, докучать» равно как и большинство ФЕ с рассматриваемым компонентом имеет отрицательную коннотацию и характеризует негативное отношение к человеку и его присутствию.

Идентичным значением обладает идиома *out of one's hair* (*out of one's way: not in one's hair <keep the children out of his hair for a while>*) [3] «не вмешиваться в чьи-либо дела», которая также своим значением эксплицирует отрицательное отношение к тем, кто путается под ногами. Оба представленных выражения является мотивированными номинациями, поскольку в дословном переводе относятся к нежеланию говорящего позволять кому-либо дотрагиваться до собственных волос, спутывать их и мешаться.

Синонимичными последнему с идентичной коннотацией являются выражение *get/keep out of someone's hair (to keep away from someone in order to avoid trouble or to avoid annoying them)* [2] «не мешайся, не путайся под ногами» и выражение *get in somebody's hair (informal to annoy someone, especially by always being near them)* [1], «мешаться, докучать кому-либо».

Дополнительным указанием не ничтожный размер опосредованно через упоминание волоса является ФЕ *hide or hair (informal : any sign of a particular person or thing. He hasn't seen hide or hair of his son since he went off to college. We haven't seen hide nor hair of a gas station.)* [3] «и след простыл», свидетельствующая об отсутствии мелких деталей, улики или следов какого-либо события.

Близким по значению с положительной коннотацией является выражение *split hairs (make small and overfine distinctions)* [4] «установить тонкие различия», поскольку в нем также акцентируется размер волос как маленького образования кожи головы или тела.

Парными можно считать противоположные по смыслу ФЕ *keep your hair on (British informal : used to tell someone not to become too excited or upset <Keep your hair on. We'll get there on time.>)* [3] и *let one's hair down (informal : to relax and enjoy oneself <We work hard all week, so when Friday comes we like to let our hair down a little and have some fun.>)* «не расстраивайся, не опускай рук» и «отдохни, расслабься», соответственно. Оба выражения, как правило, сопровождают императивные высказывания, имеют больше положительную коннотацию и не содержат негативное отношение, а, скорее, сочувственное.

Употребление слова «*hair/волосы*» в качестве фразеобразующего элемента также возможно в ФЕ при описании сильных эмоций или потрясений. В частности, об отрицательных эмоциях говорит выражение *be tearing/pulling your hair out (to be ve.,ry worried or angry about something, especially because you do not know what to do)* [1] «рвать на себе волосы от» и *make somebody's hair curl (if a story, experience etc. makes your hair curl, it is very surprising, frightening, or shocking)* [1] «волосы закручиваются» от эмоций удивления, шока или страха. Несмотря на тот факт, что последняя ФЕ сама по себе не несет ярко выраженной отрицательной коннотации, она актуальна для описания целого диапазона чувств, только самых сильных, результатом которых являются именно такая реакция.

Равнодушие, несклонность принимать ситуацию близко к сердцу подчеркивается ФЕ *not turn a hair (remain apparently unmoved or unaffected)* [4], дословно передаваемой на русский язык как «не пошевелил волосом», свидетельствующей о невозмутимости человека при переживании сильного эмоционального потрясения. Такая фразема несет в себе скорее положительную коннотацию и говорит о стрессоустойчивости.

Внешние характеристики и внутренние качества человека описываются ФЕ *not a hair out of place (used to convey that a person is extremely neat and tidy in appearance)* [1] «все волосы на своем месте», то есть «все по полочкам, в полном порядке» имеет положительное оттеночное значение, характеризует внешний вид человека и его опрятность.

Положительной коннотацией также обладает ФЕ *not harm/touch a hair of/on somebody's head (to not harm someone in any way)* [1] «не тронуть даже волоса на голове» говорит о бережном отношении к какой-либо персоне, намеренной защите того или иного человека.

Подытоживая рассмотрение ФЕ с фразообразующим компонентом «волосы» в современном английском языке, отметим, что большинство из представленных выражений выступают в качестве мотивированных номинаций, имеющих положительную и отрицательную коннотацию. Все они структурно могут быть разделены по принципу функционирования фразообразующего элемента в качестве определения и в качестве существительного в косвенном падеже. Однако данное обстоятельство требует дальнейшего описания посредством применения комплекса лингвистических методов, что выносится на перспективу настоящего исследования.

Литература

1. The Longman Dictionary of Contemporary English Online [Electronic Resource] // Pearson PLC, 2016. – Mode of Access: <http://www.ldoceonline.com/>
2. Macmillan Dictionary Online [Electronic Resource] // Macmillan Publishers Limited 2009–2016. – Mode of Access: <http://www.macmillandictionary.com/>
3. Merriam-Webster Online Dictionary [Electronic Resource] // Merriam-Webster, Incorporated, 2015. – Mode of Access: <http://www.merriam-webster.com/>
4. Oxford Online Dictionary [Electronic Resource] // Oxford University Press, 2016. – Mode of Access: <http://www.oxforddictionaries.com/>
5. Urban Online Dictionary [Electronic Resource] // Urban Dictionary, 1999-2016. – Mode of Access: <http://www.urbandictionary.com/>

Яковлева Е.С.

НИУ «БелГУ», Россия

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОННОТАТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛЕКСЕМЫ «ОВЦА\БАРАН» В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается национально-культурная специфика лексемы «овца\баран». Исследование проводится на материале фразологизмов в русском, английском и китайском языках, так как фразеологизмы наиболее ярко отражают национально-культурную специфику картины миров, позволяют говорить о коннотативных особенностях и ценностных ориентирах народов Европы и Азии. В статье выявляются универсальные и национально-специфические особенности семантики лексемы «овца\баран».

Ключевые слова: национально-культурная специфика, коннотация, зоонимы, фразеология

Iakovleva E.S.

Belgorod National Research University, Russia

CHARACTERISTIC OF CONNOTATION FEATURES OF LANGUAGE UNIT “SHEEP” IN THE RUSSIAN, ENGLISH AND CHINESE LANGUAGES

The national cultural specificity of the language unit “sheep” is examined in the article. The research is based on phraseology in the Russian, English and Chinese languages so far as phraseology contains the most vivid representation of the national-cultural specificity of world view, connotative features and values peoples in Europe and Asia. The universal and national specific features of semantics of the present units in the three languages are revealed in the work

Key words: zoonyms, phraseology, national cultural specificity, zoonyms

Естественный язык - одно из величайших и таинственных сокровищ нашей цивилизации, своего рода путь, который связывает нас с прошлым, помогает предсказывать будущее, и связывает с настоящим. Фразеологизмы (поговорки, пословицы, идиомы) представляют особую ценность, по общепризнанному мнению, именно во фразеологизмах запечатлен исторический опыт народа, представления о быте, культуре, труде, животном и растительном мире, они создают языковую картину народов мира. Н.М.Шанский отмечает: «Именно в языке, в его лексическом и фразеологическом фонде находят отражение национальный характер, психический склад народа, его история и культура» [5].

Прежде всего необходимо дать определение основным терминам, которые будут использоваться в данной работе, так как в настоящее время многие термины являются спорными и различными учеными понимаются по-разному.

Итак, Большой Энциклопедический словарь дает следующее определение фразеологизма (фразеологической единицы, идиомы) - это выполняющее функцию отдельного слова устойчивое словосочетание, значение которого невыводимо из значений составляющих его компонентов [1].

Под зоонимом в данной работе понимается «лексико-семантический вариант слова, выступающий в качестве родового названия животного, и метафоричное именование при анализе лексики с точки зрения характеристики человека» [2: 12].

Вопросы изучения национально-культурной специфики фразеологизмов отражены в работах В.Н.Телия, Д.О.Добровольского, А.М.Мелеровича и других филологов.

В процессе исследования были собраны фразеологизмы русского, английского и китайского языков, в которых содержится зооним «овца\баран» и проанализированы на предмет коннотативной семантики.

В русском языке было найдено 11 фразеологизмов, из них 3 включали зооним баран, 8 - «овца», в английском языке 5 отмечено фразеологических оборотов содержащих лексему sheep, в китайском лексема 羊 была обнаружена в 9 идиомах.

Во-первых, рассмотрим толкования, данные в толковых словарях, для определения универсальных семантических черт фразеологизмов, содержащих лексему «овца\баран»

Рус. Овца - домашнее парнокопытное жвачное животное семейства полорогих. Произошла от диких горных баранов (муфлонов и архаров).

Разводят ради шерсти, мяса, молока, шкур (смушки, овчины). Плодовитость 100-250 ягнят на 100 маток [1].

Англ. Sheep A domesticated ruminant mammal with a thick woolly coat and (typically only in the male) curving horns. It is kept in flocks for its wool or meat, and is proverbial for its tendency to follow others in the flock.

Used with reference to people who are too easily influenced or led

A person regarded as a protected follower of God. [With biblical allusion to Luke 15:6] [6].

Кит.哺乳物。常见的有山羊，绵羊等家畜。毛，皮，骨，角都可作工业上原料，肉和乳供食用。黄羊，藏羚羊等为国家保护动物。[7].

Сравнивая толкования языковой единицы «овца\баран» в трёх данных языках, приходим к выводу, что, бесспорно, овца понимается носителями русского, английского и китайского языков, прежде всего, как домашнее животное, которое используются человеком в промышленных целях. Однако, Oxford English dictionary также дает ссылку на евангельские события, а так же на метафорический образ.

Несмотря на достаточно сухое толкование словаря «Синхуа», в Китае баран (овца) является одним из 12 символов гороскопа и 8-е животным по двенадцатиричному циклу, олицетворяет добро, счастье. В коллективистской культуре, какой является китайская, овца выступает как идеальный член коллектива, который хорошо подчиняется, терпелив, вынослив.

Иероглиф羊(баран), несет благоприятный смысл, и используется как ключ в составе таких иероглифов как 美 красивый, 着 быть на связи, 羚антилопа и др.

В русском и английском фразеологическом фонде зооним овца/sheep, несмотря на несомненную полезность для человека, наоборот, является символом кротости и безропотности (аллюзии на Библейские события), робости, глупости и безвольности.

Англ: *Of course not - everyone feels sorry for him, but we don't wander round beating our chests and wailing like the easily led sheep of Liverpool do...*

Рус: *Через два с половиной месяца Владимир Ильич прибыл на место ссылки, в село Шушенское, получил от енисейского губернатора извещение, что ему будет выдаваться восемь рублей в месяц на содержание, одежду и квартиру ("с паршивой овцы хоть шерсти клок", — говорил Владимир Ильич), и сел за работу (Н. Вирта, "Вечерний звон").*

Многие русские, английские и китайские фразеологизмы построены на противопоставлении овцы другим животным:

рус. волк в овечьей шкуре, англ. wolf in sheep's clothing (букв. 'волк в одежде овцы');

рус. не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел

англ. to sort out/to separate the sheep from the goats (букв. 'отделять овец от козлищ') – 'отделять важное от второстепенного'.

рус. И овцы целы, и волки сыты

кит. 挂羊头卖狗肉 guà yángtóu mài gǒuròu (букв. висит баранья голова, а продают собачатину) – обмануть, облапошить.

Чэньюи, фразеологизмы, состоящие из 4 иероглифов, также построены на противопоставлении животных:

羊入虎口 yáng rù hǔ kǒu (букв. "овца попала в пасть тигра") – об очень опасной ситуации.

饿虎扑羊 è hǔ pū yáng (букв. голодный тигр набрасывается на овцу) – голод – не тетка.

Тем не менее, мы можем наблюдать и положительную коннотацию, аллюзии на Библейские события, притчи Иисус Христос, родившегося в овечьем стойле, находят отражение в русских и английских фразеологических единицах: Например:

Рус. заблудшая овца "Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? и если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся," – говорится в Евангелии от Матфея.

Англ. The church is not merely an organisation; it comprises the sheep for whom Christ died. But, above all, he was one of the lost sheep whom the Lord Jesus Christ sought out and saved

Таким образом, рассмотрев фразеологизмы английского, русского и китайского языков с компонентом-зоонимом sheep/овца/羊, было выявлено, что семантика фразеологических единиц в соответствии со сложившейся культурной традицией отражает национально-специфичные особенности восприятия действительности. Зооним sheep/овца/羊 один из самых ярких и продуктивных во фразеологическом фонде исследуемых языков.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь www.vedu.ru/bigenctic/ [Дата обращения: 01.02.2016]
2. Галимова, О.В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков): Дис. ...канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – С. 3-18.
3. Китайский онлайн словарь - Zhonga.ru URL: www.zhonga.ru [Дата обращения: 01.02.2016]
4. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. 3-е изд., стереотип. - М.: Русский язык, 1978.
5. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка.- М.: «Русский язык», 1979
6. Oxford Dictionaries. Language Matters. URL: www.oxforddictionaries.com [Дата обращения: 01.02.2016]
7. 新华字典 (大字本) / - 10版。 - 北京: 商务印书馆, 2004

Секция 7
«МЕТОДИЧЕСКИЕ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ»

Белошапкина Т.В.

д.ф.н., доц., Московский городской педагогический университет, Россия

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК НЕРОДНОЙ: ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И
ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ УЧЕНИЯ О ЧЛЕНАХ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ КЛАССАХ

Несовпадение русской и таджикской языковой картины мира, несовпадение «наивной» и «научной» картины мира влияют на преподавание учения о второстепенных членах предложения в полиэтнических классах. Предлагается ввести универсальные параметры для объяснения принципов выделения второстепенных членов предложения: обязательность /необязательность, предсказуемость /непредсказуемость, смысловые отношения, использование предлога.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, таджикская языковая картина мира, «наивная» и «научная» картины мира, учение о второстепенных членах предложения, полиэтнический класс.

Beloshapkova T.V.

Moscow City Teacher Training University, Russia

RUSSIAN AS SECOND LANGUAGE: LINGUISTIC WORLD-IMAGE AND
PARTICULARITY OF TEACHING THE THEORY OF SENTENCE
MEMBERSHIP IN THE POLYETHNIC CLASS

Differences between Russian and Tadjik linguistic world-images, differences between the folk and scientific world-images have influence on teaching the theory of subordinate members of the sentence in the polyethnic classes. It is proposed to use universal parameters to clarify the principals of accentuation the subordinate members of the sentence: obligatoriness/ non-obligatoriness, predictability/ non-predictability, semantic relations, preposition usage.

Key words: Russian linguistic world-image, Tadjik linguistic world-image, folk and scientific world-images, teaching the theory of subordinate members of the sentence, polyethnic class.

Преподавание русского языка как неродного в настоящее время получило еще одну форму – это преподавание в полиэтнических классах в общеобразовательной школе. Наличие таких классов объясняется значительным количеством детей, живущих в русскоговорящей среде достаточно малый срок и не владеющих еще в достаточной степени русским языком. Особенность преподавания в этих классах заключается в том, что знания по общеобразовательным предметам они получают на русском языке, а практическим русским языком овладевают во время общения с русскими сверстниками. Русский язык в этой ситуации является, с одной стороны,

средством получения знаний, а с другой стороны, он сам как отдельный предмет является объектом изучения, так как программа обучения по русскому языку направлена на овладение теоретическими знаниями об организации различных уровней языка. Данная статья продолжает тему изучения особенностей преподавания русского языка в полиэтнических классах (подробнее см. [5]).

Теоретическое изучение синтаксического уровня языка предполагает овладение таким видом анализа, как синтаксический разбор предложения. Этот вид работы вызывает особую сложность как у учителей, так и у полиэтнической части класса, поэтому возникает необходимость создания рекомендаций для учителя, связанных особенностями преподавания в данной аудитории. Анализ создавшейся ситуации показал, что имеющиеся особенности преподавания в таких классах связаны с несовпадением языковых картин мира учителя и ученика: русской языковой картины мира и таджикской языковой картины мира, а также несовпадением «наивной» и «научной» картины мира.

Понимая, что языковая картина мира определяет синтаксис предложения, обратимся к анализу тех сложностей, которые возникают во время синтаксического разбора простого предложения, то есть во время познания «научной» картины мира.

Цель данной статьи заключается в анализе лингвистических сложностей, которые возникают у каждой из сторон при изучении этой лингвистической темы (на примере таджикского языка). Следует указать, что в современном Таджикистане преподавание русского языка направлено на практическое овладение русским языком как средством общения (подробнее см. [2]).

Для учителей эта тема вызывает две лингвистические сложности. Первая сложность заключается во внутренней противоречивости учения о второстепенных членах предложения. Так, в частности этим можно объяснить существующие до настоящего времени попытки внести коррективы в это учение (подробнее см. [1]). Современная лингвистика трактует предложение как единицу, обладающую разносторонней организацией: формальной, смысловой и коммуникативной, где каждый вид организации автономен – симметрия между ними отсутствует. Традиционное же учение о членах предложения предполагает симметрию между двумя видами организаций: формальной и смысловой. В учении о второстепенных членах предложения задействованы морфологические, синтаксические и семантические критерии: «а) морфологическая характеристика второстепенного члена; б) морфологическая характеристика определяемого им члена предложения; в) характер синтаксической связи между ними; г) смысловые отношения между второстепенным членом и членом предложения, от которого он зависит» [3: 424]. Ведущую же роль играет семантический критерий. На его основе выделяются второстепенные члены, а морфологический и синтаксический критерий служат параметрами для дальнейшей дифференциации второстепенного члена предложения.

Вторая сложность заключается в структурных различиях таджикского и русского языков, о которых учитель полиэтнического класса просто не знает.

Таджикский язык принадлежит к иранской группе индоевропейских языков и обладает следующими структурными особенностями: в нем отсутствует грамматическая категория рода и грамматическая категория падежа, глагол обладает категорией лица во всех временах. Как следствие этого, «связи существительных с другими словами в предложении выражаются в основном синтаксическими средствами. Этими средствами являются: предлоги и послелого, изафетическая конструкция и порядок слов» [7: 17].

Особые структурные различия наблюдаются у прилагательных - в таджикском языке отсутствуют притяжательные прилагательные, краткие формы прилагательных. Наблюдается отсутствие четкой грани между прилагательными и наречиями: «в русском языке выделение прилагательных в самостоятельную часть речи происходит без особых затруднений. Значительно труднее обстоит дело в таджикском языке, где приходится отграничивать прилагательные от совпадающих с ними по форме наречий. <...> Некоторые прилагательные в таджикском языке могут обозначать признак действия и признак признака: *хорошо работает, общаться по-дружески*» [7: 39]. Традиционно граница между ними проводится на основе смысловых отношений между второстепенным членом и членом предложения, от которого он зависит.

Причастие также имеет отличительную особенность, которая заключается в том, что таджикском причастии совмещаются признаки глагола и имени (существительного и прилагательного), поэтому их синтаксическая функция покрывает все члены предложения.

Таким образом, учитель, не имея даже общего представления как о языковой картине мира своего ученика, так и о его «наивной» картине мира, должен создать научную картину мира по отношению к изучаемому языку.

Для учеников эта тема не может не вызывать лингвистических сложностей. Первая сложность связана со структурными особенностями изучаемых языков и проистекающими от них расхождениями в языковых картинах мира. Ученик полиэтнического класса встает перед задачей соотнесения родной, «наивной», языковой картины мира с чужой, да еще путем использования теории, которая не была создана для описания его родного языка.

Вторая сложность связана с получением лингвистического знания о структурной и семантической организации предложения, представленного в учении о членах предложения, так как языковые картины мира двух языков значительно отличаются. Различия в языковых картинах мира ведет к появлению типичных ошибок в анализе простого предложения.

Первая ошибка – неумение отличить прямое дополнение от косвенного, например: *Тогда я купил себе ружье, удочки и котелок (М.Пришвин); Любил я расспрашивать о чудесной земле (М.Пришвин)*. Эта ситуация объясняется тем, что в таджикском языке «категория управления скорее лексическое, чем грамматическое понятие» [9: 51]. М.Б. Нагзибекова указывает, что «формальным показателем объектных отношений в современном русском языке выступают флективные падежи с предлогами и без них, а в современном

таджикском языке – имена с предлогами и послелогоми, а также имена-основы, то есть имена без каких-либо синтаксических показателей, так как в нем отсутствуют флективные падежи» [8: 7]. Особую трудность вызывает выделение прямого дополнения, так как «прямой объект в русском языке выражается беспредложно. А в таджикском языке с помощью послелога *-ро*, если речь идет о неопределенном предмете, или просто именем-основой» [8: 7].

Вторая ошибка – это неумение отличить согласованное определение от несогласованного, например: *Нас встретил сухощавый пожилой охотник (К.Паустовский); Желание учиться не покидало меня; Лицо ее горело (К.Паустовский); Рядом стоял кувшин с молоком (К.Паустовский)*. Эту ситуацию можно объяснить интерферирующим влиянием родного для ученика языка: в таджикском языке нет категории рода, поэтому такой вид синтаксической связи как согласование отсутствует, но есть соединение слов с помощью предлогов или беспредложно, что это в русском языке соответствует управлению или примыканию.

Третья ошибка, можно сказать, вытекает из второй – это неумение отличить обстоятельство от определения, например: *Внизу медленно течет река; Такое медленное течение реки нас удивило*. И.Б. Мошеев пишет, что «в таджикском языке часть прилагательных в основном качественных могут выполнять в предложении обстоятельственные функции» [7: 44], в результате появляются фразы типа **хороший поступаю*.

Перед учителем встает задача объяснить некий принцип организации анализа языка, не имеющий параллелей в родном языке. Так как прямые параллели отсутствуют, то встает вопрос – не ввести ли универсальные параметры для объяснения принципов выделения второстепенных членов предложения в русском языке. Здесь можно обратиться к параметрам описания синтаксической связи в словосочетании, предложенным еще В.А. Белошапковой [4]. Следует указать, что эти параметры были несколько переработаны Е.Н. Ширяевым [6] с целью приблизить их к учению о второстепенных членах предложения.

Думается, что можно ввести в синтаксический анализ предложения для определения члена предложения следующие параметры: **обязательность / необязательность** и **предсказуемость / непредсказуемость**. В этом случае дифференциальными признаками для определения члена предложения будут **обязательность / необязательность, предсказуемость / непредсказуемость** и **смысловые отношения** между второстепенным членом и членом предложения, от которого он зависит, а также указание на **использование предлога**. Каждый второстепенный член предложения во всех формальных вариантах (способах его выражения) будет обладать своим набором дифференциальных признаков.

Все вышесказанное подводит к мысли о том, что преподавание русского языка в полиэтнических классах требует изначального тщательного и взвешенного соотнесения языковых картин мира как учителя, так и ученика. Постигание же научной картины мира не может быть плодотворным как без

опоры на языковую и «наивную» картину мира учащегося, так и без опоры на универсальные параметры описания.

Литература

1. Бабайцева, В.В. Система членов предложения в современном русском языке / В.В. Бабайцева - М.: Флинта: Наука, 2011 – 496 с.
2. Белокурова, С.П. Русский язык. 10 – 11 классы: учебник для русскоязычных школ Республики Таджикистан /С.П. Белокурова - СПб., Санкт-Петербургский ун-т, 2011. – 493 с.
3. Белошапкина, В.А. Современный русский язык: Учебник / В.А. Белошапкина - М.: Высшая школа. 1981. – 560 с.
4. Белошапкина, В.А. Современный русский язык. Синтаксис. Учебное пособие для филологических специальностей ун-тов / В.А. Белошапкина - М., 1977. – 248 с.
5. Белошапкина, Т.В. Русский язык как неродной: особенности преподавания синтаксиса простого предложения в полиэтничном классе / Т.В. Белошапкина // Филологический сборник: в честь юбилея профессора Л.И. Осиповой - М., МГПУ. 2015. – С.26 – 31.
6. Крылова, О.А., Максимов, Л.Ю., Ширяев, Е.Н. Современный русский язык: Теоретический курс. Ч. IV. Синтаксис. Пунктуация / О.А. Крылова, Л.Ю. Максимов, Е.Н. Ширяев - М., Изд-во РУДН, 1997. – 256 с.
7. Мошеев, И.Б. Сопоставительная типология русского и таджикского языков. Учебное пособие / И.Б. Мошеев - Душанбе. ГПИ. 1991. – 231 с.
8. Нагзибекова, М.Б. Прямой объект в русском и таджикском языках / М.Б. Нагзибекова - Душанбе. Таджик. Гос. нац. ун-т. 2002. - 72 с.
9. Черевкова, Н.И. Очерки по методике преподавания русского языка в таджикском вузе: учебное пособие для преподавателей. Ч.2 / Н.И. Черевкова - Душанбе. 1989. – 86 с.

Бойчук И.В., к.ф.н.,
Калюжная Е.В., к.п.н.,
Купина Н.И., к.ф.н.
НИУ «БелГУ», Россия

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АУТЕНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В статье рассматриваются различные аутентичные методические комплекты и их использование на занятиях по английскому языку у студентов неязыковых специальностей. Также внимание уделяется формированию коммуникативной компетенции учащихся при помощи аутентичных материалов. Следует отметить, что использование аутентичных материалов при обучении различным видам чтения способствует формированию подлинно коммуникативных умений.

Ключевые слова: аутентичные материалы, коммуникативная компетенция, коммуникативные умения.

Boychuk I.V., Kalyuzhnaya E.V., Kupina N.I.
Belgorod National Research University, Russia

THE USE OF AUTHENTIC LITERATURE IN TEACHING ENGLISH COURSE TO STUDENTS OF NON-LANGUAGE SPECIALTIES

This article discusses the different methodological authentic kits and their use in the classroom for the English language at students of non-language specialties. Special attention is paid to the formation of the communicative competence of students in using authentic materials. It should be noted that the use of authentic materials in teaching reading various types of contribute to the formation of a truly communicative abilities.

Key words: authentic materials, communicative competence, communication skills.

Несмотря на все возрастающую роль ресурсов сети интернет в обучении студентов иностранным языкам, продолжают прочно сохранять свое значение и ресурсы на бумажных носителях. В подавляющем большинстве случаев их использование является оправданным и целесообразным, при возможности включения в учебный процесс материалов из интернета в качестве вспомогательных. Безусловно, приоритет в этом отношении принадлежит аутентичным источникам, под которыми мы понимаем книги, изданные в Великобритании и в США. Сюда же мы включаем и книги, изданные в других странах, где английский язык является государственным или родным для большинства населения, однако, как показывает практика, в распоряжении преподавателя относительно редко оказываются книги, выпущенные канадскими, австралийскими или новозеландскими издательствами. Кроме того, имея дело с изданиями из этих стран, необходимо иметь в виду, что в таких книгах могут присутствовать (хотя и крайне редко) слова и грамматические обороты, присущие только языку этих территорий, что может рассматриваться как преимущество при использовании студентами языковых специальностей, но нежелательно для студентов неязыковых специальностей.

Все ресурсы на бумаге можно разделить на три группы. В первую группу входят различные УМК, вышедшие в различных издательствах преимущественно в Великобритании. Среди них можно назвать NewHeadway English Course, Opportunities, Rising Star, Success и др. Как правило, эти УМК сопровождаются компакт дисками.

Во вторую группу можно включить справочно-учебные издания. Эту группу составляют издания, в которых примерно половину объема составляют материалы, посвященные изложению теоретических вопросов, а вторую половину – соответствующие упражнения. Эту группу, в свою очередь, можно подразделить на две подгруппы. К первой относятся справочно-учебные издания по грамматике, например, Oxford English Grammar Course, написанный Michael Swan, Catherine Walter, Macmillan English Grammar In Context принадлежащая перу Michael Vince, Grammar Practice for Pre-intermediate Students авторами которого являются Vicki Anderson, Gill Holey and Rob Metcalf with Elaine Walker and Steve Elsworth, English Grammar in Use созданная Raymond Murphy и многие другие. Во вторую группу входят справочно-учебные издания по лексике. Среди них в первую очередь следует назвать English Vocabulary in Use Elementary и Advanced Michael McCarthy, Felicity O'Dell, English Vocabulary in Use Pre-intermediate & Intermediate Stuart Redman. Эти издания тоже, как правило, сопровождаются компакт дисками. Следует

отметить, что существуют и смешанные грамматико-лексические книги, например, пособие Grammar and Vocabulary for First Certificate по подготовке к сдаче FCE (что может являться вполне реалистичной целью для ряда студентов неязыковых специальностей), автором которого является Luke Prodromou. Видимо, целесообразно отдавать предпочтение изданиям с ключами, чтобы облегчить студентам самоконтроль при самостоятельной работе.

К третьей группе мы относим словари, которые могут быть как общими, так и отраслевыми. Словари также могут включать определенное количество упражнений. Как правило, это словари среднего объема, в частности Active Study Dictionary of English издательства Longman. Многие словари сопровождаются разделом Study Note, включенным непосредственно в текст и дающим дополнительные пояснения и уточнения по вопросам словоупотребления. Словари большого объема (от 50000 словарных статей), по нашим наблюдениям, целесообразно использовать лишь начиная с уровня Upper-intermediate. Заметим, что словари могут быть не только лексическими. Например, весьма ценным в работе со студентами нам представляется словарь издательства Longman Longman Dictionary of Common Errors, содержащий сведения о типичных ошибках иностранцев, изучающих английский язык. Доступен Longman Dictionary of Phrasal Verbs Rosemary Courtney и его перевод на русский язык Р.Кортни «Английские фразовые глаголы. Англо-русский словарь», осуществленный издательством «Русский язык». Студенты, уже начиная с уровня Pre-intermediate, могут самостоятельно или под руководством преподавателя начинать работу с таким ценным источником, как Longman Language Activator®. Трудно переоценить роль такого источника как лингвистической, так и лингвострановедческой информации, как Longman Dictionary of English Language and Culture, работу с которым, однако, наш взгляд, целесообразно начинать начиная с уровня Intermediate и обязательно под контролем преподавателя, чтобы исключить неправильное понимание лингвострановедческого материала. Студентам филологических и некоторых других гуманитарных специальностей можно рекомендовать самостоятельную работу со словарем Dictionary of Phrase & Fable из Wordsworth Reference Series. Мы получали хорошие результаты при использовании Oxford Concise Medical Dictionary при работе со студентами медицинских специальностей. В учебных заведениях, ориентирующихся на американский вариант английского языка, целесообразно использование различных словарей издательства Webster, словаря The American Century Dictionary (Edited by Laurence Urdang), при работе со студентами уровня Upper-intermediate и выше – Longman Advanced American Dictionary. Вместе с тем вполне возможно использование словарей и других издательств, так как в современных британских словарях, как правило, приводится американский вариант произношения слова.

Отдельно следует остановиться на книгах, которые, по нашему мнению, могут быть с успехом использованы для внеаудиторной работы под руководством и контролем преподавателя. В частности, для работы на географических и геолого-географических факультетах можно использовать книги из серии Horrible Geography, написанные Anita Ganery и вышедшие в

издательстве the Book People Ltd: Violent Volcanoes, Raging Rivers, Perishing Poles, Freaky Peaks, Odious Oceans, Stormy Weather, Wild Islands, а книга Blooming Rainforests из этой же серии может быть использована также при обучении студентов, специализирующихся по ботанике. Использование этих книг могло бы способствовать обогащению словарного запаса студентов не только специализированной лексикой, но и полезными в повседневном общении словами, выражениями и оборотами.

Полезными для студентов естественнонаучных специальностей в качестве дополнительной литературы могут быть книги Sarah Angliss, William Vanduyck Science Repair Kit, для студентов-математиков - Liz&Sue Atkinson, Tim Scott Maths Repair Kit, Angela Burt, для студентов филологических специальностей и будущих журналистов (уровень не ниже Upper-intermediate) – William Vanduyck English Repair Kit (все вышеперечисленные книги вышли в издательстве Hodder Children's Books, a division of Hodder Headline Limited). К достоинствам этих книг можно отнести наличие в них большого количества иллюстраций, облегчающих студентам понимание изучаемого материала. То же можно сказать и об упомянутых ранее книгах Anita Ganery.

Использование аутентичных материалов способствует формированию коммуникативной компетенции, что является основной целью обучения иностранному языку. При этом оказываются задействованными все ее составляющие:

Лингвистическая компетенция, так как изучение различного языкового репертуара в рамках разных тем на основе реально существующих методических комплектов позволяет значительно расширить активный и пассивный лексический запас, обогащает словарь обучающихся, знакомит с новыми грамматическими конструкциями.

Социолингвистическая компетенция, т.е. использование языковых форм в зависимости от конкретной ситуации общения и контекста. Чтение в этом случае выполняет роль средства обучения, а аутентичный материал максимально приближает к реальной ситуации, в которой обучающиеся могут оказаться в повседневной жизни.

Дискурсивная компетенция. Она предполагает овладение умениями организации речи, умением построить ее четко, логично, последовательно. Аутентичный материал может помочь развить у студентов умение воспринимать, понимать и интерпретировать письменный источник информации.

Социокультурная компетенция. Использование различных аутентичных материалов на разных этапах обучения позволяет расширить представление студентов о культуре, традициях, стиле жизни, настраивает на диалог культур.

Социальная компетенция. Эта составляющая коммуникативной компетенции ориентирована на межличностный характер общения. Формирование данного вида компетенции обуславливает организационные формы работы на занятии. Работа с аутентичными материалами создает атмосферу общей заинтересованности, взаимной поддержки, совместного преодоления трудностей и совместного решения поставленных целей.

Использование аутентичных материалов при обучении различным видам чтения способствует формированию подлинно коммуникативных умений.

Подводя итоги сказанного, можно сделать вывод о том, что для достижения такой сложной цели как овладение иностранным языком необходимо и возможно использовать все имеющиеся в распоряжении современного человека средства. Грамотное и комбинированное их использование поможет и преподавателям, и студентам быстрее и успешнее решить поставленные перед ними задачи.

Литература

1. Gebhard J.G. Teaching English as a Foreign Language: A Teacher Self-Development and Methodology Guide. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1996.
2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика.-2-е изд., испр. - М.: Академия, 2005.
3. Параева Н.Б. Обучение иностранным языкам в школе и вузе. - СПб., 2001.
4. Ткаченко Р.Г., Роговская Ф.И., Карлайл М.С. Урок английского языка на английском. - М., 2004.

Гринева М.С.

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Россия

ФАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Статья исследует особенности реализации фатической функции речи в профессиональном терапевтическом дискурсе. Фатическая составляющая речевого общения описывается с точки зрения сущностных признаков, структуры и функций. Выявлено, что фатические средства стратегически используются для выражения эмпатии, оказания эмоциональной поддержки, создания доверительной тональности общения.

Ключевые слова: фатическая речь, терапевтический дискурс, речевой жанр, речевая эмпатия

Grineva M.S.

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Russia

PHATIC COMPONENT OF THERAPEUTIC COMMUNICATION

The article investigates the peculiarities of manifestation of the phatic function of speech in the institutional context of therapeutic discourse. The phatic component of speech communication is described from the point of view of its constitutive features, structure and functions. It is demonstrated that phatic means are strategically used to express empathy, provide emotional support, inspire trust.

Key words: phatic speech, therapeutic discourse, speech genre, verbal empathy

Исследование фатического компонента институционального общения связано с переосмыслением сущности и роли фатики в речевом общении. Традиционно локусом фатики считался преимущественно устный повседневный дискурс, а статусно-ролевое общение специально не

исследовалась как сфера бытования фатика по ряду весьма объективных причин, наиболее существенной из которых является высокая информативность делового дискурса, не допускающего праздности, речевой избыточности, которые свойственны фатике. Справедливо утверждать, что фатика вплетена в ткань любого акта общения: одинаково трудно представить себе абсолютно фатическую и абсолютно информативную речь. Очевидно, что такое общение нельзя было бы признать прагматически успешным. В.И. Карасик отмечает, что «осложненная фатика специфически проявляется в различных видах институционального дискурса» [5: 287]. В некоторых социальных контекстах общения (педагогическом, медицинском, политическом) ресурсы фатической речи используются стратегически для достижения практических целей. Одним из таких контекстов является терапевтическое общение.

Системообразующими конститутивными признаками терапевтического дискурса являются эмпатичность, безусловное принятие, доверительность, эмоциогенность. Данные признаки относятся к сфере фатического общения. Однако если фатика в разговорно-бытовом дискурсе используется неосознанно, то в терапевтическом дискурсе она является стратегическим средством достижения цели – оказания психологической помощи. Речевая эмпатия состоит в выражении понимания и отражении чувств собеседника, что является следствием идентификации с ним. Создание доброжелательной, доверительной тональности общения располагает к самораскрытию, выводит на откровенность и способствует преодолению механизмов психологической защиты. Эмоциогенность терапевтического общения связывается с перлокутивным эффектом улучшения эмоционального состояния клиента. Это дает основания полагать, что фатический компонент играет важную роль в терапевтическом взаимодействии, а владение стратегиями и жанрами фатического общения входит в коммуникативную компетенцию профессиональной языковой личности практикующего психолога (психотерапевта).

Следует отметить, что взгляд на статус, компоненты и функции фатика претерпевал изменения и до сих пор является дискуссионным. Фатическая функция речи получила освещение в начале 20 века. Б. Малиновский впервые употребил термин «фатическое общение» (*phatic communion*) для обозначения установления контакта, дружеских взаимоотношений (*ties of union*) в процессе речевого общения [10: 303]. Однако само фатическое общение признавалось бессодержательным, так как в процессе общения не происходила передача когнитивно значимой информации. Р.О. Якобсон рассматривал фатику как функцию языка, обслуживающую физический *канал связи*: механически тестирующую наличие обратной связи [9: 201]. У. Вайнрайх о фатическом общении писал: «в своих фатических функциях, когда речь используется только с тем, чтобы обозначить присутствие благожелательно настроенного собеседника, она становится десемантизированной» [11: 118]. Таким образом, фатическое общение понималось как нечто периферийное по отношению к предметному, информативному и считалось бессодержательным и трафаретным. Основными функциями фатики являлись регуляция процесса коммуникации и установление благоприятных взаимоотношений. Понятие

контакта имело социально-психологическую (аспект отношения) и физическую (проверка работы канала связи) трактовки.

Периферийное положение фатики обусловлено противопоставлением сообщения и общения [1: 5-6], информативного и фатического замыслов как инвариантов речевого поведения [2]. Притом, важно подчеркнуть, что подобное разграничение является чисто аналитическим и не обладает психологической реальностью. Сообщениями, несущими когнитивно значимую информацию, возможно *успешно* обмениваться только в акте общения, то есть информативная составляющая коммуникации реализуется при условии успешной реализации контактной составляющей.

По Е.В. Ключеву, фатика выполняет информативную функцию, информируя адресата не о предмете, а о типе речевой ситуации или о говорящем [6: 187]. Думается, что к параметрам говорящего относятся степень расположения, заинтересованности собеседника в общении, к параметрам речевой ситуации – статусно-ролевые отношения коммуникантов, социальная дистанция. А.Г. Гурочкина отмечает, что «уже в самом начале фатического дискурса сообщается информация, которая задает стиль общения, его регистр, тональность, отражает или устанавливает реальности социальной ситуации речевого акта, а также активизирует установки, ожидания слушающих относительно продолжения дискурса» [3: 13]. Таким образом, фатика выполняет ориентирующую функцию.

Г.Г. Почепцов в понятие фатической речи вкладывает метакоммуникацию, цель которой состоит в регуляции процесса коммуникативного взаимодействия. Автор выделяет три фазы коммуникативного акта: а) установление речевого контакта, б) поддержание речевого контакта, в) размыкание речевого контакта [7: 52-59].

Как и Т.Г. Винокур [2], С.А. Сухих рассматривает фатическую составляющую общения с мотивационной позиции как макроинтенцию диалога, заключающуюся в «поддержании и стабилизации социальных отношений» [8: 48]. Согласно С.А. Сухих, аспект отношения складывается из двух значений: ты-сообщение «вот ты какой в моих глазах» и мы-сообщение «так мы относимся друг к другу, не так ли?» [8: 101]. Аспект отношений между коммуникантами реализуется в доверительной или конфликтной интерперсональной модальности, а также в регулировании социальной дистанции – интимизации или дистанцировании. Трактовка фатики у С.А. Сухих смещает акцент на социально-психологический аспект речевого контакта. Тем самым, фатика выполняет прагматическую функцию регуляции взаимоотношений между коммуникантами: вступление в отношения, поддержание, прерывание или разрыв отношений.

В.В. Дементьев на основании критерия вектора воздействия на межличностные отношения разделил фатические речевые жанры (ФРЖ) на унисонные и диссонансные. Унисонные ФРЖ ориентированы на поддержание гармоничных, доверительных отношений, сохранение духовных связей, создание атмосферы сердечности или вежливости. Диссонансные жанры

нацелены на разрыв отношений, сопровождаемый в той или иной мере проявлением враждебности, речевой агрессии [4].

Рассмотрим, как реализуются компоненты фатической составляющей речевого общения в профессиональном терапевтическом дискурсе на примерах фрагментов терапевтических сеансов [12]. Фатические речевые средства используются в аспекте установления и поддержания терапевтических отношений и выполняют следующие функции: 1) выражение эмпатии, 2) оказание эмоциональной поддержки, 3) создание непринужденной доверительной тональности общения.

1. Выражение эмпатии

- Отражение чувств (It sounds / feels like...)

THERAPIST: It sounds like you might actually feel relieved to have some space.

- Реплика-подхват (завершение мысли клиента терапевтом)

CLIENT: And it's obviously wrong to do, because even if he did apologize in response to one of those statements...

THERAPIST: How would you believe it, at this point?

- Реплика-эхо

CLIENT: Yes, I need to do better, for sure. Yeah. And then this is also – Trae was sick all last week so it was my first day back on campus after – I came in for one meeting on a Tuesday when my mom was here but that was pretty much it. So I've also just kind of felt like out of it.

THERAPIST: Out of touch with it.

- Реплика-повтор + усиление

CLIENT: Yeah. So it just felt kind of like there was this crazy ending to it all, just kind of running around getting it all done. So that just felt kind of stressful.

THERAPIST: It was really stressful.

- Реплика-обобщение (с обобщенно-неопределенным адресатом)

CLIENT: Yeah, yeah. I was thinking about just a week ago and now things feel much better.

THERAPIST: So much can change in a week.

- Выражение понимания (рациональная эмпатия)

CLIENT: Yeah. It also maybe feels a little crazy or unrealistic to we both move out, we both get new places, we have a lease, oh, then we'll get a new place together. Probably can't deal with that on top of everything else right now.

THERAPIST: I totally get it. I get it. I get it. Yeah. So he needs a new place. ASAP.

- Сопереживание

CLIENT: This was a really rough weekend, but she's doing well, so...

THERAPIST: She is?

CLIENT: Yeah. So it went well. The actual surgery went really well, evidently, so...

THERAPIST: That's a relief.

- Сочувствие

CLIENT: And it was kind of, I guess it was Todd's last – last week was his first week of classes starting out because Cambridge is on a different schedule. So it just felt like kind of a chaotic week trying to juggle everything.

THERAPIST: You've had a rough winter.

2. Оказание эмоциональной поддержки

- Похвала

THERAPIST: I'm glad that you're able to plan those kinds of things even with all the papers that you've had. It shows a lot of forethought.

3. Создание доверительной тональности общения

- Compliment

CLIENT: I went and got my hair done on Saturday.

THERAPIST: It looks very nice!

- Поздравление

CLIENT: I know. Definitely. So all of my own stuff is done. I turned in my last final on Friday and then all of my grading is done for the course that I was a teaching fellow for.

THERAPIST: Congratulations.

- Шутка

THERAPIST: Good! Trust your brain. Enjoy how bright you are. I mean enjoy it. Don't doubt it. It doesn't mean you're good at everything. Right. I've had to get comfortable with the fact that I'm just really not that good at math except when it comes to money. I can do math in my head. You put a \$ sign behind it, I'm like oh yeah.

Литература

1. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: АН СССР, 1963. – 255 с.
2. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
3. Гурочкина, А.Г. Фатическая коммуникация // *Studia Linguistica*. Вып. XXII. Язык. Текст. Дискурс: современные аспекты исследования / Под ред. И.А. Щириной, Ю.В.Сергаевой. – СПб.: Политехника-сервис, 2013. – С. 11-16.
4. Дементьев, В.В. Фатическое общение // *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник* под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Изд-во СФУ, 2012. – С. 850-851.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Клюев, Е.В. Речевая коммуникация. М.: Рипол Классик, 2002. – 320 с.
7. Почепцов, Г.Г. Фатическая метакоммуникация // *Семантика и прагматика синтаксических единств*. Калинин, 1981. – С. 52-59.
8. Сухих, С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: дис. ... докт. филол. наук. Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 1998. – 257 с.
9. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против»*. сб. ст.; под. ред. Е. Я. Васина, М. Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193—231. М.: Прогресс, 1975. – С. 193-231.
10. Malinowski, B. The problem of meaning in primitive languages // *The Meaning of Meaning*. С. К. Ogden, I. A. Richards (eds.). New York: Harcourt, Brace & World. 1923. – P. 296-336.

11. Weinreich, U. On the Semantic Structure of Language // Universals of Language. J. Greenberg (Ed.), MIT Press, Cambridge 1963. – P. 114-171
12. Counseling and Psychotherapy Transcripts: Volume II. Alexander Street Press, 2014 [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://search.alexanderstreet.com/wayf?destination=ctrn> (дата обращения: 28.09.2015)

Кулешова Р.В., Свойкина Л.Ф.

к.п.н., доц., НИУ «БелГУ», Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГР В ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ

Настоящая статья посвящена проблеме использования игровых заданий в процессе обучения иностранных студентов-экономистов профессиональной лексике русского языка. В статье приводятся примеры игровых заданий, используемых на уроках по русскому языку.

Ключевые слова: игра, профессиональное общение, стимул, мотивация.

Kuleshova R.V., Svojkina L.F.

Belgorod National Research University, Russia

THE USING OF GAMES IN TRAINING PROFESSIONAL COMMUNICATION OF FOREIGN STUDENTS-ECONOMISTS

This article is devoted to the problem of using the playing tasks during the process of teaching foreign students-economists the professional vocabulary of Russian language. In the article is also given the examples of playing tasks.

Key words: game, professional communication, incentive, motivation.

В настоящее время распространение и популяризация русского языка в мире происходит в различных формах: это и дистанционные курсы по русскому языку как иностранному и культуре, курсы в представительствах Россотрудничества, при посольствах РФ и т.д. Многие выбирают русский язык с целью постижения лучших образцов русской культуры, получения образования, удовлетворения научных интересов. По-прежнему остаётся актуальным среди иностранных граждан получение образования в вузах Российской Федерации. Для данной категории обучающихся русский язык является не только средством обучения, но и средством профессионального общения т.е. усиливается речевая и практическая направленность обучения, ведущая к формированию профессионально-коммуникативной компетенции.

Обучение профессиональному общению иностранных студентов на русском языке предполагает широкий выбор методов обучения. Одним из наиболее эффективных методов, на наш взгляд, является игровой, предполагающий использование в учебном процессе всевозможных игровых заданий, воссоздающих ситуации будущего профессионального общения в процессе прохождения, например, производственной практики. Эффективность такого рода заданий объясняется стимулирующим влиянием интереса,

лежащего в основе игровых заданий, активизирующего внимание, расширяющего память, повышающего качество знаний. К тому же, интерес стимулирует моральные силы обучаемых, мобилизует их волю, придаёт целенаправленность приобретению знаний, эмоционально окрашивает личностным отношением процесс усвоения знаний.

Отметим, что принцип отбора учебного материала для игр основывается на лингвистической и профессиональной информации, отражающей аспекты будущей профессиональной деятельности студента, т.е. это информация которую иностранный студент должен не только знать, но и уметь её творчески переработать, логически выстроить, воспроизвести в монологическом и диалогическом высказывании. Задания, направленные на поиск и решение проблемных вопросов, развивают коммуникативно-познавательную деятельность иностранных студентов.

Разные виды игровых заданий занимают достаточно видное место среди методических приёмов, стимулирующих познавательный интерес (как к содержанию знаний, так и к способам их получения).

Важное лингвометодическое значение игр объясняется ещё и тем, что игровые задания позволяют поставить перед учащимися «отвлекающую не учебную цель, а язык становится средством для достижения этой цели» [1: 9].

Несомненно важно и то, что игра как эмоциональная деятельность, приносящая удовольствие, способствует релаксации, снятию напряжения, страха перед говорением на неродном для студента языке. Как коллективная деятельность, успех которой обеспечивается взаимодействием и взаимопониманием всех участников, игра способствует созданию «эффекта солидарности» в группе, воплощённого в высказывании «один за всех и все за одного» и ведёт к созданию коллектива учащихся, а также к установлению партнёрских отношений между обучающимися и преподавателем.

Таким образом, отмеченные выше качества игровых заданий обеспечивают, на наш взгляд, расширение и углубление знаний профессиональной экономической лексики, ведут к развитию и совершенствованию умений и навыков, входящих в структуру профессионально-коммуникативной компетенции.

Планируя включение игровых заданий в урок, необходимо помнить следующее: 1) игровое задание должно быть динамичным, не затянутым по времени, что ведёт к снижению интереса и мотивации; 2) преподаватель должен чётко объяснить студенту суть игры и ожидаемый конечный результат (то есть, для чего мы играем и чего достигнем в ходе игры).

При обучении иностранных студентов-экономистов профессиональной лексике русского языка используют различные виды игр, среди которых можно выделить игры настольные (лото), игры-соревнования на личное или командное первенство («Кто больше?», «Кто быстрее?», «Кто правильнее (точнее)?»), игры-загадки, кроссворды, деловые игры и т.д.

Приведём примеры игровых заданий.

1. «Лото». Данная игра используется для автоматизации профессиональной лексики и грамматических форм (управление глаголов,

видовые формы, синонимы, падежные формы русского языка и т.д.). Данная игра напоминает классическую игру в лото, только вместо карточек с цифрами используют карточки с написанными словосочетаниями, содержащими лексико-грамматический материал, а вместо бочонков используют маленькие карточки. Задача студентов: правильно найти соответствия. Приведём пример такого игрового задания.

Игра 1. У студентов на столах лежат карточки с написанными на них глаголами. Задача студентов – из словосочетаний, называемых ведущим, выбрать те, которые грамматически и семантически подходят к их глаголам.

Материал для студентов: покупать, совершенствоваться, накопить, предоставлять, увеличить, осуществлять, продать, уменьшить, снижать, выпускать, обеспечить, использовать, уплатить, финансировать, инвестировать, индексировать, увеличить, понижать, расширить, удовлетворять.

Материал для ведущего: ценные бумаги, производство, денежные средства, кредиты, размеры предприятий, банковские операции, акции и облигации, спрос, цена на товар, продукция, экономический рост страны, трудовые ресурсы, прямые налоги, государственное предпринимательство, денежные средства в производство, государственные облигации, потребительские расходы, курс национальной валюты, кредитные операции банка, потребности населения.

Игра 2. «Игра в мяч». Данная игра также используется для автоматизации лексико-грамматических форм (управление глаголов, видо-временные формы, предложно-падежные конструкции и т.д.). Преподаватель бросает студентам мяч, называя, например, глаголы, задача студента – вернуть мяч и составить правильное словосочетание. Таким образом, студент запоминает управление глаголов, а также профессиональную лексику.

Например:

Преподаватель: заключать...

Студент: заключать (договор, соглашение и др.);

Преподаватель: повышать...

Студент: уровень жизни (внутренний валовый продукт, цены и др.)

Игра 3. Конкурс команд «Кто быстрее?». На доске пишутся слова или словосочетания. Задание командам: написать с каждым словом или словосочетанием как можно больше предложений по изучаемой теме. Выигрывает команда, быстрее и правильнее выполнившая задание.

Языковой материал для конкурса: а) повышать, импортировать, снижать цену, повышать, производить, расти, распределять, монополизировать, потреблять, экспортировать, финансировать, стимулировать и др.; б) безработица, товарное производство, инфляция, понижение уровня, рост, производительность труда, применять, ручной труд и др.

С целью определения уровня сформированности владения языковыми профессиональными знаниями в процессе иноязычной профессионально-коммуникативной деятельности использовалась такая форма работы, как подготовка коммуникативных ситуаций, носящих профессиональную направленность.

Например:

Задание 1. Обсудите вопросы, связанные с подготовкой документов для последующего подписания договора о сотрудничестве.

Задание 2. Подготовьте деловое письмо партнеру, указав в нем перспективные вопросы сотрудничества между вами.

Задание 3. Проведите телефонные переговоры с иностранным партнером с обсуждением интересующего вас круга вопросов.

Данные коммуникативные ситуации позволяют проверить уровень владения грамматическим строем изучаемого языка, профессиональной лексикой, а также уровень сформированности навыков монологической и диалогической речи.

Особое место в процессе обучения иностранных студентов-медиков занимают деловые игры, которые помогают студентам раскрыться как личности, являются условием подготовки конкурентоспособного специалиста, позволяют студентам уже в процессе обучения приобретать профессиональные навыки, так как предполагают вовлечение студентов в решение проблем, максимально приближенных к будущей профессиональной деятельности. При этом важно оценивать не только знания, умения и навыки, но и творческую самостоятельность, а также профессионально-этический аспект.

Деловые игры способствуют развитию продуктивного мышления студентов, включению их в профессиональную деятельность, позволяют творчески использовать свои знания.

Примером использования деловых игр при обучении студентов-экономистов может служить следующие задания.

Игра. Представьте, что вы работаете в банке. Вам необходимо провести собеседование с клиентом вашего банка, который хочет взять кредит. При составлении диалога можете воспользоваться следующим примером.

- Добрый день!

- Здравствуйте! Как Вас зовут?

- Меня зовут Максим Леонидович!

- Очень приятно, Максим Леонидович. Какой вид кредитования вас интересует?

- Я хочу взять потребительский кредит. Расскажите мне об условиях

- Потребительский кредит выдается нашим банком под 22,5% годовых на сроки от 3 до 10 лет. Для его оформления Вам необходимо предоставить в наш банки документы, указанные в приложении 1.

- Спасибо за информацию. Меня устраивает процентная ставка, я думаю, что вернусь к вам через несколько дней со всеми необходимыми документами. Всего доброго!

- До свидания.

Такого рода игры помогают студентам подготовиться к прохождению производственной практики.

Существует ещё очень много видов игровых заданий, используемых нами на занятиях по русскому языку как иностранному. Как показывает практика, их использование положительно влияет на овладение языковым материалом, а

также на формирование у студентов профессионально-речевых умений, что является одной из задач обучения иностранных студентов основам профессионального общения.

Литература

1. Арутюнов, А.Р. Игровые задания на уроках русского языка : кн. для преподавателя / А.Р. Арутюнов, П.Г. Чеботарев, Н.Б. Музруков. – М. : Рус. яз., 1984. – 216 с.
2. Изаренков, Д.И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. 1990, № 4. С. 54-60.

Макаревич Т.И.

магистр филологических наук, Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь

РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматривается новый объект исследования – терминология подязыка информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), способы перевода терминологических единиц в сфере ИКТ с английского языка на русский. В публикации подчеркивается необходимость надлежащего изучения терминосистемы ИКТ при подготовке управленцев информационными ресурсами для успешного овладения английским языком для специальных целей на уровне включенного общения с англоговорящими специалистами в области ИКТ.

Ключевые слова: язык для специальных целей (ЯСЦ), подязык информационных технологий, подготовка специалистов в сфере управления информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ)

Makarevich T.I.

Belarus State University, Belarus

FOREIGN LANGUAGE COMPETENCES DEVELOPMENT FOR PROFESSIONAL TRAINING OF ICT MANAGERS

The paper analyses a new domain – ICT terms system and ways of rendering them from Russian into English. It also stresses the necessity of investigating ICT terms system for proper training ICT resources managers and specialists for them to communicate effectively with their foreign counterparts.

Key words: English for professional use, the language of ICT, cyberspeak, ICT, training of ICT managers

Мир сегодня переживает период глобальных преобразований: вопросы глобализации переходят из области теоретических размышлений в разряд конкретной практической плоскости. И никто не останется в стороне от

процесса глобализации, поскольку глобализация предполагает очень серьезную конкуренцию. Это означает, что все должны работать в этой конкурентной среде, порой в самых жестких условиях, нужна конверсия новых знаний, основанная на мировом опыте, социальном и экономическом прогрессе.

Для эффективного внедрения идей и технологий электронного правительства в странах-членах Евразийского экономического союза (ЕЭС) необходима качественная и своевременная подготовка специалистов в сфере управления информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) для полноценной реализации поставленных задач. Одним из аспектов подготовки является успешное овладение языковой компетенцией: владением английским языком для специальных целей на уровне включенного общения с англоговорящими специалистами в области ИКТ из технологически развитых стран мира. Сегодня восприимчивых к инновациям управленцам, специалистам, работающим в сфере экономики и ИКТ, в первую очередь не хватает профессиональной коммуникации на иностранном языке: сегодня многие вопросы решаются без переводчика, обеспечивая оперативность решений и взаимное доверие партнеров.

В современной лингвистике появился новый объект исследования – терминология информационных технологий и ее разговорная ипостась – компьютерный жаргон (cyberspeak). Как в любой новой сфере исследования, компьютерный подъязык исследуется фрагментарно, сегодня нет еще серьезных систематизирующих исследований по терминосистеме языка профессионального общения ИКТ. Сегодня терминология информационных технологий и компьютерный жаргон представляют собой новый лингвистический объект исследования. Можно сказать, что в настоящее время подъязык информационных технологий даже не исследуется, а все еще наблюдается.

В глобальном мире целая сфера материальной культуры ворвалась в повседневную жизнь, продолжая бурно расширяться и развиваться. Подъязык информационных технологий – один из основных элементов целой сферы материальной культуры, которая стремительно вошла в повседневную жизнь, одновременно бурно расширяясь. Ни одна подсистема профессиональной лексики не складывалась так быстро как компьютерная, особенно в языках, носители которых не являются жителями стран-лидеров ИТ. Одна из особенностей подъязыка информационных технологий – его динамичность, которая проявляется в «конкуренции терминов» [1: 21], которая крайне редка. Подъязык информационных технологий непосредственно связан с Интернетом и искусственным интеллектом и во многих отношениях компьютерный подъязык – явление примечательное и специфичное.

Как и любая новая сфера приложения, подъязык информационных технологий исследуется фрагментарно, как правило нелингвистами, в результате чего появляются разрозненные обобщения, хоть и очевидные и назревшие, но не имеющие между собой логической связи.

Спецификой компьютерного подъязыка является его широкая распространенность по сравнению с другими профессиональными

подъязыками, поскольку компьютерами пользуются все, это и придает ему столь широкую распространенность. Наличие широкого круга носителей дает подъязыку IT возможность развиваться больше по законам общеупотребительной лексики, чем профессиональной. Эта же возможность предписывает компьютерному подъязыку соответствие общеязыковым нормам [3].

В отличие от других подъязыков, подъязык IT имеет широкую коммуникативную направленность, объединяя при помощи компьютерных технологий обычных пользователей и профессионалов во всем мире в единый информационный социум.

Целевая направленность данной публикации – наметить наиболее общие возможные аспекты изучения компьютерной лексики, которые в дальнейшем найдут свою реализацию в преподавании английского языка для специальных целей изучающим информационно-коммуникационные технологии. Изучая терминосистему ИКТ, специалистам в области ИКТ необходимо развить и закрепить следующие академические и социально-личностные компетенции: иметь способность осуществлять деловое общение; владеть иностранным языком на уровне, обеспечивающем эффективную профессиональную деятельность; обладать способностью к межличностным коммуникациям.

Изучение подъязыка информационных технологий может быть проведено с точки зрения нескольких аспектов: социолингвистического, когнитивного и собственно языкового.

С точки зрения социолингвистического компонента подъязык информационных технологий рассматривается как «один из подъязыков общенационального языка, его рядовой компонент» [1: 20].

Рассмотрение терминологической системы информационно-коммуникационной сферы часто представляет сложность в виду недостаточности одного лишь перевода термина с языка оригинала на язык перевода. При работе с подобными терминами необходимо также указать толкование термина, без которого нет его однозначного понимания.

Важной особенностью языка профессионального общения в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) является распространенное употребление лексем с семантической деривацией: В качестве еще одного наглядного примера можно привести лексическую единицу ‘*job*’, *сущ.*, перевод: «*задание*»; толкование термина: «*заданный объем вычислений, выполняемый компьютером как один элемент работы*» [2: 282]; ‘*widow*’, *сущ.*, перевод: «*висячая строка*» [2: 271]; термин ‘*family*’, *сущ.*, перевод: «*семейство*»; толкование термина: «*серия оборудования или программного обеспечения, обладающего некоторыми общими параметрами*» [2: 195].

Значимое положение в подъязыке информационных технологий занимают сокращения. Например, термин “*e-zine (ezine)*” (*сущ.*), (сокр. от *electronic magazine*), перевод: «*электронный журнал*»; толкование термина: «*цифровая публикация в Интернете, на электронной доске объявлений или другой сетевой службе, чаще всего бесплатная*» [1, с. 194].

При изучении специализированной лексики ИКТ следует обратить внимание на новые модели частеречностных образований: *‘.ini’*, *сущ.*, перевод: «расширение имен файлов, обозначающие файлы инициализации»; толкование термина: «в таких файлах содержатся настройки пользователя и установочная информация о прикладной программе» [2: 260]. Необходимо отметить, что новые словообразовательные модели в подъязыке информационных технологий вносят существенные «корректировки» в традиционное представление об орфографии частей речи: например, термин *‘jDoc’*, *сущ.*, перевод: «межплатформенный интерактивный формат для отображения, распространения и взаимодействия с активными веб-страницами» [2: 281]; *‘peer-to-peer’*, *сущ.*, перевод: «равноправный клиент сети» [2: 208].

Для терминосистемы ИКТ характерны нетипичные для английского языка окончания частей речи: *‘majordomo’*, *сущ.*, перевод: «мажордом»; толкование термина: «программа, которая обслуживает список рассылки, – добавляет и удаляет из него адреса» [2: 181].

Стоит отметить нечасто встречаемый вид конверсии – наречие → прилагательное: *‘only’*, *adj.*, перевод: «единственный», *сущ.*, сращения: *‘knowbot’*, *сущ.*, перевод: «робот знаний, который ищет необходимую пользовательскую информацию» [2: 169].

В проблемном поле употребления терминологии в сфере ИКТ рассматривается адекватность передачи значения уже известной лексической единицы. Так, лексема *‘problem solving’*, *сущ.* и в сфере ИКТ переводится как «решение задачи», однако снова необходимо толкование термина: «1) процесс разработки и реализации стратегии поиска решения задачи или преобразования менее желаемого состояния в более желаемое; 2) аспект искусственного интеллекта, в котором решение задачи выполняется исключительно программным образом». При адекватной передаче данного термина на русский язык следует обратить внимание обучаемых на достаточную вариативность данного термина и его контекстуальную обусловленность при правильной передаче на язык перевода.

Изучение и систематизация терминосистемы ИКТ имеет не только языковую, но и прикладную задачу. Подъязык информационных технологий необходим для профессионального общения управленцев и специалистов в сфере ИКТ стран СНГ с их зарубежными партнерами для осуществления совместных проектов, которые работали бы в новых условиях, это – электронное управление, электронной регистрации бизнеса и т.д. Развивать электронное управление и идею электронного правительства необходимо, поскольку бизнес все больше интернационализируется, соответственно и процесс регистрации будет международным и, преимущественно пока, на английском языке профессионального общения.

Литература

1. Грачев, М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития / М.Н. Грачев. – Москва, Прометей. – 2004. – 243 с.

2. Колисниченко, А.Д. Англо-русский толковый словарь компьютерных терминов / А.Д. Колисниченко. – 2-е изд. (дополненное и переработанное). – Санкт-Петербург: Наука и Техника, 2008. – 280 с.

3. Макаревич, Т. И., Макаревич, И. И. English for ICT Students = Английский язык для изучающих информационно-коммуникационные технологии: пособие: в 2-х ч. Ч. 1 / Т. И. Макаревич, И. И. Макаревич; под ред. проф. И. И. Ганчеренка. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2012. – 175 с.

4. Макаревич, Т. И., Макаревич, И. И. English for ICT Students = Английский язык для изучающих информационно-коммуникационные технологии: пособие: в 2-х ч. Ч. 2 / Т. И. Макаревич, И. И. Макаревич; под ред. проф. И. И. Ганчеренка. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2012. – 173 с.

5. Holmes, D. Virtual Politics. Identity and Community in Cyberspace. – London. – 1997.

Bahram Moghaddas

PhD in TEFL, Assistant Professor, Department of English,
Khazar Institute of Higher Education, Mazandaran, Mahmoodabad, Iran

Dekhnich O.D.

PhD in Philology, Associate Professor, Belgorod National Research University,
Russia

LANGUAGE GAMES: A CHANCE TO IRANIAN EFL LANGUAGE TEACHERS AND LEARNERS IN ENGLISH CLASSES

Theoretical and practical evidences assert that games, notwithstanding making an ecstatic environment in classes, encourage and offer certainty to young learners to maintain their interest and work. Since the researchers' findings seem to be valid, numerous EFL/ESL educators regularly swing to games to supplement various programs, projects and lesson plans in the classroom. Language games are 'the miracles', for utilizing games as a part of the classes has been all around exhibited as profiting learners in fathoming, comprehending and comprehension. The benefits additionally go from cognitive aspects of language learning to more cooperative group dynamics. Despite the fact that the universe of language teaching and learning tries to cheer any language instructor to use language games in classes, there are a few educators who may not enough know about the adequacy of utilizing them. This study tries to persuade language teachers to use the games as miracles in their classes to make them prosperous learners.

Hence, this study was conducted to find out about the current implementation of language games in EFL classes in Iranian language settings. For this purpose, a total of 40 English language learners studying in a language institute were chosen as subjects. The instruments used in this study included a set of language games. The findings showed that most of the respondents had benefited from the language games in their EFL classes and their speaking skill improved considerably.

Key words: language games, speaking skill, language learning, EFL classes

Introduction

As we all know, one of the primary objectives of language learning is to furnish our students with the capacity to impart in the target language. Utilizing games as a part of the language classroom is a powerful, low-anxiety, and fun way for language learners to learn and rehearse communicative abilities and in addition add to their own particular communication strategies that can be promptly connected to the real world.

The benefits to using language games in the classroom are numerous; hence we try to emphasize on the particular aspect of how these games develop communicative language learning through tasks in which:

1. meaning is primary;
2. there is a communication problem to solve;
3. the activity has some relationship to the real-world activities;
4. task completion is necessary; and
5. task performance is evaluated in terms of the outcome [29].

The activities should demonstrate the student interaction. They should include warm-up activities, formal instruction, tasks, and wrap-up/reflection activities as they integrate various language skills providing learners with a holistic language learning setting and experience.

Definition of a game

Game is a fun activity that enhance interaction, thinking, learning, and problem solving strategies. It is also an agreeable way of getting a class to use its plan in language learning with rules, a goal and an element of fun. Games permits the players to produce information in a short limit of time. They either require the players to engage in a physical activity or complete a mental challenge.

Types of language games

There are different types of games which can be enumerated. Hadfield (1999) remarks two ways of classifying language games. The first type which includes linguistic games with a focus on accuracy and communicative games emphasizing successful exchange of information and ideas.

The second taxonomy contains various categories as follows:

1. Sorting, ordering, or arranging games in which students have a set of cards with different products and sort the cards into products found at a grocery store and products found at a department store.
2. Information gap games where one or more students have information that other students need to complete a task. These games may involve a one-way information gap or a two-way information gap.
3. Guessing games, a variation on information gap games in which one person thinks of a famous person, place, or thing and the others ask 20 Yes/No questions to find clues in order to guess who or what the person is talking and thinking of.
4. Search games are another variant of two-way information gap games with everyone giving and seeking information.
5. Matching games in which the participants need to find a match for a word, picture, or card.
6. Labeling games are a kind of matching where participants match labels and pictures.
7. Exchanging games in which students barter cards, other objects, or ideas.
8. Board games like scrabble that specifically highlights language.
9. Role play games. Kodotchigova (2002) stated that *role play*, *drama*, and *simulation* maybe used interchangeably but can be differentiated. In role play, students play roles that they do not play in real life, such as dentist, while in simulations students perform roles that they already played in real life or might be

likely to play, such as customer at a restaurant. However, dramas are scripted performances, whereas in role plays and simulations, students come up with their own words.

Another distinction among games is that between competitive games and cooperative ones [14]. In *Competitive games*, players or teams race to be the first to reach the goal, but in *co-operative games*, players or teams work together towards a common goal. The emphasis in these games is on successful communication rather than on correctness of language.

The Whys of Using Games in Language Teaching

In recent years there has been a shift to the area of communicative competence with a focus on the use of language to achieve the speaker's objectives than promoting individual linguistic skills. Hence, language teachers try to use various task-oriented activities to engage their students in creative language use. As a result, task-based games serve as excellent communicative activities as they have a purpose beyond the production of correct speech [31]. During games where their aim is to use the language, learners apply the target language to persuade and negotiate their way to the desired results where both the productive and receptive skills are involved simultaneously.

Through games which creates fun-filled and relaxing learning atmosphere for the students, they can have the choice to use language in a non-stressful way [34]. Games shift the learners' attention from the language to the message itself. As learners do not concentrate on the correctness of linguistic forms during games, this reduces the fear of negative evaluation, an important inhibiting factor which bans language learners to reveal their language in front of other people [11]. Games provide a context and pave a way for language learners to reach to the communicative competence.

Games are motivating, create a meaningful context, and provide precious impetus to a purposeful use of language [25]. They allow learners concentrate and think immensely during the learning process which indeed promotes unconscious acquisition of inputs. Games whether indoor or outdoor create fun and a happy ambiance for students and enhance language skills as well as social skills and good relationships.

Language is hard work and should be meaningful. Games create a useful and meaningful settings for language learning because the learners are amused, angered, intrigued or surprised through them and the content would be vividly experienced and, therefore, would be better remembered [35].

Hence, games assist language learning in the different following ways:

1. Games cause learners become keen in what they might not find very interesting. Sustaining interest can mean sustaining effort [33; 36].

2. Games explore ambiance for meaningful communication as students try to understand how to play the game and as they communicate about the game before, during, and after the game [36].

3. Therefore, this meaningful communicative competence provides the basis for comprehensible input [17], interaction to enhance comprehensibility [22], and comprehensible output [32].

4. When the students are playing games, their feelings add diversity to the dry and serious process of language learning [19; 1; 3].

7. Games reduce the anxiety in language learners [27] and encourage all learners to take part in especially in small groups [34].

8. Games may cover all language skills, i.e., listening, speaking, reading, and writing, and a number of skills are usually included in the same game [19].

9. The student-oriented process of games helps the students to take the leading roles and to be more active in playing the games.

10. Games provide a venue for students to develop their interactive and social skills like disagreeing politely and the skill of asking for help [14]. They strengthen the cooperative and team spirit of the learners [3].

11. They also provide an environment for students to use the language outside of class time [2].

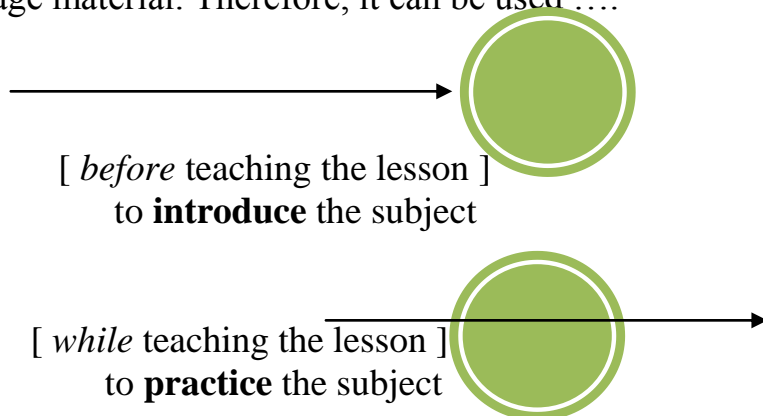
12. Based on Gardner's (1999) ideas, games can involve a variety of intelligences like interpersonal intelligence when played with others, visual/spatial intelligence when include drawing, and bodily/kinesthetic intelligence when they contain cards, spinners, or pieces.

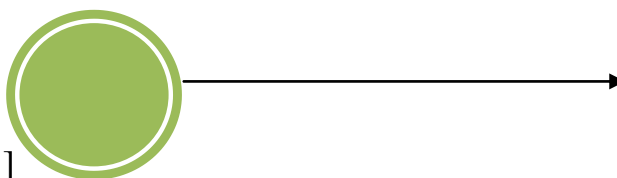
When and how to use games

Games were first and traditionally used as warm-ups at the beginning of class, fill-ins at the extra time near the end of class, or as a means to add variety in language curriculum. Moreover, they can be used as a substantial part of language courses [20; 28, 34].

In the Presentation-Practice-Production framework [23], the games can be either applied for practicing specific language skills or for more communicative language function. Moreover, previously taught language can be revised and recycled through games [34]. The challenge to use games as learning activities is of two kinds: first, understanding how to play the game and second, understanding the language content. Hence, the teachers or groups of students can demonstrate format of the game for the class. Teachers are better to explain the key vocabulary and concepts and useful phrases for the students. There should also be some clear directions when needed. Groups should be heterogeneous in order that more proficient members can help others.

A game should give learners a chance to learn, practice, or review specific language material. Therefore, it can be used

[*after teaching the lesson*]
to **review** the subject

Characteristics of a good game

Games may have various features as follows:

1. They are based on a learning objective which helps the learners to **acquire** new knowledge and enhance their abilities based on the previously learned knowledge and skills.
2. They provide the players control over their own destiny which **increases** motivation, responsibility as well as decision making skills.
3. They include doable challenges where the students should succeed and struggle at different points throughout the game.
4. They are fun and interesting, thus motivating.
5. They are based on reality in order to intrinsically motivate the players to continue to play the game.
6. They provide interaction not only the players with material on a various levels but also with other players.
7. **Games must include everyone and give everyone an equal chance to win** (Talak-Kiryk, 2010).
8. Good games encourage students to focus on the use of language than the language itself.

Speaking

Teaching communication plays a big part of knowing a language. Since communication is unpredictable in real life, the learners must have the opportunity to practice the real life settings and not just to review and read pre-made conversations.

Games are the best practical way as they call for communication and emphasize fluency instead of accuracy. They urge students to communicate because fluency does not require the students to have the fear in the production of language and the risk of criticism when making errors.

Fluency is an important skill to practice in the real world. Hence, games provide a necessary connection between the classroom and the real world [9]. In this sense, speaking games are divided into two main categories: linguistic games and communicative games. Hence, they emphasize on very different aspects. While linguistic games emphasize speaking correctly, the goal in playing communicative games is fluency [8: 8].

Research Questions

Regarding the research study, it aims to seek answers to the following questions:

1. Do language games have any effects on the oral fluency of Iranian EFL learners at the intermediate level?
2. Do the language games have any impacts on the speaking skill of Iranian EFL learners at the intermediate level?

Methodology

Participants

The participants in this survey were 40 intermediate EFL students at Khazar Institute of Higher Education in Mazandaran, Iran. The purpose of the study was to decrease the learners' errors and mistakes in their speaking skill during the class activities because it supposed that they need some help in solving the various problems in using correct forms and fluent English despite the exposure to the different drills and activities at this level. As the students had little chance in correcting their wrong utterances and as a result revealing fluent English, the researcher felt the necessity to plan and employ fluency-based games and activities to help them recognize their mistakes and hence reduce and correct them. The researcher believed that using language games in the pedagogical settings provide the chance with the learners to correct themselves and assist them to overcome the various errors and thus become fluent learners of English.

Instruments

The first test was the Oxford Placement test (OPT) which includes 100 items in multiple-choice format. It was used to homogenize the participants and to determine their language proficiency level. Then, as a pre-test, the teacher asked the learners to represent their lectures orally in the classroom based on the regular class course book speaking tasks and their scores were measured. After ten sessions as the treatment period for the experimental group, a post-test was administered to all the learners and different descriptors for spoken fluency was measured.

Procedure

In order to answer the research questions, two groups, each consisting of 20 participants, were used in this study. An OPT was used to assess the students' proficiency level.

Then all the participants presented their lectures in the classroom based on the required topics. Then, the spoken fluency of the participants was computed based on the various measurement levels.

The experimental group received ten sessions of instruction on employing language games as a tool to develop their oral fluency level in the classroom. Then the researcher used the course book topics as speaking tasks so that the learners could present in the class. The students' oral performances were recorded and analyzed and measured according to the fluency scales used in the research.

The second group, the control group, received the conventional way of representing the speaking tasks in the class without using language games. At the end of the treatment period, they were asked to discuss the speaking tasks in the class, their presentations were analyzed according to the measurement scales, and the results were compared to the pre-test.

Measurements

Measurement of fluency

Previous studies [21; 4; 16; 24] have mostly explored the relationships between perceived fluency based on native-speaker judgments and different temporal or other quantifiable measures of fluency. Regarding fluency measures, there are two studies on oral proficiency tests.

Fulche's (1996) explored the learners' disfluency phenomena to the bands they achieved on the ELTS oral test. Hence, Iwashita et al. (2008) analyzed data collected during piloting of the speaking section of the TOEFL IBT test. The recordings were based on seven spoken language features grouped into three categories: linguistic resources, phonology and fluency which was measured by filled pauses, unfilled pauses, repair, total pausing time, speech rate and mean length of runs. Among these six measures of fluency, three – speech rate, number of unfilled pauses and total pause time – were related to proficiency level, while the other three – filled pauses, repair and mean length of runs – were not.

Temporal Measures of Fluency

Various measures were used in previous studies of spoken production, including Primary variables such as speech rate, articulation rate, length of runs or length of silent pauses, and secondary variables such as filled pauses, drawls, repetitions and false starts [7; 26]. Those employed in the present study are based on Tavakoli & Skehan (2005) as follows:

Breakdown fluency:

- Mean length of pause between utterances (> 250ms)
- Mean length of pause within utterances (> 250ms)
- Number of silent pauses (> 250ms; per second)
- Number of filled pauses (per second)

Speed fluency:

- Syllable duration (i.e. inversed articulation rate)

Repair fluency:

- Number of corrections (per second)
- Number of repetitions (per second)

Results

Tables 1 depicts the marks gained by control and experimental groups before running the training program (pretest) and after the treatment period. As it can be seen, the highest marks were for the pre-test, which shows that the games had great impacts on breakdown fluency.

Table 1

Descriptives: breakdown fluency

Measure	Pre-test	Post-test
Pause within (ms)	627	513
Pause between (ms)	748	596

# silent pauses per second	0.26	0.21
-------------------------------	------	------

# filled pauses per second	0.19	0.14
-------------------------------	------	------

Tables 2 and 3 show the marks gained by the subjects before and after they were administered the training program. As it can be seen, significant difference were detected between the marks gained by the subjects following administration of the training program.

Table 2

Descriptives: Speed fluency

Measure	Pre-test	Post-test
Syllable duration (ms)	281	246

Table 3

Descriptives: Repair fluency

Measure	Pre-test	Post-test
# repetitions per second	0.01	0.04

# repairs per second	0.06	0.03
-------------------------	------	------

Different marks gained by students before and after use of training program clearly show that the subjects made a great progress in speaking fluency following exposure to the training program.

Conclusion

The present study aimed at determination of effect of games on oral fluency. It used a pretest and also a posttest to measure the effect language games may have on speaking fluency of subjects. After analyzing the obtained data, it was concluded that the training program significantly boosted oral performance of the subject in terms of fluency. Moreover, it was depicted that language games have great impacts on the

learning ability of the Iranian learners in terms of their oral fluency. However, there may be differences between use of textbooks and games to boost the speaking fluency as both programs may produce significant progress in the subjects. Future studies are directed toward determination of effect of other materials (e.g. films, audio stories, etc.) on speaking skill of students.

References

1. Bransford, J. D., Brown, A. L., & Cocking, R. R. (Eds.). (2000). *How people learn: Brain, mind, experience, and school*. Commission on Behavioral and Social Sciences and Education.
2. Ellis, R. (2005). Principles of instructed language learning. *Asian EFL Journal*, 7(3), 9-24. Retrieved February 12, 2006, from http://www.asian-efl-journal.com/September_05_re.php
3. Ersoz, A. (2000, June). Six games for EFL/ESL classroom. *The Internet TESL Journal*, 6(6), retrieved February 11, 2005 from <http://iteslj.org/Lessons/Ersoz-Games.html>
4. Freed, J. (2003). Evaluation of online learning: Design and implementation. Retrieved March, 18, 2005.
5. Fulcher, G. (1996). Testing tasks: issues in task design and the group oral. *Language Testing*, 13(1), 23-51.
6. Gardner, H. (1999). *Intelligence reframed: Multiple intelligences for the 21st century*. New York, NY: Basic Books.
7. Grosjean, F. (1980). Spoken word recognition processes and the gating paradigm. *Perception & Psychophysics*, 28(4), 267-283.
8. Hadfield, J. (1999). *Intermediate vocabulary games*. Harlow, Essex: Longman.
9. Hadfield, J. (1990). *A collection of games and activities for low to mid-intermediate students of English: Intermediate communication games*. Hong Kong: Thomas and Nelson and Nelson and Sons.
10. Hong, L. (2002). Using games in teaching English to young learners. *The Internet TESL Journal* (August, 8), [On-line serial]: Retrieved on 22-February-2008, at URL: <http://iteslj.org/Lessons/Lin-UsingGames.html>
11. Horwitz, E. K., Horwitz, M. B., & Cope, J. (1986). Foreign language classroom anxiety. *The modern language journal*, 70(2), 125-132.
12. Iwashita, N., Brown, A., McNamara, T., & O'Hagan, S. (2008). Assessed levels of second language speaking proficiency: How distinct?. *Applied linguistics*, 29(1), 24-49.
13. Jacobs, S. (1989). Speech acts and arguments. *Argumentation*, 3(4), 345-365.
14. Jacobs, G. M., & Lui, K. K. (1996). Integrating language functions and collaborative skills in the second language classroom. *TESL Reporter*, 29(1), 21-33.
15. Kodotchigova, M. A. (2002, July). Role play in teaching culture: Six quick steps for classroom implementation. *Internet TESL Journal*, 8(7). Retrieved February 13, 2006, from <http://iteslj.org/Techniques/Kodotchigova-RolePlay.html>
16. Kormos, J., & Dénes, M. (2004). Exploring measures and perceptions of fluency in the speech of second language learners. *System*, 32(2), 145-164.
17. Krashen, S.D. (1985). *The input hypothesis: Issues and implications*. New York: Longman.
18. Lee, J. F. (1995). Using Task - Based Activities to Restructure Class Discussions. *Foreign Language Annals*, 28(3), 437-446.
19. Lee, S. K. (1995, January-March). Creative games for the language class. *Forum*, 33(1), 35. Retrieved February 11, 2006 from <http://exchanges.state.gov/forum/vols/vol33/no1/P35.htm>
20. Lee, W. R. (1979). *Language teaching games and contests*. Oxford: Oxford University Press.
21. Lennon, P. (1990). Investigating fluency in EFL: A quantitative approach. *Language Learning*, 3, 387-417.

22. Long, M. H. (1991). Focus on form: A design feature in language teaching methodology. *Foreign language research in cross-cultural perspective*, 2(1), 39-52.
23. Mauer, J. (1997, September). Presentation, practice, production in the EFL classroom. *The Language Teacher*, 21(9). Retrieved February 12, 2006, from <http://jalt-publications.org/tlt/files/97/sep/maurer.html>
24. Mizera, G. J. (2006). Working memory and L2 fluency. Unpublished Doctoral Dissertation.
25. Prasad, A. (2003). Postcolonial theory and organizational analysis: A critical engagement. Palgrave Macmillan.
26. Raupach, M. (1980). Temporal variables in first and second language speech production. *Temporal variables in speech*, 263-270.
27. Richard-Amato, P. A. (1988). Making it happen: Interaction in the second language classroom: From theory to practice. New York: Longman.
28. Rixon, S. (1981). How to use games in language teaching. London: Macmillan.
29. Skehan, P. (1998). Task-based instruction. *Annual review of applied linguistics*, 18, 268-286.
30. Tavakoli, P., & Skehan, P. (2005). Strategic planning, task structure, and performance testing. In R. Ellis (Ed.), *Planning and task performance in a second language* (pp. 239–276). Amsterdam: John Benjamins.
31. Saricoban, A., & Metin, E. (2000). Songs, verse and games for teaching grammar. *The Internet TESL Journal*, 6(10), 1-7.
32. Swain, M. (1993). The output hypothesis: Just speaking and writing aren't enough. *The Canadian Modern Language Review*, 50, 158-164.
33. Thiagarajan, S. (1999). *Teamwork and teamplay: Games and activities for building and training teams*. San Francisco: Jossey-Bass.
34. Uberman, A. (1998, January-March). The use of games for vocabulary presentation and revision. *Forum*, 36(1), 20-27. Retrieved February 12, 2006, from <http://exchanges.state.gov/forum/vols/vol36/no1/p20.htm>
35. Wright, A., Betteridge, D., & Buckby, M. (1984). *Games for language learning*. New York: Cambridge University Press.
36. Wright, A., Betteridge, D., & Buckby, M. (2005). *Games for language learning* (3rd ed.). New York: Cambridge University Press.

Попова Д.А.

Воронежский государственный университет, Россия

**СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФАКТА ВОЗНИКНОВЕНИЯ /
СУЩЕСТВОВАНИЯ ПРОДУКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:
МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье на материале английского языка рассматриваются основные типы предикатных конструкций, репрезентирующих факт возникновения или создания финального продукта интеллектуальной деятельности человека, номинированного абстрактным существительным. Подчеркивается роль лексически-ориентированного синтаксиса в освоении абстрактной лексики при изучении иностранного языка.

Ключевые слова: абстрактное существительное, категоризация, предикатные конструкции, продукт интеллектуальной деятельности человека, лексически-ориентированный синтаксис

Popova D.A.

Voronezh State University, Russia

**WAYS TO REPRESENT CREATION / EXISTANCE OF THE PRODUCT OF
HUMAN INTELLECTUAL ACTIVITY IN ENGLISH: INSTRUCTIONAL
ASPECT**

The article deals with the main types of predicative constructions representing the fact of creation / existence of the product of human intellectual activity, nominated by an abstract noun, in the English language. The role of lexical syntax in the acquisition of the abstract vocabulary in the process of learning a foreign language is highlighted.

Key words: abstract noun, categorization, predicative constructions, product of human intellectual activity, lexical syntax

Усвоение абстрактной лексики в процессе обучения языку происходит тем образом, который подобен усвоению лексических единиц, обозначающих экстралингвистические объекты, что заключается в интуитивной трактовке абстрактной лексики исходя из эмпирического опыта человека в ходе его познавательной и предметной деятельности. Этот опыт, находя репрезентацию в семантике слов естественной абстрактной лексики, образует «языковую интуицию» говорящих, которая не только обеспечивает успешное владение языком, но и, по наблюдению В.М. Алпатова, составляет фундамент любого лингвистического исследования [1: 20-21]. В современной лингвистике большую популярность набирают такие подходы к исследованию языка, которые сочетают в себе изучение уровней языка в их взаимосвязи, например, лексико-ориентированный подход к изучению синтаксиса (Т.М. Чирко, Т.М. Ломова, А.М. Ломов, И.П. Распопов). Мы убеждены, что подобные исследования дают основания для более адекватного и системного усвоения языкового материала, что является ключевым моментом в изучении иностранного языка.

В нашем исследовании наше внимание сфокусировано на категории абстрактного имени, которое справедливо понимается Л.О. Чернейко как «высшая форма мыслительной деятельности человека», которая обобщает ничем, кроме мысли, не объединенные присущие материальной действительности ее стороны [4: 72]. Группа абстрактной лексики объединяет лексические единицы различных частей речи самой разнообразной семантики, однако в рамках нашего исследования анализируются только такие абстрактные существительные, которые номинируют финальный продукт интеллектуальной деятельности человека. Опираясь на данные авторитетных словарей Collins Cobuild, Longman Dictionary of Contemporary English, Oxford Dictionary of English Language, мы обнаружили в английском языке 14 таких ЛЕ: *apprehension, conception, consideration, fancy, idea, image, impression, notion, observation, perception, reflection, sentiment, theory, thought, concept, view*.

Взяв за основу направление лексически-ориентированного синтаксиса, важным аспектом которого, по справедливому мнению А.М. Ломова, является изучение комбинаторики использованных лексико-грамматических средств, что предполагает анализ валентных свойств последних, мы проанализировали абстрактные существительные, номинирующие продукт интеллектуальной деятельности человека, через предикатные конструкции, поскольку именно валентности глагола определяют структурный минимум компонентов, обеспечивающих информативную достаточность синтаксической единицы [2: 132; 3: 30].

В английском языке существует три типа смысловых предикатных конструкций, при помощи которых анализируемые абстрактные существительные представлены в языке, это 1) конструкции, обозначающие в языке факт возникновения или существования продукта мыслительной деятельности человека или обладания им; 2) конструкции, представляющие операции, которые человек может совершить над продуктом собственной интеллектуальной деятельности; и 3) конструкции, обозначающие действия, непосредственно совершаемые самими продуктами интеллектуальной деятельности. В рамках настоящей статьи рассмотрим одну из таких смысловых групп конструкций, а именно конструкции, репрезентирующие в языке факт возникновения или существования продукта мыслительной деятельности человека.

В результате синтаксического анализа выборки контекстов употребления интересующих нас абстрактных существительных из языковой базы British National Corpus of the English Language мы выявили пять типов синтаксических конструкций предложений, в рамках которых выражается идея существования / возникновения продукта интеллектуальной деятельности человека:

1. Конструкция типа *There VS*, где подлежащее S представлено непосредственно абстрактным существительным, а предикат V – глаголом *to be*. Подобная конструкция обозначает идею существования продукта ментальной деятельности человека, причем процесс его зарождения в сознании человека не принимается во внимание. Например, *There is a reasonable apprehension on the part of the defendant that he might be prosecuted in the United*

Kingdom. Unfortunately there is no semantic theory currently available that is able to work in such a way for a broad coverage of English.

2. Конструкция типа SVPrCo, где подлежащее S представлено местоимениями **it/this/that**, предикат – глаголом-связкой **to be** в соответствующей форме, а дополнение Co - абстрактным существительным, номинирующим продукт интеллектуальной деятельности человека. Данная конструкция требует наличие информации, уточняющей те условия, которым должен соответствовать продукт мыслительной деятельности, например, *It is a benefit to the husband for it to be so regarded, and that is sufficient consideration to support his promise. It is an elementary observation that, if the optimal solution of the relaxation of an ILP is integer-valued, it is also the optimal solution to the ILP.*

3. Конструкция типа SVOd, в которой в роли подлежащего S выступает агент действия, т. е. человек или группа лиц, профессионально занимающихся ментальной/интеллектуальной деятельностью. Предикат V представлен глаголами с тремя типами ядерных значений.

Первая группа состоит из глаголов с ядерным значением «to make, to produce»: *advance, build (up), construct, create, develop, form, frame, import, introduce, make, produce, project, put (across / forward), sketch: The main innovators of this transformation were not scientists but artists, especially Alberti, Brunelleschi and Leonardo, who created on their canvases and in their architecture and treatises a new conception of space. Mike Atherton made a curious but nonetheless accurate observation when he said that it was nice to get in early when the ball's new and not moving around a lot.*

Подобные предикаты предполагают активную интеллектуальную деятельность человека, которая результируется в создании определенного продукта, обозначаемого абстрактным существительным.

Вторая группа представлена глаголами с ядерным значением «to obtain, to possess»: *arrive at, experience, fall under, feel, gain, get, hold, obtain, be seized with, to be struck with, to be tinged with: Such counter-examples have led some philosophers to fall under the conception. Born in Affane, County Waterford, on St Valentine's Day in 1629, he was seized with the notion, in 1662, that he could cure the King's Evil or scrofula.*

Предикаты данного типа не подразумевают активных действий человека по завершению своей интеллектуальной деятельности созданием определенного ее продукта, а подчеркивают чувственную природу соприкосновения с ним или же спонтанность возникновения данного ментального образа в сознании его продуцента.

Третья группа объединяет глаголы, обозначающие процесс сообщения человеком в устной или письменной речи продукта своей мыслительной деятельности второму лицу или оперирования им: *articulate, bring, convey, disclose, enunciate, express, give sb, offer, reveal, send: Here in the social services, it seems to me, cannot be posed by disconnected, spasmodic pluses and minuses but by presenting a broad and large conception of the manner in which resources ought to be redeployed to meet modern realities. For example, in the case of housework the*

omission of this topic from both family sociology and the sociology of work clearly conveys a distorted impression of women's situation.

Из семантики глаголов, принадлежащих данному типу синтаксической конструкции, очевидно, что предикаты с общими семами «to make, to produce», «to obtain, to possess» и «to communicate» могут служить для языковой репрезентации категории оценки, поскольку многие из них, характеризуя продукт интеллектуальной деятельности человека, образуют производное и переносное значения, категоризуя таким образом обозначаемое абстрактного имени как материальную сущность, над которой возможно совершить физическое действие.

4. Конструкция типа *SV+Adverbial*, где подлежащее *S* выражено абстрактным существительным, предикат *V* - глаголом со значением «entrance» (*come, cross, pop*), а обстоятельство *Adverbial* принимает форму словосочетания *one's head / mind*. В данном случае продукт мыслительной деятельности человека наделяется способностью к перемещению в пространстве и самостоятельностью в выборе своего продуцента, а, следовательно, оценивается не как сугубо ментальная сущность, но как нечто, над чем представляется возможным совершить физическое действие: *A thought crossed her mind that he might well be keeping out of her way after his failure to secure some kind of punishment for Matthew's cruel and unacceptable behaviour earlier in the day. But maybe it was the way he was looking across at her with those all-seeing predatory jet-black eyes of his, but all at once an idea popped into her head.*

5. Конструкция *S+have+Od*, где подлежащее *S* – человек, результатом интеллектуальной деятельности которого является определенный продукт, номинированный абстрактным существительным, а дополнение *Od* – абстрактное существительное: глагол *to have* употребляется в значении «to possess», а человек воспринимается как обладатель объекта, не им самим произведенного: *We have no mental conception of what it is like to perceive the world through antennae. As you know, I am now in debt to the extent of about 700 gulden and I haven't the faintest idea how I am going to support myself.*

Заметим, что конструкции типа *SVOd* и *SV+Adverbial* обладают наиболее очевидным оценочным потенциалом. Семантический анализ синтаксических конструкций показал, что, используя определенный её тип, человек избирательно наделяет продукт своей ментальной деятельности особыми чертами, по природе ему не свойственными, такими как способность к перемещению, сознательность, активность, или же подчеркивает характер действий продуцента этой ментальной сущности (активность / пассивность), реализуя, таким образом, категорию оценки.

Мы полагаем, что результаты данного исследования будут полезны при обучении студентов языковых вузов лексико-синтаксической сочетаемости абстрактных имен, а именно тем средствам, при помощи которых абстрактные имена, в частности, существительные, обозначающие продукт интеллектуальной деятельности человека, находят свою репрезентацию в английском языке.

Литература

1. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. - 1993. - № 3. - С. 20–21.
2. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке. Понятийный словарь-справочник / А.М. Ломов. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 400 с.
3. Ломова Т.М. Лексически ориентированное описание синтаксиса в целях обучения иностранному языку / Т.М. Ломова, Т.М. Чирко. - Язык, коммуникация и социальная среда. - Выпуск 7. - Воронеж: ВГУ, 2007. С.29-36.
4. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. - М.: МГУ, 1997. – 349 с.
5. British National Corpus of the English Language [Электронная база]. – (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>)

Секция 8
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Крупская С.Ю.
к.и.н., НИУ «БелГУ», Россия

**РЕВИЗИЯ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛ-
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ВРАГА:
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930 - Х ГГ.**

В статье рассматривается проблема информационного обеспечения гитлеровской Германией ревизии Версальского миропорядка в 1936-1938 гг. и формирования образа «внешнего» врага. Проводится сравнительный анализ информационно-психологического воздействия нацистского пропагандистского аппарата на общественное мнение стран Западной и Центральной Европы (на примере рейнского (1936), австрийского (1938) и судетского (1938) кризисов). Прослеживаются формы и методы формирования позитивного образа гитлеровской Германии.

Ключевые слова: Версальская система международных отношений, региональные конфликты, национал-социалистическая пропаганда, ремилитаризация Рейнской зоны, аншлюс Австрии, Судетский кризис.

Krupskaya S.U.
Belgorod National Research University, Russia

**REVISION OF THE VERSAILLES SYSTEM OF INTERNATIONAL
RELATIONS AND THE NATIONAL-SOCIALIST IMAGE OF THE ENEMY
FORMATION: THE SECOND HALF OF THE 1930S.**

The problems of information support of Nazi Germany's revision of the Versailles world order in 1936-1938 and formation the image of an "external" enemy are shown in the article. A comparative analysis of information and psychological impact of the Nazi propaganda machine on the Western and Central Europe countries public opinion is conducted (on the example of the Rhineland (1936), Austria (1938) and Sudeten (1938) crises). The forms and methods of the Nazi Germany's positive image formation are shown.

Key words: The Versailles system of international relations, regional conflicts, Nazi propaganda, the remilitarization of the Rhine zone, the Anschluss, the Sudeten crisis.

События в Западной и Центральной Европе второй половины 1930-х гг. символизировали крах Версальского миропорядка, при этом поляризуя ситуацию и влияя на международную расстановку сил на континенте. Известно, что ревизия Версальской системы отношений гитлеровской Германией сопровождалась активным пропагандистским обеспечением, направленным на формирование общественного мнения и манипуляцию им.

В идеологическую основу подготовки ревизии была положена идея «Volksgemeinschaft», по которой единство немцев определялось биологическим фактором, принадлежностью к «северогерманской» расе, соответственно, даже проживающие за пределами Германии немцы входили в «единое германское народное сообщество» [8: 374-380].

Появление в информационной политике Рейха проблемы «зарубежных немцев» было связано с территориальными потерями Германии после Первой Мировой войны, когда нацистское руководство считало необходимым восстановить нарушенный Версальской системой «принцип национальности, увеличивающий разорванность германского народа и прибавляющий угрозу увековечивания этого состояния нации» [3: 49, 50]. Кроме того, по мнению Гитлера, «для самосознания великой державы было невыносимо в течение длительного периода видеть немцев, подвергающихся тяжелейшим преследованиям и поэтому она, имеет право принимать необходимые меры, которые позволят устранить ненужные мучения для меньшинств» [4: 35].

Образ внешнего врага национал-социалистической Германии базировался на психоэмоциональном компоненте, делающем ставку на массового потребителя - соответствии с «Mein Kampf», научная и интеллектуальная составляющие были сведены к минимуму, результатом чего стало упрощение процесса информационной обработки населения через внедрение в массы готовых стереотипизированных образов [17: 196]. Особенностью создания образа врага в рейхе стало наделение его комплексом упрощенных и негативных стереотипов.

Для создания и закрепления в среде европейской общественности подобных устойчивых образов нацистскими пропагандистами в 1930-х гг. активно использовались изобразительные средства, при этом акцент в них обязательно делался на сцены жестокости и насилия, осуществляемые «врагом» или же на исходящую от него опасность. В газетах, журналах, листовках использовались другие приемы - повторение устойчивых словосочетаний, образных выражений, помещение «нужных» заголовков на первую страницу, использование мелкого или крупного шрифта и др. Комплекс этих пропагандистских средств делал ставку на субъективно-эмоциональную оценку угрозы и «взрачивал» в умах толпы чувство отторжения, презрения и ненависти к врагу.

Достаточно активно данный образ эксплуатировался во время информационной подготовки ремилитаризации Рейнской зоны и чаще всего был представлен антифранцузской и антикоммунистической направлениями. Печатная нацистская пропаганда по этому поводу активно муссировала тезис о том, что Франция «со времени Версаля на европейском континенте пыталась держать Германию в цепях» [6: 214-215]. В этом контексте подчеркивалась и ответственность французов за глобальные последствия франко-советского пакта, поскольку после его подписания немцы стали представлять Францию как «государство, ориентированное в сторону большевизма», и считали своей задачей - «защиту Европы» от подобной опасности [5: 260]. Направляя основное острие удара на Францию, германские пропагандисты старались лишь

косвенно затрагивать СССР, предпочитали писать о Коминтерне, подчеркивая его тождество с Советским государством [1: 46-47]. Однако непосредственно перед ремилитаризацией Рейнской области германская пропаганда стала представлять СССР гораздо более резко, активно подчеркивая агрессивность его намерений [1:21]. Наиболее четко образ СССР как врага национал-социалистической Германии (зимой-весной 1936) был представлен в устных выступлениях лидеров рейха через использование противопоставлений «коммунистической диктатуры», «разрушительной концепции хаоса большевизма», «азиатского деструктивного мировоззрения» [15: 587] «миролюбию немцев» и их страху за всю Европу [11: 48]. Дополнялся положительный образ Германии также за счет демонстрации таких «своих» качеств, как мужество, смелость, честь и др. [15: 595-596].

Процесс разработки и наполнения национал-социалистами образа внешнего врага в австрийском направлении проходил более «успешно». Важной особенностью пропагандистского оформления образа врага в связи с подготовкой аншлюса Австрии (до 1936) стал его слишком аморфный характер, основанный на дестабилизирующей составляющей. Более четкий образ «вредителя» в Австрии использовался немцами с начала 1936 г. и включал в себя не только СССР, но и в целом понятие «австрийской республики», «Версальского договора» и канцлера Шушнига, «не желавшего наводить в государстве порядок». В отношении австрийского правительства германская пропаганда сосредоточилась на декларации таких его качеств, как коррупционность, политическая, экономическая, военная слабость и пр. [19: 1936. 16. Apr.; 18: 1936. 15. Apr.; 14: 1936. 18. Apr.; 13: 1936. 17. Apr.]. Образ СССР использовался для устрашения австрийской общественности время от времени, систематически же стал применяться только с января 1938 г. (в собственно австрийском направлении) и наделялся такими качествами, как жестокость, агрессивность, дезинтеграция. Заметна тенденция слияния (в отношении советской России) в единый образ трех компонентов - расового/национального, идеологического и политического, например, в программных речах нацистских лидеров (1938) активно употреблялись словосочетания типа - «еврейский, большевистский интернационал», «еврейско-интернациональный коммунизм» [3: 28]. В целом, кампания в прессе некоторое время носила «миролюбивый» в отношении австрийцев характер, на фоне чего подчеркивалась отрицательная роль «красных», «несчастное» положение населения (до аншлюса), которое не могло организовать сопротивление, подчеркивалась роль Германии как «спасительницы Австрии». Однако перед аншлюсом национал-социалистская пропаганда предприняла попытку создания образа Австрии как «разлагающейся» страны, пришедшей к такому состоянию в результате «козней большевиков и чехов». Германия заявила, что она не в состоянии больше «переносить убийства немцев немцами» [12: 51-52]. Сообщения из Австрии подавались под заголовками о «большевистском хаосе, угрожавшем самостоятельности и независимости Австрии [13: 1938. 11 März], большевистской провокации, союзе Шушниг - Сталин», об обидах, чинимых в Австрии германским подданным, и т.п. [7: 122].

В отношении Чехословакии, акцент при формировании образа врага делался на его большевистскую составляющую. Анализ прессы Третьего рейха за июнь - август (1938) позволяет сделать выводы о том, что германские журналисты скрупулезно и критически комментировали, точнее, критиковали деятельность чехословацкого правительства. На страницах нацистских газет расписывали практически каждое событие, происходившее в Чехословакии в мрачных тонах. Пресса пестрела заголовками о «чудовищных зверствах чехов», «кровавом терроре», о «проповеди ненависти чехами», «чешском империализме», «о нарушении границы чешскими самолетами», «грязных делах правительства» в отношении судетских немцев, подчеркивалось бедственное положение в Судетской области [13: 1938. 1, 9, 18. Juli; 2, 9, 10, 11, 15, 30. Aug.; 19: 1938. 1, 6, 17. Juli]. Такая методика представляла собой «контролируемое распространение сознательно искаженных представлений» [9: 244]. При этом, известно, что в связи с утверждениями о голоде и бедственном положении германские журналисты использовали инсценировки, чтобы подкрепить статьи «вещественными доказательствами» в виде фотографий [2: 222].

В сентябре 1938 г. германская пропаганда стала активно использовать в отношении чехословацкого государства одну из основных классических составляющих «образа врага» - демонизацию. Например, Чехословакию объявили «чешской преисподней со всадниками Апокалипсиса» [10: 197]. Враг преподносился как воплощение вероломства, он посылал своих агентов всюду, в том числе, в Германию и Чехословакию. Он разжигает везде конфликты. После навязывания таких посылок снова повторялся тезис о том, что только «цивилизованные нации Европы» могут противостоять такому «варварству». Во главе борьбы с таким врагом должна стоять национал-социалистическая Германия, несущая красоту и радость. Эти акценты усиливались тиражированием словосочетаний типа «гуситские убийцы», «темный средневековый режим», «ужасные злодеяния», и другие аналогичные, которые пестрели как в текстах газетных заметок, так и выносились в заголовки [13: 1938. 1, 2. Sept.; 16: 1938. 3, 6. Sept.; 19: 1938. 3, 4, 8, 9, 13, 21. Sept.; 14: 1938. 2, 5, 6. Sept.].

Вскоре, как известно, судьбу судетских земель решит Мюнхенская конференция (сентябрь 1938). Не последнюю роль в уступчивой политике европейских стран в чехословацком вопросе сыграет сформированный в его контексте нацистской пропагандой образ врага.

Так, национал-социалистическая пропаганда в рассматриваемых европейских конфликтах, по большей части, использовала «активный, нападающий» образ врага, подчеркивая, таким образом, агрессивность его намерений. Для создания такого образа были использованы стандартные схемы наполнения его негативными, противоестественными качествами, такими как, насилие, аморальность, жестокость, ничтожность, коварство и др. Поскольку ведущей была именно психоэмоциональная составляющая, то нацистские пропагандисты прибегли к крайне гипертрофированной подаче свойств врага. Результативность такого сконструированного «образа врага» в

информационном пространстве обеспечивалась техникой противопоставления. Так на фоне «крайне отрицательных» качеств врага использовался «крайне положительный» образ самой национал - социалистической Германии, ее руководства и народа. Подобные манипуляции общественным мнением предоставляли нацистскому руководству «достойные» предлоги для внедрения в массы идеи «действия», подразумевающей борьбу и, в конечном счете, уничтожение врага. Помимо этого, вмешательство рейха в европейские региональные конфликты для достижения своих целей представлялось весьма «оправданным».

Литература

1. Архив Внешней Политики РФ (далее - АВП РФ). Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 45.
2. АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 142. Д. 45, 56.
3. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 23. П. 51. Д. 6.
4. АВП РФ. Ф. 082. Оп. 18. П. 81. Д. 11.
5. АВП РФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 8.
6. АВП РФ. Ф. 82. Оп. 19. П. 65. Д. 24.
7. Документы внешней политики СССР. Т. 21. 1 января — 31 декабря 1938 г. М., 1977.
8. Кульков Е.Н. К вопросу о трактовке в ФРГ истории нацистской Германии / Е.Н. Кульков // Война. Народ. Победа: материалы междунар. науч. конф. Москва, 15-16 марта 2005 года.- М., 2008.
9. Работяжев Н.В., Соловьев Э.Г. Феномен тоталитаризма: политическая теория и исторические метаморфозы. – М.: Наука, 2005.
10. Российский Государственный Военный Архив. Ф. 1493 К. Оп. 1. Д. 9.
11. Ширер У. Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента. М.: ЗАО Центрполиграф. 2002.
12. Ярошенко В.Н. «Черный» эфир: Подрывная пропаганда в системе буржуазного внешнеполитического радиовещания. – М.: Искусство, 1986.
13. Der Angriff. 1936, 1938.
14. Deutsche Allgemeine Zeitung. 1936, 1938.
15. Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932-1945: 2 Bde. Bd. 1. Triumph (1932-1938). Würzburg: 1962.
16. Frankfurter Zeitung. 1938.
17. Hitler A. Mein Kampf. München, 1936.
18. NSZ - Rheinfront. 1936.
19. Völkischer Beobachter. 1936, 1938.

Малай В.В.

д.и.н., НИУ «БелГУ», Россия

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ (1936-1939): БРИТАНСКИЙ РАКУРС

В статье на основе анализа британских внешнеполитических документов и материалов Архива внешней политики РФ рассматриваются основные интересы Великобритании в связи с Гражданской войной в Испании 1936-1939 гг.: геополитические, стратегические, идеологические, союзнические, формы и способы их реализации.

Ключевые слова: гражданская война в Испании 1936-1939, политика невмешательства в дела Испании, внешняя политика Великобритании накануне второй мировой войны, международные аспекты.

Malay V.V.

Belgorod National Research University, Russia

BRITISH INTERESTS IN THE CONTEXT OF THE SPANISH CIVIL WAR (1936-1939) INTERNATIONAL ASPECTS

Based on the analysis of British foreign policy documents and materials of the Russian Federation Archives of foreign policy the article considers the main interests of Great Britain in connection with the Civil war in Spain 1936-1939: geopolitical, strategic, ideological interests, allied, forms and ways of their realization.

Key words: Spanish Civil war 1936-1939, Non-Intervention policy, British foreign policy before the Second World War, international relations.

Гражданская война в Испании 1936-1939 гг. с ее глубокой степенью интернационализации серьезно повлияла на ситуацию в Европе. Комплекс проблем, порожденных этим региональным конфликтом, поставил руководителей Великобритании перед необходимостью корректировки ряда аспектов внешнеполитической доктрины.

Первые британские оценки испанской ситуации делались в целом сквозь призму имперских интересов: это подчеркивали руководители и общественные деятели различных политических направлений. Например, в беседах с Майским Лотиан (либерал) 10 декабря 1936 г., герцогиня Аттольская (3 декабря 1936), министр обороны Инскип (22 ноября 1937), Ллойд-Джордж (1 июля 1937), редактор «Обсервер» Гарвин (ноябрь 1937) и др. [5: 69; 6: 80, 158, 164]. Примечательно, что первые британские внешнеполитические документы по вопросам испанской войны 1936-1939 гг. были посвящены именно экономическим аспектам проблемы [8: doc.1, 2, 6, 11]. Лишь углубление испанского кризиса заставило британские правящие круги более внимательно отнестись к его континентальной составляющей. Геополитически в испанской проблеме у Англии доминировали проблемы Пиренейского полуострова как такового (Гибралтар) и средиземноморский аспект.

Гражданская война в Испании предоставляла возможность укрепления или поднятия международного авторитета ведущих европейских стран.

Великобритания, как и Франция, сочла лучшим вариантом «нейтральную» позицию – невмешательство, подключив к подписанию Соглашения о невмешательстве в дела Испании в августе 1936 г. 27 европейских государств [11: 45-54]. Для Британии появлялась удобная перспектива, соблюдая «нейтралитет», не прилагая особых (материальных, военных) усилий, погасить конфликт чужими руками, и, не испортив ни с кем отношений, воспользоваться конечными результатами. При этом для поддержания престижа «великой морской державы» ей нужно было максимально возможно сохранить свои позиции в Средиземном море.

На начальном этапе войны британский кабинет, как замечал советский полпред в Лондоне И.М.Майский, «с инстинктивной английской осторожностью» делал ставку на нейтралитет, точнее, на не проявление симпатий ни к одной из борющихся сторон: «если правительство победит, они могут вспомнить наше невмешательство и отказ продавать оружие как факт расположенности к мятежникам». Нейтралитет, по мнению английских политиков, облегчит в дальнейшем ликвидацию гражданской войны в Испании». Победа любого из экстремистских режимов (правительство Народного фронта приписывалось к таковым) не отвечала британским интересам [5: 70; 6: 65; 8: 208-209].

С другими европейскими странами у Великобритании совпали, пусть и формально, задачи – не позволить конфликту выйти за рамки Испании, сохранение ее территориальной целостности. В понятие локализации конфликта помимо ограничения его рамок Англия включала задачи сохранения и укрепления своих позиций, как за Пиренеями, так и в Европе в целом. Как известно, Испания обладала залежами высокообогащенной железной руды, цинка, угля. Пусть и не самые обильные, они привлекали внимание зарубежных покупателей и инвесторов. Великобритания контролировала в тот период 20% иностранных инвестиций в испанской экономике [14: 222; 13: 16]. Испания в случае вытеснения из нее Франции и Великобритании могла стать удобным рынком для сбыта итальянской продукции. Британский премьер Н. Чемберлен полагал, что, «если испанская война не закончится быстро или, по крайней мере, не будет полностью локализована, можно опасаться в дальнейшем еще более серьезных потрясений в Европе» [6: 97].

В декабре 1936 г. министр иностранных дел Великобритании А. Иден признал, что испанская война превратилась в «международную войну», к исходу которой Англия, как и вся Европа не может относиться равнодушно [6:30]. В национальных интересах Англии, как и Франции было стараться максимально дольше соблюсти нейтралитет. К мировой войне ни один из ведущих участников «испанского гамбита» не был готов ни в военно-политическом, ни моральном (общественное мнение) плане. Как подчеркивал в начале 1937 г. государственный министр Франции Шотан, «и Франция, и Англия заинтересованы в том, чтобы отсрочить момент вооруженного конфликта с Германией» [4: 8].

Официальный Лондон открыто не поддержал какую-либо сторону, но симпатии британского кабинета постепенно выкристаллизовывались в

направлении франкистов. Отметим прозорливость Ф.Франко в этом вопросе: уже 8 августа 1936 г. в телеграмме в Лондон он давал формальные гарантии, что не заключит никаких территориальных соглашений с Римом или Берлином как вознаграждение за их помощь [15: 7]. В той ситуации не менее важной была молчаливая «поддержка» мятежников со стороны Англии, не препятствовавшей итало-германским действиям на Пиренейском полуострове.

В декабре 1936 г. впервые британское правительство с полной определенностью заявило, что Великобритания «глубоко заинтересована в сохранении целостности и неприкосновенности Испании и испанских владений», подтвердив идею мира, «по крайней мере, в Европе» [6: 27-28, 30].

Но знаменитый британский план урегулирования испанского конфликта от 14 июля 1937 г. означал едва ли не самый серьезный, в случае реализации, шаг в дальнейшем разрушении единства Испании по политическому признаку. Он предполагал признание права воюющей стороны за Франко, т.е., закрепление на международно-правовом уровне ситуации, сложившейся к тому времени на Пиренейском полуострове. Резолюция, признававшая в целом британский план от 14 июля 1937 г., была принята на пленарном заседании Комитета по невмешательству 4 ноября 1937 г. [3: 104-105; 1: 167-168].

Несколько ранее на территорию мятежников были назначены британские посланники, т.н. «агенты». Республиканское правительство не без основания считало, что назначение английских послов на мятежную территорию еще более нарушило относительное равновесие в стране, сохранение которого отвечало интересам и британской стороны [2: 156].

Опасения Британии, что испанский конфликт «может стать причиной огромной катастрофы, охватывающей целый континент или даже полушарие» [6: 27] периодически усиливались согласованными выступлениями Германии, Италии и Португалии на заседаниях Комитета по невмешательству в дела Испании. Дискуссии в Комитете достаточно четко отразили ослабление британского влияния в Лиссабоне. Британский консул в Лиссабоне С.И. Додд еще в начале августа 1936 г. писал: «фашистский режим в Испании будет опасен Португалии, равно как и Британии в Средиземном море, т.к. он неизбежно попадет в орбиту деятельности Германии и Италии» [8: 70].

Иден уже в начале 1937 г. прозорливо называл Испанию, Мемель, Данциг, Чехословакию опаснейшими точками на карте предвоенной Европы: «Если германское внимание не зафиксировать на Испании, будет весьма затруднительно сдержать агрессию этой страны на любом из трех других направлений». Из этого вывода следовала тактическая установка быть покладистыми по испанскому вопросу, чтобы максимально выиграть время (в Европе) и сохранить свое господство в колониальном и морском пространствах [9: 38; 6: 161]. Как бы подытоживая провал такой политики, Ллойд-Джордж в феврале 1939 сделал известное высказывание: «Политика правительства, являющаяся образец нелепого оптимизма и тупости, привела к тому, что Британский Лев попал в западню. Только принятием немедленных мер мы можем изменить обстановку, чтобы эта ловушка окончательно не захлопнулась» [10: 1939.2 Feb.].

И если задача ликвидации «прокоммунистического очага» в Испании была, пусть и в разной форме, поставлена всеми западноевропейскими странами, то действия британских политических кругов на начальном этапе испанской войны определялись далеко не идеологическими побуждениями. Один из первых британских меморандумов по Испанской войне (12 августа 1936) назывался «Об опасности создания идеологических блоков в Европе», но собственно идеология не была здесь главным мотивом. Политические интересы оказывались намного значимее [8: 90-91].

Прагматизм сквозил в резолюции по итогам заседания британского министерства иностранных дел от 1 сентября 1936 г.: «Трудно определить, победа правых или левых более желательна с точки зрения британских национальных интересов. В целом, нужно признать, что экстремистское правительство любого направления будет серьезным стеснением для нас». Не политическая или идеологическая солидарность, а – «наши собственные интересы». Несколькими днями раньше Иден писал: «Мы должны быть известны как нейтральная страна в большей мере, чем другие, компромисс – в наших национальных интересах. Победа любой из радикальных сторон наиболее нежелательна для нас, нужно сохранить возможность компромисса любыми средствами». В комментарии к документу он добавит: «Я не вижу в наших интересах доводов «за» или «против» победы, как фашизма, так и коммунизма» [8: 208-209]. На случай обвинения в невмешательстве при победе республиканского правительства было заготовлено оправдание, что так поступали все европейские страны. Следовательно: «Наш природный инстинкт будет, без сомнения, пытаться сохранить нейтралитет в этой битве между фашизмом и коммунизмом» [8: 90].

В день начала испанского мятежа лондонская «Таймс» (The Times) писала, что «цель британской политики – избежать повторения такой инициативы в отношении согласованной европейской политики, которая может разделить Европу на противоположные лагеря» [10: 1936.17 Jul.]. Осложнение ситуации в Европе (в том числе и политикой «невмешательства» в дела Испании) в 1937-1938 гг., усилило значимость проблемы противников и союзников в назревавшей войне. Заключение франко-советского пакта о взаимопомощи (1935), приход к власти левых сил во Франции (1936) дали британским политикам повод опасаться потерять в лице этой страны потенциального политического союзника. Британское руководство поставит на повестку дня задачу «нашей защиты Франции всеми возможными способами от нашествия коммунизма под влиянием гражданской войны в Испании» и «помочь Л. Блюму освободиться из-под русского влияния» [8: 91, 270, 773].

«Испанский козырь» сыграл не последнюю роль и в «борьбе за Францию» 1936 - 1939 гг. между Великобританией и СССР. Поставленная перед выбором - где больше терять: «на британских качелях или на русской карусели», Франция вынуждена была в итоге склоняться к первым: «Русский аспект в Испании обманет ожидания, создавая при этом разногласия с английскими настроениями. Я [Ванситарт – В.М.] подчеркнул это мистери

Легеру с просьбой повторить Блюму, что тому будет оказана помощь в сопротивлении русскому нажиму или корректировке тактики» [8: 270].

По мере поправления французского правительства «для французских правых «красная угроза была страшнее «коричневой опасности» [12: 22]. Франция уже во многом уступила инициативу в решении глобальных европейских проблем (в том числе, и испанской) Великобритании, и вопрос о ее союзничестве почти не вызывал сомнений у британских политиков. В Комитете по невмешательству в дела Испании с лета 1937 г. Франция почти полностью следовала британскому курсу.

Таким образом, запугивая Францию угрозой фашистской интервенции и «красной чумы», активно злоупотребляя «испанским фактором», Великобритании, а потом - Германии и Италии удалось за годы Испанской войны «оторвать» Францию от СССР (который, в сложной предвоенной политической игре, наложенной на идеологическое противостояние, не смог предложить Франции более весомые, чем Англия, «козыри»).

Перед лицом новой угрозы, многократно усиленной испанской войной, отношения по линии Лондон-Париж-Москва не приобрели нового содержания, которое было так востребовано временем и необходимо для останковки этой угрозы.

Боязнь союзов, сепаратных соглашений в годы испанской войны всеми будущими членами антигитлеровской коалиции привела к тому, что договор становился орудием политической борьбы. Итоги ее станут печальными для всех участников.

Литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф.69. Оп. 27. П.87. Д.25.
2. АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П.4. Д.37.
3. АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П.4. Д.38.
4. АВП РФ. Ф. 011. Оп. 1. П.7. Д.73.
5. АВП РФ. Ф.069. Оп.20. П.60. Д.4.
6. АВП РФ. Ф.069. Оп.21. П.62. Д.4.
7. Документы внешней политики СССР. Т.20. М., 1976.
8. Documents on British Foreign Policy (DBFP). 2nd ser. Vol.17.
9. DBFP. 2nd ser. Vol.18.
10. The Times. 1936-1939.
11. Малай В.В. Гражданская война в Испании 1936-1939 годов и Европа. М., Наука, 2011.
12. Чельшев И.А. СССР – Франция: трудные годы 1938 – 1941. М., 1999.
13. Esch P.A.M. Prelude to War: The International Repercussions of the Spanish Civil War, 1936-1939. The Hague, 1951.
14. Monroe E. The Mediterranean in Politics. Oxford, 1939.
15. Moradiellos E. The Gentle General: The Official British Perception of General Franco during the Spanish Civil War // The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936-1939. Ed. by P. Preston a. A.L. Mackenzie. Edinburg, 1996.

Орехова М.С.
к.и.н., НИУ «БелГУ», Россия

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

В статье проводится анализ российского опыта трансграничного сотрудничества на современном этапе. Выявлены этапы становления и развития российского регионализма, основные формы и участники приграничного взаимодействия. В статье проанализировано современное состояние трансграничных интеграционных процессов с участием российских регионов, выявлены основные препятствия его расширения и углубления, а также обозначены перспективные возможности дальнейшего развития.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, еврорегион, трансграничный регионализм.

Orehova M.S.
Belgorod National Research University, Russia

PROBLEMS AND PROSPECTS OF CROSS-BORDER COOPERATION OF THE RUSSIAN REGIONS IN THE CURRENT GEOPOLITICAL ENVIRONMENT

The article analyses the Russian experience of cross-border cooperation at the present stage. It identifies the stages of forming and development of Russian regionalism, basic forms and members of cross-border cooperation. The article analyses the current state of cross-border integration processes with the participation of the Russian regions and reviewed the main obstacles of its expansion and intensification, as well as it marked promising opportunities for further development.

Key words: cross-border cooperation, Euroregion, cross-border regionalism.

Интеграционные процессы в современном мире характеризуются глобальным, межгосударственным и региональными уровнями становления политических и социально-экономических связей. При этом роль трансграничного взаимодействия приграничных территорий сопредельных стран неуклонно возрастает. Представляется актуальным оценить промежуточные итоги участия российских регионов в трансграничном сотрудничестве, выделить основные проблемы и достижения, а также оценить перспективы российского регионализма с учетом изменившейся геополитической ситуации.

Отсчет истории становления и развития трансграничного взаимодействия субъектов РФ начался практически с момента распада СССР. Исследователи выделяют следующие этапы процесса:

- I этап (1991-1996 гг.) характеризуется неорганизованными попытками муниципальных и региональных властей, а также субъектов экономической деятельности смягчить последствия разрушения социально-экономических

связей на постсоветском пространстве и сохранением некоторой инерции восприятия общего советского прошлого;

- II этап (1997-2003 гг.) - образование первых еврорегионов с участием приграничных территорий РФ, Украины, Белоруссии и европейских стран;

- III этап (2004-2009 гг.) – институциональное и правовое оформление трансграничного сотрудничества российских регионов, дальнейшее расширение числа еврорегионов с российским участием.

- IV этап (с 2009 г. по настоящее время) характеризуется замедлением динамики роста и углубления взаимодействия приграничных территорий РФ с сопредельными областями под давлением геополитических факторов и внутривнутриполитических процессов в России и соседних странах[1: 2007].

В настоящее время субъекты Российской Федерации взаимодействуют с приграничными территориями соседних стран в формате 11 еврорегионов. Наблюдается значительная асимметрия в интенсивности трансграничных контактов: районы Калининградской области участвуют сразу в пяти проектах (еврорегионы «Неман», «Балтика», «Сауле», «Лына-Лаве», «Шеуле»). Эти еврорегионы были сформированы до 2004 г. и накопили значительный опыт приграничного сотрудничества с польскими воеводствами и округами Литвы, Латвии, Швеции и Дании. Однако эксклавное положение Калининградской области препятствует транслированию положительных эффектов такой интеграции на другие субъекты Российской Федерации.

Четыре еврорегиона образованы с участием украинских территорий («Днепр», «Слобожанщина», «Ярославна», «Донбасс»). С сожалением приходится констатировать, что характер отношений регионов России и Украины в 2003-2013 гг. носил нестабильный характер и во многом зависел от состояния российско-украинских межгосударственных отношений. В настоящее время в связи с ужесточением порядка пересечения границы интенсивность приграничного сотрудничества резко снизилась, многие проекты прекращены или заморожены.

Достаточную успешность и слабую зависимость от внешнеполитической конъюнктуры демонстрируют еврорегионы на российско-финской границе («Карелия») и на границе с ЕС («Псков-Ливония»). Соглашение об образовании «Псков-Ливония» было подписано в 2004 г., однако приграничное взаимодействие соседних районов Эстонии, Литвы и Псковской области началось значительно раньше – еще в 1996 г. был образован Совет по приграничному сотрудничеству этих территорий.

К основным сферам деятельности еврорегионов относятся:

- взаимодействие региональных и муниципальных органов управления, направленное на повышение квалификации кадров в сфере приграничного сотрудничества, консультации и обмен опытом;

- формирование региональной идентичности, сохранение и развитие культурного потенциала региона;

- развитие сотрудничества в социальной сфере (образование, здравоохранение, социальная защита);

- совместные экологические и природоохранные проекты;

- развитие приграничной транспортной инфраструктуры, организация и упрощение режима пограничных переходов;

- согласование планов развития приграничных территорий, разработка и реализация различных социально-экономических проектов, выгодных всем заинтересованным сторонам[2: 78-79.].

Еврорегионы, сформированные российской стороной с участием европейских стран, являются участниками Ассоциации европейских приграничных регионов (АЕВР) и получают финансовую помощь в рамках поддержки региональных программ ЕС (INTERREG, TACSIS и др.) [3]. Однако в структуре европейской регионализации «внешние» еврорегионы с участием стран, не входящих в ЕС, носят подчиненное значение, их финансирование не относится к числу приоритетных. В то же время эксперты подчеркивают, что финансовое участие российской стороны, зачастую, недостаточное. Кроме того, многие выделенные финансовые фонды оказываются неосвоенными ввиду недостаточной квалификации и возможностей российских участников в реализации инфраструктурных и экономических проектов.

В системе приоритетов российского регионализма преобладает коммуникативный компонент. Наибольшую интенсивность демонстрируют социокультурные связи между образовательными учреждениями всех уровней: от школ до университетов. Это связано с относительно невысокими финансовыми затратами и отсутствием необходимости согласования таких контактов на федеральном уровне. Культурные мероприятия в форме дней традиционной культуры, праздников, ярмарок и фестивалей также стали повседневным явлением в жизни приграничных российских областей. По мнению экспертов, такие формы трансграничного сотрудничества играют существенную роль в формировании региональной идентичности, но не являются конечной целью сотрудничества, и характерны для начального этапа становления трансграничных связей. Кроме того, российская сторона демонстрирует слабую заинтересованность в наиболее перспективных областях взаимодействия: технологической и инновационной.

К менее успешным сферам приграничного сотрудничества российских регионов относятся туризм и экология, в то время как европейские партнеры традиционно демонстрируют высокую заинтересованность именно к совместным природоохранным проектам. Эксперты отмечают размытость целеполагания российского трансграничного регионализма, что становится важным препятствием в разработке и реализации взаимовыгодных трансграничных проектов[4: 204].

Существенной преградой развития российского регионализма низкий уровень полномочий муниципальных и региональных властей при сохранении высокой степени централизации государственной власти. Это объясняет слабую инициативность местных властей в развитии приграничного сотрудничества, бюрократические препоны в принятии решений и получении финансовых средств. По мнению экспертов, перераспределение властных полномочий и выработка взвешенной региональной политики является основой

дальнейшего расширения и развития трансграничного сотрудничества регионов РФ [5: 239].

Российский регионализм отличается от европейского слабой вовлеченностью негосударственных и некоммерческих акторов, что связано с низким уровнем развития институтов гражданского общества, а также неоднородностью пограничных режимов. Существующие границы и таможенные барьеры являются главным препятствием в трансграничном сотрудничестве экономических субъектов, прежде всего, частного бизнеса. Неравномерность развития приграничных территорий соседних стран, различная степень освоенности земель, слабая заселенность пограничных районов также снижают возможности российского регионализма.

В то же время потенциал наиболее перспективного российско-белорусского приграничного сотрудничества на сегодняшний день практически не освоен. «Днепр» - единственный еврорегион с участием субъектов РФ (Брянская область) и Белоруссии (Гомельская область). Обе страны имеют тесные политические связи, входят в Таможенный Союз ЕАЭС, не имеют территориальных претензий и нерешенных пограничных споров. В период ослабления связей с Украиной и подписания ею ассоциированного соглашения с ЕС партнерство в Белоруссией приобретает особую актуальность.

Асимметричность российского регионализма проявляется также в недостаточном развитии приграничного сотрудничества на южных и юго-восточных границах страны. Прежде всего, это касается Казахстана, с которым нас связывает не только протяженная граница, но и длительный опыт партнерства в рамках СНГ, ОДКБ, Таможенном Союзе ЕАЭС и других региональных интеграционных организациях. Тесное сотрудничество приграничных территорий РФ и Казахстана может способствовать восстановлению утраченных социально-экономических связей, совместному противодействию нелегальным видам экономической деятельности, реализации необходимых экологических проектов и многим другим. На сегодняшний день накоплен позитивный опыт сотрудничества правоохранительных органов обеих стран, регулярными стали форумы приграничных регионов РФ и Казахстана, которые, однако, слабо выходят за рамки торгово-культурных мероприятий. По мнению экспертов Евразийского банка развития, российско-казахское приграничье еще не является функционирующим макрорегионом [6: 41].

В заключении необходимо отметить, что западными и северо-западными регионами Российской Федерации накоплен значительный опыт сотрудничества в формате еврорегионов. Он доказал необходимость и значимость такой формы взаимодействия соседствующих территорий для выравнивания их социально-экономического потенциала, снижения производственных издержек, формирования региональной идентичности. В то же время геополитическая ситуация последних лет препятствует дальнейшему развитию существующих проектов, особенно на границе с Украиной. В этих условиях пространство трансграничного сотрудничества должно расширяться в сторону более тесного взаимодействия со странами СНГ, отношения с которыми носят более стабильный характер. В то же время необходимым

условием реализации принципов регионализма является соблюдение субсидарности, т.е. перераспределение компетенций от центральной власти к региональному и муниципальному уровням.

Литература

1. Глазова С.С., Панфилова Е.А., Биганова М.А. Сравнительный анализ европейского и российского трансграничного регионализма // Фундаментальные исследования. № 11-9. 2014. С. 2003-2009.
2. Корнеев В., Федоров Г. Еврорегионы – новый формат взаимодействия // Космополис. № 2 (21). 2008. С. 75-85.
3. Ассоциация европейских приграничных регионов АЕВР. [электронный ресурс]. <http://www.aebr.eu> (Дата обращения: 25.03.2016).
4. Характер и результаты развития трансграничных регионов в различных институциональных условиях на примере еврорегионов «Эресунн», «Псков-Ливония» и «Днепр» // Вестник международных организаций. Т. 8 № 4. М.: Высшая школа экономики, 2013. С. 196-211.
5. Рябов Д.В., Яковенко Г.В., Окунева А.В., Яковенко А.Г. Анализ современной практики и особенностей приграничного и трансграничного сотрудничества Российской Федерации с государствами-членами СНГ // Известия МГТУ «МАМИ» № 2(14), 2012. Т. 3. С. 238-241.
6. Таможенный Союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России. СПб, Центр интеграционных исследований, 2012. 100 с.

Тимошкова О.А.

к.и.н., НИУ «БелГУ», Россия

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ БРИТАНСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В ОТНОШЕНИИ ГЕРМАНИИ: ИСПАНСКИЙ «ВЕКТОР» (1936 – МАЙ 1937 Г)

Статья посвящена взаимодействию Лондона с официальным Берлином в контексте разрешения международных проблем, порожденных первым этапом гражданской войны в Испании (1936 – май 1937 г.). Рассмотрены усилия правительства С. Болдуина в налаживании контактов с германским руководством и дипломатическими кругами с целью обеспечения защиты британских стратегических интересов в Европе.

Ключевые слова: гражданская война в Испании, международные отношения 30-х гг. XX в., внешняя политика Великобритании, британо-германские отношения.

Timoshkova O.A.

Belgorod National Research University, Russia

TO THE ISSUE OF FORMING BRITISH FOREIGN-POLICY STRATEGY FOR GERMANY: THE SPANISH POLITICAL "VECTOR" (JULY 1936 – MAY 1937)

The article is devoted to interaction of London with the official Berlin in the context of resolving international problems caused by the first stage of the Civil war in Spain (1936 – May 1937). The author has investigated the efforts of S. Baldwin's Government in establishing contacts

with the German leadership and the diplomatic community in order to protect British strategic interests in Europe.

Key words: Spanish Civil War, international relations in Europe, foreign policy of Great Britain, British-German relations.

Во второй половине 1930-х гг. взаимоотношения с Германией являлись для Великобритании одним из приоритетных направлений в европейской внешнеполитической стратегии. Интернационализация испанской гражданской войны стала серьезной международной проблемой, в контексте которой официальному Лондону необходимо было выстраивать свои отношения с Берлином, как в ходе реализации провозглашенного в конце августа 1936 г. невмешательства в дела Испании, так и двусторонних контактов. Гитлер стремился использовать новый европейский очаг напряженности для активизации экспансии в Центральной и Восточной Европе, сам факт конфликта – как средство консолидации фашистских сил на континенте [11:60-63; 12: 42]. Подобные установки представляли угрозу национальным британским интересам и вызывали обеспокоенность официального Лондона.

На начальном этапе войны в Испании официальный Берлин обозначил и весьма утрировал идеологический аспект вооруженного противостояния в Испании [10: 23]. Британское правительство обоснованно отказалось вести диалог с Германией в русле антикоммунистической риторики. Глава Форин Офис Э. Иден видел в последствиях событий на Пиренеях опасность разделения Европы на два противоборствующих лагеря [2: 25].

Несмотря на готовность к диалогу, руководство Великобритании было встревожено внешнеполитическими устремлениями Германии, озвученными руководством НСДАП на партийном съезде в Нюрнберге (сентябрь 1936 г.): требованиями вернуть германские колонии, изменить систему международных отношений, ущемляющую Рейх [6: 422-426]. Беседы советских дипломатов с британскими политиками и общественными деятелями в течение осени 1936 г. и анализ английской прессы свидетельствуют о том, что опасения перед растущей мощью Рейха усиливали в Лондоне антигерманские настроения [4: 102-103, 124].

Участие Германии в работе Комитета по невмешательству (далее – КПН) предоставляло Форин Офис возможность более широкого контакта с немецкой дипломатией в вопросах обеспечения общеевропейской стабильности [4: 39,102-103]. В ходе заседаний КПН (с 9 сентября 1936 г.) фашистские страны, при попустительстве британской стороны, затягивали решение принципиальных вопросов, касавшихся предотвращения эскалации испанского конфликта. После выдвинутых советской стороной справедливых обвинений в нарушении Германией и Италией Соглашения о невмешательстве, Берлин и Рим сформулировали в адрес Советского Союза ответные обвинения, не имевшие реальных оснований [7: 388-389]. С целью недопущения обострения разногласий вокруг испанской проблемы и сохранения хотя бы видимости невмешательства британской дипломатией была избрана тактика блокирования советских демаршей после выдвигаемых фашистскими представителями в КПН

обвинений в адрес СССР (октябрь 1936 г.) [10: 60-62, 74]. Подобные меры демонстрировали, также, и готовность официального Лондона «закрывать глаза» на явные нарушения Соглашения о невмешательстве со стороны Италии и Германии [1: 40-45, 128-130; 7: 389].

Речь главы Форин Офис Э. Идена в Парламенте 5 ноября 1936 г. должна была очертить контуры будущего сотрудничества Лондона и Берлина: «В Германии неоднократно делались заявления о желании более тесной англо-германской дружбы. Это желание находит сочувственный отклик в нашей стране. Есть, однако, два условия... Во-первых, эта дружба не может быть исключительной; во-вторых, она не может быть направлена против кого бы то ни было» [2: 24]. Спустя две недели, выступая в Лимингтоне, глава английского МИДа заявил, что Британия готова на соглашение с Германией, если последняя хотя бы частично откажется от политики вооружений и агрессивных намерений [5:11].

В конце 1936 г. процесс нормализации германо-британских отношений был законсервирован в силу значительного расхождения позиций по ведущим европейским проблемам, в том числе, и в испанском вопросе. Британская дипломатия переключилась на подготовку «джентльменского соглашения» с Италией. Германия в течение ноября 1936 г. – января 1937 г. продолжала настаивать, что ее вмешательство в испанский конфликт вызвано опасениями победы на Пиренейском полуострове коммунистического режима, а победа мятежников соответствует интересам Великобритании [9: 132-133; 8: 563, 694].

Характер внешнеполитической деятельности Берлина в декабре 1936 г. вызывал в Форин Офис неоднозначные оценки. Британский посол в Берлине Э. Фиппс высказывал мнение, что блестящий период бескровных побед Германии в результате нарушений Соглашения о невмешательстве, закончен и Гитлер в перспективе не рискнет нападать на прошедшую перевооружение Британию [8: 721-722]. Однако его коллега О. Сарджент дал итогам деятельности немецкой дипломатии другую оценку: вследствие многих факторов (затягивание испанского конфликта, что угрожало Гитлеру вовлечением в опасную военную авантюру; нерешенный колониальный вопрос; некоторые отклонения Италии от общего курса в рамках «оси» – подготовка соглашения с Британией) «окончание блестящего периода бескровных побед» Германии не сулит Англии улучшения международной обстановки, так как Берлин в свете этих внешнеполитических неудач будет стремиться к успехам, и не только дипломатическим [8: 743]. По точному наблюдению советского полпреда в Лондоне И. Майского, к концу декабря 1936 г. Британия решила выждать дальнейшего развития ситуации в Испании, чтобы с учётом новых факторов определить свою стратегию в отношении Германии [2: 33].

Речь Гитлера 30 января 1937 г. перечеркнула надежды кабинета Болдуина достичь в ближайшей перспективе договорённости с немецким руководством. Фюрер недвусмысленно дал понять, что Германия не пойдёт на уступки ради достижения стабильности в Европе [4: 37-38; 5:39]. В середине февраля рейхсминистр пропаганды Й. Геббельс подтвердил эту внешнеполитическую

установку, заявив, что Берлин не хочет европейской войны, но усиления большевизма в Европе не допустит [8: 232-233].

В британской стратегии на фоне испанского конфликта существенным был курс на усиление разногласий между Гитлером и Муссолини и максимально возможное ослабление германо-итальянского альянса. Мнение о временном характере сближения Берлина и Рима высказывалось в Форин Офис ещё 12 августа 1936 г.: сотрудник британского дипкорпуса в Италии Э. Ингрэм в беседе с советским поверенным в делах в Риме Л. Гельфандом заявлял, что как Гитлер, так и Муссолини не намерены всерьёз связывать с партнёром своё политическое будущее. Но сохранение видимости сближения дает фашистским державам возможность маневра в отношениях с другими европейскими странами [3: 116-119].

Согласно донесениям советских дипломатов, германское внешнеполитическое ведомство заверяло Лондон в конъюнктурном характере своего сближения с Италией и в готовности отказаться от него в случае дружественных шагов со стороны Англии [6: 579]. Накануне подписания «джентльменского соглашения» и Р. Ванситтарт, и А. Иден полагали, что завуалированную линию на отделение Рима от Берлина стоит продолжать, чтобы в дальнейшем иметь дело с «более разумной Германией» [7: 751-752].

В первой половине 1937 г. тактика разобщения фашистских режимов продемонстрировала свою малоэффективность: по мере увеличения вмешательства Италии в испанские события, особенно после ее поражения под Гуадалахарой (март 1937 г.), зависимость Рима от дипломатической и политической поддержки Берлина росла [10:40]. К середине апреля 1937 г. в руководстве Форин Офис сохранялись убеждения об отсутствии у фашистских государств оснований для действительно крепкого союза [8: 571,613-617]. В итоге правительству Болдуина не удалось ослабить итало-германские отношения, несмотря на то, что и Германия, и Италия, пусть в различной степени, но были заинтересованы в сотрудничестве с Англией.

Еще одним поводом для охлаждения отношений между Лондоном и Берлином стало принятие Великобританией в марте 1937 г. программы перевооружения. Военный министр правительства Болдуина А. Дафф-Купер открыто заявлял, что Англия вооружается для защиты своей Империи против Германии, Японии и Италии, но в первую очередь против Германии [5: 3; 8: 171, 267-268].

Весной 1937 г. берлинская дипломатия демонстрировала низкую активность в испанском вопросе, что нашло подробное объяснение в обзоре германской внешней политики, составленном 13 апреля Э. Фиппсом. Посол в Берлине констатировал, что в первые годы нахождения нацистов у власти Гитлер в сфере международных отношений отдавал приоритет процессу нормализации отношений с Англией. Однако, по мнению дипломата, нарастание германо-британских противоречий (в первую очередь, по колониальному вопросу) и недостаточная принципиальность Лондона в применении санкций к Италии после агрессии в Абиссинии снизили престиж Британии в убеждениях германского руководства. В свою очередь, испанский

конфликт сыграл важную роль в итало-германском сближении. Фиппс резюмировал, что «отношения Лондона и Берлина к настоящему моменту испорчены», и в качестве главных направлений германской внешней политики выделял: аншлюс Австрии и других немецкоязычных территорий (Судетская область Чехословакии); экспансию в Восточной Европе; возврат немецких колоний [8: 613-617].

Осторожность Британии в оценке германской тактики в испанском вопросе проявилась в событиях вокруг бомбардировки 26 апреля испанской Герники. Форин Офис не пошёл на обострение ситуации, несмотря на то, что английская пресса открыто обвиняла германских лётчиков в атаке на беззащитный испанский город [9: 283].

10 мая 1937 г. новый британский посол в Берлине Н. Гендерсон обозначил своё видение перспективы англо-германских отношений: в сложившихся обстоятельствах препятствия на пути сближения Берлина и Лондона практически непреодолимы. Англо-германское соглашение, предоставляющее Гитлеру свободу действий в приоритетных для него направлениях – Центральной и Восточной Европе, встретило бы ожесточённое сопротивление со стороны британской общественности и противодействие других государств [8: 865-866].

Пропагандистские и дипломатические усилия официального Лондона после прихода к власти кабинета Н. Чемберлена, известного своими умиротворительскими позициями, как раз будут сосредоточены на обеспечении лояльности политических и общественных кругов Великобритании в вопросе дальнейших уступок Германии и Италии в КПН с целью завершения испанского конфликта любой ценой и смещения вектора внешнеполитических амбиций Гитлера на восток.

Итак, позиция Германии в испанском вопросе, в частности, ее ограниченное, по сравнению с Италией, вмешательство в Гражданскую войну в Испании, давало английским политикам некоторые основания рассчитывать на то, что между Лондоном и Берлином есть основания для диалога. Значение испанского вопроса для Англии возросло с оформлением «оси» Берлин-Рим, хотя в реальности Форин Офис не верил в прочность данного союза и рассчитывал сыграть на разногласиях между фашистскими державами. В исследуемый период данная тактика успехов официальному Лондону не принесла.

Попытки германского руководства использовать фактор «коммунистической угрозы», ставший особенно актуальным с началом испанских событий, для сближения Берлина с Лондоном остались безуспешными. Во-первых, Англия не хотела разделением Европы на противоборствующие идеологические лагеря способствовать началу континентального конфликта. Во-вторых, агрессивность внешнеполитических планов Гитлера становилась всё очевиднее, обострялись германо-британские противоречия (в первую очередь, по колониальному вопросу) хУИЛИЬ.

Маневрирование Великобритании в Комитете по невмешательству между позициями ключевых его участников к середине 1937 г. трансформировалось в

явное сочувствие позициям Германии и Италии. В нарушении конструктивного диалога с Рейхом международные аспекты испанской проблемы носили скорее опосредованный характер. С середины 1937 г. германское руководство минимизировало вмешательство в испанские события, сведя его лишь к действиям ограниченного военного контингента и отдав итальянской дипломатии инициативу в ведении тактической борьбы в лондонском Комитете. Эта тенденция усложнила задачу поиска Британией компромиссов в испанском вопросе, интересующих Берлин (сглаживание инцидентов с германскими судами «Дойчланд» и «Лейпциг» и т.д.).

Умиротворение фашистских держав, ставшее основой британской внешней политики в 1937 г., всё ощутимее будет оказывать влияние на испанское направления деятельности Форин Офис. С целью защиты своих стратегических интересов приоритетной задачей на международной арене английское правительство Н. Чемберлена поставит поиск путей сближения с Германией. Ценой временного обеспечения британской национальной безопасности, наряду с регионами Восточной Европы, станет принесенная в жертву умиротворения республиканская Испания.

Литература

1. АВП РФ. Ф. 010 (Секретариат Н.Н. Крестинского). Оп. 11. П. 71. Д. 55.
2. АВП РФ. Ф.069 (Секретная референтура по Великобритании). Оп.21. П.62. Д. 4.
3. АВП РФ. Ф. 098 (Секретная референтура по Италии). Оп. 19. П. 141. Д. 658.
4. АВП РФ. Ф. 69 (Референтура по Великобритании). Оп. 24. П. 77. Д. 5.
5. АВП РФ. Ф. 69. Оп. 25. П. 81. Д. 11.
6. Документы внешней политики СССР. Т. 19. М., 1974. 823 с.
7. Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. 2nd ser. Vol. 17. L., 1979.
8. Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. 2nd ser. Vol. 18. L., 1982.
9. Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. III. Washington, 1950.
10. Малай В.В. Гражданская война в Испании 1936-1939 годов и Европа: международные аспекты конфликта. М., 2011. 291 с.
11. Leitz C. Nazi Germany and Francoist Spain 1936-1939 // Spain and Great Powers in the Twentieth Century. L., N.Y., 1999. P. 60-63.
12. Whealey R.H. Hitler and Spain. The Nazi Role in the Spanish Civil War 1936-1939. The University Press of Kentucky, 1989. 269 p.

Урывский А.П.
к.и.н., НИУ «БелГУ», Россия

ИТАЛО-ЭФИОПСКИЙ КОНФЛИКТ И АНГЛО-ГЕРМАНСКИЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В 1935–1936 ГГ.

В статье показана динамика развития колониальных противоречий Британии и Германии на фоне обострения и военной эскалации абиссинского кризиса 1935-1936 гг. На основе анализа документов английского Министерства иностранных дел рассмотрена дипломатическая стратегия обеих стран в поисках компромисса по данной проблеме для достижения внешнеполитического взаимопонимания в связи с пересмотром Версальской системы международных отношений. В работе прослеживается связь итало-эфиопского конфликта и немецкого колониального вопроса в контексте англо-германских отношений.

Ключевые слова: колониальный вопрос, абиссинский кризис, Лига Наций, санкции.

Uryvsky A.P.
Belgorod National Research University, Russia

THE ITALO-ETHIOPIAN CONFLICT AND THE ENGLISH-GERMAN COLONIAL CONTRADICTIONS, 1935-1936

The dynamics of development of colonial contradictions between Britain and Germany in connection with increasing tension and military escalation of the Abyssinian crisis, 1935-1936, is shown in article. The diplomatic strategy of both countries in search of a compromise and mutual foreign policy understanding is considered on the analysis of documents of the British Ministry of Foreign Affairs. It is studied in the context of the Versailles international relations system's revision. The connection between the Italian-Ethiopian conflict and the German colonial question in the context of Anglo-German relations is shown.

Key words: a colonial question, the Abyssinian Crisis, the League of Nations, sanctions.

Одной из важнейших внешнеполитических задач нацистской Германии, как известно, был возврат колоний, потерянных в результате I мировой войны. Колониальные претензии Германии были основаны, во-первых, на чувстве международного престижа и, во-вторых, на экономической необходимости.

Проблемы колоний занимали с середины 1930-х годов важное место и в англо-германских отношениях, вписываясь в политику «умиротворения» Германии, вплоть до начала второй мировой войны проводившуюся премьер-министром Великобритании и казначейством.

В марте 1935 г. Гитлер очередной раз подчеркнул, что Германия, по его предположению, будет в состоянии неравенства и неполноценности, пока ей отказывают в колониях. Председатель Рейхсбанка Х. Шахт, министр экономики Германии, постоянно придавал особое значение потребности страны иметь тропическую территорию для получения сырья. Государство нуждалось в «жизненном пространстве», а колонии – надлежащий признак великих держав, в число которых Германия стремилась вернуться [3: 713, 716, 718].

Настаивание Германии на равных правах, включая право на заграничное имущество, вело, в определенной степени, к форсированию итало-эфиопского

конфликта, что отразилось и на работе конференции в Стрезе в апреле 1935 г. Итальянские политики продолжили рассуждать о трудностях колониального положения своей страны. Они помнили, что благодаря Великобритании и Франции, ей отказали по итогам Первой мировой войны в любой из желаемых колоний. Итальянское правительство было уверено, что Германия тоже политически заинтересована в Абиссинии [2: 225]. Убежденность, что Германия, вероятно, потребует некоторое количество колониальных владений или мандатов увеличила и ускорила итальянское стремление обеспечить свой контроль над Эфиопией, которая расценивалась как естественное наследование [2: 759].

Германия, отменив односторонним актом (16 марта 1935 г.) ограничения Версальского договора и стремясь использовать затруднения Англии на Дальнем Востоке и ее обострившийся конфликт с Италией, в «обмен» на поддержку политики Англии выдвигала условия: большой заём для финансирования будущей войны на «востоке Европы», согласие Англии на возвращение Германии ее бывших колоний и «аншлюс» Австрии. Не выступая открыто против колониальных захватов Италии и даже усиленно снабжая ее стратегическим сырьем, Германия, прежде всего, требовала от Италии отказа от ее претензии на Австрию [1: 158].

Британское положение и влияние в Европе воспринимались конкурентами как достаточно высокое. Британский престиж достиг своеобразной высоты к концу 1935 г. (когда считалось, что Англия, во главе Лиги наций, могла бы остановить абиссинскую авантюру Муссолини). В то же самое время, ощущая рост сил соседей, Гитлер решил, что наступил момент раскрыть свои «колониальные стремления» [4: 614].

Правительство Его Величества тогда не было готово рассматривать и обсуждать перспективу уступки любой из подмандатных британский территорий и, тем более, передачи Германии какого-нибудь из колониальных владений. С другой стороны, в некотором сегменте общественного мнения страны было распространено убеждение, что «кое-что должно быть сделано» для Германии в колониальной сфере [3: 719].

В ноябре 1935 г. помощник зам. министра иностранных дел Великобритании О. Сарджент, обсуждая санкции Лиги наций, не выражал надежды ограничить претензии Германии на территориальное расширение угрозой экономических санкций, как в случае, примененном против Италии. Тем более что Гитлер не затевал пока никаких конфликтов или войн, подобных агрессии Муссолини в Абиссинии. Со стороны фюрера наблюдалась в тот период только демонстрация военного превосходства, а затем выдвигались требования требование «пересмотра соглашения» по направлениям, желаемым Германией [3: 268].

В обсуждение ситуации британским министерством иностранных дел был положен Меморандума от 21 ноября 1935 г., подготовленный сотрудниками Сэрджентом и Вигрэмом. В нем содержалось предварительное заключение на предмет англо-немецкого соглашения: дальнейшее развитие проблемы могло заключаться в достижении Британией и Францией соглашения с Германией по

основам колониального урегулирования. Это гарантировало бы статус-кво относительно демилитаризованной Рейнской зоны и позволяло Великобритании и Франции «смягчить развитие немецких целей в Центре и Востоке Европы». При этом препятствиями для достижения соглашения с Германией назывались обязательства по санкциям Лиги наций, британское общественное мнение, едва ли не единодушно поддерживавшее действия Лиги в абиссинском вопросе. В итоге это могло привести к потере потенциальных союзников в Восточной и Центральной Европе и переориентировать их в германский лагерь [3: 724].

Категорически против обсуждения с Германией ее колониальных требований был один из влиятельных британских чиновников – руководитель Северного департамента МИД Великобритании Лоренс Кольер. По его мнению, высказанному на следующий день после представления Меморандума, содержащиеся в нем предложения не продолжили бы традиционную политику, а аннулировали ее. Единственно мудрым и безопасным курсом должно было стать постепенное рассмотрение ряда вопросов, таких как Воздушный договор с Германией при твердом отказе быть вовлеченными в любое разбирательство по колониальным требованиям. Целесообразным признавалось предложение, сделанное министром иностранных дел Великобритании Сэмюэлем Хором на Ассамблее Лиги в сентябре 1935 г., обсудить проблемы распределение сырья или немецкие претензии в Восточной Европе [3: 730].

Подводя итоги (1 декабря 1935 г.), зам. министра иностранных дел Великобритании Роберт Ванситтарт оценил взгляды Кольера как негативные, отталкиваясь от предположения, что Германия будет расширяться «так или иначе, и где-нибудь». Он предпочитал, чтобы это было сделано в Африке. Ванситтарт считал в то время колониальные концессии «единственным предохранительным клапаном к немецкому экспансионизму». Дебаты в британском МИДе носили пока в большей степени академический характер. Дальнейшее обсуждение их было приостановлено до начала 1936 г. [3: XIV-XV]

Немецкая проблема была проанализирована в меморандуме Ванситтарта в начале февраля 1936 г. Документ заканчивался предложением достигнуть соглашения с Германией не за счет других государств Европы, а за «собственный счет, то есть, в Африке реституцией прежних колоний Германии». Однако такое предложение колониального решения не нашло поддержки на встрече чиновников, собранных Иденом 3 февраля [3: 624-626]. Проблема колоний заняла свое место среди множества других возможных оснований для соглашения с Германией.

Предполагалось, что Германии будет достаточно уступки некоторых территорий в Африке, производящих сырье. Но английский посол в Берлине Эрик Фиппс предупреждал, что Германия будет удовлетворена, в конечном счете, не чем иным, как ретроцессией в полном суверенитете (никаких мандатов) всей ее прежней колониальной империи. Два опубликованных меморандума Министерства иностранных дел Германии на предмет «немецких

колониальных устремлений» давали серьезные основания предполагать, что немецкие колониальные аппетиты не удовлетворятся даже возвратом всех ее бывших колониальных территорий [3: 718-719].

Передача в соответствии с соглашением мандата правительства Великобритании Германии не представляла процедурных трудностей, требовалось лишь согласие Совета Лиги Наций в дополнение к соглашению между двумя странами, которое в сложившейся ситуации могло быть получено. Но возвращение территорий Германии как колоний, которые она должна была держать свободными от принудительных ограничений, представляло серьезные трудности. Это бы весьма расходилось со ст. 22 Соглашения о Лиге и потребовало бы ее поправки. Такую поправку была бы очень трудно получить, потому что, во-первых, это противоречило положению об отказе от применения принудительного принципа к Германии, предоставлявшего свободу рук в таких делах как военная подготовка населения колонии; во-вторых, согласно мандату, все члены Лиги имели право на коммерческое равенство и отказались бы лишиться его. Кроме того, Соединенные Штаты могли бы возразить против любой договоренности, которая лишала их коммерческих прав, которыми в равной мере с Великобританией они в то время обладали на подмандатных территориях. Великобритания не могла ответить на это утвердительно, разве что, взамен обязательства Германии возвратиться в Лигу, ее согласия на серьезные меры по ограничению вооружений и не предъявлять дальнейших территориальных претензий в Африке или Европе [3: 789-790].

В начале февраля 1936 г. Ванситарт подчеркнул: «Я, конечно, избавился бы от демилитаризированной зоны в пользу Германии. И я восстановил бы ее колонии». Все концессии, однако, не должны были отдаваться, пока не было уверенности, «что реальное политическое урегулирование действительно возможно». На это зам. министра иностранных дел Великобритании Джеймс Стенхоуп заметил, что он не был «сторонником предложений Ванситарта за исключением того, что тот предлагает ждать и смотреть» [3: 620].

Однако колониальное расширение Муссолини уже привело Италию ко все большей зависимости от немецкой поддержки. Гитлера удовлетворяло видеть итальянцев, впутанных в африканскую военную авантюру. Германия, как известно, поставляла оружие абиссинцам, чтобы продлить спор и отвлечь итальянские силы от Европы. В то же самое время, абиссинская авантюра отдала Италию от Великобритании и Франции. Осуждение Лиги наций оставило ее на время изолированной. Используя концентрацию европейских держав на Муссолини и на Абиссинии, Гитлер решил, что пришло время вернуть и милитаризовать Рейнскую зону. Ремилитаризация 7 марта 1936 г. была, в том числе, и дальнейшим вызовом желанию британского правительства обеспечить мирный и аккуратный пересмотр версальских положений. Поскольку английское правительство было ограничено в возможностях продемонстрировать Гитлеру согласие на ремилитаризацию Рейнской зоны как части общего пакета мер, который мог бы включать воздушный договор, немецкое возвращение в Лигу наций, мирный пересмотр восточных границ Германии и возвращение прежних немецких колоний. Гитлер

продемонстрировал еще раз, как и в политике перевооружения, что он предпочитал достигать своих целей односторонними военными действиями, а не участвуя в многосторонних дипломатических дебатах.

Таким образом, настаивание Германии с марта 1935 г. на равных правах, включая право на заграничное имущество, вело, в определенной степени, к форсированию итало-эфиопского конфликта. Итальянское правительство было уверено, что Германия тоже политически заинтересована в Абиссинии. Убежденность, что Германия, вероятно, потребует некоторого количество колониальных владений или мандатов увеличила и ускорила итальянское стремление обеспечить свой контроль над Эфиопией. В то же самое время Гитлер решил, что наступил момент раскрыть свои колониальные претензии.

На внешнюю политику Рейха в течение всех предвоенных лет ощутимо влияло наложение и последующий отказ от санкций Лиги наций против Италии. Как считал посол Великобритании в Берлине Эрик Фиппс, взаимопонимание с Англией было бесспорной целью Гитлера и нацистской партии еще до победы Италии в Эфиопии, приведшей к ощутимому падению британского престижа и увеличению причин трения между странами. Но ответственные круги в Берлине не считали удобным то время для нарушения колониальных границ в Африке. Колониальный вопрос поднимался и использовался ими в тот период для давления на Англию в поисках ее согласия с немецкими планами на востоке Европы [4: 613-614].

Правительство же Британии не было готово рассматривать перспективу уступки любой из подмандатных территорий и, тем более, передачи Германии какого-нибудь из колониальных владений.

Литература

1. Шталь *А.В.* Малые войны 1920-1930-х годов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 544 с.
2. Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. – 2nd ser. – Vol. XIV. The Italo-Ethiopian Dispute. March 1934 – October 1935. – L.: Her Majesty's Stationery Office, 1976. – 790 p.
3. Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. – 2nd ser. – Vol. XV. The Italo-Ethiopian War and German Affairs. Oct.3, 1935 – Febr. 1936. – L.: Her Majesty's Stationery Office, 1976. – 791 p.
4. Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. – 2nd ser. – Vol. XVIII. European Affairs. Jan. 2, 1937 – Jun. 30, 1938. – L.: Her Majesty's Stationery Office, 1982. – 1027 p.

Фомичев Н.Н.
НИУ «БелГУ», Россия

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В
ИСПАНИИ (1936-1939) В ВОСПРИЯТИИ БРИТАНСКИХ
ЛЕЙБОРИСТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ *DAILY HERALD*)**

Статья посвящена анализу внешнеполитической концепции британских лейбористов 2-й пол. 1930-х на примере освещения испанских событий 1936-1939 в ведущем печатном органе Лейбористской партии – газете *Daily Herald*. На материале испанской войны ярко прослеживается противоречивое отношение британских левых к сложным международным проблемам кануна Второй мировой войны.

Ключевые слова: Великобритания, Гражданская война в Испании 1936-1939, *Daily Herald*, Лейбористская партия Великобритании, невмешательство.

Fomichev N.N.
Belgorod National Research University, Russia

**FOREIGN POLICY ASPECTS OF SPANISH CIVIL WAR (1936-1939) FROM
THE PERSPECTIVE OF THE BRITISH LABORITES (ACCORDING TO
DAILY HERALD ARTICLES)**

In the article the foreign policy of the British Labour in the 2-nd half of 1930-s on the example of the Spanish events of 1936-1939 presented by the leading organ of the Labour Party - *Daily Herald* is analyzed. On a material of the Spanish War the discrepant attitude of the British Left to complex international problems on the eve of the Second World War is observed.

Key words: Great Britain, The Civil War in Spain 1936-1939, *Daily Herald*, British Labour Party, Non-intervention.

Несмотря на то, что отдельными британскими изданиями отмечалась тревожная атмосфера разобщенности, которая сложилась в испанском обществе накануне военного мятежа 17-18 июля 1936, начавшаяся Гражданская война стала для британской общественности во многом неожиданностью [Manchester Guardian. 1936. 3 Feb.]. Вооруженное противостояние вызвало всплеск интереса к проблемам стран Пиренейского полуострова.

Газета *Daily Herald* издавалась с сентября 1922, являясь официальным органом Лейбористской партии Великобритании, а также Генерального Совета Тред-юнионов [1]. Это было ведущее и наиболее тиражируемое профсоюзное издание 2-й пол. 1930-х. В апреле 1938 тираж газеты, выпускаемой независимым издательством «Одамс» составлял более 2 млн. в день. На посту главного редактора в 1936-1939 сменились В. Х. Стивенсон (1931-1937) Ф. и Вильямс (1937-1940) [2].

Провозгласив «невмешательство» в Гражданскую войну в Испании (15 августа 1936), и активно работая в созданном в Лондоне в конце августа 1936 Комитете по невмешательству в испанские дела (вошли почти все европейские страны), Великобритания, тем не менее, не смогла полностью устраниваться от происходивших событий. «Национальные» (коалиционные) правительства С.

Болдуина (июнь 1935-май 1937, ранее на должности премьер-министра 1923-1924, 1924-1929) и Н. Чемберлена (май 1937-май 1940), вынуждены были отстаивать частные интересы британских подданных, оказавшихся по разным причинам на Пиренеях или имевших там вложения или собственность. Эти вопросы, в частности, интенсивно обсуждались на заседаниях Британского Парламента 17, 18, 20, 21 и 23 июля 1936 [3].

Лейбористская партийная линия в вопросе невмешательства претерпела определенную эволюцию. Партийная верхушка Лейбористской партии первоначально не высказывалась однозначно против политики правительства, однако внутри партии существовало сильное оппозиционное течение, и в итоге она все более склонялась к сопротивлению невмешательству. По данным британского испаниста Томаса Х. на партийной конференции в Эдинбурге 5-7 октября 1936 большая часть голосов была подана против поддержки этой внешнеполитической линии [4]. С середины 1937 *Daily Herald* следуя курсу Лейбористской партии, осуждала все проявления политики невмешательства, часто публиковала речи лейбористских депутатов Парламента, интервью противников этой внешнеполитической линии. Хотя встречались и мнения об определенной «моральной» пользе невмешательства, как некоего стабилизирующего фактора. Позже, когда стал очевидным полный крах невмешательства, на партийной конференции в марте 1938 г. лейбористы выдвигали требования свержения правительства Чемберлена, разрыва Соглашения о невмешательстве, немедленной помощи Испанской Республике и усиления интербригад [*Daily Herald*. 1938. 29 Mar.]

Нападения на британские корабли были одной из важнейших тем при описании испанских событий и в ведущем лейбористском издании [*Daily Herald*. 15 Sep., 21,23 Oct., 3 Nov. Ibid. 1938. 16 Aug. etc.]. Без сомнения, франкистские бомбардировки и гибель британских подданных оказывали существенное влияние на общественное мнение в Соединенном Королевстве, настраивая его против испанских националистов.

Не менее важной проблемой оставалось сохранение Гибралтара. *Daily Herald* неоднократно публиковала материалы об угрозе британскому суверенитету в этом регионе со стороны правительства Национальной Испании [*Daily Herald*. 1937. 14 Apr., 1938 12 Aug., 29 Sep. etc.].

На страницах *Daily Herald* часто появлялись репортажи о командировках корреспондентов в охваченную Гражданской войной Испанию. В октябре 1936 газета неоднократно выражала протест в связи с «задержками» разбирательств многочисленных нарушений положений о невмешательстве со стороны Италии и Германии. Выдержки из подобного обращения, под которым подписались глава Конгресса тред-юнионов В. Ситрайн, исполнительный секретарь Лейбористской партии Д. Миддлтон и парламентский секретарь лейбористской фракции в Парламенте С. Линдсэй были опубликованы в одном из номеров *Daily Herald* [*Daily Herald*. 1936. 23 Oct.].

Критиковалось применение британским правительством закона о призыве в иностранные войска британских подданных применительно к Испании периода Гражданской войны 1936-1939. Этот акт отказывал британцам в праве

наниматься в иностранные вооруженные силы [Daily Herald. 1937. 20 Jan.]. Испанские интернационалисты, сражавшиеся на стороне Республики были поставлены вне закона. Лейбористы выступили против такого положения вещей. И, тем не менее, позиция *Daily Herald* в отношении невмешательства была неустойчивой. Неоднократно отмечалось что это «меньшее из зол» [Daily Herald. 1936. 1 Dec.]

В целом положительно была принята идея патрулирования испанских территориальных вод инспекторами КПН для пресечения торговли оружием с воюющими сторонами. Сроки начала инспекций активно обсуждались в различных изданиях. *Daily Herald* сообщала, что датой их начала будет промежуток времени между 10 и 22 февраля 1937 [Daily Herald. 1937. 10 Feb.]. На заседании КПН 5 мая 1937 было объявлено, что схема контроля за прибытием волонтеров в Испанию уже работает в полном объеме с 30 апреля 1937 г. Однако, подчеркивалось бездействие Лиги Наций в ходе испанского кризиса [Daily Herald. 1937. 15 Mar.; Ibid. 1937. 16 Mar.].

Итаलो-германская интервенция в Испании однозначно порицалась в ведущем британском печатном лейбористском органе. Статья «Пора прекращать переговоры» была посвящена позиции Германии по Испании. В ней с небольшими сокращениями приводилась речь Гитлера на съезде нацистской партии в Нюрнберге (август 1937), где он обосновывал германскую интервенцию на Пиренеях. Газета однозначно отвергала посылы фюрера об «угрозе большевистской Испании для всей Европы» [Daily Herald. 1937. 7 Aug.].

Daily Herald уделяла значительное внимание вопросам солидарности мирового рабочего и профсоюзного движения с испанскими республиканцами. В частности, в ноябре 1936 сообщалось, что «Скандинавский профсоюз работников транспорта» провел конференцию в Гетеборге (Швеция), посвященную испанскому вопросу. На заседании было решено осудить запрет на поставку оружия законному правительству Испании [Daily Herald. 1936. 26 Nov.]. Можно также привести выдержки из материалов о конференции Генерального совета кампании за мир, возглавлявшимся британским общественным и политическим деятелем, пацифистом лордом Сесилем. Он был сторонником применения экономических и военных санкций со стороны Лиги Наций к признанным нарушителям мира в Испании (имелись ввиду Италия и Германия) [Daily Herald. 1937. 16 Mar.]. В. Гиллис Международный секретарь Лейбористской партии солидаризовался с ним [Daily Herald. 1937. 25 Jun.; Ibid. 1938. 12 Jul.].

Daily Herald в статье «Царство итальянского террора на мятежном острове» (август 1936) повествовала о жестком военном режиме, установленном итальянцами на Майорке [Daily Herald 1936. 11 Aug.]. Важное уточнение по поводу участия иностранных контингентов в армии ген. Франко давалось Ф. Г. Сторком – нидерландским корреспондентом газеты. По его данным в армии испанских националистов сражалось к началу 1938 г. более 500 тыс. чел. Из них собственно испанцев - 280 тыс., Испанский Иностраный легион - 15 тыс., марокканцы до 80 тыс. Зарубежные контингенты: итальянцы –

120 тыс. и дивизия добровольцев «Черные стрелы», немцы – 20 тыс., французы, британцы и ирландцы – в общей сложности менее 2 тыс. [Daily Herald. 1937. 21 Nov].

Антифранкистская тенденция в *Daily Herald* постоянно нарастала. Газета писала о том, что генеральный штаб мятежников разработал стратегию по нападению на Францию в ответ на якобы имевшие место планы второго кабинета Блюма (март-апрель 1938 г.) по взятию под контроль различных объектов на Минорке и в Каталонии [Daily Herald. 1938. 1 Jul.]. Примечательной представляется тактика *Daily Herald*, направленная на создание впечатления о существенных противоречиях в лагере противников Республики. В частности о желании Муссолини ограничить или прекратить помощь Франко (апрель 1937) [Daily Herald. 1937. 11 Apr.; Ibid. 26 Apr.]. Формировался устойчивый уничижительный образ франкистского режима [Daily Herald. 1937. 9 Aug.].

Анτισоветский мотив на страницах ведущего Лейбористского издания просматривался слабо. В тоже время военные поставки из СССР, даже в критический период наступления националистов на Мадрид (октябрь 1936) в Испанию осуждались [Daily Herald. 1936. 23 Oct.]. В целом *Daily Herald* больше внимания уделяла дипломатической стороне советской роли в испанском противостоянии. Также ведущее лейбористское издание писало о гуманитарных сборах в Советском Союзе для помощи Испании (сентябрь 1937) [Daily Herald. 1937. 16 Sep.].

Довольно часто критике за действия в Испании подвергалось в издании собственное правительство. Показательна трактовка отношения британского министерства иностранных дел к сообщениям о высадке немцев и итальянцев в Испании. *Daily Herald* (декабрь 1936) обвиняла Идена в том, что он скрывает от общественности истинные размеры итало-германской интервенции в Испании [Daily Herald. 1936. 12 Dec.].

Знаменательно, что проблема иностранных добровольцев в республиканской армии не подверглась широкому обсуждению на страницах *Daily Herald*. Замалчивание ее во многом было связано со стремлением не вступать в активное противоборство с собственным правительством, настроенным, в целом, про-франкистски. «Умеренность» лейбористской линии проявилась и в том, что профсоюзные круги не поддержали идею «единой кассы» для помощи пострадавшим от войны в Испании. *Daily Herald* писала об отдельных от британских коммунистов гуманитарных кампаниях [Daily Herald. 1936. 8 Sep., Ibid. 1937. 5 Apr.].

В *Daily Herald*, в целом, симпатизировавшей Республике, особый акцент был сделан на революционном и антифашистском характере событий в Испании 1936-1939. Широкое освещение получил мотив солидарности с Республикой. В качестве примера можно привести, выступление американской анархистки Э. Гольдман на митинге в пользу населения Мадрида, речи В. Ситрейна, поездка с инспекцией в Испанию сопредседателя Социалистического рабочего интернационала Л. де Бруккера и т.д. [Daily Herald. 1937. 19 Jan.; Ibid. 16 Sep.]

Мятежники наделялись такими качествами как: жестокость и фанатичность [Daily Herald. 1936. 12 Aug.]. Также и в *Daily Herald* к концу Гражданской войны в Испании наметилась тенденция к масштабной дискредитации политики националистов. Корреспондент издания К. Скотт-Венсон, писал что, несмотря на миротворческие усилия правительства Х. Негрина (т.н. «13 пунктов»), Франко в одном из выступлений заявлял, что «гражданская война закончится не раньше, чем будет уничтожена Барселона» [Daily Herald. 1938. 15 Oct.]. В другом номере газета сообщала, что «Франко похоже перенял «антиеврейскую горячку» вслед за Гитлером [Daily Herald. 1938. 15 Dec.]. Симптоматичны и публикации о репрессиях в отношении республиканцев и сочувствующих им на территории, занятой националистами. *Daily Herald* писала, в частности о специальных военно-полевых судах, которые были введены одним из декретов правительства националистов [Daily Herald. 1939. 23 Feb.]. В британской прессе активно дискутировался вопрос предоставления права воюющей стороны мятежникам. *Daily Herald* крайне негативно оценивала подобную перспективу [Daily Herald. 1937. 19 Jul.].

В целом, можно отметить, что с началом Гражданской войны в Испании в июле 1936 существенно вырос интерес к этой стране, что отразилось на страницах *Daily Herald*. Издание было одним из самых тиражируемых в Великобритании в рассматриваемый период, четко следовала политике Лейбористской партии. Партийная линия в отношении невмешательства в испанские события продемонстрировала определенную эволюцию от нейтральных трактовок до резкого неприятия. Дискуссионными стали острые проблемы уязвимости Гибралтара, нападений испанских националистов на британские гражданские и военные суда. Критиковались все виды итало-германского вмешательства в Гражданскую войну 1936-1939 (военное участие, пропаганда, дипломатическая поддержка режима ген. Франко). Антисоветский мотив в публикациях *Daily Herald* был выражен менее явно, однако прямое советское участие в испанских событиях также не принималось. Замалчиванию подверглась проблема интербригад. Лейбористы также проводили тактику обособления от других левых сил в гуманитарном аспекте испанского конфликта 1936-1939. *Daily Herald* подчеркивался антифашистский характер испанской войны, Республика героизировался. Разноплановый образ врага был создан в отношении режима ген. Франко.

Литература

1. Lansbury, G. *The Miracle of Fleet Street: The Story of Daily Herald*. Nottingham, Spokesman. P. 4.
2. Cockett, R. *Twilight of Truth: Chamberlain, Appeasement and Manipulation on the Press*/ R. Cockett. – NY.: St. Martin's press. 1989. P. 25-26.
3. Отчеты о заседаниях Британского Парламента 1936 г. июль 1936. Эл. Ресурс. Режим Доступа: [<http://hansard.millbanksystems.com/commons/1936/jul/27/spain>].
4. Томас, Х. *Гражданская война в Испании, 1931-1939*/ Х. Томас. – М.: Центрполиграф, 2003. С. 296.

Научное издание

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ,
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ**

Материалы II Международной научной конференции
(20-21 апреля 2016 года, Белгород, Россия)

**ACTUAL PROBLEMS OF LINGUISTICS, LITERATURE STUDIES,
INTERCULTURAL COMMUNICATION AND LINGUODIDACTICS**

Proceedings of the 2nd International scientific conference
(April 20-21, 2016, Belgorod, Russia)

Публикуется в авторской редакции
Оригинал-макет: Л.П. Котенко

Подписано в печать 14.04.2016. Формат 60×90/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. п.л. 33,1. Тираж 135 экз. Заказ 82.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48